
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301281 2

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ.

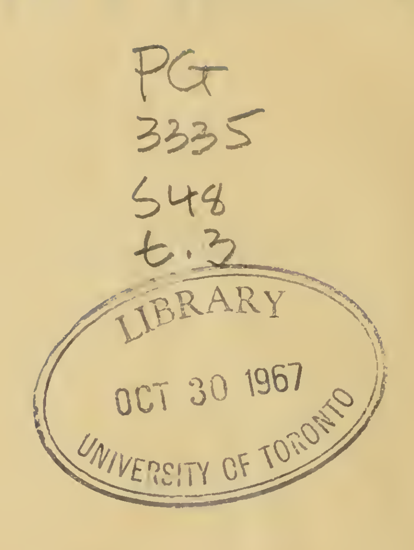
В. И. Шенрока.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1895.

PG
3335
S48
t.3
LIBRARY
OCT 30 1967
UNIVERSITY OF TORONTO

ПРЕДИСЛОВІЕ.

2-й томъ настоящаго труда вызвалъ слѣдующія рецензіи:

«Русская Мысль» (1893, II),
«Вѣстникъ Европы» (1893, III),
«Кіевская Старина» (1893, III),
«Наблюдатель» (1893, IV),
«Русская Старина» (1893, IV),
«Историческій Вѣстникъ» (1893, V),
«Сѣверный Вѣстникъ» (1893, V),
«Русскій Вѣстникъ» (1893, V), (см. прилож., стр. 543).
«Русское Обозрѣніе» (1893, V),
«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1893, VI).

Самымъ большимъ препятствіемъ для нашего труда служило и теперь, какъ при изданіи предыдущихъ томовъ, черезчуръ медленное появленіе въ печати нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ для насъ документовъ (напр. въ настоящемъ случаѣ пріостановка печатанія въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» «Записокъ Смирновой») и трудность объединенія многихъ статей нашихъ, печатавшихся сперва въ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы» и «Артистѣ»). Затѣмъ встрѣчались годы, въ продолженіе которыхъ мы

имѣемъ нѣсколько сбивчивыя хронологическія данныя, касающіяся писемъ Гоголя, — именно *осень 1839 г.* (см. ниже) *и лѣто 1837 г.,* когда переписка нашего писателя надолго прекращается, и мы теряемъ возможность, такъ сказать, слѣдить за ней по пятамъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы сочли своимъ долгомъ не останавливаться даже передъ мелочными справками, чтобы по возможности сгруппировать и указать всѣ сюда относящіяся данныя. Полагаемъ, что несправедливо было бы требовать совершеннаго устраненія этихъ пробѣловъ, едва ли вообще устранимыхъ. Слѣдующее замѣчаніе наше касается характеристики *господствующихъ* настроеній нашего писателя въ разныя эпохи его жизни: мы старались разсмотрѣть съ возможной подробностью все, что̀ въ данномъ случаѣ представляютъ изслѣдователю существующіе источники, и заранѣе предупреждаемъ, — въ виду возможныхъ придирчивыхъ возраженій, основанныхъ на какой-нибудь случайно выхваченной фразѣ, — что мы сочли бы лишь то возраженіе серьезнымъ, которое такъ или иначе выдвигало бы вѣроятность иного объясненія опять-таки именно *всего господствующаго настроенія Гоголя въ разсматриваемое время.*

Затѣмъ въ главѣ объ исполненіи пьесъ Гоголя на сценѣ, по весьма понятнымъ причинамъ, мы говорили весьма немного о самомъ близкомъ къ намъ времени. Наконецъ, по независящимъ отъ насъ причинамъ, мы вынуждены отложить до слѣдующаго тома разборъ свѣдѣній о сношеніяхъ Гоголя съ «змартвыхстанцами», разсказанныхъ въ сочиненіи Смоликовскаго «Historya zgromadzenia Zmartwychstania Pańskiego» (2 tomy. Krakow. 1892—1893) и тамъ же будетъ упомянуто о встрѣчѣ Гоголя съ С. Бевомъ («Premiers Lundes», III, 24, Paris. 1878 Callman Levy), относящейся уже къ 1845 г.

Также войдутъ въ слѣдующій (послѣдній) томъ и многія другія, намѣренно здѣсь пропущенныя подробности и факты, напр. о томъ, что Гоголь предполагалъ въ Лермонтовѣ великаго живописца русской жизни и проч. — Относительно цитатъ изъ Бѣлинскаго, въ виду приблизительнаго сходства страницъ въ разныхъ изданіяхъ, въ случаѣ являющихся отсюда неизбѣжныхъ небольшихъ затрудненій, читатель благоволитъ искать указываемыя мѣста на ближайшихъ къ отмѣченнымъ страницамъ[1]).

По поводу недавно сдѣланнаго возраженія П. Д. Боборыкина («Починъ», 1895) противъ общераспространеннаго мнѣнія о томъ, что Гоголя слѣдуетъ считать отцомъ всего послѣдующаго литературнаго періода, позволимъ себѣ замѣтить, что, признавая нѣкоторыя изъ замѣчаній г. Боборыкина вполнѣ справедливыми, мы не можемъ, однако, согласиться съ мыслью перенести въ данномъ случаѣ все значеніе Гоголя на Пушкина, такъ какъ напр. отъ драматическихъ произведеній Пушкина («Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Русалка» и проч.) уже никоимъ образомъ нельзя вести современную драму, а равно и большинство эпическихъ произведеній Пушкина («Египетскія Ночи», «Гости съѣзжались на дачу», «Арапъ Петра Великаго», «Пиковая Дама») не имѣли, на мой взглядъ, такого рѣшительнаго вліянія на созданіе натуральной школы, какъ «Мертвыя Души» и повѣсти Гоголя. Кромѣ того несомнѣнно, что Гоголь своими созданіями далъ сильный толчекъ общественно-критической мысли и, что

[1]) Мы пользовались слѣдующими изданіями Бѣлинскаго: 1-й томъ — изд. 1881 г., 2-й 3—5 изд., 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 12—4 изд., 10 и 11 — 3-ье изданіе.

чрезвычайно важно, *съ истинно гуманнымъ чувствомъ отнесся и научилъ относиться другихъ къ несправедливо обиженнымъ и угнетаемымъ*. Замѣчанія П. Д. Боборыкина всѣ вообще чрезвычайно интересны и важны, и довольно симпатичны стремленіемъ подвергнуть критикѣ почти безапелляціонно установившееся мнѣніе; всякій такой пересмотръ ходячихъ мнѣній нельзя не привѣтствовать; но все же многое въ этихъ замѣчаніяхъ гораздо болѣе справедливо въ примѣненіи къ роману — главному предмету обсужденія въ статьѣ почтеннаго писателя, — нежели къ литературѣ въ ея полномъ объемѣ[1]).

---

[1]) Мысли эти, высказанныя нами по поводу реферата П. Д. Боборыкина въ одномъ изъ закрытыхъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности въ концѣ 1894 г., позволяемъ себѣ вновь повторить здѣсь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Н. В. ГОГОЛЬ.

ПЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

1836—1841 гг.

ПОСТАНОВКА НА СЦЕНУ

„РЕВИЗОРА"

и отъѣздъ Гоголя за-границу.

I.

1836-ой годъ во многихъ отношеніяхъ былъ роковымъ для Гоголя. Съ этого времени начинается его многолѣтняя скитальческая жизнь за-границей, имѣвшая огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашего писателя. Шагъ, сдѣланный имъ при оставленіи родины, оказался гораздо болѣе серьезнымъ, нежели можно было предполагать сначала: никто изъ знакомыхъ Гоголя, конечно, не думалъ, что поѣздка, предпринятая вначалѣ для отдыха и поправленія здоровья, незамѣтно вовлечетъ его не только въ новыя условія жизни, но и въ иныя отношенія, и проведетъ рѣзкую черту между его прошлымъ, и тѣмъ, что̀ ожидало его впереди. Иначе смотрѣлъ на это самъ поэтъ, — частью уже таившій въ душѣ завѣтную мечту пожить подольше въ чужихъ краяхъ, не открывая, впрочемъ, преждевременно своего плана никому изъ самыхъ близкихъ людей, — частью же, быть-можетъ, не сразу выяснившій самому себѣ предстоявшій ему надолго образъ жизни, такъ какъ въ первый разъ свой взглядъ на путешествіе, какъ на продолжительный искусъ, посланный ему Провидѣніемъ, Гоголь высказалъ уже съ дороги въ письмѣ къ Жуковскому изъ Гамбурга[1]), а до тѣхъ поръ намѣренія

---

[1]) Въ началѣ письма къ Жуковскому отъ $^{28}/_{16}$ іюня 1836 г. изъ Гамбурга Гоголь говоритъ: «Отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится *на нѣсколько лѣтъ*» («Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 950) и далѣе: «Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но *ни за что въ свѣтъ не возвращусь скоро*» (тамъ же, стр. 951). Съ матерью онъ говорилъ о поѣздкѣ за-границу, какъ о предположеніи, вѣроятно, еще лѣтомъ 1835 года, потому что въ письмѣ отъ 10 февраля 1836 г. этотъ разговоръ уже *возобновляется*. Также,

его часто мѣнялись. Еще труднѣе было предвидѣть заранѣе, даже со стороны, какую серьезную перемѣну въ жизни поэта готовили обрушившіяся на него отовсюду неудачи въ послѣднее время пребыванія его въ Петербургѣ. Между тѣмъ судьба какъ будто намѣренно вела его цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ ударовъ и испытаній къ тому роковому рѣшенію, подъ значительнымъ вліяніемъ котораго сложилась вся остальная жизнь его, и потомъ столь же незамѣтно и властно обратила временный образъ жизни его за-границей въ постоянный.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ постояннаго недовольства Гоголя своей участью въ послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ была, безъ сомнѣнія, несчастливо выбранная профессія. Полусознательно онъ не могъ не чувствовать себя по временамъ не на своемъ мѣстѣ; но отсутствіе опредѣленнаго влеченія къ какой-либо профессіи, кромѣ художественнаго творчества, а особенно безграничная самоувѣренность, внушали ему, вмѣсто трезваго критическаго отношенія къ себѣ

какъ объ отдаленномъ предположеніи и, повидимому, приблизительно, назначался Гоголемъ срокъ возвращенія на родину (въ деревню) какъ матери, такъ и знакомымъ. «Вы напрасно на меня имѣли неудовольствіе, какъ я видѣлъ изъ перваго письма вашего»; — писалъ Гоголь матери отъ 10 февраля 1836 года: «тоже еще напраснѣе принимаете вы на чистыя деньги слова, сказанныя мною Татьянѣ Ивановнѣ» (Черныгъ, во второмъ бракѣ — Данилевской, матери Александра Семеновича Данилевскаго) «или кому другому. Развѣ вы не видите, что я шутилъ? Я одному говорилъ, когда меня спрашивали: скоро ли я буду, что я буду черезъ пять лѣтъ, другому — черезъ десять. Вамъ я сказалъ ближе всего къ *тогдашнимъ* моимъ мыслямъ, потому что я дѣйствительно *думалъ тогда черезъ два года* прiѣхать опять въ Васильевку на недѣлю и *черезъ годъ* — на три мѣсяца, *воротившись изъ за-границы*». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 250). Здѣсь такимъ образомъ еще полная неопредѣленность. Въ письмѣ къ матери же отъ 12 мая Гоголь говоритъ: «Все путешествіе» (за-границу), «полагаю, займетъ *годъ, или полтора года*» (тамъ же, стр. 258). Въ письмѣ къ ней же отъ 26 мая это предположеніе повторяется снова: «За-границей полагаю пробыть *болѣе года*» (стр. 262). Въ письмѣ къ М. С. Щепкину отъ 10 мая 1836 г. онъ назначаетъ опять иной срокъ своего возвращенія: «За-границей пробуду *до весны, а весною къ вамъ*» (т.-е. въ Москву. См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 257). Но Щепкину, нетерпѣливо ожидавшему исполненія Гоголемъ обѣщанія прочесть ему и другимъ артистамъ «Ревизора» (см. ниже), эти слова были сказаны только въ утѣшеніе. Еще труднѣе дѣлать заключенія о предположенномъ Гоголемъ первоначально срокѣ возвращенія на родину по письму къ Погодину (тамъ же, стр. 255—256). Любопытно, что въ послѣднемъ письмѣ къ матери изъ Петербурга Гоголь говоритъ между прочимъ: «Я на дачу не перебираюсь и живу въ городѣ» и проч. (стр. 262).

и своимъ силамъ, совершенно неосновательныя надежды не только на улучшеніе дѣла, но и на самые баснословные успѣхи. Въ своемъ гордомъ ослѣпленіи Гоголь не допускалъ даже и мысли о возможности неудачъ, и тѣмъ ужаснѣе и оскорбительнѣе онѣ должны были казаться, когда являлись на самомъ дѣлѣ. Напрасно старался онъ, вопреки неподкупному внутреннему голосу, увѣрить себя и другихъ, что его настоящее призваніе и составляютъ изученіе и научная разработка всеобщей исторіи, въ которой ему будто бы суждено было совершить „что-то не общее“ [1]). Каламбуръ такъ и остался каламбуромъ, и ни одно изъ роскошныхъ предположеній Гоголя въ этомъ отношеніи такъ и не осуществилось. Уже много лѣтъ спустя, въ „Авторской Исповѣди“, оглядываясь на пройденное въ значительной степени поприще, Гоголь сознавался, что у него никогда „не было влеченія къ прошедшему“ [2]); но въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ очень далекъ отъ подобной мысли. Въ занятіяхъ исторіей ему иногда чувствовалось даже особаго рода наслажденіе, и онъ говорилъ Максимовичу, что „ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе“. „Мнѣ кажется“, — прибавляетъ Гоголь, — „что я скажу много того, чего до меня не говорили“ [3]). Необходимо особенно удостовѣриться въ томъ, что притязанія Гоголя на каѳедру и ученую репутацію были совсѣмъ не напускнымъ шарлатанствомъ, но просто неумѣніемъ строго и вѣрно судить себя. Таково было убѣжденіе его друга, покойнаго А. С. Данилевскаго. Также товарищъ Гоголя по университетской каѳедрѣ, профессоръ Никитенко, человѣкъ, безъ сомнѣнія, умный и проницательный, прямо замѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что Гоголь „*вообразилъ себѣ,* будто его геній даетъ ему право на высшія притязанія“ [4]); онъ же кромѣ того свидѣтельствуетъ, что увѣренность Гоголя сообщалась невольно и другимъ и вначалѣ имѣла даже нѣкоторое импонирующее дѣйствіе на него самого. „Признаюсь“, — продол-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 196.

2) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 259.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 188; письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 3.

4) «Русск. Стар.», 1889, IX, 527; «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», т. I, стр. 354.

жалъ Никитенко, — „и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстраординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его только адъюнктомъ“ [1]).

На повѣрку оказалось, что какъ Гоголь ни принуждалъ себя работать надъ серьезными трудами по исторіи, то вѣря, то не вѣря въ свое мнимое ученое призваніе, какъ отважно ни собирался „дернуть“ въ нѣсколькихъ томахъ „Исторію Малороссіи“, но на дѣлѣ почти ничего научнаго не выходило изъ-подъ его пера. Слова его: „мелкаго не хочется, великаго не выдумывается“ [2]), конечно, съ гораздо бòльшимъ правомъ могутъ быть примѣнены къ его занятіямъ исторіей, нежели къ собственно литературнымъ трудамъ. Однажды Гоголь писалъ Погодину: „Журнала дѣвицъ“ (т.-е. обѣщанныхъ Погодину Гоголемъ записокъ его ученицъ) „я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ „Земля и Люди“. Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается; не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ зиждется совер-

---

[1]) Вотъ тогдашнее мнѣніе Никитенка о литературномъ дарованіи Гоголя: «Написалъ онъ нѣсколько повѣстей съ юмористическимъ изображеніемъ современныхъ нравовъ. Талантъ его чисто теньеровскій. Но помимо этого, онъ пишетъ все и обо всемъ: занимается сочиненіемъ исторіи Малороссіи; сочиняетъ трактаты о живописи, музыкѣ, архитектурѣ, исторіи и т. д., и т. д. Но тамъ, гдѣ онъ переходитъ отъ матеріальной жизни къ идеальной, онъ становится надутымъ и педантичнымъ, или же расплывается въ ребяческихъ восторгахъ. Тогда и слогъ его дѣлается запутаннымъ, пустоцвѣтнымъ и пустозвоннымъ. Та же смѣсь малороссійскаго юмора и теньеровской матеріальности съ напыщенностью существуетъ и въ его характерѣ. Онъ очень забавно разсказываетъ разныя простонародныя сцены изъ малороссійскаго быта, или заимствованныя изъ скандалезной хроники. Но лишь-только начинаетъ онъ трактовать о предметахъ возвышенныхъ, его умъ, чувство и языкъ утрачиваютъ всякую оригинальность. Но онъ этого не замѣчаетъ и мѣтитъ прямо въ геніи». («Русская Старина», 1889, IX, 527 и «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», т. I, стр. 354).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 169.

шенно новая система и рушитъ старую“ [1]). Но долго еще не переставалъ Гоголь и въ отношеніи своихъ историческихъ трудовъ возлагать самыя широкія надежды на будущее. Съ какой безграничной самоувѣренностью писалъ онъ вскорѣ Максимовичу: „Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: *много можно будетъ надѣлать добра!*“ [2]) Время отъ времени, въ письмахъ къ Погодину и Максимовичу, продолжались такого рода извѣщенія: „Я весь погруженъ теперь въ исторію малороссійскую и всемірную; *и та, и другая, у меня начинаютъ двигаться*“ [3]), или: „Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9“ [4]).

---

1) Тамъ же, стр. 174.

2) Тамъ же, стр. 193; Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 4.

3) Тамъ же, стр. 195.

4) Тамъ же, стр. 231.

Мы уже подробно говорили въ предыдущемъ томѣ о профессорской дѣятельности Гоголя. Авторитетное подтвержденіе нашего общаго заключенія мы встрѣтили въ статьѣ (рецензіи) академика К. Н. Бестужева-Рюмина въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Вполнѣ соглашаясь съ нашей характеристикой профессорской дѣятельности Гоголя, почтенный академикъ продолжаетъ: „Прибавимъ отъ себя, что подготовки даже въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, которые встрѣчаемъ у Шульгина, у Гоголя совсѣмъ не было. Не говоримъ уже о М. С. Куторгѣ, который явился во всеоружіи спеціалиста. Погодинъ, случайно занявшій каѳедру всеобщей исторіи, спеціалистъ по русской, все-таки является подготовленнѣе Гоголя“ [1]) и проч. Академикъ Л. Н. Майковъ также, возражая г. Горленку, справедливо замѣчаетъ, что Гоголь „собирался писать исторію своей родины, а объ изданіи историческихъ источниковъ никогда не думалъ“ [2]). Послѣднія слова, конечно, сказаны отнюдь не въ укоръ Гоголю, но они выражаютъ явное убѣжденіе автора, что нашъ писатель былъ далекъ отъ какихъ-либо архивныхъ и спеціальныхъ занятій.

Недавно было высказано мнѣніе, будто бы Гоголь, какъ имѣвшій подъ руками тѣ же источники, которыми пользовался для своей малороссійской исторіи Д. Н. Бантышъ-Каменскій, обладалъ равной съ нимъ ученостью. Но изъ біографіи Д. Н. Бантыша-Каменскаго мы узнаемъ, что онъ всю жизнь посвятилъ историческимъ изученіямъ и долго занимался въ архивахъ въ Малороссіи, когда былъ правителемъ канцеляріи при военномъ губернаторѣ князѣ Н. Г. Репнинѣ, и кромѣ того имѣлъ счастливую возможность пользоваться для своего труда замѣчательнымъ рукописнымъ сочиненіемъ его отца и вообще обильными и драгоцѣнными неизданными матеріалами [3]).

---

1) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1893, VI, 545—546.

2) Тамъ же, 1893, V, 229.

3) См. напр. Энциклопедическій Словарь подъ редакціей И. Е. Андреевскаго, т. III, стр. 13.

Такія же широкія и неосновательныя надежды возлагались и на удачи на педагогическомъ поприщѣ; о баснословныхъ успѣхахъ своей педагогической дѣятельности Гоголь разсказывалъ пріятелямъ чудеса, увѣряя ихъ, что у него „нѣтъ ни одной неуспѣвшей ученицы“[1]). Между тѣмъ въ это же самое время, по вполнѣ искреннимъ и правдивымъ воспоминаніямъ одной изъ сестеръ Гоголя, бывшей его ученицей въ Патріотическомъ институтѣ, онъ довольно легко относился къ своимъ учительскимъ обязанностямъ. „Братъ“,— говорила она, — „часто пропускалъ свои уроки, частью по болѣзни, а частью и просто по лѣни, и, наконецъ, отказался совсѣмъ и уѣхалъ за-границу“[2]). И въ этомъ отношеніи Гоголь лишь гораздо позднѣе созналъ свою неподготовленность и совершенное отсутствіе призванія. Такъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, онъ писалъ Данилевскому: „Только пожалуйста не вздумай еще испытать себя на педагогическомъ поприщѣ: это, право, не идетъ тебѣ къ лицу. Я много себѣ повредилъ во всемъ, вступивши на него“[3]).

Та же неудача постигла его наконецъ и какъ профессора. При введеніи новаго университетскаго устава въ 1835 г. рѣшено было по возможности освѣжить преподавательскій персоналъ, и многіе изъ профессоровъ подверглись остракизму. „Тринадцать профессоровъ и адъюнктовъ“, — съ ужасомъ писалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, — „получили увольненіе и не знаютъ теперь, куда имъ дѣться“[4]). Въ числѣ этихъ оставшихся за штатомъ адъюнктовъ оказался и Гоголь, о которомъ тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, князь Дондуковъ-Корсаковъ сдѣлалъ такую помѣтку въ представленномъ имъ министру Уварову спискѣ увольняемыхъ лицъ: „ежели послѣдній не выдержитъ испытанія на

Ничего подобнаго въ распоряженіи Гоголя не было, да онъ, насколько извѣстно, и не предпринималъ никакихъ систематическихъ изысканій архивныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для самостоятельнаго историка[5]).

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина» Барсукова, т. IV, стр. 114.

[2]) «Русь», 1885, № 26, стр. 7.

[3]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 243; «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 328.

[4]) «Русск. Стар.», 1889, IX, 536; «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», т. I, стр. 364.

[5]) Дальнѣйшія подробности о данномъ вопросѣ см. въ приложеніяхъ къ настоящему тому.

степень доктора философіи для занятія профессорской должности". Но выполненіе этого условія Гоголемъ попечитель считалъ невозможнымъ: „По мнѣнію моему", — прибавлялъ онъ, — „Гоголь едва ли можетъ выдержать докторскій экзаменъ, а потому долженъ быть уволенъ изъ университета" [1]).

Когда Гоголю послѣ волей-неволей пришлось разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ, онъ совершенно потерялъ подъ собою почву и, оставивъ свои прежнія занятія, никогда уже серьезно не думалъ, кромѣ литературныхъ трудовъ, возвращаться къ какой-либо опредѣленной дѣятельности, предоставляя бурнымъ житейскимъ волнамъ по произволу носить во всѣхъ направленіяхъ его утлую ладью. Средствъ не было, опредѣленной карьеры и постояннаго заработка также, и отсюда неизбѣжно вытекли всѣ тѣ послѣдствія, которыя не всегда могутъ удовлетворить строгихъ судей. Положеніе это ясно сознавалось Гоголемъ, котораго судьба въ началѣ его петербургской жизни какъ бы нарочно вознесла со сказочной быстротой, чтобы, возбудивъ въ немъ безмѣрныя надежды, безпощадно опрокинуть потомъ всѣ его планы и отпустить безпомощнымъ въ дальнѣйшее плаваніе по житейскому морю. Однажды Гоголь въ такихъ словахъ мѣтко охарактеризовалъ свою невеселую участь въ письмѣ къ Погодину: „Мои страданія тебѣ не могутъ быть вполнѣ понятны: ты въ пристани, ты, какъ мудрецъ, можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы" [2]). Какое-то безпокойное чувство мѣшало ему и раньше остановиться на избранномъ однажды родѣ жизни, и только-что стала устроиваться его карьера, для которой онъ такъ усердно и много хлопоталъ, только-что завязались у него извѣстныя связи и отношенія въ Петербургѣ, какъ его тянетъ уже въ Кіевъ; а когда не осуществилась и эта мечта, онъ все-таки долго не хотѣлъ разстаться съ ней [3])

---

1) «Вѣстникъ Европы», 1894, V, 14—15.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 289.

3) Когда наконецъ у Гоголя пропала надежда на полученіе каѳедры въ кіевскомъ университетѣ, его страстное ожиданіе смѣнилось досадой. Въ этомъ отношеніи любопытно его письмо къ своему школьному товарищу В. В. Тарновскому, гдѣ онъ относится иронически къ помѣшавшему ему занять каѳедру кіевскому попечителю Брадке и къ персоналу кіевскихъ профессоровъ: «Каково идетъ ваша

и упорно продолжалъ смотрѣть на свое дальнѣйшее пребываніе въ столицѣ, какъ на временное и какъ бы случайное, признавая, впрочемъ, многія выгоды жить въ ней. Когда подкралось окончательное фіаско, естественный результатъ занятаго имъ ложнаго положенія, фіаско, заставившее его, наконецъ, отказаться отъ выбраннаго по недоразумѣнію поприща, онъ былъ совершенно выбитъ изъ колеи Съ тѣхъ поръ ударъ, нанесенный его гордости, сдѣлалъ для него надолго противнымъ и невыносимымъ самый Петербургъ, откуда онъ стремился потомъ всегда вырваться при первой возможности, и, наконецъ, у него порвалась навѣки какая-либо связь вообще съ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ мѣстопребываніемъ и родомъ дѣятельности[1]). Присоединившееся ко всему этому всеобщее негодованіе противъ „Ревизора", выставляемое потомъ Гоголемъ, какъ главная и даже единственная причина его поѣздки за-границу, въ сущности послужило лишь послѣднимъ, но вмѣстѣ и рѣшительнымъ толчкомъ въ данномъ направленіи. Такимъ образомъ, какъ прежде Гоголь, подвигаясь впередъ въ смыслѣ карьеры, все больше обольщался заманчивыми надеждами, такъ, напротивъ, теперь онъ долженъ былъ чувствовать себя стремящимся по наклонной плоскости. Одинъ ударъ безпощадно слѣдовалъ за другимъ, и всѣ они привели его къ убѣжденію, что „пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ"[2]) и что искать лучшаго будущаго надо вдали отъ неблагодарной родины.

житомирская гимназія» — спрашиваетъ онъ Тарновскаго: «Часто ли посѣщаетъ васъ пресловутый Брадке? Ну, какой сволочи набрали въ Кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Можно ли это? Новый университетъ! Тутъ бы нужно стараться, пользуясь этой выгодой, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто того набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лицея. Я самъ было думалъ въ кіевскій университетъ, да, къ счастью, не *сошелся* (?!) съ вашимъ Брадке, остался въ здѣшнемъ — и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получилъ здѣсь экстраординарнаго профессора» («Кіевская Старина», 1883, III, 627). Во всѣхъ этихъ словахъ слышно раздраженное самолюбіе, и потому на основаніи ихъ нельзя еще заключать, что Гоголь разстался съ своей мечтой; напротивъ, какъ мы это показали во второмъ томѣ (стр. 194), онъ не оставлялъ ея очень долго.

[1]) Позднѣйшее его мѣстопребываніе въ Москвѣ, смѣнявшееся жизнью то въ Одессѣ, то въ Калугѣ, нельзя считать постояннымъ. Въ эти годы Гоголь замышлялъ также поѣздку въ сѣверо-восточныя губерніи (см. «Вѣстникъ Европы», 1889, XI, 145, 147).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 255.

Впослѣдствіи эта мысль укрѣпилась еще болѣе подъ вліяніемъ льстившаго Гоголю сравненія своей судьбы съ судьбой Пушкина. По смерти послѣдняго Гоголь писалъ однажды Погодину: „Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были тронуты этой потерей. А что̀ эти люди готовы были сдѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что самъ монархъ почтилъ его талантъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ.... сердце мое содрагается при одной мысли“ [1]). Нечего прибавлять, что въ послѣднихъ словахъ Гоголь былъ глубоко правъ, и что ихъ до нѣкоторой степени можно примѣнить и къ нему, какъ въ томъ легко убѣдиться изъ недавно напечатанныхъ воспоминаній С. Т. Аксакова[2]); кромѣ того, по странной ироніи судьбы, меценаты иногда усердно помогали Гоголю въ его ошибочныхъ или несправедливыхъ притязаніяхъ, грубо не оцѣнивъ въ немъ всего того, чѣмъ онъ былъ истинно великъ, и на послѣднее онъ также справедливо могъ бы жаловаться.

II.

Неудачи Гоголя, такъ жестоко его поразившія, начались еще съ половины 1835 года. Занятіе университетской каѳедры, эта первая капитальная ошибка и главнѣйшая причина послѣдовавшаго за ней крушенія, тотчасъ же жестоко дала себя знать, и уже съ первыхъ лекцій ему пришлось убѣдиться, что онъ выбралъ профессію не по себѣ и что „читаетъ рѣшительно одинъ въ университетѣ“; но вмѣсто того, чтобы приложить заботы о поправленіи дѣла, онъ рѣ-

---

1) Тамъ же, стр. 289.

2) «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 21, 25 и проч. Въ числѣ недоброжелателей Гоголя были и такіе, которые своимъ раздраженіемъ противъ него невольно обращали на себя вниманіе многихъ, напр. Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, о которомъ Аксаковъ разсказываетъ, что однажды онъ спросилъ его при многихъ свидѣтеляхъ: «А что̀ Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?» О томъ же В. И. Панаевѣ А. Я. Головачева Панаева передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, «по его мнѣнію, Гоголю *надо было запретить писать,* потому что отъ всѣхъ его сочиненій пахнетъ тѣмъ же запахомъ, какъ отъ лакея Чичикова» и проч. (стр. 177—178; «Историч. Вѣстникъ», 1889, IV, 41—42).

шилъ бросить всякую „художническую отдѣлку“ [1]), къ чему, впрочемъ, были и другія, гораздо болѣе сильныя побужденія, такъ какъ „художническая отдѣлка“ не одной и не двухъ лекцій потребовала бы много времени и тормазила бы созданіе „Ревизора“. Въ письмахъ къ друзьямъ Гоголь высказываетъ такіе неожиданные и крайне безцеремонные, а иногда и циническіе взгляды на отношенія профессора къ университетскимъ занятіямъ и къ студентамъ [2]), что, казалось бы, ни на что больше и нельзя было разсчитывать, кромѣ того, что̀ дѣйствительно потомъ съ нимъ случилось. Но все еще шло сравнительно благополучно, пока самолюбію Гоголя не былъ нанесенъ совсѣмъ уже безпощадный ударъ оффиціальнымъ устраненіемъ его отъ преподавательской дѣятельности въ Патріотическомъ институтѣ [3]). Вслѣдъ затѣмъ, когда еще не совсѣмъ зажила эта первая тяжелая рана, его вновь ошеломило серьезное замѣчаніе попечителя учебнаго округа о неудовлетворительности его университетскихъ чтеній. Гоголь, привыкшій смотрѣть свысока на своихъ товарищей по каѳедрѣ и видѣвшій въ нихъ „толпу вялыхъ профессоровъ [4])“, вдругъ почувствовалъ себя передъ ними въ уничиженномъ положеніи. Впечатлѣніе, произведенное на Гоголя оффиціальнымъ выговоромъ, передано въ дневникѣ А. В. Никитенка въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „На минуту гордость уступила мѣсто горькому сознанію своей неопытности и безсилія; но въ концѣ концовъ это не поколебало вѣры Гоголя въ свою всеобщую геніальность. Хотя послѣ замѣчанія попечителя онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу „своихъ“ онъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный и геніальный Гоголь, какимъ былъ до

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 228; см. «Русск. Стар.», 1891, V, 460—461.

2) Кромѣ уже указаннаго во второмъ томѣ настоящаго труда (см. напр. страницы 245, 250, 271 и проч.) отмѣтимъ здѣсь еще слѣдующія любопытныя строки въ письмѣ къ Максимовичу отъ 22 марта 1835 года: «Если бы даже онъ» (Тарновскій, школьный товарищъ Гоголя) «не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посовѣтовалъ тебѣ взять его» (въ профессора: Максимовичъ, какъ извѣстно читателямъ, былъ ректоромъ кіевскаго университета) «и *за одинъ характеръ*, ибо я знаю по опыту, что̀ значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 237).

3) См. «Русск. Арх.», 1871, 4 — 5, 949.

4) «Русск. Арх.», 1880, II, 513.

сихъ поръ"[1]). Между тѣмъ слушатели были о Гоголѣ самаго невыгоднаго мнѣнія и даже просто составили себѣ убѣжденіе, что „онъ ничего не смыслитъ въ исторіи"; да и самъ Гоголь, столь самоувѣренный въ другихъ случаяхъ, безпомощно терялся и конфузился на каѳедрѣ бормоча что-то невнятное и показывая въ свои рѣдкія чтенія какія-то гравюры съ видами Палестины и другихъ странъ[2]).

Получивъ отставку, Гоголь сначала сталъ-было утѣшать себя мыслью, что онъ не понятъ и не оцѣненъ, но скоро пренебрежительно махнулъ рукой, и тѣмъ охотнѣе началъ посвящать уже все время и трудъ на созданіе и постановку „Ревизора", что университетскія занятія, въ сущности, были для него и прежде только тягостной и досадной обузой и отвлеченіемъ отъ его настоящей дѣятельности, а свое университетское жалованье онъ считалъ и называлъ просто „сквернымъ"[3]). Гоголь почувствовалъ даже нѣкоторое пріятное облегченіе, освободившись отъ университета, облегченіе, сказавшееся въ слѣдующихъ выразительныхъ словахъ одного изъ писемъ его къ Погодину: „Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка", и онъ не безъ удовольствія сталъ называть себя „беззаботнымъ казакомъ"[4]). Теперь высокія наслажденія художника заставляютъ его на время позабыть всѣ прозаическія житейскія дрязги; по крайней мѣрѣ въ его письмахъ рѣшительно не замѣчается никакихъ слѣдовъ удрученнаго или озабоченнаго настроенія, подобнаго, напримѣръ, пережитому имъ послѣ перваго представленія „Ревизора", что̀ и понятно, такъ какъ въ сознаніи поэта во время его творческой работы все остальное казалось ничтожнымъ въ сравненіи съ его вѣчнымъ созданіемъ, а великія надежды, возлагаемыя на успѣхъ и значеніе будущей комедіи, съ избыткомъ уравновѣшивали презираемыя имъ житейскія огорченія. Съ другой стороны

---

[1]) «Русск. Старина», 1889, IX, 528; «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», т. I, стр. 354.

[2]) Соч. Тургенева, посмертное изданіе, 1883 года, т. I, стр. 81. Единственный благопріятный отзывъ о Гоголѣ, какъ профессорѣ, см. въ «Русской Старинѣ», 1881, V, 157—158; мы помѣщаемъ его въ приложеніяхъ.

[3]) «Русскій Архивъ», 1880, II, 514 (письмо къ Пушкину).

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 246.

замѣчательно, что уже въ эту пору Гоголь имѣлъ совершенно особый взглядъ на постигшія его несчастія и на ихъ значеніе въ его жизни. Вскорѣ послѣ отъѣзда за-границу онъ писалъ Жуковскому: „Пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ. О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось, что я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ“[1]). Въ промежутокъ отъ января до апрѣля 1836 года Гоголь ни о чемъ почти и не думалъ, какъ только объ окончаніи комедіи и пріисканіи достойныхъ исполнителей для важнѣйшихъ ролей. Онъ даже дѣлалъ попытки привлечь къ участію въ первомъ представленіи одного изъ обратившихъ на себя его вниманіе провинціальныхъ актеровъ, о которомъ давалъ порученіе своему знакомому Бѣлозерскому[2]) разузнать, не согласится ли онъ пріѣхать на короткій срокъ въ Петербургъ. Въ эту пору

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4 — 5, стр. 951. — Любопытно, что выраженіе «Пора мнѣ творить ужъ съ бо́льшимъ размышленіемъ» буквально повторено въ письмѣ къ Погодину, отдѣленномъ отъ предыдущаго болѣе, нежели мѣсячнымъ промежуткомъ: очевидно, эта мысль сильно засѣла въ его головѣ. (См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 256).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 252: «Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что̀, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ-нибудь о немъ извѣстій? и, если вамъ случится встрѣтить его гдѣ-нибудь, *нельзя ли какъ-нибудь уговорить его ѣхать сюда?* Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. Рѣшительно комическій талантъ!.. Если же вамъ не удастся видѣть его, *то, можетъ-быть, вы получите какое-нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и куда адресовать къ нему*».

Артистъ Карпъ Трофимовичъ Соленикъ обладалъ дѣйствительно необыкновеннымъ и всѣми признаннымъ дарованіемъ. Подобно покойному замѣчательному провинціальному трагику Н. Х. Рыбакову, онъ, однако, не стремился или случайно не попалъ въ столицу на императорскую сцену, которой могъ бы быть блестящимъ украшеніемъ. Онъ игралъ исключительно въ Малороссіи и преимущественно въ Харьковѣ; обыкновенно служилъ въ труппахъ Штейна, Млотковскаго и другихъ. См. о немъ въ «Русской Сценѣ» 1865, (газета) № 13, 18 ноября, фельетонъ; въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1844, т. V, Театральная Лѣтопись, стр. 30, также 96 и проч.; тамъ же, XII т., Театральная Лѣтопись, стр. 15, 17 — 18, 22 — 30, 60, 73, 80 — 81; XIII, Театральная Лѣтопись, стр. 87 и 89; 1845, т. IX,

усиленныхъ заботъ о постановкѣ комедіи мысль о какомъ бы то ни были устройствѣ въ будущемъ отступила на второй планъ. Гоголь жилъ и дышалъ заботами о судьбѣ своей пьесы.

Театральная Лѣтопись, 81—82; тамъ же о Соленикѣ и Рыбаковѣ, стр. 102; о Соленикѣ «Репертуаръ и Пантеонъ», 1848, I, Провинціальные театры въ Россіи, стр. 8; 1848 г., I, Русскій театръ, стр. 44; Очерки русской сцены, 92—97; также въ Запискахъ актера А. А. Алексѣева, стр. 114. О Рыбаковѣ — въ Запискахъ Алексѣева, 87—98, 110; «Репертуаръ и Пантеонъ», 1846, т. XI, Театральная Лѣтопись, 112—114; 1846, т. XIII, Театральная Лѣтопись, 71, стр.; «Пантеонъ», 1852, 4, VII, Провинціальные театры въ Россіи, стр. 22 и «Пантеонъ», 1853, VIII, 4, Провинціальные театры въ Россіи, 19. «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1858, 66; 1860, 173; «Русская Сцена», 1865, № 8 (31 окт.); 1864, Театрал. лѣтоп., 30 — 32, 1865 (журналъ), 4 — 5, стр. 121, 123, 125 и въ повѣсти «Изъ записокъ актера» — «Русск. Сцена» (журн.), 1865, I, 32 и проч. О Штейнѣ (антрепренерѣ) — въ Запискахъ актера Алексѣева, стр. 108; «Пантеонъ», 1853, VIII, Провинціальные театры въ Россіи, стр. 1. О Млотковскомъ— въ Запискахъ актера Алексѣева, 60 — 63; «Репертуаръ и Пантеонъ», 1845, т. IX, Театральная Лѣтопись, 80 — 82 и «Пантеонъ», 1852, IV, Провинціальные театры въ Россіи, стр. 9.

Въ нашемъ разсказѣ, къ сожалѣнію, мы не можемъ за недостаткомъ данныхъ передать обстоятельно подробностей знакомства и дружескихъ отношеній Гоголя къ Н. Д. Бѣлозерскому. Отношенія эти, конечно, не могутъ быть сравниваемы съ многими другими, болѣе прочными и глубокими; но во всякомъ случаѣ Гоголь искренно любилъ Бѣлозерскаго и сохранилъ къ нему чувство почти родственной пріязни до самой кончины, несмотря на то, что ихъ, кромѣ разницы въ возрастѣ, постоянно раздѣляло огромное разстояніе. Первыя встрѣчи Бѣлозерскаго съ Гоголемъ относятся къ временамъ студенчества послѣдняго въ Нѣжинѣ, когда они часто видались другъ съ другомъ у инспектора нѣжинской гимназіи Бѣлоусова[1]). Какъ видно изъ писемъ къ Бѣлозерскому, Гоголь искренно полюбилъ его и всѣ его обращенія къ нему проникнуты тѣмъ же тономъ дружбы, какъ къ Даниловскому, Погодину и другимъ наиболѣе любимымъ имъ людямъ въ продолженіе тридцатыхъ годовъ. Здѣсь поэтъ держитъ себя почти на распашку и рѣчь его блеститъ остроумными и веселыми шутками, какъ напр.: „Божко рѣшился, наконецъ, совершенно углубиться въ бездну мудрости и солидной, аккуратной жизни. Все проситъ читать книгъ, и хотя еще не прочиталъ, но современемъ успѣетъ. Картъ совершенно не берегъ въ руки; только два раза, когда я зашелъ къ нему, онъ понтировалъ, но и то проигралъ не больше, какъ рублей четыреста“[2]). Просьба о сообщеніи мѣстопребыванія артистовъ Млотковскаго и Соленика не могла быть исполнена для Гоголя Бѣлозерскимъ, но послѣднему не разъ удавалось потомъ оказывать ему небольшія услуги; такъ, по словамъ г. Кулиша, короткаго знакомаго

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 100 и пр.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 251.

III.

„Ревизора“ задолго до перваго представленія Гоголь нерѣдко читалъ сначала въ близкомъ, интимномъ кружкѣ, а затѣмъ и многимъ лицамъ, заинтересовавшимся по слухамъ комедіей, и такъ или иначе получавшимъ возможность слышать новую пьесу изъ устъ самого автора. Приведемъ прежде всего разсказъ о чтеніяхъ Гоголемъ „Ревизора“ изъ „Записокъ“ А. О. Смирновой.

„Жуковскій рѣшилъ, что я должна потребовать, чтобы хохолъ прочелъ мнѣ свою комедію „Ревизоръ“. Они устроили у меня обѣдъ: Сверчокъ, хохолъ, Плетневъ, Віельгорскій, и Гоголь читалъ свой шедевръ, который отличается необыкновеннымъ юморомъ. Монологи Хлестакова и Осипа заставили насъ смѣяться до слезъ. Этотъ анекдотъ, взятый изъ дѣйствительности, разсказалъ ему Пушкинъ. Гоголь, читая, забылъ все: свою робость, своихъ слушателей. Какой бы изъ него вышелъ актеръ! Онъ сливался съ своими дѣйствующими лицами, присутствовалъ при всемъ этомъ и веселился. Онъ признался намъ, что Бобчинскаго и Добчинскаго онъ зналъ, также и дамъ. Онъ мнѣ также сказалъ, что, работая надъ „*Старосвѣтскими Помѣщиками*“, онъ думалъ о своей матери. Что-же касается Хлестакова, онъ говоритъ: „*этого вездѣ можно встрѣтить*“.

и родственника покойнаго Бѣлозерскаго, Николай Даниловичъ доставилъ ему однажды записку „Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ Южной Россіи“, составленную Н. Д. Мизко[1]). Его Гоголь дружески просилъ въ 1842 г. заѣхать въ Васильевку и посмотрѣть, въ какомъ состояніи находится имѣніе, оказывая ему такимъ образомъ такое же довѣріе, какъ и В. И. Чернышу (котораго онъ зналъ почти съ рожденія), въ письмѣ къ А. С. Данилевскому[2]). Обращаясь къ разнымъ лицамъ съ просьбой о сообщеніи нѣкоторыхъ нужныхъ ему матеріаловъ для второго тома „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь также къ одному изъ первыхъ отнесся къ Бѣлозерскому[3]). Кромѣ того записываемыя Гоголемъ малороссійскія пѣсни, вѣроятно послѣ появленія въ 1834 г. второго изданія „Украинскихъ народныхъ пѣсенъ“ Максимовича, передавались имъ уже Н. Д. Бѣлозерскому.

---

1) «Соч. и письма Гоголя», V, 468 и «Зап. о жизни Гоголя», т. II, стр. 246.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 218 и «Вѣстникъ Европы», 1890, I, 104; см. также I томъ настоящаго труда, стр. 361—362.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 22—23.

Плетневъ думаетъ, что цензура кое-что повырѣжетъ. Вяземскій и Віельгорскій говорятъ, что *Клика знаменитостей* (Булгаринъ и Брамбеусъ) сдѣлаютъ все на свѣтѣ, чтобы повести интригу противъ „Ревизора“, и что сами актеры скорчатъ гримасу, такъ какъ ихъ пріучили къ тирадамъ Кукольника. Пушкинъ зоветъ Сенковскаго-Брамбеуса: Стенька Разинъ. Гоголь разсказывалъ намъ, что хотѣлъ-было сдѣлаться трагическимъ актеромъ; мысль эта показалась намъ смѣшной: хохолъ въ туникѣ и римскомъ шлемѣ, декламирующій Озерова, — какое зрѣлище! Но комикомъ онъ былъ бы превосходнымъ. Пушкинъ спросилъ меня: „Думаете ли вы, что Государь оцѣнитъ эту пьесу и дозволитъ ее? Могли ли бы вы поговорить о ней и расположить его въ пользу „Ревизора“? — Я не сомнѣваюсь, я даже убѣждена, что онъ будетъ благосклоненъ и доступенъ — и я обѣщала поговорить въ благопріятную минуту. Государь же знаетъ, что берутъ взятки; довольно онъ объ этомъ говоритъ, а потому онъ и не запретитъ комедію, въ которой достается ворамъ; онъ разрѣшилъ давать „Горе отъ ума“, которое было запрещено при покойномъ Государѣ; онъ намъ какъ-то разсказывалъ, что Фонъ-Визинъ читалъ свою комедію императрицѣ Екатеринѣ, и что Капнистъ читалъ „Ябеду“ императору Павлу. Я все это ему напомню; я скажу ему также, что сюжетъ далъ Гоголю Пушкинъ, такъ какъ Государь дружески расположенъ къ Сверчку и чувствуетъ, что Пушкинъ ему преданъ безъ всякой задней мысли; это расположитъ его въ пользу „Ревизора“. Все это я сказала друзьямъ и Пушкинъ былъ пораженъ моими дипломатическими намѣреніями, клонящимися къ успѣху г-на Хлестакова. Я привела его въ восторгъ, сообщивъ ему, что Государь называетъ Булгарина „богомъ гостинаго двора“. Послѣ ихъ отъѣзда мой мужъ захохоталъ, я удивилась и онъ объяснилъ мнѣ, что вспомнилъ, какъ чиновники одинъ за другимъ являются къ ревизору, а затѣмъ прибавилъ: „Я хохочу, но это грустно до слезъ, избави меня Богъ ѣхать служить въ провинцію!“ Я отвѣчала: „Аминь“.

Пушкинъ навѣстилъ насъ вчера вечеромъ, мы были одни. Я разсказала ему, что̀ мнѣ говорилъ Николай, онъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: „Избави васъ Богъ жить съ чиновниками! Мнѣ тоже хотѣлось плакать — отъ злости. Все это

вѣрно, слишкомъ вѣрно, бѣдный Гоголь будетъ уничтоженъ цензорами, ворами, критиками, людьми благонамѣренными, каковы Булгаринъ и Сенковскій,—эта вредоносная клика! Скажутъ, что Гоголь не обнаружилъ достаточнаго уваженія къ властямъ предержащимъ, къ этой опорѣ существующаго порядка или, вѣрнѣе, безпорядка. Я отсюда слышу все, чтò будетъ говориться; даже актеры относятся крайне недовѣрчиво; они охотники до эффектныхъ тирадъ и находятъ діалогъ тривіальнымъ. Обо всемъ этомъ я предупреждалъ Гоголя, такъ какъ боюсь, чтобы онъ не сталъ унывать. Я разсказалъ ему, что бѣдный Грибоѣдовъ изъ-за „Горя отъ ума" имѣлъ даже непріятности съ собственной семьей". Я отвѣчала: „Если Его Величество поѣдетъ смотрѣть Хлестакова и будетъ апплодировать, „Ревизора" найдутъ превосходнымъ. Развѣ у этихъ людей есть мнѣніе?"

Пушкинъ разсказалъ мнѣ, что, набирая текстъ повѣстей Гоголя, наборщики хохотали отъ всей души, и прибавилъ: „Вотъ умные люди. М-me Лафоре, поговорите съ Государемъ о нашемъ Мольерѣ".

Мнѣ, наконецъ, представился благопріятный случай, и Государь обѣщалъ мнѣ посмотрѣть піесу. Онъ сказалъ, что она будетъ чрезвычайно полезна. Я разсказала монологъ г. Хлестакова. Когда дѣло дошло до 30,000 курьеровъ, Государь расхохотался и, наконецъ, сказалъ:

„Успокойте автора, если Пушкинъ находитъ у него талантъ — этого достаточно, скажите имъ это отъ меня. Вы знаете, что я питаю большое довѣріе къ Пушкину. Онъ не станетъ покровительствовать ничему заурядному, ничему, чтò было бы написано не въ надлежащемъ духѣ, противномъ истинѣ и нравственному чувству. Это рыцарь и патріотъ".

Я напомнила Государю о Людовикѣ XIV и Мольерѣ; онъ разсмѣялся и сказалъ: „Людовикъ XIV очень хорошо дѣлалъ, что покровительствовалъ Расину и Мольеру, ничего лучшаго онъ сдѣлать не могъ, но я не великій король, у котораго были иныя цѣли и иные взгляды, чѣмъ у меня".

Віельгорскій тоже былъ на вечерѣ. Онъ также повелъ аттаку въ пользу „Ревизора". Онъ объявилъ Его Величеству, что піеса не ниже „Горя отъ ума"; я полагаю, что Віельгорскій уже пустилъ въ ходъ нѣсколькихъ знакомыхъ ему цензоровъ.

Я видѣла великаго князя Михаила Павловича; я просила его напомнить Его Величеству его обѣщаніе посмотрѣть „Ревизора“ и сказала ему, что піесу эту будутъ читать у Віельгорскихъ; я подстрекнула его любопытство, онъ мнѣ сказалъ: „Я бы желалъ присутствовать“. Вяземскій сообщитъ объ этомъ Віельгорскому, и великій князь будетъ торжественно приглашенъ. Асмодей Андреевичъ сказалъ мнѣ, что вся клика, которая ненавидитъ Пушкина, бьетъ тревогу противъ Гоголя. Они ему ставятъ въ вину, что онъ малороссъ. Точно евреи, которые находили, что истина не можетъ идти изъ Галилеи... Какъ я люблю Вяземскаго! Кромѣ ума, у него есть и сердце, при своемъ холодномъ обращеніи онъ добръ, какъ и оба брата Віельгорскіе: Михаилъ и Матвѣй, и ничего банальнаго въ этой добротѣ, ничего зауряднаго. Всего хуже то, что тріумвиратъ: Лепидъ, Крассъ и Маркъ-Антоній, т.-е. Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій — народъ не глупый, но они искательны, лукавы, воплощенная посредственность. Пушкинъ на-дняхъ говорилъ мнѣ: „Хочется мнѣ налѣпить объявленіе на дверь къ цензорамъ, съ надписью „Lasciate ogni speranza“...

Онъ нарисовалъ пещеру съ этой надписью, а въ пещерѣ совсѣмъ сморщенную старуху, которая похожа на Сенковскаго. Я просила его подарить мнѣ этотъ рисунокъ, но онъ ни за что не согласился. Его рисунки къ *работнику Балдѣ* прелестны, въ особенности чертенята и попъ. Онъ рисуетъ прекрасныя карикатуры и всегда ихъ рветъ; Николай[1]) показывалъ ему карикатуры Сенъ-При и подарилъ ему нѣкоторыя изъ нихъ. Графъ Нессельроде имѣетъ прекрасную коллекцію этихъ карикатуръ, Николай также подарилъ Пушкину англійскія карикатуры Б., нарисованныя въ моментъ Реформъ-Билля, и французскія карикатуры на короля Луи-Филиппа. Все это забавляетъ и занимаетъ Сверчка, но съ нѣкоторыхъ поръ я нахожу его очень грустнымъ и озабоченнымъ, дѣла его плохи и у отца его много долговъ.

Я просила Гоголя еще разъ прочесть намъ *Шинель*[2]). Пушкинъ говоритъ, что это чудо. Нашъ хохолъ прослужилъ нѣ-

---

[1]) Н. М. Смирновъ, мужъ разсказчицы.

[2]) Этимъ подтверждается заключеніе Н. С. Тихонравова, что повѣсть «Шинель» была начата Гоголемъ еще въ Петербургѣ и что первая мысль о повѣсти заронилась въ его душу въ 1834 году. Объ этомъ П. В. Анненковъ разсказы-

сколько мѣсяцевъ въ одной изъ канцелярій и наслушался тамъ характерныхъ словечекъ. Всякій разъ, какъ я вижу

ваетъ такъ: «Никогда, даже въ средѣ одушевленныхъ и живыхъ преній, не покидала его лица постоянная, какъ бы приросшая къ нему, наблюдательность. Для Гоголя какъ здѣсь, такъ и въ другихъ сферахъ жизни ничего не пропадало даромъ. Онъ прислушивался къ замѣчаніямъ, описаніямъ, анекдотамъ, наблюденіямъ своего круга и, случалось, пользовался ими. Въ этомъ, да и въ свободномъ изложеженіи своихъ мыслей и мнѣній, кругъ работалъ на него. Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья рублей въ 200 (асс.). Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу — за добычей, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ-то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ-то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспоминать безъ смертельной блѣдности на лицѣ. Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустивъ голову. Анекдотъ былъ первой мыслью чудной повѣсти его «Шинель», и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ». («Воспоминанія и критическіе очерки», I, 184, 188—189; Соч. Гог., изд. X, т. II, 610—611). Замѣна ружья шинелью въ разсказѣ произошла подъ вліяніемъ отчасти личныхъ воспоминаній писателя. Гоголь однажды писалъ матери: «Хорошо еще, что я привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 106). Весьма возможно, напр., что Гоголь по личному опыту познакомился съ тѣмъ непріятнымъ ощущеніемъ, когда отъ мороза «особенно сильно пропекаетъ спину и плечо» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 91), а въ такомъ случаѣ понятна сдѣланная имъ замѣна и оказываются ненужными недавнія разсужденія г. Розанова («Русскій Вѣстникъ», 1894, III). Вообще взгляды послѣдняго слишкомъ бездоказательны, а главное — узки и субъективны; въ возраженіе ему достаточно сдѣлать одинъ вопросъ: *вѣрно ли*, что Гоголь вслѣдствіе особенностей своей духовной организаціи сгустилъ темныя краски дѣйствительности, замѣнивъ въ своемъ разсказѣ не лишенное даже поэзіи эстетическое наслажденіе чиновника отъ купленнаго имъ ружья мрачною и совершенно прозаическою заботой Акакія Акакіевича, чтобы не умереть отъ холода? Но, кромѣ того, вѣдь, въ настоящемъ своемъ видѣ разсказъ Гоголя имѣетъ гораздо болѣе глубокое и поучительное общественное значеніе, которое, въ соединеніи съ его высокимъ художественнымъ достоинствомъ, и ставитъ его такъ высоко въ глазахъ каждаго образованнаго и мыслящаго человѣка. Вѣдь, если даже допустить, что Гоголь въ данномъ случаѣ и сгустилъ краски, то, какъ художникъ, онъ былъ безусловно правъ, потому что усилилъ этимъ впечатлѣніе *только*, можетъ-быть, сравнительно съ частнымъ слу-

на улицѣ бѣднаго писаря, я вспоминаю объ Акакіи Акакіевичѣ. По поводу этой повѣсти Сверчокъ мнѣ сказалъ: „Помните-ли вы, что я вамъ говорилъ, уже очень давно, что Гоголь будетъ русскимъ Стерномъ?"

Чтеніе у Віельгорскихъ; успѣхъ огромный. Было болѣе народу, чѣмъ у меня. При второмъ чтеніи „Ревизоръ" показался намъ еще лучше. Какая естественность въ діалогѣ! Піеса произвела на Великаго Князя очень сильное впечатлѣніе; онъ поблагодарилъ Віельгорскаго за то, что онъ доставилъ ему это удовольствіе, а затѣмъ сказалъ мнѣ: „мы смѣялись, но грустно сознаться, а все это правда и почти-что хочется надъ этимъ заплакать; я думаю, что эта піеса будетъ очень полезна, и что братъ мой такъ на это и взглянетъ".

Тѣмъ лучше!

Затѣмъ Великій Князь сказалъ мнѣ, что если я буду вечеромъ у Императрицы, и онъ тамъ будетъ, и Государь будетъ въ хорошемъ настроеніи, то онъ мнѣ совѣтуетъ снова заговорить съ Его Величествомъ о „Ревизорѣ". Случай представился великолѣпный; я провела вечеръ у Императрицы, тамъ были Великій Князь и Віельгорскій; Государь, очень веселый, спросилъ у меня, что̀ я дѣлала на этой недѣлѣ. Я разсказала о вечерѣ у Віельгорскихъ, о чтеніи, Государь сталъ насъ разспрашивать. Его Высочество сказалъ ему, что піеса дивная, совершенно необыкновенное произведеніе для такого молодого человѣка, что въ ней есть монологъ героя, единственный въ своемъ родѣ, что онъ такъ хохоталъ, что у него бока заболѣли. Его Величество спросилъ у меня, что̀ я объ этомъ думаю; тогда я прочла наизусть часть монолога, о которомъ уже ранѣе говорила Государю, и когда я дошла до 30,000 курьеровъ, Государь опять расхохотался, и я поняла, что піеса спасена. Затѣмъ онъ намъ сказалъ:

„Этотъ г-нъ Хлестаковъ напоминаетъ мнѣ X., который выигралъ всѣ битвы 1813-го года!"

Все это я разсказала у Карамзиныхъ, гдѣ все общество пришло въ восторгъ. Гоголь былъ въ восхищеніи, равно какъ и Пушкинъ. Віельгорскій объявилъ, что я читаю моно-

---

чаемъ, натолкнувшимъ его вначалѣ на данную тему, но отнюдь не погрѣшилъ ни на іоту *противъ дѣйствительности*, которая слишкомъ часто бываетъ еще ужаснѣе.

По поводу статьи г. Розанова была статья въ «Гражданинѣ» (1894, 28 марта, № 86, фельетонъ), г. М. Южнаго, относящаяся отрицательно къ его соображеніямъ.

логъ Хлестакова идеально. Великій князь, котораго я сегодня утромъ встрѣтила на набережной, объявилъ мнѣ, что Государь будетъ въ театрѣ. Послѣ этого всѣ будутъ апплодировать.

Вчера былъ у меня Т.; во время его визита доложили о Пушкинѣ и Гоголѣ. Т. продолжалъ разводить свои слащаво-добродѣтельныя рапсодіи. Когда онъ уѣхалъ, Сверчокъ, который сгоралъ отъ нетерпѣнія, обратился къ Гоголю и сказалъ: „Вотъ столичный Маниловъ; сохраните его для вашего романа, молодой человѣкъ, и поблагодарите Александру Осиповну за то, что она доставила вамъ счастливый случай слушать разглагольствованія этого господина о добродѣтели, благотворительности и религіи“.

Гоголь отвѣчалъ: „Я его набросаю; у него вырывались драгоцѣнныя словечки“.

Они мнѣ разсказали, что воспитанники Театральнаго училища въ восторгѣ отъ „Ревизора“, присутствуютъ на репетиціяхъ, пускаютъ въ ходъ различныя остроты изъ піесы, говорятъ языкомъ дѣйствующихъ лицъ, и что актеры начинаютъ проникаться духомъ новаго рода произведеній: если молодежь поняла, это обѣщаетъ успѣхъ, такъ какъ она — будущее. Я убѣждена, что Государь будетъ апплодировать раньше всѣхъ, такъ какъ онъ отлично пойметъ, о чемъ тутъ рѣчь“ [1]).

Итакъ несомнѣнно, что Гоголь былъ много обязанъ при постановкѣ на сценѣ „Ревизора“ императору Николаю Павловичу, о чемъ онъ всегда помнилъ, и вскорѣ же сообщалъ матери: „Если бы самъ Государь не оказалъ своего высокаго покровительства и заступничества, то, вѣроятно, комедія не была бы никогда играна, или напечатана [2])“. Въ мартѣ 1839 г. о томъ же Гоголь вспомнилъ въ письмѣ къ Жуковскому въ такихъ выраженіяхъ; „Государь милостивъ. Мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое онъ оказалъ къ (sic!) моему „Ревизору“ [3]).

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», V, 263.

[2]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1894, IV, 200—205.

[3]) «Русскій Архивъ», 1871, 4 — 5, 0933.

Далѣе Смирнова замѣчаетъ:

„Увѣряютъ, что Государь сказалъ послѣ представленія „Ревизора“: „Всѣмъ досталось, а мнѣ больше всѣхъ“[1]), что̀, однако, не помѣшало піесѣ удержаться въ репертуарѣ, несмотря на всѣ усилія, какія дѣлались, чтобы добиться запрещенія, и не взирая на ярость критиковъ“.

Между тѣмъ слухи о комедіяхъ Гоголя распространялись все больше и больше и автора стали приглашать прочитать ту или другую изъ его піесъ совсѣмъ незнакомыя лица, какъ показываетъ между прочимъ слѣдующій разсказъ:

„Однажды къ квартирѣ Гоголя подъѣхала великолѣпная карета, посланная за нимъ одною высокопоставленною особой. Гоголя не было дома, — онъ былъ въ кружкѣ своихъ друзей. Карета поѣхала туда; входитъ лакей, говоритъ, что карета прислана за г. Гоголемъ и что его ожидаютъ. Услыша это, Гоголь сильно встревожился и наотрѣзъ отказался ѣхать. Но тутъ уже всѣ товарищи начали уговаривать его, чтобы ѣхалъ непремѣнно и безъ всякихъ отговорокъ. „Да у меня и фрака здѣсь нѣтъ“. Нашли фракъ и натянули на Гоголя: рукава оказались коротковаты, а фалды черезчуръ длинныя... Снарядили наскоро, какъ могли, и Гоголь поѣхалъ. У пригласившей Гоголя высокой особы онъ читалъ „Ревизора“ въ присутствіи большого общества, генераловъ и другихъ сановниковъ. Говорили потомъ, что прочелъ онъ „Ревизора“ неподражаемо. Каждое дѣйствующее лицо этой комедіи говорило у Гоголя своимъ голосомъ и съ своей мимикой. Всѣ слушатели много и отъ души смѣялись, благодарили талантливаго автора и превосходнаго чтеца за доставленное удовольствіе, и Гоголь получилъ въ подарокъ превосходные часы“.

Также случалось Гоголю неожиданно читать и „Женитьбу“.

„Проѣздомъ черезъ Москву въ Малороссію на каникулярное время“, — говоритъ тотъ же разсказчикъ, — „Гоголь, Данилевскій и Пащенко остановились въ гостиницѣ. На другой день вбѣгаетъ къ нимъ лакей ихъ и говоритъ, что Н. В. Гоголя спрашиваетъ какой-то господинъ, а вслѣдъ

---

1) То же самое см. у Вольфа «Хроника С.-Петерб. театровъ», I, 50 и въ «Воспоминаніяхъ» Л. Л. Леонидова («Русская Старина, 1888, IV, 228).

за этимъ входитъ и самый этотъ господинъ и спрашиваетъ: „здѣсь г. Гоголь?“ Гоголь, Данилевскій и Пащенко были не одѣты и скорѣй за ширму... „Извините — мы не одѣты“, — говорятъ изъ-за ширмы. „Ничего; прошу васъ не стѣсняться; я желаю и мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами“. А за ширмой суматоха: одинъ другого выпихиваютъ впередъ. Наконецъ выходитъ Гоголь и рекомендуется тому господину, который оказывается — бывшій министръ народнаго просвѣщенія Дмитріевъ. Старикъ жилъ въ Москвѣ и желалъ лично познакомиться съ Гоголемъ, съ которымъ и познакомился и очень любезно, а также и съ товарищами Гоголя, и пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Дали слово. На вечерѣ у Дмитріева собралось человѣкъ 25 московскихъ литераторовъ, артистовъ и любителей, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Щепкинъ съ двумя своими дочерьми. Гостепріимный хозяинъ и всѣ просили Гоголя прочесть „Женитьбу“. Гоголь сѣлъ и началъ читать. По одну сторону Гоголя сидѣлъ Дмитріевъ, а по другую Щепкинъ. Читалъ Гоголь такъ превосходно, съ такой неподражаемой интонаціей, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили въ восторгъ, не выдерживали и прерывали чтеніе различными восклицаніями. Кончилъ Гоголь и свистнулъ... Восторженный Щепкинъ сказалъ такъ: „подобнаго комика не видалъ и не увижу!“ Потомъ, обращаясь къ дочерямъ, которыя готовились поступить на сцену, прибавилъ: „вотъ для васъ высокій образецъ художника, вотъ у кого учитесь!“ [1]).

Наконецъ наступилъ знаменательный день перваго представленія „Ревизора“.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1836 года [2]) (воскресенье 19-го апрѣля), подъ рубрикой „Зрѣлища“ было напечатано: „Сегодня, 19-го апрѣля, на Александринскомъ театрѣ въ первый разъ „*Ревизоръ*“, оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ“ [3]).

[1]) «Берегъ», 1880, № 268, дек. 18. — Это чтеніе «Женитьбы» происходило, очевидно, лѣтомъ 1835 года.

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1836 г., № 86, стр. 370.

[3]) Далѣе названа въ публикаціи слѣдующая пьеса того же представленія: «*Сватъ Гаврилычъ или сговоръ на яму*». «Любопытно», — говоритъ Н. С. Тихонравовъ, — «что въ этомъ объявленіи не названа даже фамилія *Гоголя*». — «Достойно также замѣчанія» — прибавляетъ онъ далѣе, — «что *Театральный разъ-*

Во время представленія „Ревизора", на которое Гоголь явился съ стѣсненнымъ сердцемъ отъ смутнаго предчувствія неудачъ, почти неизбѣжныхъ при выполненіи такого обширнаго художественнаго замысла, опасенія его оправдывались на каждомъ шагу. На сцену онъ смотрѣлъ не какъ авторъ заурядной театральной пьесы, котораго полное торжество заключается въ радушномъ пріемѣ и рукоплесканіяхъ публики, но съ затаеннымъ страхомъ и глубокой скорбью за судьбу своего созданія, въ которое онъ положилъ всю душу, свои лучшія, благороднѣйшія стремленія — служить великой задачѣ исправленія общественныхъ недостатковъ. Здѣсь подвергалась общественному суду и оцѣнкѣ не только пьеса, вскорѣ послѣ того, подъ вліяніемъ горькаго разочарованія, признанная-было имъ ничтожною, но подлежалъ провѣркѣ самый вопросъ объ истинности избраннаго имъ призванія, которому предназначалось уже явиться въ небываломъ блескѣ и во всемъ своемъ великомъ значеніи въ широко-задуманной и начатой поэмѣ — цѣли всей остальной жизни автора. Этимъ призваніемъ онъ надѣялся осуществить завѣтную мысль лучшихъ дней юности о безкорыстномъ служеніи обществу, или даже, какъ онъ выражался прежде, человѣчеству. Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло постановка на сцену комедіи была для него своего рода событіемъ великимъ, роковымъ испытаніемъ, на которомъ на „всенародныя очи" выносилось все его завѣтное внутреннее содержаніе. Наградой за такое дѣло могло бы служить единственно глубокое внутреннее удовлетвореніе въ сознаніи, что трудъ нѣсколькихъ лѣтъ послужитъ не одной минутной забавѣ случайныхъ зрителей, но способенъ глубоко отозваться въ душѣ многихъ поколѣній, могущественно дѣйствуя на ихъ чувства и совѣсть; иначе самый полный внѣшній успѣхъ былъ бы для него убійственнымъ фіаско. Въ письмѣ къ одному литератору, написанномъ по поводу перваго представленія „Ревизора", Гоголь такъ изображаетъ свое нравственное состояніе во время спектакля: „Съ самаго

ъздъ послѣ представленія *новой комедіи*» открывается въ то время, какъ долженъ былъ начаться незначительный водевиль. Зрители стали разъѣзжаться. «Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку. *Первый офицеръ*. Да останемся.— *Другой офицеръ*. Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь! — и т. д. «Итакъ,» — говоритъ Тихонравовъ, — «даже эта незначительная черта въ «Разъѣздѣ» вѣрна дѣйствительности» («Русск. Мысль», 1886, V, 84).

начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе“[1]). Изъ дальнѣйшаго содержанія письма видно, что каждый неловкій пріемъ актера бросалъ его въ жаръ и знобъ, каждая фальшивая нота рѣзала по сердцу и отзывалась тяжелой, щемящей болью. Можно представить себѣ послѣ этого, каково было нравственное состояніе Гоголя, когда, напримѣръ, въ третьемъ явленіи перваго дѣйствія показались на сценѣ карикатурные Бобчинскій и Добчинскій въ какомъ-то нелѣпомъ, шутовскомъ нарядѣ, въ которомъ одномъ уже, не говоря объ отвратительной игрѣ и невыносимомъ кривляньѣ исполнителей, Гоголь не могъ не видѣть, хотя не вольнаго, но тѣмъ не менѣе жестокаго, безпощаднаго поруганія надъ комедіей. Затѣмъ всѣ сцены, въ которыхъ выступаетъ Хлестаковъ, настолько усилили гнетущее настроеніе автора, что онъ долго не могъ потомъ забыть объ этомъ, откровенно передавая свои впечатлѣнія въ письмахъ къ друзьямъ. Впрочемъ публика была довольна исполненіемъ этой роли артистомъ Дюромъ, заслужившимъ, наравнѣ съ Сосницкимъ въ роли городничаго (имъ доволенъ былъ и Гоголь), шумныя рукоплесканія[2]). Всего менѣе удовлетворило Гоголя исполненіе четвертаго дѣйствія, которое онъ тутъ же рѣшилъ передѣлать, и нѣмой сцены въ концѣ комедіи. Кромѣ того, негодованіе и раздраженіе публики противъ автора было явное. Въ общемъ впечатлѣніе его, какъ извѣстно, было настолько тяжелое и удрученное, что, когда его пріятель Прокоповичъ, по окончаніи спектакля, показалъ ему только-что отпечатанный экземпляръ „Ревизора“ со словами: „Полюбуйся на сынку!“, то Гоголь, внѣ себя отъ раздраженія, далеко отшвырнулъ его на полъ и произнесъ: „Господи Боже! Ну, еслибы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“[3]). Въ самомъ дѣлѣ, хотя впечатлѣніе публики было смѣшанное, но преобладающее настроеніе, такъ ярко обрисованное въ прекрасныхъ воспоминаніяхъ Аннен-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 287.

[2]) Тамъ же, 288; см. также „Истор. Вѣстникъ“, 1894, IV, 109.

[3]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 193.

кова, было въ сущности крайне неблагопріятное, и это не укрылось отъ автора[1]).

Вотъ какъ изображаетъ Анненковъ свои впечатлѣнія во время перваго представленія „Ревизора“:

„Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только-что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однакоже въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе — за то, что виденъ талантъ въ нѣ-

---

[1]) См. «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 193. — О письмѣ къ одному литератору замѣтимъ, что для насъ здѣсь въ сущности безразлично, было ли оно *въ самомъ дѣлѣ написано Пушкину,* — въ чемъ не безъ основанія сомнѣвался проф. Тихонравовъ, — или же онъ обращался къ воображаемому лицу и написалъ письмо гораздо позднѣе; вѣдь, во всякомъ случаѣ послѣднимъ все-таки могъ быть только одинъ хотя бы умершій уже, но несомнѣнно воображаемый передъ собою Пушкинъ, который больше всѣхъ имѣлъ правъ на такое задушевное изліяніе Гоголя по своимъ всегда честнымъ, искреннимъ и сердечнымъ отношеніямъ къ младшему собрату по литературѣ. Впрочемъ, позднѣе съ подобнымъ прочувствованнымъ словомъ, уже незадолго передъ «Авторской Исповѣдью» и по такому же поводу, Гоголь обращался къ Жуковскому.

которыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась; но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: „это — невозможность, клевета и фарсъ“ [1]).

Кромѣ этого не только любопытнаго, но и драгоцѣннаго разсказа очевидца, въ нашей литературѣ есть еще нѣсколько другихъ, представляющихъ болѣе живой интересъ, вслѣдствіе чего мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нихъ сперва наиболѣе важные.

Прежде всего въ „Хроникѣ С.-Петербургскихъ театровъ“ Вольфа мы находимъ слѣдующій разсказъ о первомъ представленіи „Ревизора“:

„Гоголю, какъ и всѣмъ сатирическимъ писателямъ, нападающимъ на недостатки современнаго общества и особенно администраціи, большого труда стоило добиться до представленія своей пьесы. При чтеніи ея цензура перепугалась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое рѣшеніе въ высшую инстанцію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Жуковскій, князь Вяземскій, графъ Віельгорскій рѣшились ходатайствовать за Гоголя, и усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. „Ревизоръ“ былъ вытребованъ въ Зимній Дворецъ, и графу Віельгорскому поручено его прочитать. Графъ, говорятъ, читалъ прекрасно; разсказы Бобчинскаго и Добчинскаго и сцена представленія чиновниковъ Хлестакову, очень понравились, и затѣмъ, по окончаніи чтенія, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе играть комедію.

Первое представленіе ея состоялось на Александринскомъ театрѣ 22-го апрѣля 1836 г. Зала наполнилась блистательнѣйшею публикою, вся аристократія была на лицо, зная, что государь обѣщалъ быть въ театрѣ. Роли распредѣлили какъ нельзя лучше. Сосницкій игралъ Городничаго, Сосницкая — жену его, Асенкова — дочь, Дюръ — Хлестакова, Аѳанасьевъ — Осипа, Каратыгинъ 2-й — Ляпкина-Тяпкина, Толченовъ — Землянику, Гусева — Пошлепкину, Сосновскій — Абдулина. Прочія роли, въ томъ числѣ Добчинскаго и Бобчинскаго, розданы были второстепеннымъ артистамъ, именъ коихъ не помню.

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 193.

Успѣхъ былъ колоссальный. Публика хохотала до упаду и осталась очень довольною исполнителями. Государь, уѣзжая, сказалъ: „Тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ". Несмотря на то, запрещенія комедіи не послѣдовало, и она игралась безпрестанно. Въ слѣдующія представленія Максимовъ чередовался съ Дюромъ въ роли Хлестакова, и былъ чуть ли не лучше его. Сцена вранья послѣ обѣда передавалась имъ великолѣпно"[1]).

Любопытно, что, по словамъ покойнаго артиста Александринскаго театра Леонида Львовича Леонидова, оканчивавшаго въ то время курсъ въ театральномъ училищѣ, для исполненія ролей: Добчинскаго, Бобчинскаго, Держиморды, Люлюкова и Мишки — самимъ Гоголемъ были выбраны воспитанники: Крамолей, Петровъ, Марковецкій, Ахалинъ и Горшенковъ, изъ коихъ Марковецкій имѣлъ впослѣдствіи нѣкоторую извѣстность[2]). „Всѣ отличившіеся" —разсказываетъ Леонидовъ — „получили отъ двора подарки; иные отъ дирекціи прибавку къ жалованью, а игравшій Бобчинскаго и пользовавшійся за эту роль особою высокою милостью получилъ совершенно неожиданный сюрпризъ.

Въ антрактѣ одного изъ балетовъ государь пожаловалъ на сцену и, замѣтивъ Петрова, вышедшаго пофигурировать впередъ, сказалъ:

— А! Бобчинскій! Такъ, такъ и сказать, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій?

— Точно такъ, ваше величество... отвѣтилъ тотъ бойко.

— Ну, хорошо, будемъ знать — заключилъ государь, обратившись къ другимъ присутствующимъ на сценѣ"[3]).

А. В. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„Комедія Гоголя „Ревизоръ" надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ — почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я попалъ на третье представленіе. Была государыня съ наслѣдникомъ и великими княжнами. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть „Ревизора". Впереди меня, въ креслахъ, сидѣли графъ

---

[1]) Вольфъ: «Хроника с.-петербургскихъ театровъ», т. I, стр. 49—50.

[2]) «Русская Старина», 1888, IV, 227.

[3]) Тамъ же, 228—229.

Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выражалъ свое полное удовольствіе; второй только сказалъ:

— Стоило ли ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу.

Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту піесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, производимое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей"[1]).

Въ числѣ лицъ недовольныхъ комедіей были между прочимъ и такіе яростные противники ея, какъ В. И. Панаевъ, о которомъ А. Я. Головачева-Панаева разсказываетъ, что онъ, приходилъ въ ужасъ отъ того, что „Ревизора" дозволили играть на сценѣ. По его мнѣнію, это была „безобразная карикатура на администрацію всей Россіи, которая охраняетъ общественный порядокъ, трудится для пользы отечества, и вдругъ какой-то коллежскій регистраторишка дерзаетъ осмѣивать не только низшій классъ чиновниковъ, но даже самихъ губернаторовъ"[2]).

О первомъ представленіи „Ревизора" сообщаетъ также въ своихъ воспоминаніяхъ Головачева-Панаева:

„Я помню", — говоритъ она, — „что когда ставили „Ревизора" на сцену, всѣ участвующіе артисты какъ-то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголемъ въ піесѣ, новы для нихъ, и что эту піесу нельзя такъ играть, какъ они привыкли разыгрывать на сценѣ свои роли въ передѣланныхъ на русскіе нравы французскихъ водевиляхъ"[3]).

Наконецъ И. И. Панаевъ разсказываетъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ":

„Ревизоръ" Гоголя имѣлъ успѣхъ колоссальный, но въ первыя минуты этого успѣха никто даже изъ самыхъ жар-

---

[1]) «Русская Старина», 1889, IX, 539—540; «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», 368.

[2]) „Русскіе писатели и артисты" А. Я. Головачевой-Панаевой, стр. 178 и „Историч. Вѣстникъ" 1889, IV, 42. Ср. такіе же изступленные отзывы о Гоголѣ американца Толстого въ „Руси" 1880, № 6, стр. 16; „Русск. Архивъ", 1890, VIII, 38 и „Русской Старинѣ" 1888, X, стр. 133.

[3]) Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой, стр. 23. «Историч. Вѣстникъ», 1889, I, стр. 45.

кихъ поклонниковъ Гоголя не понималъ вполнѣ значенія этого произведенія и не предчувствовалъ, какой огромный переворотъ долженъ совершить авторъ этой комедіи. Кукольникъ послѣ представленія „Ревизора" только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта въ Гоголѣ, замѣчалъ: „а все-таки это фарсъ, недостойный искусства" [1]).

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ о первомъ представленіи „Ревизора" самымъ любопытнымъ и замѣчательнымъ воспоминаніемъ слѣдуетъ признать, безъ сомнѣнія, прекрасный разсказъ П. В. Анненкова; но кромѣ того объ этомъ сохранились еще нѣкоторыя иныя свѣдѣнія, рѣдко обращающія на себя вниманіе и почти совсѣмъ забытыя. Ихъ мы позволимъ себѣ также напомнить. Такъ прежде всего въ извѣстномъ дневникѣ Храповицкаго, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ", мы читаемъ слѣдующее сухое и краткое, но вполнѣ достовѣрное извѣстіе о занимающемъ насъ знаменательномъ спектаклѣ:

„Въ первый разъ „Ревизоръ". Оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ сочиненія Н. Гоголя. Государь императоръ съ наслѣдникомъ внезапно изволилъ присутствовать и былъ чрезвычайно доволенъ, хохоталъ отъ всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество. Актеры всѣ, въ особенности Сосницкій, играли превосходно. Вызваны Сосницкій и Дюръ" [2]).

По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", на первомъ представленіи Гоголь сидѣлъ въ ложѣ съ графомъ Віельгорскимъ, княземъ Вяземскимъ и Жуковскимъ [3]).

Изъ воспоминаній другого лица, разсказывающаго также, повидимому, со словъ очевидцевъ перваго представленія, мы узнаемъ еще слѣдующія, не лишенныя интереса подробности:

Въ партерѣ, между прочимъ, сидѣлъ И. А. Крыловъ, никогда будто бы не бывавшій въ театрѣ (послѣднее сообщеніе нельзя считать достовѣрнымъ въ виду данныхъ, сообщенныхъ въ дневникѣ П. А. Каратыгина и въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ [4]). На вызовы автора по оконча-

---

[1]) Литер. воспоминанія Панаева, стр. 187. — Кукольникъ, школьный товарищъ Гоголя, былъ съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ и принадлежалъ къ совершенно иному кругу. Общимъ знакомымъ обоихъ былъ К. П. Брюлловъ. Самыми близкими къ Кукольнику людьми были Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій (см. ниже).

[2]) «Русск. Стар.», 1879, II, 348.

[3]) «С.-Петербургск. Вѣд.», 1875, № 292.

[4]) См. Зап. Каратыгина, «Лѣтопись Русскаго театра» Арапова, стр. 211 и

ніи пьесы Гоголь не вышелъ: его не оказалось въ театрѣ. Волнуемый новыми для него ощущеніями, онъ въ тотъ же вечеръ заѣзжалъ къ своимъ знакомымъ; въ томъ числѣ былъ и у Плетнева, но не засталъ его дома. Кромѣ того тотъ же разсказчикъ сообщаетъ, что на первомъ представленіи „Ревизора" (вѣроятнѣе — на генеральной репетиціи) Гоголь лично распорядился вынести роскошную мебель, которую поставили было въ комнату городничаго, и замѣнилъ ее скромной и простой, прибавивъ клѣтку съ канарейками и бутыль на окнѣ. Осипъ былъ наряженъ въ ливрею съ галунами. Гоголь снялъ замасленый кафтанъ съ ламповщика и надѣлъ его на актера, игравшаго Осипа[1]).

Приведемъ еще разсказъ, сообщенный, повидимому, свидѣтелемъ и очевидцемъ, оставляя его впрочемъ на отвѣтственности автора[2]):

„Referent errinnert sich sehr wohl der Tage der ersten Vorstellung. Die Censur hat das Stück verboten, der Kaiser aber erlaubt, nachdem er sich dasselbe zu seiner grossen Befriedigung hat vorlesen lassen. Der Kaiser beehrte auch mehr als eine Vorstellung des dramatischen Stücks mit seiner Gegenwart, mit seinem Beifall. Bis an dem Kaiser war Gogol gekommen durch den literärisch und künstlerisch gebildeten hohen Hofzirkel, der in erster Reihe aus Schukowsky, Fürst Peter Wiasemsky und den Grafen Michael Wielhorsky bestand. Diese hatten den Kaiser aufmerksam gemacht und der Kaiser erklärte das Stück für ein nützliches und belehrendes und hob das Veto der Censur auf, das keineswegs unbegründet war. Es ist dies wohl zu bemerken und als hervorragend für eine Zeit zu verzeichnen, in der die Tagespresse noch keinerlei Initiative hatte. Referent assistirte der ersten, mit Ungeduld in der vornehmen Welt, die damals allein massgeltend war, erwarteten Vorstellung des „Rewidenten" im Alexandra-Theater in der Loge, welche den Fürsten Wiasemsky und den Grafen Wielhorsky reservirt war, denen Gogol in seiner Gegenwart ein Billet mit dringendster Bitte um Theilnahme gebracht hatte".

Біографія И. И. Сосницкаго, артиста Императорскаго театра» (брошюра). С.-Петербургъ, 1861, стр. 8.

[1]) «Порядокъ», 1881, №№ 28 и 35.

[2]) „S. Peterburger Zeitung", 1875, 224.

IV.

Вслѣдъ затѣмъ поднялись толки въ печати, которые, за исключеніемъ восторженнаго отзыва Бѣлинскаго[1]), способны были только еще сильнѣе растравить свѣжія раны. Въ началѣ „Театральнаго Разъѣзда“ Гоголь воспроизвелъ журнальные отзывы о „Ревизорѣ“ во всемъ ихъ комизмѣ. Такъ, мнѣнія Булгарина были переданы, во-первыхъ, устами господина нѣсколько беззаботнаго насчетъ литературы, подобно критику „Сѣверной Пчелы“, сомнѣвавшагося въ томъ, что сюжетъ „Ревизора“ оригинальный, а не заимствованъ изъ чужихъ литературъ[2]); далѣе, всѣ сужденія Булгарина и Сенковскаго сгруппированы въ словахъ двухъ литераторовъ, потомъ „первой бекеши“ (возмущавшейся тѣмъ, что во второмъ дѣйствіи Хлестаковъ ковыряетъ въ зубахъ), и, наконецъ, въ „голосѣ въ одномъ концѣ толпы“[3]). Во второй половинѣ „Театральнаго Разъѣзда“, отчасти устами дѣйствующихъ лицъ, разобраны и опровергнуты предшествующія сужденія, частью же представлены вообще впечатлѣнія публики. Далѣе, въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ весьма точно воспроизведены тяжелыя обвиненія, со всѣхъ сторонъ посыпавшіяся на автора, за то что комедія заключаетъ въ себѣ невѣроятный сюжетъ, клевету на Россію, бунтъ противъ правительства[4]), что она подрываетъ уваженіе къ начальству, унижаетъ сословіе чиновниковъ[5]) и, наконецъ, даже, что оскорбленіе, нанесенное комедіей титулярному совѣтнику, можетъ легко распространиться и на дѣйствительнаго статскаго[6])... Но самымъ чувствительнымъ и обиднымъ былъ для автора упрекъ въ безсердечіи, произнесенный устами одной молодой дамы: „Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется,

---

¹) Также неизвѣстнаго критика въ «Молвѣ».

²) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 484. — «Во всѣхъ литературахъ» писалъ Булгаринъ — «существуютъ повѣсти, комедіи и романы, основанные на incognito. *Лучше всѣхъ пользуется этимъ Коцебу*». Этимъ словамъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ» соотвѣтствуютъ слова литератора: «послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ «Ревизоромъ» Монбланъ передъ *Пулковской горой*» («Сѣв. Пчела», 1836, № 171).

³) Соч, Гог., II, 498 и 508.

⁴) Стр. 490, 499, 500, 501 и 502.

⁵) Стр. 495 и 497.

⁶) Стр. 497.

тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что̀ чувствуетъ одно только нѣжное сердце"[1]). На этотъ упрекъ намекаетъ Гоголь и въ „Мертвыхъ Душахъ" словами, что современный судъ отвелъ ему „презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придалъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, *отнялъ отъ него и сердце*, и душу, и божественное пламя таланта"[2]). Подъ вліяніемъ такихъ оскорбительныхъ толковъ впервые зародилась въ Гоголѣ болѣзненная страсть жадно прислушиваться къ мнѣніямъ и оцѣнкѣ его литературныхъ произведеній, при чемъ, какъ извѣстно, его всегда гораздо больше интересовали враждебные отзывы, нежели благопріятные... Отнынѣ его девизомъ стало выраженіе: „Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другихъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ"[3]).

Чтобы яснѣе представить себѣ внутреннее состояніе Гоголя въ занимающее насъ время, необходимо еще разъ припомнить, что за послѣдніе полтора года всѣ его надежды рушились неудержимо, и что еще такъ недавно, обращая къ будущему взоръ, исполненный свѣтлыхъ надеждъ, отдаваясь восторженнымъ мечтамъ, онъ написалъ свое воодушевленное и исполненное свѣтлыхъ надеждъ воззваніе къ генію[4]). Теперь всякій внѣшній успѣхъ все болѣе терялъ для него свое значеніе. Въ литературной средѣ, въ которой на первыхъ порахъ Гоголь сдѣлалъ такіе блестящіе и быстрые шаги, все возможное было давно достигнуто и вскорѣ же, вѣроятно, почувствовалась глубокая разница между искренними отношеніями къ нему Пушкина и многочисленными поверхностными, хотя и пріятельскими отношеніями къ Одоевскому, Вяземскому, Крылову и другимъ писателямъ, цѣнившимъ, впрочемъ, его талантъ и готовымъ иногда даже вступить съ нимъ въ общія литературныя предпріятія (въ родѣ

---

[1]) Стр. 503.

[2]) Т. III, стр. 131 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 416.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 483 и «Соч. и письма Гоголя», V, 500. Любопытно, что въ первой редакціи «Отрывка» Марья *Петровна* (такъ читается тамъ ея отчество) въ мечтахъ своего сына о женитьбѣ находитъ «масонскія правила» и даже отголосокъ «Рылѣевскихъ стиховъ». (Соч. Гог., изд. X, т. II, 755).

[4]) «Соч. Гог.», изд. X, т. V, стр. 105—106.

нѣсколькихъ задуманныхъ, но не осуществившихся альманаховъ[1]); но въ сущности они были для него люди почти посторонніе, легко потомъ отдалившіеся по отъѣздѣ его заграницу. Теперь, когда Гоголь разочаровался въ своихъ мечтахъ объ ученой карьерѣ и не оправдались его надежды на „Ревизора", самый Петербургъ, какъ мы сказали, сдѣлался ему чуждъ и противенъ. Существовать онъ могъ только литературой и прибѣгая къ милостямъ двора, но это былъ уже путь тяжелый и отвѣтственный передъ совѣстью и потомствомъ. А многое было еще дорого для него въ Петербургѣ, еще за нѣсколько дней до спектакля, особенно въ счастливые часы мечтаній объ успѣхѣ „Ревизора". Сколько горячихъ увлеченій, сколько живого чувства соединялось съ постановкой комедіи!

Всѣ работы и труды были тогда посвящены почти исключительно „Ревизору". Такъ было въ значительной степени уже въ 1834, но особенно въ 1835 и въ началѣ 1836.

Профессорскія обязанности давно уже отвлекли Гоголя отъ дальнѣйшей переработки и постановки на сцену комедіи „Женитьба". Въ августѣ 1834 г. Гоголь писалъ Максимовичу: „На театръ здѣшній я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую" [2]). Зато весь 1834 г., даже еще до полученія каѳедры, онъ заботился уже о „Ревизорѣ" и отчасти о своихъ научныхъ статьяхъ, напечатавъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" — въ февралѣ статью „Планъ преподаванія всеобщей исторіи", въ апрѣлѣ „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи" и о „Малороссійскихъ пѣсняхъ", а въ „Сѣверной Пчелѣ" (1834, № 24) [3]) „Объявленіе объ изданіи малороссійской исторіи". Въ то же время онъ готовилъ свою вступительную лекцію „О среднихъ вѣкахъ", также напечатанную потомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" — уже въ сентябрьской книгѣ. Но такъ какъ при всемъ настойчивомъ желаніи заняться избранной научной спеціальностью

---

[1]) См. второй томъ настоящаго труда, стр. 154—155; также «Русскій Архивъ», 1864, VII—VIII, 719—720; 2 изд., стр. 814.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 223 и Письма Гоголя къ Максимовичу, 18.

[3]) Перепечатано въ «Московскомъ Телеграфѣ», 1834, № 3, стр. 523 и въ «Молвѣ», 1834 г., стр. 118.

Гоголю никакъ не удавалось выдержать характеръ, то, не будучи въ состоянiи превозмочь неотразимаго внутренняго влеченiя, онъ испытывалъ припадки тоски, невольно ронялъ перо изъ рукъ и уносился мыслью въ волшебный мiръ сцены, вмѣсто лекцiй работалъ надъ „собственно своими вещами“ и наконецъ 4 декабря 1835 г. благополучно окончилъ свой трудъ надъ „Ревизоромъ“, почти совсѣмъ забросивъ обязательныя университетскiя занятiя, которыя быстро шли подъ гору. Вмѣстѣ съ ослабленiемъ надеждъ на ученую карьеру Гоголя нѣкоторое время рука объ руку шло возрастанiе свѣтлой увѣренности въ ласково манящей литературной славѣ. Недавнiя, оказавшiяся, уже по достиженiи успѣха, безполезными, униженiя во время хлопотъ о каѳедрѣ будили въ душѣ его рой непрiятныхъ воспоминанiй, а надежды прiятно щекотали такъ долго уязвляемое самолюбiе. „Отъ меня зависитъ“ — говорилъ Гоголь Максимовичу — „прiобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношенiи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго черезъ длинныя переднiя и лакейскiя пробиваться къ мѣсту“[1]).

Одна волна за другой быстро захватывала Гоголя; онъ жилъ горячей, лихорадочной жизнью. Во все это время Гоголь готовился при каждой неудачѣ начать новую жизнь — до такой степени въ ней играли и кипѣли бившiя тогда ключемъ молодыя силы.

Роковой день 19-го апрѣля все унесъ съ собой и похоронилъ завѣтныя думы и мечты Гоголя, оставивъ въ душѣ его пустоту и горькiй осадокъ разочарованiя. Послѣ всѣхъ перенесенныхъ волненiй отъ однѣхъ цензурныхъ придирокъ, какое страшное фiаско! Что̀ могло, напримѣръ, удостовѣрить его тогда даже въ матерiальномъ успѣхѣ „Ревизора“, когда „Арабески“ и „Миргородъ“, почти вовсе не расходились вначалѣ![2]) Но всего ужаснѣе было всеобщее озлобленiе. Его,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 223; Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 18.

[2]) «Русскiй Архивъ», 1880, II, 514. Въ письмѣ къ Погодину отъ 23-го марта 1835 г. Гоголь говоритъ: «Да пожалуйста напечатай въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленiе объ «Арабескахъ». Сдѣлай милость, въ такихъ словахъ: что теперь, дескать, только и говорятъ вездѣ, что объ «Арабескахъ», что сiя книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный (*NB*, до сихъ поръ ни гроша барыша не получено) и тому подобное» (т. V, 238). Если у Бѣлинскаго мы напротивъ читаемъ (т. IV, стр. 229), что въ 1840 г. «трудно было

истиннаго консерватора по убѣжденіямъ, даже наивно принимавшаго самое названіе либерала за нѣчто позорное, стали провозглашать либераломъ и, притомъ, самымъ отъявленнымъ[1]), — его, въ близкомъ будущемъ завзятаго религіознаго мистика, упрекали чуть не въ безбожіи („сегодня онъ скажетъ: „такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ“ [2]); наконецъ, о немъ, ополчившемся въ защиту поруганнаго права и законности, стали кричать, что будто бы онъ былъ, напротивъ, врагъ закона и отечества („Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ, который на мнѣ, — его, значитъ, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка“ [3]).

День 19-го апрѣля 1836 года долженъ быть знаменателенъ для насъ не только по памяти о первомъ представленіи „Ревизора“, но и потому еще, что въ этотъ незабвенный день русскому писателю пришлось впервые, въ особѣ Гоголя, встрѣтить и лицомъ къ лицу вынести бурю всеобщаго негодованія за смѣлое слово правды, пришлось принять почетное страданіе отъ общества за честное служеніе ему же, пришлось вкусить отъ того горькаго плода, который природой вещей уготованъ каждому серьезному сатирику, осмѣливающемуся благороднымъ орудіемъ слова будить сонное общественное сознаніе и совѣсть. Гоголю тѣмъ тяжелѣе

найти въ какой-угодно книжной лавкѣ «Вечера на Хуторѣ» второго изданія, «Арабески», «Миргородъ» или «Ревизора», — то это было уже пять лѣтъ спустя послѣ того времени, о которомъ мы говоримъ. Также у Бѣлинскаго см. о томъ, что позднѣе вообще стали быстро раскупаться сочиненія Гоголя (т. VII, 34, и XI, 105), но также съ другой стороны слова Гоголя въ «Русск. Арх.», 1871, 4—5, 6938.

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 251 и 260 — въ письмѣ къ Погодину; но тамъ есть пропускъ; послѣ словъ: «всѣ противъ него» — слѣдуетъ читать: «и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся» и проч. (См. соч. Гог. изд. X, т. II, стр. 788—789; см. также вообще примѣчанія Н. С. Тихонравова къ «Отрывку» и «Театральному Разъѣзду послѣ представленія новой комедіи»; также стр. 778 и особенно о томъ, какъ обвиненія въ либерализмѣ отразились въ черновомъ наброскѣ «Отрывка», а отчасти вошли и въ самый «Отрывокъ», въ томъ мѣстѣ, гдѣ Миша защищается отъ обвиненій Марьи Александровны въ томъ, что онъ «либералъ» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 772—774).

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 511.

[3]) Тамъ же, стр. 506.

было пролагать первые слѣды по этому тернистому пути, что онъ не имѣлъ или не зналъ себѣ на немъ предшественниковъ, такъ какъ непоявленіе въ печати комедіи Грибоѣдова при жизни послѣдняго въ значительной степени спасло автора отъ подобныхъ испытаній, а имена полузабытыхъ въ то время благородныхъ мучениковъ прошлаго вѣка едва ли были даже знакомы Гоголю. И Гоголь не только не избѣгнулъ злобы и проклятій современниковъ, но даже и теперь, по прошествіи пятидесяти слишкомъ лѣтъ, въ нашей литературѣ еще не умолкли голоса недовольныхъ общественнымъ значеніемъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ [4]), т.-е. именно

[4]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, VII. 263. Въ статьѣ, посвященной «Аннѣ Карениной» и вообще сочиненіямъ Л. Н. Толстого, покойный К. Н. Леонтьевъ писалъ: «Вѣдь не возвышенная поэзія «Тараса Бульбы», «Рима» или «Страшной Мести», не могучая фантазія повѣсти «Вій», не милая веселость «Вечеровъ близъ Диканьки» — оставили сильный, глубокій и до сихъ поръ трудно изгладимый слѣдъ на послѣдующей литературѣ; но или прямо сатира «Мертвыхъ Душъ», «Ревизора» и т. д., или изображеніе горькихъ, жалкихъ и болѣзненныхъ явленій нашей жизни, некраснваго трагизма нашихъ будней въ «Шинели», «Невскомъ Проспектѣ», «Запискахъ Сумасшедшаго». Можно даже позволить себѣ сказать прямо, что изъ духа этихъ трехъ послѣднихъ *петербургскихъ* повѣстей Гоголя вышелъ и развился почти весь болѣзненный и односторонній талантъ Достоевскаго, точно такъ же, какъ почти весь Салтыковъ вышелъ изъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» (см. статью Леонтьева о Л. Н. Толстомъ: «Анализъ, стиль, вѣяніе»).

Все это, очевидно, не по нраву было Леонтьеву, поклоннику безобидной литературы и эстетику особаго покроя! Жаль, что Леонтьевъ забылъ возраженіе на это самого Гоголя въ «Театральномъ Разъѣздѣ», сдѣланное устами «второго», изъ трехъ мужчинъ: «То-есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе?» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 499). Но вотъ что сказалъ одинъ изъ нашихъ критиковъ почти сорокъ лѣтъ назадъ: «За Гоголемъ остается та заслуга, что онъ первый далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе *къ содержанію,* и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое». («Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» Чернышевскаго, стр. 19). Справедливы также слова того же критика, что «Гоголь принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій» (тамъ же, стр. 21). О Леонтьевѣ можно сказать то же, что названный критикъ сказалъ о Полевомъ: «Только первыя и слабѣйшія произведенія Гоголя остались для него понятны и хороши, потому что въ нихъ еще не преобладало новое начало, превышавшее уровень его понятій» (стр. 33). — Отчасти по тѣмъ же причинамъ не любилъ Гоголя даже авторитетный писатель недавняго прошлаго, И. И. Срезневскій (см. его біографію, составленную В. И. Ламанскимъ)

Изъ остающихся въ живыхъ писателей, не умѣющихъ цѣнить Гоголя, слѣдуетъ назвать г. Авсѣенко, полагающаго, что Гоголь уронилъ нашъ театръ, и

тѣхъ самыхъ произведеній, которыя составляютъ нашу гордость, а его главную литературную заслугу и лучшее дѣло жизни.

V.

Къ сожалѣнію, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ неудачи Гоголь не имѣлъ утѣшенія даже въ твердомъ сознаніи того добра, которое принесла его комедія. Надо сознаться, что онъ впадалъ отчасти и въ малодушіе; Погодинъ былъ совершенно правъ, когда усовѣщивалъ его, говоря: „Ну, какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! Вѣдь ты самъ дѣлаешься комическимъ лицомъ. Представь себѣ, авторъ хочетъ укусить людей не въ бровь, а прямо въ глазъ. Онъ попадаетъ въ цѣль. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумѣется, кричатъ: „да насъ такихъ нѣтъ!“ Такъ ты долженъ бы радоваться, ибо видишь, что достигъ цѣли“[1]).

Что съ другой стороны Гоголя доходили и сочувственные голоса, видно изъ слѣдующихъ словъ купца въ первоначальномъ наброскѣ „Театральнаго Разъѣзда“: „Нѣтъ, батюшка, извините: подлецовъ я не считаю своими, будь у меня родной сынъ подлецъ, я ему (прямо) скажу: „Ты подлецъ, а не сынъ мнѣ. Хорошо, что ихъ выводятъ на посмѣяніе на сцену. Всякій честный купецъ долженъ желать, чтобы купцовъ подлецовъ осмѣивать какъ слѣдуетъ“[2])... Къ сожалѣнію, поэтъ слишкомъ чутко прислушивался лишь къ осужденіямъ.

Но Гоголя въ самое сердце поразило также и сознаніе трудности правдиво изображать современную жизнь и выполнять свое тернистое призваніе сатирическаго писателя такъ, какъ диктовала ему совѣсть. Это горькое сознаніе засѣло гвоздемъ въ головѣ его и долго угнетало, какъ кошмаръ; но что̀ хуже всего, новое испытаніе оказалось настолько тяжело, что недавній страстный, лихорадочный интересъ къ судьбѣ комедіи смѣнился не только равнодушіемъ къ ней, но и какимъ-то непобѣдимымъ отвращеніемъ[3]). „Те-

---

г. Розанова, по мнѣнію котораго, «мертвымъ взглядомъ посмотрѣлъ Гоголь на жизнь и мертвыя души только увидалъ въ ней» и проч. («Русск. Вѣстн.», 1891, I, 245—248).

[1]) «Русская Старина», 1889, VIII, 381.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 797.

[3]) См. напр. «Русское Слово» 1859, 1, 94—95.

перь я вижу“, — писалъ онъ Щепкину, — „что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, еслибы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше знакома, нежели провинціальная“[1]). То же онъ повторяетъ вскорѣ Погодину: „Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея, — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники!..“[2]) Относительную благосклонность и расположеніе къ себѣ москвичей Гоголь объяснялъ себѣ тѣмъ, что „портретъ Москвы еще нигдѣ не былъ виденъ“ у него. Подобныя же размышленія находимъ во многихъ мѣстахъ въ „Носѣ“, „Шинели“ и въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, а также въ другихъ произведеніяхъ[3]). Въ статьѣ „Петербургскія записки 1836 г.“, напр., читаемъ: „Если сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой, совѣтникъ даже скажетъ: „какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекраснѣйшій человѣкъ! какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!..“ Нужны ли примѣры? Вспомните „Ревизора“[4]). Послѣднія слова ясно указываютъ между прочимъ на позднѣйшую прибавку къ статьѣ, задуманной и, вѣроятно, отчасти даже набросанной до поѣздки за-границу. Упоминаніе же въ этой статьѣ объ оперѣ „Жизнь за Царя“, поставленной на сцену лишь въ ноябрѣ 1836 г.,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 254.

[2]) Тамъ же, стр. 261.

[3]) Соч. Гог., т. II, стр. 7, 85, 498, 506 и проч. Въ одной изъ первоначальныхъ редакцій перваго тома «Мертвыхъ Душъ» было также сказано по поводу дамы пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ: «Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ называть ему обѣихъ дамъ, чтобы опять не разсердились и не укорили его въ помѣщеніи личностей. Назвать какою-нибудь выдуманною фамиліею опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, благо велико, какой-нибудь, носящій его, и непремѣнно разсердится не на животъ, а на смерть» и проч. Любопытно, что въ слѣдующей редакціи послѣ словъ: «чтобы опять не разсердились» прибавлено: «какъ сердивались встарь во времена «Ревизора».

[4]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 517.

не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія[1]). Но не одно озлобленіе общества потрясло Гоголя; къ этому главному удару присоединилось еще множество мелочныхъ непріятностей, и особенно въ самое послѣднее время пребыванія его на родинѣ, когда онъ всецѣло былъ погруженъ въ хлопоты о „Ревизорѣ". Въ Москвѣ онъ рѣшилъ вести дѣло черезъ Погодина, которому было поручено обратиться къ Загоскину. Такимъ образомъ здѣсь представился случай воспользоваться плодами знакомства съ послѣднимъ, предусмотрительно сдѣланнаго Гоголемъ еще въ первый проѣздъ его черезъ Москву. Постановку пьесы предполагалось довѣрить актеру Щепкину. Эти планы занимали Гоголя еще съ конца 1835 года, какъ ясно видно изъ переписки съ Погодинымъ, но только черезъ полгода настала пора приступить къ дѣлу.

Въ этотъ-то небольшой промежутокъ времени Гоголю особенно много пришлось пережить, много вынести хлопотъ, обидъ и волненій. Мы знаемъ, что онъ горячо принялъ къ сердцу недовольство, вызванное правдивымъ обличеніемъ общественныхъ недостатковъ въ комедіи, но не менѣе терзали его и закулисныя интриги театральнаго міра[2]). Кровь Гоголя кипѣла при мысли, что онъ безсиленъ противъ грубаго произвола директора театра Гедеонова, который „вздумалъ отдать главныя роли другимъ персонажамъ послѣ четырехъ представленій, будучи подвигнутъ какой-то мелочной личной ненавистью къ нѣкоторымъ актерамъ, какъ-то: къ Сосницкому и Дюру"[3]), т.-е. именно къ тѣмъ самымъ исполнителямъ, которые пользовались наибольшимъ успѣхомъ при

---

1) См. Вольфа «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», т. I, стр. 49, 55—56. Первое представленіе «Жизни за Царя» было 27 ноября 1836 года.

2) Цензурныя затрудненія на этотъ разъ не были особенно мучительны. «4 декабря 1835 г.» — говоритъ Н. С. Тихонравовъ — «кончена была передѣлка второй редакціи «Ревизора», и Гоголь призналъ возможнымъ отдать эту новую, третью, редакцію комедіи на театръ и въ печать. Рукопись «Ревизора» въ этомъ новомъ видѣ представлена была и въ театральную, и въ обыкновенную цензуру. Послѣ того, какъ императоръ Николай Павловичъ (которому «Ревизоръ» былъ прочитанъ, благодаря ходатайству Жуковскаго и Віельгорскаго) соизволилъ на представленіе и напечатаніе комедіи Гоголя, цензурѣ оставалось немного дѣла». («Ревизоръ», первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Николаемъ Тихонравовымъ». Очеркъ исторіи текста комедіи Гоголя «Ревизоръ», стр. XXV).

3) См. «Русскую Старину», 1879, 2, 348 и письма Гоголя къ Щепкину (тамъ же, 1886, X, 130).

первомъ представленіи „Ревизора". Когда ко множеству разнообразныхъ непріятностей присоединилась еще эта, самая возмутительная, чаша оказалась переполненной, и терпѣніе измученнаго автора лопнуло. Несмотря на то, что еще въ февралѣ Гоголь вызвался самъ непремѣнно пріѣхать въ Москву весной, чтобы лично прочесть комедію артистамъ и руководить ими или хоть дать имъ наиболѣе нужныя указанія, въ маѣ онъ не хочетъ и слышать никакихъ напоминаній, опасаясь новыхъ непріятностей уже на московской сценѣ. Въ письмѣ отъ 29 апрѣля 1836 года Гоголь первый подалъ мысль Щепкину о прочтеніи „Ревизора" въ кружкѣ московскихъ артистовъ, „дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія"[1]); но недовольный интригами дирекціи въ Петербургѣ, онъ тотчасъ же прибавляетъ: „я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву". Отвѣтомъ на это послужило любопытное письмо, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ"[2]). Напрасно Погодинъ и Щепкинъ истощали всѣ доводы противъ отвращенія Гоголя къ мелочнымъ дрязгамъ и его огорченія неистовымъ раздраженіемъ публики, — ничто не помогало: разсуждать теоретически было легче, нежели переносить невзгоды на собственной кожѣ. Обнадеженный прежними обѣщаніями Гоголя, артистъ не могъ удовлетвориться краткими заочными наставленіями въ письмѣ о томъ, что́ желалъ слышать непосредственно изъ устъ самого автора.

Съ своей стороны онъ сдѣлалъ все, чтобы склонить Гоголя къ пріѣзду хоть на нѣсколько дней въ Москву. Онъ дѣйствовалъ черезъ Погодина и Пушкина. Оба горячо хотѣли помочь симпатичному и высокоталантливому артисту. Пушкинъ писалъ женѣ: „Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который *ради Христа проситъ* его пріѣхать въ Москву и прочесть „Ревизора". Безъ него актерамъ не спѣться"[3]). Погодинъ пробовалъ даже растрогать Гоголя, говоря: „Щепкинъ плачетъ.

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 254.

2) «Русскій Архивъ», 1889, IV, 155—156; см. также «Русскую Старину», 1886, X, 147—148.

3) Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 401.

Ты сдѣлалъ съ нимъ чудо. При первомъ слухѣ о твоей комедіи онъ оживился, расцвѣлъ, выросъ, сдѣлался веселымъ, всюду ѣздилъ и разсказывалъ. Надо почтить это участіе таланта"[1]). Но даже эти усиленныя просьбы и авторитетъ самого Пушкина не могли заставить поэта перемѣнить свое рѣшеніе. „Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой (за-границу) уже рѣшенъ"[2]), — такія неутѣшительныя слова прочелъ Щепкинъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Гоголя. Больше всего сокрушало Щепкина опасеніе, что ему не удастся какъ слѣдуетъ повліять на своихъ сотоварищей-актеровъ, и что ихъ несогласія уронятъ пьесу. Почти въ отчаяніи бросился онъ къ своему утѣшителю и другу, С. Т. Аксакову, пользовавшемуся большимъ вѣсомъ и вліяніемъ въ театральномъ мірѣ.

До какой степени Щепкина прежде привело въ восторгъ желаніе Гоголя прочесть ему свою комедію, а вслѣдъ затѣмъ обезпокоилъ отказъ выполнить это обѣщаніе, мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ письма почтеннаго артиста: „Благодарю васъ за „Ревизора", не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ"[3]). Но вскорѣ затѣмъ онъ горько жалуется: „Не грѣхъ ли вамъ оставлять „Ревизора" на произволъ судьбы, и гдѣ же? Въ Москвѣ, которая такъ радушно ждетъ васъ, такъ отъ души смѣется въ „Горѣ отъ ума"! И вы оставите ее отъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя доставилъ вамъ „Ревизоръ"? Всѣ эти строки были вызваны предшествовавшимъ дружескимъ письмомъ Гоголя, начинающимся слѣдующими словами: „Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ происходитъ. Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ наконецъ рѣшаются изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ „Ревизора". Можетъ-быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ лѣнивцу первой гильдіи и лѣнивѣйшему человѣку въ мірѣ, Погодину, чтобы онъ увѣдомилъ васъ[4]);

---

1) «Русская Старина», 1889, VIII, 381.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 259.

3) «Записки и письма Щепкина», 179 — 181.

4) «Соч. и письма Гоголя», V, 252 — 253 (но Щепкинъ тамъ не упомянутъ).

хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя, я знаю, чрезвычайно трудно послѣ искоренять, но я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня и на московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо. Мочи нѣтъ! Дѣлайте, что́ хотите, съ ней, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ и хлопоты объ ней"[1]). На послѣднія слова Щепкинъ возражалъ: „Во-первыхъ, на здѣшнемъ театрѣ такихъ непріятностей не можетъ быть, ибо М. Н. Загоскинъ, благодаря васъ за экземпляръ, сказалъ, что для него весьма пріятно бы было, есть ли бы пріѣхали, дабы онъ могъ совершенно съ вашимъ желаніемъ сдѣлать все, что́ нужно, для постановки пьесы. Со стороны же публики, чѣмъ болѣе будутъ на васъ злиться, тѣмъ болѣе я буду радоваться, ибо это будетъ значить, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о комедіи, и вы достигли своей цѣли... Вы сами лучше всѣхъ знаете, что ваша пьеса болѣе всякой другой требуетъ, чтобы вы прочли ее нашему начальству и дѣйствующимъ. Вы это знаете и не хотите пріѣхать! Богъ съ вами! Пусть она вамъ „надоѣла", но вы должны это сдѣлать для комедіи; вы должны это сдѣлать по совѣсти; вы должны это сдѣлать для Москвы, для людей, васъ любящихъ и принимающихъ живое участіе въ „Ревизорѣ"[2]).

Однимъ изъ важныхъ затрудненій для Щепкина было между прочимъ то, что товарищи его, артисты, косо взглянули на порученіе ему Гоголемъ постановки пьесы[3]).

И вотъ Щепкинъ рѣшилъ обратиться къ Аксакову.

Аксаковъ немедленно вызвался въ письмѣ къ Гоголю взять на себя постановку комедіи. Полученный отъ Гоголя отвѣтъ, учтивый, но черезъ-чуръ лаконическій и сдержанный, не оправдалъ ожиданій благодушнаго московскаго патріарха, такъ беззавѣтно и горячо протянувшаго руку дружбы. Откры-

1) Тамъ же, 254.

2) «Русск. Стар.», 1886, X.

3) «Русск. Архив.», 1890, VIII, 11.

тая великорусская натура Аксакова, быть-можетъ, слишкомъ рано побудила его сдѣлать рѣшительный шагъ къ сближенію съ человѣкомъ недовѣрчивымъ по природѣ и всего менѣе податливымъ на преждевременную короткость. Аксаковъ, вѣроятно, показался Гоголю привлекательнымъ, но излишне пылкимъ, энтузіастомъ. Впослѣдствіи, въ минуту сильнаго раздраженія, Гоголь прямо высказалъ Аксакову, что онъ и семья его всегда любили его больше, чѣмъ онъ ихъ, что онъ удивлялся ихъ чрезмѣрной любви, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ на нее права[1]); онъ не обинуясь признавался также, что относилъ Сергѣя Тимоѳеевича къ тѣмъ друзьямъ, которые поторопились подружиться съ нимъ, не узнавши его. А. О. Смирновой онъ также писалъ однажды впослѣдствіи, что „Аксаковы способны залюбить не на животъ, а на смерть", и что поэтому онъ „старался сколько можно меньше говорить и выказывать такія качества, которыми могъ бы привязать ихъ къ себѣ"[2]).

Въ отвѣтѣ Гоголя Аксакову послышалась явная натянутость, сухое, холодное принужденіе; несмотря на выраженную въ немъ благодарность, тонъ письма, очевидно, мало соотвѣтствовалъ любви, по его же собственнымъ словамъ, „дышавшей"[3]) въ строкахъ вѣчно юнаго, благороднаго старика, который, несмотря на приближавшійся пятидесятилѣтній возрастъ, не былъ на столько очерствленъ холодомъ жизни, чтобы подозрительно сдерживать проявленіе симпатіи и взвѣшивать степень короткости въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ считалъ или хотѣлъ считать близкими. Первое письмо Гоголя къ Аксакову нельзя и сравнивать по искренности и теплотѣ съ большинствомъ его писемъ къ Погодину, а слова: „Я поручилъ уже эту обузу Щепкину и писалъ объ этомъ письмо Загоскину"[4]) — ясно показывали, что онъ неохотно мирился съ мыслью о необходимости перемѣнить свое рѣшеніе, и что во всякомъ случаѣ предпочелъ бы, чтобы дѣло устроилось такъ, какъ предполагалось вначалѣ. Наконецъ, въ этомъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія слѣдующія слова писаннаго съ тою же почтой письма къ Щепкину:

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 418 и 419.

2) Т. VI, стр. 399.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 258.

4) Тамъ же.

„Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, *то пусть остается такъ, какъ рѣшено*“ [1]). Неудивительно, что Аксакову почувствовалось скрытое нежеланіе Гоголя довѣрить дѣло его стараніямъ, и ни онъ, ни его семья, не остались довольны полученнымъ сухимъ отвѣтомъ, но тѣмъ трогательнѣе искреннее желаніе этого по истинѣ великодушнаго человѣка оправдать своего пріятеля и отстранить отъ себя даже подозрѣніе въ его холодности.

VI.

Между тѣмъ душевная усталость Гоголя и его непобѣдимое отвращеніе отъ всякихъ дрязгъ и хлопотъ имѣли самыя пагубныя послѣдствія также при постановкѣ пьесы на московской сценѣ. Энергія подорвана была именно тогда, когда въ ней настала вопіющая необходимость. Теперь дѣло страдало ужъ не отъ однѣхъ театральныхъ интригъ, но еще больше отъ безпорядка въ собственныхъ распоряженіяхъ Гоголя. Наивно было бы думать, конечно, чтобы личное присутствіе автора могло служить достаточной гарантіей для устраненія закулисныхъ интригъ, но по крайней мѣрѣ при такихъ нелишенныхъ извѣстнаго вліянія союзникахъ, какъ Аксаковъ и Щепкинъ, Гоголю удалось бы, вѣроятно, лично добиться кое-чего, тогда какъ безъ него все пошло самымъ безтолковымъ и нежелательнымъ образомъ. Отстранивъ участіе Аксакова и возлагая всѣ надежды на одного Щепкина, Гоголь какъ будто не хотѣлъ и знать, что если Щепкинъ уже умолялъ Аксакова вступиться въ дорогое для себя дѣло, то, разумѣется, имѣлъ на то вѣскія основанія. Щепкинъ до тонкости изучилъ всю подноготную московской сцены, и мнѣніе его надо было принять въ разсчетъ. Теперь же вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 260. См. объ этомъ также въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова, отдѣльный оттискъ «Русскаго Архива», 1890, VIII, стр. 11—12, также мою замѣтку въ томъ же журналѣ, 1889, IV, стр. 558 и объ отношеніяхъ Гоголя къ С. Т. Аксакову нѣкоторыя данныя, собранныя въ моемъ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя», изд. 1-е, стр. 17—19.

ходило такъ, что Щепкинъ хорошо зналъ заранѣе, что должно было произойти изъ распоряженій Гоголя, но сдѣлать ничего не могъ. Изъ письма его къ Сосницкому отъ 28-го апрѣля 1836 года ясно, до чего онъ, удрученный печальной необходимостью постоянно имѣть дѣло съ плохими, безжизненными пьесами, воодушевился и ожилъ отъ одного извѣстія объ окончаніи Гоголемъ комедіи[1]). Для него наступилъ рѣдкій, истинный праздникъ; онъ уже заранѣе по знакомымъ отрывкамъ изъ „Женитьбы" хорошо понялъ, чего слѣдовало ожидать отъ комедіи Гоголя, — и вдругъ его напряженная радостная надежда разрѣшается прозаическимъ полученіемъ присланнаго Гоголемъ экземпляра комедіи съ предоставленіемъ ему всей постановки комедіи и съ рѣшительнымъ отказомъ автора отъ личнаго участія въ дѣлѣ[2]). Гоголь, очевидно, руководился при этомъ созрѣвавшимъ уже тогда, но опредѣленно высказаннымъ позднѣе убѣжденіемъ, что постановкой пьесы должна завѣдывать не дирекція, а лучшій въ труппѣ актеръ[3]). Но необходимо было соображаться и съ существующими условіями, съ которыми его проектъ шелъ совершенно въ разрѣзъ, такъ какъ на дѣлѣ Щепкинъ былъ совершенно безсиленъ передъ царившимъ между артистами разладомъ и особенно передъ самовластіемъ дирекціи. „Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ"[4]), — пишетъ Гоголь, какъ будто этого было достаточно, чтобы Загоскинъ послушался. На самомъ же дѣлѣ весьма возможно, что Загоскинъ скорѣе сдержалъ бы свое слово, „совершенно съ желаніемъ автора сдѣлать все, что нужно для постановки пьесы"[5]), еслибы Гоголь согласился пріѣхать самъ, или по крайней мѣрѣ не затронулъ начальническое самолюбіе Загоскина отстраненіемъ его участія въ дѣлѣ въ пользу Щепкина: вѣдь, почему-нибудь послѣдній увѣрялъ прежде, что такихъ непріятностей, какъ въ петербургскомъ театрѣ, — въ Москвѣ и *быть не можетъ*[6]), а съ другой стороны, по жела-

---

1) «Записки и письма Щепкина», стр. 179—181.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 253 и 254.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 62; также см. «Русскую Старину», 1886, IX, стр. 137 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 505.

4) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 257.

5) «Русская Мысль», 1886, т. V, стр. 85.

6) Тамъ же.

нію дирекціи, послѣ было заявлено въ одной газетной статьѣ, что „комедія „Ревизоръ“, хотя поставлена въ Москвѣ не актеромъ Щепкинымъ, а дирекціей, но несмотря на это рѣшительно, по мнѣнію почти всей московской публики, разъиграна была прекрасно и поставлена на сцену такъ отчетисто и съ такою вѣрностью, что, безъ всякаго сомнѣнія, самъ почтенный авторъ этой комедіи сказалъ бы спасибо московской дирекціи“[1]).

Вообще въ промахахъ Загоскина мы склонны предполагать гораздо больше непониманія, нежели какихъ-либо злостныхъ умысловъ. Но такъ какъ допущенную Гоголемъ по неопытности ошибку не удалось поправить Щепкину и Аксакову, то послѣднему не оставалось ничего больше, кромѣ устраненія себя отъ дѣла[2]), а первый, къ великому огорченію, долженъ былъ убѣдиться въ справедливости всѣхъ своихъ опасеній. Когда потомъ „Молва“, намекая на неудачныя распоряженія Загоскина, язвительно замѣтила, что „Ревизоръ“, сыгранный на московской сценѣ безъ участія автора и поставленный въ столько же репетицій, какъ какой-нибудь воздушный водевильчикъ съ игрой г-жи Рѣпиной[3]), не упалъ въ общественномъ мнѣніи, хотя „въ томъ же мнѣніи московскій театръ спустился отъ него, какъ барометръ передъ вьюгой“[4])—то она имѣла въ виду, очевидно, уколоть Загоскина прежде всего за самоуправное пренебреженіе ясно выраженной волей Гоголя, что̀ прямо потомъ и раскрывается въ той же статьѣ[5]). Но собственно за спѣшность постановки пьесы московскую дирекцію винить было бы несправедливо, если принять въ разсчетъ, что вслѣдствіе извѣстныхъ намъ причинъ, какъ выражается Н. С. Тихонравовъ, „за десять дней до перваго представленія „Ревизора“, въ Москвѣ еще шли споры о томъ, кому должна была достаться часть постановки комедіи на московской сценѣ“[6]): откладывать же постановку тоже было немыслимо, потому что она и безъ того едва успѣла попасть въ самый конецъ сезона, такъ

¹) «Сѣверная Пчела», 1836, № 169, стр. 672—674.

²) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 13.

³) Одна изъ лучшихъ тогдашнихъ московскихъ артистокъ.

⁴) «Молва», 1836, т. XI, стр. 252.

⁵) Тамъ же, стр. 260.

⁶) «Русская Мысль», 1886, V, 87.

сказать, въ крайній срокъ, такъ что удалось дать всего нѣсколько представленій, нетерпѣливо ожидаемыхъ всей московской публикой. Но, какъ бы то ни было, Щепкинъ долженъ былъ устраниться отъ постановки пьесы и въ концѣ концовъ все было предоставлено на произволъ судьбы, такъ что ни въ чемъ неповинный артистъ долженъ былъ изъ всей этой исторіи вынести глубокое огорченіе отъ сознанія неоправданнаго довѣрія дорогого ему автора. Съ грустью далъ онъ такое порученіе на другой день послѣ перваго представленія своему другу Сосницкому: „Ежели Н. В. Гоголь не уѣхалъ за-границу, то сообщи ему, что вчерашній день игрался „Ревизоръ“ — не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно; игранъ былъ въ абониментъ, и потому публика была высшаго тона, которой, какъ кажется, она многимъ не по вкусу. Несмотря на то, хохотъ былъ безпрестанно, вообще принималась пьеса весело; на завтра билеты на бельэтажи и бенуары, а равно и на пятницу разобраны“ [1]).

Характеристика этой деревянной „абониментной“ публики, удачно сдѣланная въ „Молвѣ“, вполнѣ объясняетъ намъ причину сдержаннаго пріема ею комедіи: это общество, принадлежавшее преимущественно къ такъ называемому высшему кругу, отличалось „блестящими нарядами и мертвенной холодной физіономіей“, лѣниво, нѣхотя удостоивало своего вниманія изображенный въ пьесѣ мелкій чиновничій міръ, да и самый театръ посѣщало не ради наслажденія, а какъ будто исполняя какую-то тягостную обязанность, — такое общество, конечно, и не могло иначе отнестись къ „Ревизору“ [2]). Въ слѣдующемъ письмѣ Щепкина къ Сосницкому находимъ уже болѣе отрадное сообщеніе о томъ, что „публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много“; „но“, — продолжаетъ Щепкинъ, — „я ожидалъ гораздо бòльшаго пріема. Это меня чрезвычайно изумило; одинъ знакомый забавно объяснилъ мнѣ причину этому: „помилуй“, — говоритъ, — „какъ можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей?*“ И послѣдующіе разà это оправдали: принималась (комедія) *чрезвычайно хорошо*, принималась съ громкими вызовами, и она теперь

[1]) Записки и письма Щепкина, стр. 182; ср. въ «Молвѣ», 1836, т. XI, 255.
[2]) «Молва», 1886, т. XI, стр. 256—259.

въ публикѣ общимъ разговоромъ, и до кого она не коснулась, всѣ въ восхищеніи, а остальные морщатся"[1]). Жаль, что этихъ болѣе благопріятныхъ слуховъ Гоголь ужъ не дождался: чаша скорби переполнилась, и онъ ничего ужъ не хотѣлъ больше знать. Психическое изнеможеніе вообще во многомъ повредило ему; такъ, въ то время, какъ присланные въ Москву экземпляры раскупались нарасхватъ и быстро становились библіографической рѣдкостью, отъ досады и нетерпѣнія онъ спѣшилъ „распродать съ уступкой *всѣ оставшіеся экземпляры „Ревизора" и другихъ своихъ сочиненій*"[2]), т.-е. повторилась исторія, отчасти напоминающая истребленіе „Ганца Кюхельгартена", разумѣя, конечно, сходство въ смыслѣ психологическомъ. Но, повторяемъ, винить въ этомъ Гоголя могъ бы только тотъ, кому непонятно его предшествующее настроеніе и весь ужасъ пережитой имъ нравственной катастрофы[3])....

VII.

Между тѣмъ въ тѣснѣйшей связи съ изложенными событіями въ душѣ Гоголя совершался знаменательный, роковой переломъ. Не разъ утверждали, что оригинальность и свѣжесть его творчества сильно ослабѣли послѣ смерти Пушкина[4]); причину такой перемѣны всего чаще видѣли, съ одной стороны, въ утратѣ благотворнаго вліянія на него умершаго поэта, съ другой — въ постоянно возраставшемъ болѣзненномъ разстройствѣ его хилаго организма. Между тѣмъ въ первомъ предположеніи кроется отчасти очевидное недоразумѣніе. Пушкинъ, правда, имѣлъ огромное вліяніе па своего юнаго собрата по литературѣ, но еще при его жизни будущаго творца „Мертвыхъ Душъ" нисколько не останавливала мысль о предстоящей продолжительной разлукѣ съ нимъ, и послѣдній мечталъ переселиться въ Кіевъ; то же повто-

[1]) Записки и письма Щепкина, стр. 182.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 11.

[3]) Въ Москвѣ роли были распредѣлены такъ: Щепкинъ — городничій, Потанчиковъ (почтмейстеръ), Степановъ (судья), Орловъ (Осипъ); всѣ эти артисты прекрасно исполняли свои роли; слабы были: Львова-Синецкая (Анна Андреевна) Панова (Марья Антоновна), Земляника (Барановъ) и Волковъ (Хлоповъ). («Молва», 1836, т. XI, 260).

[4]) Между прочимъ въ статьѣ Авенаріуса въ «Родникѣ»; см. также «Русскій Архивъ» 1890, VIII, стр. 13 и «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 194 и проч.

рилось и въ 1836 году. Частыя бесѣды и свиданія съ Пушкинымъ въ одномъ городѣ представлялись для него такимъ образомъ не болѣе, какъ счастливой и пріятной случайностью.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ о вліяніи Пушкина на Гоголя. Это вліяніе, по нашему мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ объяснять исключительно тѣмъ высокимъ авторитетомъ, которымъ пользовался Пушкинъ въ литературѣ, такъ какъ литературные авторитеты никогда не имѣли большого значенія въ глазахъ Гоголя, въ которомъ еще въ раннемъ дѣтствѣ сильно было развито довѣріе къ собственному мнѣнію и оцѣнкѣ. Всѣ извѣстныя намъ попытки дѣйствовать на Гоголя тономъ внушенія всегда оканчивались ничѣмъ, отъ кого бы онѣ ни исходили, начиная съ знаменитаго потрясающаго письма Бѣлинскаго, громомъ поразившаго, но все-таки, не переубѣдившаго Гоголя, до недавно напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“ письма Константина Аксакова (по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“[1]), оставившаго въ Гоголѣ впечатлѣніе какого-то неосновательнаго и наивнаго бреда[2]). Напротивъ, тайна вліянія на него Пушкина, кромѣ боготворенія его съ дней отрочества, всего проще объясняется тѣмъ, что, будучи его истиннымъ руководителемъ и другомъ, Пушкинъ никогда почти не старался ему внушать извнѣ своихъ взглядовъ, но угадывалъ и будилъ въ Гоголѣ то, что̀ и безъ того безсознательно уже таилось въ глубинѣ его души и призванія. Никто не зналъ Гоголя такъ хорошо, какъ поэта, какъ зналъ его Пушкинъ, никто не умѣлъ такъ искусно направлять его даръ. Проницательный взглядъ Пушкина давалъ ему возможность понять самую сущность предназначенія его младшаго собрата. Но если и Пушкину приходила иногда мысль дать Гоголю такое направленіе, которое казалось ему желательнымъ, хотя не соотвѣтствовало внутренней душевной потребности послѣдняго, — въ такихъ случаяхъ, при всемъ глубокомъ благоговѣніи къ нему Гоголя, его слово оставалось такимъ же тщетнымъ звукомъ, какъ позднѣе горячее, воодушевленное слово Бѣлинскаго и страстная, но бездоказательная для не-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, I, стр. 152—159.

[2]) См. «Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 463—465. Здѣсь между прочимъ, Гоголь говоритъ Аксакову: «Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительностью, но *приводить больше доказательствъ*».

исповѣдующихъ славянофильской доктрины рѣчь благороднаго мечтателя Константина Аксакова. Такъ, кромѣ небольшой журнальной статьи подъ заглавіемъ: „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.“, Гоголь, несмотря на совѣты и понужденія Пушкина, ничего не писалъ относящагося къ исторіи русской критики, на поприще которой хотѣлъ навести его Пушкинъ[1]), очевидно цѣня его мѣткія и тонкія эстетическія сужденія. Напротивъ, совѣты Пушкина относительно литературныхъ произведеній Гоголя всегда имѣли существенное значеніе для послѣдняго. Извѣстно, съ какимъ любовнымъ участіемъ слѣдилъ Пушкинъ за развитіемъ литературной дѣятельности Гоголя, какъ Гоголь совѣтовался съ нимъ о предупрежденіи цензурныхъ придирокъ и послѣ сообщалъ ему, насколько эти мѣры оправдывались на дѣлѣ. Пушкинъ[2]) дѣлалъ даже небольшія исправленія въ его рукописяхъ. Но самое главное то, что именно Пушкинъ вдохнулъ въ Гоголя увѣренность въ его призваніи и своими указаніями помогъ ему вступить на тотъ великій путь, на которомъ онъ прошелъ такое блистательное поприще. Какъ видно изъ „Авторской Исповѣди“, Гоголь до тѣхъ поръ

---

[1]) Критическія статьи и замѣтки Гоголя, напечатанныя въ «Современникѣ» или предназначавшіяся для него, будутъ напечатаны въ VII томѣ X изданія сочиненій Гоголя. — Одно письмо Пушкина къ Гоголю представляетъ, повидимому, набросокъ для руководства въ составленіи Гоголемъ будущей критической статьи (Соч. Пушк., изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 391, № 340). Пушкину, впрочемъ, удалось въ началѣ его сближенія съ Гоголемъ заинтересовать послѣдняго полемикой между А. А. Орловымъ Булгаринымъ, что видно не только изъ писемъ къ нему Гоголя, но и изъ одного мѣста повѣсти «Невскій Проспектъ», гдѣ Гоголь задѣлъ мимоходомъ противниковъ покровительствуемаго Пушкинымъ А. А. Орлова (См. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 276).

[2]) См. письма Гоголя къ Пушкину («Русскій Архивъ», 1880, II). Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собой мою комедію, которой въ вашемъ кабинетѣ не находится и которую я принесъ для замѣчаній.—Я сижу безъ денегъ и рѣшительно безъ всякихъ средствъ: мнѣ нужно давать ее актерамъ на разыграніе, что обыкновенно дѣлается за два мѣсяца прежде. Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и *сдѣлайте хотя сколько-нибудь главныхъ замѣчаній.*—Началъ писать «Мертвыя Души». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно хорошо сойтись. *Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю Русь*», (стр. 514). Итакъ характеръ творчества былъ вполнѣ самостоятельный, но, очевидно; Гоголь дорожилъ мнѣніемъ и поправками Пушкина. — Далѣе прибавлено въ концѣ письма: «И пришлите «Женитьбу».

колебался между литературой и другими профессіями, пока Пушкинъ, пораженный художественными достоинствами прочитанной ему небольшой сцены, не взялъ съ него слово написать большое сочиненіе, и если припомнить, что этимъ сочиненіемъ были „Мертвыя Души", то станетъ ясно, что задача всей остальной жизни была подсказана Гоголю Пушкинымъ (за исключеніемъ, однако, всего, что явилось послѣ плодомъ религіознаго мистицизма). Такимъ образомъ, не одна только передача Гоголю сюжетовъ „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ", но и многія другія соображенія заставляютъ признать, что, несмотря на ихъ рѣдкія сначала, а потомъ (когда они жили рядомъ на Морской) хотя и частыя, но довольно короткія и отрывочныя свиданія (вслѣдствіе крайне разсѣянной и лихорадочно-суетливой жизни Пушкина)[1], — именно Пушкинъ, какъ позднѣе критическими статьями Бѣлинскій, указали и, такъ сказать, создали для Россіи Гоголя. Подобное мнѣніе было высказано и П. В. Анненковымъ въ его извѣстной книгѣ: „Н. В. Станкевичъ"[2].

Но зерно будущаго аскетически-извращеннаго отношенія къ литературной дѣятельности можетъ быть замѣчено у Гоголя *еще при жизни Пушкина*. Неудачи, постигшія „Ревизора", и здѣсь имѣли рѣшительное вліяніе. Въ противномъ случаѣ Гоголь, конечно, продолжалъ бы и далѣе творить въ прежнемъ духѣ и съ прежней твердой увѣренностью въ благотворномъ вліяніи его сатиры на общество. До сихъ поръ онъ бодро смотрѣлъ на свое призваніе и при мысли о немъ забывалъ всѣ невзгоды; теперь онъ уже не могъ отдаваться, какъ прежде, всей душой любимому труду и рѣшился искать иного пути, который долженъ былъ привести его къ чему-то новому и необычайному. Не сразу произошелъ этотъ переломъ, и въ первоначальныхъ редакціяхъ „Мертвыхъ Душъ" видны слѣды сильной внутренней борьбы, но борьба эта началась подъ впечатлѣніемъ отъ ожесточен-

---

[1]) См. «Соч. и письма Гоголя», V, стр. 171; — «Если бы вы знали, какъ я жалѣлъ, что засталъ вмѣсто васъ одну записку вашу на моемъ столѣ» («Русск. Арх.», 1880, II, 512); «Жаль, однакожъ, что мнѣ не удалось видѣться съ вами» (тамъ же, стр. 513) и проч. Кромѣ того Гоголь однажды писалъ Данилевскому: «Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ» («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 171).

[2]) «Н. В. Станкевичъ» Анненкова, стр. 77.

наго пріема публикой „Ревизора“. Нѣкоторое время Гоголь не поддавался закравшейся въ его душу мысли изображать въ своихъ произведеніяхъ не однѣ темныя стороны жизни, той мысли, которая взяла потомъ верхъ въ этой тяжелой душевной борьбѣ. Такъ было почти до изданія перваго тома и убѣдиться въ этомъ всего легче изъ редакцій предшествующихъ печатной: „Стой, говоритъ мнѣ суровый, неумолимый голосъ, предъ кѣмъ блѣднѣетъ человѣкъ. На прекрасную сторону человѣка бросаются быстро; прекрасно, увлекательно, и много грядущихъ юношей, объятые имъ, воспоютъ его. Но не много гордыхъ своими душевными движеніями рѣшатся опуститься въ глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь“. Но изъ-за этого убѣжденія начинаетъ вскорѣ выдвигаться другое, которому суждено было превозмочь первое, — убѣжденіе въ необходимости расширить картину русской жизни въ „Мертвыхъ Душахъ“. Новый замыселъ потребовалъ особыхъ заботъ и размышленій и здѣсь въ первый разъ всегдашняя склонность Гоголя къ мистицизму получила обильную пищу и оправданіе. — Незадолго до отъѣзда изъ Россіи Гоголь уже писалъ Погодину: „Все, что̀ ни дѣлалось со мной, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, *и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой*. Онъ, вѣроятно, необходимъ для меня“[1]). То же писалъ онъ Жуковскому, но уже изъ-за границы: „Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, *оно послано свыше,* тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. *Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни*“[2]). Послѣднія слова, указывающія на то, какъ отразились во внутреннемъ сознаніи Гоголя происшедшія съ нимъ въ 1836 г. перемѣны, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Такимъ образомъ, простая хронологическая справка убѣждаетъ въ существованіи въ сильномъ градусѣ у Гоголя мистическихъ взглядовъ, загубившихъ его талантъ, *уже въ серединѣ тридцатыхъ годовъ*.

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 261.

[2]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 951.

Припомнимъ, что Максимовичъ въ 1835 г., замѣчая сильное впечатлѣніе, произведенное на Гоголя кіевскими святынями, полагалъ, что уже тогда начинался рѣшительный поворотъ въ мысляхъ его пріятеля[1]). Недоставало только позднѣйшей исключительности и односторонности, которыя со временемъ привела съ собой усиливавшаяся болѣзненность и утрата свѣжей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что, встрѣчаясь съ Пушкинымъ довольно неправильно, т.-е. то часто, то напротивъ, очень рѣдко, а во время свиданій наединѣ бесѣдуя съ нимъ преимущественно о литературныхъ дѣлахъ и о литературѣ вообще, (бесѣды въ многолюдномъ обществѣ съ достаточной подробностью воспроизведены въ Запискахъ Смирновой, но онѣ мало разъясняютъ занимающій насъ вопросъ), — Гоголь, по всей вѣроятности, разрабатывалъ систему своихъ взглядовъ въ значительной степени самостоятельно и уединенно. Книги, которыя рекомендовалъ ему для чтенія Пушкинъ, были весьма разнообразны по содержанію и направленію, что̀ еще разъ показываетъ какъ самъ онъ былъ далекъ отъ будущей односторонности Гоголя, но изъ нихъ, какъ и изъ личныхъ бесѣдъ съ Пушкинымъ, Гоголь былъ предрасположенъ почерпать именно болѣе приходившіяся ему по душѣ консервативныя убѣжденія. Если при томъ Жуковскій и Пушкинъ имѣли нѣкоторое вліяніе на него въ періодъ формированія его взглядовъ, то, какъ показываютъ воспоминанія въ „Перепискѣ съ друзьями“, вліяніе это могло скорѣе поддерживать, нежели ослаблять сѣмена его будущаго міровоззрѣнія[2]). „Едва Гоголь пережилъ первую пору молодости“ — говоритъ о немъ Чернышевскій — „какъ уже почувствовалъ непреодолимую потребность пріобрѣсти опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь, пріобрѣсти прочныя убѣжденія, не удовлетворяясь отрывочными впечатлѣніями и легкими безсвязными мнѣніями, которыми довольствовались другіе. Это свидѣтельствуетъ о высокости его натуры. Но одного инстинкта натуры мало для того, чтобы пойти вѣрнымъ путемъ къ справедливому рѣшенію глубочайшихъ и

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», 1885, VIII, 713.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 43.

запутаннѣйшихъ вопросовъ“[1]). Но чтеніе, рекомендованное Пушкинымъ, было слишкомъ разнообразно, и важное для общаго образованія, могло бы принести болѣе серьезные плоды, еслибы было продолжительнѣе и послѣдовательнѣе, тогда какъ въ дѣйствительности оно особаго вліянія на Гоголя не успѣло оказать, и слѣдовъ знакомства съ нѣкоторыми изъ книгъ мы совсѣмъ нигдѣ не видимъ у Гоголя. Къ сожалѣнію, подробностей уединеннаго процесса мысли Гоголь почти не передалъ намъ въ „Авторской Исповѣди“.

VIII.

О своихъ новыхъ планахъ, которые Гоголь по обыкновенію держалъ подъ строжайшимъ секретомъ, онъ говорилъ передъ отъѣздомъ только наиболѣе близкимъ людямъ, напр. Смирновымъ[2]), а писалъ только одному Погодину, потому что для полной откровенности онъ чувствовалъ нужду въ избранныхъ людяхъ, какъ нѣкогда повѣрялъ свои горячія юношескія мечты любимому дядѣ П. П. Косяровскому[3]). Мы знаемъ, что въ тайну введенъ былъ и Пушкинъ, но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ воспоминаній Смирновой, онъ относился къ предпринимаемому путешествію довольно поверхностно[4]). Если съ одной стороны, Пушкинъ имѣлъ несравненно больше правъ на довѣріе Гоголя, нежели Погодинъ, то, съ другой стороны, полной откровенности могли помѣшать чисто внѣшнія причины, его частыя отлучки изъ Петербурга и крайне разсѣянный образъ жизни.

Странно, что по отъѣздѣ за-границу Гоголь не состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и только черезъ Жуковскаго просилъ передать ему о своихъ новыхъ творческихъ замыслахъ[5]).

Въ рѣдкія свиданія съ Пушкинымъ послѣ представленія „Ревизора“ Гоголь, по всей вѣроятности, не имѣлъ случая для задушевной бесѣды съ нимъ. Что онъ чувствовалъ въ ней сильнѣйшую потребность, понятно само собой и притомъ ясно видно изъ „Письма къ одному литератору“, помѣченнаго

---

1) «Критическіе очерки» Чернышевскаго, стр. 133.

2) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1894, VIII, 199.

3) «Русская Старина», 1876, I, стр. 39—45.

4) Тамъ же, стр. 200.

5) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 957.

25 мая 1836 г., гдѣ читаемъ слѣдующія строки: „Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что́ не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо“[1]). Мы говорили, что есть вѣскія основанія предполагать, какъ это дѣлалъ академикъ Н. С. Тихонравовъ, что эти строки принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени. Но во всякомъ случаѣ онѣ любопытны потому, что въ нихъ слышится правдивый отголосокъ когда-то пережитаго настроенія и воспроизведены мысли, если не сказанныя дѣйствительно, то предназначенныя для сообщенія Пушкину. Въ письмѣ къ Жуковскому изъ Гамбурга Гоголь, безъ сомнѣнія, съ искреннимъ сожалѣніемъ говоритъ: „даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ“[2]). О предполагавшемся свиданіи и бесѣдѣ съ Пушкинымъ Гоголь говорилъ, что одна мысль объ этомъ внушала ему „тайный трепетъ не вкушаемаго на землѣ удовольствія“[3]). Но такъ уже было суждено Гоголю: въ ту самую минуту, когда ему всего нужнѣе были разумный совѣтъ и сердечное участіе человѣка, котораго онъ уважалъ и любилъ отъ души и который въ самомъ дѣлѣ часто бывалъ для него добрымъ геніемъ, онъ не могъ бесѣдой съ нимъ облегчить свое тяжелое положеніе. Притомъ около этого времени и особенно позднѣе Пушкину раздирали сердце собственныя душевныя раны, и едва-ли ему было бы до чужого горя, еслибы Гоголь даже успѣлъ съ нимъ видѣться. Съ Жуковскимъ Гоголю, по его словамъ, также не удалось проститься, а можетъ-быть, и поговорить; незадолго до отъѣзда онъ видѣлся съ нимъ, но ему пришлось въ разговорѣ обратить главное вниманіе на устройство своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, и кто знаетъ — можетъ-

---

1) Соч. Гог., X, т. II, стр. 290.

2) «Русск. Арх.», 1871, 4—5, стр. 952. — Но въ письмѣ къ Аксакову отъ 5 марта 1841 г. («Соч. и письма Гоголя», т. V, 436) напротивъ сказано: «Письмо осталось у меня не отправленнымъ, потому что Пушкинъ скоро пріѣхалъ самъ».

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 287.

быть, неловкость положенія просителя завязала ему языкъ[1]). Эта же причина, вѣроятно, помѣшала ему и проститься съ Жуковскимъ передъ отъѣздомъ, и вотъ ему пришлось въ этомъ непріятномъ обстоятельствѣ искать нѣчто „утѣшительное". „Разлуки между нами не можетъ и не должно быть", — писалъ потомъ Гоголь, отчасти передавая слагавшееся у него тогда убѣжденіе, высказываемое потомъ не разъ въ подобныхъ случаяхъ, отчасти же, можетъ-быть, входя въ тонъ своего корреспондента: — „и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго»[2]). Погодину же онъ два раза открываетъ свою душу, — въ первый разъ въ письмѣ отъ 10 мая 1836 г. („Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько трудъ будущій. *Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ*"[3]) и отъ 15 мая („Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія"[4]). Отсюда, слѣдовательно, начинается важный поворотный пунктъ въ жизни и дѣятельности Гоголя. Его вполнѣ серьезное и благородное намѣреніе глубже обдумать свое призваніе отчасти, конечно, чрезвычайно благотворно сначала отразилось на его дальнѣйшей художественной работѣ, но, къ сожалѣнію, во многомъ получило потомъ слишкомъ извѣстное роковое направленіе.

Такимъ образомъ, рѣшеніе ѣхать за-границу и слѣдовать быстро и отважно составленному плану жизни было предпринято Гоголемъ, повидимому, безъ активнаго участія Пушкина и не могло уже быть отмѣнено, хотя имѣло самую тѣснѣйшую связь съ дальнѣйшимъ направленіемъ литературной дѣятельности Гоголя. „Мертвыя Души", начатыя еще въ 1835 году[5]) (уже въ первоначальныхъ набросках прочитанныя Пушкину), должны были теперь получать обработку

---

[1]) «Русск. Арх.», 1871, 4 — 5, стр. 951.

[2]) Тамъ же, стр. 950.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 256.

[4]) Тамъ же, стр. 261.

[5]) См. соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 88; см. также т. III, примѣч. редактора.

по новому плану, и Гоголю оставалось лишь заочно готовить для слѣдующихъ предполагаемыхъ свиданій съ Пушкинымъ результаты своихъ будущихъ трудовъ. („Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется и чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мою мысль“)[1]. По неволѣ Гоголь вынужденъ былъ теперь, въ противность давно принятому обыкновенію, держать въ безусловной тайнѣ предварительную работу. Намъ странно, впрочемъ, что въ сохранившейся перепискѣ Пушкинъ нигдѣ ни единымъ словомъ не обмолвился объ отъѣздѣ Гоголя, какъ будто ему было уже вовсе не до того даже въ половинѣ 1836 г., а равно и ни изъ чего не видно, чтобы между ними могла возобновиться случайно прерванная переписка, и чтобы Гоголь сколько-нибудь волновался подготовлявшейся — роковой для Пушкина — катастрофой, о которой онъ, можетъ-быть, узналъ уже только по доносившимся за-границу глухимъ извѣстіямъ изъ Россіи. Между тѣмъ невозможно допустить, чтобы Погодинъ или Плетневъ не написали ему подробно обо всемъ. Въ обширномъ архивѣ писемъ, написанныхъ Гоголю разными лицами и принадлежащихъ его наслѣдникамъ (они частью уже напечатаны), сохранились только письма, относящіяся къ сороковымъ годамъ, и о письмахъ Погодина и Плетнева можно догадываться единственно по отвѣтамъ на нихъ; Плетневъ же не переписывался съ Гоголемъ до тѣхъ поръ и, кажется, счелъ своей обязанностью друга Пушкина только извѣстить Гоголя письмомъ о его кончинѣ[2]).

IX.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о заграничномъ путешествіи Гоголя, бросимъ взглядъ на его жизнь въ Петербургѣ, пользуясь нѣкоторыми новыми данными.

Образъ жизни Гоголя и его обычное времяпровожденіе за послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ могутъ быть въ на-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 287.

[2]) См. отвѣтъ Гоголя въ изданіи г. Кулиша, т. V, стр. 286. Правильная переписка Гоголя съ Плетневымъ началась уже позднѣе.

стоящее время до нѣкоторой степени обрисованы по свѣдѣніямъ, недавно появившимся въ печати. До сихъ поръ мы могли только отчасти составить себѣ представленіе о его роли въ такъ называемомъ нѣжинскомъ кружкѣ и притомъ почти исключительно по воспоминаніямъ Анненкова. Теперь къ прежнимъ даннымъ присоединяются нѣкоторыя другія, начиная отъ весьма цѣнныхъ воспоминаній въ Запискахъ А. О. Смирновой до недавней статьи г. Горленка, изъ которой мы узнаемъ кое-что по пересказамъ бывшаго слуги Гоголя о его петербургской жизни и знакомствахъ.

Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Петербургѣ Гоголь успѣлъ сдѣлать большіе успѣхи какъ въ служебной карьерѣ и въ общественномъ положеніи, такъ и въ смыслѣ бо́льшей свободы и самоувѣренности, съ какими онъ сталъ держать себя теперь въ обществѣ. То и другое, конечно, происходило отъ совокупности цѣлаго ряда благопріятныхъ условій. Мы знаемъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь еще сильно поражалъ мало знакомыхъ людей своей конфузливостью. А. О. Смирнова однажды записала о немъ въ своемъ дневникѣ: „Я издали видѣла Вариного[1]) хохла, когда шла прощаться съ Балабиными. Лиза мнѣ сказала: „не заговаривайте съ хохломъ; онъ очень застѣнчивъ, да и не нужно прерывать урока“. Я спросила, любитъ ли Мари своего учителя. Онъ, кажется, очень уменъ, но говоритъ мало, такъ какъ очень застѣнчивъ. Онъ показался мнѣ грустнымъ и неловкимъ. Я просила Плетнева привести мнѣ когда-нибудь этого Гоголя-Яновскаго: я хочу его видѣть, потому что онъ „изъ-подъ монумента“. Онъ отказался придти: онъ слишкомъ робокъ“[2]).

Къ природной неразвязности и неловкости Гоголя на первыхъ порахъ его петербургской жизни присоединялась еще какая-то постоянная сосредоточенная грусть подъ вліяніемъ перемѣны климата и тоски по родинѣ; вѣроятно, и неопредѣленное положеніе его оставляло на немъ также свой отпе-

---

[1]) Варя — княжна В. Н. Репнина.

[2]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, II, стр. 278—279.

чатокъ. Но вотъ проходитъ немного времени, и Гоголь чувствуетъ себя въ Петербургѣ вездѣ принятымъ, обласканнымъ; его нерѣдко посѣщаютъ, по разсказамъ его слуги, „генералъ“ Жуковскій, „полковникъ“ Плетневъ и другіе видные люди и всѣ обращаются съ нимъ дружески [1]). Еще въ Царскомъ Селѣ онъ ежедневно проводилъ время въ обществѣ Жуковскаго и Пушкина [2]). Увѣренность въ своихъ силахъ и бодрый взглядъ на жизнь быстро возвращаются къ Гоголю, кругъ его знакомыхъ становится все шире, и, наконецъ, онъ появляется въ зданіи зимняго дворца въ качествѣ гостя фрейлины Россетъ. Къ крайнему сожалѣнію, до насъ дошли лишь случайныя свѣдѣнія о тогдашнихъ знакомствахъ Гоголя, но ихъ было во всякомъ случаѣ не мало. Такъ, въ „Воспоминаніяхъ о В. И. Далѣ“ покойнаго П. И. Мельникова (Печерскаго) мы читаемъ, что „дружба съ Жуковскимъ сдѣлала Даля другомъ Пушкина, сблизила его съ Воейковымъ, Языковымъ, Анной Зонтагъ (рожд. Юшковой), Дельвигомъ, Крыловымъ, *Гоголемъ*, кн. Одоевскимъ, съ братьями Перовскими“ и проч. [3]). Это сообщеніе при всей своей отрывочности имѣетъ для насъ большую цѣну, такъ какъ изъ него мы узнаемъ, что Гоголь и Даль встрѣтились именно въ томъ широкомъ литературномъ кругѣ, который въ началѣ тридцатыхъ годовъ соприкасался отчасти и съ придворной сферой, и гдѣ, въ свою очередь, литераторы могли встрѣчаться съ разными артистическими и иными знаменитостями. Со многими изъ этихъ лицъ члены литературнаго круга вступали въ пріятельскія отношенія, хотя послѣднія, благодаря если и нерѣдкимъ, то непродолжительнымъ встрѣчамъ, были въ большинствѣ случаевъ довольно поверхностными. Въ той же статьѣ своей покойный Мельниковъ упоминалъ о томъ, что „Даль зналъ литераторовъ по Пушкину, Жуковскому, Гоголю и другимъ, находившимся съ нимъ въ *дружбѣ и общеніи*“ [4]). Случайно же мы узнаемъ изъ „Записокъ Смирновой“ о нѣкоторомъ знакомствѣ Гоголя съ Даргомыжскимъ: „Даргомыжскій собралъ пѣсни; я посовѣтовала ему попросить Гоголя выписать для

---

[1]) «Русск. Арх.», 1893, III.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», V, 139.

[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1873, III, 295—296.

[4]) Тамъ же, стр. 366; о Далѣ же, т. III, стр. 102.

него „Думы“[1]), — а изъ Записокъ артиста Нильскаго и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ о довольно близкомъ знакомствѣ его съ артистомъ И. И. Сосницкимъ, у котораго Гоголь часто бывалъ на его субботахъ[2]). Такимъ образомъ Гоголю вообще, въ качествѣ большого корабля, открылось и большое плаванье... Всѣ подобные обрывки какихъ-нибудь старыхъ воспоминаній важны для насъ именно тѣмъ, что неожиданно раздвигаютъ передъ нами завѣсу, за которой были до сихъ поръ скрыты подробности петербургской жизни Гоголя. Особенно же заслуживаетъ вниманія тотъ мало извѣстный до сихъ поръ фактъ, что значительная часть добрыхъ отношеній Гоголя къ его позднѣйшимъ друзьямъ и знакомымъ завязалась *уже тогда, въ началѣ тридцатыхъ годовъ*, хотя напр. данныя, собранныя въ извѣстныхъ книгахъ г. Кулиша, еще не даютъ намъ возможности выяснить это. Между тѣмъ оказывается, что не только Пушкинъ, Плетневъ, Жуковскій, кн. Одоевскій и кн. Вяземскій, Е. А. Баратынскій[3]), но также Россетъ (Смирнова), М. Ю. Віельгорскій, Перовскій, Мухановы, Лаваль, даже, быть-можетъ, кн. П. М. Волконскій, Ишимова[4]), артистъ И. И. Сосницкій, В. А. Соллогубъ, В. П. Боткинъ, Гнѣдичъ, извѣстная Е. М. Хитрово и и многіе другіе[5]) были знакомы Гоголю уже въ Петербургѣ[6]), а это обстоятельство получаетъ тѣмъ бо́льшее значеніе въ его біографіи, что, какъ увидимъ, встрѣча за-границей съ Балабиными, Репниными и другими семействами впервые ввели его въ постоянное общеніе въ чужихъ краяхъ съ знатными соотечественниками. Гоголя впослѣдствіи не разъ упрекали за тяготѣніе къ аристократическимъ сферамъ, начиная съ Плет-

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, III, стр. 149.

[2]) «Новости и Биржевая Газета», 1894, № 50, 19 февраля, статья А. А. Потѣхина «Чествованіе памяти И. И. Сосницкаго»; Воспоминанія А. А. Нильскаго («Историч. Вѣстникъ», 1894, IV, 118).

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 179.

[4]) «Русская Старина», 1893, VI; «Сѣверный Вѣстникъ», 1893.

[5]) См. Воспоминанія Соллогуба, стр. 216, Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой, стр. 196, Воспоминанія Соллогуба, стр. 6 и стр. 133. По словамъ г-жи Каменской, Гоголь былъ знакомъ въ 30 годахъ также съ ея отцомъ и встрѣчался у него съ Кукольникомъ и В. И. Григоровичемъ («Историч. Вѣстн.», 1894, IX, 629).

[6]) Съ И. И. Панаевымъ Гоголь, кажется, познакомился по возвращеніи изъ-за границы въ 1839 или въ 1840 г. (См. Литерат. Воспом., стр. 160).

нева[1]) и до покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера[2]); но центръ тяжести долженъ быть перенесенъ еще на отношенія его тридцатыхъ годовъ, причемъ великосвѣтскія связи Гоголя отнюдь не должны быть отдѣляемы отъ такихъ же связей Жуковскаго, Пушкина и Плетнева. Въ своихъ позднѣйшихъ упрекахъ Гоголю Плетневъ и самъ упускалъ это изъ виду, одобряя отношенія его къ Смирновой и Балабиной, но почему-то порицая всѣ прочія, да къ тому же смѣшивая съ этими прочими отношенія Гоголя къ Погодину и другимъ московскимъ друзьямъ, не имѣвшимъ съ заграничными аристократами (какъ увидимъ) ничего общаго и, въ свою очередь, не особенно сочувствовавшимъ этимъ отношеніямъ. „Твои друзья двоякіе“, говорилъ Гоголю въ 1844 г. Плетневъ: „одни искренно любятъ тебя за талантъ и ничего еще не читывали въ глубинѣ души твоей. Таковъ Жуковскій, таковы Балабины, Смирнова и таковъ былъ Пушкинъ“[3]), — тогда какъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же Плетневъ совѣтуетъ Гоголю записать, что „русскіе знатные люди за-границею чрезвычайно дружно обходятся съ соотечественниками, а *на родинѣ не допускаютъ ихъ и видѣть себя*“[4]). Нѣкоторое недоразумѣніе во всемъ этомъ заставило покойнаго академика Грота сдѣлать слѣдующее примѣчаніе къ вышеприведеннымъ строкамъ письма Плетнева: „Это вовсе не значитъ, чтобы Плетневъ вообще старался удерживать Гоголя отъ стремленія въ высшія сферы. Если подъ этимъ выраженіемъ разумѣть большой свѣтъ, то слѣдуетъ замѣтить, что Плетневъ, напротивъ, такъ же, какъ и Пушкинъ, не только одобрялъ, но и самъ раздѣлялъ отчасти такое стремленіе, находя, что у насъ въ одномъ высшемъ обществѣ можно было встрѣчать истинную образованность въ соединеніи съ благородной простотой и изящнымъ комфортомъ“. Съ этими словами мы обращаемся къ характеристикѣ того круга, который имѣлъ въ виду Гротъ и который такъ ярко обрисованъ въ недавно напечатанныхъ „Запискахъ Смирновой“.

Собственно Гоголь, несмотря на явное сочувствіе и вниманіе къ нему Смирновой, занималъ въ ея кружкѣ далеко

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, стр. 41.

[2]) «Русская Старина», 1875, XII, стр. 651—652.

[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, 35—36.

[4]) Тамъ же, стр. 41.

не первое мѣсто, что и было понятно при его молодости и невидномъ общественномъ положеніи. Однако онъ скоро пріобрѣлъ нѣкоторую свободу обращенія и сталъ привлекать къ себѣ вниманіе. Члены царской фамиліи въ лицѣ государя и великаго кн. Михаила Павловича интересовались имъ. Тѣмъ не менѣе Гоголь еще былъ слишкомъ юнъ, чтобы все это имѣло не мимолетное значеніе. Но лучше всего роль его въ салонѣ блестящей фрейлины можетъ быть опредѣлена сравненіемъ съ ролью Пушкина. Пушкинъ положительно первенствовалъ въ кружкѣ, плѣняя всѣхъ задушевностью обращенія, непритворной веселостью и ежеминутно искрившимися яркими блестками остроумія. Всѣ бесѣды его носятъ печать сильнаго и оригинальнаго ума, очень серьезныхъ замѣчаній о лицахъ и событіяхъ историческихъ, или мимоходомъ высказаннаго какого-нибудь мѣткаго сужденія (въ родѣ, хотя бы того, что „фатъ отличается отъ кокетки тѣмъ, что онъ думаетъ, что нравится, а она хочетъ понравиться“)[1]. Пушкина въ кружкѣ баловали, оказывая ему безусловную любовь и уваженіе, восхищаясь его умомъ и стихами. Сама Россетъ была отъ него въ восторгѣ и ждала отъ него въ будущемъ много необыкновеннаго. „Несмотря на веселое обращеніе, иногда почти легкомысленное, несмотря на артистическія рѣчи“, — говорила она, — „Пушкинъ умѣетъ глубоко чувствовать“[2]). Какъ ни благоговѣла она передъ Жуковскимъ, какъ ни высоко стоялъ послѣдній въ ея глазахъ, какъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ симпатичный и достойный, но послѣ членовъ императорской фамиліи, къ которымъ молодая фрейлина относилась съ чувствами самой искренней и горячей преданности, ея вниманіе было почти совершенно поглощено Пушкинымъ, этимъ солнцемъ нашей поэзіи. Съ Пушкинымъ Смирнова держала себя открыто и непринужденно, но она видимо дорожила его дружбой, стараясь всячески сдѣлать ему пріятное, спѣшила замѣтить и передать ему разговоры объ интересовавшихъ его предметахъ, высоко цѣнила каждое его слово и замѣчаніе. Вообще, въ этомъ обществѣ Пушкинъ не могъ не чувствовать себя окруженнымъ людьми, относившимися къ нему несравненно лучше и сердечнѣе, нежели въ большинствѣ другихъ салоновъ петербургскаго beau mond'а.

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, VI, стр. 226.

[2]) Тамъ же, 1893, т. IV, стр. 230—231.

Гоголь же стоялъ на второмъ планѣ. Съ одной стороны онъ производилъ выгодное впечатлѣніе мастерскимъ чтеніемъ своихъ художественныхъ произведеній, былъ счастливъ любовью и лаской Пушкина, пользовался общимъ вниманіемъ и расположеніемъ и успѣлъ уже сдѣлаться желаннымъ и необходимымъ членомъ кружка. („У меня вечеръ“ — записала однажды Смирнова. — „Весь мой кружокъ и великій князь. Гоголь прочелъ намъ оригинальную малороссійскую повѣсть „Сорóчинская Ярмарка“ [1]). Съ другой стороны мы нигдѣ не видимъ, чтобы Гоголь выдвигался на главное мѣсто, чтобы онъ овладѣвалъ нитью разговора или становился на равную линію съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и другими, даже чтобы онъ принималъ живое участіе въ разговорахъ. Но Гоголемъ дорожили и восхищались, цѣня его литературный талантъ; въ немъ видѣли блестящую надежду въ будущемъ. Когда Пушкинъ началъ издавать „Современникъ“, то съ перваго же №, кромѣ статьи „О движеніи журнальной литературы“, были помѣщены тамъ два произведенія Гоголя: „Утро дѣлового человѣка“ и „Коляска“. Итакъ, Пушкинъ признавалъ уже его повѣсти и комедіи однимъ изъ важныхъ украшеній своего журнала. „Спасибо“, — писалъ Пушкинъ Плетневу, — „великое спасибо Гоголю за его „Коляску“, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе — даромъ „Коляски“ не брать, а установить ей цѣну: Гоголю нужны деньги“ [2]). Изъ послѣднихъ словъ ясно, что Пушкинъ въ своихъ отношеніяхъ къ молодому собрату былъ такъ близокъ и попечителенъ, что хорошо зналъ, между прочимъ, положеніе его денежныхъ дѣлъ и готовъ былъ всегда оказать ему, кромѣ оффиціальнаго гонорара, всякую зависѣвшую отъ него услугу. Къ произведеніямъ Гоголя Пушкинъ относился уже съ полнымъ довѣріемъ и, когда однажды жена спрашивала во время его отсутствія о томъ, какъ поступить съ присланной Гольцовской статьей, отвѣтилъ: „Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что̀ такое? Кольцовской или Гольцовской? — Гоголя напечатать, а Кольцова разсмотрѣть“ [3]).

Но пробѣлы въ образованіи Гоголя были слишкомъ очевидны, такъ что, несмотря на занимаемое послѣднимъ про-

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ»; 1893, V, стр. 171.

[2]) Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 385.

[3]) Тамъ же, стр. 401.

фессорское мѣсто, Пушкинъ считалъ необходимымъ руководить его чтеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь не только прислушивался къ сужденіямъ Пушкина, но даже записывалъ многое слышанное отъ него, чѣмъ вполнѣ подтверждаются слова А. Н. Пыпина въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній" о томъ, что, вступая въ пушкинскій кругъ, онъ встрѣтилъ въ немъ уже вполнѣ сформированные, опредѣленные взгляды. Онъ, естественно, имъ подчинился; другихъ понятій онъ тогда ни отъ кого не слыхалъ"[1]).

Изъ Записокъ Смирновой мы наглядно знакомимся даже съ самымъ характеромъ руководительства Гоголемъ со стороны его друзей: „Гоголь", — разсказываетъ Смирнова, — „слушалъ молча, время отъ времени занося слышанное въ карманную книжку. Жуковскій сказалъ ему: „Ты записываешь, что̀ говоритъ Пушкинъ. И прекрасно дѣлаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебѣ ея замѣтки, потому что каждое слово Пушкина драгоцѣнно"[2]). Записки Смирновой тѣмъ особенно и дороги, по нашему мнѣнію, что, не предвидя позднѣйшихъ толковъ біографовъ и критиковъ о Гоголѣ и его отношеніяхъ къ друзьямъ, рисуютъ ихъ съ фотографической вѣрностью и иногда немногими словами проливаютъ яркій свѣтъ на весьма любопытныя подробности этихъ отношеній. Такъ, еще болѣе замѣчателенъ слѣдующій затѣмъ бѣглый отчетъ Гоголя Жуковскому въ прочитанномъ по указанію Пушкина. Надо сознаться, что въ немногихъ словахъ Жуковскаго, обращенныхъ къ Гоголю, до тѣхъ поръ молчаливому слушателю бесѣды, происходившей между болѣе авторитетными людьми, при всей добротѣ и привѣтливости перваго, явно слышится какой-то учительскій тонъ. Жуковскій съ полной откровенностью одобряетъ его словами: „это похвально" и почти экзаменуетъ его, спрашивая, какъ о новости, сужденія Гоголя о давно прекрасно извѣстныхъ Жуковскому произведеніяхъ иностранной словесности. Приведемъ кстати слова самого Гоголя о томъ, что̀ именно онъ читалъ по указанію Пушкина: „Я читалъ „Essais" Монтаня, „Мысли" Паскаля, „Персидскія письма" Монтескье, „Les Caractères" Ла-Брюйера, „Мысли" Вовенарга. Пушкинъ

---

[1]) «Характеристики литературныхъ мнѣній», 1 изд. стр. 367; 2 изд. стр. 372.
[2]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, VIII, 268.

указалъ мнѣ и трагедіи Расина и Корнеля, которыя я долженъ прочесть. Еще я прочелъ басни Лафонтена. О Вольтерѣ и энциклопедистахъ онъ сказалъ мнѣ, что я могу не читать ихъ; но совѣтовалъ прочесть сказки Вольтера, такъ какъ онъ находитъ, что это лучшее изъ написаннаго имъ. Далъ онъ мнѣ прочесть нѣмецкія книги, что̀ вы мнѣ дали, и переводы Шекспира" [1]). Можно сказать, что никогда не пользовался Гоголь болѣе заботливымъ и удачнымъ руководительствомъ и никогда не занимался болѣе образовательнымъ и разностороннимъ чтеніемъ. Но на совѣтахъ Пушкина отразился и совершившійся въ послѣдніе его годы переворотъ въ нѣкоторыхъ его мнѣніяхъ. Когда Пушкинъ совѣтовалъ Гоголю не читать Вольтера и энциклопедистовъ, онъ, вѣроятно, высказывалъ и тѣ консервативные взгляды, которые не разъ приписываются ему въ „Перепискѣ съ друзьями" и въ письмѣ Гоголя къ Бѣлинскому. Несомнѣнно, что Гоголь, не успѣвъ въ короткій срокъ пушкинскаго руководительства, стать на собственныя ноги, а затѣмъ, отдавшись теченію жизни и все сильнѣе овладѣвавшему имъ мистицизму, затушилъ въ себѣ только-что брошенныя въ его душу сѣмена интересовъ научныхъ и литературныхъ, и сдѣлаться истинно образованнымъ человѣкомъ Гоголю такъ и не удалось.

Придворные вечера, о которыхъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ Смирнова, посвящались преимущественно интересамъ политическимъ или литературнымъ. На первыхъ, происходившихъ бо́льшею частію у императрицы или у другихъ фрейлинъ, Смирнова старалась узнавать какъ можно больше о лицахъ, игравшихъ главную роль на тогдашнемъ политическомъ горизонтѣ Европы и пользуясь своимъ довѣреннымъ положеніемъ, разспрашивала о многомъ, бывшемъ тайной для непосвященныхъ, замѣчала взгляды и мнѣнія императрицы, великихъ князей и наконецъ государя, причемъ самымъ интереснѣйшимъ и важнымъ изъ слышаннаго дѣлилась потомъ съ Пушкинымъ, если почему-нибудь имѣла основаніе предполагать, что доставитъ ему тѣмъ удовольствіе. Во время литературныхъ бесѣдъ на ея „чердакѣ" или въ салонѣ Карамзиной прочитывались новыя произведенія Пушкина и Гоголя; Пушкинъ припоминалъ происшествія и лица,

---

[1]) Тамъ же.

имѣвшія отношеніе въ его прошлой жизни, говорилъ о впечатлѣніяхъ чтенія или окружающей жизни, шутилъ и совершенно предавался настроенію минуты, Гоголь же на всѣхъ этихъ собраніяхъ являлся въ роли новичка, хотя уже нѣсколько успѣвшаго попривыкнуть къ окружающей сферѣ. Государь оказывалъ почти исключительное вниманіе Пушкину, милостиво бесѣдуя съ нимъ и разспрашивая о немъ заочно; онъ часто говорилъ о его стихотвореніяхъ и съ удовольствіемъ слушалъ нѣкоторыя стихотворенія въ его декламаціи. Вниманіе Государя къ Пушкину простиралось до того, что возбуждало даже неблагопріятные толки и зависть. Съ Гоголемъ Государь также бесѣдовалъ иногда, но это былъ уже не живой обмѣнъ мыслей съ обѣихъ сторонъ, а только милостивыя похвалы Государя умершему родственнику Гоголя Трóщинскому или разсказы Гоголю о Малороссіи и гетманствѣ[1]). Точно также великій князь хвалилъ юморъ, оригинальность и веселость Гоголя, но обращеніе съ нимъ было все-таки совсѣмъ не такое, какъ съ Пушкинымъ (великій князь прозвалъ его „малороссомъ, прирученнымъ доньей Соль“). Вѣроятно, постепенное освобожденіе Гоголя отъ его неловкости сильно бросалось въ глаза. Записки Смирновой сохранили довольно наглядные слѣды этой перемѣны въ Гоголѣ. Послѣдній, уже представленный фрейлинѣ и обласканный ею, продолжалъ еще нѣкоторое время стѣсняться и сначала нѣкоторое время неохотно продолжалъ свои посѣщенія. Однажды Смирнова записала: „Плетневъ привелъ своего упрямаго хохла; прибылъ и великій князь“[2]). Вскорѣ затѣмъ она поспѣшила его представить великому князю. Гоголю приходилось говорить преимущественно о Малороссіи, такъ какъ эти темы были самыми удобными и пріятными для него и потому ихъ старались чаще затрогивать въ его присутствіи изъ любезности и вниманія къ молодому, робкому и застѣнчивому „хохлу“. Когда Гоголь читалъ свои произведенія, то, по наблюденіямъ Смирновой, оживлялся, *становился не такимъ неловкимъ,* смѣялся про себя, когда смѣшно; читая, онъ терялъ свой акцентъ“. Но вниманіе, обращенное имъ на себя во время чтенія, быстро уступало общему

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, III, 146.

[2]) Тамъ же, стр. 144.

удивленію передъ Пушкинымъ. „Говорили о Малороссіи, о гетманахъ; у Пушкина были цѣлые взрывы остроумія. Когда онъ въ ударѣ — это просто фейерверкъ. А его гомерическій, заразительный смѣхъ! Во всемъ мірѣ нѣтъ человѣка, менѣе его рисующагося; это большая прелесть!“ [1]). Также и въ другихъ случаяхъ общее вниманіе легко и скоро переносилось съ Гоголя на Пушкина. Вотъ еще примѣръ. „Гоголь приходилъ читать „Миргородъ“. Надъ Пульхеріей Ивановной плакали. А потомъ Сверчокъ такъ смѣялся, что Марья Савельевна, разливая чай, объявила ему, что когда будетъ умирать, то пошлетъ за нимъ“ [2]).

Впослѣдствіи, въ своей извѣстной „Перепискѣ съ друзьями“, Гоголь не разъ вспоминаетъ о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину въ началѣ тридцатыхъ годовъ и объ его характерѣ и убѣжденіяхъ. Тамъ мы узнаемъ многія данныя, съ одной стороны въ высшей степени согласныя съ тѣмъ, что̀ разсказываетъ Смирнова, съ другой — нѣсколько имъ противорѣчащія. Такъ Пушкинъ, по его словамъ, „въ послѣднее время набрался много русской жизни и говоритъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай каждое слово: оно стоило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что̀ строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь“ [3]). Справедливость первой половины періода не подлежитъ никакому сомнѣнію; но въ концѣ его Гоголь, повидимому, приписывалъ Пушкину душевное настроеніе, свойственное скорѣе ему самому въ послѣдніе годы.

Въ статьѣ „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ Гоголь говорилъ: „какъ умно опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! и какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что̀ ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни“ [4]). Но приписываемый здѣсь и дальше Пушкину религіозный и политическій консерватизмъ не безусловно подтверждаются Записками Смирновой. Изъ послѣднихъ оказывается, что Гоголь совершенно справедливо указывалъ въ Пушкинѣ послѣд-

---

1) Тамъ же, стр. 145.
2) Тамъ же, стр. 147.
3) Соч. Гог., изд. X, IV, 186.
4) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 43.

нихъ лѣтъ жизни полное благоговѣніе къ монархическому принципу и искреннюю преданность и уваженіе къ личности императора Николая. Но люди, изъ зависти интриговавшіе противъ Пушкина, имѣли свои основанія выдвигать тѣ его взгляды и сочувствія, которыя могли повредить ему при дворѣ.

Во всякомъ случаѣ напр. въ своихъ столкновеніяхъ съ Уваровымъ и Бенкендорфомъ Пушкинъ поступалъ слишкомъ независимо и смѣло и легко могъ навлечь на себя грозу. Государыня однажды сказала Смирновой: „вашъ поэтъ можетъ быть спокоенъ; государь увѣренъ въ его совершенной честности и прямотѣ; онъ убѣжденъ, что Пушкинъ никогда въ жизни не измѣнитъ имъ, что онъ ничего не сдѣлаетъ исподтишка“[1]). Случалось, что туча надвигалась ближе и грознѣе, и однажды Смирновой было поручено посовѣтовать Пушкину „не задирать людей“, такъ какъ на него жаловались государю. Дѣло принимало не совсѣмъ шуточный оборотъ и непріятное извѣстіе вывело Жуковскаго изъ себя. „Жуковскій ворчалъ“ — пишетъ Смирнова: — „онъ утверждаетъ, что моя вина, что я поощряю его Сверчка; это потому, что я осмѣлилась сказать, что на ворѣ шапка горитъ; вотъ когда добрякъ разсердился и замычалъ, какъ быкъ. Но въ концѣ концовъ онъ разсмѣялся, когда Сверчокъ увѣрилъ его, что онъ не нуждается въ поощреніи и что онъ неизлѣчимъ, ему надо говорить, чтобы отвести душу. Впрочемъ, государь совсѣмъ не сердится; я успокоила Жуковскаго, разсказавъ ему, что переписала стихи Сверчка для императрицы. Жуковскій такъ любитъ Искру[2]), что похожъ на курицу, высидѣвшую утенка“[3]). Вообще, какъ извѣстно, Пушкинъ относился съ большой нѣжностію и дружескимъ вниманіемъ, къ „великому меланхолику“, какъ онъ обыкновенно называлъ Гоголя[4]). — Всѣ эти строки, записанныя безъ всякой предвзятой цѣли, по нашему мнѣнію, чрезвычайно любопытны и важны, такъ какъ ими устраняются напрасные споры о томъ, былъ ли Пушкинъ консерваторомъ или ли-

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, V, 166.

[2]) А. С. Пушкина А. О. Смирнова называла Искрой.

[3]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, III, 153—154.

[4]) Соч. Пушк., изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 220.

бераломъ въ послѣдніе годы жизни. Пушкинъ, сдѣлавшись консервативнымъ, былъ неизмѣримо далекъ отъ будущаго консерватизма Гоголя. Теперь намъ несомнѣнно, что засвидѣтельствованный Жуковскимъ и Гоголемъ, а также многими стихотвореніями самого Пушкина, поворотъ въ послѣднемъ къ консерватизму въ тридцатыхъ годахъ доказывается и прямыми свидѣтельствами, напр. Записками Смирновой; но консерватизмъ Пушкина никогда не былъ консерватизмомъ Жуковскаго или Гоголя. Преданность императору не исключала въ немъ самаго искренняго сожалѣнія о судьбѣ декабристовъ и не ставила его въ число людей, способныхъ преклоняться противъ убѣжденія и безъ разбору передъ сильными міра. Однажды Смирнова записала слѣдующія слова Пушкина: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ государь былъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія. Если бы онъ мнѣ довѣрялъ, то, можетъ быть, я могъ бы добиться какой-нибудь милости для декабристовъ“[1]). Въ передачѣ Гоголемъ мнѣнія Пушкина являются напротивъ *безусловно консервативными* и, если приблизительно вѣрно сохраненъ ихъ общій смыслъ, то кое-что, вѣроятно, невольно привнесено позднѣйшимъ настроеніемъ нашего писателя; напр. совершенно не въ пушкинскомъ стилѣ и не въ духѣ его взглядовъ, какъ намъ кажется, слѣдующія слова, ему приписанныя: „государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что̀ такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что выѣденнаго яйца не стоитъ“[2]).

Смирнова сохранила намъ также нѣкоторыя любопытныя черты, чрезвычайно живо характеризующія отношенія Пушкина къ Гоголю. Такъ однажды она пишетъ: „когда Петръ Великій бывалъ доволенъ Менщиковымъ, онъ бралъ его за

---

1) «Сѣв. Вѣстникъ», 1893, V, стр. 157. Изъ Записокъ Смирновой мы узнаемъ, что Пушкинъ былъ недоволенъ распространившимся преувеличеннымъ мнѣніемъ объ его крайнемъ либерализмѣ: «Меня хотятъ выставить какимъ-то Стенькой Разинымъ, увѣряютъ, что «Кинжалъ» мое слово, мое политическое и религіозное исповѣданіе вѣры» («Северн. Вѣстн.», 1893, V, 158). Смирнова хорошо знала Пушкина и на замѣчаніе М. Ю. Віельгорскаго, что многіе не переваривають милости государя къ Пушкину, возразила: «Какой милости? Пушкинъ ничего не проситъ: ни денегъ, ни мѣста, ни орденовъ, ни даже приглашенія на балъ» («Сѣв. Вѣстн.», 1893, V, 166—167).

2) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 43.

голову, цѣловалъ его въ лобъ и говорилъ ему: „ты умница, Алексаша Даниловичъ“[1]). Какъ-то вечеромъ Пушкинъ точно также выразилъ Гоголю свое удовольствіе по поводу чтенія.— Объ извѣстной передачѣ Пушкинымъ Гоголю сюжетовъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ Смирнова записала слѣдующее: „Вечеромъ я разсказала Его Величеству, что Сверчокъ далъ Гоголю сюжетъ для комедіи: — какой-то игрокъ пріѣзжаетъ въ провинцію и его принимаютъ за важное лицо; эта исторія невыдуманная“[2]) и въ другомъ мѣстѣ: „Пушкинъ провелъ четыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа, который, какъ Донъ-Кихотъ, будетъ раздѣленъ на пѣсни. Герой объѣдетъ провинцію; Гоголь воспользуется своими путевыми записками“.[3]) Этими словами, кажется, снимается съ Гоголя упрекъ въ лукавомъ присвоеніи себѣ сюжета, о которомъ будто бы Пушкинъ сдѣлалъ только намекъ въ виду примѣра для поясненія мысли, упрекъ, основанный на сообщеніи Анненкова, что однажды „въ кругу своихъ домашнихъ Пушкинъ говорилъ смѣясь: „съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“.

Вообще о передачѣ Пушкинымъ нашему писателю сюжета „Мертвыхъ Душъ“ существуютъ далеко несогласные между собой разсказы. Между тѣмъ, какъ Гоголь представляетъ этотъ литературный фактъ дѣломъ обоюднаго дружескаго соглашенія, причемъ, по его словамъ, Пушкинъ даже побуждалъ его, какъ своего юнаго друга и собрата взять на себя и разработать данный сюжетъ, — по словамъ Л. Н. Павлищева, сына любимой сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, выходитъ напротивъ, что Гоголь какъ будто своевольно воспользовался сюжетомъ, злоупотребивъ отчасти довѣріемъ своего друга. По этому разсказу, во время одной изъ интимныхъ кабинетныхъ бесѣдъ съ Пушкинымъ, съ глазу на глазъ — отъ всякихъ другихъ бесѣдъ Гоголь обыкновенно уклонялся, по своей конфузливости и неловкости въ обществѣ

---

1) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, V, 164.
2) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, III, 154.
3) Тамъ же, стр. 141.

дамъ, — Пушкинъ, всегда открытый и довѣрчивый, съ свойственной ему безпечностью разсказалъ недавнее происшествіе, случившееся неподалеку отъ села Михайловскаго съ дерзкимъ предпринимателемъ, рѣшившимся, подобно Чичикову, составить состояніе покупкой и продажей мертвыхъ душъ, но скоро попавшимся. Окончивъ разсказъ, Пушкинъ прибавилъ, что онъ воспользуется этимъ эпизодомъ для прозаическаго разсказа. Гоголь не подалъ никакого вида, что онъ заинтересовался слышаннымъ, притворившись совершенно равнодушнымъ, а между тѣмъ, не теряя времени, принялся за дѣло, и когда познакомилъ Пушкина съ первыми набросками романа, то послѣдній былъ такъ очарованъ, что примирился или долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ. Сестрѣ своей Пушкинъ показывалъ даже программу задуманной повѣсти, жалуясь на лукавство Гоголя и съ досадой называя его хитрымъ малороссомъ. „Впрочемъ" — прибавлялъ онъ — „я не написалъ бы лучше". Въ Гоголѣ бездна юмору и наблюдательности, которыхъ въ иныхъ нѣтъ"[1]).

О передачѣ Пушкинымъ сюжета „Ревизора" мы читаемъ въ газетѣ „Порядокъ": „Собирая на мѣстѣ матеріалы для приготовляемой „Исторіи Пугачевскаго бунта", Пушкинъ, проѣздомъ въ Оренбургъ, останавливался въ Нижнемъ-Новгородѣ и разспрашивалъ о разныхъ разностяхъ мѣстнаго губернатора г. М. П. Б. Разспросы эти возбудили въ послѣднемъ подозрѣніе: „а что̀, если этотъ петербургскій чиновникъ, сочинитель г. Пушкинъ, только притворяется, будто матеріалы какіе-то собираетъ, а на самомъ дѣлѣ ревизуетъ наши мирныя захолустья, по особому порученію". М. П. Б. счелъ долгомъ предупредить коменданта города Оренбурга, гр. Л. А. Перовскаго, что поѣздка Пушкина имѣетъ цѣлью секретно обревизовать дѣйствія оренбургскихъ чиновниковъ. По примѣчанію издателя „Русскаго Архива" къ „Воспоминаніямъ" Соллогуба, письмо это оканчивалось словами: „Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, чтобы вы были осторожнѣе". Пушкинъ и гр. Перовскій, которые были пріятелями, немало хохотали надъ этимъ письмомъ и призракомъ ревизора, смутившаго губернаторскую фантазію.

---

[1]) «Русская Старина», 1880, V, 79—80.

По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ разсказалъ, со свойственнымъ ему юморомъ, этотъ случай Гоголю. Вѣроятно, по ассоціаціи мыслей, онъ въ то же время разсказалъ ему и о другомъ происшествіи, бывшемъ въ городѣ Устюжнѣ (Новгородской губерніи), гдѣ какой-то пріѣзжій господинъ выдалъ себя за чиновника „министерства", обобравшаго всѣхъ городскихъ жителей.

На этихъ двухъ данныхъ, говоритъ гр. Соллогубъ, задуманъ былъ „Ревизоръ", коего Пушкинъ называлъ себя крестовымъ отцомъ. Письмо губернатора М. П. Б. превратилось въ комедіи въ письмо Андрея Ивановича Чмыхова: „Совѣтую тебѣ"[1]) и проч.

Смирнова передаетъ въ своихъ Запискахъ также любопытныя подробности о томъ, какъ Пушкинъ слѣдилъ за продолженіемъ труда Гоголя: „Пушкинъ приказалъ хохлу, всегда неподатливому, когда онъ долженъ читать, принести рукопись начала его романа „*Мертвыя Души*". Пока онъ читалъ, Пушкинъ, по своей привычкѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ Гоголемъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, долго смотрѣлъ на него и, наконецъ, сказалъ ему: „*Умница!*"[2]), затѣмъ поцѣловалъ его въ лобъ, въ знакъ одобренія. Онъ снова заходилъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Невеселая штука — Россія!" Надъ нѣкоторыми сценами онъ отъ всей души хохоталъ, потомъ сдѣлался чрезвычайно задумчивъ и, наконецъ, сказалъ Жуковскому. „А маленькій-то хохолъ, каковъ?" Потомъ онъ мнѣ сказалъ: „M-me фонъ-Визинъ, вы способны это оцѣнить, я по глазамъ вашимъ вижу — вы въ восторгѣ; вамъ слѣдуетъ взять г. Чичикова подъ свое крылышко; онъ неказистъ, но вы должны оказать ему тѣ же услуги, какія оказали изящному графу Нулину и очаровательному Онѣгину,

---

1) «Порядокъ», 1881, № 28.

2) Существуетъ письмо Жуковскаго, въ которомъ говорится: «Никто и не подозрѣвалъ, дорогая Александра Осиповна, что молодой дебютантъ, который такъ робѣлъ передъ нашимъ дорогимъ Пушкинымъ, также произведетъ и свою революцію въ русской литературѣ и будетъ творцомъ русскаго современнаго романа и русской современной комедіи въ прозѣ».

такъ какъ ножницы страшной старухи (цензуры) его не пощадятъ". Гоголь былъ очень взволнованъ, и Сверчокъ даже поцѣловалъ Плетнева, который всегда откроетъ какой-нибудь кладъ! Я не знаю провинціи, но мой мужъ, который видалъ помѣщиковъ и чиновниковъ, говорилъ мнѣ, что Гоголь ихъ вѣрно описываетъ. Одно удивительно — это, что Гоголь не жилъ въ провинціи въ Великороссіи, но прослужилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одной изъ петербургскихъ канцелярій. Пушкинъ говорилъ объ этомъ съ моимъ мужемъ и сказалъ: „утверждаютъ, будто столицы болѣе развращены, чѣмъ провинція, это чистыя заблужденія, такъ какъ Гоголь ничего не выдумываетъ, это совершенная правда, это страшная правда". Затѣмъ онъ прибавилъ: „Гроза придворныхъ витязей и цензоровъ, снаряжайтесь въ походъ изъ-за „Мертвыхъ Душъ", Жуковскій, который непремѣнно долженъ говорить по-нѣмецки, утверждаетъ, что вы „dreist" [1]).

XI.

Что̀ касается отношеній Гоголя къ Жуковскому, то извѣстно, что Гоголь былъ желаннымъ гостемъ на его субботнихъ собраніяхъ, на которыхъ онъ чувствовалъ себя привольно и нерѣдко въ большомъ обществѣ читалъ свои произведенія. Объ этихъ незабвенныхъ для него вечерахъ Гоголь вспоминалъ потомъ съ восторгомъ. Онъ писалъ Жуковскому изъ-за границы: „Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ!" [2]). Эти

---

[1]) Смѣлая, отважная. Пушкинъ поддразнивалъ Жуковскаго, говоря: «Онъ непремѣнно долженъ всегда говорить по-нѣмецки», это намекъ на его увлеченіе нѣмецкой литературой. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ одинъ Гете имѣлъ прелесть для Пушкина, всѣхъ остальныхъ онъ ставилъ ниже англійскихъ и итальянскихъ поэтовъ». См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1894, VI, 200.

[2]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 950.

строки достаточно рисуютъ намъ Жуковскаго, и какъ человѣка, отнесшагося съ теплымъ и сочувственнымъ покровительствомъ къ даровитому литературному новичку, и какъ добраго и радушнаго хозяина, а также самый характеръ его обращенія съ Гоголемъ. Съ Жуковскимъ Гоголь говорилъ уже почти тономъ равнаго, хотя и не съ той полной свободой, съ какой впослѣдствіи; ему онъ сообщалъ о своихъ литературныхъ планахъ и замыслахъ и къ нему же обращался съ просьбой о помощи въ трудныя минуты жизни [1]).

Среди разнороднаго общества Гоголь нерѣдко встрѣчалъ у Жуковскаго графа М. Ю. Віельгорскаго, оказавшаго ему такое важное содѣйствіе незадолго до постановки на сцену „Ревизора".

Въ нашей литературѣ имя М. Ю. Віельгорскаго пользуется почетною извѣстностью по многимъ причинамъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ профессоромъ А. Н. Веселовскимъ, Михаилъ Юрьевичъ, увидѣвъ случайно оставленную Грибоѣдовымъ на фортепіано рукопись „Горе отъ ума" [2]), первый распространилъ молву о комедіи и способствовалъ рѣшенію автора отдать ее въ печать и поставить на сцену, что̀ уже случилось, какъ извѣстно, собственно послѣ смерти автора. Гораздо замѣчательнѣе отношенія его къ Пушкину. Извѣстно, что сюжетъ „Мѣднаго Всадника" основанъ отчасти на одномъ изъ тѣхъ остроумныхъ и живыхъ разсказовъ Віельгорскаго, которые такъ любилъ Пушкинъ, а нѣкоторые изъ нихъ пересказалъ даже въ своихъ сочиненіяхъ. При первомъ чтеніи „Бориса Годунова" Віельгорскій присутствовалъ въ домѣ Соболевскаго въ Москвѣ, но на второмъ чтеніи у поэта Д. В. Веневитинова его, кажется, не было. Пушкинъ очень любилъ Віельгорскаго; однажды онъ сердечно напутствовалъ его при прощаньѣ, когда провожалъ его, уѣзжавшаго на пироскафѣ въ Италію, чтобы навѣстить свою больную жену. Ему же поэтъ, одному изъ первыхъ, поспѣшилъ сообщить понравившійся мотивъ цыганской пѣсни, вложен-

---

[1]) Тамъ же, 949, 951. Ср. въ позднѣйшемъ письмѣ 1839 г. изъ Москвы: «Мнѣ отдали сію минуту ваше письмо; вы заботились, вы хлопотали обо мнѣ, и мнѣ ту же минуту представились живые глаза ваши, и въ нихъ выраженное ко мнѣ участіе» (тамъ же, 0937).

[2]) «Этюды и характеристики» А. Н. Веселовскаго, стр. 520.

ной въ уста Земфиры[1]). Пушкинъ особенно часто встрѣчалъ Віельгорскаго въ послѣдніе годы жизни въ высшемъ свѣтѣ, больше всего у Смирновой и Жуковскаго. Однажды какъ-то въ дневникѣ его читаемъ: „Обѣдалъ у Смирновой съ Полетикой, Жуковскимъ и Віельгорскимъ"[2]); но это были частыя и самыя обыкновенныя встрѣчи. Наконецъ, Віельгорскій присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Пушкина. Нечего и говорить о концертахъ Віельгорскаго при дворѣ и вообще о значеніи его въ музыкальномъ мірѣ. Одинъ изъ пріѣзжихъ иностранцевъ выразился въ своихъ запискахъ, что „два брата Віельгорскіе, графы Михаилъ и Матвѣй, играютъ на віолончели такъ, какъ, должно-быть, играютъ въ концертахъ у Господа Бога въ раю"[3]). Между прочимъ, кстати припомнить, что онъ принималъ весьма видное участіе въ торжественномъ чествованіи Глинки по поводу перваго представленія „Жизни за Царя" и привѣтствовалъ его, какъ и другіе, извѣстными куплетами, ими сочиненными.

Всѣ эти факты, касающіеся Віельгорскаго и частью давно извѣстные, считаемъ умѣстнымъ напомнить здѣсь, чтобы полнѣе очертить значеніе его въ кружкѣ Жуковскаго и Пушкина. Что̀ касается отношеній Віельгорскаго къ Гоголю въ тридцатыхъ годахъ, то хотя они были уже дружественныя, но пока еще довольно поверхностныя. Позднѣе Гоголь, еще въ тридцатыхъ годахъ (не говоря уже о сороковыхъ) нерѣдко встрѣчался съ графомъ въ Россіи или за-границей. Віельгорскаго мы даже встрѣчаемъ въ качествѣ посредника въ корреспонденціи между Гоголемъ и Жуковскимъ. 12 сентября 1839 г. Гоголь, возвращаясь изъ-за границы въ Россію, писалъ Жуковскому: „До меня *только* дошли *слухи*, что вы ко мнѣ писали. Я два раза получилъ письмо отъ Віельгорскаго и всякій разъ онъ меня увѣдомлялъ, что отъ васъ получилъ письмо и ко мнѣ маленькую приписочку, но что онъ мнѣ пришлетъ ее послѣ, и что по разсѣянности не помнилъ, куда ее положилъ"[4]). Любопытно, однако, что знаменитая разсѣянность М. Ю. Віельгорскаго, какъ по край-

---

[1]) Слышано отъ внука М. Ю. Віельгорскаго, М. А. Веневитинова.

[2]) Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 208.

[3]) «Русскій Архивъ», Записки Ипполита Оже, 1877, V, стр. 60; см. также «Русскую Мысль», 1893, I, 30—31.

[4]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0935.

ней мѣрѣ можно думать, сослужила однажды добрую службу Гоголю. Графъ В. А. Соллогубъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о ней слѣдующее: „Онъ былъ разсѣянности баснословной; однажды пригласивъ къ себѣ на огромный обѣдъ весь находившійся въ то время въ Петербургѣ дипломатическій корпусъ, онъ совершенно позабылъ объ этомъ и отправился обѣдать въ клубъ; возвратясь, по обыкновенію, очень поздно домой, онъ узналъ о своей оплошности и на другой день отправился, разумѣется, извиняться передъ своими озадаченными гостями, которые наканунѣ въ звѣздахъ и лентахъ, явились въ назначенный часъ и никого не застали дома. Всѣ знали его разсѣянность, всѣ любили его и потому со смѣхомъ ему простили; одинъ баварскій посланникъ не могъ переварить неумышленной обиды и съ тѣхъ поръ къ Віельгорскому ни ногой“ [1]).

Здѣсь же кстати напомнить, что, по мнѣнію покойнаго Н. С. Тихонравова, повѣсть „Записки Сумасшедшаго“ была переименована изъ „Записокъ сумасшедшаго музыканта“ подъ вліяніемъ разсказовъ В. Ө. Одоевскаго о сумасшедшихъ музыкантахъ, а „Шинель“ — подъ вліяніемъ разсказа охотника, потерявшаго ружье“ [2]).

Воспоминанія Анненкова [3]) съ своей стороны переносятъ насъ изъ блестящаго придворнаго круга въ скромный, тѣсный, дружескій кружокъ поселившихся въ Петербургѣ бывшихъ школьныхъ товарищей Гоголя на его маленькую квартиру на Малой Морской, гдѣ въ небольшой уютной комнатѣ собиралось за чайнымъ столомъ излюбленное имъ общество „своихъ“. Какъ ни льстили самолюбію молодого писателя его успѣхи въ высшихъ сферахъ, но только здѣсь, среди своихъ нѣжинцевъ, онъ могъ проводить вечера совершенно по-душѣ. Здѣсь свободнѣе проявлялись и его литературные вкусы и съ особеннымъ энтузіазмомъ Гоголь зачитывался тогда произведеніями Державина и Пушкина и восхищался стихотвореніями Языкова. Послѣдній задолго до личнаго знакомства съ Гоголемъ сталъ его любимцемъ. Гоголь не могъ не знать Языкова по разсказамъ Пушкина и, вѣроятно, уже тогда

[1]) Воспоминанія В. А. Соллогуба, 131 и Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 621.
[2]) См. соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 610—611. и т. V, 558 и 610.
[3]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, I, 187.

заочно относился къ нему съ симпатіей, а стихи его читалъ съ выраженіемъ страсти въ глазахъ и голосѣ, сильно ударяя на нѣкоторыя слова. Главнымъ предметомъ, привлекавшимъ къ себѣ вниманіе Гоголя въ его бесѣдахъ съ нѣжинцами, были вопросы искусства; но если мы встрѣчаемъ иногда нѣсколько напыщенный тонъ въ печатныхъ статьяхъ, посвященныхъ искусству, то въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ онъ говорилъ вполнѣ естественно и просто. Утомленный отъ тяжелыхъ будничныхъ заботъ, онъ, по словамъ Анненкова, „сходилъ съ шумнаго, трудового своего жизненнаго поприща въ уединенный кругъ своихъ пріятелей. Съ ними онъ никогда не говорилъ объ ученыхъ своихъ предпріятіяхъ и другихъ замыслахъ, потому что хотѣлъ оставаться съ ними искреннимъ и такимъ, какимъ его знали сначала“[1]). Гоголь охотно выслушивалъ разсказы и замѣчанія своихъ гостей, иногда стараясь даже извлекать изъ нихъ матеріалы для будущихъ произведеній, принималъ живое участіе въ непринужденной бесѣдѣ, показывалъ дорогіе альманахи и книжки съ заграничными видами. „На сходкахъ“, — говоритъ Анненковъ, — „царствовала веселость, бойкая насмѣшка надъ низостью и лицемѣріемъ, которой журнальные, литературные и всякіе другіе анекдоты служили пищей, но особенно любилъ Гоголь составлять куплеты и пѣсни на общихъ знакомыхъ съ помощью Н. Я. Прокоповича и А. С. Данилевскаго, товарища Гоголя по лицею, человѣка веселыхъ нравовъ; нѣкоторые изъ нихъ выходили, дѣйствительно, карикатурно мѣтки и уморительны“[2]). „Случалось также“ —

[1]) Тамъ же, стр. 184.

[2]) Тамъ же, стр. 185. Далѣе Анненковъ прибавляетъ: «Помню, что нѣсколько вечеровъ Гоголь безпрестанно тянулъ (мотивы для куплетовъ выбирались изъ новѣйшихъ оперъ изъ Фенеллы, Роберта, Цампы) кантину, созданную для прославленія будущаго предполагаемаго его путешествія въ Крымъ, гдѣ находился стихъ:

«И съ Мариной нашъ Якимъ
Потянулся прямо въ Крымъ».

«Въ памяти у меня» — продолжаетъ Анненковъ — «остался также довольно нелѣпый куплетъ, долженствовавшій увѣковѣчить молодыхъ учителей изъ его знакомыхъ, отправляющихся каждый день на свои лекціи на Васильевскій островъ. Куплетъ, кажется, принадлежалъ Гоголю безраздѣльно:

«Всѣ бобрами завелись,
У Фаге всѣ завились
И пошли черезъ Неву,
Какъ чрезъ мягку мураву», (стр. 186).

продолжаетъ Анненковъ, — „что на этихъ сходкахъ на Гоголя нападала безпокойная, судорожная, горячечная веселость, явное произведеніе матеріальныхъ силъ, чѣмъ-либо возбужденныхъ"[1]). Гоголь не только дома являлся привѣтливымъ хозяиномъ своихъ нѣжинцевъ, но бывалъ также однимъ изъ дѣятельныхъ устроителей разныхъ складчинныхъ обѣдовъ, особенно въ день своихъ именинъ, когда онъ бралъ на себя даже роль повара и съ увлеченіемъ предавался хлопотливой возпѣ распорядителя, одѣвался въ особый изысканный костюмъ и воодушевлялъ все общество заразительнымъ молодымъ весельемъ. Тогда и долго послѣ въ немъ не замѣчали еще и тѣни будущей притязательности и самомнѣнія. „Какъ далекъ еще тогда онъ былъ отъ позднѣйшей самоувѣренности въ оцѣнкѣ собственныхъ произведеній, можетъ служить доказательство того, что на одномъ изъ складчинныхъ обѣдовъ 1832 г., онъ сомнительно и даже отчасти грустно покачалъ головой при похвалахъ, расточаемыхъ новой повѣсти его „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ". „Это вы говорите", сказалъ онъ, — „а другіе считаютъ ее фарсомъ"[2]).

Художественная натура Гоголя проявлялась на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ мимоходомъ брошенномъ замѣчаніи. Гоголь весь жилъ тогда впечатлѣніями изящнаго; онъ совершенно погрузился въ міръ поэзіи и искусства. По словамъ Анненкова, „поэтическій взглядъ на предметы былъ такъ свойственъ его природѣ и казался ему такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что самая теорія творчества, которую онъ излагалъ тогда, отличалась поэтому необыкновенной простотой. Онъ говорилъ, что для успѣха повѣсти и вообще разсказа достаточно, если авторъ опишетъ знакомую ему комнату и знакомую улицу. „У кого есть способность передать живописно свою квартиру, тотъ можетъ быть и весьма замѣчательнымъ авторомъ впослѣдствіи", говорилъ онъ. Но если теорія была слишкомъ проста и умалчивала о многихъ качествахъ, необходимыхъ писателю, критика Гоголя, наоборотъ, отличалась разнообразіемъ глубиной и замѣчательной многосложностью требованій[3]). Но всего замѣчательнѣе были

---

[1]) Тамъ же, стр. 184.

[2]) Тамъ же, стр. 186.

[3]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 189.

въ Гоголѣ любовь къ украинскимъ пѣснямъ и тонкое эстетическое чувство, служившее ему не только въ дѣлѣ творчества, но также сказывавшееся ежеминутно въ его мѣткихъ сужденіяхъ, въ увлеченіи всѣмъ прекраснымъ и въ крайней нетерпимости въ отношеніи ко всему грубому, безобразному и дикому.

Нельзя не сознаться, что и въ „Запискахъ“ Смирновой, и въ „Воспоминаніяхъ“ Анненкова, въ документахъ, давно извѣстныхъ и вновь появляющихся, остаются еще многіе пробѣлы, не позволяющіе представить пока полную картину внѣшнихъ условій жизни Гоголя въ Петербургѣ и особенно всѣхъ подробностей его тогдашняго внутренняго настроенія; но, какъ бы то ни было, количество разрозненныхъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ этой порѣ, все возрастаетъ, и можно надѣяться, что такъ или иначе и эта наименѣе благопріятная для біографическаго изслѣдованія эпоха жизни нашего писателя освѣтится наконецъ съ достаточною обстоятельностью и полнотой.

Въ дополненіе къ сообщеннымъ выше свѣдѣніямъ приведемъ еще разсказъ Горленка о жизни Гоголя въ Петербургѣ, переданный со словъ слуги его Якима.

———

„Другъ Гоголя, Данилевскій, тогда восемнадцатилѣтній юноша, поступившій въ старшіе классы школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ качествѣ родственника Гоголя, приходилъ къ нему по праздникамъ. Когда вспыхнуло польское возстаніе, Данилевскому, Карскому и другимъ юнымъ воинамъ, посѣщавшимъ Гоголя, пришлось по обязанности службы ѣхать въ Варшаву. Но, вѣроятно, присмотръ родственника не былъ особенно рачителенъ и строгъ, такъ какъ юный Данилевскій попался на глаза своему начальству въ одномъ изъ петербургскихъ гуляній, въ то время, когда его считали уже выѣхавшимъ изъ столицы. Послѣдовало сидѣніе на гауптвахтѣ, послѣ котораго пришлось все-таки проститься и съ Петербургомъ, и съ Гоголемъ. Послѣдній нѣсколько времени жилъ въ одной квартирѣ съ живописцемъ Мокрицкимъ, тоже землякомъ. Какъ въ домѣ Звѣрькова, такъ и въ слѣдующемъ

своемъ мѣстожительствѣ, на углу Гороховой и Малой Морской, Гоголь занималъ квартиру комнатъ въ пять. „Сначала Николай Васильевичъ хотѣлъ поступить на театръ“. То же желаніе имѣли и два брата Прокоповичи, пріѣхавшіе въ Петербургъ послѣ Гоголя. Одинъ изъ нихъ („онъ и женатъ былъ на актеркѣ“) поступилъ-таки на сцену и пробылъ тамъ года два, а Гоголь скоро бросилъ эту мысль и опредѣлился на службу, потомъ оставилъ службу и сдѣлался учителемъ. Онъ раза два въ недѣлю ходилъ въ институтъ, бо́льшею частію пѣшкомъ, давалъ частные уроки, напр. въ домѣ генерала Балабина. Къ нему приходили на домъ ученики изъ дома католической церкви и другіе. Изъ дому онъ получалъ очень мало и жилъ уроками. Когда „сочинялъ“, то писалъ сначала самъ, а потомъ отдавалъ переписывать писарю, такъ какъ въ типографіи не всегда могли разобрать его руку. Въ это время разсказчику часто приходилось бѣгать въ типографію на Большую Морскую, иногда раза по два въ день. „Прочтетъ Николай Васильевичъ, вписываетъ еще на печатныхъ листахъ, тогда несетъ обратно“. Раза два въ недѣлю у Гоголя собирались гости по вечерамъ; соберутся бывало, сидятъ долго. Бывали часто земляки, изъ прочихъ бывалъ „генералъ“ Жуковскій, „полковникъ“ Плетневъ, „еще много, позабывалъ всѣхъ“. „Пушкинъ заходилъ часто“. Небольшого роста, курчавый, рябоватый, некрасивый, одѣвался странно, кое-какъ. Къ Пушкину бывало на недѣлю раза три-четыре съ запиской хожу или съ письмомъ. Онъ жилъ тогда на набережной. Тоже и къ генералу Жуковскому во дворецъ. Лѣтомъ Николай Васильевичъ переѣзжалъ на дачу на Выборгскую сторону, чаще оставалась квартира въ городѣ, а Николай Васильевичъ бывало ѣздитъ въ Царское Село или въ Москву, и я съ нимъ. Щепкинъ, пріѣзжая изъ Москвы, каждый разъ останавливался „у насъ“. Какъ идетъ по лѣстницѣ, то уже кричитъ мнѣ снизу: „Нема лучше, якъ у насъ, Якиме; ступывъ уже и въ хати, а тутъ дерысь, дерысь!“... Писалъ Гоголь тогда днемъ, но чаще вечеромъ. Тогда никого не пускалъ. Сидѣлъ ночью долго, пока двѣ свѣчи не сгоритъ“[1]).

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1893, III, 303—304.

XI.

Возвращаемся къ прерванному разсказу о событіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ отъѣзду Гоголя за-границу.

Мы говорили, что впечатлѣнія, вынесенныя Гоголемъ изъ театра во время перваго представленія „Ревизора", оставили несомнѣнные слѣды какъ на дальнѣйшей его литературной дѣятельности, такъ отчасти и на подготовлявшейся въ немъ перемѣнѣ характера и настроенія[1]). Къ сожалѣнію, какъ ни подробно изображаетъ Гоголь свои чувства во время представленія въ письмѣ къ одному литератору, но намъ мало разъясняется изъ него самый важный для насъ въ настоящую минуту вопросъ: какъ постепенно складывался и видоизмѣнялся первоначальный замыселъ его заграничной поѣздки? Сначала съ нимъ не соединялось никакой опредѣленной цѣли, никакого плана жизни, и самая мысль о путешествіи, представляясь изрѣдка воображенію Гоголя, едва ли имѣла значеніе твердо обдуманной программы, держаться которой онъ считалъ бы для себя обязательнымъ. Все это выяснялось уже чуть ли не въ послѣднія недѣли передъ отъѣздомъ.

Страстное желаніе видѣть чужіе края яркимъ пламенемъ вспыхнуло въ душѣ Гоголя еще въ юности и, можетъ-быть, было отчасти снова подогрѣто заграничной поѣздкой Погодина въ 1835 году[2]). Въ продолженіе почти цѣлаго полугода Гоголь не имѣлъ возможности переписываться съ своимъ пріятелемъ и по возвращеніи его съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда ему представится случай слышать непосредственный отчетъ Погодина о путевыхъ впечатлѣніяхъ. Перечитывая заграничныя письма Гоголя, особенно временъ его первой поѣздки, нельзя не признать въ немъ тонкаго и любознательнаго наблюдателя, вниманіе котораго привлекали не только историческія и архитектурныя достопримѣчательности (глубоко или поверхностно — объ этомъ будемъ говорить

---

¹) Ср. слова Н. С. Тихонравова: «Неспокойствіе началось съ того момента, когда холоднымъ пріемомъ «Ревизора», а еще болѣе кривыми толками и угрожающими пересудами объ этой комедіи нанесена была глубокая рана Гоголю, какъ художнику и человѣку». (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 467).

²) См. о ней въ книгѣ Н. П. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. IV, стр. 312—334.

дальше), но и весь строй заграничной жизни, особенности быта, даже устройство домовъ и проч. Не фразой поэтому представляются намъ слѣдующія слова его Погодину: „Я жадно читалъ твое письмо въ журналѣ просвѣщенія, но еще хотѣлъ бы слышать изустныхъ прибавленій"[1]). Но хотя поѣздка Погодина и могла оживить въ Гоголѣ никогда не угасавшую жажду новыхъ впечатлѣній, конечно, одна она не имѣла бы никакихъ серьезныхъ послѣдствій, еслибы его возвращеніе не совпало какъ разъ съ моментомъ оставленія Гоголемъ каѳедры. Напротивъ, неожиданно представившаяся свобода должна была дать, въ связи съ непріятнымъ скопленіемъ неудачъ, особую силу случайно пробужденному инстинкту путешественника. Съ этихъ поръ только и заговорилъ Гоголь серьезно о своей поѣздкѣ, и уже не скрывалъ своего намѣренія отъ матери и отъ близкихъ друзей. При отсутствіи ясныхъ указаній въ перепискѣ на то, какъ постепенно развивалась у Гоголя мысль о поѣздкѣ, не можемъ не пожалѣть, что онъ смутно говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ матери: „Вамъ я сказалъ" (во время свиданія въ Васильевкѣ о слѣдующемъ возвращеніи въ нее) „ближе всего къ моимъ мыслямъ, потому что я дѣйствительно думалъ черезъ два года пріѣхать опять въ Васильевку на недѣлю и черезъ годъ на три мѣсяца, *воротившись изъ-за границы*"[2]).

Эти слова, повидимому, указываютъ на болѣе раннее рѣшеніе Гоголя оставить родину, нежели онъ покинулъ университетъ, ибо они намекали еще на лѣто 1835 г.[3]), но ихъ сбивчивый смыслъ заставляетъ предположить неискренность и намѣренную уклончивость, и притомъ ими тѣмъ болѣе нельзя руководиться, особенно при неполнотѣ сохранившейся переписки, что даже послѣ представленія „Ревизора" Гоголь еще нѣкоторое время не переставалъ колебаться. „Насчетъ поѣздки моей за-границу", — писалъ онъ 12-го мая 1836 года, — „я еще не рѣшилъ, *но думаю,* что это исполнится въ этомъ году[4]), тогда какъ еще 10 мая онъ писалъ Погодину: „Отправляюсь или *въ концѣ мая или въ на-*

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 246.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 250.

[3]) Когда Гоголь въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ за-границу видѣлся съ матерью.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 258.

чалѣ іюня". Все это необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки слѣдующихъ словъ въ письмѣ къ одному литератору: „Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми. Мнѣ опротивѣла моя піеса"[1]) и проч. Судя по этимъ строкамъ, можно было бы подумать, что неудача „Ревизора" была *единственной* причиной поѣздки Гоголя; но мы уже видѣли, что на дѣлѣ было далеко не такъ, а сопоставленіе съ однимъ мѣстомъ въ письмѣ къ Погодину раскрываетъ еще новое противорѣчіе въ словахъ Гоголя. Совершенно иначе объясняетъ тамъ Гоголь причину своей поѣздки; онъ говоритъ напротивъ: „*Я не оттого ѣду за-границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій*. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе", хотя въ томъ же письмѣ, нѣсколько раньше, онъ опять сознавался, что ѣдетъ за-границу, чтобы „размыкать тоску, которую наносятъ ежедневно соотечественники"[2]).

Можетъ быть, страннымъ и мелочнымъ покажется послѣ этого предположеніе, что даже такое ничтожное, повидимому, обстоятельство, какъ совпаденіе всего пережитаго Гоголемъ съ наступленіемъ всегда сильно манившей его въ лучшіе края весны, могло имѣть свою долю вліянія на принятое имъ рѣшеніе. Въ этомъ, однако, убѣждаютъ насъ слѣдующія заключительныя строки статьи: „Петербургскія Записки 1836 года": „Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется, на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальнѣйшей дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе дома"[3]). Такъ волшебная сила золотой поры въ жизни человѣка многое искупала счастливыми надеждами въ горестяхъ Гоголя:

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 290.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 256 и 255. Очевидно, Гоголь постепенно подготовлялъ мать къ продолжительной разлукѣ; см. объ этомъ ниже.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 521.

послѣ неудачи „Выбранныхъ Мѣстъ“ онъ уже не нашелъ въ своей душѣ такого живительнаго источника возрожденія нравственныхъ силъ и уже не имѣлъ духа пойти навстрѣчу будущему съ бодро поднятой головой, какъ въ страшную, но не отчаянно-безнадежную пору фіаско „Ревизора“.

XII.

Отъѣздъ за-границу сразу оторвалъ Гоголя отъ всѣхъ интересовъ, которые приковывали къ себѣ его вниманіе за послѣдніе годы. Отодвинутые на второй планъ постановкой „Ревизора“, они все-таки долго не теряли для него своего значенія и стояли на очереди, пока онъ не переставалъ еще искать себѣ поприща на родинѣ. Его „Петербургскія Записки“ еще полны свѣжихъ слѣдовъ живого участія ко всему окружающему, начиная отъ проявленія высшихъ умственныхъ интересовъ столицы до простыхъ уличныхъ впечатлѣній. Въ этихъ замѣчаніяхъ почти въ каждомъ словѣ виденъ постоянный петербургскій житель, относящійся къ предмету своихъ наблюденій не со стороны, но какъ человѣкъ, которому суждено постоянно вращаться въ изображаемой сферѣ. Гоголь то-и-дѣло вноситъ въ свои характеристики личное отношеніе, особенно тамъ, гдѣ говоритъ о современной журналистикѣ. Въ то время онъ еще не питалъ олимпійскаго пренебреженія къ послѣдней, и его позднѣйшее высокомѣріе въ этомъ отношеніи развилось прежде всего на почвѣ совершеннаго отчужденія отъ литературныхъ сферъ, съ которыми, живя въ Петербургѣ, онъ имѣлъ, хотя и недолго, извѣстныя точки соприкосновенія.

Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь напротивъ живо интересовался текущими литературными явленіями и горячо принималъ къ сердцу также все происходившее въ тогдашней журналистикѣ. У него были опредѣленныя литературныя отношенія, сильныя симпатіи и антипатіи; въ свою очередь, онъ имѣлъ друзей и ожесточенныхъ враговъ. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занималъ Сенковскій, и потому намъ необходимо остановиться на разборѣ личныхъ отношеній Гоголя къ кружку Сенковскаго и ко всей его кликѣ.

Прежде всего разберемъ личныя отношенія Гоголя къ кружку Сенковскаго и прочей клики.

Извѣстныя намъ слова Кукольника о „Ревизорѣ" („все-таки это фарсъ, недостойный искусства") въ приведенномъ выше отзывѣ Панаева, представляютъ въ сущности большой интересъ, и на нихъ необходимо нѣсколько остановиться. Дѣло въ томъ, что сопоставивъ ихъ съ тогдашними литературными отношеніями Гоголя и Кукольника, мы можемъ уяснить и показать въ отчетливой связи многое, представляющееся обыкновенно менѣе опредѣленнымъ вслѣдствіе разбросанности относящихся сюда литературныхъ данныхъ.

Прежде всего надо припомнить, что Кукольникъ, получившій насмѣшливое прозвище Возвышеннаго и много возмечтавшій о себѣ еще по окончаніи въ 1832 г. своего „Тасса", принадлежа къ одному съ Гоголемъ кружку нѣжинцевъ, въ которомъ онъ не пользовался ни любовью, ни особеннымъ уваженіемъ, сталъ, по мѣрѣ шумнаго успѣха своихъ дальнѣйшихъ произведеній, отклоняться отъ кружка школьныхъ товарищей и тяготѣть къ людямъ, склоннымъ открыто признавать его геніемъ. По мѣрѣ сближенія съ компаніей Сенковскаго, Кукольникъ естественно становился все враждебнѣе къ кружку Пушкина. Тогда какъ къ нѣжинцамъ примкнулъ извѣстный впослѣдствіи П. В. Анненковъ, глубокій знатокъ и восторженный цѣнитель Пушкина, передъ именемъ котораго благоговѣли Данилевскій, Прокоповичъ и другіе, не говоря уже о самомъ Гоголѣ (Прокоповичъ былъ потомъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ и стоялъ высоко по своему эстетическому развитію), — Кукольникъ совершенно не хотѣлъ признавать Пушкина. Еще въ началѣ 1832 года Гоголь писалъ о немъ Данилевскому: „Хочешь ли ты знать, что̀ дѣлается у насъ въ этомъ водяномъ городѣ? Пріѣхалъ Возвышенный съ паномъ Пла́тономъ[1]) и Пеликаномъ[2]). Вся эта труппа пробудетъ здѣсь до мая, а можетъ-быть, и долѣе. Возвышенный все тотъ же; трагедіи его все тѣ же. Пушкина все по-прежнему не любитъ; „Борисъ Годуновъ" ему не нравится" [3]). Вообще, уже тогда Гоголь и

---

1) Братъ Кукольника.

2) Извѣстный впослѣдствіи докторъ.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 152.

отчасти другіе нѣжинцы были съ Кукольникомъ въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ. Само собою разумѣется, что тѣмъ болѣе пушкинскій кружокъ не могъ считать Кукольника своимъ, а самъ Пушкинъ, отлично понимая „Возвышеннаго" и не признавая въ немъ большого дарованія, „никогда ни слова не говорилъ о сочиненіяхъ Кукольника, хотя онъ, какъ извѣстно, всегда искренно радовался появленію всякаго таланта"[1]), и это обстоятельство тотчасъ же *обратило на себя вниманіе* Панаева. Все возраставшая слава Кукольника и особенно огромный успѣхъ его пьесы „Рука Всевышняго отечество спасла" дѣлали его надменность и баснословное самолюбіе все болѣе невыносимыми. На своихъ многолюдныхъ вечерахъ, среди толпы подобострастныхъ поклонниковъ, какъ разсказываетъ со словъ своего мужа И. И. Панаева, А. Я. Головачева-Панаева, — Кукольникъ въ нетрезвомъ видѣ провозглашалъ во всеуслышаніе: „Кукольникъ великъ, Кукольника потомство оцѣнитъ!"[2]). Онъ все больше отдалялся отъ нѣжинцевъ и наконецъ примкнулъ къ совершенно иному кругу.

Друзья и знакомые Гоголя были ему чужды (общимъ знакомымъ у нихъ былъ, кажется, только Брюлловъ, картиной котораго такъ восхищался Гоголь и съ которымъ его иногда вмѣстѣ встрѣчали[3]); но близокъ былъ Брюлловъ только съ Кукольникомъ[4]). Кукольникъ вращался въ обществѣ Сенковскаго, Булгарина и Греча, и чѣмъ больше Гоголь презиралъ этоо бщество, тѣмъ глубже погружался въ этотъ грязный омутъ его бывшій школьный товарищъ. Сенковскій вскорѣ началъ превозносить Кукольника до небесъ, до того, что это бросалось многимъ въ глаза. Никитенко разсказываетъ въ своемъ дневникѣ отъ 25 февраля 1834 года: „Полевой упрекалъ его за излишнія, преувеличенныя похвалы (Кукольнику). На это Сенковскій ничего не нашелся сказать"[5]). Въ другой разъ между однимъ самолюбивымъ и недаровитымъ литераторомъ, барономъ Розеномъ, вспыхнула вражда съ Сенковскимъ

---

[1]) «Литературныя Воспоминанія» Панаева, стр. 59—60.

[2]) Воспом. А. Я. Головачевой-Панаевой, стр. 55—56.

[3]) «Истор. Вѣстникъ», 1881, 1, 135—138; «Хроника Петерб. театра» Вольфа, I, 55 и Соч. Бѣлинскаго, т. IV, стр. 225.

[4]) «Литер. Воспомин.», 58; также Воспомин. А. Я. Головачевой, 55, 84.

[5]) «Русская Старина», 1889, VIII, 279.

за то, что „Брамбеусъ выставилъ въ своей рецензіи баронскаго „Баторія“ въ такой параллели съ Кукольниковымъ „Тассо“, что послѣдній совершенно затмилъ перваго“ [1]). Въ это же самое время Гоголь возмущался Брамбеусомъ по гораздо болѣе уважительной и серьезной причинѣ. Подъ 10 января 1834 года А. В. Никитенко замѣтилъ слѣдующее: „На Сенковскаго поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ „Библіотекѣ“ пришли въ ужасное волненіе. Разнесся слухъ, будто онъ позволяетъ себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по-своему. У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи“ [2]).

Отношенія Гоголя къ Сенковскому нимало не улучшились, когда они сдѣлались товарищами по каѳедрѣ С.-Петербургскаго университета. Въ статьѣ „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“ Гоголь громитъ своего товарища, а одинъ изъ первоначальныхъ черновыхъ набросковъ ея сохранилъ намъ даже нѣкоторые слѣды, хотя и справедливаго, но во всякомъ случаѣ черезчуръ сильнаго личнаго раздраженія Гоголя противъ Брамбеуса. Вотъ примѣръ: „Любопытно, что этотъ же самый г. Сенковскій, показавшій въ такой степени неопрятность своихъ выраженій, напалъ очень жарко на г. Гоголя и указывалъ именно на дурной вкусъ и неопрятность выраженій“ [3]). Злоба Сенковскаго къ Гоголю доходила до того, что онъ въ своихъ рецензіяхъ, позволялъ себѣ умышленно искажать его выраженія [4]).

---

1) Тамъ же, стр. 274.

2) Стр. 275.

3) Соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 338. Любопытно, что нѣсколько выше Гоголь, отражая косвеннымъ образомъ обвиненіе Брамбеуса въ неприличіи тона своихъ сочиненій, приводитъ изъ его собственныхъ повѣстей тѣ же примѣры, которые привелъ послѣ по тому же поводу Бѣлинскій. Гоголь пишетъ: «По крайней мѣрѣ ни у кого не достанетъ духа пересказать эти шутки печатно, напримѣръ: какъ герой повѣсти головою внизъ попалъ губернаторшѣ.... нѣтъ этого.... никакъ нельзя окончить; какъ чортъ вертѣлся нѣсколько... — и этого никакъ невозможно сказать» (VI, 338). Ср. у Бѣлинскаго (VI, 516): «Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобы не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, «закрывать рукою» вашъ «почтеннѣйшій» носъ; я только напомню вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ «баронъ проваливается черезъ Этну къ антиподамъ и попадается прямо въ антрша танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ за это кусаетъ ее за мягкую тяжесть, наполнявшую его ротъ». На стр. 344 VI тома Гоголь также говоритъ о себѣ въ 3 лицѣ.

4) См. Соч. Гог., т. II, 587.

Возвращаясь къ Кукольнику, прибавимъ, что позднѣе, упоенный ѳиміамомъ окружавшей его клики, дошедшей до безцеремоннаго превознесенія его имени рядомъ съ именемъ Гёте, онъ скрѣпилъ свою связь съ кружкомъ своего благопріятеля еще собутыльничествомъ[1]). Поводомъ къ окончательному сближенію Кукольника съ кружкомъ Сенковскаго послужила его близость къ извѣстному издателю „Энциклопедическаго Словаря“ Плюшару, въ домѣ котораго онъ жилъ съ своимъ братомъ Платономъ. Быть можетъ, черезъ Кукольника Плюшаръ сошелся настолько съ Гречемъ, что первыя собранія литераторовъ, приглашенныхъ принять участіе въ словарѣ въ качествѣ сотрудниковъ, происходило въ домѣ Греча и подъ его покровительствомъ, такъ что даже открыто было засѣданіе рѣчью этого литератора, въ которой онъ объяснилъ задачу и программу предположеннаго изданія[2]). Гоголь, а позднѣе Бѣлинскій, не могли не смѣяться надъ боготвореніемъ Кукольника по знакомству и притомъ въ самой грубо-наивной формѣ, показывавшей явное пренебреженіе и наругательство надъ безсловесной и безвкусной тогдашней публикой. „Онъ первый“, — говоритъ съ негодованіемъ Гоголь, — „поставилъ г. Кукольника наряду съ г. Гете, и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось“[3]), тогда какъ, напротивъ, мнѣніе Гоголя о Кукольникѣ было весьма нелестное. „Кукольникъ“ — писалъ онъ однажды Тарнов-

---

[1]) См. объ этомъ и вообще о Кукольникѣ въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» Панаева, стр. 59—60, 65—68, 88, 185—186; также въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго (т. I, стр. 3; т. III, стр. 63, 66—71, 75, 89; IV, 225; V, 362; VI, 337; VII, 41, 45, 49 и 206; VIII, 693; IX, 211—212 и 314; X, 259—262. «Пантеонъ» 1854, III, «Петербургскій Вѣстникъ», 12—15; 1854, III, Московскій Вѣстникъ, 4; о Гоголѣ и Кукольникѣ см. ст. Шевлякова «Истор. Вѣстн.», 1892, XII, 694—699; о баронѣ Розенѣ — въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» Панаева, 82—84, 94, 105—106 и у Бѣлинскаго т. I, 485, 493, 503; II, 258, 273, 275; III, 99; IV, 68, 80; V, 405; (ироническая похвала барону Розену); т. VII, 56; «Истор. Вѣстн.», 1894, IX, стр. 643. Отчетъ Императ. Публичн. Библіотеки за 1889 г., прилож., стр. 2. Мы дѣлаемъ здѣсь эти мелочныя библіографическія указанія для желающихъ составить себѣ болѣе опредѣленное представленіе объ этой комической личности, съ которою намъ придется еще разъ встрѣтиться въ біографіи Гоголя. Всего комичнѣе неожиданное и, такъ сказать, минутное славянофильство барона Розена и его встрѣча на одномъ полѣ съ Кукольникомъ («Литературныя Воспоминанія» Панаева, 82 и 106).

[2]) «Русская Старина», 1889, VIII, 280.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 490.

скому — „*наваляль* дюжину трагедій“ [1]). — Все это намъ будетъ необходимо имѣть въ виду также впослѣдствіи, при обзорѣ критическихъ статей, вызванныхъ „Ревизоромъ“. Во всякомъ случаѣ слова Кукольника, сказанныя имъ тотчасъ послѣ перваго представленія „Ревизора“, если не были отголоскомъ мнѣній его друзей, всегда единодушно нападавшихъ на Гоголя, то были первой стрѣлой, пущенной въ Гоголя товарищеской рукой и съ явнымъ злорадствомъ подхваченной торжествовавшими въ свое время литературными негодяями…

Впослѣдствіи, уже находясь за-границей, Гоголь узналъ также и о совмѣстныхъ подвигахъ Кукольника съ Брамбеусомъ на поприщѣ служенія Бахусу, уже въ ту пору, когда Возвышенный пустился въ открытый разгулъ и позабылъ даже твердить свои напыщенныя рѣчи о „красотѣ“. Это было уже послѣ смерти Пушкина, когда у Кукольника, въ домѣ Плюшара, начались „середы“ и „пиры безъ конца“, по выраженію Панаева. Къ тому времени дружба съ Брамбеусомъ была уже во всемъ разгарѣ и „шампанское лилось рѣкой“ [2]), тогда какъ передъ отъѣздомъ Гоголя за-границу она еще не успѣла дойти до такого высокаго градуса. Гоголь однажды сообщалъ Данилевскому; „Прокоповичъ говоритъ, что на вопросъ о томъ, что̀ дѣлаетъ кругъ нашъ, или его, можетъ отвѣчать только: что онъ „сокъ умной молодежи“, и больше ничего, что новостей совершенно нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что̀ обломался какой-то мостъ, начали ходить паровозы въ Царское Село и Кукольникъ пьетъ мертвую. Отчего произошло послѣднее, я никакъ не могу догадаться. Я съ своей стороны могу допустить только, что Брамбеусъ — извѣстный пьяница, а Кукольникъ, вѣроятно, желая тверже упрочить свой союзъ съ нимъ, ему началъ подтягивать, и, такъ какъ онъ натуры нѣсколько слабой, то, можетъ-быть, и черезчуръ перелилъ“ [3]).

Тутъ же между прочимъ Гоголь сообщаетъ объ обѣдѣ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Крылова и объ отказѣ, по-

---

[1]) «Кіевск. Старина», 1883, V, 625.

[2]) См. «Литературныя Воспоминанія», Панаева, 65, 66 и проч.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 323.

лученномъ Булгаринымъ и Гречемъ отъ одного изъ распорядителей, князя Одоевскаго[1]).

Чтобы еще живѣе и ярче представить нравственное убожество нѣкоторыхъ заклятыхъ литературныхъ враговъ Гоголя, скажемъ нѣсколько словъ о баронѣ Розенѣ. Любопытно, что послѣднiй, извѣстный, какъ авторъ либретто къ „Жизни за Царя", былъ не менѣе заклятымъ врагомъ Кукольника, хотя вполнѣ сочувствовалъ ему въ непрiязни къ Гоголю: въ данномъ случаѣ это была невольная антипатiя мелкаго ничтожества къ истинному и крупному дарованiю. „Въ мнѣнiи о „Ревизорѣ" — разсказываетъ Панаевъ — „два драматическихъ писателя-врага, Кукольникъ и Розенъ, всегда иронически посматривавшiе другъ на друга и ни въ чемъ не сходившiеся, сошлись совершенно". Розенъ, какъ человѣкъ несравненно менѣе даровитый, нежели Кукольникъ, и почти никѣмъ высоко не цѣнимый, впадалъ въ совершенно сумароковское хвастовство. „Раздражаемый неуспѣхомъ на сценѣ своихъ драмъ и успѣхомъ Кукольника, онъ горячился, выходилъ изъ себя, доказывалъ, что онъ настоящiй драматическiй поэтъ, и что Кукольникъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятiя о драматическомъ искусствѣ; что его, Розена, оцѣнитъ потомство, и такъ далѣе. Такова была любимая тема всѣхъ его разговоровъ. Всѣ въ глаза соглашались съ нимъ и поддакивали ему, а за глаза подсмѣивались надъ нимъ, какъ это обыкновенно водится"[2]). Этотъ Розенъ гордился тѣмъ, что когда Гоголь на вечерѣ у Жуковскаго въ первый разъ прочелъ своего „Ревизора", онъ одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ не показалъ автору ни малѣйшаго одобренiя и даже ни разу не улыбнулся, и сожалѣлъ о Пушкинѣ, который увлекся этимъ оскорбительнымъ для искусства фарсомъ и во время чтенiя катался отъ смѣха.

„За годъ съ небольшимъ до смерти Пушкина", — разсказывалъ впослѣдствiи баронъ Розенъ, — „на блистательныхъ литературныхъ вечерахъ у В. А. Жуковскаго Гоголь частенько читалъ свою комедiю „Ревизоръ". Я и теперь ощущаю въ себѣ тяжелый отзывъ ужаснаго состоянiя моей души во время

---

[1]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 323 и «Литературныя Воспоминанiя» Панаева, стр. 112.

[2]) «Литературныя Воспоминанiя», 84.

чтенія. Представьте себѣ: сижу въ кругу именитѣйшихъ литераторовъ и нѣсколькихъ почтеннѣйшихъ, образованнѣйшихъ особъ; всѣ вокругъ меня апплодируютъ, восхищаются, тѣшатся. Напрягаю всячески вниманіе, чтобы понять причину этой общей потѣхи столь образованнаго, блистательнаго общества: не разумѣю ничего, кромѣ неестественности, несообразности, карикатурности піэсы. Я серьезно опечалился о самомъ себѣ. „Вотъ" — подумалъ я, „горькія послѣдствія моего продолжительнаго болѣзненнаго состоянія: оно убило во мнѣ чувство комизма! убьетъ со временемъ и всякое другое чувство изящнаго. Однако, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этой горькой истинѣ, я, въ продолженіе недѣли, до слѣдующаго литературнаго вечера, въ который ждало насъ чтеніе того же „Ревизора", прочиталъ нѣсколько комедій Аристофана, Шекспира, Мольера... Нѣтъ! во мнѣ еще не убито чувство комизма, могу еще смѣяться отъ чистой души! Обрадованный этимъ сознаніемъ и весьма расположенный къ комизму, отправляюсь на второе чтеніе „Ревизора": теперь-то вразумлюсь (sic) во всѣ красоты пьесы Гоголя! Начинается чтеніе. Напрягаю опять вниманіе; блистательное общество такъ же, какъ въ первый разъ, апплодируетъ, восхищается, тѣшится; а я опять не понимаю причины общей потѣхи, ничего не разумѣю, кромѣ вышесказанныхъ свойствъ пьесы. Что̀ это такое! Отчего лишь меня одного чуждается геній смѣха? Да нельзя ли какою-нибудь хитростью заставить его заглянуть въ мою душу, а потомъ уже общая потѣха меня увлечетъ! И вотъ какое я придумалъ средство: наклонившись головою къ спинкѣ дивана, я погрузилъ одно ухо въ носовой платокъ къ подставленной рукѣ, а въ другое ухо просто запустилъ мизинецъ другой руки. Не слыша ни слова, гляжу внимательно на живую мимику читающаго Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше! Прояснилось на душѣ! Кажется, чую приближеніе Момуса... сейчасъ и я расхохочусь! — Я бы дождался этого благотворнаго хохота; но, къ несчастью, нельзя было продлить не совсѣмъ вѣжливой операціи, предпринятой на томъ основаніи, что тутъ не было прекраснаго пола, и въ той надеждѣ, что, при общемъ на комика устремленномъ вниманіи, никто не замѣтитъ моихъ дѣйствій. Гоголь, конечно, зная наизусть свою комедію, не всегда глядѣлъ въ рукопись и часто прогуливался геніаль-

нымъ взглядомъ по рядамъ дышащихъ живѣйшимъ участіемъ слушателей; а я, замѣтивъ приближеніе ко мнѣ подобнаго почтеннаго авторскаго взгляда, тотчасъ вынулъ мизинецъ моей правой руки изъ уха, перемѣнилъ позицію, выпрямился такъ, что открылось и другое ухо, рванулся душою навстрѣчу генію смѣха... и вдругъ въ оба отверстія уха мои грянула изъ комедіи такая шутка, что душа моя оцѣпенѣла — шутка, по моему разумѣнію, *неопрятная,* но видно *забавная* для другихъ: многіе расхохотались; иные зарукоплескали, и звучный голосъ одного очень образованнаго человѣка, въ похвалу этой нечистой, по моему мнѣнію, шуткѣ, произнесъ во всеуслышаніе, съ единственной энергіей: „C'est l'haut comique!“ Это возвѣщеніе *высоко-комическаго* подѣйствовало на мою мозговую систему жестокимъ нервическимъ ударомъ, который повергъ меня въ желанную апатію, такъ что я, безъ особенныхъ умственныхъ страданій, выдерживалъ комедію до конца. Но на самомъ концѣ ея, когда при ужасѣ многогрѣшнаго по службѣ городничаго отъ неожиданнаго появленія роковаго посла богини правосудія, то есть, при выразительной гримасѣ Гоголя, опредѣлявшей мѣру и степень этого ужаса, весь блистательный соборъ слушателей расходился перекатнымъ смѣхомъ, разыгрался несравненно бо́льшимъ еще восторгомъ, нежели сколько было въ первое чтеніе комедіи, тогда изъ темной для меня атмосферы этого общаго смѣха ударила въ мою апатію зажигательная молнія; весь внутренній міръ мой воспылалъ, и я только-что хотѣлъ грянуть серьезнымъ вопросомъ о причинѣ этой потѣхи, сослаться на аномалію моей природы, никакъ не расположенной къ смѣху, когда требуютъ виновнаго на судъ, когда ведутъ осужденнаго на казнь, когда случаются тому подобныя, вовсе не комическія происшествія... Разумѣется, *такой* вопросъ былъ бы, среди разсмѣявшагося общества, весьма рѣзкимъ диссонансомъ; къ счастью, я удержался, или правильнѣе — *былъ лишенъ* возможности грянуть этимъ вопросомъ, и вотъ отчего! Бываетъ, громъ сожжетъ домъ, а другой ударъ грома потушитъ пожаръ... Такъ было и со мною! Одинъ молнійный ударъ воспалилъ мою душу, а другой, какъ разъ, унялъ воспаленіе, сковалъ душу, отнялъ языкъ... я оставался въ бездѣйствіи, и никто не догадался, какой тяжелой *трагедіей* отзывался во мнѣ мнимо-комическій „Ревизоръ!“

„Мнѣ довелось слушать его, по крайней мѣрѣ, еще разъ десять, какъ единственное чтеніе на тѣхъ литературныхъ вечерахъ; но я слушалъ его съ ненарушимымъ спокойствіемъ“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ баронъ Розенъ говоритъ еще слѣдующее: „Жуковскій сказалъ мнѣ наединѣ однажды: Гоголь замѣтилъ, что вы, при чтеніи его комедіи, всегда слушая внимательно, никогда не изъявляете ни малѣйшаго знака ни одобренія, ни порицанія“.

Таковы были литературныя отношенія Гоголя къ нѣкоторымъ современнымъ ему литераторамъ.

Какъ человѣкъ живой и отзывчивый въ молодости, Гоголь зорко слѣдилъ сначала за движеніемъ литературы, подстрекаемый притомъ авторитетомъ и примѣромъ Пушкина. Хотя онъ и не принадлежалъ по натурѣ къ числу людей, которыхъ можно было бы направить въ ту или другую сторону подъ чьимъ-либо давленіемъ, но уже одно участіе въ „Современникѣ“ не позволяло ему отдалиться отъ общаго теченія литературы. Впрочемъ, и это сотрудничество Гоголя было далеко не случайное и незначительное, какъ могло бы казаться по его непродолжительности. Здѣсь осуществлялась давняя мечта его о противодѣйствіи со стороны лучшихъ литературныхъ силъ позорной журнальной монополіи Сенковскаго, — мечта какъ нельзя болѣе сочувственная Пушкину и нашедшая въ немъ сильное поощреніе и искреннюю поддержку. Еще прежде Гоголь горячо привѣтствовалъ журнальныя предпріятія Погодина и Шевырева именно въ надеждѣ увидѣть въ ихъ изданіяхъ достойный и заслуженный отпоръ презрѣнному и ненавистному „наѣздничеству“ Брамбеуса [2]), но долженъ былъ скоро разочароваться, убѣдившись въ недостаткѣ энергіи и такта у редакторовъ [3]). Теперь ему

---

1) «Сынъ Отечества», 1847, № 6, стр, 22—24.

2) См. «Русская Старина», 1889, VIII, 275, гдѣ академикъ Никитенко говоритъ объ отношеніяхъ Гоголя къ Брамбеусу.

См. мнѣніе о Сенковскомъ Гоголя въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. V, стр. 194—195 и 225 и особенно въ статьѣ «О движеніи журнальной литературы». Соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 330; V, 486 и проч.

3) Это недовольство Гоголя выразилось и въ письмахъ къ Погодину (т. V, 234—235) и особенно въ статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году» (т. V, 486—507).

представлялся случай выступить съ непосредственнымъ протестомъ, послѣ того, какъ Пушкинъ сперва пригласилъ его участвовать въ задуманномъ имъ альманахѣ, а когда это предположеніе разрушилось — также и въ „Современникѣ“. Единственная обширная критическая статья Гоголя въ „Современникѣ“ („О движеніи журнальной литературы“)[1]) ясно указываетъ его отношеніе къ текущей журналистикѣ и своимъ полнымъ согласіемъ во всѣхъ подробностяхъ съ мнѣніями, не разъ высказанными авторомъ въ частной переепискѣ, даетъ право видѣть въ ней сводъ его взглядовъ по данному вопросу. Остановимся на обозрѣніи нѣкоторыхъ подробностей.

Въ статьѣ Гоголя прежде всего выступаетъ обличеніе Сенковскаго; все остальное имѣетъ въ ней значеніе второстепенное и болѣе или менѣе сводится къ этой главной задачѣ. Сенковскій занималъ такое видное положеніе въ тогдашней журналистикѣ, что подобное отношеніе къ нему совершенно понятно[2]). Еще въ своихъ сношеніяхъ съ Погодинымъ по поводу „Московскаго Наблюдателя“ Гоголь настаивалъ на необходимости составить конкурренцію Сенковскому и, насколько возможно, пожертвовать для нея матеріальными разсчетами. Первое извѣстіе о проектируемомъ Погодинымъ возобновленіи редакторской дѣятельности было получено Гоголемъ изъ вторыхъ рукъ и дошло до него не совсѣмъ въ точномъ видѣ. Это было еще въ началѣ 1833 года и по времени совпало съ первымъ рѣзкимъ проявленіемъ негодованія его противъ извѣстнаго положенія, занятаго Сенковскимъ въ литературѣ. Въ своемъ письмѣ объ этомъ къ Погодину Гоголь именно старается установить связь между обѣими литературными новостями, хотя и не спѣшитъ высказать преждевременно свою затаенную мысль: „Читалъ ли ты Смирдинское „Новоселье“? Книжица ужасная; человѣка можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ

---

[1]) Статья эта произвела очень благопріятное впечатлѣніе на публику («Литературныя Воспоминанія» Панаева, стр. 186, примѣчаніе).

[2]) Гоголь сильно негодовалъ на то, что Сенковскій, «взошелъ незамѣтно въ первыя номеръ «Библіотеки для Чтенія», и въ концѣ ея развернулся, какъ полный дворянинъ» и что онъ, «какъ плотный посѣтитель, сѣвши за столъ, расталкиваетъ локтями своихъ сосѣдей, и покушавши сытно, ставитъ ни во что̀ своихъ собесѣдниковъ.

первый разъ въ печати показались такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, и всего!"[1]) *Непосредственно послѣ этихъ словъ* Гоголь продолжаетъ: „Я слышалъ, что у васъ въ Москвѣ альманахъ составляется, и участвуютъ люди такіе, которыхъ статьи непремѣнно будутъ значительны. Будешь ли тамъ?" Не посвященный пока въ секретъ Погодинымъ, Гоголь еще осторожно подходитъ къ щекотливому вопросу, но у него уже, повидимому, созрѣвала мысль о представившемся удобномъ случаѣ для достойнаго отпора Брамбеусу. Любопытно здѣсь также то, что около этого времени онъ въ первый разъ не вполнѣ благосклонно отнесся о Смирдинѣ, съ которымъ былъ обыкновенно въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ съ человѣкомъ честнымъ и добросовѣстнымъ; впрочемъ, въ сущности онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія о немъ и теперь, даже находя для него нелестнымъ и компрометтирующимъ сближеніе съ Сенковскимъ и Булгаринымъ[2])... Намъ неизвѣстенъ отвѣтъ Погодина на письмо Гоголя, но, кажется, дѣло стояло тогда еще на степени однихъ предположеній и затянулось въ долгій ящикъ, потому что въ теченіе болѣе полутора года къ данному предмету ни разу не возвращалась рѣчь въ перепискѣ, и даже „Афоризмы" Погодина, разумѣется, противъ ожиданія и вѣроятно къ большому неудовольствію Гоголя, появились въ „Библіотекѣ для Чтенія"[3]). Когда, наконецъ, Погодинъ извѣстилъ своего пріятеля о предполагаемомъ изданіи, Гоголь тотчасъ же, конечно, го-

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 175; «Записки о жизни Гоголя», I, 155.

2) Мнѣніе Гоголя о Смирдинѣ см. въ V т., X изд., стр. 488. Объ отношеніяхъ къ послѣднему Гоголя можно судить уже по тому, что въ издаваемый имъ альманахъ «Новоселье» была отдана «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»; отношеніями къ Смирдину объясняется и то, что имя Гоголя вначалѣ значилось въ спискѣ сотрудниковъ «Библіотеки для Чтенія». См. также «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 170. Впрочемъ впослѣдствіи, признавая честность Смирдина сравнительно съ другими книгопродавцами, онъ говорилъ: «Я Смирдина не охуждаю безусловно; онъ поступалъ съ другими хорошо, но со мною всегда жидовскимъ образомъ». («Русск. Арх.» 1871, 4—5, 0938). Мнѣніе Бѣлинскаго по существу было сходно съ первымъ мнѣніемъ Гоголя о Смирдинѣ; см. напр. XI, 441. См. также въ «Дневникѣ» Никитенко въ «Русской Старинѣ», 1889, VIII, 279. Объ отношеніяхъ Брамбеуса къ Смирдину тамъ же, стр. 283.

3) «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IV, стр. 260 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, 196.

рячо принялъ къ сердцу отложенный по необходимости вопросъ. „Журналъ нашъ“, — писалъ онъ, — „нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первый годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непремѣнно подешевле. Этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько-нибудь оттянуть привалъ черни къ глупой „Библіотекѣ“, которая слишкомъ укрѣпила читателей своей толщиной. Еще какъ можно больше разнообразія и подлиннѣе оглавленіе статей“ [1]). Тотъ же совѣтъ повторяется и въ слѣдующемъ письмѣ [2]). „Московскій Наблюдатель“ не оставилъ безъ вниманія слова Гоголя и даже былъ открытъ именно „оппозиціонной статьей Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ литературѣ“ [3]); но статья по многимъ причинамъ не понравилась Гоголю. Его соображенія по этому поводу подробно изложены въ статьѣ: „О движеніи журнальной литературы“. Это была первая серьезная причина охлажденія Гоголя къ новому журналу, не исполнившему самыхъ завѣтныхъ его ожиданій. Отношенія его къ „Московскому Наблюдателю“ быстро и довольно рѣзко измѣняются. Кромѣ того, еще прежде, въ качествѣ будущаго сотрудника, Гоголю хотѣлось приготовить для него повѣсть. Хотя онъ сильно былъ заинтересованъ судьбой предполагаемаго изданія, о ходѣ дѣлъ котораго постоянно освѣдомлялся у редакторовъ [4]), давая имъ, съ своей стороны, откровенные и энергичные совѣты [5]), но не могъ удѣлить для него ни одного изъ готовыхъ произведеній, уже включенныхъ въ два сборника („Ара-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 225.

[2]) Тамъ же, стр. 229.

[3]) См. «Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 499. Статья эта была озаглавлена «Словесность и Торговля». Она была направлена противъ «Библіотеки для Чтенія», но, нападая на ея коммерческій духъ, обращала свои стрѣлы не противъ позорнаго торгашества и рабскаго угожденія вкусамъ толпы, а противъ установленнаго ею обычая платить гонораръ за статьи. Ошибочныя мнѣнія Шевырева обстоятельно разобраны въ статьѣ Бѣлинскаго: «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя» (т. II, стр. 77—80, также 134—135). На него же, безъ сомнѣнія, намекаетъ Бѣлинскій въ слѣдующихъ строкахъ статьи «Журнальныя и литературныя замѣтки»: «когда основалась «Библіотека для Чтенія», одинъ литераторъ написалъ статью «Литература и Торговля», или что-то въ этомъ родѣ» («Соч. Бѣл., т. VI, стр. 595) и далѣе снова разсматривается его мнѣніе.

[4]) Т.-е. собственно у Погодина и однажды у Шевырева.

[5]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 234 и слѣд., «Русская Старина», 1875, IX, стр. 114.

бески“ и „Миргородъ“), которые вышли слѣдомъ одинъ за другимъ.

Когда потомъ имъ была написана повѣсть „Носъ“, то она была признана неудобной для журнала за „пошлость и тривіальность“ [1]). Въ портфелѣ редакціи она пролежала почти годъ и потомъ съ трудомъ была вытребована Гоголемъ для „Современника“.

Между тѣмъ Гоголь обратился съ просьбой къ мало знакомому съ нимъ тогда Шевыреву дать отзывъ объ его сборникахъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. — „Я къ вамъ пишу ужъ слишкомъ безъ церемоній“, — говорилъ Гоголь; — „но, кажется, между нами такъ быть должно. Если мы не будемъ понимать другъ друга, то я не знаю, будетъ ли кто-нибудь тогда понимать насъ“. Вскорѣ послѣ того онъ переходитъ къ близкой для нихъ обоихъ тогда темѣ — къ дѣламъ будущаго журнала. „Поддержите „Московскій Наблюдатель“. Ради Бога, уговорите москвичей работать; грѣхъ, право, грѣхъ имъ всѣмъ. Скажите Кирѣевскому, что его ругнетъ все, что̀ будетъ послѣ насъ, за его бездѣйствіе. Да, впрочемъ, этотъ упрекъ можно присоединить (отнести?) ко многимъ. Я, съ своей стороны, радъ все употребить. На дняхъ я, можетъ-быть, окончу повѣсть для „Московскаго Наблюдателя“ и начну другую“ (этой-то новой повѣстью былъ „Носъ“, вскорѣ отосланный Погодину; другой повѣсти Гоголь уже не посылалъ потомъ въ „Московскій Наблюдатель“). Въ концѣ письма, возвращаясь къ своей главной цѣли, Гоголь прибавляетъ: „Жму крѣпко вашу руку и прошу убѣдительно вашей дружбы. Вы пріобрѣтаете такого человѣка, которому можно все говорить въ глаза, и который готовъ употребить Богъ знаетъ что̀, только бы услышать правду“[2]).

Просьбу Гоголя Шевыревъ исполнилъ немедленно, напечатавъ во второй книжкѣ „Московскаго Наблюдателя“ разборъ „Миргорода“, но отъ рецензіи на „Арабески“ онъ почему-то уклонился. Содержаніе отзыва было въ общихъ чертахъ слѣдующее: изданныя повѣсти, по мнѣнію критика,

---

[1]) См. объ этомъ въ Соч. Гог., изд. X., т. II, стр. 570 и слѣд., также Соч. Бѣлинскаго т. VI, стр. 592 и 606 (изд. 1882 г.).

[2]) «Русская Старина», 1875, IX, стр. 114.

возбуждаютъ обаяніе простодушнымъ, неистощимымъ смѣхомъ; но было бы желательно, чтобы авторъ расширилъ предѣлы своего творчества, не ограничиваясь изображеніемъ однихъ уѣздныхъ нравовъ.—Указавъ многія достоинства „Миргорода“, Шевыревъ, однако, неодобрительно отозвался о „Віи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на внѣшнюю неопрятность изданія[1]). Въ это же время „Сѣверная Пчела“ въ первый разъ бросила Гоголю тотъ упрекъ, который послѣ того такъ часто повторялся ею; она выражала недоумѣніе: „зачѣмъ показывать рубища и лохмотья? зачѣмъ рисовать непріятныя картины задняго двора жизни человѣческой, безъ всякой видимой цѣли?“ а „Арабески“ уже были осуждены „Библіотекой для Чтенія“ и „Сѣверной Пчелой“, изъ которыхъ первая съ особой язвительностью нападала на самомнѣніе автора, будто бы выказанное имъ въ предисловіи; въ своемъ глумленіи Сенковскій саркастически сравнивалъ Гоголя въ самодовольствѣ съ Гёте[2]). Но въ то же время въ „Молвѣ“ и Телескопѣ“ неожиданно появляются двѣ блестящія критическія статьи, сначала краткая и сдержанная, потомъ обстоятельная и восторженная, провозгласившая Гоголя великимъ поэтомъ. Обѣ статьи принадлежали перу Бѣлинскаго, и въ послѣдней въ немногихъ словахъ были указаны всѣ существенныя достоинства разбираемыхъ произведеній, еще до подробнаго разбора „Арабесокъ“ и „Миргорода“. Вотъ эти строки: „Отличительный характеръ повѣстей г. Гоголя составляетъ простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: г. Гоголь поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной“. Бѣлинскій говорилъ уже, что „никого не можно назвать поэтомъ, съ бо́льшей увѣренностью и ни мало не задумываясь, какъ Гоголя“[3]). (Пушкина въ то

---

[1]) «Московскій Наблюдатель», 1836, 2, стр. 396—411.

[2]) См. «Сѣверную Пчелу», 1835, №№ 115 и 73; «Библіотеку для Чтенія», 1834 г., т. IX, отд. 6, стр. 30—34 или Соч. Сенковскаго, Спб. 1859, т. XI, стр. 344.

[3]) Впослѣдствіи Бѣлинскій не разъ напоминалъ, что геніальность Гоголя была указана и объявлена въ первый разъ имъ (VI, 401, 592—593, 606 и 515). Сходное сужденіе о сущности таланта Гоголя (см. III, 384 и 396).

время онъ считалъ уже „совершившимъ кругъ своей художнической дѣятельности“[1]).

Гоголь не совсѣмъ оцѣнилъ отзывъ о себѣ Бѣлинскаго и, кажется, вообще не предвидѣлъ того значенія, которое послѣднему вскорѣ суждено было занять въ нашей литературѣ. Въ первоначальномъ наброскѣ статьи „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.“ онъ такъ говоритъ о знаменитомъ критикѣ: „Въ критикахъ Бѣлинскаго, помѣщающихся въ „Телескопѣ“, виденъ вкусъ, хотя еще не образовавшійся, молодой и опрометчивый, но служащій порукой за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи. При всемъ этомъ въ нихъ много есть въ духѣ прежней семейственной критики, что̀ вовсе неумѣстно, а тѣмъ болѣе для публики“.

Возвращаясь къ „Московскому Наблюдателю“ мы должны замѣтить, что во всякомъ случаѣ отношенія Гоголя къ этому журналу, готовы были поколебаться отчасти даже ранѣе выхода первой книги. Въ письмѣ отъ 31-го января 1835 г. Гоголь говорилъ еще въ дружескомъ тонѣ Погодину: „Скажи нашимъ господамъ, что сгараю желаніемъ приклеить свои труды къ ихнимъ (sic). Но, ей Богу, раньше, какъ къ третьей книжкѣ, не могу прислать имъ повѣсти“[2]). Черезъ мѣсяцъ онъ показывалъ уже досаду, говоря, что издатели „Московскаго Наблюдателя“ ничего не умѣютъ дѣлать“, а вскорѣ послѣ того, наконецъ, разразился усовѣщиваніями и упреками, совершенно отложивъ въ сторону всякія стѣсненія, напр., въ слѣдующемъ отрывкѣ: „Мерзавцы вы всѣ московскіе литераторы! Съ васъ никогда не будетъ проку! Вы всѣ только на словахъ! Какъ? затѣяли журналъ и никто не хочетъ работать! Какъ же вы можете полагаться на отдаленныхъ сотрудниковъ, когда не въ состояніи положиться на своихъ?! Срамъ, срамъ, срамъ! Вы посмотрите, какъ петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство и трудъ, и ловкость, и мудрость? Смотрите на петербургскіе журналы: каждый изъ нихъ чуть ли не сто лѣтъ собирается прожить.

---

[1]) См. «Соч. Бѣлинскаго, т. I. стр. 202 (изд. 1881); тамъ же, т. I, стр. 352—354 и всю статью; 165—235; также «Молва», 1835, № 15, и «Телескопъ», 1885, т. 26, стр. 392—417 и 536—603.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 233.

А вамъ что̀? Вы сначала только раззадоритесь, а потомъ черезъ день и весь пылъ вашъ къ чорту! И на первый номеръ до сихъ поръ еще нѣтъ статей! Да вамъ должно быть стыдно, имѣя столько головъ, обращаться къ другимъ, да и къ кому же? — ко мнѣ! Но ваши всѣ головы думаютъ только о томъ, гдѣ бы и у кого ѣсть блины и въ середу, четвергъ и другіе дни. Если васъ и общее дѣло не можетъ подвинуть, всѣхъ устремить и связать въ одно, то какой въ васъ прокъ? Что̀ у васъ можетъ быть? Признаюсь, я вовсе не вѣрю въ существованіе вашего журнала больше одного года. Я сомнѣваюсь, бывало ли когда-нибудь въ Москвѣ единодушіе и самоотверженіе, и начинаю вѣрить, ужъ не правъ ли Полевой, сказавши, что война 1812 г. — событіе вовсе не національное и Москва невиновна въ немъ!...“ „Ей Богу, вы всѣ похожи на петербургскихъ шаромыжниковъ, шатающихся съ мелочью въ карманѣ, назначенною только для расплаты съ извозчиками!“ [1]). Когда повѣсть „Носъ“ была отвергнута редакціей „Московскаго Наблюдателя“ и приготовлялась для „Современника“, самое изданіе котораго отчасти было обязано его обѣщанію быть постояннымъ сотрудникомъ, туда уже (въ концѣ 1835 г.) были сданы „Коляска“ и „Утро дѣлового человѣка“ [2]), за которыми, въ свою очередь, должны были послѣдовать статьи: „Петербургскія Записки 1836 года“ и „О движеніи журнальной литературы“. Рецензіи, напечатанныя послѣ въ „Современникѣ“, относились также частью къ вопросамъ, уже раньше интересовавшимъ Гоголя.

Какъ въ этихъ послѣднихъ статьяхъ высказалось отношеніе Гоголя къ современной литературѣ, такъ точно въ „Петербургскихъ Запискахъ“ нашли себѣ отраженіе его впечатлѣнія болѣе обыденнаго свойства. Характеристики городовъ нерѣдко встрѣчаются въ сочиненіяхъ и перепискѣ Гоголя. Въ каждомъ изъ нихъ онъ старался уловить свойственную ему физіономію. Такъ, въ Петербургѣ его наиболѣе поражало обиліе разнородныхъ элементовъ населенія, или, какъ онъ говоритъ, „иностраннаго смѣшенія, еще не слившагося въ плотную

---

1) Тамъ же, стр. 234—235; дополнено по копіи.

2) О преслѣдованіи цензурой повѣсти «Носъ» и о замѣнѣ въ эпизодѣ встрѣчи Ковалевымъ «Носа» въ Казанскомъ соборѣ и о предположеніи Гоголя, прежде чѣмъ онъ рѣшился замѣнить соборъ частнымъ дворомъ, перенести дѣйствіе хоть въ католическую церковь (см. Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 570).

массу“[1]). Черта эта бросилась въ глаза Гоголю еще при первоначальномъ ознакомленіи со столицей, и онъ писалъ тогда матери: „Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ, а русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ“ [2]). Послѣ того, въ первую же поѣздку за-границу, онъ имѣлъ случай еще сильнѣе почувствовать эти отличительныя особенности нашей столицы, сравнивая ее, напр., съ Травемюнде, гдѣ жители не имѣютъ никакихъ собраній и живутъ почти въ трактирахъ“. „Со мною вмѣстѣ,“ — продолжаетъ онъ, — „находилось два швейцарца, англичанинъ, индійскій набобъ, гражданинъ изъ американскихъ штатовъ и множество разноземельныхъ нѣмцевъ, и всѣ мы были совершенно, какъ лѣтъ десять другъ съ другомъ знакомы. *Этого уже въ Петербургѣ* не водится“ [3]). Чистота и опрятность нѣмецкихъ городовъ также остановили вниманіе Гоголя въ сравненіи съ Петербургомъ и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе съ другими русскими городами. „Чистота въ домахъ необыкновенная,“ — писалъ онъ о Любекѣ въ 1829 г., — „непріятнаго запаха нѣтъ вовсе въ цѣломъ городѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ Петербургѣ, въ которомъ мимо иного дома нельзя бывает пройти“ [4]). То же самое повторяетъ онъ спустя семь лѣтъ по поводу посѣщенія имъ Гамбурга: „Видъ города очень хорошъ: дома высокіе, улицы узенькія, тѣсныя, дворовъ нѣтъ, все выливается на улицу; но при всемъ томъ вездѣ почти чистота: все это стекаетъ въ подземныя трубы, и вони на улицахъ гораздо меньше, нежели въ Петербургѣ“. [5]) Характеристика Петербурга, впервые сдѣланная Гоголемъ въ письмѣ къ матери, потомъ не разъ является въ его сочиненіяхъ, но бо́льшею частью отрывочно (напр., въ повѣсти „Невскій Проспектъ“,

---

1) «Соч. Гог.», изд. X, т. V, стр. 510.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 79.

3) Тамъ же, стр. 94—95.

4) Тамъ же, стр. 91.

5) Тамъ же, стр. 264. Частыя сообщенія подобнаго рода подали поводъ Краевскому такъ отозваться о Гоголѣ въ письмѣ къ Погодину: «Всѣ города онъ оцѣниваетъ одной мѣркой — запахомъ» («Жизнь и труды Погодина», т. IV, стр. 340).

въ повѣсти „Портретъ“ — описаніе Коломны); имъ же заканчиваются и „Петербургскія Записки 1836 года“ и въ тѣхъ же „Запискахъ“ находится извѣстное мастерское сравненіе Москвы и Петербурга.

Кромѣ этихъ трудовъ, помѣщенныхъ въ Современникѣ“, Гоголь предполагалъ еще начать для этого журнала исторію русской критики по совѣту самого Пушкина, а по выѣздѣ за-границу — путевыя замѣтки. Такъ изъ Гамбурга онъ писалъ Жуковскому: „Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, какъ мнѣ кажется, будетъ смѣшно: изъ нѣмецкой жизни“[1]).

Въ статьѣ „Петербургскія Записки 1836 года“ есть еще много мѣстъ, указывающихъ на позднѣйшую окончательную переработку ея за-границей и на извѣстную связь съ произведеніями, написанными Гоголемъ *несомнѣнно* послѣ выѣзда изъ Россіи. Таковы, напр., мысли о назначеніи драматическаго писателя и, въ частности, о сущности трагедіи и комедіи, о значеніи смѣха („смѣхъ есть великое дѣло“ и проч.), о различіи между смѣхомъ тонкимъ и грубымъ, и о другихъ теоретическихъ вопросахъ, подробнѣе затронутыхъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ“. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить и сходство въ отдѣльныхъ мысляхъ, напр., о невѣжественномъ отношеніи общества къ русской литературѣ, („литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно“. Ср. въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ слѣдующія слова „Человѣка изъ толпы“: „Вы сами знаете, что̀ такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно — ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять да бросили“)[2]) — и въ частности къ театру и драматическому искусству: „Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каѳедра, съ которой разомъ читается цѣлой толпѣ живой урокъ“ и проч., но особенно о недостаточности піесъ серьезныхъ, проникнутыхъ идеей и способныхъ оказать благотворное дѣйствіе на массу („никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тре-

---

[1]) „Русск. Архивъ“, 1871 г., 4—5, стр. 952.

[2]) См. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 511 и т. II, стр. 512.

вожномъ состояніи садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей". Ср. въ „Театральномъ Разъѣздѣ" наоборотъ изображеніе впечатлѣнія, котораго слѣдуетъ желать при сценическихъ представленіяхъ, въ слѣдующихъ словахъ „Очень скромно одѣтаго человѣка"; „Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще!"[1]) Съ другой стороны въ тѣхъ же „Петербургскихъ Запискахъ 1836 года" слѣдуетъ отмѣтить звучащую мѣстами славянофильскую ноту, извѣстную всѣмъ по лирическимъ отступленіямъ въ „Мертвыхъ Душахъ" („ужъ не наша ли славянская пѣвучая натура"[2])...), а дальнѣйшія размышленія Гоголя о народныхъ пѣсняхъ даютъ право заключить о постепенномъ развитіи въ немъ этого настроенія изъ его увлеченій малороссійскими народными пѣснями.

По отношенію къ послѣдующимъ произведеніямъ Гоголя не безполезно обратить вниманіе на слѣдующія мѣста въ „Театральномъ Разъѣздѣ". Любопытны, во-первыхъ, слова „Очень скромно одѣтаго человѣка", отказывающагося отъ предлагаемаго ему болѣе высокаго мѣста на томъ основаніи, что „если онъ чувствуетъ, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ его стороны бросить это мѣсто?"[3]) Очевидно, что эта мысль имѣетъ весьма близкое отношеніе къ позднѣйшей статьѣ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ другой", озаглавленной „Чей удѣлъ на землѣ выше". А слѣдующія слова того же „Очень скромно одѣтаго человѣка": „И какъ я могу оставить его" (т.-е. мѣсто), „не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать всѣмъ прижимки", — напоминаютъ совѣты и одобренія Гоголя Н. М. Смирнову, когда послѣдній приходилъ въ отчаяніе отъ всеобщаго поголовнаго взяточничества[4]). (Объ этомъ будетъ сказано позднѣе). Далѣе въ словахъ „Просто враля"[5]) есть много общаго не только съ хлестаковской, но еще болѣе съ ноздревской раз-

---

1) Т. V, стр. 513 и т. II, стр. 493.

2) Т. V, стр. 515.

3) Соч. Гог., изд. X, т. II, 493—494.

4) Тамъ же, 494; «Русск. Стар.», 1888, IV, стр. 66.

5) Соч. Гог., изд. X, т. II, 510.

вязностью. Также въ „Петербургскихъ наброскахъ“ въ словахъ: „въ Москвѣ на гуляньѣ, всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и ужъ совершенно безъ всякой таліи“ [1]) есть несомнѣнное сходство съ однимъ мѣстомъ въ первоначальномъ наброскѣ описанія бала въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“: „Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: „Эй, улечу; жаль только, что не подниму съ собой красавицы“. Конечно, мѣстами вдругъ среди этой модной кучи выказывался невиданный землею чепецъ или какое-нибудь перо вродѣ павлинаго“ [2]).

Въ первоначальныхъ наброскахъ „Театральнаго Разъѣзда“ любопытны еще слова одного изъ чиновниковъ: „Помилуйте, пьеса грязная, отвратительная... Ни одного лица нѣтъ настоящаго. Все карикатуры. Одинъ слуга только“... Это былъ явный намекъ на слова Булгарина, что „слуга мнимаго ревизора одно умное и искусно обдѣланное лицо въ комедіи“ [3]), а также на слова Сенковскаго, что именно въ изображеніи лакея Гоголь „наконецъ отыскалъ свое природное назначеніе“ [4]).

Отголосокъ интереса Гоголя къ текущей журналистикѣ можно видѣть и въ слѣдующихъ строкахъ „Петербургскихъ Записокъ 1836 года“: „Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч. и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности“ [5])...

Въ одномъ письмѣ Гоголь говорилъ также своей матери, что „Брамбеусъ не на хорошемъ счету; его грязныя сочиненія нравятся только низшему классу“ и проч.

Съ отъѣздомъ Гоголя за-границу порвалась сразу и почти совершенно связь его со многими интересами современной русской жизни, особенно же съ текущей литературой, что̀, несомнѣнно, сильно способствовало замкнутости и односто-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 510.

[2]) Т. III, стр. 446—447.

[3]) «Сѣв. Пчела», 1836, № 97, стр. 388; № 98, стр. 391.

[4]) «Библіотека для Чтенія», т. XVI, отд. V, стр. 31.

[5]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 509.

ронности дальнѣйшаго его развитія и явному погруженію его въ сферу болѣе тѣсную и ограниченную. Если прежде кругъ его интересовъ не успѣлъ сдѣлаться особенно широкимъ, то отнынѣ все больше простора получаютъ зародыши его односторонняго мистическаго міросозерцанія.

XIV.

Собираясь въ отъѣздъ, Гоголь начерталъ себѣ слѣдующій приблизительный маршрутъ: миновавъ нѣсколько германскихъ городовъ, уже знакомыхъ ему по первой заграничной поѣздкѣ, онъ предполагалъ подольше пробыть въ Ахенѣ, гдѣ хотѣлъ сдѣлать продолжительную остановку, чтобы осмотрѣть его древности и заняться необходимымъ для дальнѣйшаго путешествія изученіемъ иностранныхъ языковъ[1]). Потомъ онъ думалъ побывать въ Кёльнѣ, прокатиться по Рейну и провести нѣкоторое время на водахъ для лѣченія давно тревожившихъ его геморроидальныхъ припадковъ; затѣмъ ему предстояло пожить въ Швейцаріи и Италіи и, наконецъ, возвратиться сухимъ путемъ черёзъ Москву и Малороссію[2]). На все путешествіе предполагалось посвятить около полутора года. Впрочемъ, такъ Гоголь опредѣлялъ срокъ своего возвращенія матери и Погодину,[3]) по всей вѣроятности, скрывая свой тайный замыселъ прожить какъ можно дольше за-границей, какъ объ этомъ онъ писалъ вскорѣ Жуковскому, говоря ему: „Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ, и бѣдность, но ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, какъ можно долѣе, буду въ чужой землѣ“[4]). Такъ какъ эти строки были написаны въ первомъ мѣсяцѣ путешествія, въ письмѣ, отправленномъ изъ перваго города, въ которомъ Гоголь остановился не надолго отдохнуть отъ впечатлѣній, то гораздо основательнѣе предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло вовсе не съ перемѣной рѣшенія, происшедшей уже во время дороги, но что, напротивъ, Гоголь имѣлъ раньше

---

1) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 952.
2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 258.
3) Тамъ же, стр. 256.
4) «Русск. Архивъ», 1871, 4—5, стр. 951.

причины скрывать отъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ свои настоящія намѣренія. Совершенно понятно побужденіе Гоголя польстить ложной надеждой горячо любящей матери, которой всегда хотѣлось имѣть его поближе къ себѣ; ему уже приходилось не въ первый разъ употреблять этотъ пріемъ[1]). Относительно Погодина могли быть другія соображенія; отклоняя убѣдительное приглашеніе передъ отъѣздомъ пріѣхать въ Москву, Гоголь находилъ, вѣроятно, неудобнымъ въ то же время сообщить о своемъ планѣ надолго оставить родину, тѣмъ болѣе, что ему было, можетъ-быть, уже извѣстно крайнее несочувствіе Погодина къ абсентеизму[2]). Вообще первыя строки письма къ Погодину отъ 15 мая 1836 г., по соображенію ихъ съ другими источниками, оказываются явно неискренними: Гоголь давалъ обѣщанія единственно съ цѣлью успокоить пріятеля и вовсе не думая ихъ исполнить. Вотъ эти строки: „Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно, но никакимъ образомъ не могу: нужно захватить время пользованія на водахъ“. Для пріѣзда въ Москву не нужно было много времени, и притомъ Гоголь, какъ увидимъ, не только не пропустилъ срока, но успѣлъ собраться гораздо раньше, нежели сначала назначилъ себѣ. „Лучше пусть пріѣду къ вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Пріѣхавши, я проживу съ тобою долго, потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ и не намѣренъ жить постоянно въ Петербургѣ“[3]). Послѣднія слова могли быть сказаны преимущественно въ разсчетѣ на возможное возвращеніе на родину раньше желаемаго срока. Принимая въ соображеніе все сказанное, мы можемъ дать вѣру упомянутому выше проекту Гоголя, сообщенному имъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ матери и Погодину, почти во всемъ его объемѣ, исключая, однако, его обѣщанія вернуться черезъ полтора года въ Россію. Погодина онъ теперь охотнѣе желалъ бы, вмѣсто несостоявшейся встрѣчи

---

[1]) Ей онъ писалъ только: «За-границей полагаю пробыть болѣе года». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 262.

[2]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 288—289. Погодинъ не сочувствовалъ долговременному пребыванію Гоголя за-границей и неоднократно звалъ его въ Москву. («Жизнь и труды Погодина», IV, 335, V, 158).

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 260. Погодинъ не разъ звалъ Гоголя въ Москву. («Жизнь и труды Погодина», IV, 335).

въ Москвѣ, склонить для будущаго свиданія[1]) на поѣздку въ Италію, куда тотъ также собирался пріѣхать.

Оставляемъ далѣе въ сторонѣ разсказъ А. О. Смирновой о томъ, какой планъ путешествія по Италіи рекомендовалъ Гоголю ея мужъ[2]). Гораздо больше значенія имѣютъ дальнѣйшія подробности, что „въ Римѣ Гоголь увидитъ Жиро, драматурга, съ которымъ Николай знакомъ. Пушкинъ дастъ хохлу письмо къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской. Репнины также снабдятъ его письмами“. „Мой мужъ“ — говоритъ дальше А. О. Смирнова — „часто видалъ княгиню Зинаиду, которая хорошо знала его мать, онъ тоже будетъ рекомендовать ей Гоголя, который получилъ и письмо къ директору нашей академіи, а также въ нашу миссію. Въ Неаполѣ Николай будетъ его

---

¹) См. письмо къ Погодину отъ 10 мая 1836 г.: «Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ настроеніи, въ какомъ нахожусь нынѣ» и проч. («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 255).

²) Въ Запискахъ А. О. Смирновой мы находимъ небольшой разсказъ о томъ, какъ планъ Гоголя обсуждался въ его дружескомъ кружкѣ и какіе были даны ему совѣты. Хотя этимъ совѣтамъ Гоголь послѣдовалъ далеко не вполнѣ и даже почти совсѣмъ не послѣдовалъ, тѣмъ не менѣе *нѣкоторыми* данными ему указаніями онъ могъ воспользоваться, и потому этотъ отрывокъ можетъ представлять извѣстный интересъ.

Вотъ онъ: «Обсуждали планы хохла. Онъ хочетъ ѣхать въ Германію, а Николай совѣтовалъ ему ѣхать въ Италію, провести часть зимы въ Римѣ, послѣ того какъ Тибръ войдетъ въ свои берега; онъ даже составилъ ему маршрутъ: изъ Вѣны въ Венецію черезъ Тироль и Верону, затѣмъ города Ломбардіи, Болонья, изъ Милана въ Геную, Пизу, Флоренцію, Сіенну, Умбрію, тамъ въ Римъ и въ концѣ мая въ Неаполь. Мужъ говорилъ ему, что такимъ образомъ онъ увидитъ все съ птичьяго полета и можетъ вновь осмотрѣть, въ бо́льшихъ подробностяхъ, то, что̀ особенно его поразитъ. Въ Венецію можно ѣхать въ августѣ, для морскихъ купаній въ Лидо. Мужъ обѣщалъ Гоголю дать ему письмо къ знаменитому падуанскому доктору Малфатти, который помнитъ Байрона и познакомитъ хохла съ профессорами университета; въ Падуѣ имѣется знаменитый ботаническій садъ, а Гоголь любитъ ботанику. Во Флоренцію мужъ снабдитъ его письмами въ нашу миссію и къ своимъ друзьямъ: Бутурлинымъ, Воронцовымъ, а также къ Орлову, къ художникамъ и къ Аффендульево, великому знатоку картинъ и оригиналу, какихъ мало». (Сѣверный Вѣстникъ», 1894, VIII, стр. 199). Въ дѣйствительности Гоголь держался собственнаго плана и прибылъ въ Италію изъ Парижа черезъ Швейцарію; во многихъ названныхъ выше городахъ не былъ и, слѣдовательно, не воспользовался и данными ему письмами, но весьма возможно, что подъ вліяніемъ совѣтовъ Смирнова поспѣшилъ въ Римѣ познакомиться съ нѣкоторыми художниками.

рекомендовать нашей миссіи и археологамъ, изъ коихъ одинъ другъ сэра Вильяма Пелль, который указалъ англійскому правительству на эллинскіе мраморы, сказавъ, что ихъ должно спасти отъ разрушенія“[1]).

Въ такихъ общихъ чертахъ сталъ обозначаться планъ поѣздки тотчасъ послѣ того, какъ съ освобожденіемъ отъ профессуры и хлопотъ по постановкѣ „Ревизора“ стали вообще возможны для Гоголя болѣе опредѣленныя предположенія. Несмотря на то, что планъ составился чрезвычайно быстро, Гоголь, какъ увидимъ, долго оставался вѣренъ ему почти во всѣхъ подробностяхъ, пока его путешествіе не обратилось незамѣтно въ постоянное, безсрочное пребываніе въ чужихъ краяхъ. Но его отношенія къ предпринятой поѣздкѣ еще ранѣе успѣли перейти всѣ обычныя фазы измѣненій, отъ предварительнаго восторженнаго энтузіазма до утомленія и равнодушія, которыя, спустя нѣкоторое время, должны были уступить снова мѣсто пылкимъ увлеченіямъ. Мы знаемъ, что еще передъ выѣздомъ изъ Россіи Гоголь испытывалъ самыя разнородныя побужденія, одинаково приводившія его къ задуманному рѣшенію. Онъ указываетъ три главныя цѣли своей поѣздки: лѣченіе, разсѣяніе и приготовленіе къ будущимъ трудамъ. Между тѣмъ онъ еще не отдавалъ себѣ самъ вполнѣ яснаго отчета въ сравнительной настоятельности каждаго изъ указанныхъ соображеній, такъ какъ въ отдѣльности всѣ они были указаны имъ правдиво, но ни одно не имѣло рѣшающаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, геморроиды мучили его не только въ послѣднее время его петербургской жизни, но начали сильно заявлять о себѣ еще во время поѣздки въ Малороссію лѣтомъ 1835 г., когда, подъ вліяніемъ ихъ, Гоголь не зналъ, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій[2]). По поводу своихъ плановъ насчетъ лѣченья Гоголь только вскользь говоритъ матери о своемъ намѣреніи побывать на водахъ; также Погодину („Лѣто буду на водахъ, августъ мѣсяцъ на Рейнѣ“) и, наконецъ, Жуковскому[3]). Потомъ онъ былъ правда на водахъ въ Баденъ-Баденѣ, но лѣчился неправильно. Напротивъ, выѣхавъ заграницу, Гоголь совершенно, кажется,

---

1) «Сѣверный Вѣстникъ», 1894, VIII, 200.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 297; см. также стр. 291 и 303 и проч.

3) «Соч. и письма Гоголя», V, 258 и 256; «Русск. Арх.» 1871, 4—5, 952.

забылъ о нихъ и, явно противорѣча себѣ, сообщалъ матери и сестрамъ, что не намѣренъ долго оставаться въ Ахенѣ, ибо чувствуетъ себя *совершенно здоровымъ* и не видитъ нужды въ водахъ[1]). И въ самомъ дѣлѣ, хотя тотчасъ послѣ этого онъ объѣзжаетъ цѣлый рядъ болѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ курортовъ[2]), но совершаетъ это въ теченіе недѣли и нигдѣ не останавливаясь. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга онъ, повидимому, по рекомендаціи и совѣту Жуковскаго, пишетъ письмо знаменитому берлинскому доктору Коппу, описывая ему свои недуги, и проситъ адресовать отвѣтъ въ Ахенъ, первое мѣсто болѣе продолжительной остановки; но въ Ахенѣ Гоголь остался недолго и отвѣта Коппа, вѣроятно, получить не успѣлъ[3]). Правда, Гоголь писалъ впослѣдствіи, что онъ много поправился во время самой дороги и почувствовалъ серьезное облегченіе, и это можетъ служить объясненіемъ измѣнчивости его намѣреній; но въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ указывалъ, какъ главную причину путешествія, нравственныя побужденія. „Должны быть сильныя причины,“ — писалъ онъ Погодину уже изъ Италіи, — „когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что я бы не хотѣлъ рѣшиться“[4]). Наконецъ, всѣ эти побужденія, присоединившись къ роковой неудачѣ „Ревизора“, совпали съ благопріятной возможностью имѣть во время большей части пути такого дорогого спутника, какъ любимаго товарища его дѣтства — Данилевскаго, и особенно съ врожденнымъ инстинктомъ туриста, сказавшимся въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ статьи „Петербургскія Записки 1836 года“, едва ли не имѣющихъ автобіографическое значеніе: „Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется, на подлетѣ[5]). Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», V, 269.

[2]) Объ этомъ Гоголь пишетъ Жуковскому: «Прошатавшись лѣто на водахъ, я перебрался на осень въ Швейцарію». («Русск. Арх.», 1871, 4—5, 953).

[3]) См. «Русскій Архивъ» 1871, 4—5, стр. 952. Вѣроятнѣе даже, что Гоголь уже съ дороги безъ всякой серьезной цѣли послалъ Коппу письмо, написанное имъ о своей болѣзни, вмѣстѣ съ рекомендательнымъ письмомъ Жуковскаго; какъ видно, онъ самъ не придавалъ этому письму большого значенія и долженъ былъ только соблюсти приличіе въ отношеніи къ Жуковскому.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 289.

[5]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 521.

и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе домы"[1]). Поддаваясь этому инстинкту туриста, Гоголь годъ тому назадъ собрался ѣхать изъ Петербурга на Кавказъ и въ Крымъ, а въ 1836 г. мечталъ уже о наслажденіяхъ новыми впечатлѣніями за-границей.

Сборы Гоголя въ дальній путь были очень короткіе. Нетерпѣніе его поскорѣе оставить наскучившій Петербургъ возростало неудержимо и съ поразительной быстротой. Въ письмѣ къ матери, отъ 12 мая, онъ говорилъ, что „насчетъ поѣздки за-границу *еще не рѣшилъ*", но думаетъ, что это предложеніе исполнится въ томъ же году, т.-е. въ 1836[2]). Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отправленномъ черезъ двѣ недѣли, онъ высказывалъ уже предположеніе пробыть въ Петербургѣ никакъ не далѣе мѣсяца[3]), и не проходитъ съ тѣхъ поръ десяти дней, какъ онъ уже снова шлетъ извѣщеніе, что „захлопотанъ чрезвычайно, готовясь къ выѣзду, который имѣетъ быть *завтрашняго дня*"[4]). Понятно поэтому, что Гоголю, ускоривъ до такой степени отъѣздъ, въ самомъ дѣлѣ пришлось торопиться чрезвычайно. Но замѣчательно, что среди этихъ сборовъ, заботъ и хлопотъ онъ, желая скорѣе вырваться изъ ненавистнаго душнаго города и тяготясь по обыкновенію лѣтнимъ опустѣніемъ столицы, хотѣлъ при всемъ томъ выѣхать не иначе, какъ приготовивъ прощальные подарки всѣмъ своимъ роднымъ. Это обстоятельство, какъ оно ни кажется маловажнымъ, заслуживаетъ вниманія, указывая до нѣкоторой степени на исключительное настроеніе, въ которомъ находился Гоголь передъ отъѣздомъ, можетъ быть предполагая, что судьба не приведетъ его уже вернуться на родину. При извѣстной мнительности Гоголя и при неопредѣленности его положенія онъ могъ, дѣйствительно, собираясь на многіе годы въ даль, имѣть въ виду всѣ возможныя случайности. Если случалось ему и раньше посылать не-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стран. 521.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стран. 258.

[3]) тамъ же, стран. 262.

[4]) тамъ же, слѣдующее письмо.

большіе подарки кому-нибудь изъ близкихъ родныхъ[1]), то здѣсь невольно обращаетъ на себя вниманіе какая-то забота не обойти рѣшительно никого изъ нихъ, при чемъ Гоголю пришлось вмѣстѣ съ прочими затратами употребить столько денегъ, что мать должна была потомъ доплатить за него извозчику, ѣхавшему съ частью его вещей и съ служившимъ ему въ Петербургѣ крѣпостнымъ человѣкомъ, недоставшіе 130 рублей[2]).

[1]) тамъ же, стран. 262—263.
[2]) тамъ же, стран. 262.

II. ЗАГРАНИЧНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ
въ 1836—1839 годахъ.

I.

Такимъ образомъ, въ половинѣ 1836 года, лишившись каѳедры въ университетѣ и учительскаго мѣста въ Патріотическомъ институтѣ и измученный неистовыми воплями негодованія, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ слояхъ общества появленіемъ на сценѣ „Ревизора", Гоголь двинулся въ сообществѣ своего неразлучнаго друга Данилевскаго за-границу. Оба свободные, оба молодые и жадно стремящіеся окунуться въ столь заманчивый и еще незнакомый имъ западно-европейскій міръ, они весело, какъ бы сбросивъ съ себя грузъ обыденныхъ и наскучившихъ впечатлѣній, бросились навстрѣчу привѣтливой будущности. Надъ ними летали тогда золотые сны молодости и занималась заря лучшей, поэтической поры жизни, полной радостей и свѣтлаго юношескаго счастья. Они чувствовали себя легко, почти такъ, какъ въ былое время, когда въ первый разъ ѣхали въ Петербургъ, и какъ чувствуютъ себя только люди, которыхъ ласкаетъ надежда и которые полной грудью вдыхаютъ еще ничѣмъ не отравленное счастье жизни. Они не могли не знать, конечно, что, быть-можетъ, ихъ ожидаютъ впереди трудные дни, но въ настоящемъ имъ улыбалась самая пріятная жизнь, украшенная прелестью новизны.

Сестры Гоголя простились съ нимъ въ институтѣ[1]); но на пароходъ пріѣхалъ дружески проводить Гоголя князь Вяземскій, расположенный къ своему молодому литературному

[1]) Оставляя ихъ однѣхъ въ институтѣ, Гоголь всячески заботился, чтобы имъ было хорошо, чтобы ихъ почаще навѣщали и пр. Особенно усердно онъ просилъ объ этомъ Прокоповича («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 311, 312, 348 и «Русское Слово», 1859, 1, 103).

собрату и еще недавно ломавшій за него копья полемики: мы разумѣемъ здѣсь его превосходную статью въ „Современникѣ“ о „Ревизорѣ“, о которой еще будетъ рѣчь впереди. Спустя два года, Гоголь писалъ ему, вспоминая эти проводы: „Я помню такъ, какъ бы это было вчера, и буду помнить долго вашу доброту, вашъ прощальный поцѣлуй, данный вами мнѣ уже на пароходѣ, ваши рекомендательныя письма, которыя пріобрѣли мнѣ благосклонный пріемъ отъ тѣхъ, которымъ были вручены“[1]). Еще передъ отъѣздомъ Гоголь писалъ матери: „Попутчиковъ мнѣ много. Никогда не отправлялось за-границу такое множество, какъ теперь“[2]), и, въ самомъ дѣлѣ, общество собралось большое, шумное; кромѣ того, пассажиры скоро перезнакомились между собой[3]). Наши путники взяли курсъ на Любекъ; для Гоголя такимъ образомъ начало путешествія въ отношеніи направленія являлось какъ бы повтореніемъ прежней поѣздки въ 1829 году.

Въ продолженіе почти двухъ недѣль они ѣхали до Травемюнде. Всегда страдая во время морскихъ переѣздовъ отъ качки, Гоголь съ страшными мученіями выдержалъ жестокую бурю, о которой потомъ сообщилъ Жуковскому въ слѣдующихъ словахъ: „Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурного и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, умеръ“[4]). Матери и сестрамъ онъ остерегся разсказывать о своихъ миновавшихъ мученіяхъ, но и имъ писалъ также, что пароходъ „надоѣлъ ему жестоко“[5]). Впрочемъ, во время пути у него, кромѣ его друга и постояннаго спутника Данилевскаго, были еще другіе знакомые попутчики, одного изъ которыхъ, Золотарева, молодого человѣка, только-что окончившаго курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, онъ нерѣдко встрѣчалъ впослѣдствіи во время своихъ заграничныхъ скитаній. На пароходѣ Гоголь познакомился также со многими случайными спутниками, какъ это всегда бываетъ при та-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1865, VII, 787—788.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 262.

[3]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, см. 265.

[4]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 952.

[5]) «Соч. и письма Гоголя», V, 263.

комъ способѣ сообщенія; но однообразіе впечатлѣній и страхъ новыхъ приступовъ морской болѣзни были причиной почти восторженнаго чувства, овладѣвшаго Гоголемъ при выходѣ на берегъ.

О своихъ спутникахъ Гоголь писалъ своимъ институткамъ-сестрамъ: „У насъ было очень большое общество, дамъ было чрезвычайно много, и многія страшно боялись воды. Одна изъ нихъ, m-me Барантъ, жена французскаго посланника, просто кричала, когда сдѣлалась буря“ [1]). Съ Золотаревымъ же (Иваномъ Өедоровичемъ), по словамъ покойнаго Данилевскаго, они ѣхали такжепотомъ изъ Гамбурга въ Ахенъ и пѣли пѣсенку:

Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ
Въ Гамбургѣ штанишки...
Благодаренъ онъ судьбѣ
За свои дѣлишки [2]).

Вообще, такіе шаловливые, а иногда и не совсѣмъ скромные стишки Гоголь и Данилевскій любили сочинять, когда были въ веселомъ настроеніи и скучали безъ дѣла, какъ это случалось, напр., во время путешествій [3]). Золотаревъ былъ веселый молодой человѣкъ, сообщество котораго также много способствовало развлеченіямъ въ дорогѣ. Безъ сомнѣнія, это былъ тотъ самый Золотаревъ, о которомъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ о бывшемъ дерптскомъ студентѣ, графъ В. А. Соллогубъ (см. именно „Воспоминанія Соллогуба“, изданныя въ 1866 г.). Отмѣченный нами

---

[1]) Это была г-жа Барантъ, жена французскаго посланника, мать противника Лермонтова въ его первой дуэли въ 1840 г.(«Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 265).

[2]) О томъ же разсказываетъ, со словъ Золотарева, г. Ободовскій («Историческій Вѣстникъ», 1893, 1, 37).

[3]) Подобныхъ стиховъ покойный Данилевскій припоминалъ намъ множество. Всѣ они относятся къ предыдущему періоду ихъ жизни и большею частью сочинялись сообща; это были, кажется, изъ послѣднихъ. Къ нѣжинскимъ же и петербургскимъ относятся извѣстные: «Да здравствуетъ нѣжинская бурса» и

«Съ Матреной нашъ Якимъ
Потянулся прямо въ Крымъ».

Также:

«Кохановичъ, Кобеляцкій,
Петя, Миша, Скоропадскій,
Бравые молодцы!» и тому подобные.

фактъ любопытенъ, какъ новое свидѣтельство о томъ молодомъ весельѣ, котораго не чуждъ былъ Гоголь, когда въ немъ кипѣла жизнь. Какая яркая противоположность между Гоголемъ 1836 года и второй половины сороковыхъ, когда, по свидѣтельству Анненкова, онъ спѣшилъ во время дороги закрыться воротникомъ шинели и „принималъ выраженіе каменнаго безстрастія“ ![1]).

Дальнѣйшій бюллетень поѣздки мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ перваго заграничнаго письма Гоголя къ матери: „Выбравшись изъ парохода, который мнѣ надоѣлъ жестоко, я проѣхалъ очень скоро Травемюнде, Любекъ и нѣсколько деревень, не останавливаясь почти нигдѣ до самаго Гамбурга“[2]). Наконецъ, утомленіе заставило его нѣсколько пріостановить свой стремительный путь, что̀ могло имѣть также иное основаніе: съ Гамбургомъ Гоголь не успѣлъ спокойно и неспѣшно ознакомиться въ свою первую поѣздку, такъ что этотъ городъ въ значительной степени представлялъ для него и теперь интересъ новизны. Онъ ничего не передаетъ на этотъ разъ матери о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, хотя въ первый разъ дорога до Гамбурга ему очень понравилась: эту дорогу онъ сравнилъ тогда съ „разнообразнымъ садомъ“[3]). Но вниманіе его было снова остановлено въ Любекѣ и Травемюнде улицами узенькими до того, „что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, кто живетъ противъ васъ“[4]). Въ Гамбургѣ Гоголь прожилъ не менѣе недѣли, отдыхая душой и имѣя возможность разсмотрѣть его лучше, нежели въ прежнее время. По тѣмъ чертамъ гамбургской жизни, которыя были на этотъ разъ уловлены Гоголемъ, и по способу, которымъ онъ пользовался для этой цѣли, можно предполагать, что въ это первое время своего путешествія онъ думалъ только объ отдыхѣ и развлеченіи. Прежде всего Гоголь естественно обратилъ вниманіе преимущественно на торгово-промышленный характеръ Гамбурга, а затѣмъ и на его увеселенія, такъ какъ вообще онъ старался замѣчать все, что̀ могло

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки», Анненкова, I, 210

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 263.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

[4]) Тамъ же, стр. 265.

знакомить его съ внѣшней стороной каждаго города. Общее впечатлѣніе отъ гамбургской жизни выражено Гоголемъ въ шутливомъ письмѣ къ сестрамъ въ словахъ: „Гамбургъ прекрасный городъ и жить въ немъ очень весело“. На гуляньяхъ, въ театрѣ, на набережной Гоголь съ одинаковымъ интересомъ наблюдалъ за всѣми характерными проявленіями чуждой ему заграничной жизни[1]). Не разъ врожденное любопытство заставляло его посѣщать даже нелюбимые имъ обыкновенно балы, при чемъ однажды онъ совершенно мимоходомъ заглянулъ въ одинъ общественный домъ, гдѣ давался оригинальный матросскій балъ, игривое описаніе котораго онъ набросалъ своимъ маленькимъ сестрамъ-институткамъ въ живой и вполнѣ доступной ихъ возрасту характеристикѣ. Виды окрестностей Гамбурга также привлекли его; но заинтересованный болѣе общей картиной города и его кипучей жизнью, Гоголь даетъ въ своихъ письмахъ преимущественно бѣглый очеркъ своихъ впечатлѣній, небрежно схватывая мимоходомъ поразившія его наиболѣе характерныя особенности. Какъ мѣтко и сжато рисуетъ онъ, напримѣръ, общій видъ Гамбурга: „Для гуляній мѣста очень довольно. Садъ занимаетъ весь городской валъ и почти окружаетъ весь городъ. Изъ него много видовъ на городъ, котораго улицы мелькаютъ перспективами. Дома, налѣпленные на дома, крыши на крыши, и куча трубъ, въ самомъ разнообразномъ порядкѣ, почти безпрестанно передъ глазами и видны съ разныхъ точекъ. Кораблей приходитъ очень много“[2]). Такой осмотръ городовъ и мѣстностей съ высоты птичьяго полета былъ вообще во вкусѣ Гоголя: онъ давалъ ему возможность сразу обозрѣть незнакомый городъ во всѣхъ направленіяхъ и составить о немъ яркое представленіе. Кромѣ того, какъ художникъ, Гоголь любилъ обширныя панорамы и эффектныя перспективы. Такъ впослѣдствіи ему особенно нравилось любоваться Римомъ съ высоты купола святого Петра, откуда видно море и далекая Кампанья. Въ повѣсти „Римъ“ онъ изобразилъ также свое восторженное настроеніе, приписанное герою отрывка, молодому итальянцу-князю, залюбовавшемуся вѣчнымъ городомъ съ площади

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 264.

возлѣ церкви San Pietro in Montorio. Все описаніе представившагося ему чуднаго вида, начиная со словъ: „передъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ“[1]), безъ сомнѣнія, представляетъ передачу собственныхъ впечатлѣній автора, такъ любившаго осматривать Римъ также и съ Monte Pincio, Monte Citorio и съ другихъ возвышенныхъ пунктовъ[2]).

Имѣя въ своемъ распоряженіи неограниченное количество времени, Гоголь спокойно предавался отдыху въ Гамбургѣ, и, какъ съ нимъ часто случалось въ тѣхъ городахъ, которые ему особенно нравились, онъ, хотя и оставался пока вѣрнымъ предначертанному маршруту, позволялъ себѣ, однако, со дня на день откладывать продолженіе поѣздки. „Я не знаю еще навѣрное“, — писалъ онъ матери, пробывъ въ Гамбургѣ уже нѣсколько дней, — „когда я выѣду отсюда: завтра или послѣ-завтра“[3]).

Первымъ совершенно незнакомымъ для Гоголя городомъ во время его путешествія былъ Бременъ, въ которомъ остановилъ на себѣ его вниманіе знаменитый подвалъ, замѣчательный своей способностью сохранять трупы нетлѣнными[4]). Кромѣ того, какъ и въ первую поѣздку, Гоголя чрезвычайно интересовали готическіе соборы, которыхъ онъ не пропускалъ нигдѣ безъ самаго тщательнаго и подробнаго обзора[5]). Даже въ письмѣ къ своимъ маленькимъ дѣвочкамъ-сестрамъ, безъ сомнѣнія, не много понимавшимъ толкъ въ архитектурѣ и мало ею интересовавшимся и вообще еще совершенно равнодушнымъ къ чудесамъ западно-европейскаго искусства, Гоголь не могъ воздержаться отъ восторженныхъ похвалъ бременскому собору, впрочемъ, какъ и всегда, заботливо стараясь войти въ кругъ ихъ интересовъ и пониманія, и сообщая только то, что̀ могло ихъ дѣйствительно занять: „Еслибы вы увидѣли здѣшнюю церкву!“ — писалъ онъ: — „такой старины вы еще никогда не видѣли“[6]). Здѣсь заслуживаетъ вниманія впервые сильно обнаружившаяся въ Гоголѣ

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 169.

2) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 0930.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 264.

4) Тамъ же, стр. 266 и 268.

5) Тамъ же, 269 и проч.

6) Тамъ же, стр. 266.

страсть къ памятникамъ стариннаго искусства, особенно архитектуры, — страсть, которая нашла себѣ потомъ такую богатую пищу въ Римѣ[1]). Матери онъ также сообщалъ, между прочимъ, что въ Мюнстерѣ „видѣлъ только наружность прекрасныхъ готическихъ церквей“[2]).

Въ Бременѣ они посѣтили знаменитый погребъ съ рейнвейномъ, искусно сберегаемымъ цѣлыя сотни лѣтъ[3]). По словамъ Гоголя, этотъ рейнвейнъ отпускался только опаснымъ больнымъ и знаменитымъ путешественникамъ, но и имъ съ Данилевскимъ удалось достать его за большія деньги. Произошло это, по разсказу А. С. Данилевскаго, слѣдующимъ образомъ. Обѣдая въ гостиницѣ вмѣстѣ съ Данилевскимъ, Гоголь неожиданно сказалъ ему торжественнымъ тономъ: „потребуемъ стараго, стараго рейнвейна“. Но вино ни ему, ни Данилевскому не понравилось вовсе. По воспоминанію Данилевскаго, оно было слишкомъ „capiteux“ (его собственное выраженіе) и не понравилось также сосѣдямъ, бывшимъ съ ними вмѣстѣ за табль-д'отомъ. Сберегаютъ это вино, какъ имъ объясняли, слѣдующимъ образомъ: обыкновенно изъ столѣтнихъ бутылокъ часть его переливаютъ въ стоявшія девяносто-девять лѣтъ и такъ далѣе по порядку, вслѣдствіе чего всегда остается старое вино, и бочка не исчерпывается. За это удовольствіе путешественники должны были заплатить наполеондоръ (20 франковъ) — цѣна довольно внушительная, особенно если принять въ соображеніе тогдашнюю дешевизну продуктовъ (около полуимперіала золотомъ). По словамъ Данилевскаго, оба они далеко не обладали хорошими средствами и вообще ѣздили очень экономно, но тутъ рѣшились непремѣнно испробовать этотъ знаменитый рейнвейнъ.

Послѣ Бремена передъ Гоголемъ по-очереди быстро промелькнули Дюссельдорфъ, а затѣмъ земли мекленбургскія, ганноверскія, прусскія и датскія; хотя онъ проѣхалъ ихъ „медленной нѣмецкой ѣздой“, но нигдѣ не останавливался и ничѣмъ особенно не заинтересовался. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ Ахенъ, гдѣ, впрочемъ, несмотря на прежнее намѣреніе пробыть тамъ мѣсяцъ или два, остался не болѣе

---

1) Раньше задатки этой страсти проявлялись лишь въ статьяхъ объ архитектурѣ.

2) См. также «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 268.

3) Тамъ же, стр. 268.

нѣсколькихъ дней. Его предположеніе заняться тамъ изученіемъ иностранныхъ языковъ не состоялось и было отложено на неопредѣленное время. Черезъ нѣсколько времени, пріѣхавъ въ Швейцарію (въ Женеву), Гоголь думалъ-было возобновить свои занятія, но осуществилъ это — и то только отчасти — позднѣе въ Парижѣ, гдѣ онъ бралъ съ Данилевскимъ уроки итальянскаго языка у одного молодого француза Ноэля, между тѣмъ какъ въ Женевѣ онъ скоро сталъ тяготиться уроками и пришелъ къ заключенію, что для подобныхъ лингвистическихъ упражненій давно прошло время („Въ семъ городѣ", т.-е. въ Женевѣ, „я былъ въ пансіонѣ, гдѣ начиналъ было собачиться по-французски, но, смекнувъ, что мы съ тобой" — Данилевскимъ — „для пансіоновъ нѣсколько поустарѣли, удралъ въ Веве" [1]).

Хотя Гоголь и Данилевскій двинулись въ Ахенъ изъ Бремена, тѣмъ не менѣе Ахенъ произвелъ на нашихъ путниковъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе. „Ахенъ, гдѣ мы проскучали нѣсколько дней, обильно, но плохо обѣдали въ нарядныхъ гостиницахъ, задыхались отъ пыли на гуляньѣ, понятно, оставилъ въ Гоголѣ не особенно пріятное впечатлѣніе", разсказывалъ Данилевскій. Это показаніе вполнѣ согласно съ письмами Гоголя. Когда года черезъ три Данилевскій звалъ его снова пріѣхать въ Ахенъ, Гоголь отвѣчалъ, что „одна мысль объ Ахенѣ, трактирѣ Карломановомъ и о несчастнѣйшемъ, покрытомъ пылью гуляньѣ, и о болѣзни, которая тамъ приключилась съ его горломъ, отвращаетъ его отъ этой поѣздки" [2]) Зато по выѣздѣ изъ Ахена ожидали Гоголя высокія наслажденія живописными ландшафтами береговъ Рейна.

Главной причиной разочарованія Гоголя въ Ахенѣ было, конечно, то, что ему нравились преимущественно оживленные города, въ то же время удовлетворявшіе и эстетиче-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 282. По словамъ Данилевскаго, этотъ пансіонъ былъ въ предмѣстьѣ Женевы, въ Les eaux vives.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 444. — Упоминаемый въ томъ же письмѣ красный Э***, которому въ Ахенѣ «посчастливилось узнать врага своего», не былъ названъ мнѣ А. С. Данилевскимъ, а самое письмо оказалось въ числѣ немногихъ утраченныхъ (розданныхъ на память о Гоголѣ). Въ копіи письма, находящейся въ бумагахъ покойнаго Н. С. Тихонравова, эта фамилія приведена en toutes lettres: Энгельгардтъ.

скимъ наклонностямъ, и страсти къ наблюденіямъ, тогда какъ въ Ахенѣ было мало пищи для того и для другого, особенно вслѣдствіе крайне замкнутаго образа жизни значительной части населенія. Но здѣсь, какъ и всюду, ему чрезвычайно понравился изящный соборъ, съ окнами отъ земли до самаго верха, благодаря которымъ вся церковь свѣтла, какъ оранжерея[1]). Во всемъ остальномъ впечатлѣніе отъ Ахена осталось у Гоголя самое неблагопріятное, совершенно противоположное вынесенному имъ изъ знакомства съ Гамбургомъ. „Ахенъ", — говоритъ онъ, между прочимъ, о его наружномъ видѣ, — „лежитъ въ долинѣ и виденъ, какъ на ладони, если взойти на одну изъ окружающихъ его горъ. Видъ его издали хорошъ, но вблизи ничто не поразитъ сильно, выключая развѣ вони. На водахъ здѣшнихъ ведутъ жизнь самую скучную, потому что всѣ воды находятся въ городѣ, а не за городомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Оттого всѣ почти отдѣлены другъ отъ друга"[2]).

Въ заочномъ преждевременномъ предпочтеніи Ахена другимъ германскимъ городамъ, которые собирался посѣтить Гоголь, видную роль играло, безъ сомнѣнія, историческое значеніе этого города; но интересы собственно археологическіе были у поэта въ сущности довольно слабы и онъ относился къ осматриваемымъ историческимъ достопримѣчательностямъ далеко не настолько внимательно, какъ можно было бы ожидать отъ бывшаго профессора, только-что оставившаго каѳедру исторіи, и вообще отъ человѣка, дѣйствительно интересующагося наукой. Насколько Ахенъ заранѣе привлекалъ Гоголя связанными съ нимъ великими воспоминаніями, настолько послѣ поверхностнаго съ нимъ ознакомленія онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на нашего путешественника, гораздо болѣе искавшаго живыхъ впечатлѣній настоящей минуты, нежели склоннаго отдаваться изученію отжившей старины[3]). Если впослѣдствіи остатки древностей въ Римѣ возбуждали въ немъ живой восторгъ, то, конечно, главнымъ образомъ — своей художественно-живописной стороной.

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 269.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», V, 268—269.

[3]) Тамъ же, стр. 444.

II.

Въ Ахенѣ Гоголь разстался съ Данилевскимъ, и они стали выбирать маршрутъ каждый по своему вкусу. Это было въ первыхъ числахъ іюля 1836 года. Здѣсь повторилась старая исторія: несмотря на чуть не клятвенный уговоръ какъ можно чаще писать другъ другу, ихъ переписка сначала опять не клеилась было, и притомъ, какъ всегда, по винѣ Данилевскаго. Гоголю пришлось наводить о немъ справки даже въ Россіи, такъ какъ онъ окончательно терялъ его, Данилевскаго, изъ виду. Уже въ концѣ сентября освѣдомлялся онъ у Марьи Ивановны, не знаетъ ли она чего-нибудь о его другѣ: „Не пишетъ ли Данилевскій своей матери? Узнайте и извѣстите меня о его адресѣ. Я ничего о немъ не знаю съ того времени, какъ съ нимъ разстался". Около того же времени наудачу писалъ Гоголь и въ Петербургъ къ Прокоповичу: „Пишетъ ли къ тебѣ Данилевскій? Я три мѣсяца, какъ разстался съ нимъ, и не получаю отъ него ни строчки, и не знаю даже, гдѣ онъ теперь. Увѣдоми меня и пришли его адресъ, если имѣешь"[1]). Но на свѣдѣнія изъ Россіи была, безъ сомнѣнія, также плохая надежда. Очевидно, Гоголь, соскучившись безъ извѣстій о другѣ, посылаетъ свои запросы, такъ сказать, на всякій случай, въ томъ предположеніи, что такое упорное молчаніе, чего добраго, при извѣстной лѣни Данилевскаго можетъ продолжаться еще неопредѣленное время. Въ этомъ же письмѣ къ Прокоповичу Гоголь спрашивалъ у него еще: „Получилъ ли ты письмо Данилевскаго, писанное изъ Гамбурга, при которомъ была моя приписочка?[2]). Здѣсь, слѣдовательно, кромѣ неаккуратности корреспондента предполагались еще другія причины неисправнаго полученія писемъ. Между тѣмъ пока Гоголь путешествовалъ по Швейцаріи и ему удавалось проводить время въ пріятномъ обществѣ Балабиныхъ и Репниныхъ, онъ еще не чувствовалъ тягости одиночества, видя

---

[1]) Вотъ маленькая записка Гоголя къ Данилевскому, относящаяся, вѣроятно, къ 1838 г., характеризующая неисправность Данилевскаго какъ корреспондента: «Ни слова, ни полслова и никакого словечка! Но, можетъ-быть, тебѣ тяжело писать. Если дастъ Богъ и мои силы, труды и здоровье позволятъ, то, можетъ-быть, будущую зиму мы увидимся въ Россіи. Прощай, цѣлую тебя. Твой *Гоголь*».

[2]) См. «Русское Слово», письма Гоголя къ Прокоповичу, 1859, I, 87 и 90 стр.

себя посреди уважаемыхъ и любимыхъ людей, но зато сиротство его стало вдвойнѣ ощутительно послѣ разлуки съ ними, и тогда Гоголь, узнавъ уже адресъ Данилевскаго, написалъ ему приглашеніе, чтобы онъ поскорѣй поспѣшилъ пріѣхать въ Лозанну или Веве.

Кочуя вмѣстѣ по разнымъ городамъ Италіи, Швейцаріи и Франціи, Гоголь и Данилевскій, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, жили преимущественно одинаковыми впечатлѣніями, интересами и отчасти на одни и тѣ же средства, т.-е. на тѣ деньги, какія случались у каждаго изъ нихъ. Ихъ отношенія были истинно-товарищескія, и на чужбинѣ они находили другъ въ другѣ опору и отраду. Они то оставляли другъ друга на непродолжительное время, то снова встрѣчались въ какомъ-нибудь заранѣе условленномъ пунктѣ, будучи неразрывно связаны между собою. Они ничѣмъ не были стѣснены въ своихъ маршрутахъ: выборъ мѣста жительства обусловливался самыми разнообразными соображеніями, но всего чаще зависѣлъ отъ случайныхъ встрѣчъ съ друзьями и знакомыми, на которыя оба были необыкновенно счастливы. Такъ, замѣчательно, что Гоголь во время своихъ многолѣтнихъ странствованій за-границей весьма рѣдко не вращался въ дружескомъ кругу соотечественниковъ. Въ Италіи онъ долго жилъ съ Балабиными и Репниными (особенно въ Неаполѣ и Кастелламаре) и съ ними же былъ одновременно въ Баденъ-Баденѣ; въ Ниццѣ и также въ Римѣ онъ жилъ не разъ съ Ивановымъ, Смирновыми и Віельгорскими, въ Римѣ въ 1839 г. лѣтомъ съ Жуковскимъ, Погодиными (мужемъ и женой) и Шевыревыми; нѣсколько разъ встрѣчался въ разныхъ городахъ и жилъ вмѣстѣ въ Римѣ съ П. В. Анненковымъ и проч. (Данилевскій не былъ введенъ въ свѣтскій кружокъ своего друга, и изъ названныхъ лицъ зналъ еще съ 1832 г. Анненкова, а съ остальными познакомился только поверхностно черезъ Гоголя за-границей; но все существенное, касавшееся отношеній къ кружку Гоголя, ему было хорошо извѣстно). Разница въ характерѣ странствованій обоихъ заключалась преимущественно въ томъ, что тогда какъ неугомонная любознательность, не давая покоя Гоголю, влекла его все впередъ и, побуждая мѣнять мѣстопребываніе, заставляла вести тревожный образъ жизни, — Данилевскій, также любознательный и воспріимчивый, по-

жалуй, даже болѣе живой по темпераменту, но любившій больше спокойную нѣгу и комфортъ, предпочиталъ неторопливое изученіе немногихъ избранныхъ мѣстъ. Частые переѣзды Гоголя удивляли многихъ, въ томъ числѣ и его мать, которая, какъ всегда, сдѣлала неудачное предположеніе о причинѣ ихъ. Гоголь отвѣчалъ ей: „Вы удивляетесь, что я скоро летаю съ мѣста на мѣсто, а я, напротивъ того, удивляюсь тому, что я двигаюсь необыкновенно медленно. Вы къ этому присоединяете ту же минуту свою догадку; но ваши догадки (не разсердитесь, маменька), всегда были невпопадъ. Вы думаете, что я оттого такъ скоро перемѣняю мѣста, что имѣю недостатокъ въ деньгахъ, между тѣмъ какъ я въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы долѣе сидѣть на одномъ мѣстѣ, потому что ѣздить здѣсь несравненно дороже, нежели сидѣть на мѣстѣ"[1]). Данилевскій, напротивъ, замѣшкался долго въ разныхъ нѣмецкихъ курортахъ, когда Гоголь, подъ вліяніемъ безпокойной страсти къ новымъ впечатлѣніямъ, успѣлъ уже совершить поѣздку по Рейну и направить путь въ Швейцарію...

III.

Выѣхавъ изъ Ахена гораздо ранѣе предположеннаго срока, Гоголь согласно составленному прежде плану, заѣхалъ въ Кёльнъ и, прокатившись по Рейну, посвятилъ нѣкоторое время на посѣщеніе наиболѣе извѣстныхъ „курортовъ". Съ этихъ поръ онъ уже вступаетъ въ новый фазисъ путешествія, существенно отличающійся отъ перваго какъ нѣкоторымъ утомленіемъ, наступившимъ послѣ усиленнаго осмотра достопримѣчательностей въ разныхъ видѣнныхъ имъ мелькомъ городахъ, такъ и тѣмъ, что онъ понемногу совершенно втянулся въ скитальческую жизнь и освоился съ чуждымъ бытомъ и обстановкой, тогда какъ прежде его, какъ неопытнаго новичка, тянуло поскорѣе насладиться заманчивыми и неизвѣданными впечатлѣніями, на которыя онъ набрасывался съ жадностью, какъ это видно изъ его писемъ, наполненныхъ подробными разсказами о видѣнномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что излишне частые переѣзды, мѣшая сосредото-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 273.

ченности наблюденій, всегда мѣткихъ и живыхъ, но тѣмъ не менѣе поверхностныхъ, въ то же время исключали всякую заботу о сколько-нибудь установившемся образѣ жизни, а тѣмъ болѣе всякую мысль о возобновленіи въ это время литературныхъ работъ. Безпрестанно переносясь съ мѣста на мѣсто, Гоголь еще слишкомъ мало заботился, повидимому, о подробностяхъ будущаго устройства своей жизни (хотя въ главныхъ своихъ потребностяхъ ему удалось, благодаря содѣйствію Жуковскаго, обезпечить себя еще до выѣзда изъ Петербурга [1]) и, отдаваясь настоящему, единственно удовлетворялъ своей склонности туриста.

Такъ продолжалось около мѣсяца, по прошествіи котораго мы видимъ его уже въ новомъ настроеніи. Временная усталость сказалась, однако, не только въ потребности отдыха, но еще болѣе въ нѣкоторой вялости воспринимаемыхъ впечатлѣній. Мы видѣли, какъ съ большимъ воодушевленіемъ онъ передавалъ недавно матери и меньшимъ сестрамъ малѣйшія подробности видѣннаго; теперь, напротивъ, онъ о многомъ не упоминаетъ вовсе, о другомъ говоритъ неохотно и вяло. Такъ, мы могли бы ожидать хотя небольшого описанія знаменитаго кёльнскаго собора, послѣ подробнѣйшихъ сообщеній о другихъ, гораздо менѣе любопытныхъ готическихъ соборахъ, но о немъ, къ удивленію, Гоголь нигдѣ не обмолвился ни однимъ словомъ. Еще поразительнѣе могутъ показаться его нѣсколько даже раздражительные отвѣты на разспросы друзей о поѣздкѣ по Рейну, о которой онъ заранѣе писалъ матери, что ему „изъ Кёльна предстоитъ самое пріятное путешествіе на пароходѣ по Рейну". „Это совершенная галлерея", — прибавлялъ онъ съ восхищеніемъ: — „съ обѣихъ сторонъ города, горы, утесы, деревни, словомъ — виды, которыхъ вы даже на эстампахъ рѣдко встрѣчали" [2]). Но въ тонѣ первыхъ же строкъ слѣдующаго письма уже замѣтны слѣды усталости: „Получили ли вы мое письмо изъ Ахена"? — спрашивалъ онъ: — „съ того

---

[1]) См. «Русскій Архивъ, 1871, 4—5, 951: «Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу» и проч.; здѣсь же далѣе читаемъ: «Изъ Петербурга я едва только вывезъ двѣ тысячи, но, можетъ-быть, съ ними я протяну какъ-нибудь до октября, а въ октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ вручить тысячу слишкомъ» (стр. 951—952).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 269.

времени много городовъ, большихъ и малыхъ, промелькнуло мимо меня, и едва могу припомнить имена ихъ. Только путешествіе по Рейну осталось въ моей памяти". Тотчасъ послѣ этого онъ уже прямо сознается: „Два дня шелъ пароходъ нашъ, и безпрестанные виды надоѣли мнѣ. Глаза устаютъ совершенно, какъ въ панорамѣ или въ картинѣ" [1]). Прокоповичу Гоголь уже окончательно отказывается передавать свои впечатлѣнія и описывать виды, говоря: „я не пишу къ тебѣ о всѣхъ городахъ и земляхъ, которые я проѣхалъ, во-первыхъ, потому, что о половинѣ ихъ писалъ къ тебѣ Данилевскій, котораго перо и взглядъ, можетъ-быть, живѣе моихъ, а во-вторыхъ, потому, что право нечего о нихъ писать. Изъ всѣхъ воспоминаній моихъ осталось только воспоминаніе о безконечныхъ обѣдахъ, которыми преслѣдуетъ меня обжорливая Европа, и то потому, что ихъ хранитъ желудокъ, а не голова" [2]).

Несмотря на утомленіе, нѣкоторое время Гоголь все еще продолжалъ слишкомъ неумѣренно подвергать себя притоку новыхъ впечатлѣній: уже одинъ бѣглый перечень мѣстъ, въ которыхъ онъ успѣлъ перебывать послѣ Ахена въ продолженіе какихъ-нибудь десяти дней, невольно поражаетъ, особенно если принять въ соображеніе, что въ этотъ коротокій промежутокъ онъ былъ также въ Кельнѣ, проѣхалъ по Рейну и остановился, хотя не надолго, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, городѣ, наиболѣе понравившемся ему послѣ Гамбурга изъ всѣхъ нѣмецкихъ городовъ, хотя онъ не хотѣлъ оставаться въ немъ по антипатіи къ „жидовскимъ городамъ" [3]). „Я не могу до сихъ поръ выбраться изъ минеральныхъ водъ; проѣхалъ Ахенъ, теперь пошли другія: Крейцнахъ, Баденъ-Баденъ, эмскія, висбаденскія, шлангенбадскія, лангенъ-

---

[1]) Тамъ же, 269—270.

[2]) «Русское Слово», 1859, I, 88. — Содержаніе этого письма сдѣлалось потомъ извѣстно Краевскому, поднявшему Гоголя на смѣхъ въ письмѣ своемъ къ Погодину. («Вся пройденная имъ Европа показалась ему трактиромъ»). Очевидно, Прокоповичъ не предвидѣлъ такого отношенія Краевскаго, читая ему письмо своего друга (см. «Жизнь и труды Погодина», т. IV, стр. 340).

[3]) Тамъ же, стр. 89. — Гоголь называетъ тутъ же Франкфуртъ «городкомъ-щеголемъ». Въ немъ ему больше всего нравилось, что «прекраснѣйшій садъ окружаетъ весь городъ и служитъ ему стѣною», жидовскимъ же городомъ онъ называетъ его, вѣроятно, потому, что тамъ рѣзко бросается въ глаза ужасный, по скученности населенія, еврейскій кварталъ.

швальбахскія, словомъ — несчетное множество“ [1]). Такая лихорадочная быстрота передвиженія, конечно, не могла долго продолжаться: собравшись ѣхать изъ Франкфурта въ Швейцарію, Гоголь долѣе, чѣмъ предполагалъ, остановился въ Баденъ-Баденѣ, чему особенно способствовала неожиданная встрѣча съ нѣсколькими знакомыми русскими семействами; къ тому же очаровательное мѣстоположеніе Баденъ-Бадена приводило его въ восхищеніе. По словамъ Гоголя, „оно такъ картинно, что можно только кистью, а не перомъ нацарапать. Городъ между горами, раскинутыми на уступѣ одной изъ нихъ“ [2]) и проч.

Въ числѣ семействъ, встрѣченныхъ Гоголемъ въ Баденъ-Баденѣ, онъ особенно сблизился съ Балабиными и Репниными. По слышаннымъ нами воспоминаніямъ княжны В. Н. Репниной, родные ея находились въ то время въ Баденъ-Баденѣ, потому что тамъ временно проживала жена графа Кушелева-Безбородко, мать извѣстнаго впослѣдствіи основателя и перваго редактора „Русскаго Слова“. Въ недавнее время отъ этого далекаго прошлаго покойная Репнина припоминала лишь немногое; но общее настроеніе Гоголя въ Баденѣ ей было хорошо памятно. „Мы скоро съ нимъ сошлись“, — разсказывала она намъ; — „онъ былъ очень оживленъ, любезенъ и постоянно смѣшилъ насъ“. По словамъ княжны Репниной, Гоголь ежедневно заходилъ къ нимъ, сдѣлался совершенно своимъ человѣкомъ и любилъ бесѣдовать съ бывшей своей ученицей, Марьей Петровной Балабиной (нынѣ госпожей Вагнеръ) и съ ея матерью, Варварой Осиповной. Варвара Николаевна Репнина, замѣтивъ пристрастіе Гоголя къ десерту и лакомствамъ, старалась ему угодить и, желая доставить ему удовольствіе, собственноручно приготовляла для него компотъ, который чрезвычайно нравился Гоголю; такой компотъ онъ обыкновенно называлъ „главнокомандующимъ всѣхъ компотовъ“ [3]). Въ это время Гоголь неподражаемо-превосходно читалъ Марьѣ Петровнѣ Балабиной „Ревизора“ и „Записки Сумасшедшаго“, и своимъ чтеніемъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ [4]); а когда онъ дошелъ однажды до того мѣста,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 270.

[2]) «Русское Слово», 1859, 1, 89.

[3]) Ср. въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. V, стр. 278.

[4]) «Русск. Архивъ», 1890, X, 227—228.

въ которомъ Поприщинъ жалуется матери на производимыя надъ нимъ истязанія, Варвара Осиповна Балабина не могла выдержать и зарыдала[1]). О себѣ княжна Репнина прибавляетъ по этому поводу, что, съ молодыхъ лѣтъ никогда не посѣщая театра, она, — единственно благодаря необыкновенно мастерскому чтенію Гоголя и особенно его искусству, перемѣняя голосъ, произносить весьма типично діалоги дѣйствующихъ лицъ, — заранѣе составила себѣ удовлетворительное и вѣрное представленіе о театрѣ[2]).

Благодаря такому пріятному сообществу въ Баденѣ, Гоголь совершенно отдохнулъ отъ усталости физической и нравственной и замѣтно оживился, тогда какъ прежде его изнеможеніе доходило до апатіи („Мѣстъ для гулянья въ окружности страшное множество; но на меня напала такая лѣнь, *что никакъ не могу приневолить себя все обсмотрѣть*. Каждый день собираюсь пораньше встать, и всегда почти просплю“[3])...). Съ другой стороны, важно то, что онъ именно здѣсь *въ первый разъ* вступилъ, неожиданно для самого себя, на новый путь постояннаго общенія съ временно-проживающими за-границей знатными соотечественниками. Впослѣдствіи, какъ было уже сказано выше, Гоголя не мало упрекали въ литературѣ, — а раньше въ письмахъ, — нѣкоторые изъ наиболѣе близкихъ его друзей[4]) за предполагаемое въ немъ стремленіе во что бы то ни стало войти въ аристократическія сферы, гдѣ, какъ обыкновенно полагали, ему приходилось играть не очень завидную роль. Не принимая здѣсь на себя защиты Гоголя передъ потомствомъ въ данномъ отношеніи[5]), мы указали бы лишь на то, что

---

[1]) Подобный же случай повторился однажды, также за-границей, въ семействѣ Смирновыхъ: когда Гоголь читалъ «Шинель», то семилѣтняя дѣвочка, которая играла въ другой комнатѣ и на которую не обращали вниманія, неожиданно разразилась такими рыданіями, что ее ничѣмъ не могли успокоить. (См. «Nouvelle Revue», 1885, novembre, p. 14). Эта дѣвочка была покойная О. Н. Смирнова.

[2]) О томъ же см. въ воспоминаніяхъ В. Н. Репниной въ «Русскомъ Архивѣ», 1890, X, 227—228.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 271.

[4]) «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, 34—38.

[5]) Во всякомъ случаѣ полезно здѣсь напомнить слова Чернышевскаго: «Какъ осуждать отдѣльнаго человѣка за то, въ чемъ виновато все общество?» («Критическія статьи», стр. 136). Но не менѣе справедливо его же заключеніе о томъ, что нельзя считать Гоголя человѣкомъ искательнымъ и подобострастнымъ.

первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ явилась непредвидѣнная встрѣча и быстро послѣдовавшая за нею короткость съ Балабиными и Репниными, изъ которыхъ съ первыми онъ былъ хорошо знакомъ еще въ Петербургѣ.

О семействѣ Балабиныхъ покойный академикъ Я. К. Гротъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Петръ Ивановичъ Балабинъ былъ отставной генералъ корпуса жандармовъ. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на Англійской набережной, близъ Николаевскаго моста. Супруга его, Варвара Осиповна, француженка по происхожденію, была женщина чрезвычайно образованная, начитанная, съ тонкимъ вкусомъ въ оцѣнкѣ произведеній литературы и искусствъ. У нихъ были два сына и дочь. Одинъ изъ братьевъ, покойный Викторъ Петровичъ, былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, другой, Евгеній, проживаетъ въ Парижѣ, какъ членъ ордена іезуитовъ. Когда Гоголь началъ пріобрѣтать извѣстность, Плетневъ ввелъ его въ домъ Балабиныхъ, и будущій авторъ „Мертвыхъ Душъ“ сдѣлался учителемъ даровитой и любознательной Маріи Петровны (впослѣдствіи госпожи Вагнеръ[1])“. Съ Репниными же Гоголь познакомился по родству съ Балабиными, также уже давно. Не смотря на то, не легко было Гоголю обращаться къ кн. Репнину, еще въ бытность свою въ Петербургѣ, однажды съ просьбой по какому-то дѣлу его зятя П. О. Трушковскаго и еще тяжелѣе, конечно, было получить отказъ. Въ пропущенныхъ въ изданіи г. Кулиша строкахъ письма Гоголя къ матери отъ 10 февраля 1836 г. есть между прочимъ указаніе на эту просьбу домашнихъ: „Я получилъ ваши письма оба, но медлилъ отвѣчать на нихъ, потому что ожидалъ отвѣта князя Репнина по дѣлу Павла Осиповича, который, къ сожалѣнію, заключаетъ въ себѣ отказъ“ и далѣе: „А сестрѣ Маріи, которую при семъ случаѣ обнимаю заочно, скажите, что я ничего не могъ успѣть по ея просьбѣ, о чемъ я извѣстилъ Павла Осиповича особеннымъ письмомъ. Я заклялся о чемъ-нибудь просить послѣ этого случая и при этомъ случаѣ я только подтвердилъ старую свою истину, *которой я всегда слѣдовалъ*, — что человѣкъ долженъ возлагать надежду только на Бога и на себя. *Я никогда для себя не просилъ* и только для Павла Осиповича рѣшился нарушить это правило“...

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», XI, 1890, 36.

Гораздо ближе, чѣмъ съ старымъ княземъ Репнинымъ и съ старикомъ Балабинымъ, Гоголь подружился съ ихъ семействами: Елизавета Петровна Балабина, старшая дочь Петра Ивановича и Варвары Осиповны Балабиныхъ, была замужемъ за Василіемъ Николаевичемъ Репнинымъ, единственнымъ братомъ княжны Варвары Николаевны. Со всѣми этими лицами, а также и съ родственникомъ Репниной, кн. Г. П. Волконскимъ, Гоголь отчасти знакомъ былъ еще въ Петербургѣ. Чрезвычайно важны поэтому его слова въ письмѣ къ матери, отъ 14-го (26) августа 1836 г., изъ Бадена: „Теперь живу на знаменитыхъ водахъ баденъ-баденскихъ, *куда заѣхалъ на три дня, и откуда уже три недѣли не могу выбраться*“[1]); а также слова предыдущаго письма, гдѣ онъ просилъ мать адресовать письма въ Швейцарію — въ Лозанну, куда надѣется пріѣхать *на слѣдующей недѣлѣ*[2]). Въ письмѣ къ Прокоповичу онъ прямо объясняетъ свою продолжительную остановку въ Баденъ-Баденѣ тѣмъ, что встрѣтилъ „много знакомыхъ“[3]); но онъ ошибается и преувеличиваетъ, говоря, что пробылъ тамъ почти мѣсяцъ, такъ какъ по приблизительному разсчету онъ могъ прожить тамъ только отъ 14-го или 15-го іюля до 4-го августа 1836 г.

Встрѣча съ Балабиными была совершенно не подготовленная и не предвидѣнная, а промедленіе въ Баденѣ является слишкомъ понятнымъ и естественнымъ при существовавшихъ уже раньше между Гоголемъ и Балабиными дружественныхъ отношеніяхъ.

Какъ въ Ахенѣ Гоголь неожиданно отступилъ отъ заранѣе составленнаго плана, оставивъ раньше времени этотъ городъ, въ которомъ не нашелъ ничего, что̀ могло бы удержать его, такъ точно совершенно въ разрѣзъ съ этимъ планомъ онъ загостился теперь въ Баденъ-Баденѣ. Между тѣмъ въ жизни, свободной отъ строгаго режима, установившагося обычая и проложенной колеи, одинъ непредвидѣнный шагъ легко и незамѣтно можетъ повлечь за собой многіе другіе въ томъ же родѣ, что̀ имѣло на этотъ разъ особенное значеніе въ виду совпаденія его съ наступленіемъ того критическаго момента,

---

1) «Соч. и письма Гог.», т. V, стр. 271.

2) Тамъ же, стр. 270.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 271 и «Русск. Слово», 1859, 1, 89.

когда прежній временный modus vivendi долженъ былъ такъ или иначе уступить иному, болѣе постоянному[1]).

Прощаясь съ Марьей Петровной Балабиной, Гоголь условился вести съ ней переписку и даже сообщать ей всѣ самыя ничтожныя и малѣйшія подробности своихъ впечатлѣній. Теперь онъ уже слѣдитъ за продолженіемъ ея пути[2]) и не выпускаетъ изъ виду такъ радушно принявшее его въ Баденѣ семейство, а иногда и соображаетъ съ этимъ свой маршрутъ ради новой встрѣчи, безъ сомнѣнія чрезвычайно пріятной и желательной на чужбинѣ. До сихъ поръ его единственнымъ дорогимъ спутникомъ и товарищемъ былъ Данилевскій; теперь для него становятся такими же желанными встрѣчи съ Балабиными.

Въ первомъ же письмѣ изъ Швейцаріи, согласно уговору, Гоголь въ шутливомъ тонѣ разсказываетъ своей бывшей ученицѣ, какъ и куда онъ двинулся послѣ ихъ разлуки, какъ, пообѣдавъ въ гостиницѣ, сѣлъ въ дилижансъ, отправлявшійся въ Веве, и все до послѣдней мелочи, что̀ только произошло съ нимъ въ дорогѣ. Въ заключеніе онъ прибавляетъ: „Еще одно, не въ шутку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маменьку пріѣхать сегодня же или завтра въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву“[3]). Истощая доводы въ пользу совѣтуемой поѣздки, Гоголь, наконецъ, предлагаетъ Балабиной и свои услуги проводить ее обратно отъ Веве до Лозанны. По воспоминаніямъ В. Н. Репниной, Гоголь былъ чрезвычайно ласковъ и почтителенъ со старухой Балабиной и всегда цѣловалъ у нея руку; онъ съ нею состоялъ отчасти въ перепискѣ[4]) и былъ еще дружнѣе, нежели

---

[1]) Какая противоположность съ лѣтомъ 1837 года, когда, по случаю холеры въ Италіи, Гоголь долженъ былъ снова уѣхать въ Баденъ и тамъ совершенно умиралъ со скуки. Тогда онъ писалъ Прокоповичу: «Я не дождусь, покамѣстъ пройдетъ мѣсяцъ, который мнѣ нужно убить на здѣшнихъ водахъ». («Русское Слово», 1859, 1, 104). Вообще Гоголь въ своихъ маршрутахъ руководился больше разными случайностями, нежели лѣченіемъ.

[2]) Вскорѣ послѣ свиданія съ Гоголемъ въ Баденъ-Баденѣ Марья Петровна Балабина ѣздила не надолго въ Антверпенъ и Брюссель («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 277), гдѣ жилъ ея дѣдъ, отецъ Варвары Осиповны, monsieur Paris.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 280—281.

[4]) См. «Русское Слово», 1860, XII, отд. 3, стр. 28. (Тамъ въ оглавленіи письмо по ошибкѣ обозначено: М. П. Балабиной, которой въ дѣйствительности адресовано только второе, непосредственно затѣмъ напечатанное письмо).

съ ея молодой дочерью; но на этотъ разъ онъ все-таки почему-то не хотѣлъ писать ей лично и просилъ дочь замолвить слово въ пользу его проекта...

IV.

Виды Швейцаріи, особенно ея величественныя снѣговыя горы, скоро снова привели Гоголя въ восторженное состояніе, и оно отразилось особенно въ письмахъ къ М. П. Балабиной, которой онъ съ восхищеніемъ говорилъ: „Я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; мы будемъ идти прекраснѣйшей долиной" [1]), и проч. Съ такимъ же почти восторгомъ онъ описывалъ матери свое восхожденіе на Альпы до снѣговой линіи. Но все это было вначалѣ. Спустя мѣсяцъ Гоголь охладѣлъ такъ же и къ видамъ Швейцаріи, какъ прежде ко всему, что̀ встрѣчалось ему на пути черезъ разныя мѣста Германіи. Въ концѣ сентября 1836 г. онъ писалъ Прокоповичу: „Что̀ тебѣ сказать о Швейцаріи? Все виды да виды, такіе, что мнѣ отъ нихъ становится, наконецъ, тошно, и еслибы мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и съ сѣренькимъ небомъ, то я былъ бы въ состояніи имъ восхищаться, какъ новымъ" [2]).

А между тѣмъ еще такъ недавно, отправляясь въ Швейцарію, Гоголь заранѣе склоненъ былъ восторгаться прекрасными и величественными картинами природы; еще когда онъ предавался наслажденіямъ плѣнительными видами береговъ Рейна, онъ сгоралъ уже нетерпѣніемъ увидѣть грандіозное зрѣлище альпійскихъ снѣговыхъ горъ. Тѣмъ болѣе, собираясь предпринять это путешествіе, онъ предвкушалъ восторги и, какъ мы знаемъ, съ увлеченіемъ писалъ матери о рейнскихъ ландшафтахъ: „Это совершенная картинная галлерея: съ обѣихъ сторонъ города, горы, утесы, деревни, словомъ — виды, которыхъ вы даже на эстампахъ рѣдко видали". Въ каждомъ слѣдующемъ письмѣ описываются новые виды. Вскорѣ оказалось, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ преждевременное заочное очарованіе поэта было уже черезъ-чуръ преувеличено, и потому дѣйствительность не всегда уже его удо-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V. стр. 281.

2) «Русское Слово», 1859, 1, 88.

влетворяла. Онъ не разъ, напримѣръ, повторялъ потомъ въ своихъ письмахъ, что на него особенно сильное впечатлѣніе произвели только „ледяные богатыри Альпъ да старыя готическія церкви“[1]), тогда какъ многіе города, большіе и малые, промелькнули мимо него, и онъ уже едва помнилъ ихъ имена. Но путешествіемъ по Рейну онъ остался чрезвычайно доволенъ, хотя и долженъ былъ сознаться, что безпрестанные виды „подъ конецъ ему надоѣли“.

Во всякомъ случаѣ многое изъ того, что̀ пока сохраняло для него полное обаяніе, вскорѣ послѣ очарованія красотами Италіи показалось уже бѣднымъ и непривлекательнымъ (по склонности своей къ увлеченію послѣдними, онъ сравнивалъ потомъ Швейцарію чуть не съ Сибирью, а климатъ Женевы онъ и прежде называлъ уже иркутскимъ). Сначала онъ весьма усердно осматривалъ и изучалъ Швейцарію, восходилъ на снѣговыя горы, напр. даже на Монбланъ, а потомъ, отдыхая отъ бремени впечатлѣній, усердно принялся перечитывать и изучать любимыхъ корифеевъ иностранной литературы и, наконецъ, засѣлъ въ Веве за „Мертвыя Души“. Теперь онъ испытывалъ могучій приливъ вдохновенія, какого еще не зналъ раньше, и который уже никогда не возвращался къ нему послѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сороковыхъ годахъ Гоголь работалъ уже туго и вымучивалъ изъ себя вдохновеніе, все болѣе и болѣе отказывавшееся ему служить „по-старому, по-бывалому“. Но пока трудъ у него замѣчательно спорился: случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга, когда Гоголь написалъ въ трактирѣ, при самой отчаянно неудобной обстановкѣ, цѣлую главу „Мертвыхъ Душъ“ за одинъ присѣстъ, доказываетъ справедливость нашихъ словъ[2]). Вотъ еще нѣсколько строкъ въ письмѣ къ Погодину, показывающихъ, какъ живо представлялась Гоголю на чужбинѣ изображаемая имъ „Русь“: Онъ видѣлъ передъ собой Чичиковыхъ и Собакевичей, какъ живыхъ, и говорилъ по этому поводу: „На Руси есть также изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпежъ глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь

---

[1]) См. «Русское Слово», 1859 г. I, 87 стр. и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 275.

[2]) «Русская Старина», 1872, 1, 24. — Это было вскорѣ въ Италіи.

передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ Русь, — одна только прекрасная Русь: ты, да нѣсколько другихъ близкихъ, да небольшое число заключившихъ въ себѣ прекрасную душу и вѣрный вкусъ“[1])...

Отвлеченный наплывомъ разнородныхъ впечатлѣній, Гоголь нѣсколько поверхностно отнесся къ горю, постигшему его семью въ далекой Полтавѣ: въ это время умеръ его зять, П. О. Трушковскій, человѣкъ, впрочемъ, не пользовавшійся его расположеніемъ, да въ сущности и мало ему знакомый. Съ его именемъ у Гоголя соединялось преимущественно грустное воспоминаніе о разореніи матери, увлеченной его непрактичными совѣтами при учрежденіи кожевеннаго завода въ деревнѣ. Въ отвѣтъ своей матери на полученное печальное извѣстіе Гоголь отнесся и на этотъ разъ къ совершившемуся факту такъ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ къ смерти своего отца: разсудочными доводами онъ старается утѣшить мать и сестру и уговорить ихъ перенести постигшее ихъ горе съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ[2]).

Между тѣмъ, съ наступленіемъ осени, Гоголь весь отдался давно оставленному литературному труду: „Прошатавшись лѣто на водахъ“, — писалъ онъ Жуковскому, — „я перебрался на осень въ Швейцарію. Я хотѣлъ скорѣе усѣсться на мѣстѣ и заняться дѣломъ; для этого поселился въ загородномъ домѣ близъ Женевы“[3]). Но въ Швейцаріи его сильно охватило мучительное чувство одиночества, и хотя онъ забывался за вдохновенной творческой работой и за перечитываніемъ своихъ любимыхъ классиковъ (Шекспира, Мольера и Вальтеръ-Скотта[4]), но не могъ заглушить въ сердцѣ незамѣтно подкравшуюся тоску, особенно когда долженъ былъ отказаться отъ надежды увидѣться въ Веве съ Балабиными. Онъ ежедневно сталъ выходить на пароходную пристань, въ надеждѣ встрѣтить въ густой толпѣ высаживающихся на берегъ пріѣзжихъ кого-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ. Осо-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 274.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 272—273.

3) «Русск. Архивъ», 1871, 4—5, стр. 953.

4) О чтеніи Гоголя за-границей иностранныхъ классическихъ писателей см. также въ «Моихъ воспоминаніяхъ», Ѳ. И. Буслаева («Вѣстникъ Европы», 1891, VII, стр. 212).

бенно хотѣлось бы ему пожить снова съ Данилевскимъ. Онъ такъ соскучился по немъ, что часто видѣлъ его во снѣ. Слѣдующія строки его письма къ Данилевскому изъ Лозанны даютъ понятіе о нетерпѣніи увидѣть друга, такъ сильно овладѣвшемъ Гоголемъ. „Ну, не стыдно ли, не совѣстно ли тебѣ? Какъ можно до сихъ поръ не дать совершенно никакой вѣсти! Я писалъ, писалъ, нѣсколько разъ писалъ въ Крейцнахъ, разослалъ къ тебѣ письма во всѣ нѣмецкіе дорожные города, писалъ на всѣхъ памятникахъ мой адресъ; оставилъ во всѣхъ гостиницахъ къ тебѣ письма. Зато въ наказаніе ты просадишь изрядное количество сантимовъ, если получишь всѣ мои письма“[1]). Гоголь уже прибѣгалъ къ обычному способу успокоенія себя тѣмъ, что небо будто бы намѣренно отдаляло пріятную минуту свиданія, чтобы тѣмъ еще сильнѣе возвысить чувство наслажденія при взаимной встрѣчѣ, и рѣшился вооружиться терпѣніемъ. Въ письмѣ изъ Лозанны онъ говорилъ Данилевскому: „Не знаю, такъ ли я обрадовался бы, еслибы получилъ милліонъ денегъ, какъ обрадовался твоему письму. Почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я видѣлъ тебя безпрестанно во снѣ, и все въ самыхъ неблагопріятныхъ положеніяхъ, такъ что я уже со страхомъ начиналъ о тебѣ развѣдывать и думалъ, ужъ не лучше ли оставаться въ неизвѣстности; но, слава Богу, ты живъ и здоровъ, и я, посылая тебѣ это письмо, лечу вслѣдъ за нимъ самъ (къ тебѣ) въ Парижъ“[2]).

Ежедневно, въ опредѣленные часы, онъ отрывался отъ работы для прогулки на пристань и былъ принужденъ каждый разъ возвращаться съ стѣсненнымъ сердцемъ и досадой на пріѣзжающихъ длинноногихъ „англишей“, которыхъ усердно бранилъ въ письмахъ къ Данилевскому и Балабиной[3]). Оставалось искать утѣшенія въ упорномъ трудѣ, успѣху котораго сильно благопріятствовало уединеніе и возможность сосредоточиться наединѣ. Планъ „Мертвыхъ Душъ“ значительно расширился и уяснился. („Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись“[4]). По утрамъ Гоголь напряженно работалъ,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 281.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 282.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 280 и 282 и друг.

[4]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 954.

„вписывалъ по три страницы въ поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было достаточно, чтобы усладить одинокій день". Все это хранилось въ строжайшей тайнѣ, о которой могли знать только Пушкинъ, Жуковскій и Плетневъ. Впрочемъ, онъ также глухо сообщалъ объ этомъ Данилевскому, не посвящая его во всю тайну. Иногда Гоголь отправлялся прогуливаться по окрестностямъ, вспоминая при этомъ любимыя мѣста Жуковскаго, разсказы котораго и печатные мемуары о путешествіи были ему, конечно, очень памятны[1]).

Настроеніе духа Гоголя опять стало постепенно измѣняться къ лучшему: чѣмъ больше онъ работалъ надъ своей поэмой, тѣмъ больше испытывалъ наслажденіе въ трудѣ, заставлявшее его забывать о всѣхъ невзгодахъ. Въ сентябрѣ онъ писалъ матери: „Здѣсь теперь снова начались теплые дни, какъ лѣтомъ, и я спѣшу въ Веве опять воспользоваться ими"[2]). Жуковскому онъ вскорѣ писалъ о Швейцаріи: „Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, а потомъ я привыкъ"[3]). Это настроеніе продолжалось до начала зимы[4]).

Наконецъ, получивъ письмо отъ Данилевскаго съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ въ Парижѣ, онъ не выдержалъ и поѣхалъ къ Данилевскому въ столицу міра, въ которую давно уже переселился послѣдній послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Висбаденѣ. Гоголь почти немедленно собрался въ путь для свиданія съ другомъ. Прокоповичу онъ прямо объяснилъ, что, узнавъ отъ Данилевскаго о его скукѣ въ Парижѣ, рѣшился ѣхать раздѣлить ее съ нимъ. „Я получилъ отъ Данилевскаго письмо", — сообщилъ Гоголь этому другому ближайшему своему школьному товарищу, — „что онъ скучаетъ въ Парижѣ, и рѣшился ѣхать раздѣлить его скуку"[5]). Жуковскому онъ также сообщилъ о томъ, что заѣхалъ въ Парижъ почти противъ намѣренія, и тамъ встрѣтилъ своего двоюроднаго брата, съ которымъ выѣхалъ изъ Петербурга[6]). Если главное побужденіе, которое

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 958.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 276.

[3]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 953.

[4]) Тамъ же; вмѣстѣ съ зимою къ Гоголю вернулись ипохондрія и геморроиды.

[5]) «Русское Слово», 1859, 1, 91.

[6]) „Русск. Архивъ", 1871 г., 4—5, стр. 955. — Гоголь всегда такъ называлъ Данилевскаго.

привело Гоголя въ Парижъ, здѣсь отодвинуто на второй планъ, то это совершенно объясняется незнакомствомъ Жуковскаго съ Данилевскимъ, о которомъ Гоголь здѣсь сообщаетъ ему въ первый разъ. Что во всякомъ случаѣ отсутствіе знакомыхъ побудило Гоголя раньше времени оставить Веве, ясно уже изъ его предположеній по этому поводу. Въ письмѣ къ Погодину, писанномъ въ сентябрѣ, онъ высказывалъ намѣреніе надолго „положить свою дорожную палку въ уголъ и остаться въ Женевѣ или Веве“ [1]). Послѣдній городъ ему очень понравился, и онъ писалъ Данилевскому: „Съ прекрасными синими и голубыми горами, его обнесшими, я сдѣлался пріятель; старая тѣнистая каштановая аллея надъ самымъ озеромъ видала меня каждый день, сидящаго на скамьѣ“ [2]), и проч. Но, несмотря на эти эстетическія наслажденія, всегда высоко цѣнимыя Гоголемъ, онъ тутъ же упоминаетъ, что не нашелъ въ Веве никого изъ русскихъ. Такимъ образомъ, встрѣча съ соотечественниками становится теперь для него почти необходимостью.

Съ другой стороны, рѣшенію Гоголя ѣхать въ Парижъ много способствовала также начавшаяся въ Италіи холера, вслѣдствіе чего первоначальный планъ по необходимости не могъ быть удержанъ въ своей неприкосновенности.

V.

Освободившись отъ первыхъ лихорадочныхъ увлеченій туриста, Гоголь начиналъ вспоминать и объ отсутствующихъ друзьяхъ. Только отношенія его къ Максимовичу, прежде столь дружественныя и близкія, были теперь надолго забыты. Къ Погодину онъ написалъ раньше всѣхъ, а вскорѣ послѣ того и къ Прокоповичу. Въ обоихъ письмахъ, раздѣленныхъ промежуткомъ въ нѣсколько дней, живо отразилось тогдашнее душевное состояніе автора. Особенно дружески привѣтствовалъ онъ Погодина: „Здравствуй, мой добрый другъ! Какъ живешь? Что̀ дѣлаешь? Скучаешь ли? веселишься ли? Или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься?... Богъ въ помощь тебѣ, если занятъ дѣломъ! Пусть весело горитъ

---

1) «Соч. и письма Гоголя»», V, 275.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 282.

передъ тобою свѣча твоя!“ [1]). Эти слова были первымъ обращеніемъ, посланнымъ Гоголемъ на родину, такъ какъ до сихъ поръ во все время своей скитальческой жизни онъ былъ почти совершенно отрѣзанъ отъ всего, что̀ оставилъ въ ней. Неимѣніе опредѣленнаго адреса, вслѣдствіе постоянныхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто, было причиной продолжительнаго перерыва въ сношеніяхъ съ друзьями. Не только случайные корреспонденты, какими были Одоевскій, Вяземскій и, пока, Щепкинъ и Аксаковы, но и такіе постоянные и давніе, какъ Максимовичъ и Погодинъ, молчали. Въ теченіе цѣлаго года, если не считать двухъ-трехъ короткихъ писемъ къ Погодину и Жуковскому и одного къ Плетневу, Гоголь переписывался единственно съ Прокоповичемъ — изъ друзей, оставшихся въ Россіи. Но ему случалось не разъ жаловаться на неполученіе писемъ. Онъ неоднократно напоминаетъ пріятелямъ о томъ, что̀ значитъ получить письмо съ родины[2]). Ему хотѣлось бы знать всѣ извѣстія не только отъ Погодина или Прокоповича, но и отъ Анненкова (Жюля — въ письмахъ), отъ Пащенка и другихъ: „если у нихъ еще руки держатся, то пусть напишутъ, сколько достанетъ терпѣнія“... [3]). „Ты знаешь“, — убѣждаетъ онъ Прокоповича, — „какъ много значитъ здѣсь получить русское письмо, да еще отъ тебя“ [4]). Еще тяжелѣе стало Гоголю, какъ мы видѣли, когда онъ потерялъ изъ виду Данилевскаго. Онъ говорилъ тогда: „Я три мѣсяца не получаю ни отъ кого строчки и не знаю, гдѣ онъ теперь“ [5]). Но даже и тогда, когда впечатлѣнія отъ новыхъ лицъ и новой обстановки сильно поглощали вниманіе Гоголя, они, конечно, не могли наполнить безъ остатка его душу, и ему вспоминались то Погодинъ, то Анненковъ, то, наконецъ, Прокоповичъ, „похаживающій

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 274.

[2]) См., напр., «Русское Слово», 1859, 1, 90—91.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 275, и «Русское Слово», 1859, 1, 90.— Къ И. Г. Пащенко, относится также слѣдующее пропущенное мѣсто въ письмѣ отъ 15 апр. 1839 (тамъ же, стр. 109). «Кстати о Пащенкѣ; только пожалуйста не говори этого, никому. Онъ въ большой чести въ Италіи, не говоря уже о томъ, что онъ лежитъ здѣсь на всякой улицѣ и что играетъ роль во многихъ новостяхъ, даже въ Аріостѣ, но «напечатана цѣлая поэма подъ названіемъ «Г...о», но ни слова объ этомъ, сдѣлай милость!»

[4]) «Русское Слово», 1859, 1, 90.

[5]) Тамъ же, стр. 87.

по комнатѣ съ трубочкой, въ нѣсколько изношенномъ халатѣ"[1]). „Признаюсь", — писалъ онъ послѣднему, — „часто, когда вспомню ваньку, тащащаго меня на тряскихъ дрожкахъ въ Свѣчной переулокъ, то очень бы хотѣлось мнѣ въ Петербургъ"[2]). Картины недавняго прошлаго одна за другой воскресали въ его воображеніи. Тоска по родинѣ такимъ образомъ боролась въ его душѣ съ ненасытной страстью къ прекрасному, которымъ онъ стремился наслаждаться заграницей, съ жаждой новаго, неиспытаннаго упоенія; но внутренній голосъ художника, какъ всегда, или, по крайней мѣрѣ, долго, бралъ перевѣсъ надъ голосомъ патріота.

Мы уже не разъ отмѣчали, что Гоголь неохотно дѣлился въ письмахъ своими заграничными впечатлѣніями, довольно сухо отвѣчая въ большинствѣ случаевъ на разспросы; но Прокоповичу и домашнимъ, даже дѣвочкамъ-сестрамъ, онъ передаетъ ихъ весьма живо и мило. Невольно приходитъ мысль, что, кромѣ указанныхъ выше причинъ, Гоголь часто по своему чрезмѣрному самолюбію безъ нужды закрывалъ свою душу, и чѣмъ беззаботнѣе, чѣмъ небрежнѣе набрасывалъ мимоходомъ картины, тѣмъ онѣ выходили задушевнѣе и граціознѣе. Вѣроятно, онъ былъ также не чуждъ нѣкотораго цѣломудреннаго чувства истиннаго художника, запрещавшаго ему являться даже на глаза своихъ друзей въ интимномъ письмѣ, съ недоношенными картинами и образами, тогда какъ, судя по многимъ воспоминаніямъ, онъ былъ весьма склоненъ, въ присутствіи близкихъ знакомыхъ, въ устныхъ бесѣдахъ, предаваться восторгамъ до аффектаціи. Стѣсненіе чувствовалось имъ при выраженіи своихъ впечатлѣній только на бумагѣ, такъ какъ тутъ онъ могъ удовлетворяться лишь „перлами созданія". Зато какъ чудно хорошо и полно глубокой правды у него всякое небольшое описаніе, которымъ случалось ему невольно обмолвиться въ письмахъ, хотя бы набросанные имъ штрихи не получили никакой отдѣлки. Здѣсь онъ является передъ нами на распашку, но каждое слово его въ подобныхъ случаяхъ получаетъ несомнѣнное значеніе цѣннаго автобіографическаго матеріала.

---

[1]) Тамъ же, стр. 94.
[2]) Тамъ же, стр. 100.

Вотъ что̀ говоритъ Гоголь о лучшихъ видахъ Европы, бесѣдуя по душѣ съ другомъ дѣтства: „Живописные домики, которые то подъ ногами, то надъ головою, синія горы, развѣсистыя липы, плющъ, устилающій, вмѣстѣ съ виноградомъ, стѣны и ограды — все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имѣетъ этого; но послѣ, какъ увидишь далѣе то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо“[1]). Мы говорили выше, что бывали минуты, когда Гоголь видамъ Швейцаріи предпочиталъ самое „подлое и плоское русское мѣстоположеніе“[2]). Итакъ, не въ правѣ ли онъ былъ говорить: „Передо мной чужбина, вокругъ меня чужбина, но въ сердцѣ моемъ Русь, — одна только прекрасная Русь“[3]). Очевидно, что всѣ признанія Гоголя въ томъ, что ему прискучили многочисленные пересмотрѣнные имъ виды, при его неугомонной страсти, несмотря даже на утомленіе, искать все новыхъ художественныхъ возбужденій, имѣли своимъ главнымъ источникомъ въ сущности то безсознательное, непреодолимое чувство любви къ родинѣ и тоски по ней, которое нѣсколько лѣтъ спустя такъ прекрасно вылилось жгучимъ горячечнымъ воплемъ въ его безсмертномъ лирическомъ отступленіи о Руси („Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ“[4]) и проч.) и о птицѣ-тройкѣ[5]). Также въ одномъ изъ первоначальныхъ набросковъ: „Эхъ ты, Русь моя! моя забубенная, разгульная, распривольная, расчудесная! расцѣлуй тебя Богъ, святая земля!“ Конечно, то же сильное чувство, которое на̀скоро и небрежно было выражено Гоголемъ въ приведенныхъ выше строкахъ письма къ Прокоповичу, пройдя черезъ призму художественной обработки, должно было получить потомъ всю захватывающую и потрясающую силу восторженнаго, вдохновеннаго гимна. И вотъ, въ минуты прилива горячаго, страстнаго чувства любви къ родинѣ Гоголь говаривалъ: „И для меня теперь Петербургъ остался чѣмъ-то пріятнымъ“,

---

1) «Русское Слово», 1859, 1, 89.

2) Тамъ же, стр. 88.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 274.

4) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 220—221.

5) Тамъ же, 248—249.

гдѣ самымъ дорогимъ для него существомъ, послѣ Пушкина, былъ Прокоповичъ, и его-то онъ приглашалъ однажды вспомнить при свиданіи и „Нѣжинъ, и Петербургъ, и молодость“[1]). Вообще, въ своей перепискѣ съ Прокоповичемъ, какъ впрочемъ и естественно, Гоголь проявляетъ наибольшую теплоту чувства, исключая развѣ писемъ къ Данилевскому и Погодину. Съ Прокоповичемъ Гоголь говоритъ отъ души и даетъ ему разныя ласковыя прозвища, и хотя уже въ тридцатыхъ годахъ отчасти относится къ своему пріятелю въ покровительственномъ тонѣ[2]), но даже самый объемъ писемъ (изъ которыхъ одно занимаетъ почти десять печатныхъ страницъ обыкновеннаго журнальнаго формата) указываетъ несомнѣннымъ образомъ на самое искреннее расположеніе. Гоголь считалъ Прокоповича чрезвычайно даровитымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, но излишне скромнымъ и способнымъ черезъ-чуръ легко мириться съ незавиднымъ удѣломъ мелкаго труженика. Зная его смиренный характеръ, Гоголь сильно побаивался, чтобы его не затянула мирная семейная обстановка и не заглушила въ немъ благородныхъ стремленій; и въ самомъ дѣлѣ, опасенія его потомъ въ значительной степени оправдались. Всѣ убѣжденія истощалъ Гоголь, чтобы побудить его испробовать себя на литературномъ поприщѣ, ожидая отъ него многаго въ будущемъ. Гоголь нисколько не стѣснялся при этомъ съ своимъ старымъ товарищемъ и откровенно ставилъ себя неизмѣримо выше его; но при томъ высокомъ положеніи, которое онъ уже занималъ тогда въ литературѣ, говорить иначе было бы уже „ненужной и смѣшной гримасой“. „Одна только слава по смерти“, — говорилъ Гоголь, примѣняя эти послѣднія слова къ самому себѣ, — „знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копѣйки“, и тутъ же прибавляетъ: „Но ты долженъ узнать ее. Ты долженъ начать съ нея непремѣнно, вкусить и горькіе, и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не потребовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судія“[3]).

---

1) «Русское Слово», 1859, 1, 88. См. въ письмѣ къ Погодину: «Напиши мнѣ что-нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости *я готовъ слышать изъ родины*». (Соч. и письма Гоголя», V, 289—290).

2) См. «Литературныя Воспоминанія» Панаева, 160—161.

3) «Русское Слово», 1859, I, стр. 95.

Замѣтимъ кстати, что убѣжденія и совѣты Гоголя Прокоповичу любопытны особенно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ проявилась наклонность Гоголя говорить съ близкими людьми въ самоувѣренно-учительномъ тонѣ; замѣчательно также, что и это письмо также было написано *еще при жизни Пушкина* (въ самомъ началѣ 1837 года). Впослѣдствіи отношенія Гоголя къ Прокоповичу сдѣлались невыносимо высокомѣрными, какъ свидѣтельствуетъ о томъ въ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ" Панаевъ, но объ этомъ рѣчь еще впереди; притомъ и Панаевъ передаетъ слова людей, ближе его знавшихъ какъ Гоголя, такъ и Прокоповича, о томъ, что въ его обращеніи къ послѣднему съ теченіемъ времени произошла значительная перемѣна, и что вначалѣ ихъ отношенія были гораздо проще и искреннѣе.

Обращаясь къ характеристикѣ отношеній Гоголя къ его московскимъ пріятелямъ въ разсматриваемое нами время, мы должны прежде всего вспомнить, что, успокоивая ихъ передъ отъѣздомъ, онъ назначалъ срокомъ своего возвращенія на родину приблизительно весну слѣдующаго года [1]). Въ тяжелые дни всеобщаго раздраженія противъ него, Гоголь, конечно, не могъ не оцѣнить безкорыстную пока преданность небольшого кружка искреннихъ почитателей его въ древней столицѣ. Онъ потрясенъ, онъ глубоко тронутъ участіемъ, тѣмъ болѣе дорогимъ, что не встрѣчалъ и тѣни его въ Петербургѣ. Это обстоятельство одно только можетъ объяснить намъ, почему онъ внезапно перенесъ съ Кіева свои дружественныя симпатіи на Москву. Не далѣе, какъ за два года передъ отъѣздомъ за-границу, онъ презрительно отзывался о Москвѣ въ интимныхъ письмахъ къ Максимовичу, величая ее „старой толстой бабой, отъ которой, кромѣ щей да площадной брани, ничего не услышишь" [2]). Въ „Петербургскихъ Запискахъ 1836 года" Москва также изображена не совсѣмъ съ привлекательной стороны, особенно по сравненію ея съ „вытянувшимся въ струнку щеголемъ Петербургомъ" [3]). Теперь онъ предполагаетъ, напротивъ, „по

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 257, 256 и проч.

[2]) Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 5.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 508—510.

возвратѣ изъ-за границы надолго основаться въ Москвѣ"[1]), такъ какъ съ петербургскимъ климатомъ онъ „совершенно въ раздорѣ"[2]); онъ — будущій „постоянный житель столицы древней"[3]); его „сердце наполнено благодарностью къ ней за вниманіе"; онъ „съ гордостью понесетъ въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы изъ родины и сбережетъ, какъ святыню, въ чужой землѣ"[4]). Если хотя половина этихъ увѣреній искренна, то и это можетъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу сердечной теплоты и радушія московскихъ друзей, успѣвшихъ заложить въ Гоголѣ прочную симпатію къ самому городу[5]), въ которомъ они жили, хотя впрочемъ всегдашній скептицизмъ не позволялъ Гоголю отвести душу и на этой симпатіи москвичей. Гоголь искалъ причины ея и находилъ въ соображеніи, что „портретъ Москвы нигдѣ не былъ виденъ въ его произведеніяхъ"[6]). Въ пользу искренности Гоголя въ его выраженіи благодарности Москвѣ, — хотя, конечно, здѣсь *не обошлось безъ энергическаго преувеличенія,* — слѣдуетъ припомнить, что въ эту пору Римъ еще не былъ для него святыней[7]), и что если позднѣе Римъ „увлекъ и околдовалъ"[8]) его, то и послѣ знакомства съ Римомъ онъ нерѣдко говаривалъ, что „кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому послѣ Рима только Москва и можетъ нравиться"[9]). Отъ воспоминаній о Россіи и въ частности о Москвѣ, а также о родной Украйнѣ, Гоголь никогда не могъ отрѣшиться, даже въ чаду самаго пылкаго упоенія чудесами чужестранной природы и искусства; напротивъ, разлука съ Россіей всегда тотчасъ же давала ему чувствовать, какъ беззавѣтно-горячо онъ любилъ ту самую Русь, о которой въ минуту раздраженія когда-то съ презрѣніемъ выразился: „о, старая рыжая борода, когда

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр 257.

[2]) Тамъ же, 257.

[3]) Тамъ же, 259.

[4]) Тамъ же, въ слѣдующемъ письмѣ.

[5]) Какъ увидимъ, послѣ отношенія московскихъ друзей къ Гоголю существенно измѣнились, и только съ Щепкинымъ онъ остался неизмѣнно близокъ.

[6]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 261.

[7]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 448.

[8]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 328.

[9]) «Записки о жизни Гоголя», т. II, 241.

ты поумнѣешь?“ [1]) Находясь на чужбинѣ, онъ, напротивъ, съ искреннимъ чувствомъ вспоминаетъ о Россіи, даже когда говоритъ о пережитыхъ непріятностяхъ: „Или ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ я посвятить чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства, предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны?“ [2])

VI.

Поѣздка въ Парижъ произвела неожиданный переворотъ въ путешествіи Гоголя: до сихъ поръ онъ все еще былъ по возможности вѣренъ предначертанному маршруту, и если отклонялся отъ него иногда, то только въ частностяхъ, не теряя изъ виду общаго плана. Совсѣмъ иначе было теперь: хотя онъ по прежнему собирается при первомъ удобномъ случаѣ осуществить свою мечту пожить въ Италіи, но уже мысль о возвращеніи на родину откладывается на неопредѣленное время и самое напоминаніе объ этомъ становится для него непріятнымъ. Выбитый совершенно изъ колеи, Гоголь уже не чувствовалъ себя болѣе проживающимъ временно гостемъ за-границей и, часто переносясь мыслью на родину, не хотѣлъ въ ней „повторить вѣчную участь поэтовъ“ [3]), особенно когда узналъ о кончинѣ Пушкина. Такъ какъ всѣ эти перемѣны въ намѣреніяхъ во многомъ зависѣли и отъ денежныхъ условій, то намъ предстоитъ здѣсь остановить свое вниманіе отчасти и на этой сторонѣ дѣла.

---

1) Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 1.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 289. Ср. въ письмѣ къ Жуковскому: «Хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея». «Русскій Арх.» 1871, 4—5, 951.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 288.

Прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что изъ Петербурга Гоголь, по его собственнымъ словамъ, „вывезъ только двѣ тысячи"[1]). На эти деньги ему надо было прожить и ѣздить до октября (1836 г.)[2]), послѣ чего онъ надѣялся получить отъ Смирдина еще около тысячи рублей, — конечно, за проданные экземпляры его сочиненій. Наконецъ, Жуковскій, стараясь по обыкновенію помочь своему собрату по литературѣ и въ матеріальномъ отношеніи, хлопоталъ за Гоголя передъ императрицей и просилъ ему денегъ „на дорогу"[3]). Въ январѣ 1837 г., Гоголь просилъ Прокоповича передать Плетневу, что деньги „получены съ невѣроятной исправностью"[4]); но были ли это деньги, какія должны были придти отъ Смирдина или иныя — намъ неизвѣстно. Въ мартѣ Гоголь снова поручалъ Прокоповичу: „Зайди къ Плетневу и узнай, послалъ ли онъ ко мнѣ деньги, о которыхъ я писалъ къ нему изъ Рима"[5]). Проживая на эти средства и не имѣя постоянныхъ и вполнѣ обезпеченныхъ рессурсовъ, Гоголь сначала долженъ былъ предоставить дальнѣйшее направленіе своего пути обстоятельствамъ, и пока могъ только путешествовать, но нигдѣ еще не располагался жить надолго. Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ открывались новые источники доходовъ, онъ получалъ возможность, согласно желанію, какъ можно болѣе продлить свое пребываніе за-границей, такъ какъ еще въ началѣ его онъ писалъ Жуковскому, что будетъ „терпѣть недостатокъ и бѣдность, но ни за что на свѣтѣ не возвратится скоро"[6]).

Въ одномъ изъ писемъ къ матери, написанномъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, въ отвѣтъ на ея безпокойство о немъ, Гоголь сообщалъ, что, „еще не выѣзжая изъ Петербурга, уже такъ устроилъ, что въ какомъ городѣ ни былъ, банкиръ, живущій въ немъ, по первому востребованію, выдастъ сумму, какую онъ, Гоголь, захочетъ". Кромѣ того". — продолжаетъ Гоголь, — „одного слова, написаннаго въ Пе-

---

1) «Русскій Архивъ» 1871, 4—5, стр. 951.

2) Тамъ же, стр. 952.

3) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 951.

4) «Русское Слово», 1859, 1, 98.

5) Тамъ же, стр. 99. См. также о денежныхъ разсчетахъ Гоголя въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ къ Прокоповичу.

6) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 951.

тербургъ, достаточно, чтобы выслали мнѣ требуемую сумму"[1]). Эти слова, безъ сомнѣнія, представляютъ дѣло въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ и притомъ были сказаны въ минуту раздраженія, всегда овладѣвавшаго Гоголемъ при малѣйшемъ неосторожномъ намекѣ на оскорбительное для его самолюбія опасеніе за его безпомощность. Сильная досада звучитъ особенно въ колкомъ намекѣ на собственную непрактичность матери: „Неужели вы думаете, что я похожъ на нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы теперь прожить, а о будущемъ и не помышляютъ, и говорятъ: „авось Богъ милосердый поможетъ какъ-нибудь выпутаться". Между тѣмъ запутываются болѣе и болѣе въ долги. Я знаю очень хорошо пословицу: „Береженаго и Богъ бережетъ", и потому никогда не полагаюсь на чудеса и чрезвычайные случаи". Черезъ нѣсколько строкъ этотъ язвительный намекъ уже разъясняется прямо: „Итакъ, вы видите, что обо мнѣ нечего вамъ безпокоиться. Какъ бы то ни было, *но мои дѣла всегда лучше вашихъ, и потому я совѣтую вамъ болѣе обратить вниманіе на ваши дѣла*"[2]).

Такимъ образомъ, если не съ самаго начала, то позднѣе у Гоголя былъ какъ будто обезпеченъ вѣрный кредитъ изъ Петербурга, причемъ обычнымъ посредникомъ между нимъ и Жуковскимъ и другими лицами, присылавшими деньги Гоголю (въ томъ числѣ между прочимъ и съ Смирдинымъ) является Плетневъ. Переписка при всей отрывочности и неполнотѣ сохранила намъ явные слѣды уже тогда начавшихся попеченій о Гоголѣ его друзей. Такъ, поручая однажды Прокоповичу узнать, посланы ли ему деньги Плетневымъ, Гоголь прибавлялъ еще: „Если посланы, — то когда и на имя какого банкира онѣ адресованы. Я въ нихъ нуждаюсь"[3]). Все это говорилось уже въ совершенно спокойномъ и увѣренномъ тонѣ, какъ бы мимоходомъ, въ серединѣ письма. Спрашивается: откуда и какъ разсчитывалъ Гоголь получать средства для дальнѣйшаго проживанія за-границей? Подарки

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 283.

[2]) Тамъ же. Въ письмѣ отъ 18 марта 1843 года къ Аксакову Гоголь утверждаетъ, что онъ всегда старался скрывать отъ матери свои денежныя затрудненія («Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 51).

[3]) «Русское Слово», 1859, 1, 99.

отъ царской фамиліи не могли быть настолько часты и неистощимы, чтобы на нихъ можно было всегда такъ смѣло разсчитывать, какъ это видимъ у Гоголя въ приведенномъ письмѣ. Очевидно, у него бывали и другіе источники, и въ томъ числѣ обширный кредитъ у знакомыхъ; такъ намъ извѣстно, что у него были долги въ Петербургѣ, которые были большею частью уплачены, но не всѣ сразу („съ петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовы подождать"[1]). По словамъ княжны В. Н. Репниной, когда Гоголь получилъ извѣстіе о болѣзни Данилевскаго въ Парижѣ уже въ 1837 г., то онъ занялъ денегъ у нея и у зятя ея Кривцова, которыя вскорѣ возвратилъ[2]). Въ октябрѣ 1836 г. Гоголь благодарилъ Жуковскаго за испрошенное имъ вспоможеніе у государя. Опять мы не имѣемъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, не были ли это тѣ самыя деньги, которыя Гоголь ожидалъ получить отъ императрицы[3]); послѣднее вѣроятнѣе, потому что иначе Гоголь благодарилъ бы за нихъ отдѣльно. Но съ другой стороны мы находимъ ясное указаніе на то, что это была уже не первая милость Гоголю отъ царской фамиліи, такъ какъ онъ самъ говоритъ объ императорѣ Николаѣ, что, „какъ нѣкій Богъ, онъ сыплетъ полною рукою благодѣянія и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей"[4]). Въ іюлѣ 1837 г. Гоголь ожидалъ денегъ за поднесеніе государынѣ экземпляра „Ревизора"[5]), говоря, что Жуковскій передъ отъѣздомъ обѣщалъ объ этомъ позаботиться. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1839 г. Гоголь написалъ Жуковскому: „Дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что̀ я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть на свѣтѣ свою жизнь, до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько-нибудь изъ того, что̀ мнѣ нужно сдѣлать"[6]). Указывая всѣ эти данныя, мы должны, однако, въ интересахъ справедливости

---

1) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 952.

2) «Русскій Архивъ», 1890, X, 228.

3) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 951.

4) Тамъ же, стр. 957.

5) «Русское Слово», 1859, 1, 101.

6) «Русскій Архивъ», 1871, 0933.— Въ томъ же письмѣ Гоголь просилъ Жуковскаго: «Найдите случай и средство указать какъ-нибудь государю на мои повѣсти: «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Тарасъ Бульба» и проч. (0934).

заявить, что ни въ какомъ случаѣ не можемъ взять на себя смѣлость сдѣлать изъ нихъ какое-либо заключеніе, невыгодное для памяти покойнаго писателя, потому что, во-первыхъ, частные долги, насколько извѣстно, были имъ выплачиваемы, а царскія милости, по понятіямъ его времени и среды, хотя и принимаемыя слишкомъ часто, нисколько или почти совсѣмъ не отягощали его совѣсти. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи притомъ едва ли и теперь многіе щекотливы, и упрекъ, сдѣланный впослѣдствіи Бѣлинскимъ Гоголю [1]), могъ бы въ равной силѣ быть обращенъ на весьма многихъ лицъ, покровительствуемыхъ Жуковскимъ, и притомъ часто на лицъ, также принадлежащихъ литературному міру, но только вслѣдствіе случайнаго повода всею тяжестью палъ на Гоголя. Трудно впрочемъ прослѣдить вполнѣ, какъ неожиданное полученіе денегъ откуда бы то ни было могло имѣть вліяніе на перемѣну рѣшеній Гоголя (особенно принимая въ соображеніе, что часто они вели съ Данилевскимъ общіе товарищескіе счеты, недоступные даже и тогда постороннему контролю). Но что вліяніе это было — не подлежитъ сомнѣнію [2]).

VII.

Въ ноябрѣ 1836 года пріѣхалъ Гоголь въ Парижъ. Къ тому времени Данилевскій успѣлъ уже хорошо изучить городъ и могъ явиться въ качествѣ достаточно опытнаго чичероне.

„Первое время“ — разсказывалъ мнѣ Данилевскій, — „послѣ того какъ мы разстались и встрѣтились снова въ Парижѣ, я узналъ въ немъ прежняго Гоголя. Въ Парижѣ онъ не поѣхалъ въ гостиницу, а прямо ко мнѣ. Потомъ взялъ номеръ въ гостиницѣ, но тамъ мерзъ, потому что не было печей, а были камины. Мы хотѣли найти теплую квартиру

---

[1]) Бѣлинскій сказалъ въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю: «Гимны властямъ предержащимъ хорошо устраиваютъ земное положеніе набожнаго автора».

[2]) Обращаясь къ Жуковскому съ просьбами о ходатайствѣ передъ трономъ, Гоголь замѣтно стѣснялся и считалъ неловкимъ, не получая долго отвѣта, возбуждать вопросъ снова, но въ трудныхъ случаяхъ поручалъ Прокоповичу узнавать черезъ Плетнева, «получилъ ли Жуковскій письмо, и какой имѣло успѣхъ къ государю. Отъ него зависитъ моя судьба». («Русское Слово» 1859, I, стр. 101). И дѣйствительно, вскорѣ онъ извѣщалъ, что «получилъ отъ государя опять неожиданно и теперь не нуждается» (тамъ же, стр. 107).

и поселились на углу Place de la Bourse и Rue Vivienne; въ этомъ домѣ мы нашли наконецъ печь. Здѣсь Гоголь писалъ „Мертвыя Души“. Я къ нему не заглядывалъ, потому что онъ былъ постоянно занятъ; только по вечерамъ мы часто собирались въ театръ“.

Въ первыя же недѣли жизни Гоголя въ Парижѣ они впрочемъ успѣли вдвоемъ осмотрѣть всѣ выдающіяся достопримѣчательности его: картинныя галлереи Лувра, извѣстный ботаническій садъ (Jardin des Plantes), съѣздили въ Версаль[1]) и проч. Часто отправлялись они вмѣстѣ въ театръ, преимущественно въ оперу, гдѣ Данилевскій со страстью увлекался особенно Рубини и Гризи, до того, что Гоголь, самъ горячій любитель оперы, сталъ подтрунивать въ ежедневныхъ бесѣдахъ, а потомъ и въ письмахъ, надъ его обожаніемъ послѣдней. Вмѣстѣ ходили они обѣдать въ разные кафе́, которые называли обыкновенно въ шутку „храмами“, а послѣ обѣда подолгу оставались тамъ играть на бильярдѣ[2]). Въ Парижѣ Гоголь уже нерѣдко удручалъ Данилевскаго своею убійственною мнительностью: вдругъ вообразитъ, что у него какая-нибудь тяжелая болѣзнь (всего чаще онъ боялся за желудокъ), и носится съ своимъ горемъ до того, что тяжело и грустно на него смотрѣть, а разубѣдить его въ основательности ужасныхъ призраковъ не было никакой возможности. Вотъ въ связи съ этими-то недугами и находились усиленныя заботы объ обѣдахъ въ ресторанахъ. Отправленіямъ желудка приходилось придавать чрезвычайно важное значеніе, и потому обѣдъ получилъ у Гоголя названіе жертвоприношенія, а содержатели ресторановъ величались жрецами.

Очень забавно, что цензура затруднялась впослѣдствіи пропускать въ письмахъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ встрѣчались эти шуточныя выраженія. —Дополнимъ пропуски въ изданіи г. Кулиша по подлинникамъ (кромѣ перваго письма изъ Лозанны, въ которомъ пропущена только подпись *Гоголь,* пропуски встрѣчаются въ каждомъ письмѣ). Такъ, въ письмѣ изъ Ліона (28, воскресенье, 1837; изд. Кул., V, 293) послѣ словъ: „Вообрази, что по всей дорогѣ, по всѣмъ городамъ“, пропущено: „храмы бѣдные, богослуженіе тоже, жрецы невѣжи, и неопрятно“.

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 284.

[2]) Тамъ же, 353.

Нѣсколько ниже, послѣ словъ: „признаюсь, поневолѣ находятъ вольнодумныя“, слѣдуетъ: „и богоотступныя мысли и чувства, что ежеминутно слабѣютъ мои религіозныя правила и вѣра въ истину религіи, такъ что еслибъ только нашлась другая, съ искусными жрецами, а особенно жертвами, какъ напр. чай или шеколадъ, то прощай и послѣдняя набожность“. (Эти строки отчасти удержаны г. Кулишемъ, но вмѣсто *вольнодумная* напечатано: *вольнодушная* и вмѣсто набожность — ревность, а слово храмы замѣнено написаннымъ кѣмъ-то внизу: cafés). Далѣе, въ концѣ письма пропущено: „Прощай, мой ненаглядный! Безъ всякаго сомнѣнія еще увидимся съ тобою не разъ, не два, другъ! На это письмо я уже надѣюсь застать въ Римѣ отвѣтъ. Кланяйся Квиткѣ и Козлову“[1]).

Въ письмѣ, напечатанномъ въ изданіи Кулиша, на стр. 297, есть только незначительный пропускъ: послѣ словъ: *несвареніе желудка*, стоятъ слова: запоръ и поносъ, и въ концѣ опущена подпись: *твой Гоголь*. Упомянутый въ этомъ письмѣ Филиппъ — garçon de café, по поводу котораго А. С. Данилевскій объяснилъ: „nous avons habitués café Monmartres; забавный слуга!“...

По словамъ Данилевскаго, Гоголь лѣчился отъ желудочной болѣзни у доктора Маржолена и строго слѣдовалъ его наставленіямъ, хотя это было для него большимъ лишеніемъ, потому что онъ любилъ покушать и очень любилъ сладкое.

5-го декабря пріѣхалъ къ нимъ, по приглашенію Данилевскаго, давно поджидаемый изъ Висбадена сотоварищъ по гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Симоновскій, такъ что въ Парижѣ образовался также небольшой нѣжинскій кружокъ, какъ и въ Петербургѣ: такъ баловала судьба нѣжинцевъ[2]).

Между петербургскимъ кружкомъ, представителями котораго теперь оставались братья Прокоповичи и Ив. Григ.

---

[1]) Однажды эта мистификація ввела въ заблужденіе даже Н. С. Тихонравова (см. сборникъ въ «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 121).

[2]) Симоновскій потомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи, скрылся изъ виду Данилевскаго и Гоголя, и они его разыскивали. («Соч. и письма Гоголя», V, 300, 310.)

Пащенко, и парижскимъ, установилась полушутливая, развязная дружеская переписка. Впрочемъ, еще до пріѣзда Симоновскаго, сочинены были Гоголемъ и Данилевскимъ и посланы въ Петербургъ извѣстные стихи:

„Да здравствуетъ нѣжинская бурса,
Севрюгинъ, Билевичъ и Урсо", и проч.[1]).

Къ подобнымъ шалостямъ обыкновенно принадлежали кромѣ стиховъ и другіе шутливые наброски; напр. еще въ бытность Гоголя въ Петербургѣ у него было оригинальное пари съ И. Г. Пащенко. Въ бумагахъ Гоголя, полученныхъ нами отъ племянника поэта, Н. В. Быкова, сохранился между прочимъ слѣдующій любопытный документъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, Николай Гоголь-Яновскій и Иванъ Пащенко, сирота, сынъ Григорьевъ, закладъ держали о имѣющемся родиться отъ Николая Прокоповича и супруги его Маріи чадѣ, утверждая — первый, что оное чадо будетъ мужеска пола, вторый же, Иванъ Пащенко, — что оно имѣетъ быть женскаго пола. А закладъ оный состоялъ въ томъ, что проигравшій угощаетъ обѣдомъ какъ онаго выигравшаго, такъ равномѣрно и четырехъ персонъ, по приличію избранныхъ со включеніемъ, кромѣ ординарныхъ винъ, бутылки шампанскаго и предоставленіемъ полнаго права выигравшему потребовать себѣ варенья, какого ему будетъ угодно по вкусу и по надобности.

Въ увѣреніе истиннаго соблюденія сего контракта подписались:

Николай Гоголь Яновскій.
Сирота Иванъ Пащенко.
Свидѣтели: А. Данилевскій.
Прокоповичъ.

Къ двумъ вышеупомянутымъ закладодержателямъ прилизались и мы нижеподписавшіеся; первый — къ Гоголь Яновскому, а второй — къ сиротѣ Пащенкѣ

В. Прокоповичъ.
Алекс. Данилевскій".

---

[1]) См. «Русское Слово», 1859, 1, 97—98. Это были чуть ли не послѣдніе шутливые стихи, сочиненные сообща Гоголемъ и Данилевскимъ.

Приводимъ здѣсь этотъ документъ, какъ живо рисующій обычное веселое настроеніе нѣжинскаго кружка, воскресшее на короткое время вновь въ Парижѣ.

Вскорѣ нѣжинцы познакомились и близко сошлись съ однимъ молодымъ французомъ, Ноэлемъ, жившимъ въ верхнемъ этажѣ одного изъ самыхъ высокихъ домовъ Латинскаго квартала. Къ нему они ежедневно собирались обѣдать и оставались потомъ брать уроки разговорнаго итальянскаго языка, въ виду предстоявшаго путешествія въ Италію[1]).

Хотя самое первое время въ Парижѣ было посвящено Гоголемъ отчасти также прогулкамъ въ городѣ и по окрестностямъ, но это не мѣшало ему снова продолжать работу надъ созданіемъ „Мертвыхъ Душъ". О томъ и другомъ онъ писалъ Жуковскому: „Парижъ не такъ дуренъ, какъ я воображалъ, и что̀ всего лучше для меня: мѣстъ для гулянья множество: одного сада Тюльери и Елисейскихъ полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно дѣлаю препорядочный моціонъ, что̀ для меня теперь необходимо. Богъ простеръ здѣсь надо мной свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ мнѣ теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой, и я блаженствую. Снова веселъ; „Мертвыя" текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи"[2]). Позднѣе Данилевскій, восхищавшійся парижскими театральными знаменитостями, вовлекъ и Гоголя, также страстнаго любителя драмы и оперы, въ усиленныя посѣщенія театровъ, при чемъ оба продолжали восторгаться Гризи, Тамбурини, Тальони и проч. Въ одно изъ посѣщеній Théâtre Français Гоголь присутствовалъ при годичномъ праздпованіи дня рожденія Мольера и здѣсь передумалъ и перечувствовалъ тѣ мысли, которыя имъ были потомъ высказаны въ концѣ „Театральнаго Разъѣзда". Въ письмѣ сказано: „Меня обняло какое-то странное чувство. Слышитъ ли онъ, и гдѣ онъ слышитъ это"; въ „Театральномъ

---

[1]) Впослѣдствіи Александръ Семеновичъ рекомендовалъ его своему хорошему полтавскому знакомому, Алексѣю Васильевичу Капнисту, въ гувернеры къ дѣтямъ, но это не состоялось, потому что Ноэль переѣхалъ въ Брюссель, и слѣды его были потеряны. По словамъ А. С. Данилевскаго, онъ былъ даже немного поэтъ.

[2]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 955 и «Русское Слово», 1859, 1, 105.— (Въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ сходнымъ образомъ характеризуется предшествовавшая жизнь Гоголя въ Швейцаріи).

Разъѣздѣ": „Побасенки! А вотъ: стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось съ низу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканіемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни?"[1]).

VIII.

Болѣе полное представленіе о парижской жизни Гоголя можно составить по его повѣсти „Римъ", сравнивая подробно изображенныя впечатлѣнія юнаго князя, героя этого отрывка, съ впечатлѣніями и взглядами самого автора. Собственно передача этихъ впечатлѣній и сравненіе шумной парижской жизни и тихой, но полной высокихъ эстетическихъ наслажденій итальянской, занимаетъ весьма видное мѣсто въ разсказѣ, а апоѳеозъ Рима, его превознесеніе надъ всѣмъ прекраснымъ, надъ всѣмъ, что̀ можетъ возбуждать въ людяхъ восторгъ, не исключая даже величія прошлыхъ вѣковъ и обаянія женской красоты, составляетъ главную цѣль этого произведенія. („Боже, какой видъ! князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоты Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что̀ ни есть на свѣтѣ")[2]). Разсказъ не конченъ и является въ видѣ отрывка, вѣроятно, потому, что въ немъ, какъ въ нѣкоторыхъ раннихъ своихъ произведеніяхъ, Гоголь пытался выразить въ возможно болѣе яркой и блестящей формѣ переполнявшія его душу совершенно субъективныя чувства и настроенія. Такія произведенія не могли быть удачны по самой сущности дѣла, такъ какъ, облеченныя въ повѣствовательную форму, онѣ въ то же время предназначались для несвойственной имъ передачи внутреннихъ душевныхъ движеній автора. Не владѣя стихомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддаваясь сильно охватывавшему его лиризму, Гоголь силился повѣствовательной прозой передать то, что̀ можно выразить развѣ стихотвореніемъ или музыкальнымъ моти-

---

[1]) «Русское Слово», 1859, 1, 92 и Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 515.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 170.

вомъ. Съ другой стороны, кромѣ характеристики психическаго состоянія, пережитаго княземъ въ разные періоды его юности, и кое-какихъ схваченныхъ авторомъ чертъ итальянской жизни, никакого иного матеріала и не было въ распоряженіи Гоголя. Въ отрывкѣ на первый планъ выступаетъ всюду описательная сторона, которая вообще раньше и скорѣе давалась Гоголю, нежели собственно повѣствовательная, требующая значительно болѣе близкаго и внимательнаго изученія изображаемой среды, тогда какъ для живого и мѣткаго описанія Гоголю было совершенно достаточно бѣглаго внѣшняго наблюденія. Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ парижскихъ впечатлѣній Гоголя на основаніи отрывка „Римъ", постараемся установить его автобіографическое значеніе. Для этого намъ необходимо указать отношеніе его къ другимъ произведеніямъ Гоголя.

Прежде всего въ этомъ отрывкѣ, первоначально озаглавленномъ „Аннунціата", Гоголь еще разъ возвращается къ волновавшей его въ юности темѣ — къ изображенію въ яркихъ краскахъ невыразимыхъ чаръ обаянія, производимыхъ на поэта женской красотой. Въ этомъ отношеніи между „Аннунціатой" есть несомнѣнное сходство съ юношескимъ наброскомъ Гоголя „Женщина". Здѣсь тотъ же приподнятый тонъ, и также при изображеніи наружности Аннунціаты повторяется еще разъ столь нравившееся ему сочетаніе чернаго цвѣта волосъ съ необыкновенной бѣлизной лица. „Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица — образъ ея весь отпечатлѣвается въ сердцѣ"[1]). Для изображенія красоты Аннунціаты Гоголь не щадитъ красокъ. „Это было чудо въ высшей степени", — описываетъ ее Гоголь. — „Все должно было померкнуть передъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, что разсыпалось и блистаетъ по одиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ"[2]). Здѣсь такъ же, какъ въ остальныхъ про-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 130.

[2]) Тамъ же, стр. 160.

изведеніяхъ Гоголя, гдѣ изображается красивая женщина, она является на пьедесталѣ, скорѣе напоминая сошедшее на землю божество, нежели обыкновеннаго человѣка, и притомъ представляясь воображенію читателя почти исключительно со стороны внѣшней красоты. Какъ въ Алкиноѣ, такъ и въ Аннунціатѣ чувствуется скорѣе изображеніе женщины, какою она является на картинѣ или въ статуѣ, нежели живого существа съ плотью и кровью. Въ лицѣ послѣдней Гоголь, идеализируя женщину, приписываетъ ей даже способность производить какое-то волшебное дѣйствіе на окружающее: „Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она — уже несетъ съ собой картину: спѣшитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованной мѣдной вазой на головѣ — вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ее окрестность: легче уходятъ въ даль чудесныя линіи албанскихъ горъ, синѣе глубина римскаго неба, прямѣй летитъ вверхъ кипарисъ“[1]) и проч. Въ другомъ мѣстѣ Гоголь говоритъ объ Аннунціатѣ, что „руки ея были для того, чтобы всякаго обратить въ художника: какъ художникъ, глядѣлъ бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣя дохнуть“, и черезъ нѣсколько строкъ повторяетъ вновь тотъ же образъ и сравненіе, изображая, „какъ все, что̀ ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло на одну ее“[2]). „Это блескъ молніи, а не женщина“, — въ восхищеніи отозвался о ней князь, и такую же характеристику авторъ повторяетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже отъ собственнаго лица, утверждая, что „чудный праздникъ летѣлъ съ лица ея на встрѣчу всѣмъ“[3]). Но Гоголь какъ будто не замѣчалъ того, что чѣмъ болѣе онъ отрываетъ отъ земли свою идеальную красавицу, тѣмъ болѣе образъ ея затемняется и блѣднѣетъ, при всемъ стараніи автора озарить его ореоломъ дивнаго величія. Въ „Аннунціатѣ“ повторены въ измѣненномъ видѣ и нѣкоторые частные пріемы, особенно охотно употребляемые Гоголемъ при изображеніи молодыхъ, красивыхъ женщинъ[4]). Такъ, мы гово-

---

[1]) Тамъ же, стр. 130.
[2]) Тамъ же, стр. 160.
[3]) Тамъ же, стр. 131.
[4]) Тамъ же, стр. 131.

рили въ другомъ мѣстѣ, что, желая придать особый эффектъ образу Ганны въ „Майской Ночи“, Гоголь окружаетъ ее какой-то таинственной прелестью въ словахъ: „Дверь распахнулась со скрипомъ, и дѣвушка на порѣ семнадцатой весны, *обвитая сумерками,* переступила порогъ“[1]). Сходными штрихами поэтъ рисуетъ Аннунціату въ выраженіи: „Глубина галлереи выдаетъ ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ“. Наконецъ, какъ художникъ Пискаревъ преклоняется въ священномъ трепетѣ и нѣмомъ благоговѣніи передъ встрѣченной имъ на Невскомъ красавицей и потомъ въ своихъ мечтахъ представляетъ себѣ ее своей женой, способной украсить его скромную жизнь, такъ и здѣсь снова рѣчь идетъ, между прочимъ, о „художникѣ съ вандиковской бородкой, который долѣе всѣхъ остановился на одномъ мѣстѣ, подумывая: „то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ грацій и всѣхъ женщинъ, какія только передавались на полотно!“ и дерзновенно думая въ то же время: „то-то былъ бы рай, еслибы такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую“[2]).

Всѣ эти указанныя черты въ повѣсти „Римъ“ достаточно показываютъ связь ея съ другими произведеніями Гоголя и притомъ съ тѣми мѣстами въ нихъ, которыя имѣютъ особенное значеніе для характеристики субъективнаго отношенія Гоголя къ женщинѣ и ея красотѣ; все это придаетъ ей важное автобіографическое значеніе, какъ, впрочемъ, это по другимъ соображеніямъ уже высказано было Тихонравовымъ[3]).

Возвращаясь къ извлеченію характеристики парижскихъ впечатлѣній Гоголя, насколько они отразились въ разсматриваемой повѣсти, мы, во-первыхъ, должны принять въ соображеніе поразительное сходство разбросанныхъ отдѣльными чертами въ разныхъ письмахъ Гоголя описаній Парижа съ

---

[1]) См. Соч. Гог., изд. X, т. I, 53 и «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 270; и «Вѣстникъ Европы», 1890, VIII, 489. Даже изображеніе складокъ на одеждѣ Аннунціаты въ первоначальномъ наброскѣ представляетъ почти дословное сходство съ прежними описаніями, напр. въ выраженіи: «У, какъ смѣло, какъ ловко обхватило платье ея (сильные, могучіе) прекрасные члены». Ср. «Вѣстн. Евр.» 1890, VIII, 489.

[2]) «Соч. Гоголя», изд. X, т. II, стр. 131.

[3]) Тамъ же, стр. 625; также «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова и «Древняя и Новая Россія», 1879, XII, 529.

тѣми, которыя читаемъ въ „Римѣ“. Какъ прежде Гоголь нерѣдко набрасывалъ отдѣльныя характеристики посѣщенныхъ имъ городовъ, то въ письмахъ къ матери и къ друзьямъ, то внося ихъ въ видѣ эпизодовъ въ свои сочиненія (описаніе Коломны въ „Портретѣ“, Невскаго проспекта въ повѣсти того же названія[1]), такъ и описаніе Парижа является у него въ другихъ мѣстахъ лишь въ видѣ бѣглыхъ, разрозненныхъ набросковъ, тогда какъ въ повѣсти „Римъ“ онъ получилъ полную характеристику въ изящной художественной обработкѣ. Впрочемъ, существенное различіе между впечатлѣніями Гоголя и молодого князя заключается лишь въ томъ, что Гоголь уже съ самаго начала своего пребыванія въ Парижѣ не былъ увлеченъ имъ, и хотя поддавался до нѣкоторой степени очарованію внѣшняго блеска, комфорта и изящества, но это нисколько не мѣшало ему тогда же смотрѣть на Парижъ только какъ на временную станцію, изъ которой онъ порывался при первой возможности направить путь въ Италію[2]). Въ первомъ же письмѣ къ Прокоповичу онъ отзывался такъ о немъ: „Парижъ — городъ хорошій для того, кто именно ѣдетъ для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для такихъ людей, какъ мы съ тобою, — не думаю; развѣ нужно скинуть съ каждаго изъ насъ по восьми лѣтъ. Къ удобствамъ здѣшнимъ приглядишься, тѣмъ болѣе, что ихъ болѣе, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, въ которой всегда находишь рессурсъ и утѣшеніе, когда все пріѣстся — нѣтъ: итакъ, нѣтъ того, что̀ бы могло привязать къ нему мою жизнь“[3]). Кромѣ указаннаго единственнаго различія, впечатлѣнія молодого князя-итальянца во всемъ поразительно сходны съ впечатлѣніями Гоголя до мелочныхъ подробностей[4]). Такъ точно Гоголь вмѣстѣ съ Данилевскимъ ежедневно посѣщалъ въ Парижѣ разныя роскошно меблированныя cafés и близ-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, 67—69; т. V, 180—183 и 251—257.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 134—139.

[3]) «Русское Слово», 1859, I, 91.

[4]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 625; также «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 174. Взглядъ Гоголя на различіе между жизнью въ Парижѣ и въ Италіи ясенъ изъ высказаннаго имъ Анненкову сожалѣнія, что онъ не побывалъ передъ пріѣздомъ въ Римъ предварительно въ Парижѣ· «Ему казалось, что послѣ Италіи Парижъ становится сухъ и безжизненъ». (Стр. 174).

ко познакомился съ ихъ порядками и обычными посѣтителями. Впослѣдствіи онъ узналъ также итальянскія cafés и имѣлъ полную возможность ихъ сравнивать. Уже въ южной Франціи они поражали его своей нечистотой, неопрятностью, но еще сильнѣе бросались въ глаза эти недостатки при въѣздѣ въ Италію. Разницу между ними онъ такъ описывалъ Данилевскому въ письмѣ изъ Ліона, (безъ точной даты, начинающемся словами: „Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона"): „Какъ я завидовалъ тебѣ всю дорогу, тебѣ, сѣдоку въ этомъ солнцѣ великолѣпія, въ Парижѣ! Вообрази, что по всей дорогѣ, по всѣмъ городамъ храмы бѣдные, богослуженія тоже; жрецы невѣжи и неопрятны; благородная форма чашки въ видѣ круглаго колодца совершенно исчезла, и мѣсто ея замѣнила подлѣйшая форма суповой чашки, которая къ тому же показываетъ довольно скоро неопрятное дно свое"[1]). Почти буквально сходное, съ незначительной варіаціей, описаніе читаемъ и въ повѣсти „Римъ". „Въ девять часовъ утра, схватившись съ постели, князь уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолкомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ приспѣшникомъ, проходившимъ мимо посѣтителей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ рукѣ. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденіемъ свой жирный кофе изъ громадной чашки, нѣжась на эластическомъ, упругомъ диванѣ и вспоминая о низенькихъ, темныхъ итальянскихъ кафе съ неопрятнымъ боттегой, несущимъ невымытые стеклянные стаканы"[2]). Далѣе, въ повѣсти „Римъ" слѣдуетъ чрезвычайно живая передача уличныхъ впечатлѣній, охватывающихъ въ Парижѣ только-что пріѣхавшаго иностранца. Роскошь и блескъ дѣйствуютъ на него возбуждающимъ образомъ, а выставленныя въ магазинахъ рѣдкости вводятъ въ соблазнъ. Подобныя же характеристики впечатлѣній, вызываемыхъ роскошью другихъ городовъ, Гоголь даетъ въ разсказѣ о капитанѣ Копѣйкинѣ и отчасти въ „Шинели" (сравни, напримѣръ, въ „Римѣ": „Онъ зѣвалъ передъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣлымъ часамъ парижскіе крокодилы,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 293.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 136.

засунувъ руки въ карманы, разинувъ ротъ, гдѣ краснѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфюлями индѣйка, съ лаконическою надписью: 300 fr., и мелькали золотистымъ перомъ и хвостами желтыя и красныя рыбы въ стеклянныхъ вазахъ" [1]). Въ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ: „Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ въ нѣкоторомъ родѣ семга этакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна, и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей" [2]). Подобныя впечатлѣнія, вначалѣ восторженныя, спустя нѣкоторое время смѣняются совершенно противоположными, когда за временемъ ослѣпленія наступаетъ пора спокойнаго критическаго отношенія къ пустому внѣшнему блеску. Это душевное состояніе и передано Гоголемъ, какъ въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 25-го января 1837 г. („Къ удобствамъ здѣшнимъ приглядишься..." [3]), такъ и въ повѣсти „Римъ" („Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій иностранцевъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде" [4]). Нерасположеніе Гоголя къ преобладанію у парижанъ политическихъ интересовъ надъ художественными и литературными также выразилось не только въ разсказѣ о впечатлѣніяхъ князя, но и въ нѣсколько разъ цитированномъ письмѣ къ Прокоповичу, какъ это уже было указано Тихонравовымъ [5]). О множествѣ театровъ и сценическихъ представленій въ Парижѣ также не мало говорится и здѣсь, и тамъ. Наконецъ, даже такія черты наружнаго блеска, какъ напр.: „Улицы всѣ освѣщены газомъ. Многія изъ нихъ сдѣланы галлереями, освѣщены сверху стеклами. Полы въ нихъ мраморные и такъ хороши, что можно танцовать" [6]), — черты, наскоро и мимоходомъ указанныя въ

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 137.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. III, 203, 267 и 274.

[3]) «Русское Слово», 1859, 1, 91.

[4]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 139. Можетъ-быть, автобіографическое значеніе имѣютъ также слова на стр. 141: «Только въ одну еще итальянскую оперу заходилъ онъ» и проч. и на стр. 142: «Въ безпокойномъ ожиданіи бродилъ онъ въ этомъ надоѣвшемъ на смерть городѣ».

[5]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 624—626 и 139—140; «Русское Слово», 1859, 1, 91—92.

[6]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 284.

письмѣ къ матери, являются снова и въ повѣсти „Римъ“: „Его ослѣплялъ трепещущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галлерею“ и проч.[1]).

Въ общемъ результатѣ впечатлѣнія, вынесенныя Гоголемъ изъ Парижа, были скорѣе неблагопріятныя, и они также были высказаны устами молодого князя въ повѣсти: „въ движеніи вѣчнаго его кипѣнія и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ“[2]).

Но въ Парижѣ Гоголь испыталъ и много счастливыхъ минутъ, на что указываетъ уже то обстоятельство, что творческая работа его подвигалась быстро, что случалось съ нимъ лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя привольно, гдѣ все было ему по душѣ. Но дѣло въ томъ, что въ Парижѣ онъ снова встрѣтилъ много знакомыхъ, въ томъ числѣ Смирновыхъ и, можетъ-быть, Толстыхъ[3]). По воспоминаніямъ покойной А. О. Смирновой, переданнымъ въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, „Гоголь не любилъ Парижа, но, какъ бы забывая о немъ, онъ много говорилъ съ нею о родной Малороссіи, о высокомъ камышѣ, о бурьянѣ, объ аистахъ, о галушкахъ, о вареникахъ и сѣренькомъ дымѣ, вылетающемъ изъ деревянныхъ трубъ и стелющемся по голубому небу“. Она же пѣла ему пѣсню: „Ой не ходы, Грыцю, на вечорныци“[4]).

IX.

Говоря о повѣсти „Римъ“, коснемся отзывовъ о ней критики.

Извѣстно, что Гоголь былъ недоволенъ своимъ „Римомъ“ и отдалъ его въ печать почти насильно, подъ вліяніемъ неотступныхъ требованій Погодина. Одной изъ причинъ не-

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 135.

2) Тамъ же, стр. 139.

3) О пребываніи Гоголя въ эту зиму у Толстыхъ въ Парижѣ единственное извѣстіе находится, впрочемъ, только въ сомнительномъ сочиненіи Гересеванова: «Гоголь передъ судомъ обличительной литературы».

4) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 207.

довольства художника своимъ произведеніемъ было то, что онъ хотѣлъ, такъ сказать, слишкомъ много выразить въ немъ, передать такіе сокровенные и неуловимые оттѣнки чувства и излить такъ много субъективнаго, что самъ призналъ потомъ исполненіе гораздо ниже поставленной себѣ задачи. Это хорошо понялъ и выразилъ Аполлонъ Григорьевъ, сказавъ, что „на Гоголя не безъ основанія, пожалуй, нападали за его Римъ: въ самомъ дѣлѣ, стремясь всѣ черты передать словомъ, какъ будто бы кистью, онъ громоздитъ черту на черту, ослѣпляетъ яркостью красокъ, вынужденъ для того, чтобы передать тотъ или другой оттѣнокъ изображаемыхъ имъ предметовъ, прибѣгать къ выраженіямъ яркимъ, но мало употребительнымъ, вынужденъ, для того, чтобы передать цѣлость впечатлѣнія, укладывать мысль въ нескончаемо-длинный періодъ“[1]). — Кстати, по поводу этихъ строкъ Григорьева произошла небольшая литературная схватка между „Москвитяниномъ“ и „Отечественными Записками“. Въ послѣднихъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ не разъ печатались замѣтки, враждебныя памяти Гоголя, и въ одной-то изъ такихъ замѣтокъ, въ отдѣлѣ „Журналистики“, были приведены выписанныя выше строки изъ статьи Григорьева, въ подтвержденіе того, что нарисовать картину Италіи Гоголю не удалось. Само собою разумѣется, что слова Григорьева не могли быть перетолкованы безпристрастнымъ читателемъ въ этомъ именно смыслѣ и что въ данномъ случаѣ получаетъ особенное значеніе пословица, что „тонъ дѣлаетъ музыку“. Замѣчаніе, вѣрное само по себѣ, но выхваченное изъ текста, безъ связи съ послѣдующимъ изложеніемъ и перетолкованное невыгоднымъ для Гоголя образомъ, явилось въ цитатѣ автора замѣтки въ „Отечественныхъ Запискахъ“ не указаніемъ на несовершенство повѣсти, а напротивъ именно какъ будто бы суровымъ приговоромъ надъ ней. Зато съ другой стороны, защищаясь отъ искаженія его собственныхъ словъ, Григорьевъ въ слѣдующей своей статьѣ въ „Москвитянинѣ“ (1855, № 13—14, Критика, стр. 119—126) вдается въ горячую полемику и впадаетъ въ крайность, отстаивая не только дѣйствительно дивныя лирическія мѣста „Мертвыхъ Душъ“, но и мистическій элементъ въ „Портретѣ“ и на-

---

[1]) «Москвитянинъ», 1854, № 6, Журналистика, ср. 83.

конецъ „Переписку съ друзьями“. Григорьевъ, къ сожалѣнію, сочувствовалъ и тому, что является въ „Римѣ“ ошибочнымъ и прибавляетъ еще собственныя натяжки въ толкованіи Гоголя на славянофильскій ладъ. „Главная идея „Рима“ — говоритъ онъ — „сопоставленіе мишурной, хотя блестящей и мятущейся цивилизаціи, лицомъ къ лицу съ спокойнымъ, величавымъ міромъ искусства, воспоминаній простыхъ, но полныхъ красоты формъ жизни, сопоставленіе, при которомъ преимущество выходитъ явно и правильно на сторонѣ послѣдняго — торжество искусства надъ всѣми чудесами промышленности, простоты надъ блескомъ, спокойной тишины надъ вѣчнымъ шумомъ, чистой красоты надъ искусственностью“ [1]). Такова, конечно, и была отчасти симпатичная, но черезчуръ односторонняя идея Гоголя. Но еще требуетъ доказательства мысль, будто „Римъ“ *явно* (?) высказывалъ точку зрѣнія великаго комика на родной намъ русскій бытъ, и оправдывалъ его во всѣхъ взводимыхъ на него клеветахъ въ томъ, что будто бы онъ чернитъ Россію“ и проч. Далѣе: „Римъ“, однимъ словомъ, служилъ прологомъ къ „Мертвымъ Душамъ“ въ ихъ настоящемъ, русскомъ значеніи, а не въ томъ, которые хотѣли и хотятъ еще доселѣ придать имъ“. Что Гоголь былъ близокъ къ такому воззрѣнію на вещи во время изданія „Переписки“, — это не подлежитъ сомнѣнію; но что „Римъ“ есть произведеніе, просто вылившееся изъ души и прежде всего явившееся плодомъ страстнаго желанія автора выразить свой энтузіазмъ, возбужденный вѣчнымъ городомъ, безъ всякой задней мысли, это также едва ли можно оспаривать [2]). Эта ошибка увлеченія Аполлона Григорьева была вскорѣ же исправлена въ статьѣ И. И. Панаева, подписывавшагося псевдонимомъ „Новаго поэта“, который, отдавъ справедливость „вѣрности и дѣльности взгляда Григорьева“, справедливо указываетъ на то, что „Тараса Бульбу, Манилова, Акакія Акакіевича, эти вполнѣ оконченныя живыя лица, воспроизведенныя художнически, никакъ нельзя сравнивать съ неудачнымъ эскизомъ албанки“ [3]). Еще ранѣе сочув-

---

[1]) «Москвитянинъ», 1855, 13—14, стр. 123.

[2]) Ту же ошибку Аполлонъ Григорьевъ повторяетъ и въ своей статьѣ о русской литературѣ въ 1851 г. («Москвитянинъ», 1852, № 2).

[3]) «Современникъ», 1852, № 2, Замѣтки новаго поэта, стр. 289—290.

ственный отзывъ о „Римѣ“ былъ данъ въ „Современникѣ“ 1842, гдѣ, сравнивая повѣсть Гоголя съ книгою Владиміра Строева „Парижъ въ 1838 и 1839 г.“ авторъ библіографической замѣтки приходитъ къ заключенію, что у Гоголя на девяти страницахъ сказано больше, нежели у Строева на четырестатридцати девяти[1]). Бѣлинскій же выразился о „Римѣ“, что это произведеніе, „равно изумляющее и своими достоинствами и своими недостатками“[2]).

В. П. Боткинъ, прочитавъ „Римъ“, писалъ Краевскому о своемъ впечатлѣніи слѣдующее письмо (отъ 16 мая, 1842 г.): „Въ третьемъ № „Москвитянина“ помѣщенъ былъ отрывокъ изъ романа Гоголя „Римъ“. Это такъ хорошо, что сказать нельзя. Что̀ за языкъ, что̀ за краски, что̀ за колоритъ! Между колоритною манерою Брюллова и языкомъ и колоритомъ Гоголя, сходство необыкновенное. Какъ освѣщаютъ они свои картины! Какая смѣлость въ постановкѣ и очеркѣ фигуръ! У обоихъ все, до чего ни коснутся они, все становится рельефно и пластично. У Гоголя фондомъ картинъ всегда служитъ возвышенное, поэтическое созерцаніе: оно сообщаетъ яркому колориту его идеальность и возвышенную прозрачность; не будь этого созерцанія, колоритъ его сверкалъ бы только, а не грѣлъ. Вы изумитесь, какъ возмужало его искусство, какъ окрѣпъ его рѣзецъ, — но оставляю вамъ насладиться самому“[3]). И въ другомъ письмѣ: „„Римъ“ Гоголя расшевелилъ меня“[4]). Въ „Москвитянинѣ“ въ приведенномъ отзывѣ Аполлона Григорьева, находимъ еще слѣдующія строки о пластичности картинъ въ „Римѣ“: „У писателей, которые одарены отъ природы особеннымъ чутьемъ въ отношеніи ко всему пластическому и притомъ развили въ себѣ это чутье нагляднаго изученіемъ искусствъ пластическихъ, — равномѣрно, какъ и у художниковъ, которые, оставляя рѣзецъ или кисть, берутся иногда за перо, явно замѣтны бываютъ въ сочиненіи литературномъ слѣды ихъ любимыхъ занятій или любимаго изученія. Наглядѣвшись на картины и статуи, сжившись, такъ сказать, съ осязаемыми проявленіями красоты, изостривши свой взглядъ наблюденіемъ

---

[1]) «Современникъ», 1842, т. 26, стр. 41.

[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. VII, 42. О той же повѣсти см. VII, 224, VI, 547.

[3]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 г., 46.

[4]) Тамъ же, 47.

надъ разными тонкими чертами, — они готовы иногда пріемы рѣзца или кисти переносить въ произведенія слова, лишь бы только передать подмѣченныя ими дорогія черты; такъ, напротивъ, писатели, одаренные чутьемъ музыкальнымъ, или пишущіе музыканты многаго не договариваютъ, потому что не договаривается порою чувство въ рукахъ. Первые отъ излишняго желанія представить все въ образахъ — впадаютъ въ несвойственную слову пластичность, часто темную, громоздкую, многорѣчивую; другіе, напротивъ, въ неопредѣленную и причудливую исключительность выраженія. Въ произведеніяхъ слова — и то и другое, конечно, недостатокъ: но оба недостатка являются часто у талантовъ первостепенныхъ".

А. Ѳ. Писемскій въ началѣ своей прекрасной статьи о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" весьма справедливо замѣтилъ у Гоголя кое-гдѣ присутствіе какой-то „напряженности" или же стремленія сказать больше своего пониманія — „словомъ, создать что-то выше своихъ творческихъ силъ"[1]). Это напряженіе замѣчалъ Писемскій также въ изображеніи дѣвушекъ въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя, „пылкой полячки въ Тарасѣ Бульбѣ", картинной Аннунціаты, и, наконецъ, чуда по сердцу и еще большаго чуда по наружности — Уленьки"[2]), а также „въ созданіи нравственно-здоровыхъ мужскихъ типовъ" и проч.

X.

Хотя Парижъ былъ первымъ городомъ, въ которомъ Гоголь остался на болѣе продолжительный срокъ, но, живя въ немъ, онъ чувствовалъ себя не вполнѣ удовлетвореннымъ и дожидался только прекращенія холеры въ Италіи, чтобы направить туда путь свой. Нетерпѣніе его усиливалось еще отъ недовольства парижскимъ климатомъ, о которомъ онъ составилъ такое невыгодное представленіе, что готовъ былъ сравнивать его съ петербургскимъ и почти во всѣхъ письмахъ жаловался на сырую погоду въ Парижѣ во время

---

1) «Отеч. Записки», 1855, № 10, отд. 3, стр. 58.

2) Тамъ же, стр. 58.

зимы[1]). И такъ если сначала онъ намѣревался пробыть въ Парижѣ около полгода, то уже въ началѣ февраля страсть къ новымъ впечатлѣніямъ опять сильно заговорила въ его душѣ, и тогда уже онъ неудержимо рвался въ Италію, гдѣ ему улыбалась предстоящая торжественная встрѣча праздника Пасхи въ храмѣ св. Петра[2]). Карнавалъ онъ уже пропустилъ, отпраздновавъ его въ Парижѣ.

Въ послѣднее время Гоголя только и удерживала развѣ возможность видѣться часто съ Мицкевичемъ, который жилъ тогда въ Парижѣ, еще не бывши профессоромъ въ Collége de Françe, и съ другимъ польскимъ поэтомъ, Залѣсскимъ[3]). (Такъ какъ Гоголь не зналъ польскаго языка, то разговоръ обыкновенно происходилъ на русскомъ или чаще — на малороссійскомъ языкѣ). Все остальное ему прискучило, и онъ впалъ въ жестокую хандру.

Еще въ Парижѣ застало Гоголя роковое для него извѣстіе о смерти Пушкина. Данилевскій разсказывалъ мнѣ, какъ однажды онъ встрѣтилъ на дорогѣ Гоголя, идущаго съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Гоголь отвелъ его въ сторону и сказалъ: „Ты знаешь, какъ я люблю свою мать; но еслибы я потерялъ даже ее, я не могъ бы быть такъ огорченъ, какъ теперь: Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше!“ Въ самомъ дѣлѣ, онъ казался сильно опечаленнымъ и удрученнымъ. Это грустное событіе еще болѣе усиливало въ Гоголѣ потребность въ нравственномъ освѣженіи.

Въ Италію Гоголя манило желаніе встрѣтить весну во всемъ ея расцвѣтѣ, — весну, это любимое его время года[4]).

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 285 (два раза: въ письмѣ отъ 11/2 января и 15 февраля).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», V, стр. 286 и 287.

[3]) «En 1839 M. Mickiewicz a accepta la place de professeur des littératures anciennes à l'académie de Lausanne». (Nouvelle Biorgraphie, p. 35—36). „W Lipcu 1839 r. przeniósł się Mickiewicz na stale mieszkanie do Paryża, gdzie w tym roku napisał księgi pielgrzymstwa.

Doperu kłopoty pieniężne wyrwali go z tego nieszczęsnego letargu i zmusiły na początku 1839 roku do przyjęcia katedry literatury łacińskiej w Lozannie w Szwajcaryi, zkąd utoli już w roku następnym powołany został na professora literatur Słowiańskich w College de France w Paryżu“.

(„Encykłopedya Powszechna“, Warszawa, 1864, 18, 484).

[4]) См. напр. «Соч. и письма Гоголя», т. V, 49, 33 и проч.

Въ концѣ января 1837 г. по старому стилю Гоголь еще не могъ выѣхать на югъ, такъ какъ слухи о холерѣ не совсѣмъ замолкли; недѣли черезъ двѣ онъ, напротивъ, говорилъ уже, что „болѣзнь въ Италіи давно прекратилась, и время становится благопріятнымъ для отъѣзда“[1]), но несмотря на то онъ остается еще почти на цѣлый мѣсяцъ въ Парижѣ. Если причиной промедленія его на этотъ разъ не были денежныя затрудненія, то, можетъ быть, его слѣдуетъ приписать опасенію пропустить въ дорогѣ время карнавала, такъ какъ въ Римъ уже было невозможно поспѣть къ этому сроку, а затѣмъ пріѣздъ уже могъ быть соображенъ съ наступленіемъ слѣдующаго выдающагося празднованія въ Римѣ, т.-е. праздника Пасхи. По крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ можно думать, что для Гоголя вообще, какъ впрочемъ это и естественно, иногда имѣли нѣкоторое значеніе при опредѣленіи маршрутовъ разныя торжества и выдающіяся событія.

Италія уже заранѣе рисовалась Гоголю въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ, но были еще два особенныхъ обстоятельства, подготовившія въ немъ будущее восторженное отношеніе къ ней. Во-первыхъ онъ еще въ Петербургѣ много слышалъ отъ Жуковскаго о красотахъ Германіи и Швейцаріи и былъ преждевременно настроенъ восхищаться ими, но при собственномъ ознакомленіи съ этими странами его преувеличенныя ожиданія во многомъ не оправдались. Отсюда почувствовалась неудовлетворенность, и душа поэта сосредоточила всѣ надежды на Италіи. Между тѣмъ неожиданное препятствіе не позволило слишкомъ скоро осуществить поѣздку въ заманчивый край, и это послужило другимъ обстоятельствомъ, въ силу котораго заочное обаяніе Италіи росло для Гоголя съ каждымъ днемъ. Нетерпѣніе увидѣть, наконецъ, Италію, насладиться ея пышной весной, встрѣтить въ знаменитомъ храмѣ св. Петра свѣтлый праздникъ и присутствовать въ этотъ день при богослуженіи, совершаемомъ „самимъ папой“, сдѣлалось для Гоголя горячей мечтой въ послѣдніе дни его жизни въ Парижѣ[2]).

Первыя впечатлѣнія Гоголя въ Италіи, когда онъ былъ еще въ дорогѣ и спѣшилъ безостановочно въ Римъ, во мно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 286.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 287.

гомъ, какъ увидимъ, сходны съ впечатлѣніями молодого князя въ его повѣсти. Тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что отсутствіе подробностей въ перепискѣ о выѣздѣ Гоголя изъ Парижа и объ его дорожныхъ впечатлѣніяхъ не позволяетъ намъ въ точности прослѣдить, насколько именно въ этой части разсказа слѣдуетъ искать автобіографическаго матеріала. Первыя римскія впечатлѣнія Гоголя были настолько ярки и сильны, что они совершенно заслонили для него впечатлѣнія предшествующей Риму поѣздки, и о ней онъ, противъ обыкновенія, не упоминаетъ вовсе. Самое письмо къ матери, въ которомъ заключается извѣщеніе о пріѣздѣ въ Римъ, было написано второпяхъ, вслѣдствіе желанія поскорѣе насладиться чуднымъ итальянскимъ небомъ и солнцемъ. О князѣ же въ повѣсти сказано, что онъ „не хотѣлъ медлить минуты и взялъ мѣсто въ курьерской каретѣ. Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда скрылся изъ вида Парижъ, и дохнуло на него свѣжимъ воздухомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марселѣ, не хотѣлъ отдохнуть часу и въ тотъ же вечеръ пересѣлъ на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ: оно омывало берега его отчизны, и онъ полетѣлъ уже, только глядя на однѣ безконечныя его волны“[1]). Оставляя въ сторонѣ личныя черты, относившіяся только къ молодому итальянцу („Средиземное море омывало *берега его отчизны*“), все остальное могло быть отзвукомъ пережитаго самимъ Гоголемъ, какъ къ нему же можно и раньше отнести выраженіе: „и стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манящемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе“[2]). Какъ эстетикъ и энтузіастъ въ отношеніи красотъ природы, Гоголь легко могъ почувствовать даже Средиземное море „роднымъ“ для себя, какъ впослѣдствіи онъ называлъ не разъ родною Италію, а роднымъ языкомъ — итальянскій[3]). Но все это пока предположенія, тогда какъ нельзя ни на минуту усомниться въ томъ, что все сказанное затѣмъ о впечатлѣніяхъ князя въ Генуѣ и Флоренціи должно быть смѣло отнесено къ самому Гоголю.

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 142.
2) Тамъ же, стр. 141.
3) Письмо 16 мая 1838 г. («Вѣстникъ Европы», 1890, II, 565).

Онъ такъ же пріѣхалъ въ Римъ черезъ Генуя и Флоренцію, и такъ же Генуя была первымъ видѣннымъ имъ въ Италіи городомъ, въ которомъ „онъ принялъ первый поцѣлуй Италіи" и потомъ, „какъ прекрасную статую, унесъ ее въ своемъ воображеніи". И князю такъ же, какъ и ему, была незнакома прежде Генуя, и въ описаніи этого города въ повѣсти „Римъ" несомнѣнно отразились собственныя восторженныя впечатлѣнія автора, изъ которыхъ незамѣтно сложился матеріалъ для яркой, хотя и исключительно внѣшней бѣглой характеристики. Описаніе Генуи любопытно въ томъ отношеніи, что уже изъ него ясно, до какой степени душа Гоголя, даже мимоходомъ, жадно захватывала не только очарованіе итальянской природы, но и своеобразную красоту оригинальной итальянской жизни. Видно, что Гоголю Италія полюбилась сразу и сильно, полюбилась навсегда всѣми своими особенностями. Гоголь чутко и живо воспринималъ впечатлѣнія и передавалъ ихъ вполнѣ поэтически. „Въ двойной красотѣ", — писалъ онъ о князѣ, — „вознеслись надъ нимъ пестрыя колокольни Генуи, полосатыя церкви изъ бѣлаго и чернаго мрамора и весь многобашенный амфитеатръ ея, вдругъ обнесшій его со всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Эта играющая пестрота домовъ, церквей и дворцовъ на тонкомъ небесномъ воздухѣ, блиставшемъ непостижимой голубизною, была единственна" [1]). Какъ всегда, Гоголь сумѣлъ съ необыкновенной быстротой схватить всѣ малѣйшія подробности иногда почти неуловимыхъ впечатлѣній и воспроизвести въ одной яркой картинѣ („Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ темныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощеныхъ плитами улицахъ, съ одной узенькой вверху полоской неба. Его поразила эта тѣснота между домами высокими, огромными, отсутствіе экипажнаго стуку, треугольныя маленькія площадки и между ними, какъ тѣсные коридоры, изгибающіяся линіи улицъ, наполненныхъ лавочками генуэзскихъ серебряныхъ и золотыхъ мастеровъ". При первомъ вступленіи на итальянскую почву, Гоголь уже ощутилъ особенное благоговѣйное настроеніе, которое онъ нерѣдко переживалъ потомъ въ тишинѣ украшенныхъ превосходными созданіями искусства католическихъ храмовъ.

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 142—143.

Чтобы убѣдиться еще болѣе, насколько субъективны и въ высшей степени важны для характеристики чувства, охватившаго самого Гоголя въ Генуѣ, слѣдующія за приведеннымъ мѣстомъ слова его въ повѣсти, ихъ необходимо сравнить съ словами его въ одномъ изъ писемъ. „Живописныя кружевныя покрывала женщинъ“, — говоритъ Гоголь, — „чуть волнуемыя теплымъ сирокко, ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ, отворенныя двери церквей, кадильный запахъ, несшійся оттуда, — все это дунуло на него чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви, потерявшей свое чистое, высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни *у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ,* и долго молился самъ не зная за что, — молился, что его приняла Италія, что снизошло на него желаніе молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта вѣрно была лучшая“[1]). Въ письмѣ къ М. П. Балабиной, написанномъ въ апрѣлѣ 1838 года, Гоголь передаетъ въ поразительно сходныхъ чертахъ чувство, испытываемое имъ при посѣщеніи „церквей римскихъ, тѣхъ прекрасныхъ церквей, гдѣ дышетъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе посѣщаетъ середину ихъ, *гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію*“[2]). Ср. въ VI главѣ „Тараса Бульбы“ въ исправленномъ видѣ: „*Нѣсколько женщинъ, похожихъ на привидѣнія, стояли на колѣняхъ;* нѣсколько мужчинъ, *прислонясь у колоннъ, печально стояли тоже на колѣняхъ.* Окно съ цвѣтными стеклами, бывшее надъ алтаремъ, озарилось розовымъ румянцемъ утра, и упали отъ него на полъ голубые, желтые и другихъ цвѣтовъ кружки свѣта, освѣтившіе внезапно темную церковь. Весь алтарь въ своемъ далекомъ уединеніи показался вдругъ въ сіяніи; кадильный дымъ остановился въ воздухѣ радужнымъ освѣщеннымъ облакомъ“[3]). Припоминая это прекрасное мѣсто, гдѣ Гоголь такъ художественно рисуетъ картину быстраго распространенія утренняго свѣта

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 143.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 315.

[3]) «Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 296—297.

въ сумракѣ костела, — мѣсто *отсутствующее въ первоначальномъ эскизѣ,* — мы не можемъ сомнѣваться, что между нимъ и приведенными выше строками письма къ Балабиной сходство во всякомъ случаѣ далеко не случайное, и дѣйствіе, произведенное этимъ эффектнымъ свѣтомъ, вмѣстѣ съ волшебными звуками органа, на душу Андрія, конечно, было только отголоскомъ тѣхъ чудныхъ поэтическихъ минутъ, которыя оставили неизгладимый слѣдъ въ религіозной душѣ самого автора, не разъ испытавшаго сладкій трепетъ благоговѣнія въ великолѣпныхъ и изящныхъ римскихъ церквахъ[1]).

XI.

Наконецъ Гоголь прибылъ въ Римъ. Путешествіе его было не очень удачно: оно затянулось гораздо дольше, чѣмъ можно было предполагать. Онъ „ѣхалъ и моремъ, и землею, съ задержками и остановками, но, несмотря на все это, поспѣлъ какъ разъ къ празднику“[2]).

Намъ необходимо остановиться подробнѣе на томъ огромномъ значеніи, которое имѣла для Гоголя жизнь въ Италіи.

Страсть къ Риму представляетъ такой крупный, знаменательный фактъ въ біографіи нашего писателя, что она должна быть отмѣчена съ особеннымъ удареніемъ. Въ Римѣ Гоголь нашелъ, наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, тотъ родной уголокъ земли, гдѣ онъ могъ, предаваясь отъ души блаженству исполненной тонкихъ художественныхъ наслажденій жизни, позабыть на время всѣ мучительныя невзгоды и дрязги, гдѣ ему дышалось хорошо и привольно и откуда не тянуло его даже въ родную Украйну. Здѣсь ему удалось, хотя не надолго, найти настоящій земной рай, и наслажденіямъ его не было границъ. Ни въ годы счастливой юности, ни въ пору блестящихъ литературныхъ успѣховъ Гоголь не зналъ и тѣни того восторженнаго поэтическаго упоенія, которому онъ от-

---

[1]) Все сказанное достаточно подтверждаютъ заключеніе Н. С. Тихонравова о важномъ автобіографическомъ значеніи повѣсти «Римъ».

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 287.

дался беззавѣтно въ Италіи. Въ Римѣ ему сразу и навсегда полюбилась и „скромная тишина улицъ, и это особенное выраженіе римскаго населенія, и этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ, то въ видѣ чернаго аббата съ треугольными шляпами, черными чулками и башмаками, то въ видѣ старинной, пурпурной, кардинальской кареты съ позлащенными осями, колесами, картузами и гербами — все какъ-то согласовалось съ важностью Рима"[1]). Великое историческое прошлое Италіи также часто рисовалось въ пылкомъ воображеніи поэта во всемъ своемъ славномъ, міровомъ величіи, и, припоминая его, онъ готовъ былъ въ восторгѣ восклицать вмѣстѣ съ изображеннымъ имъ въ повѣсти „Римъ" молодымъ княземъ, что „еще не умерла Италія, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ея великій геній, уже въ самомъ началѣ завязавшій въ груди ея судьбы Европы, внесшій крестъ въ европейскіе темные лѣса, вознесшійся потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣнчавшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи"[2]) и проч. Напомнимъ мимоходомъ, что отъ этихъ послѣднихъ строкъ, какъ и отъ всей повѣсти „Римъ", снова вѣетъ молодыми увлеченіями Гоголя, ярко проявившимися въ его историческихъ статьяхъ и набросkахъ, помѣщенныхъ имъ въ „Арабескахъ".

Горячій энтузіазмъ Гоголя, вспыхнувшій свѣтлымъ пламенемъ при въѣздѣ въ Италію, и порожденная имъ исключительность, побуждавшая впослѣдствіи нашего поэта на нѣкоторое время пожертвовать предмету своего новаго пристрастія почти всѣми интересами жизни, довели его до того, что, по словамъ покойнаго Анненкова, „взлелѣянный уединеніемъ Рима, онъ весь предался творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что̀ дѣлается въ остальной Европѣ"[3]).

Въ Италіи Гоголь съ самыхъ первыхъ дней восхищался и природой, и произведеніями искусства, и въ каждомъ словѣ, которымъ онъ привѣтствовалъ радушно принявшую его страну, слышится горячее чувство художника. Странно,

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 149.
2) Тамъ же, стр. 154.
3) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 200.

какимъ образомъ онъ могъ писать позднѣе Жуковскому, что Швейцаріей и Германіей онъ будто бы восторгался больше, нежели со временемъ Италіей при первомъ ознакомленіи съ нею, тогда какъ уже первыя впечатлѣнія, полученныя имъ въ Римѣ, были полны безпредѣльнаго восторга. Впрочемъ, и Данилевскому онъ также говорилъ однажды: „Влюбляешься въ Римъ очень медленно, понемногу и уже на всю жизнь. Словомъ, вся Европа для того, чтобы смотрѣть, а Италія для того, чтобы жить“[1]). Въ самомъ дѣлѣ, это былъ не мимолетный порывъ эстетическаго увлеченія, но истинная, жаркая, пламенная страсть.

Необходимо по возможности прослѣдить, какъ крѣпла и росла эта страсть и какіе слѣды она оставила на личности и творчествѣ Гоголя. Для того, чтобы оцѣнить въ полной мѣрѣ ея значеніе, слѣдуетъ обратить вниманіе какъ на исключительность поэтической натуры Гоголя, такъ и на самый предметъ его страсти. Если, какъ поэтъ, Гоголь страстно любилъ природу вообще, то извѣстно, что больше всего его приводила въ восторгъ чудная, ни съ чѣмъ несравнимая прелесть европейскаго юга, чарующая роскошь весны, яркій, привѣтливый блескъ солнечнаго дня. Въ силу своей пылкой южной натуры, Гоголь цѣнилъ въ природѣ преимущественно яркія, сверкающія краски; понятно, что ему особенно должна была прійтись по душѣ именно природа „счастливой“ Италіи, съ ея пламенной нѣгой, въ ея вѣчно свѣтломъ, праздничномъ ликованіи. Неудивительно также, что если, едва лишь вступивъ въ предѣлы Италіи, Гоголь беззавѣтно отдался захватывающему дѣйствію ея дивныхъ красотъ, то потомъ Италія осталась для него почти до гроба обѣтованной землей, и ему, какъ всякому человѣку, охваченному страстью, съ каждымъ днемъ открывались въ любимомъ предметѣ незамѣченныя и неоцѣненныя прежде красоты. Чары Италіи заслонили и смягчили для него самую утрату Пушкина. „О, Пушкинъ, Пушкинъ!“ — говорилъ онъ: — „какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Что̀ бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью, всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 309.

Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красоты. Она замѣнила мнѣ все. *Гляжу, какъ изступленный, на нее и не нагляжусь!*“ [1]). Объ Италіи онъ говоритъ съ величайшимъ восхищеніемъ во многихъ письмахъ и потомъ до конца жизни не могъ о ней вспомнить иначе, какъ съ восторженнымъ чувствомъ, при чемъ это увлеченіе иногда сообщалось и его собесѣдникамъ. Такъ точно и товарищъ и участникъ его заграничныхъ странствованій и восторговъ, А. С. Данилевскій, уже на краю гроба, не могъ говорить безъ волненія о чудной странѣ, въ которой онъ пережилъ съ Гоголемъ столько свѣтлыхъ, незабываемыхъ въ жизни минутъ. Его воспоминанія о Римѣ, объ Isola Bella и проч. въ тѣсномъ кругу любящей семьи, при всемъ грустномъ сознаніи вѣчной, невознаградимой утраты, дышали какой-то неизъяснимой отрадой... Но всего замѣчательнѣе было наслажденіе Гоголя, когда ему выпадалъ счастливый случай посвящать неопытнаго новичка во всѣ неизвѣданныя имъ тайны святынь итальянской природы и искусства. Въ это время Гоголь чрезвычайно воодушевлялся, гордясь всѣмъ показываемымъ, какъ собственнымъ счастьемъ и славой. Всѣхъ наиболѣе дорогихъ людей онъ неоднократно звалъ и заманивалъ въ Италію, какъ только могъ, и радовался, когда узнавалъ, что кому-нибудь изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ предстояла поѣздка въ Италію. Гоголю, конечно, случалось находить и сочувствующихъ товарищей своего страстнаго обожанія Италіи, къ числу которыхъ прежде другихъ можетъ быть отнесена его бывшая ученица М. П. Балабина, до того полюбившая Римъ, что, выѣхавъ однажды изъ него, просила Гоголя поклониться отъ нея всему тому, что болѣе говоритъ о Римѣ и, между прочимъ, непремѣнно первому встрѣчному аббату [2]). Ей же Гоголь въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщалъ о вторичномъ пріѣздѣ своемъ въ Италію, очевидно, вполнѣ разсчитывая на сочувствіе: „Когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался прекрасенъ! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ, и въ

---

1) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 958.

2) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 320. Объ увлеченіи Гоголя Римомъ см. также въ «Запискахъ для біографіи Гоголя» Гаевскаго.

которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ моя душа жила еще прежде, чѣмъ я родился на свѣтъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любитъ оно показываться сквозь арки Колизея"[1]). Также дѣлили съ Гоголемъ въ Италіи свои восторги Жуковскій и Шевыревъ, а отчасти и Погодинъ. Римъ нравился также и больному Іосифу Віельгорскому. Только одинъ, почти безъ движенія пригвожденный къ своему грустному одру, несчастный страдалецъ Языковъ не могъ увлекаться этимъ чуднымъ краемъ и лишь тяготился напоминавшимъ о жизни и счастьѣ энтузіазмомъ Гоголя. Наконецъ, даже маленькимъ дочерямъ Александры Осиповны Смирновой Гоголь умѣлъ внушить такую сильную симпатію къ Италіи, что, возвратившись однажды послѣ большого промежутка времени въ Римъ, онѣ въ избыткѣ восторга и счастья бросились цѣловать мостовую вѣчнаго города[2]).

Словомъ, годы, проведенные Гоголемъ въ Римѣ, можно безъ большого преувеличенія назвать въ нѣкоторомъ родѣ свѣтлымъ праздникомъ его жизни.

XII.

Въ письмахъ Гоголя мы находимъ всюду восторженные гимны Италіи; приведемъ здѣсь одинъ изъ нихъ (изъ письма къ Плетневу), особенно ярко рисующій страстное очарованіе Гоголя Италіей:

„Что̀ за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что̀ ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства — все, кажется, дышетъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 315. Здѣсь уже сказывается тотъ мистическій взглядъ Гоголя, который не разъ повторяется потомъ въ его письмахъ и бесѣдахъ. Такъ, начало своего знакомства съ А. О. Смирновой Гоголь относилъ къ тому времени, когда ни его, ни ея не было на свѣтѣ. «Русская Старина», 1888, IV, стр. 46.

[2]) «Русск. Стар.», 1888, X, 129, примѣч.

говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что̀ бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ, прекраснымъ романомъ, или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю ее, читаю... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите... не хотите ни того ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце (а оно глядитъ каждый день) — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца (что̀ бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце), то идите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!... Вообразите, когда проходятъ два — три мѣсяца, и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточекъ его"[1])!

Въ началѣ того же письма Гоголь говоритъ Плетневу: „Не сердитесь на меня, что письма мои такъ пусты и глупы. Я бы радъ былъ написать лучше, но въ то самое время когда примусь за перо, мысль моя уже занята другимъ. Кажется много, о чемъ бы хотѣлось поговорить, но какъ скоро дойду до дѣла — голова моя точно деревянная", разсказы-

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 329—330.

вать же то, о чемъ трезвонитъ весь міръ, и разсказывать такими пошлыми словами, какъ разсказываютъ путешественники — это хуже, чѣмъ святотатство; тутъ невольно придетъ на память вся пошлость и водяность, какая только существуетъ на этомъ грѣшномъ свѣтѣ. И такъ, не сердитесь". Въ письмѣ къ М. П. Балабиной изъ Рима (мѣсяцъ апрѣль, 2588 г. отъ основанія города) Гоголь говоритъ: „я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами отъ 29-го января" („по медвѣжьему стилю"); увлеченіе поэта Римомъ доходитъ до того, что онъ, обѣщая помолиться въ Римѣ за свою корреспондентку, восклицаетъ: „ибо въ одномъ только Римѣ молятся; въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся"[1]). Объ иностранцахъ, пріѣхавшихъ въ Римъ, Гоголь отзывается нелестно, не исключая даже и русскихъ („между ними цѣлая ватага русскихъ"); онъ сердится на нихъ за осужденіе итальянцевъ, и съ своей стороны замѣчаетъ: „А какъ несетъ отъ нихъ казармами, такъ просто мочи нѣтъ". „Мнѣ кажется", говоритъ Гоголь, „что еслибы мнѣ предложилъ — натурально не какой-нибудь Г...и...ъ или король, а кто-нибудь посильнѣе ихъ, что̀ бы я предпочелъ видѣть передъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, я предпочелъ бы Римъ нынѣшній". Наконецъ онъ говоритъ о Римѣ и вообще объ Италіи, что, „кажется, какъ потянешь носомъ, то, по крайней мѣрѣ, семьсотъ ангеловъ влетаютъ за однимъ разомъ въ носовыя ноздри". Замѣчательно, что съ подобнымъ же чувствомъ писалъ о Парижѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ Малороссіи и Данилевскій: „Если бы вы знали, какъ я скучаю здѣсь и какъ желаю вырваться изъ этого омута, называемаго Малороссіей. И какая перемѣна вдругъ! Парижъ и дальній, заброшенный уголокъ Полтавской губерніи, гдѣ я осу-

---

1) Въ томъ же письмѣ къ Балабиной послѣ словъ: «въ народѣ вышелъ вдругъ экспромтъ: «I Dio vuol carnavale e non vuol carnavale» въ изданіи г. Кулиша пропущены слѣдующія строки: «Это напоминаетъ мнѣ экспромтъ по случаю запрещенія папою карнавала въ прошломъ году. Вы знаете, что нынѣшняго папу, по причинѣ его большого носа, зовутъ Пулчинеллой. Вотъ экспромтъ:

«O! questi diche bella!
Prohibiste il carnavale
Pulcinella».

жденъ на лѣнь, на скуку и на „Московскія Вѣдомости". Я часто припоминаю замѣчаніе ваше, что мы живемъ заграницей на счетъ будущаго нашего счастья и чувствую всю справедливость его"[1]).

XIII.

Гоголь пріѣхалъ въ Римъ съ своимъ знакомымъ Золотаревымъ 14 марта 1837 года. Выѣзжая изъ Парижа, онъ взялъ съ Данилевскаго слово какъ можно скорѣе послѣдовать за нимъ, не позже какъ черезъ недѣлю послѣ его собственнаго пріѣзда. Но, какъ всегда, Данилевскій нѣсколько запоздалъ. Гоголь въ такихъ выраженіяхъ упрекалъ своего друга: „чортъ возьми! Я для тебя приготовилъ и квартиру, и готовился быть твоимъ чичероне, и вмѣсто того... Напиши по крайней мѣрѣ, гдѣ ты располагаешь быть черезъ полтора мѣсяца". Гоголь досадовалъ, что, вмѣсто Италіи, Данилевскій двинулся въ Швейцарію и мерзнетъ въ гостинницѣ какого-то „Жанена". Привыкнувъ называть этимъ именемъ П. В. Анненкова и не разобравъ сначала, въ чемъ дѣло, онъ не могъ никакъ понять, какимъ образомъ пріятель его поселился въ Женевѣ у Анненкова: „Я никакъ сначала не могъ взять въ толкъ" — отвѣчаетъ Гоголь, — „про какого же Анненкова ты пишешь, и думалъ уже, не свихнулъ ли ты, Боже сохрани, съ разума, говоря, что и я у него стоялъ"[2]). Гоголь выходилъ изъ себя и журилъ своего пріятеля за его причудливый поступокъ. „И что тебѣ пришла за блажь ѣхать въ Швейцарію! Я ожидалъ тебя день за день, вѣрилъ въ непреклонность твоего обѣщанія и думалъ, что вотъ дверь отворится, и ты войдешь ко мнѣ въ комнату, и вдругъ — письмо изъ Женевы!!"...

Г. Кулишъ по ошибкѣ выставилъ на этомъ письмѣ въ скобкахъ по предположенію 1838 г. вмѣсто 1837 г. Послѣднее очевидно изъ словъ: „Ты нарочно меня водишь за носъ... Прошлый годъ давалъ слово пріѣхать ко мнѣ въ Швейцарію — дернулъ въ Парижъ, теперь, обѣщавшись навѣрное пріѣхать въ Италію, дернулъ въ Швейцарію"[3]). Еще болѣе подтвер-

---

[1]) «Жизнь и труды Погодина», т. V, стр. 320.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 309—310.

[3]) Тамъ же, стр. 310.

ждаютъ наше предположеніе слова: „Тебѣ нужно было, непремѣнно нужно, испытать художнически — монастырскую жизнь въ Италіи, покушать мрамора и гипса, котораго здѣсь вдоволь, упиться звѣздами ночи, которыя блещутъ здѣсь необыкновеннымъ блескомъ, наглядѣться на монаховъ и аббатовъ, которыми, какъ макомъ, усѣяны улицы“. Эти строки могли быть написаны, конечно, не иначе, какъ *до перваго пріѣзда Данилевскаго въ Италію*.

Когда въ половинѣ марта 1837 года Гоголь поселился въ Италіи, Данилевскій оказался весьма неисправнымъ корреспондентомъ. Оставляя Парижъ, Гоголь взялъ съ него обѣщаніе также писать какъ можно чаще, извѣщая даже о неимѣніи матеріи для письма, а самъ, въ свою очередь, далъ слово писать непремѣнно съ каждаго мѣста остановки.

Въ это же время Гоголь, именно 30 марта, т.-е. съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ своего пріѣзда въ Римъ и почти передъ пріѣздомъ туда Данилевскаго, уже совершенно сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть снова своего друга и въ такихъ выраженіяхъ жаловался на него Прокоповичу: „Данилевскій обѣщался недѣлю послѣ меня быть въ Римъ, но *до сихъ поръ его не вижу*“. Все это очень ярко характеризуетъ степень любви Гоголя къ Данилевскому: мѣсяцъ просрочки противъ обѣщаннаго свиданія уже такъ сильно волновалъ Гоголя.

Послѣ разлуки съ Данилевскимъ, какъ видно изъ писемъ, парижскія впечатлѣнія долго еще не могли изгладиться изъ памяти Гоголя, и все ему представлялись boulevard des Italiens, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Данилевскимъ, и café Monmartres, гдѣ они постоянно обѣдали (до и послѣ знакомства съ Ноэлемъ). Онъ вспоминалъ нерѣдко всѣ мелочи ихъ парижской жизни и обстановки, даже m-me Hochard и Филиппа, garçon de café Monmartres[1]).

Петербургскіе друзья, привыкшіе къ извѣстіямъ о совмѣстномъ жительствѣ и переѣздахъ Данилевскаго и Гоголя, были не мало удивлены ихъ разлукой, и одинъ изъ нихъ предположилъ даже между ними ссору. Когда это предположеніе дошло до Гоголя, онъ пришелъ въ негодованіе и написалъ по этому поводу Прокоповичу: „Данилевскій те-

---

[1]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, 293, 298, 354, 364 и пр.

перь тоже въ Римѣ. Онъ думалъ на зиму возвратиться въ Парижъ и разскажетъ тебѣ все. Да кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пащенко за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому не ѣздимъ вмѣстѣ. Что мы не ѣздимъ всегда вмѣстѣ, это зависитъ отъ разности въ образѣ воззрѣній, которымъ разнообразно наполнены наши людскіе умы. Полковникъ[1]) больше человѣкъ современный, воспитанный на современной литературѣ и жизни; я больше люблю старое. Его тянетъ въ Парижъ, меня гнететъ въ Римъ; но, порыскавши, мы всегда сходимся съ нимъ и, такимъ образомъ, приготовляемъ другъ для друга запасъ разговоровъ".

Первое время по пріѣздѣ въ Римъ у Гоголя было совершенно наполнено отъ множества новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, и если онъ могъ о чемъ жалѣть, то развѣ только о томъ, что ему не съ кѣмъ было дѣлить непосредственно своихъ восторговъ. Данилевскому же онъ не могъ теперь передавать охватывавшія его чувства, ожидая его къ себѣ со дня на день. Но онъ тотчасъ же почти писалъ другому наиболѣе близкому своему другу, Прокоповичу: „Что̀ тебѣ сказать объ Италіи? Она прекрасна. Она менѣе поразитъ съ перваго раза, нежели послѣ. Только осматриваясь болѣе и болѣе, видишь и чувствуешь ея тайную прелесть. Въ небѣ и облакахъ виденъ какой-то серебряный блескъ. Солнечный свѣтъ далѣе объемлетъ горизонтъ. А ночи... прекрасны. Звѣзды блещутъ сильнѣе, нежели у насъ, и по виду кажутся больше нашихъ, какъ планеты. А воздухъ! онъ такъ чистъ, что дальніе предметы кажутся близкими"[2]). Изъ этого же письма къ Прокоповичу ясно, что развалины и древности Рима, увѣнчанныя плющемъ, вдѣланные въ новые дома куски старинной стѣны, колонны или рельефа, съ самыхъ первыхъ дней очаровали Гоголя. Начиная съ этого письма къ Прокоповичу, а также съ письма Гоголя матери, написаннаго тотчасъ по пріѣздѣ въ Римъ, мы замѣчаемъ вообще, что онъ вступаетъ въ новую, лучшую фазу своей жизни. Его письма изъ Италіи настолько же блещутъ поэ-

---

[1]) Такъ здѣсь въ шутку названъ Данилевскій, какъ служившій прежде въ военной службѣ. «Русское Слово», 1859, I, 100—101.

[2]) «Русское Слово», 1859, I, 99.

зіей, настолько проникнуты здоровьемъ и радостнымъ чувствомъ молодого, счастливаго упоенія жизнью, насколько черезъ нѣсколько времени они становятся, напротивъ, унылыми, монотонными и безжизненными. Но особенно они дышутъ жизнью и счастьемъ въ 1838 и 1839 годахъ, хотя въ это время его переписка даже съ матерью становится очень рѣдкою: до того онъ былъ упоенъ и поглощенъ тогда одной Италіей.

И. Ѳ. Золотаревъ жилъ съ Гоголемъ въ 1837 и 1838 гг. въ Римѣ. Вотъ что̀ со словъ его пересказываетъ г. Ободовскій:

„Жили они на одной квартирѣ и видѣлись постоянно въ теченіе почти двухъ лѣтъ пребыванія И. Ѳ. въ Италіи.

Это была лучшая пора жизни писателя.

Въ то время, по словамъ И. Ѳ., Гоголь былъ совсѣмъ не тѣмъ мрачнымъ мистикомъ, почти анахоретомъ, какимъ онъ является въ послѣдній періодъ своей жизни.

Напротивъ, въ описываемую эпоху писатель былъ полонъ жизни: веселый, разговорчивый, онъ былъ весь, такъ сказать, охваченъ красотою римской природы и подавленъ массою памятниковъ искусства, которыми былъ окруженъ.

До какой степени былъ онъ увлеченъ окружавшей его обстановкою вѣчнаго города, указываетъ эпизодъ, происшедшій при самомъ пріѣздѣ И. Ѳ. Золотарева въ Римъ.

„Первое время, отъ новости ли впечатлѣній, отъ переутомленія ли дорогой, или отъ чего другого, разсказывалъ И. Ѳ., я совершенно лишился сна.

„Совсѣмъ спать не могу, просто въ отчаянье прихожу, пожаловался я разъ какъ-то Гоголю. Велико же было мое удивленіе, когда, вмѣсто сочувствія къ моему тяжелому положенію, Н. В. пришелъ въ восторгъ.

— Какъ ты счастливъ, Иванъ, воскликнулъ онъ, — что не можешь спать!

— Да какое же тутъ счастье, помилуй, возразилъ я, — что̀ можетъ быть тяжелѣе, мучительнѣе безсонницы!

— Какъ тебѣ не стыдно это говорить, закричалъ Гоголь, — не горевать ты долженъ, а радоваться!

— Да почему же? спросилъ я уже въ совершенномъ изумленіи.

— А потому, что твоя безсонница указываетъ на то, что у тебя артистическая натура, такъ какъ ты пріѣхалъ въ Римъ, и онъ такъ поразилъ тебя, что ты не можешь спать отъ охватившихъ тебя впечатлѣній природы и искусства. И послѣ этого ты еще не будешь считать себя счастливымъ!

„Убѣждать въ дѣйствительной причинѣ моей безсонницы великаго энтузіаста, цѣлые дни безъ отдыха проводившаго въ созерцаніи римской природы и памятниковъ вѣчнаго города, я счелъ безполезнымъ".

Въ описываемую эпоху, какъ сказано выше, Гоголь вовсе не походилъ на того мрачнаго мистика, которымъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, *но уже въ 1837—1838 г. намѣчалось кое-что изъ тѣхъ чертъ, которыя сдѣлались господствующими въ послѣдній періодъ его жизни.*

Во-первыхъ, онъ былъ крайне религіозенъ, часто посѣщалъ церкви и любилъ видѣть проявленіе религіозности въ другихъ.

Во-вторыхъ, на него находилъ иногда родъ столбняка какого-то: вдругъ среди веселаго, оживленнаго разговора замолчитъ, и слова у него не добьешься. Являлось это у него, повидимому, безпричинно.

Затѣмъ, въ немъ иногда проявлялась странная застѣнчивость. Бывало разговорится и говоритъ весело, живо, остроумно. Вдругъ входитъ какое-нибудь новое лицо. Гоголь сразу смолкаетъ и, какъ улитка, прячется въ свою раковину.

Къ числу особенностей Гоголя принадлежали, по словамъ И. Ѳ., его оригинальность въ одеждѣ и чрезвычайный аппетитъ.

Оригинальность Гоголя въ выборѣ костюмовъ доходила иногда просто до смѣшного. Такъ, когда онъ былъ въ Гамбургѣ, то заказалъ себѣ все платье изъ тика, и когда ему указывали на то, что онъ дѣлаетъ себя смѣшнымъ, писатель возражалъ: „что̀ же тутъ смѣшного: дешево, моется и удобно".

Между прочимъ, сдѣлавъ себѣ упомянутый костюмъ, онъ написалъ четверостишіе:

„Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ
„Въ Гамбургѣ штанишки,
„Благодаренъ онъ судьбѣ
„За свои дѣлишки".

Четверостишіе это онъ повторялъ потомъ цѣлую недѣлю.

Вообще у Н. В. была привычка, поймавъ какое-нибудь слово или риому, которыя ему почему-либо понравились, повторять ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Аппетитомъ Гоголь обладалъ чрезвычайнымъ. Онъ любилъ и много, и хорошо покушать.

„Бывало зайдемъ мы, разсказывалъ И. Ѳ., въ какую-нибудь траторію пообѣдать; Гоголь покушаетъ плотно, обѣдъ уже конченъ. Вдругъ входитъ новый посѣтитель и заказываетъ себѣ какое-нибудь кушанье. Аппетитъ Гоголя вновь разгорается, и онъ, несмотря на то, что только-что пообѣдалъ, заказываетъ себѣ или то кушанье, которое потребовалъ вновь пришедшій посѣтитель, или что-нибудь другое".

Изъ наиболѣе любимыхъ писателемъ кушаній было козье молоко, которое онъ варилъ самъ особымъ способомъ, прибавляя туда рому (послѣдній онъ возилъ съ собою во флаконѣ). Эту стряпню онъ называлъ гоголь-моголемъ и часто, смѣясь, говорилъ:

— Гоголь любитъ гоголь-моголь.

Когда Н. В. начиналъ писать, то предварительно дѣлался задумчивъ и крайне молчаливъ. Подолгу, молча, ходилъ онъ по комнатѣ, и когда съ нимъ заговаривали, то просилъ замолчать и не мѣшать ему. Затѣмъ онъ залѣзалъ въ свою дырку; такъ называлъ онъ одну изъ трехъ комнатъ квартиры, въ которой жилъ съ И. Ѳ. Золотаревымъ, отличавшуюся весьма скромными размѣрами, гдѣ и проводилъ въ работѣ почти безвыходно нѣсколько дней.

По убѣжденіямъ своимъ Гоголь былъ чисто-русскій человѣкъ, а не малороссъ, какимъ его желаютъ представить.

Согласно убѣжденію, вынесенному И. Ѳ. Золотаревымъ изъ совмѣстной жизни съ Гоголемъ въ Римѣ, писатель горячо любилъ именно Россію, а не Малороссію только.

Любимою литературою его была литература русская, причемъ наиболѣе излюбленными Гоголемъ писателями были Жуковскій и Пушкинъ.

Когда послѣдній былъ убитъ, и вѣсть объ этомъ чрезъ посольство достигла до Рима, Н. В. былъ глубоко пораженъ. Цѣлый день онъ не могъ придти въ себя и долгое время спустя послѣ этого событія, поразившаго горемъ всю Россію, былъ молчаливъ и задумчивъ.

И. Ѳ. Золотаревъ разстался съ Гоголемъ въ 1838 г., чтобы

ужъ больше никогда съ нимъ не встрѣчаться. Въ теченіе года послѣ того, какъ они разстались, они были въ перепискѣ, но черезъ годъ переписка прекратилась, и затѣмъ уже И. Ѳ. не имѣлъ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ творцомъ „Мертвыхъ Душъ“ [1]).

Приведенный здѣсь разсказъ, впрочемъ, конечно, требуетъ небольшихъ поправокъ: какъ мы видѣли, Гоголь узналъ о смерти Пушкина еще въ Парижѣ. Не трудно убѣдиться, что въ данномъ случаѣ память измѣнила Золотареву, такъ какъ на третій день по пріѣздѣ въ Римъ Гоголь отвѣчалъ уже Плетневу на это извѣстіе, полученное имъ, очевидно, раньше: едва ли можно допустить, что Плетневъ, не состоявшій прежде съ Гоголемъ въ перепискѣ, зналъ съ такой точностью его маршруты, что могъ разсчитать, гдѣ Гоголь можетъ безъ задержекъ получить письмо, да и извѣстіе въ мартѣ мѣсяцѣ о такомъ крупномъ событіи, не мимоходомъ упомянутомъ въ письмѣ, а составлявшемъ его главную и, какъ видно, на этотъ разъ единственную цѣль, было бы запоздалымъ до невозможности; наконецъ, Золотаревъ говоритъ, что извѣстіе было получено не отъ Плетнева, а черезъ русское посольство въ Римѣ, а это опять представляетъ противорѣчіе другимъ даннымъ. Несомнѣнно, что Золотаревъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ Гоголемъ изъ Парижа въ Римъ, спуталъ здѣсь мелочныя подробности и сообщаетъ о фактѣ, случившемся еще въ Парижѣ.

Другая ошибка Золотарева также совершенно невольная: Гоголь смотрѣлъ на него, какъ на торопливаго и не особенно толковаго наблюдателя, и называетъ его счастливымъ въ сущности иронически. Вотъ что̀ онъ пишетъ о немъ Данилевскому, говоря уже о вторичномъ посѣщеніи имъ Рима: „Золотаревъ пробылъ только полторы недѣли въ Римѣ и, осмотрѣвши, какъ папа моетъ ноги и благословляетъ народъ, отправился въ Неаполь осмотрѣть наскоро все, что̀ можно осмотрѣть. Въ двѣ недѣли онъ хотѣлъ совершить все это и возвратиться въ Римъ досмотрѣть все прочее, что̀ ускользнуло отъ его неутомимыхъ глазъ; но вотъ ужъ больше двухъ

---

[1]) «Ист. Вѣстн.» 1893 г., 1, ст. К. П. Ободовскаго: «Разсказы о Гоголѣ», стр. 36—38. Объ И. Ѳ. Золотаревѣ см. также въ книгѣ Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды», Погодина, т. III, 185—187, и въ «Воспоминаніяхъ В. А. Соллогуба», 111—112.

недѣль, а его все еще нѣтъ“ [1]). Правда, въ этотъ разъ Золотаревъ не пріѣхалъ съ Гоголемъ въ Римъ къ карнавалу, но явился только въ началѣ апрѣля, во время великаго поста, и вторично совершалъ бѣглый обзоръ Рима; но по тону предыдущихъ строкъ все-таки ясно, что Гоголь надъ нимъ подсмѣивалъ и, вѣроятно, не безъ основанія. Другое мѣсто о Золотаревѣ показываетъ, что Гоголь все-таки любилъ его; именно, когда Золотаревъ прибылъ въ Римъ вмѣсто ожидаемаго Данилевскаго, то своимъ появленіемъ возбудилъ радость въ Гоголѣ: „вдругъ предсталъ предъ меня Золотаревъ съ веселымъ лицомъ и письмомъ въ рукѣ. Это появленіе его и это письмо въ рукѣ въ одну минуту ослабили мои перуны“ [2]). Какъ видно изъ другихъ писемъ, у Гоголя и Данилевскаго были съ нимъ вполнѣ товарищескія отношенія до общихъ денежныхъ дѣлъ [3]).

XIV.

Данилевскій пріѣхалъ въ Римъ довольно скоро послѣ Гоголя. Теперь настала очередь Гоголю взять на себя трудъ ознакомленія Данилевскаго съ вѣчнымъ городомъ и его дивной роскошью природы и искусства. Ему было не трудно, впрочемъ, сдѣлать это, потому что онъ буквально упивался Римомъ и всегда съ большимъ восторгомъ готовъ былъ показывать его вновь пріѣзжающимъ знакомымъ и друзьямъ. Извѣстно, какъ онъ водилъ по Риму Жуковскаго, и какъ они вмѣстѣ взбирались на куполъ св. Петра, откуда представился имъ грандіозный видъ на Кампанью.

Гоголь и Данилевскій вращались въ Римѣ преимущественно въ кружкѣ русскихъ художниковъ, пансіонеровъ Академіи Художествъ, въ числѣ которыхъ у нихъ были даже довольно короткіе знакомые; но вообще большинству изъ нихъ, — кромѣ, конечно, А. А. Иванова, — они мало сочувствовали и часто надъ ними подсмѣивались. Къ такимъ принадлежалъ нѣкто Дурновъ, человѣкъ, любившій порисоваться и поволочиться, съ огромнымъ самомнѣніемъ и, между прочимъ,

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 324.

2) Тамъ же, стр. 306.

3) См. тамъ же, стр. 323.

не стѣснявшійся бранить „наповалъ все, что ни находится въ Римѣ“ [1]); Никитинъ, надъ которымъ Гоголь смѣялся по поводу безобразнаго произношенія имъ по-итальянски своего адреса (Vicolo dei Greci, numero dieci; „адресъ Никитина въ стихахъ“, говаривалъ Гоголь); Ефимовъ, показывавшій Погодину, какъ собственное открытіе, какія-то египетскія древности, потому что „имѣлъ благородное обыкновеніе, свойственное впрочемъ всѣмъ художникамъ, не заглядывать въ книги“ [2]). Обо всѣхъ о нихъ Гоголь говорилъ: „что за народъ! ужасъ, какая тоска! и всякій изъ нихъ увѣренъ отъ души, что имѣетъ много таланта“ [3]).

Хотя ни въ одномъ изъ существующихъ источниковъ мы не находимъ точныхъ данныхъ для опредѣленія времени перваго знакомства Гоголя съ русскими художниками въ Римѣ, тѣмъ не менѣе есть достаточно вѣскихъ основаній, по которымъ начало этого знакомства безъ опасенія ошибки можетъ быть отнесено уже къ первымъ мѣсяцамъ жизни нашего писателя въ Римѣ. Оставляя въ сторонѣ даже вполнѣ естественное соображеніе о томъ, что Гоголь, горячо преданный искусству, конечно, тотчасъ же послѣ необходимаго отдыха съ дороги долженъ былъ броситься осматривать со всѣмъ жаромъ новичка и пламеннаго любителя скульптуры и живописи римскіе музеи и картинныя галлереи, при чемъ не могъ оставить безъ вниманія также и скромныя студіи русскихъ художниковъ, — оставляя это въ сторонѣ, можно указать цѣлый рядъ болѣе или менѣе ясныхъ свидѣтельствъ, которыя, будучи сгруппированы вмѣстѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ, дадутъ полное подтвержденіе сказаннаго предположенія. Такъ, въ первомъ же письмѣ изъ Рима Гоголь говоритъ матери: „Я успѣлъ только осмотрѣть часть древностей и развалинъ, которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. *Я не*

---

[1]) См. о немъ въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. V, 301, 324, 364. См. также «Указатель къ письмамъ Гоголя», 2 изд., стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 364. О немъ же въ «Указат. къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 7; 2 изд., стр. 7. К*. — означаетъ на стр. 364: Кузьминъ.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 369 — По словамъ А. С. Данилевскаго, одинъ Ефимовъ занимался египетскими древностями, другой — греческими; оба были архитекторы (Ефимовъ тамъ обозначенъ литерами GN).

смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станетъ на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками и картинами"[1]). Это письмо было написано всего лишь два дня спустя по пріѣздѣ Гоголя въ Римъ, когда онъ не успѣлъ еще не только устроиться, но даже сколько-нибудь осмотрѣться въ новомъ городѣ, хотя и успѣлъ уже побывать въ первый день Пасхи *(это былъ въ то же время второй день послѣ его пріѣзда)* у обѣдни въ храмѣ святого Петра, слушая богослуженіе, совершаемое самимъ папой. Изъ письма видно, что первой мыслью Гоголя было тотчасъ же предпринять прилежный осмотръ картинныхъ галлерей. На первыхъ порахъ Гоголя сильно стѣснялъ недостатокъ денегъ: „Я пріѣхалъ въ Римъ", — писалъ онъ Данилевскому — „только съ двумя стами франками и если бы не страшная дешевизна и *удаленіе всего, что̀ вытрачиваетъ кошелекъ,* то ихъ бы давно не было"[2]) Тѣмъ не менѣе, прошло немного времени, какъ Гоголь уже совершенно былъ охваченъ горячкой благороднаго энтузіазма, заставившей его всецѣло предаться изученію неисчерпаемыхъ сокровищницъ итальянскаго искусства. О его страстномъ упоеніи мы узнаемъ между прочимъ и изъ недавно приведенныхъ воспоминаній его сожителя въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Римъ, Золотарева, и хотя, къ сожалѣнію, эти краткіе разсказы не даютъ намъ никакихъ новыхъ подробностей, но для насъ важно въ настоящемъ случаѣ уже мимоходомъ оброненное замѣчаніе о томъ, что Гоголь „цѣлые дни безъ отдыха проводилъ въ созерцаніи римской природы и памятниковъ вѣчнаго города"[3]). Но вотъ въ скоромъ времени пріѣзжаетъ къ нему Данилевскій, и тогда уже, руководя своимъ пріятелемъ на первыхъ шагахъ знакомства его съ Римомъ, Гоголь, очевидно, находился вполнѣ въ курсѣ дѣла и явился вполнѣ опытнымъ и авто-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 287—288.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 308. — Письмо это слѣдуетъ отнести не къ 1838 г., какъ мы видимъ это у г. Кулиша, но къ 1837 г. на томъ основаніи, что оно было написано раньше *перваго пріѣзда* Данилевскаго въ Италію, а также и потому, что днемъ пріѣзда самого Гоголя въ Римъ здѣсь указывается канунъ свѣтлаго праздника, что̀ совпадаетъ съ данными находящимися въ письмѣ Гоголя къ матери $^{28}/_{16}$ марта 1834 г.

3) «Историческій Вѣстникъ», 1893, I.

ритетнымъ чичероне. Данилевскаго онъ немедленно ввелъ въ кружокъ русскихъ художниковъ, хорошо ему знакомыхъ, и они вмѣстѣ постоянно обращались въ этомъ обществѣ — между прочимъ за недостаткомъ другихъ знакомствъ. Если принять въ соображеніе, что Гоголь пріѣхалъ въ Римъ 14 марта 1837 г. по старому стилю, а Данилевскій явился туда по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ позже, что за тѣмъ оба они были вынуждены уѣхать изъ Италіи уже въ началѣ лѣта по случаю появившейся тогда холеры, то уже изъ неоднократныхъ упоминаній въ ихъ перепискѣ, хотя бы и вскользь, именъ нѣкоторыхъ художниковъ, можно убѣдиться въ существованіи извѣстной короткости всего кружка какъ съ Гоголемъ, такъ и съ Данилевскимъ. (30 марта Гоголь писалъ Прокоповичу: „Данилевскій обѣщался недѣлю послѣ меня быть въ Римѣ, но до сихъ поръ его не вижу". Но Данилевскаго не было въ Римѣ еще и 15 апрѣля 1837 г., когда Гоголь писалъ ему: „Ты не можешь себѣ дать никакой идеи, что̀ такое Рафаэль. Ты будешь стоять передъ нимъ такъ же безмолвный и обращенный весь въ глаза, какъ ты сиживалъ нѣкогда передъ Гризи. Но чортъ возьми! Я для тебя приготовилъ и квартиру и готовился быть твоимъ чичероне, и вмѣсто того!!"[1]).

XV.

Изъ знакомыхъ у Гоголя въ это время въ Римѣ не было почти никого, кромѣ Балабиныхъ, Репниныхъ и княгини Зинаиды Александровны Волконской, не считая, конечно, сожителя его Данилевскаго. Объ отношеніяхъ Гоголя къ послѣднему мы уже много и подробно говорили; что̀ касается до отношеній его къ другимъ поименованнымъ лицамъ, то мы можемъ здѣсь сообщить нѣкоторыя новыя подробности на основаніи разсказа княжны Варвары Николаевны Репниной.

Мы говорили выше, что Гоголь прожилъ нѣсколько недѣль въ обществѣ Балабиныхъ и Репниныхъ въ Баденъ-Баденѣ въ 1836 году. „Послѣ этого"[2]), разсказывала намъ княжна

---

1) «Русское Слово», 1859, I, 100 и «Соч. и письма Гоголя», V, 309.

2) Приводимыя подробности имѣютъ значеніе, между прочимъ, потому, что представляютъ намъ вторую встрѣчу Гоголя съ Репниными и Балабиными въ Римѣ дѣломъ несомнѣнной случайности.

В. Н. Репнина, „изъ Баденъ-Бадена поѣхали мы въ Марсель и потомъ на баркѣ въ Италію. Мы ѣхали такимъ образомъ. По дорогѣ въ Марсель, въ маленькомъ городкѣ на Ронѣ, въ Pont Saint Esprit мы должны были ночевать, потому что мать занемогла. Потомъ мы продолжали прерванный путь съ матерью и сестрой (Елизаветой Николаевной Репниной, вскорѣ послѣ этого вышедшей замужъ за начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ, Павла Ивановича Кривцова), а Марья Петровна Балабина отправилась съ своей матерью до Авиньона. Потомъ мы поѣхали вмѣстѣ въ Ліонъ экипажемъ, а изъ Ліона въ Марсель. Въ Марселѣ сѣли на пароходъ, гдѣ намъ сопутствовали три брата лордовъ Харвей, изъ которыхъ одинъ влюбился въ Марью Петровну и сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ. Въ намѣреніи посвататься онъ рѣшился сопровождать Балабиныхъ въ Италію и поѣхалъ вмѣстѣ съ Варварой Осиповной, Марьей Петровной и съ Глафирой Ивановной Дуниной-Барковской [1]) въ Ливорно. Это былъ первый городъ въ Италіи, въ которомъ мы остановились. Мы должны были долго пробыть тамъ, потому что нашъ корабль былъ въ соприкосновеніи съ Смирной, гдѣ свирѣпствовала тогда чума, и насъ не пускали дальше, а сначала даже и въ Ливорно. Мы должны были остаться въ карантинѣ и здѣсь получили печальное извѣстіе о смерти моей сестры, Кушелевой-Безбородко. Потомъ мы поѣхали въ Пизу. Такъ какъ Пиза чрезвычайно скучный городъ, то Варвара Осиповна вскорѣ переѣхала во Флоренцію. Въ Пизѣ-то Артуръ Харвей и сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Петровнѣ. Она сначала даже дала было согласіе, но отецъ ея, Петръ Ивановичъ, былъ въ страшномъ негодованіи, и дѣло разстроилось. Изъ Флоренціи мы поѣхали въ Римъ. Сюда пріѣхалъ потомъ и мой отецъ. Здѣсь мы опять встрѣтились съ Гоголемъ. У отца была сильная подагра. Онъ часто разговаривалъ съ Гоголемъ, но они не сходились и почти всегда спорили. Отцу сильно не нравился сатирическій складъ ума Гоголя, и онъ былъ притомъ недоволенъ его произведеніями,

---

[1]) Глафира Ивановна Дунина-Барковская была неизмѣнной подругой княжны В. Н. Репниной, имѣвшей несчастье пережить ее. О ней есть воспоминанія въ «Русскомъ Архивѣ».

особенно „Миргородомъ"[1]). Напротивъ, Варвара Осиповна очень любила Гоголя, какъ и вообще всегда цѣнила общество умныхъ и образованныхъ людей. Насъ нерѣдко навѣщалъ аббатъ Lanci, имя котораго не разъ встрѣчается въ перепискѣ Гоголя[2]). Помню, какъ однажды вечеромъ Гоголь у насъ, не переставая, говорилъ по-русски (онъ былъ тогда, что̀ называется, въ ударѣ), такъ что аббатъ, не понимая нашего языка, не могъ во весь вечеръ проронить ни слова. На этотъ разъ, — но это случилось только однажды, — и Варвара Осиповна осталась недовольна Гоголемъ и бранила его за недогадливость и неучтивость".

О княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской и ея отношеніяхъ къ Гоголю княжна Репнина сообщила намъ слѣдующее[3]):

„Зинаида Александровна, урожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская, была жена родного моего (княжны Репниной) дяди, князя Никиты Григорьевича Волконскаго. Ее воспѣвали Веневитиновъ, Жуковскій, Пушкинъ; Мицкевичъ въ чудныхъ стихахъ описалъ ея гостиную. Она жила сначала въ Москвѣ, гдѣ и встрѣчалась съ Веневитиновымъ и Мицкевичемъ. Позднѣе она приняла католичество (тайнымъ образомъ, вѣроятно, еще когда жила въ Москвѣ). Потомъ переѣхала въ Петербургъ. Когда извѣстіе о совращеніи ея въ католицизмъ дошло до императора Николая Павловича, то онъ хотѣлъ ее вразумить и посылалъ ей съ этой цѣлью священника. Но съ ней сдѣлался нервный припадокъ, конвульсіи. Государь позволилъ ей уѣхать изъ Россіи, и она избрала мѣстомъ жительства Италію, что̀, конечно, было въ связи съ перемѣной религіи. Въ Римѣ ее вскорѣ прозвали Beata; она сначала очень полюбила Гоголя, но потомъ возненавидѣла. Это случилось позднѣе, по слѣдующей причинѣ. Когда умиралъ Іосифъ Віельгорскій, то у него ежедневно бывали Елизавета Григорьевна Черткова, урожденная Чер-

---

[1]) Хотя такимъ образомъ несогласіе во взглядахъ несомнѣнно отдаляло старика Репнина отъ Гоголя, но это не мѣшало собесѣдникамъ цѣнить другъ въ другѣ умъ и отнюдь не нарушало ихъ дружескихъ отношеній.

[2]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 320, 376 и проч.

[3]) См. о ней также любопытный разсказъ М. А. Веневитинова («Русскій Архивъ», 1885, 1, 118—120).

нышева, Графиня Марья Артемьевна Воронцова и наконецъ Гоголь[1]). Зинаида Александровна была уже тогда ярая католичка, и мнѣ разсказывали, что Гоголь пошелъ прогуляться и вмѣстѣ поискать священника для исповѣди умирающаго. Гоголь же потомъ самъ читалъ для него отходную. Молодой Віельгорскій причащался въ саду, и мой отецъ поддерживалъ его и читалъ за него: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“. Но когда онъ умиралъ, то въ его комнатѣ уже былъ приглашенный княгиней Волконской аббатъ Жерве. Зинаида Александровна нагнулась надъ умирающимъ и тихонько шепнула аббату: „вотъ теперь настала удобная минута обратить его въ католичество“. Но аббатъ оказался настолько благороденъ, что возразилъ ей: „Княгиня, въ комнатѣ умирающаго должна быть безусловная тишина и молчаніе“. Тѣмъ не менѣе моя тетка (т.-е. княгиня З. А. Волконская) что-то еще пошептала надъ Віельгорскимъ и потомъ проговорила: „Я видѣла, что душа вышла изъ него католическая“. Віельгорскій же былъ передъ смертью такъ слабъ, что Черткова вмѣстѣ съ Гоголемъ нѣжно ухаживали за нимъ и держали тарелку, когда онъ ѣлъ. Но Черткова собиралась уѣхать, такъ какъ этого требовалъ ея мужъ. Въ знакъ глубокой признательности къ ней за хлопоты и попеченія о немъ, Віельгорскій, умирая, снялъ съ руки кольцо, чтобы передать его Чертковой. Увидя это, Волконская почему-то съ несдерживаемымъ негодованіемъ произнесла: „c'est immorale!“ Она находила, что когда Віельгорскій умиралъ, то у него не должно было остаться никакого земного чувства“.

Гоголь прожилъ въ Римѣ до половины іюня 1837 г. и все это время провелъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ. Разстаться съ другомъ и покинуть любимый городъ заставили поэта возобновившіеся и усилившіеся недуги и возвращеніе въ Римъ холеры. Сначала онъ еще надѣялся провести все лѣто въ Римѣ, но вскорѣ нашелъ необходимымъ выѣхать въ Баденъ и писалъ оттуда: „Сердце мое тоскуетъ по Римѣ и по моей Италіи!

---

[1]) По воспоминаніямъ княжны В. Н. Репниной, когда Іосифъ Віельгорскій умиралъ, то отецъ его находился въ Римѣ и былъ въ полномъ отчаяніи, а другъ Луизы Карловны Віельгорской, Марья Артемьевна Воронцова, видя близость развязки, оставила все и поѣхала къ ней на встрѣчу; она получила извѣстіе отъ дочери Віельгорской, Аполлинаріи Михаиловны, что мать ея не проливаетъ ни одной слезы въ нѣмомъ ужасѣ и отчаяніи. Тогда она оставила все и поѣхала къ ней.

И не дождусь, покамѣстъ пройдетъ мѣсяцъ, который мнѣ нужно *убить* на здѣшнихъ водахъ"[1]). Въ началѣ лѣта его сильно захватила нужда и, можетъ-быть, это также была одна изъ причинъ его выѣзда изъ Италіи. Очевидно, всѣ прежнія средства истощились, и Гоголю необходимо было изыскивать новые рессурсы. Онъ поручилъ было Прокоповичу узнать, всѣ ли деньги получены отъ Смирдина и не успѣлъ ли для него что-нибудь сдѣлать Жуковскій при дворѣ[2]). Наконецъ онъ просилъ своего пріятеля продать оставшуюся въ Петербургѣ его библіотеку и прислать ему какія-то „рукописныя книги"[3]), т.-е., конечно, тѣ тетради, въ которыхъ записывались его сочиненія[4]). Въ то же время онъ узнавалъ адресъ Павла Николаевича Демидова, которому вскорѣ и написалъ весьма любезное письмо, напечатанное въ „Русской Старинѣ" (1888 г., мартъ)[5]). Но въ Римѣ вскорѣ усилилась холера, и это прискорбное обстоятельство заставило Гоголя противъ воли все болѣе отсрочивать свое возвращеніе въ излюбленный городъ; такъ 12 іюня онъ писалъ, что предполагаетъ только мѣсяцъ пробыть въ Швейцаріи[6]), тогда какъ черезъ нѣсколько дней онъ писалъ уже съ дороги, что проживетъ недѣли двѣ въ Баденѣ и затѣмъ уже пріѣдетъ въ Женеву, а въ Римъ воротится только въ концѣ августа или въ началѣ сентября[7]). Такъ или иначе, нѣтъ никакого сомнѣнія, что внѣ Италіи Гоголя удерживала только крайняя необходимость. Еще немного позднѣе онъ писалъ Прокоповичу: „возьми изъ банка полторы тысячи и пришли мнѣ".

---

1) «Русское Слово», 1859, 1, 104.

2) Тамъ же, стр. 101.

3) Тамъ же, стр. 102.

4) См. письмо къ Прокоповичу отъ 3-го іюня 1837 г. въ «Русскомъ Словѣ» (1859, 1, 100—103); но тамъ необходимо исправить опечатку: какъ видно изъ подлиннаго письма, хранящагося въ библіотекѣ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, письмо было написано 3-го *іюня,* а не *іюля,* какъ напечатано въ «Русскомъ Словѣ».

5) См. тамъ же, 103 и «Русская Старина», 1888, III, 766—767. Но замѣчанія покойнаго Гатцука по ошибкѣ отнесены къ Павлу Николаевичу Демидову, къ которому адресовано письмо, вмѣсто брата его, Анатолія Николаевича, о чемъ см. ниже. Объ обоихъ Демидовыхъ см. въ «Воспоминаніяхъ Соллогуба», стр. 141—142, 145.

6) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 290.

7) Тамъ же, стр. 291.

Изъ письма отъ 16-го іюля 1837 г. къ Варварѣ Осиповнѣ Балабиной оказывается, что онъ прибылъ въ Баденъ около половины этого мѣсяца, такъ какъ, согласно обѣщанію, письмо было написано на первыхъ дняхъ по пріѣздѣ. „Я обѣщался писать“, — говорилъ Гоголь въ началѣ письма, — „пріѣхавши на мѣсто, гдѣ мнѣ суждено пользоваться водопоемъ, и передать вамъ впечатлѣнія, которыя произвела на меня Швейцарія послѣ Италіи“[1]) и проч. Судя по второй половинѣ письма, въ Баденѣ онъ не намѣревался оставаться долго („я въ Баденѣ мимоѣздомъ. Еще неизвѣстно, на какія воды буду отправленъ“). Между тѣмъ (какъ видно изъ письма къ матери отъ 1-го октября) онъ остался въ Баденѣ цѣлый мѣсяцъ и въ этотъ-то промежутокъ, вѣроятно, побывалъ вмѣстѣ съ братомъ А. О. Смирновой, Аркадіемъ Осиповичемъ Россетомъ, въ Страсбургѣ, какъ это видно изъ книги г. Кулиша: „Записки о жизни Гоголя“[2]). Причиной такого промедленія, кромѣ лѣченія, могла быть, такимъ образомъ, новая пріятная встрѣча съ Смирновой, облегчившая для него одиночество и скуку.

XVI.

Съ половины іюля почти до октября 1837 года переписка Гоголя совершенно прекращается. Такой перерывъ, однако, долженъ быть объясненъ не одной болѣзнью, но и другими соображеніями. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ боленъ въ этотъ промежутокъ времени, но не тяжело, такъ какъ въ противномъ случаѣ воспоминаніе объ этомъ непремѣнно сохранилось бы или въ печатныхъ источникахъ, или въ памяти тѣхъ лицъ, которыя знали его и не забыли это далекое время[3]). Между тѣмъ совершенно не осталось никакихъ слѣ-

[1]) «Русское Слово», 1860, XII, отд. 3, стр. 27.

[2]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 209. Изъ этого мѣста видно, что Гоголь оставался въ Баденѣ до отъѣзда Смирновыхъ, а потомъ онъ провожалъ ихъ въ Карлсру и снова возвратился въ Баденъ. Смирновымъ онъ читалъ въ Баденѣ «Мертвыя Души» въ присутствіи А. Н. Карамзина, гр. Л. А. Сологуба и В. П. Платонова; см. ниже.

[3]) Строки эти были написаны нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь, увы! многія изъ лицъ, знавшихъ и помнившихъ Гоголя, сообщавшихъ намъ передаваемыя о немъ здѣсь данныя, отошли въ вѣчность (Данилевскій, В. Н. Репнина, О. Н. Смирнова и проч.).

довъ чего-либо подобнаго, и напротивъ, есть основаніе думать, что Гоголь ни разу не былъ сильно боленъ до 1840 г., хотя тогда перерывъ въ его перепискѣ былъ никакъ не больше. Мы уже говорили, что въ Баденѣ Гоголь пробылъ больше мѣсяца, слѣдовательно до половины или конца августа[1]). Передъ пріѣздомъ въ Баденъ онъ, неизвѣстно для какой цѣли, былъ снова во Франкфуртѣ-на-Майнѣ[2]). Въ Баденѣ онъ былъ совершенно здоровъ и выѣзжалъ оттуда нѣсколько разъ, напр., въ Страсбургъ и Карлсруэ. Такъ какъ это время онъ провелъ преимущественно въ семьѣ Александры Осиповны Смирновой, то много любопытныхъ подробностей должно открыться по обнародованіи подлиннаго дневника послѣдней.

Пока приводимъ здѣсь разсказъ г. Кулиша со словъ А. О. Смирновой въ его „Запискахъ о жизни Гоголя“.

„Въ 1837 лѣтомъ А. О. Смирнова жила въ Баденѣ. Гоголь пріѣхалъ туда больной, но не лѣчился. Онъ только пилъ воды въ Лихтентальской аллеѣ и ходилъ, или, лучше сказать, бродилъ одинъ по лугу зигзагами, возлѣ Стефанибада. Часто онъ былъ такъ задумчивъ, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то онъ отказывался гулять вмѣстѣ, приводя самыя странныя причины. Изъ русскихъ, кромѣ покойнаго А. Н. Карамзина, его никто тогда не зналъ, а одинъ господинъ изъ высшаго круга даже упрекалъ А. О., что она гуляетъ съ mauvais genre.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Гоголь объявилъ ей, что пишетъ романъ подъ заглавіемъ „Мертвыя Души“ и желаетъ прочитать вечеромъ ей и ея небольшому кружку. Она пригласила къ себѣ покойныхъ А. Н. Карамзина и графа Л. Сологуба и В. П. Платонова. День былъ очень знойный. Въ 7 часовъ вечера небольшое общество усѣлось вокругъ стола, и Гоголь началъ чтеніе. Вдругъ началась страшная гроза. Надобно было затворить окна. Хлынулъ такой дождь, какого никто не запомнилъ. Въ одну минуту пейзажъ перемѣнился; съ противоположной горы полился каскадъ, а маленькая рѣчка взду-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 292.

[2]) «Русское Слово», 1859, I, стр. 104 и 106.

лась и закипѣла. Гоголь посматривалъ сквозь стекла и сперва казался смущеннымъ, но потомъ успокоился и продолжалъ чтеніе. Онъ прочелъ двѣ первыя главы „Мертвыхъ Душъ“, въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣ явились въ печати. Всѣ очень много смѣялись и были въ восторгѣ. Послѣ того онъ просилъ Карамзина проводить его на Грабенъ, говоря, что тамъ много собакъ, а съ нимъ нѣтъ палки. На Грабенѣ, однакожъ, собакъ не было; но Гоголь отъ грозы и чтенія пришелъ въ такое нервическое состояніе, что не могъ итти одинъ. На другой день А. О. просила его повторить чтеніе, но онъ отказался рѣшительно и даже просилъ не просить его никогда объ этомъ.

Изъ Бадена Гоголь ѣздилъ съ А. О. Смирновой и ея братомъ на три дня въ Страсбургъ. Тамъ въ каѳедральной церкви онъ срисовывалъ карандашомъ на бумажкѣ орнаменты надъ готическими колоннами, дивясь изобрѣтательности старинныхъ мастеровъ, которые надъ каждой колонной дѣлали отмѣнныя отъ другихъ украшенія. А. О. взглянула на его работу и удивилась, какъ онъ отчетливо и красиво срисовывалъ.

— Какъ вы хорошо рисуете! сказала она.

— А вы этого и не знали? отвѣчалъ Гоголь.

Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ ей нарисованную перомъ очень искусно часть церкви. Она любовалась его (искусствомъ) рисункомъ, но онъ сказалъ, что нарисуетъ для нея что-нибудь лучше, а этотъ рисунокъ тотчасъ изорвалъ.

Въ половинѣ августа А. О. и ея братъ оставили Баденъ. Гоголь проводилъ ихъ до Карлсруэ, гдѣ переночевалъ съ ними въ гостиницѣ и былъ всю ночь боленъ. На другой день онъ возвратился въ Баденъ.

Послѣ этого личныя и письменныя сношенія между ними прекратились до 1841 года“[1]).

Несомнѣнно, къ встрѣчѣ Гоголя съ Смирновой въ Баденѣ въ 1837 г. слѣдуетъ отнести его разсказъ о своемъ путешествіи въ Испаніи, потому что, какъ видно изъ этого разсказа, излагаемыя событія отнюдь не предшествовали жизни Гоголя въ Испаніи; да и невозможно допустить, чтобы Гоголь могъ успѣть побывать *до* Парижа въ Испаніи и Португаліи.

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 209—210.

„Дѣйствительно“ — говоритъ г. Кулишъ, — „Гоголь провелъ въ Испаніи и Португаліи съ недѣлю въ первую поѣздку за-границею. Если же онъ не говорилъ объ испанской живописи и вообще о памятникахъ искусствъ въ этихъ странахъ, то это, кромѣ его привычки о многомъ умалчивать, происходило оттого, что онъ въ то время *находился уже подъ сильнымъ вліяніемъ Рима*. Испанская школа, въ отношеніи красокъ и въ особенности рисунка, сливалась для него съ Венеціанскою и Болонскою, которыхъ онъ не любилъ, особенно Болонской. Такой художникъ, какъ Гоголь, *познакомясь* съ Микель-Анджело и Рафаэлемъ, не могъ слишкомъ увлекаться другими живописцами. „У него“, по словамъ А. О. Смирновой, „была какая-то трезвость въ оцѣнкѣ произведеній искусства; онъ тогда только называлъ созданіе рѣзца и кисти прекраснымъ, когда оно затрогивало струны его души“.

Итакъ бесѣда о путешествіи Гоголя въ Испаніи и Португаліи происходила *несомнѣнно* при встрѣчѣ Гоголя съ Смирновой въ 1837 году, *послѣ* Испаніи, слѣдовательно не въ Парижѣ, а въ Баденъ-Баденѣ. Но намъ нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что въ Парижѣ, а не въ Баденѣ, Гоголь „однажды описалъ Смирновой малороссійскій вечеръ, когда солнце садится, табуны несутся съ поля къ водопою, подымая копытами пыль, а за ними скачутъ пастухи съ развѣвающимися чубами и пугами (нагайками) въ рукахъ“ или какъ толпа, входя въ театръ гуськомъ (à la file) „покупаетъ право на *хвостъ*“ [1]), что̀, по объясненію г. Кулиша, заключалось въ томъ, что задніе театралы, при входѣ въ театръ гуськомъ (à la file), старались перекупить у переднихъ мѣста. Всѣ подобные разсказы дышали у Гоголя превосходнымъ, неподражаемымъ юморомъ.

Затѣмъ, по выѣздѣ изъ Бадена, трехнедѣльный или мѣсячный промежутокъ времени могъ быть проведенъ Гоголемъ въ безпрерывныхъ переѣздахъ. „Теперь я таскаюсь безпріютно“ [2]), писалъ онъ Прокоповичу 19-го сентября уже изъ Швейцаріи, — если только послѣднее выраженіе не указываетъ исключительно на вынужденный переѣздъ изъ Рима

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 207.

[2]) «Русское Слово», 1859, I, стр. 105.

сначала въ Баденъ, а потомъ въ Женеву. Въ Швейцарію къ нему вскорѣ пріѣхалъ и Данилевскій. Затѣмъ все остальное время до конца ноября онъ прожилъ съ Данилевскимъ и потому, по его словамъ, „провелъ осень довольно пріятно“[1]), и наконецъ при первой возможности снова возвратился въ Римъ, впрочемъ не тотчасъ по прекращеніи въ немъ холеры, а спустя уже нѣкоторое время, потому что въ Женевѣ онъ дожидался писемъ изъ Петербурга (вѣроятно, отъ Прокоповича и Жуковскаго по поводу запросовъ о денежныхъ дѣлахъ). Письмо къ Жуковскому отъ 30 октября 1837 г. изъ Рима заставляетъ, впрочемъ, предположить, что, уже вернувшись туда въ концѣ октября, Гоголь снова на короткое время долженъ былъ еще разъ пріѣхать въ Швейцарію[2]).

Упомянутый пробѣлъ въ перепискѣ могъ произойти прежде всего потому, что матери Гоголь уже писалъ, чтобы она не ждала отъ него писемъ во время предстоящей разъѣздной жизни и не удивлялась, если не будетъ получать отвѣтовъ, такъ какъ и ея письма, адресованныя по прежнему въ Римъ, долго не могутъ быть имъ получены[3]). Онъ не сообщилъ ей опредѣленнаго временнаго адреса, очевидно не зная самъ, какъ придется ему распоряжаться разъѣздами. Впрочемъ, если мать его пожелала бы, чтобы онъ раньше получилъ письмо, то она должна была адресовать письмо въ Женеву въ poste restante, но и это могло произойти только въ концѣ лѣта. „Если успѣете его отправить въ августѣ мѣсяцѣ, то оно будетъ мною получено, потому что, *можетъ быть,* я въ Женевѣ пробуду недѣли двѣ, на возвратѣ въ Италію“[4]). Притомъ въ это время онъ вообще сталъ уже рѣдко переписываться съ матерью и предыдущій промежутокъ между письмами былъ не менѣе продолжительный (также трехмѣсячный)[5]). Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 294.

[2]) Ср. даты писемъ къ Жуковскому («Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 957—958 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 294, откуда видно, что въ концѣ ноября Гоголь снова выѣхалъ изъ Швейцаріи черезъ Семплонъ въ Италію).

[3]) «Соч. и писька Гоголя», т. V, стр. 291.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», V, стр. 291.

[5]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 294, также на стр. 291 слѣдующія строки: «Не удивляйтесь, почтеннѣйшая маменька, что не получаете отвѣтовъ на ваши письма».

Гоголь также совершенно ни съ кѣмъ не переписывался, начиная съ водворенія своего въ Римѣ, даже съ Погодинымъ, и не прерывалъ своихъ отношеній лишь съ Балабиными[1]), Данилевскимъ и Прокоповичемъ, — съ послѣднимъ отчасти даже обмѣнивался письмами по необходимости чаще прежняго. Между тѣмъ съ Данилевскимъ, въ занимающій насъ промежутокъ времени, онъ жилъ вмѣстѣ, а Балабиной — матери — онъ писалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Баденъ[2]). Наконецъ, благодаря карантинамъ и почтовымъ неисправностямъ, нѣкоторыя письма Гоголя, относящіяся къ этому времени, не были получены его корреспондентами. 15 апрѣля 1838 г. Гоголь жаловался Прокоповичу: „Римское правительство вздумало сдѣлать разныя преобразованія почтѣ, которая въ продолженіе холеры и прочихъ несчастныхъ обстоятельствъ, пришла въ весьма жалкое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы эти преобразованія. *Пропало уже два письма,* которыя я писалъ къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, а ко мнѣ, я думаю, множество, потому что я болѣе полугода рѣшительно не получалъ писемъ“[3]).

Всѣ эти справки и соображенія могутъ быть полезны, между прочимъ, для того, чтобы установить предположеніе о поѣздкѣ Гоголя, въ занимающій насъ промежутокъ времени, въ Испанію. Что Гоголь былъ дѣйствительно въ Испаніи, сообщено еще г. Кулишомъ въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ и затѣмъ подтверждается показаніями Смирновыхъ и Данилевскаго; но никакого иного времени для этой поѣздки рѣшительно нельзя допустить по сохранившимся даннымъ переписки[4]). По свидѣтельству покойной О. Н. Смирновой, изъ Марселя Гоголь проѣхалъ въ Барселону и это путешествіе могло произойти въ болѣе, нежели мѣсячный промежутокъ между 15 іюня, когда Гоголь былъ въ Туринѣ, а 21 іюля, когда мы его видимъ уже въ Баденѣ[5]). Притомъ

---

1) «Русское Слово», 1860, XII.

2) «Русское Слово», 1859, I, 107. Впрочемъ Гоголь велъ иногда также переписку съ лицами, не передавшими въ свое время эту корреспонденцію г. Кулишу; такъ до сихъ поръ не напечатаны нѣкоторыя его письма къ Базили, письма къ Андрею Николаевичу Карамзину; также не сохранились и нѣкоторыя письма А. О. Смирновой (см. «Русскій Арх.», 1871, 4—5, стр. 959).

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 291 и «Русское Слово» 1859, I, 103 и 107.

4) «Записки о жизни Гоголя», т. I, 208 и 209; см. также «Русскую Старину», 1888, IV, 49 и настоящаго труда, т. I, 336.

въ это время Гоголь „таскался безпріютно", что, какъ извѣстно изъ многихъ случаевъ его жизни, случалось именно, когда онъ чувствовалъ себя нехорошо. Дорога служила ему обыкновенно развлеченіемъ и способствовала его духовному и тѣлесному возрожденію. Какъ мы видѣли, всѣ эти причины въ настоящемъ случаѣ были въ наличности. Въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 19 сентября 1837 г. читаемъ: „Я боюсь ипохондріи, которая гонится за мною по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется, какъ будто отняла отъ всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать. Желудокъ мой гадокъ до невозможной степени и отказывается рѣшительно варить. Воды мнѣ ничего не помогли; только чувствую себя хуже: легкость въ карманѣ и тяжесть въ желудкѣ". Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединилось потомъ еще то, что библіотеку, оставленную Гоголемъ въ Петербургѣ, стоившую Гоголю до трехъ тысячъ, рѣшительно не удалось продать[1]). Впрочемъ въ концѣ 1837 г. его денежныя обстоятельства замѣтно улучшились: сначала онъ получилъ тысячу рублей отъ Плетнева[2]), что дало ему возможность уплатить нѣкоторую часть долговъ, а потомъ онъ „неожиданно" получилъ отъ государя снова пять тысячъ и такимъ образомъ былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія[3]).

Письмо къ Прокоповичу, въ которомъ сообщено объ этомъ подаркѣ государя, не имѣетъ даты, но оно несомнѣнно предшествовало возвращенію Гоголя въ Италію, такъ какъ по полученіи денегъ онъ нисколько не промедлилъ въ Женевѣ и по пріѣздѣ въ Римъ писалъ Жуковскому въ благодарственномъ письмѣ за присланныя деньги: „Вексель съ извѣстіемъ еще въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибы вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь. — Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ, — все это мнѣ

---

[1]) Тамъ же, 104 и проч. и «Соч. и письма Гоголя», т. V, 322.

[2]) «Русское Слово», 1859, I, стр. 104.

[3]) «Русское Слово», 1859, I, 104 и 107; и «Русскій Архивъ» 1871, 4—5, стр. 957.

снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этого сна — вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность"[1]). Но, судя по датамъ писемъ, Гоголь долженъ былъ снова возвратиться почему-то еще разъ не надолго въ Швейцарію. Вторично онъ поѣхалъ въ Италію уже черезъ Альпы[2]) и, освободившись отъ долговременной тяжести, лежавшей у него на душѣ во все время его разлуки съ страстно любимой Италіей, любовался скалами, стремнинами, водопадами[3]). Опять онъ съ увлеченіемъ передаетъ свои дорожныя впечатлѣнія матери и восхищается прелестнымъ островомъ Isola Bella[4]), всегда сильно нравившимся какъ ему, такъ и Данилевскому. Матери онъ также писалъ о своей радости, испытанной имъ при возвращеніи въ Италію: „Мысль увидѣть Италію опять — вновь произвела то, что я бросилъ Швейцарію, какъ узникъ бросаетъ темницу. Я избралъ на этотъ разъ другую дорогу, сухимъ путемъ, черезъ Альпы, самую живописную, какую только мнѣ удавалось видѣть"[5]), и проч. Наконецъ черезъ Миланъ и Флоренцію онъ прибылъ вторично въ Римъ, и ему уже казалось, что отъ одного пріѣзда въ любимую страну онъ совершенно исцѣлился отъ всѣхъ болѣзней и чувствовалъ себя хорошо[6]).

Итакъ мы не имѣемъ пока ясныхъ данныхъ, чтобы слѣдить въ точности за переѣздами Гоголя въ этотъ длинный промежутокъ времени, почти до конца 1837 года. Впрочемъ можно приблизительно опредѣлить его маршрутъ еще по слѣдующимъ строкамъ письма къ А. С. Данилевскому: „Когда я изъ Неа-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 958.

[2]) Письмо къ Жуковскому изъ Рима отъ 30 окт. 1837 года («Русск. Арх.», 1871, 4—5, 957—959 и отъ 24 ноября 1837 г. изъ Милана) («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 294—295).

[3]) Тамъ же.

[4]) «Можетъ быть, вы слышали про Изолу Беллу, одинъ изъ островов, который состоитъ изъ девяти этажей, изъ терассъ и всевозможныхъ растеній въ мірѣ». («Соч. и письма Гоголя», т. V, 295).

[5]) Тамъ же, 294.

[6]) Легко понять, что крайнее увлеченіе Гоголя, переходя наконецъ всѣ границы, должно было приводить его къ такимъ неумѣреннымъ отзывамъ и сужденіямъ, въ которыхъ поэтическія грезы заслоняли собой трезвыя сужденія спокойно разсуждающаго человѣка.

поля выѣхалъ во Франкфуртъ, я не замѣтилъ совсѣмъ перемѣны въ небѣ и солнцѣ, и пріѣхавши даже въ Парижъ, мнѣ казалось, все предо мною то же небо; но когда я подвигался къ Италіи, даже въ Марселѣ... у, какая разница! Потокъ свѣта. Ей, ей, полнеба топетъ въ свѣту!"[1]). Слѣдовательно, Гоголь между 15-мъ іюня, когда, какъ видно изъ писемъ, онъ былъ еще въ Туринѣ, и 1-го октября, когда онъ пріѣхалъ уже въ Женеву, успѣлъ побывать и въ Германіи (во Франкфуртѣ), и тогда же былъ, вѣроятно, въ Парижѣ.

Осень же Гоголь провелъ снова съ Данилевскимъ въ Швейцаріи, какъ видно изъ письма къ матери отъ 24-го ноября 1837 г. („Я съ большою радостью оставилъ, наконецъ, Женеву, гдѣ, впрочемъ, мнѣ не было скучно, тѣмъ болѣе, что *я имѣлъ счастливую встрѣчу съ Данилевскимъ, и такимъ образомъ мы провели осень довольно пріятно*"[2]). Они жили вмѣстѣ въ Hôtel de la Couronne, гдѣ часто видались, между прочимъ, съ Мицкевичемъ, переселившимся тогда въ Лозанну и пріѣзжавшимъ часто въ Женеву. (Мицкевичъ въ 1839 г. получилъ въ Лозаннѣ каѳедру древнихъ литературъ). На зиму Гоголь поѣхалъ снова въ Римъ, а Данилевскій остался опять „сѣдокомъ въ солнцѣ великолѣпія"[3]), какъ называлъ Гоголь Парижъ. Къ карнавалу Гоголь былъ уже въ Римѣ и, какъ извѣстно, съ увлеченіемъ описывалъ потомъ это, видѣнное имъ въ первый разъ, зрѣлище, которое онъ изображалъ со всѣми подробностями.

Послѣ разлуки Гоголь съ нетерпѣніемъ ждалъ письма отъ Данилевскаго. Въ самомъ дѣлѣ, онъ писалъ и изъ Ліона, и изъ Марселя, наконецъ изъ самаго Рима, но Данилевскій не откликался ни одной строкой. Снова пришлось его усовѣщивать: „Я не требую длинныхъ писемъ" — говорилъ Гоголь: — „нѣсколько строчекъ, записочекъ, но только чтобы это было часто. Это было бы мнѣ напоминаніе, что ты еще существуешь, что ты еще подъ бокомъ у меня, что идешь рука объ руку со мною, хотя невидимо. Пожалуйста, прошу, молю, умоляю, заклинаю". Уговаривая, такимъ образомъ, своего пріятеля, Гоголь даже

---

1) Тамъ же, 299.

2) «Соч. и письма Гоголя», V, 294.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 292, 293.

увѣряетъ его съ добродушнѣйшимъ юморомъ, что послѣ исполненія этого священнаго долга онъ лучше будетъ себя чувствовать, что желудокъ его будетъ лучше варить, и что даже Рубини и Гризи будутъ лучше пѣть[1]).

Такимъ образомъ, маршруты Гоголя въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отъ половины іюня до конца ноября 1837 г., были приблизительно слѣдующіе: 12 или 13 іюня онъ выѣхалъ изъ Рима, 15-го былъ въ Туринѣ, откуда написалъ письмо матери, потомъ былъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ[2]), прожилъ нѣкоторое время въ Баденъ-Баденѣ, потомъ былъ въ Женевѣ, откуда поѣхалъ въ Римъ и прибылъ туда въ концѣ октября (30 октября имъ было изъ Рима написано письмо Жуковскому), затѣмъ снова пріѣхалъ въ Парижъ и въ Швейцарію, наконецъ изъ Женевы возвратился черезъ Семплонъ, проѣхавъ мимо острова Isola Bella, въ Миланъ, Флоренцію и Римъ. Во время этихъ блужданій и переѣздовъ могла быть, кромѣ того, совершена Гоголемъ упомянутая поѣздка въ Испанію. Въ этомъ приблизительномъ маршрутѣ Гоголя мы допускаемъ его вторичное возвращеніе въ Швейцарію, конечно, лишь въ томъ предположеніи, что даты писемъ его вѣрны. (См. подробности въ приложеніяхъ.)

Затѣмъ зиму 1837—1838 года Гоголь провелъ въ Римѣ и тогда уже ему пришлось надолго разстаться съ Данилевскимъ.

XVII.

Послѣ этого пріятелямъ уже не суждено было вмѣстѣ странствовать за-границей, и сношенія ихъ ограничивались преимущественно рекомендаціями другъ другу знакомыхъ, которые, переѣзжая изъ Рима въ Парижъ или обратно, передавали разныя ихъ порученія. Такъ, мы знаемъ, что Данилевскій однажды рекомендовалъ вниманію Гоголя извѣстнаго намъ Золотарева, юношу, года за два передъ тѣмъ

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 298.

2) Если пребываніе Гоголя во Франкфуртѣ было непродолжительно (можетъ быть, одинъ день или нѣсколько часовъ), то Гоголь могъ быть въ Испаніи до Бадена, что необходимо допустить потому, что въ Баденѣ онъ уже упоминалъ о впечатлѣніи своей поѣздки.

кончившаго курсъ въ дерптскомъ университетѣ и познакомившагося съ ними во время поѣздки на пароходѣ въ Любекъ и Гамбургъ. Гоголь, въ свою очередь, поручалъ Данилевскому Квитку, Лукашевича, Межаковыхъ и Мантейфеля[1]), о которыхъ потомъ освѣдомлялся въ нѣсколькихъ письмахъ сряду.

Квитка, Константинъ Андреевичъ былъ товарищъ Гоголя и Данилевскаго по Нѣжинской гимназіи. (См. II Лицей кн. Безбородко, отд. II, CXXXIV (списокъ кончившихъ курсъ студентовъ); Межаковы — знакомые Гоголя. Они были вологодскіе помѣщики, старшій былъ предводителемъ дворянства въ Вологдѣ, а младшій былъ еще юноша. Козловъ, Аполлонъ Иларіоновичъ, былъ одновременно съ Гоголемъ въ Римѣ; это былъ братъ Николая Иларіоновича, впослѣдствіи инспектора Медико-Хирургической или Военно-Медицинской Академіи въ Петербургѣ. Лукашевичъ, Платонъ Акимовичъ, — нѣжинскій товарищъ Гоголя и Данилевскаго. По словамъ послѣдняго, онъ былъ большой чудакъ, но человѣкъ золотого сердца. Онъ издавалъ книги и воображалъ, что открылъ ключъ ко всѣмъ языкамъ. О немъ см. въ письмахъ Гоголя, т. V, стр. 45, гдѣ онъ обозначенъ иниціаломъ Л., и 164, гдѣ онъ обозначенъ литерой DD.; „Русское Слово", 1859, 1, 97 и 103. Мантейфель жилъ нѣкоторое время въ Италіи. Онъ былъ флигель-адъютантъ, человѣкъ свѣтскій, съ положеніемъ, но во многихъ отношеніяхъ забавный.

Трахимовскій Николай Михайловичъ, внукъ доктора Михаила Яковлевича, спасшаго М. И. Гоголь жизнь передъ рожденіемъ нашего писателя. Дѣдъ его, Михаилъ Яковлевичъ, былъ знаменитый докторъ; къ нему пріѣзжали даже изъ Москвы, чтобы купаться въ Пслѣ и пользоваться его совѣтами. Его сынъ, Михаилъ Михайловичъ, былъ сенаторомъ[2]).

Приведемъ здѣсь еще нѣкоторыя выпущенныя цензурой мѣста изъ писемъ Гоголя къ Данилевскому.

Въ письмѣ, у Кулиша, отъ 2 февраля 1838 года, есть только незначительный пропускъ послѣ словъ: „Жаль мнѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 364.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія передаемъ со словъ покойнаго А. С. Данилевскаго.

очень, что ты не нашелъ Лукашевича, еще болѣе, что не нашелъ Ноэля“, слѣдуетъ дополнить: „Благодарю душевно Гризи, что хоть она тебя развлекаетъ“. Въ концѣ письма стоитъ: „Не лѣнись и пиши. Адресуй не на poste restante, а въ мою квартиру (вся на солнцѣ): „Strada Felice, № 126, ultimo piano“. Крашенинниковы, упоминаемые въ письмѣ („братья Крашенинниковы восхищаются Тальони“), были знакомые Гоголя въ Академіи Художествъ. Ихъ было трое. Они бывали въ Петербургѣ у родственника А. С. Данилевскаго, Григорова (собственно родственника его отчима, Василія Ивановича Черныша) и у Мартоса (архитектора); тутъ бывалъ и баронъ Клодтъ.

Наоборотѣ написана пѣснь Невская:

„Стоитъ царскій дворецъ на Невѣ-рѣкѣ,
Передъ нимъ лежитъ площадь бѣлая,
А на ней стоитъ царь-гранитный столбъ,
Притащилъ петербургскій мужикъ, притащилъ его“.

Намъ кажется, что Кулишъ невѣрно отнесъ письмо Гоголя къ Данилевскому изъ Рима безъ даты къ 1838 году. Оно, очевидно, написано было тотчасъ же послѣ ихъ разлуки, слѣдовательно приблизительно въ концѣ осени 1837 года. Оно притомъ носитъ на себѣ всѣ слѣды недавняго сожительства въ Парижѣ и было написано по прибытіи въ Римъ.

Въ письмѣ отъ 11 апрѣля 1838 года слѣдуетъ добавить въ концѣ: „Золотаревъ проситъ тебя сходить на квартиру Козлова (хотя бы онъ даже и уѣхалъ), взять тамъ письмо, которое онъ, Золоторевъ, завтра къ нему напишетъ и прочитать его вмѣсто Козлова“.

Далѣе, въ письмѣ отъ 13 мая 2588 отъ основанія города (изд. Кул., V, 321) пропускъ послѣ словъ: „Существо, встрѣтившее тебя на лѣстницѣ, заставило меня задуматься“. „Но съ другой стороны я никакъ не могу согласить вмѣстѣ съ этимъ встрѣчу твою — приглашеніе того же дня. Пусть это случилось прежде, но ты говоришь въ письмѣ ясно“ — и проч. Въ концѣ письма пропущено: „Но цѣлую и обнимаю тебя и жду съ нетерпѣніемъ твоего письма“. Въ письмѣ отъ 30 іюня, въ концѣ, передъ словами: „Прощай, мой ближайшій мнѣ“, читаемъ: „Теперь ѣду въ Неаполь. Тамъ пробуду два мѣсяца, т.-е. до послѣднихъ чиселъ августа,

послѣ чего возвращаюсь въ Римъ. Итакъ, до этого времени ты адресуй письма въ Неаполь (poste restante), по истеченіи же этого времени въ poste restante въ Римъ.

„Я узналъ, что Жуковскій уѣхалъ уже за-границу, и потому не посылаю къ тебѣ письма. Можетъ-быть, мнѣ удастся увидѣться съ нимъ лично, и я поговорю съ нимъ, а до того времени ты напиши ко мнѣ, что̀, по твоему мнѣнію, ты считаешь для себя лучшимъ, чтобы я зналъ, какъ дѣйствовать. Прощай, мой ближайшій мнѣ! Не забывай меня! Пиши ко мнѣ!“ Въ письмѣ отъ 31 дек. 1838 г., послѣ словъ: „На дняхъ пріѣхалъ“, пропущено: „Наслѣдникъ, а съ нимъ вмѣстѣ Жуковскій“. Далѣе, послѣ словъ: „Жуковскій весь полонъ Пушкинымъ“, слѣдуетъ дополнить: „Наслѣдникъ, какъ извѣстно тебѣ, имѣетъ добрую душу. Всѣ русскіе были приглашены къ его столу на второй день его пріѣзда“. (Эти строки я указываю на основаніи „Записокъ о жизни Гоголя“; но такъ какъ подлинникъ былъ кому-то подаренъ А. С. Данилевскимъ, то остаются неизвѣстными еще два пропуска). Въ концѣ слѣдующаго письма, отъ 5 февраля 1839 г., пропущено: „Нашъ Его Высочество доволенъ чрезвычайно и, разъѣзжая въ блузахъ, бросаетъ муку въ народъ корзинами и мѣшками и чѣмъ попало“ (рѣчь идетъ о карнавалѣ).

XVIII.

Во второе свое пребываніе въ Римѣ Гоголь сначала жилъ почти совершенно одинъ, не имѣя никакихъ знакомыхъ, кромѣ мало интересныхъ и несимпатичныхъ ему русскихъ художниковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Павла Ивановича Кривцова, женившагося 12 ноября 1837 г. на Елизаветѣ Николаевнѣ Репниной. Остальные Репнины жили тогда во Флоренціи, а Балабины давно уже возвратились въ Петербургъ. Но зато Гоголю мелькала надежда въ скоромъ времени увидѣть въ Римѣ Жуковскаго, сопровождавшаго, какъ извѣстно, наслѣдника Александра Николаевича, который предполагалъ послѣ путешествія по Россіи и западной Сибири совершить такое же путешествіе по западной Европѣ. „Узнай отъ Плетнева“, — писалъ Гоголь Прокоповичу еще изъ Женевы 12 сентября 1837 года: — „правда ли это, что говорятъ, что будто на слѣдующій годъ ѣдетъ наслѣдникъ, а

съ нимъ, безъ сомнѣнія, и Жуковскій, а можетъ быть и Плетневъ, въ Италію"[1]). Между тѣмъ обычное теченіе жизни Гоголя было совершенно такое же, какъ и прежде. Его отношенія къ Италіи измѣнились очень мало; но такъ какъ теперь они опредѣлились еще яснѣе, то намъ и слѣдуетъ еще разъ остановиться на изученіи нѣкоторыхъ подробностей. Красоты Италіи еще сильнѣе стали поражать Гоголя послѣ того какъ онъ оставилъ ее на время и снова побывалъ въ странахъ, которыя прежде нравились ему, но теперь въ сравненіи съ Италіей, потеряли всякое обаяніе. Всего ярче новыя впечатлѣнія въ Швейцаріи были изображены Гоголемъ въ письмѣ къ Варварѣ Осиповнѣ Балабиной отъ 16 іюля 1837 года, въ которомъ читаемъ: „Вы знаете, что я почти съ грустью разставался съ Италіей. Мнѣ жалко было и на мѣсяцъ" (какъ сначала предполагалъ Гоголь) „оставить Римъ. И когда при въѣздѣ въ сѣверную Италію, на мѣсто кипарисовъ и куполовидныхъ римскихъ сосенъ увидѣлъ я тополи, мнѣ сдѣлалось какъ-то тяжело. Тополи стройные, высокіе, которыми я восхищался бы прежде непремѣнно, теперь показались мнѣ пошлыми"[2]). Точно также жаловался Гоголь потомъ на „медвѣжье дыханье сѣвернаго океана"[3]) и на близость „царства зимы" уже въ Швейцаріи, а сама Швейцарія казалась ему даже Сибирью, не говоря уже о Парижѣ, и только Монбланъ и Женевское озеро сохраняли для него отчасти свой прежній престижъ. Вообще же онъ находилъ, что „кто былъ въ Италіи, тотъ скажи прости другимъ землямъ"[4]). Марьѣ Петровнѣ Балабиной онъ писалъ уже цѣлыя восторженныя письма на итальянскомъ языкѣ, наполненныя обычными гимнами Италіи: „Sapete di me, che tutta Italia è un boccone di ghiotto ed io levo la sua aria balsamica e crepagozza, in modo, che par altre forestieri non ne resta niente" („Вы знаете, что вся Италія — лакомый кусочекъ, и я упиваюсь ея бальзамическимъ воздухомъ до надрыва горла съ такою жадностью, что для другихъ иностран-

---

1) «Русское Слово», 1859, 1, 105.

2) «Русское Слово», 1860, XII, отд. 3, стр. 26.

3) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 959; «Соч. и письма Гоголя», V, 272, 276, 282 и 292; «Русское Слово», 1859, 1, 89.

4) «Русское Слово», 1860, XII, отд. 3, стр. 27 (по итальянски тамъ же, стр. 29).

цевъ не остается ничего“). Подобно Гоголю, и Марья Петровна Балабина въ часы досуга любила бродить по улицамъ Рима, заглядывая иногда и въ самые отдаленные уголки его, и часто возвращалась домой съ какими-нибудь случайно найденными остатками древностей. Какъ Гоголю, такъ и Балабиной нравились всѣ подробности римской жизни и обихода, а изъ величественныхъ памятниковъ искусства ихъ наиболѣе привлекали храмъ святого Петра, Монте-Пинчіо, Колизей, piazza Barberini, римскіе фонтаны и статуи и проч. Очень милы шутки Гоголя въ письмѣ къ Балабиной о Колизеѣ: „Колизей сильно гнѣвается на вашу милость. По этой причинѣ его не посѣщаю, потому, что онъ вѣчно у меня спрашиваетъ: „скажи-ка мнѣ, любезнѣйшій uomicio (какъ онъ всегда меня называетъ), что-то она подѣлываетъ? Она дала клятву любить меня вѣчно и при всемъ томъ молчитъ и знать меня не хочетъ: скажи, что̀ это значитъ?“ И я отвѣчаю: „не знаю“. А онъ говоритъ мнѣ: „скажи мнѣ, почему она перестала благоволить ко мнѣ?“ а я отвѣчаю: „старъ ты слишкомъ, синьоръ Колизей“ [1]). Слыша такія слова, онъ хмуритъ брови и лобъ его становится все мрачнѣе и суровѣе“ и проч. Вообще о храмѣ святого Петра, Колизеѣ, объ итальянскихъ древностяхъ и объ аббатахъ Гоголь писалъ Балабиной съ какой-то особенной любовью, какъ о самыхъ близкихъ и дорогихъ существахъ. (Въ частности Гоголю нравился въ Италіи цвѣтъ горъ. Тамъ въ Швейцаріи ему горы казались сѣрыми, а въ Италіи голубыми, и это впечатлѣніе Гоголь высказываетъ въ нѣсколькихъ письмахъ и не разъ упоминаетъ также о томъ, что въ Швейцаріи „воздуха нѣтъ, этого прозрачнаго, транспарантнаго воздуха, какъ въ Италіи“[2]). Съ Балабиной же, какъ съ наиболѣе молодой, впе-

---

[1]) «Il Colosseo è molto adirato contra la vostra signoria. Per questo ragione non vado da lui, per che mi domanda sempre: dite mi un poco, mio caro uomicio (mi chiama sempre cosi), che fa adesso la mia signora Maria? Ella a fatto il giuramento sull'ara d'amar mi sempre e con tutto, cio tace e non vuole conoscermi, dite cosa è questo? ed io rispondo: non lo so, ed egli dice: dite mi, per che ella non continuo a volermi bene? ed io rispondo: siete troppo vecchio, signor Collosseo! Ed egli dopo aver sentito tali parole, agrotta le ciglia, e la sua fronte diviene burbera e severa».

[2]) «Русское Слово», 1860, 12, 27. Ср. въ письмѣ къ матери: «Послѣ Италіи швейцарское небо не такъ кажется ярко и сине, а воздухъ этотъ, божественный

чатлительной и отзывчивой корреспонденткой, Гоголь съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлился не только своими лучшими итальянскими впечатлѣніями, но и сообщалъ ей въ шутливой формѣ курьезныя извѣстія объ общихъ знакомыхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали, напримѣръ, археологъ Мейеръ[1]) и художники Ефимовъ, Кузьминъ, Никитинъ, Каневскій и проч. Первый изъ нихъ былъ очень преданъ семейству Балабиныхъ и особенно любилъ Марью Петровну, а также и былъ расположенъ ко всѣмъ Волконскимъ. У него была оригинальная странность: онъ часто влюблялся во многихъ близко знакомыхъ ему особъ и горячо увѣрялъ и доказывалъ, что въ этомъ нисколько не обнаруживается его непостоянство, но, наоборотъ, это именно служитъ доказательствомъ постоянства самаго чувства, которое не измѣняется, но только избираетъ себѣ разные предметы обожанія. Однажды онъ написалъ даже романъ подъ заглавіемъ: „Eduard in Rom“, гдѣ въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ, по его собственному признанію, была изображена княжна В. Н. Репнина. Ей онъ посвятилъ книгу и, вручая экземпляръ, торжественно просилъ прочитать; но, по воспоминаніямъ княжны, романъ былъ такъ длиненъ и тяжелъ и наполненъ множествомъ такихъ скучныхъ и безжизненныхъ археологическихъ подробностей, что она не могла приневолить себя прочесть эту книгу, которая такъ и осталась неразрѣзанной до болѣе благопріятнаго времени, никогда, впрочемъ, не наступившаго. Надъ страстью этого Мейера къ женскому полу подсмѣивались всѣ въ домѣ Балабиныхъ, и Гоголь также расточалъ относительно его чрезвычайно удачныя и мѣткія насмѣшки. Въ своихъ письмахъ Гоголь также былъ не прочь пошутить на его счетъ. „На вопросъ вашъ“, — писалъ онъ Марьѣ Петровнѣ Балабиной, — „боготворитъ ли онъ статуи? — имѣю честь доложить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія; по крайней мѣрѣ, онъ больше попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у ко-

---

воздухъ, который такъ прозраченъ въ Италіи и вливаетъ такое освѣжительное здоровье здѣсь не тотъ» («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 292) и въ письмѣ къ Прокоповичу: «Прежнія синія горы» (въ Швейцаріи) «теперь кажутся сѣрыми; все пахнетъ сѣверомъ послѣ Италіи» («Русское Слово», 1859, 1, 105).

[1]) О немъ «Соч. и письма Гоголя», т. V, 320, тутъ же другія шутки: «Здорова ли Мейерова блуза пыльнаго цвѣта» и проч.

торыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна Варвара Николаевна, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ очень много хорошаго"[1]). Дмитрій Егоровичъ Ефимовъ, архитекторъ, также часто бывалъ у Репниныхъ и Балабиныхъ и при встрѣчѣ съ Гоголемъ всегда начиналъ съ нимъ споръ. Въ одномъ письмѣ къ Погодину Гоголь глумился надъ нимъ, говоря: „кое-гдѣ я встрѣчалъ" (въ книгѣ Шафарика) „мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя натурально теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались раньше моего. И я похожъ теперь на Ефимова, который показывалъ тебѣ египетскія древности, въ увѣренности, что это его собственныя открытія, потому только, что онъ имѣетъ благородное обыкновеніе, свойственное впрочемъ всѣмъ художникамъ, не заглядывать въ книги"[2]). Надъ художникомъ Каневскимъ Гоголь также подсмѣивался, говоря, что онъ можетъ только нарисовать портретъ Кривцова[3]); портретъ, впрочемъ, по воспоминаніямъ В. Н. Репниной, былъ дѣйствительно удаченъ. Особенно же доставалось отъ Гоголя художникамъ Дурнову и Никитину[4]). Гоголь смѣялся также надъ пріѣхавшимъ въ Римъ изъ Петербурга землякомъ Базилевскимъ. Гоголь никакъ не могъ забыть, какъ однажды Базилевскій, сидя за карточнымъ столомъ, озадачилъ всѣхъ присутствующихъ неожиданнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ находится Ватиканъ, и замѣтивъ общее смущеніе, вызванное такимъ наивнымъ невѣжествомъ, нисколько не конфузясь, оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ только недавно пріѣхалъ въ Римъ. Осматривая потомъ при Гоголѣ храмъ св. Петра, онъ столь же неожиданно выразилъ требованіе, чтобы ему была показана также церковь св. Павла: „А гдѣ же Павелъ? Вѣдь и Павелъ долженъ быть тутъ!"[5]) И когда кустодъ

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 320.

[2]) Тамъ же, стр. 369.

[3]) Тамъ же, стр. 321.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 301, 324 и 364, также «Вѣстникъ Европы», 1890, I, 117.

[5]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 356. По словамъ княжны В. Н. Репни-

началъ ему объяснять, что Павелъ дѣло совершенно другое и находится въ другой сторонѣ города, то нашъ соотечественникъ такъ началъ говорить ему сильно и убѣдительно, что самъ чичероне, наконецъ, убѣдился, что точно и Павелъ долженъ быть тутъ"[1]). Но больше всего любилъ Гоголь подтрунить надъ Магдалиной Александровной Власовой, родной сестрой княжны Зинаиды Александровны Волконской. Въ противоположность послѣдней, она была весьма ограниченная женщина, но чрезвычайно добрая и сердечная. Она имѣла серьезное лицо, на которомъ иногда совершенно неожиданно и некстати появлялась улыбка, которая обыкновенно сопровождалась неизмѣннымъ восклицаніемъ: „а вѣдь Емельяни ужъ уѣхалъ!" Эти слова она повторяла всѣмъ и каждому, нисколько не заботясь о томъ, знали ли ея собесѣдники Емельяни. Гоголь добродушно подсмѣивался надъ этой странностью и, какъ юмористъ, любилъ копировать старушку, а однажды, въ концѣ письма къ Варварѣ Николаевнѣ Репниной, также безъ всякаго отношенія къ его содержанію, прибавилъ: „А вѣдь Емельяни ужъ уѣхалъ"[2]). Странная привычка г-жи Власовой объясняется ея неудавшимся страстнымъ желаніемъ устроить судьбу одной знакомой дѣвушки, въ которую влюбился Емельяни, но почему-то раздумалъ потомъ жениться и скрылся. Власова, по добротѣ своей, когда узнала объ этомъ, долго ни за что не хотѣла повѣрить этому и разстаться съ надеждой на возвращеніе Емельяни и все повторяла, что онъ уѣхалъ. Наконецъ Гоголь дружески подшутилъ однажды по поводу несостояв-

---

ной, Базилевскій былъ большой оригиналъ, но еще страннѣе была мать его, отличавшаяся баснословной скупостью. У нея при Александрѣ I былъ цѣлый сундукъ съ ассигнаціями, который она тщательно хранила. Когда потомъ счетъ на ассигнаціи былъ замѣненъ счетомъ на серебро, то ихъ надо было размѣнять, и всѣ онѣ оказались сгнившими. Когда княжна Репнина гостила у нея съ матерью, то она изъ какого-то нелѣпаго опасенія даже спала на своемъ завѣтномъ сундукѣ. У нея было два сына: старшій былъ полковникъ и жестоко обращался съ солдатами, другой, женатый на Грессеръ, племянницѣ министра двора Петра Михайловича Волконскаго, былъ необыкновенно ревнивъ. У него, хотя онъ былъ еще молодъ, были вставные зубы и парикъ, и, ложась спать, онъ весь, такъ сказать, разбирался на кусочки. Это семейство часто возбуждало насмѣшки Гоголя и Репниныхъ.

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 356.

[2]) Тамъ же, стр. 339.

шагося отъѣзда изъ Рима въ Неаполь самихъ Репниныхъ. Сборы были продолжительные, но кончились ничѣмъ. Тогда Гоголь написалъ, будучи въ Римѣ, письмо къ Варварѣ Николаевнѣ, также еще не выѣхавшей изъ Рима, письмо, которое начиналось словами: „Итакъ вы уже въ Неаполѣ. Какъ я завидую вамъ: вы глядите на море, купаетесь мыслью въ яхонтовомъ небѣ, пьете, какъ мадеру, упоительный воздухъ. Передъ вами лежатъ живописные лацарони; лацарони ѣдятъ макароны длиною съ дорогу отъ Рима до Неаполя, которую вы такъ быстро пролетѣли“ [1]). Кромѣ этой послѣдней невинной дружеской шутки, какъ мы видѣли, предметами насмѣшки Гоголя были всегда только люди мелочные и ничтожные. Считаемъ необходимымъ указать на это еще разъ, во избѣжаніе возможнаго перетолкованія нашихъ словъ въ томъ смыслѣ, что будто Гоголь былъ насмѣшливъ безъ разбора и былъ, по извѣстному выраженію Достоевскаго, „демономъ смѣха“ [2]).

Возвращаясь къ дальнѣйшему изложенію фактовъ біографіи Гоголя, отмѣтимъ здѣсь, что нигдѣ въ письмахъ его за 1837 и 1838 годы мы не находимъ никакихъ упоминаній о работѣ его надъ „Мертвыми Душами“. Чрезвычайно важно поэтому сообщеніе Н. В. Берга въ его воспоминаніяхъ о томъ, какъ, уже незадолго до смерти, Гоголь разсказывалъ, что въ былые годы ему гораздо легче давался литературный трудъ и какъ въ бильярдной одного жалкаго трактира между

1) Тамъ же, стр. 338. — Въ томъ же письмѣ (въ концѣ) Гоголь шутитъ: «Жена того мужа, который, при возвѣщеніи о приходѣ къ вамъ, названъ былъ маленькимъ человѣкомъ, слава Богу, здорова». По объясненію княжны Репниной, рѣчь идетъ здѣсь о живописцѣ Габерцеттелѣ, жена котораго наивно разсказывала однажды о его картинахъ: «Мой мужъ такъ старательно рисуетъ, что тотчасъ же соскабливаетъ все нарисованное». Габерцеттель былъ замѣчательно малъ ростомъ. (Онъ упоминается въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. VI, стр. 158, и въ книгѣ Боткина: «Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 112). Въ томъ же письмѣ, выше, упоминается Mazzotti, жандармъ, командовавшій отрядомъ, — по словамъ Репниной, весьма дрянной человѣкъ.

2) Соч. Достоевскаго (изд. 1883) X, 23. — Изъ лицъ, упоминаемыхъ около этого времени Гоголемъ въ перепискѣ съ Балабиными и Данилевскимъ, назовемъ еще M-r Pavé. По словамъ княжны Репниной, онъ былъ воспитанникъ княгини З. А. Волконской и ея двоюроднаго брата Александра Никитича Волконскаго (сынъ простого солдата). Гоголь часто пользовался имъ въ качествѣ исполнителя порученій (см. о немъ «Вѣстн. Евр.», 1890, II, 564, и «Соч. и письма Гоголя», т. V, 335 и 343).

Джансано и Альбано ему удалось при страшномъ шумѣ и среди удушливой атмосферы написать, подъ вліяніемъ внезапно осѣнившаго его вдохновенія, за одинъ присѣстъ цѣлую главу „Мертвыхъ Душъ“[1]). Этотъ фактъ долженъ быть отнесенъ къ лѣту 1838 года, когда Гоголь въ срединѣ лѣта отправился изъ Рима въ Неаполь и Кастелламаре. О другихъ занятіяхъ Гоголя можно дѣлать только весьма смутныя предположенія, — напр., объ изученіи имъ русской исторіи древняго періода. Такъ онъ, повидимому, усердно занимался въ концѣ тридцатыхъ годовъ чтеніемъ лѣтописей, произведеній народной словесности и сочиненій, относящихся къ этой области (напр.: сочиненій Сахарова, Снегирева, Шафарика, сборниковъ малороссійскихъ пѣсенъ[2]).

Среди этихъ занятій и наслажденій красотами древняго Рима Гоголь забывалъ весь остальной міръ, и ему было досадно, когда его чѣмъ-нибудь отрывали отъ предмета его обожанія. Однажды онъ былъ очень недоволенъ матерью за то, что она, неизвѣстно почему, стала высказывать опасеніе, чтобы въ Римѣ не повліяла на него католическая пропаганда, что онъ много проживаетъ денегъ, и стала, наконецъ, выражать рѣшительное желаніе, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе въ Малороссію, убѣждая его лѣчиться у знакомаго полтавскаго военнаго доктора Кричевскаго, который пользовался прочной репутаціей[3]). Желая поскорѣе увидѣть сына, она наивно пробовала увѣрить его, что и климатъ въ Малороссіи ничѣмъ не хуже, чѣмъ въ Италіи, и Гоголю приходилось серьезно объяснять преимущества послѣдняго. Въ то же время своимъ роднымъ она съ гордостью передавала: „Сынъ мой теперь въ Италіи и каждый мѣсяцъ пишетъ ко мнѣ со всякаго мѣста, гдѣ находится“[4]). Любопытно, что въ это время о Гоголѣ носились невѣроятные слухи. Такъ, Бодянскій писалъ о немъ Погодину: „Грановскій говоритъ, что, будучи въ Берлинѣ, онъ слыхалъ отъ кого-то, что Гоголь живетъ теперь въ Римѣ, бросилъ лѣчиться отъ увѣренности,

---

[1]) «Русская Старина», 1872, 1, 124.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 369 и 370; «Русское Слово», 1859, 1, 107.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 296, 302 и 303.

[4]) См. мой «Указатель къ письмамъ Гоголя», I изд., стр. 79; «Русская Старина», 1882, VI, 678—679.

что онъ непремѣнно умретъ въ концѣ нынѣшняго года. Онъ растолстѣлъ, рѣшительно ничѣмъ не занимается, проводя все время въ обществѣ нашихъ художниковъ, играетъ съ ними не то въ карты (??), не то на бильярдѣ. Вѣдь онъ былъ въ Испаніи! Чтò за ужасная судьба преслѣдуетъ наши лучшія головы"[1]). Къ довершенію всего распространились по Москвѣ слухи, что Гоголь „посаженъ за долги въ тюрьму"[2]).

Около этого же времени мы узнаемъ о нетерпѣливомъ ожиданіи Гоголемъ несостоявшагося пріѣзда Данилевскаго изъ слѣдующаго письма къ послѣднему Золотарева:

Золотаревъ Данилевскому (апрѣля 19-го 1838 г.).

„Гоголь и я ждемъ тебя и не дождемся; такъ я и уѣзжаю въ Неаполь, но хотѣлъ бы, по возвратѣ въ Римъ, найти тебя подлѣ меня и Гоголя нашимъ общимъ сосѣдомъ. Онъ въ Strada Felice, а я въ Via St. Isidore (№ 17), гдѣ нѣкогда жилъ нашъ Кипренскій, а потомъ нашъ Гоголь, — ты могъ бы поселиться въ Purificazione, теперь, конечно, для тебя печальной и осиротѣвшей. Пріѣзжай помянуть былое, отыскать — тотъ крестъ смиренный, подъ коимъ улегся прахъ ея, и склониться передъ нимъ печальной головой, и разнѣжиться умиленною мечтою, — не такъ ли?...

„Во всякомъ случаѣ ты много бы обрадовалъ и Гоголя, и меня твоимъ пріѣздомъ, и украсилъ бы, оживилъ бы нашу жизнь въ Римѣ, и наши имѣющія быть прогулки въ Альбано, Фраскати, Тиволи и Дженсано — и въ Кампанію также. Въ Римъ, какъ въ романъ или огромную повѣсть, все вчитываешься далѣе и болѣе, и болѣе и болѣе находишь красоты... Чтò за природа и чтò за исторія! Чтó за кипарисы и чтó за развалины!... А виллы-то! окрестности Рима!... Все это хорошо бы было обойти намъ вмѣстѣ съ тобою!

„Я все-таки думаю, что, воротясь сюда изъ Неаполя, найду тебя. Бросай же Парижъ и садись въ Ліонскій дилижансъ... Чтó тебѣ теперь въ Парижѣ: Гризи уѣхала, и Рубини съ нею; приближается время духоты, жару, пыли и зловонныхъ испареній. А здѣсь того... много свѣта, теплоты и отрады, *и даже найдешь сестеръ, родныхъ сестеръ Гризи!!*

---

1) Письма къ М. П. Погодину изъ Слав. земель; см. «Жизнь Погодина», т. V, стр. 159.

2) «Русск. Арх.», 1890, VIII, 13—14.

„И такъ, въ Римъ, — во что бы то ни стало!

„Я писалъ Корсову исполнить мою просьбу касательно покупокъ портретовъ, коихъ жаждутъ глаза мои и душа моя. Ежели онъ будетъ при деньгахъ, то вспомоществуй ему въ исполненіи, т.-е. въ пріисканіи этихъ вещей, которыя вы найдете въ магазинахъ Итальянскаго бульвара и между Ришелье и Vivienne.

„Спѣшу къ Гоголю. Уже 10-й часъ. Съ нимъ вмѣстѣ сегодня завтракаемъ и отправляемся въ Ватиканъ.

„Обнимаю тебя. До свиданія въ Римѣ!...[1])"

XIX.

Обиходный бытъ Гоголя въ Римѣ въ 1837 и 1838 гг. былъ очень однообразенъ и скроменъ, особенно въ то время, когда у него не было тамъ знакомыхъ. Но въ тѣ лучшіе годы, еще чуждый своей позднѣйшей брюзгливости, онъ легко свыкался съ окружающей обстановкой и держалъ себя естественно и просто, не нуждаясь пока ни въ какомъ особомъ комфортѣ. Гдѣ ни появлялись они съ Данилевскимъ, у нихъ всюду завязывались знакомства, начиная отъ передовыхъ представителей мысли — какъ въ Женевѣ и Парижѣ они встрѣчались съ Мицкевичемъ и Богданомъ Залѣсскимъ — до разныхъ комическихъ и карикатурныхъ лицъ, доставлявшихъ обильную пищу природному юмору Гоголя. По поводу послѣднихъ онъ всегда любилъ пошутить, или придумывая разныя забавныя положенія, въ которыхъ ярче выступали ихъ комическія стороны, или представляя въ новомъ юмористическомъ освѣщеніи никѣмъ еще незамѣченныя странности. Даже содержатели гостиницъ и гарсоны ресторановъ нерѣдко служили источникомъ и привычнымъ предметомъ ихъ молодого остроумія[2]). Разставаясь другъ съ другомъ, пріятели любили иногда вспоминать о прослушанныхъ вмѣстѣ операхъ и о лучшихъ пѣвцахъ, о достопримѣчательностяхъ Рима и о парижскихъ бульварахъ, объ уличной итальянской жизни и объ игрѣ на билліардѣ въ одномъ изъ парижскихъ ресторановъ (эту игру

---

[1]) Это письмо доказываетъ ясно, что въ 1838 г. Золотаревъ былъ уже вторично въ Римѣ.

[2]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 293, 298, 300, 354, 360, 364 и проч.

они оба любили), и, наконецъ, о знакомыхъ гостиницахъ и ихъ прислугѣ. Ни съ кѣмъ Гоголь не жилъ до такой степени душа въ душу, какъ съ Данилевскимъ, и потому ихъ письма всегда носятъ явный отпечатокъ долговременнаго задушевнаго сожительства. Однажды Гоголь отъ полноты души восклицаетъ въ письмѣ къ своему другу послѣ описанія своего времяпровожденія: „Но увы! не съ кѣмъ дѣлить обѣда. Боже мой! если бы я былъ богатъ, я бы желалъ... чего бы я желалъ? чтобъ остальные дни мои я провелъ съ тобою вмѣстѣ, чтобы приносить въ одномъ храмѣ жертвы[1]), чтобы сразиться иногда въ билліардъ послѣ чаю, какъ помнишь?—мы игрывали не такъ-то давно... и какое между нами вдругъ разстояніе! Я игралъ потомъ въ билліардъ здѣсь, но какъ-то не клеится. Ни съ кѣмъ не хочется, какъ только съ тобой. Чувствую, что ты бы наполнилъ дни мои, которые теперь кажутся пусты. Но зачѣмъ отчаиваться? Вѣдь мы сколько разъ почти прощались навсегда, а между тѣмъ встрѣчались таки и благодарили Бога. Богъ дастъ, еще встрѣтимся и еще проживемъ вмѣстѣ“[2]). Изъ этихъ же писемъ видно, какъ нерѣдко имъ случалось неожиданно встрѣчать и потомъ вскорѣ опять терять изъ виду своихъ общихъ знакомыхъ, а иногда даже нѣжинскихъ однокашниковъ, пріѣзжавшихъ за-границу. Словомъ, письма Гоголя къ Данилевскому переносятъ насъ изъ блестящей аристократической сферы, въ которой Гоголь, какъ извѣстно, вращался преимущественно въ кругу дамъ, въ непритязательную обстановку безпечной товарищеской жизни холостыхъ и съ дѣтства близкихъ другъ къ другу людей. Въ позднѣйшіе годы заграничной жизни Гоголя онъ окончательно втянулся въ великосвѣтскія отношенія и почти вовсе охладѣлъ къ своимъ „нѣжинцамъ“, но въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ еще съ большимъ наслажденіемъ вращался поперемѣнно въ обоихъ названныхъ кружкахъ; этой перемѣнѣ много способствовали прекратившіяся потомъ случайныя встрѣчи съ друзьями дѣтства. Кружокъ римскихъ художниковъ имѣлъ одинаково близкое соприкосновеніе какъ съ семействами Балабиныхъ и Репниныхъ,

[1]) Въ эти годы Гоголь страшно страдалъ отъ желудка. («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 282 и «Русское Слово», 1859, 1, 88, 89, 105 и проч.).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 353—354.

такъ и съ Данилевскимъ и другими не-аристократическими пріятелями Гоголя.

Въ письмѣ отъ 2 февраля 1838 г. Гоголь, вслѣдъ за нѣсколькими строками, относящимися къ неполученію Данилевскимъ предыдущаго письма, продолжаетъ письмо слѣдующими словами: „Въ прежнемъ письмѣ я уже увѣдомлялъ тебя, что въ Римѣ всѣ живы, не только „знакомые" и русскіе художники, но даже и всѣ тѣ лица, съ которыми встрѣчался ты чаще на улицѣ" [1]). Изъ этихъ словъ видно, что съ самаго начала Гоголь не особенно жаловалъ, говоря вообще, жившихъ тогда въ Римѣ пенсіонеровъ нашей Академіи Художествъ, какъ это, впрочемъ, положительно ясно изъ всѣхъ относящихся сюда данныхъ — (художниковъ онъ ставитъ здѣсь поэтому на второй планъ и явно отличаетъ ихъ отъ „знакомыхъ", подъ которыми разумѣетъ пока, по всей вѣроятности, весьма немногихъ лицъ, въ родѣ Золотарева, быть можетъ, также княжны Репниной, княгини Зинаиды Волконской) [2]). Въ томъ же письмѣ, ниже, Гоголь еще разъ въ шутливомъ тонѣ упоминаетъ о русскихъ художникахъ и снова рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ круга остальныхъ знакомыхъ. Разсказывая далѣе о карнавалѣ, Гоголь сообщаетъ между прочимъ: „Для интригъ время удивительно счастливое. При мнѣ завязано множество исторій самыхъ романическихъ съ нѣкоторыми моими знакомыми, и даже въ томъ числѣ съ нѣкоторыми нашими художниками (разумѣется, только не съ Дурновымъ). Всѣ красавицы Рима всплыли теперь наверхъ; ихъ такое теперь множество, и откуда онѣ взялись, одинъ Богъ знаетъ. Я ихъ никогда не встрѣчалъ доселѣ; все незнакомыя". И здѣсь, какъ всегда, Гоголь является, во-первыхъ, какъ бы въ роли старшаго товарища и руководителя Данилевскаго, называя ихъ общихъ знакомыхъ то просто знакомые, то „мои знакомые"; во-вторыхъ, онъ какъ будто даетъ также тонъ Данилевскому въ отношеніяхъ именно съ

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 299—300.

[2]) Къ сожалѣнію, въ перепискѣ глухо упоминается о Симоновскомъ; въ цитированномъ письмѣ къ Данилевскому Гоголь заявляетъ: «О Симоновскомъ я рѣшительно не имѣю никакихъ вѣстей. Куда онъ дѣлся и куда пропалъ, это Богъ одинъ знаетъ» (т. V, стр. 300). Изъ этихъ словъ можно вывести скорѣе, что Симоновскій, бывшій нѣкоторое время вмѣстѣ съ Гоголемъ и Данилевскимъ во Франціи, послѣ того былъ обоими потерянъ изъ виду.

русскими художниками, которыхъ выставляетъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Данилевскій былъ, правда, человѣкъ самостоятельный и равноправный въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ, но на его сужденіяхъ о знакомыхъ и художникахъ, во всякомъ случаѣ, не могли не отражаться взгляды гораздо короче узнавшаго тѣхъ и другихъ Гоголя. Данилевскій, впрочемъ, и самъ скоро сталъ уже на довольно свободную ногу съ русскими художниками и, повидимому, даже обходился съ ними совершенно по-пріятельски, безъ чиновъ, какъ вообще было принято въ холостомъ кружкѣ, ежедневно собиравшемся въ однихъ и тѣхъ же кофейняхъ и ресторанахъ. Остроумный и чрезвычайно общительный, Данилевскій не мало трунилъ надъ новыми своими знакомыми въ глаза и заочно. Гоголь говорилъ ему: „Ты совѣтовалъ Дурнову меньше волочиться. Нѣтъ, это неисправимое его зло. Академическій коричневый сюртукъ его, который, я думаю, тебѣ очень извѣстенъ, переправленъ; придѣланы какіе-то лацканы, или отвороты, въ родѣ бархатныхъ“ [1]). Такъ какъ Данилевскій вообще принималъ самое живое и дружеское участіе во всемъ касавшемся тогда Гоголя, и оба они жили въ Римѣ въ значительной степени общими интересами и впечатлѣніями, то и нельзя сомнѣваться, что юмористическое отношеніе обоихъ къ русскимъ художникамъ было тоже вполнѣ единодушное. Это доказывается прежде всего всѣмъ тономъ упомянутаго письма, напр. „вольность“ (во время карнавала) „удивительная, отъ которой ты бы, вѣрно, пришелъ въ восторгъ. Можешь говорить и давать цвѣты какой-угодно [2])“. Такимъ образомъ мы получаемъ уже довольно опредѣленное представленіе объ отношеніяхъ Гоголя и Данилевскаго къ русскимъ художникамъ; но лучше всего эти отношенія обрисовываются въ письмѣ отъ 13 мая 1838 года, гдѣ Гоголь говоритъ Данилевскому: „Что̀ дѣлаютъ русскіе „питторы“, ты знаешь самъ: къ 12 и 2 часамъ къ Лепре, потомъ кафе грекъ, потомъ на Монте-Пинчіо, потомъ къ bon goût, потомъ опять къ Лепре, потомъ на биліардъ. Зимою заводились было русскіе чаи и карты, но, къ счастію, то и другое прекратилось. Здѣсь чай — что-то страшное, что-то

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 301.

[2]) Тамъ же.

похожее на привидѣніе, приходящее пугать насъ. И притомъ мнѣ было грустно это подобіе вечеровъ, потому что оно напоминало наши вечера и другихъ людей, и другіе разговоры. Иногда бываетъ дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружаетъ".[1]) Въ послѣднихъ словахъ Гоголь вспоминаетъ, безъ сомнѣнія, свой любимый нѣжинскій кружокъ, такъ охотно посѣщаемый имъ въ бытность въ Петербургѣ, въ которомъ, кромѣ Данилевскаго и Прокоповича, ему были дороги и Пащенко и Анненковъ и многіе другіе. Главной причиной нерасположенія Гоголя къ русскимъ пенсіонерамъ было незначительное ихъ развитіе, невѣжественная заносчивость и равнодушіе къ избранной профессіи. Большинство изъ художниковъ имѣли притомъ претензіи на литературные интересы и апломбомъ своихъ невѣжественныхъ сужденій выводили Гоголя положительно изъ терпѣнія. „Ты можешь судить" — писалъ онъ Данилевскому — „каковы сужденія литературныя людей, окончившихъ свое воспитаніе въ академіи художествъ и слушавшихъ Плаксина"[2]). Съ этой стороны, очевидно, Данилевскій еще не вполнѣ зналъ нашихъ „русскихъ питторовъ", какъ язвительно называетъ ихъ Гоголь, и сообщеніе это являлось для него новостью, хотя и не особенно неожиданной. Понятно послѣ этого, почему Гоголь гораздо охотнѣе проводитъ время среди своихъ знакомыхъ: Балабиныхъ, Репниныхъ, княгини Зинаиды Волконской. Что въ своей оцѣнкѣ большинства заурядныхъ пенсіонеровъ Академіи художествъ, Гоголь не ошибался, доказывается также согласными отзывами другихъ лицъ и отношеніями къ нимъ А. А. Иванова, наконецъ тономъ и характеромъ сообщеній послѣдняго о нихъ въ письмахъ къ отцу. Если даже допустить, — какъ это и было, но лишь отчасти — что Ивановъ, по выраженію Іордана, „видѣлъ въ Гоголѣ пророка"[3]) и могъ находиться подъ его вліяніемъ; если допустимъ даже, что взглядъ Гоголя на „русскихъ питторовъ" былъ вообще нѣсколько преувеличеннымъ и одностороннимъ, то вѣдь и въ такомъ случаѣ въ недавно напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" воспоминаніяхъ са-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 324.

2) Тамъ же. Плаксинъ былъ преподаватель исторіи въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ и въ Академіи Художествъ (см. «Указатель къ письмамъ Гоголя», 2 изд., стр. 24).

3) «Русская Старина», 1891, VII, 58.

мого Іордана мы встрѣчаемъ достаточно краснорѣчивыя указанія на значительную нравственную распущенность кружка, — хотя благодаря спокойному, эпическому тону разсказа, она и не всегда выступаетъ на видъ съ надлежащей отчетливостью. Во всякомъ случаѣ стоитъ припомнить разсказы Іордана о Кипренскомъ, особенно о сожженіи имъ своей бывшей любовницы, объ обычныхъ случаяхъ передачи художниками своихъ „временныхъ подругъ“ о закабаленіи нѣкоей Аделаидой скульптора Пименова, о кутежахъ и буйномъ характерѣ Рамазанова, Ставассера и Климченко, погибшихъ „жертвой невоздержности“ [1]), — чтобы получить болѣе или менѣе ясное представленіе о нравахъ всего кружка. Наконецъ въ воспоминаніяхъ объ Ивановѣ Іорданъ прямо заявляетъ: „Съ прочими пенсіонерами водить знакомство мы не желали, потому что тамъ только и было, что вѣчное вино, да карты, да шумъ, да крикъ, да всякія шалости и баловство“ [2]).

Въ статьѣ г. Стасова „Историческій живописецъ Ивановъ“ находимъ также нѣсколько краснорѣчивыхъ замѣчаній о тогдашнихъ русскихъ художникахъ въ Римѣ. Приведя изъ разныхъ мѣстъ писемъ Иванова множество разбросанныхъ невыгодныхъ отзывовъ объ этихъ художникахъ, Стасовъ прибавляетъ [3]): „Такихъ людей строгій и сосредоточенный Ивановъ не могъ ни любить, ни уважать; то, что̀ казалось имъ прелестнымъ, художественнымъ гусарствомъ, истинною жизнью художника за-границей, — конечно, было ему только отвратительно и презрѣнно. Тѣмъ болѣе, что ему, вдобавокъ ко всему остальному, приходилось сознавать то скудость духа и крайнюю необразованность однихъ, при всей ихъ внѣшней, иной разъ, талантливости, то опять приходилось съ чувствомъ гадливости наталкиваться на пройдошничество

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1891, VII, 28, 31, 35, 36, 37. Вообще въ воспоминаніяхъ Іордана и въ другихъ источникахъ находимъ довольно много весьма нелестныхъ данныхъ для характеристики кружка русскихъ художниковъ въ Римѣ въ 30—40 годахъ. Прибавимъ еще, что архитектора Ефимова, по словамъ Іордана, «сгубилъ Эрмитажъ, отъ непростительныхъ взятокъ». («Русская Старина», 1891, VI, стр. 575).

[2]) Боткинъ, «Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка», «Воспоминанія разныхъ лицъ объ Ивановѣ», стр. 399.

[3]) «Вѣстн. Европы», 1880, I, 154.

и заискиванiе передъ высшими властями разныхъ Марковыхъ, Каневскихъ и иныхъ". Впрочемъ о Кипренскомъ Ивановъ отзывался всегда съ большимъ уваженiемъ[1]), видя въ немъ мало оцѣненнаго художника и въ то же время гордость русскаго искусства, въ ущербъ славѣ котораго усердно выдвигали тогда Бруни. Онъ говоритъ также и о добротѣ Кипренскаго, но интересуется имъ больше какъ художникомъ, нежели какъ человѣкомъ. Зато мнѣнiе его о другихъ русскихъ художникахъ въ Римѣ было безусловно нелестное; такъ въ одномъ изъ писемъ къ брату Ивановъ прямо говорилъ, что „привыкъ видѣть въ молодыхъ пенсiонерахъ гулякъ и пьяницъ"[2]).

XX.

Мало-по-малу, однако, Гоголь, преимущественно въ ряду молодыхъ художниковъ, начинаетъ замѣчать нѣсколько болѣе талантливыхъ и симпатичныхъ людей, которые и принадлежали дѣйствительно къ лучшимъ представителямъ русскаго художническаго кружка въ Римѣ. Это были Ивановъ, Іорданъ, Моллеръ[3]), отчасти также Рихтеръ и Шаповаловъ. Съ ними онъ вступалъ въ болѣе близкiя отношенiя, тогда какъ другихъ наблюдалъ только издали, при встрѣчѣ съ ними, отталкивая ихъ отъ себя высокомѣрнымъ обращенiемъ, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы оказать имъ возможное, при своихъ связяхъ и влiянiи, покровительство, но никогда — черезъ оффицiальныхъ лицъ. Правда, Гоголь, хотя и довольно поверхностно, былъ знакомъ съ начальникомъ русскихъ художниковъ, Кривцовымъ, хорошо зная его родственниковъ Репниныхъ и черезъ нихъ *могъ бы* оказывать иногда протекцiю; но положительныхъ указанiй на то мы нигдѣ не находимъ, и при томъ, какъ извѣстно, Гоголь сильно сторонился отъ Кривцова и презиралъ его.

Гораздо важнѣе то, что въ иныхъ случаяхъ художники

---

[1]) Стр. 84, 90, 99.

[2]) Стр. 193.

[3]) Объ отношенiяхъ къ нему Иванова см. въ книгѣ Боткина, стр. 154, 159 и проч. Также «Вѣстн. Европы», 1880, I, 159, гдѣ читаемъ: «Моллеръ, съ двумя братьями и невѣсткой, люди любезные и добрые, но зачѣмъ они изъ всѣхъ силъ стараются быть русскими?»

могли получать черезъ него отъ разныхъ лицъ заказы[1]),— не столько въ силу его расположенія къ нимъ, сколько потому, что такіе заказы требовались, а Гоголю было не трудно и пріятно служить посредникомъ.

Покойный Іорданъ очень опредѣленно обрисовалъ нѣсколько натянутыя отношенія Гоголя даже къ кружку немногихъ избранниковъ изъ числа русскихъ пенсіонеровъ, но не объясняетъ, почему высокомѣріе Гоголя не только охотно переносилось, но даже какъ будто принималось за нѣчто должное и законное. „Только мы трое," — передаетъ Өедоръ Ивановичъ Іорданъ, — „Александръ Андреевичъ Ивановъ, гораздо позже Өедоръ Антоновичъ Моллеръ и я остались вечерними посѣтителями Гоголя, которые были обречены на этихъ ежедневныхъ вечерахъ сидѣть и смотрѣть на него, какъ на оракула, и ожидать, когда отверзутся его уста. Иной разъ они и отверзались, но не изрекали ничего особенно интереснаго"[2]). Но тутъ мы наталкиваемся на нѣсколько весьма любопытныхъ соображеній. Во-первыхъ, Іорданъ говоритъ о необщительности и нелюдимости Гоголя и въ то же время упоминаетъ о многочисленныхъ его знакомствахъ и о происходившей отсюда его вліятельности: очевидно, Гоголь не со всѣми и не вездѣ держалъ себя такъ надменно, какъ въ кружкѣ художниковъ, и притомъ извѣстность его являлась уже такой силой, которая давала ему между пріѣзжими русскими огромный просторъ и авторитетъ[3]). Во-вторыхъ, въ своихъ отношеніяхъ къ русскимъ художникамъ Гоголь имѣлъ явное значеніе покровителя, что̀ уже, можетъ быть вмѣстѣ съ справедливымъ преклоненіемъ передъ его талантомъ, само собою устанавливало общепризнанное первенствующее положеніе его въ этой сферѣ и создавало ему извѣстный престижъ, при всемъ нерасположеніи многихъ изъ кружка къ его диктаторской роли. Іорданъ не можетъ отрицать въ Гоголѣ „безпримѣрной доброты"[4]), что̀ было бы, конечно, съ его стороны вопіющей неблагодарностью, такъ

---

[1]) Предположеніе это мы находимъ у Кулиша въ статьѣ „Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ» («Современникъ», 1858, XI, 132).

[2]) «Русская Старина», 1891, VII, стр. 55.

[3]) Послѣднее несомнѣнно, а также нисколько не подлежатъ сомнѣнію близкія и дружескія отношенія Гоголя къ Смирновой, Віельгорскимъ и Апраксинымъ.

[4]) Тамъ же.

какъ, по его собственнымъ словамъ, Гоголь „рекомендовалъ его, гдѣ могъ“; но при всемъ томъ во всѣхъ его воспоминаніяхъ о Гоголѣ какъ-то замѣтно просвѣчиваетъ, хотя и сильно сдерживаемое, нерасположеніе къ нему. Да и что̀ же это были за дружескія отношенія, если пріятели-художники „были обречены на ежедневныхъ вечерахъ сидѣть и смотрѣть на Гоголя, какъ на оракула“?!

Тѣмъ не менѣе является неопровержимымъ фактомъ то, что любовь Гоголя къ искусству всегда невольно переносилась и на людей, посвятившихъ себя живописи или скульптурѣ. Еще въ годы юности Гоголь высоко цѣнилъ знакомыхъ ему петербургскихъ художниковъ, въ своемъ разгоряченномъ юношескомъ воображеніи представляя себѣ ихъ свѣтлымъ исключеніемъ въ пестрой толпѣ поглощеннаго прозаическими заботами столичнаго населенія[1]). Впослѣдствіи, присмотрѣвшись ближе къ когда-то сильно идеализируемой средѣ, Гоголь очень охладѣлъ къ ней и уже въ Петербургѣ мало ею интересовался, такъ что почти не завязалъ или не поддерживалъ знакомствъ въ этомъ мірѣ художниковъ; но симпатіи его и позднѣе всегда оставались до нѣкоторой степени на ихъ сторонѣ. По прежнимъ статьямъ Гоголя объ искусствѣ, напечатаннымъ въ „Арабескахъ“, намъ извѣстенъ характеръ его восторженнаго преклоненія передъ произведеніями искусства. Извѣстно, что въ этихъ статьяхъ молодой авторъ чувствовалъ потребность въ передачѣ не столько какихъ-нибудь оригинальныхъ, выработанныхъ имъ взглядовъ, сколько собственнаго настроенія, собственныхъ пылкихъ восторговъ, которые и стремился излить на бумагѣ при помощи сильно приподнятаго стиля. Гоголь, повидимому, не любилъ и не очень высоко ставилъ спокойное изученіе искусства, какъ и хладнокровныя, и обстоятельныя бесѣды о немъ, и самъ стремился вложить въ свои статьи страстные порывы порой охватывавшихъ его душу горячихъ восторговъ, не подозрѣвая того, что весь этотъ пылъ неминуемо долженъ былъ застывать въ мертвой буквѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что Бѣлинскій, также энтузіастъ и эстетикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ строгой критической мысли, призналъ эти претен-

[1]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 84—85.

довавшія на восторженность статьи просто „дѣтскими мечтаніями“[1]). Чувствуя изящное въ душѣ живѣе многихъ теоретиковъ, Гоголь, быть можетъ, не всегда былъ склоненъ отдавать справедливость болѣе спокойному и отчетливому пониманію искусства. Какъ всѣ увлекающіеся люди, онъ не признавалъ середины, и если начиналъ кѣмъ-нибудь восторгаться, то скоро переступалъ всякую мѣру и превозносилъ нравившееся лицо или произведеніе искусства, какъ говорится, „до небесъ“. Понятно, что при этомъ, страстно возвеличивая однихъ, онъ могъ такъ же энергично унижать въ своей оцѣнкѣ многихъ другихъ. Въ Петербургѣ кумиромъ Гоголя въ серединѣ 30-хъ годовъ сдѣлался К. П. Брюлловъ и отчасти братъ послѣдняго, архитекторъ, — и вотъ, когда новое увлеченіе поколебало исключительность прежняго благоговѣнія передъ готикой, Гоголь, издавая „Арабески“, сопровождаетъ свою статью „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени“ заключительнымъ примѣчаніемъ, въ значительной степени противорѣчащимъ общему содержанію статьи[2]). Академикъ Н. С. Тихонравовъ, сличая первоначальную редакцію статьи съ той, которая была напечатана въ „Арабескахъ“, неопровержимо доказываетъ невѣрность помѣченной на ней даты[3]). Любопытно, что увлеченіе Брюлловымъ живописцемъ, перенесенное на брата его Брюллова — скульптора, заставило Гоголя въ значительной степени поступиться превознесеніемъ готической архитектуры, увлекшей его во время первой заграничной поѣздки, — въ пользу той мысли, что „и въ гладкой, простой архитектурѣ можно найти много новаго“[4]). Такъ были неустойчивы эстетическія сужденія Гоголя, нерѣдко зависѣвшія отъ минутнаго настроенія или случайной вспышки восторга. Но у Гоголя уже тогда обнаруживалась примѣшивавшаяся къ его эстетическимъ увлеченіямъ наклонность оказывать своимъ словомъ покровительство: не съ этой ли цѣлью онъ вдругъ, среди общихъ теоретическихъ разсужденій, внесъ въ статью указаніе на опредѣленную личность, назвавъ даже лютеранскую церковь, которую строилъ тогда А. П. Брюлловъ? Ясно,

---

1) Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 235, примѣч.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 233, примѣч.

3) Тамъ же, стр. 586.

4) Тамъ же, стр. 385.

что замѣчаніе о Брюлловѣ явилось не совсѣмъ подходящей вставкой ради постороннихъ соображеній автора, вслѣдствіе чего вставка эта и оказывается снова выпущенной въ окончательной редакціи, когда Брюлловъ архитекторъ и безъ того достаточно вошелъ въ славу и сталъ получать такія порученія, какъ постройку Пулковской обсерваторіи [1]).

Тогда, конечно, оказались бы запоздалыми и неумѣстными такія рекомендательныя строки, какъ напр.: „Жаль, что ему до сихъ поръ не поручено еще ни одно колоссальное дѣло; но *если только это послѣдуетъ*, то во мнѣ заранѣе усилится предчувствіе, что я увижу геніальное твореніе“ [2]).

Такъ увлекался когда-то Гоголь братьями Брюлловыми (о статьѣ его „Послѣдній день Помпеи“ мы уже не говоримъ здѣсь, какъ о слишкомъ извѣстной); теперь наступила очередь Иванова. „Гоголь вообще мало разумѣлъ въ искусствѣ“ — замѣчаетъ В. В. Стасовъ, — „не взирая на всю свою геніальность, и въ 40-хъ годахъ понималъ Иванова едва ли еще не менѣе того, чѣмъ въ 30-хъ годахъ — Брюллова, когда „Помпею“ провозгласилъ свѣтлымъ воскресеніемъ живописи цѣлой Европы“ [3]). Какъ бы то ни было, въ обоихъ этихъ увлеченіяхъ много сходнаго, хотя бы только съ внѣшней стороны, и предшествующія замѣчанія казались намъ нелишними для послѣдующаго болѣе обстоятельнаго разъясненія отношеній Гоголя къ Иванову.

XXI.

Душевное настроеніе Гоголяв Римѣ было почти все время самое счастливое: хандра, временами посѣщавшая его нѣкогда въ Парижѣ и въ Женевѣ, теперь забыта надолго. Правда, въ первые дни по пріѣздѣ въ Римъ, Гоголь, несмотря на великую радость при полученіи вѣсти о щедромъ подаркѣ государя, былъ не совсѣмъ въ духѣ, не найдя въ Римѣ противъ ожиданія никакихъ писемъ отъ своихъ знакомыхъ [4]); но когда дѣло разъяснилось и во всемъ оказались виноваты

---

[1]) См. Березина, Русскій Энциклопед. Словарь, IV, 315 и Энциклопед. Словарь, подъ редакціей професс. И. Е. Андреевскаго, т. IV, стр. 783.

[2]) Въ этихъ словахъ уже явная публичная рекомендація (т. V, стр. 385).

[3]) «Вѣстн. Евр.», 1880, 1, стр. 160.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 299 и «Русское Слово», 1859, I, 107.

стѣснительныя карантинныя формальности, то и отъ этой непродолжительной непріятности скоро не осталось слѣда. Тогда Гоголь говорилъ: „Въ душѣ небо и рай. У меня теперь въ Римѣ мало знакомыхъ или, лучше, почти никого (Репнины во Флоренціи). *Но никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ жизнью*“[1]). Вскорѣ неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на него блестящій римскій карнавалъ, этотъ шумный народный праздникъ, когда „Римъ гуляетъ напропало“[2]). Описанія карнавала встрѣчаются въ нѣсколькихъ письмахъ Гоголя и въ его повѣсти „Римъ“, но всѣ они представляютъ, къ сожалѣнію, лишь бѣглые наброски, разрозненныя части одной мастерской картины, наиболѣе полно объединенной лишь въ „Римѣ“. Планъ повѣсти не позволилъ Гоголю сдѣлать слишкомъ большое отступленіе отъ ея главнаго содержанія, и потому въ данномъ случаѣ мы лишь отчасти имѣемъ возможность прослѣдить, какъ отрывочныя впечатлѣнія художника слагались въ одно стройное изображеніе.

О карнавалѣ, какъ мы знаемъ, Гоголь писалъ прежде всѣхъ Данилевскому, при чемъ обратилъ вниманіе преимущественно на общую характеристику безпорядочнаго веселья и шумной суматохи толпы, а также на описаніе вида запруженныхъ экипажами улицъ; кромѣ того, онъ вскользь упоминаетъ о наиболѣе необходимыхъ принадлежностяхъ карнавала: маскахъ, обильно сыплющейся со всѣхъ сторонъ мукѣ и о выдающихся даже среди страшнаго многолюдства „забіякахъ“, забравшихся на балконъ и бросающихъ горстями и ведрами мучные шарики на сидящихъ въ колесницѣ. Въ отрывкѣ „Римъ“ повторены лишь нѣкоторыя черты изъ этого описанія, слишкомъ общія, напр. уличная давка, цѣпь медленно тянущихся вереницами экипажей и проч.[3]). Но есть одна подробность, представляющая дальнѣйшее художественное развитіе мимоходомъ уловленной опытнымъ наблюденіемъ общей картины. Въ письмѣ къ Данилевскому Гоголь, разсказывая о разныхъ производящихъ суматоху выходкахъ отдѣльныхъ „забіякъ“, прибавляетъ: „для интригъ время удивительно счастливое. При мнѣ завязано множество исторій самыхъ романическихъ съ нѣкоторыми моими знакомыми. Всѣ красавицы Рима всплыли

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 300.

[2]) Тамъ же.

[3]) Соч. «Гоголя», изд. X, т. II, стр. 158—160, 165—166.

теперь на верхъ; ихъ такое теперь множество! и откуда онѣ взялись, одинъ Богъ знаетъ"[1]). Въ повѣсти „Римъ" взятъ именно только одинъ этотъ моментъ всеобщей суматохи и неожиданнаго среди нея появленія передъ очарованнымъ княземъ сверкавшей ослѣпительною красотой Аннунціаты[2]). Черезъ нѣсколько страницъ описывается также обычное обсыпаніе мукой, пестрые наряды толпы и разукрашенная сверху до низу телѣга, причемъ снова повторяются уже разсказанныя Данилевскому подробности, но все-таки описаніе остается всюду строго подчиненнымъ естественному теченію разсказа и въ сущности отступаетъ на второй планъ. Въ письмѣ къ сестрамъ Гоголь отчасти останавливается на тѣхъ же, уже сообщенныхъ Данилевскому подробностяхъ, причемъ начало обоихъ описаній замѣчательно сходно (ср. въ письмѣ къ Данилевскому: „Все, что̀ ни есть въ Римѣ, все на улицѣ, все въ маскахъ. У котораго же нѣтъ никакой возможности нарядиться, тотъ выворотитъ тулупъ или вымажетъ рожу сажею" [3]); въ письмѣ къ сестрамъ: „Вообразите, что въ продолженіе всей недѣли всѣ ходятъ и ѣздятъ замаскированные во всѣхъ костюмахъ и маскахъ. Иной одѣтъ адвокатомъ — съ носомъ величиною съ улицу, другой туркомъ, третій лягушкой, паяцемъ и чѣмъ ни попало. Всякій старается одѣться, во что̀ можетъ; кому не во что, тотъ, просто, выпачкаетъ себѣ рожу, а мальчишки выворотятъ свои куртки и изодранные плащи" [4]). Съ другой стороны передаются нѣкоторыя другія, столь же обычныя и общеизвѣстныя принадлежности карнавала, не вошедшія въ описаніе его въ „Римѣ", такъ какъ эффектное изображеніе Рима въ концѣ повѣсти исключало возможность вставки въ разсказъ описанія вечерняго продолженія карнавала, еслибы авторъ даже имѣлъ желаніе это сдѣлать. Еще одно описаніе карнавала находится въ письмѣ къ Данилевскому отъ 5-го февраля 1839 г., конецъ котораго опущенъ въ изданіи г. Кулиша, а подлинникъ утраченъ; но въ „Запискахъ о жизни Гоголя" дополнены слѣдующія строки: „Теперь начался карнавалъ; шумно, весело" и проч.

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 301.

[2]) «Соч. Гоголя», изд. X, т. II, 159—160 и 165—166.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 300.

[4]) Тамъ же, стр. 313.

Возвратившись въ Римъ, Гоголь принялся-было, по его выраженію, въ четвертый разъ читать его; но, соскучившись оставаться долгое время безъ знакомыхъ и тяготясь страшнымъ зноемъ итальянскаго лѣта, рѣшился мѣсяца на два оставить его. При этомъ на первое время своей резиденціей онъ выбралъ Неаполь, — городъ хотя болѣе южный, но съ климатомъ болѣе умѣреннымъ, благодаря близости моря. Въ Неаполѣ и въ Кастелламаре онъ жилъ нѣкоторое время опять съ Репниными, и къ этому-то времени преимущественно относятся недавно напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ воспоминанія княжны В. Н. Репниной [2]). Матери Гоголь объяснялъ свой отъѣздъ въ Неаполь именно тѣмъ, что изъ города выѣхали всѣ знакомые, и особенно княгиня Зинаида Александровна Волконская [3]). Какъ видно изъ того же письма, Гоголь предполагалъ сначала выѣхать въ одну изъ окрестныхъ деревень, но потомъ предпочелъ устроиться вблизи отъ хорошихъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе, что еще никогда не былъ до тѣхъ поръ въ Неаполѣ. При въѣздѣ въ этотъ городъ, онъ былъ очарованъ имъ, особенно прекраснымъ видомъ на Везувій [4]), почти не менѣе, нежели Римомъ, но до конца 1847 г. постоянно предпочиталъ вѣчный городъ Неаполю. Разумѣется, Гоголь не замедлилъ познакомиться съ чудными окрестностями Неаполя и вскорѣ побывалъ на Капри.

Со словъ своего сына Марья Ивановна писала 4-го іюня А. А. Трощинскому: „Сынъ мой все еще въ Италіи; избѣгая жаровъ, выѣзжаетъ изъ Рима въ прекрасныя окрестности его.

Я недавно получила отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что тамъ проживала княгиня Волконская, съ кото-

---

1) «Русскій Архивъ», 1890, X.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 326 и «Русская Старина», 1882, VI, 678, въ статьѣ о Д. П. Трощинскомъ. По воспоминаніямъ О. Н. Смирновой, Гоголь имѣлъ къ княг. Зин. Волконской рекомендательныя письма отъ Пушкина, А. О. Смирновой, Вяземскаго и Репниныхъ. См. также „Сѣверный Вѣстникъ“, 1894, VIII, стр. 200. О вечерахъ у Волконскихъ см. «Русскій Архивъ», 1864, VIII, 336.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 330—331.

рой душа его любила бесѣдовать; но по выѣздѣ ея, природа замѣняетъ ему все. Я писала ему, почему не пишетъ о монаршихъ ему милостяхъ, и я слышу только отъ другихъ? Не знаю, что̀ онъ мнѣ напишетъ въ отвѣтъ. Недавно я слышала, что онъ писалъ къ г. Жуковскому, занять ему денегъ 3 тысячи рублей, что онъ ему скоро возвратитъ, — и въ такомъ смѣшномъ видѣ написалъ, что тотъ показывалъ многимъ изъ придворныхъ и, наконецъ, дошло до Государя! Онъ изволилъ потребовать письмо, много смѣялся, читая его и велѣлъ послать ему 4 тысячи рублей! — и притомъ сказалъ: „пусть еще напишетъ такое письмо, и я еще ему пошлю денегъ". Не знаю, правда ли это; потому что отъ него я ничего о семъ не имѣю"[1]).

Это извѣстіе, однако, шло не отъ Гоголя, который самъ узналъ о немъ только годъ спустя, какъ видно изъ слѣдующаго пропущеннаго мѣста въ письмѣ его къ Данилевскому отъ 25-го марта 1839 г., гдѣ послѣ словъ: „гдѣ, между прочимъ, одна очень замѣчательная черта", слѣдуетъ читать: „о томъ, какимъ образомъ распространяются слухи еще насчетъ извѣстнаго тебѣ письма, писаннаго мною года за два передъ этимъ къ Государю. Маменька пишетъ, между прочимъ, что получила письмо отъ Варвары Петровны, бывшей Косяровской, нынѣ Березиной, которая извѣщаетъ, что она знаетъ навѣрное, что я писалъ письмо къ Жуковскому, прося его занять гдѣ-нибудь для меня три тысячи. Но что это письмо было такъ написано смѣшно, что Жуковскій показалъ его Государю и что Государь схватился за бока, цѣлые четверть часа катался со смѣху и приказалъ выдать мнѣ не три, а четыре тысячи и сказалъ: „пусть онъ напишетъ ко мнѣ еще такое письмо — я ему дамъ еще четыре тысячи". Маменька говоритъ, что она въ этомъ не сомнѣвалась, хотя я ей ничего дескать никогда не говорю и не пишу о подобныхъ вещахъ. Но что въ одномъ только не соглашается, что гораздо справедливѣе полагать, что Государь далъ мнѣ 6000, а не четыре, потому что даже какой-то (фамиліи его не помню) хорошій и почтенный человѣкъ, который служилъ когда-то въ Петербургѣ и очень начитанъ

---

[1]) «Русская Старина», 1882 г., VI, стр. 678.

и свѣдущъ въ литературѣ, говорилъ, что шесть; — но въ сторону толки"...

XXII.

Въ маѣ 1838 года надъ Данилевскимъ грознымъ, громовымъ ударомъ разразилось совершенно неожиданное несчастье: онъ потерялъ горячо любившую его мать, Татьяну Ивановну, а съ ея смертью для него кончились счастливые дни наслажденія и безпечной юности. Суровыя прозаическія заботы стали громко заявлять о себѣ и потребовали самаго полнаго вниманія. Теперь уже нельзя было жить со дня на день, предаваясь на свободѣ восторженному поклоненію чудесамъ цивилизаціи. Въ жизни его произошелъ крутой переломъ. Еще въ началѣ апрѣля Гоголь звалъ его къ себѣ насладиться снова Италіей, и это казалось тогда обоимъ такъ возможнымъ: „Садись скорѣе въ дилижансъ и правь путь къ Средиземному морю"[1]).

Но вотъ пришло грустное извѣстіе о смерти Татьяны Ивановны. Гоголь принялъ горе своего друга, какъ свое собственное; къ тому же онъ и самъ помнилъ и любилъ покойную.

Приводимъ здѣсь вполнѣ никогда еще не напечатанное письмо его къ Данилевскому, отъ 16-го мая 1838 г., по поводу этого событія:

16-го мая 1838. *Гоголь—Данилевскому.*

„Не знаю, застанетъ ли это письмо тебя въ Парижѣ. Не знаю даже, застало ли тебя то письмо, которое писалъ я къ тебѣ третьяго-дня[2]). Причина же, почему я пишу къ тебѣ вслѣдъ за первымъ второе, есть представившаяся оказія. Письмо тебѣ это вручитъ мой добрый пріятель m-r Pavé[3]), который вѣрно тебѣ понравится. Онъ знаетъ даже и по-русски (ибо воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ княгини Зинаиды Волконской)[4]), но говорить на нашемъ языкѣ затруд-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 307.

2) Гоголь разумѣетъ здѣсь письмо, напечатанное у г. Кулиша на 321—325 страницахъ пятаго тома.

3) M-r Pavé около того же времени упоминается въ письмѣ къ Марьѣ Петровнѣ Балабиной (см. изд. V, 343 и въ другихъ мѣстахъ; см. выше стр. 211).

4) Княгиня Зинаида Волконская часто видѣлась съ Гоголемъ въ Римѣ, который захаживалъ къ ней въ ея изящную загородную виллу за церковью (chiesa

няется, и потому, чтобы лучше расшевелить его и заставить говорить, говори по-французски или на нашемъ второмъ родномъ языкѣ, т.-е. по-итальянски. Вторая причина, почему я пишу къ тебѣ — но ты, можетъ быть, уже ее знаешь!..

„Я былъ пораженъ, когда услышалъ. Нужно знать, что не успѣлъ я бросить въ окошко письмо, которое долженствовало летѣть къ тебѣ въ Парижъ, какъ изъ другого окошка, въ poste restante, подали мнѣ другое изъ дому.

„Печальная новость была заключена въ первыхъ строкахъ. Итакъ, добрая мать твоя не существуетъ! Эта потеря была для меня слишкомъ родственна. Ты для меня роднѣе родного брата; это ты знаешь самъ. Въ твоей матери я потерялъ близкое къ тебѣ, стало-быть и близкое ко мнѣ, и я вспомнилъ при этомъ Семереньки, То́лстое, и наши поѣздки, и тѣ счастливыя только три версты разстоянія между нашими бывалыми жилищами, и мнѣ стало грустно!... Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ разрываются болѣе и болѣе узы, связывающія меня съ нашимъ холоднымъ отечествомъ!..

„Но тебѣ теперь нужно, между прочимъ, подумать обо всѣхъ дѣлахъ... Маменька моя не пишетъ никакихъ подробностей. Она только-что услышала объ этомъ и въ ту же минуту бросилась меня извѣстить. Видно, что и она была этимъ сильно потревожена, потому что письмо ея писано наскоро... Татьяна Ивановна умерла въ Семереькахъ, и вотъ почему нѣтъ никакихъ подробностей объ этомъ у насъ.

„Итакъ, тебѣ нужно поскорѣе освѣдомиться о ея распоряженіяхъ и обо всемъ, сколько для себя, столько и для другихъ, потому что ты — старшій братъ. Но ты самъ поймешь все. Напиши мнѣ все, что̀ и какимъ образомъ ты теперь предпримешь, словомъ, твои намѣренія.

„Прощай, будь здоровъ, и да уладится все къ лучшему для тебя!..

„Кстати: вещи, о которыхъ я просилъ тебя, ты теперь можешь прислать чрезъ Pavé; онъ мнѣ ихъ привезетъ въ

San Giovanni di Laterano. Здѣсь любилъ Гоголь любоваться плющами, обвивающими развалины старинныхъ зданій. Одно изъ писемъ Данилевскому, предшествующее данному, Гоголь писалъ, сидя въ ґротѣ на виллѣ Волконской (см. V, 322; о ней же V, 326). Гоголь очень уважалъ княгиню Волконскую; Пушкинъ посвятилъ ей же стихи при посылкѣ поэмы «Цыганы» (см. Соч. Пушк., изд. лит. фонда, т. II, стр. 13, примѣчаніе).

самый Римъ. Помоги ему, если можешь, выбрать или заказать для меня парикъ. Хочу сбрить волоса — на этотъ разъ не для того, чтобы росли волоса, но собственно для головы, не поможетъ ли это испареніямъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вдохновенію испаряться сильнѣе[1]).

„Есть парики новаго изобрѣтенія, которые приходятся на всякую голову, сдѣланные не съ желѣзными пружинами, а съ гумиластиками“.

4-го іюня, 1838. *Данилевскій -Гоголю.*

„Хочу написать къ тебѣ нѣсколько словъ, мой милый Гоголь, и едва могу собраться съ духомъ, взяться за перо.

„На третій, кажется, день послѣ полученія письма твоего пришло ко мнѣ письмо... первое письмо съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ — отъ брата Вани[1]), съ извѣстіемъ о смерти маменьки моей! о смерти маменьки моей!

„О, милый другъ! Ты не можешь знать, сколько отчаянія, сколько безнадежной грусти въ этомъ словѣ! Сердце, одно сердце въ мірѣ, любившее меня со всѣми моими недостатками, такъ чисто, такъ глубоко, — не существуетъ больше! Не стану и не могу описывать тоски, отчаянія, въ которое повергла меня эта невозвратимая потеря... Я плачу... Въ тотъ самый день, когда получилъ братнино письмо (я получилъ его вечеромъ), утромъ я писалъ къ тебѣ, не зная моего несчастія, когда оно было уже въ Парижѣ, когда оно стояло уже у меня за спиною. Я писалъ къ тебѣ безпечный, хотя порою мучился какимъ-то безотчетнымъ безпокойствомъ. Посылаю тебѣ клочекъ изъ этого письма, которое хотѣлъ-было отослать на другой день, но уничтожилъ.

„Братъ мой пишетъ нѣсколько словъ только. Кончина маменьки послѣдовала 26-го марта.

„Онъ ѣдетъ въ Малороссію съ Пащенкомъ. Я на дняхъ тоже ѣду въ Петербургъ или, лучше, въ Гамбургъ, ибо

---

[1]) Это мѣсто заслуживаетъ особеннаго вниманія; оно ясно показываетъ, что еще до болѣзни въ Римѣ въ 1839 г., оставившей навсегда сильные слѣды въ Гоголѣ, болѣзненный процессъ подготовлялся многими годами. Ср. въ письмѣ Прокоповичу, отъ 19-го сентября 1837 г.: «Въ продолженіе всего дня чувствую, что на мозгъ мой какъ будто бы надвинулся какой-то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманитъ мои мысли» («Русское Слово», письма Гоголя Прокоповичу, 1859, I, стр. 105).

[1]) Ивана Семеновича Данилевскаго.

денегъ у меня такъ мало остается, что едва ли станетъ до Гамбурга. Тамъ буду дожидаться, покамѣстъ получу деньги. Я писалъ объ этомъ Николаю Прокоповичу. Надѣюсь, что онъ не откажетъ. Ты можешь представить себѣ, каково будетъ мое пребываніе въ Гамбургѣ.

„Милый Николай! Ты знаешь, что съ потерей маменьки потеряны для меня средства на беззаботную жизнь. Я долженъ трудиться и трудами добывать нужное. Напиши, ради Бога, нѣсколько или хоть одно письмо къ кому-нибудь изъ твоихъ пріятелей, могущихъ сдѣлать для меня что-нибудь, т.-е. доставить мнѣ какое-нибудь мѣсто. Сдѣлай это, какъ хочешь: я полагаюсь на тебя.

„Теперь, пріѣхавши въ Петербургъ, я останусь тамъ только нѣсколько дней; уѣду въ Малороссію обнять хоть могилу существа, любившаго меня и любимаго мною столько! Впрочемъ, если ты напишешь ко мнѣ сейчасъ по полученіи этого письма, письмо твое можетъ найти меня еще въ Петербургѣ[1]). Если найду возможность увидѣть твоихъ сестеръ, пойду къ нимъ: ты, помнится, просилъ меня объ этомъ[2]). Изъ Петербурга буду писать къ тебѣ.

„Прощай, мой милый другъ! не забывай меня! Я люблю тебя всею душою и больше, нежели когда-либо, чувствую необходимость твоей дружбы“.

Изъ этого письма видно, какъ несчастіе застигло Данилевскаго совершенно неприготовленнымъ и тѣмъ чувствительнѣе отразилось на его настроеніи. Онъ былъ близокъ къ отчаянію. Для немедленнаго возвращенія на родину приходилось сдѣлать заемъ (предполагалось прибѣгнуть къ Н. Я. Прокоповичу, который самъ далеко не пользовался достаткомъ); необходимо было позаботиться и о будущемъ устройствѣ. Гоголь, принимая горячее участіе въ положеніи пріятеля,

---

[1]) О смерти Татьяны Ивановны Чернышъ Гоголь писалъ матери: «Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною въ это время, чтобы я могъ сколько-нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожъ, написалъ къ нему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится, и гдѣ, можетъ-быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня» («Соч. и письма Гоголя», V, 325).

[2]) Сестры Гоголя (Елизавета Васильевна и Анна Васильевна) въ то время кончали курсъ въ Патріотическомъ институтѣ въ Петербургѣ.

совѣтовалъ ему прежде всего „дѣйствовать, идти рѣшительною походкою по дорогѣ жизни“.

Еще недавно Гоголь неудачно, но отъ всего сердца, предсказывалъ Данилевскому: „О тебѣ въ моемъ сердцѣ живетъ какое-то пророческое, счастливое предвѣстіе“, и рисуя себѣ заманчивую картину ожидаемой встрѣчи въ Римѣ, говорилъ: „Я бы много далъ за то, чтобы имѣть тебя выѣзжающаго объ руку мою на ослѣ. Но будь такъ, какъ угодно высшимъ „судьбамъ“ [1]). Теперь, когда, какъ нарочно, всѣ надежды на новыя совмѣстныя странствованія за-границей лопнули, Гоголь то безпокоится за друга, говоря: „Я чортъ знаетъ чего не передумалъ о тебѣ въ эти дни“ [2]) и съ грустью отказывается отъ прежнихъ мечтаній о встрѣчахъ: „Пусть же мы встрѣтимъ нашу юность, наши живыя молодыя лѣта, наши прежнія чувства, нашу прежнюю жизнь, — пусть же все это мы встрѣтимъ въ нашихъ письмахъ“ [3]), то вдругъ предавался снова самымъ несбыточнымъ мечтамъ, не смотря ни на что: „если бы мы были вмѣстѣ, мы бы доставили другъ другу бальзамъ утѣшенія... Можетъ быть, я увижусь еще разъ, обниму тебя, и, поблагодаривши тебя за все, за всѣ пріятныя минуты и Бога, пославшаго мнѣ тебя, я уѣду опять въ Римъ свой, или, можетъ быть, и тебя утащу съ собой“ [4]). Но въ то же самое время у Гоголя сжималось сердце при воспоминаніи о дѣйствительности: „Какъ воображу себѣ, что ты одинъ, одинъ сидишь безъ денегъ, полубольной и подъ вліяніемъ скуки и тоски смертельной!“ [5])... Если прежде въ какомъ-нибудь шутливомъ укорѣ по поводу досадныхъ для Гоголя перемѣнъ въ условленныхъ маршрутахъ Данилевскаго и происходящихъ отсюда отсрочекъ ихъ свиданія, у перваго вырывались дружески-ворчливыя сѣтованія: „У тебя ужъ, видно, такой бѣсъ сидитъ внутри, который ворочаетъ тобою на перекоръ“ [6]), то теперь въ каждой строкѣ слышится только самое горячее, самое искреннее участіе.

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 322.
2) Тамъ же, стр. 352.
3) Тамъ же, стр. 358.
4) Тамъ же, стр. 334.
5) Тамъ же.
6) Тамъ же, стр. 310.

XXII.

Прежній дружески-шутливый характеръ переписки исчезаетъ теперь навсегда. Въ Гоголѣ также готовилась роковая перемѣна; поэтическая часть жизни незамѣтно промчалась и ускользнула отъ обоихъ, когда они всего менѣе могли ожидать этого, и неумолимая житейская проза вступила въ свои права.

Въ среднемъ возрастѣ замѣчается иногда критическая пора, когда неожиданно обрушившееся несчастіе сразу превращаетъ человѣка, полнаго жизни и молодыхъ увлеченій, въ отжившаго, быстро старѣющаго физически и нравственно. Такой роковой порой былъ для Гоголя — человѣка болѣзненнаго и слабаго по природѣ — 30-лѣтній возрастъ, когда онъ перенесъ въ Римѣ тяжкую болѣзнь (malaria), отъ которой никогда уже не могъ совершенно излѣчиться.

Печальный кризисъ не вполнѣ совпадалъ для Гоголя и Данилевскаго: Гоголь вступилъ въ него немного позднѣе, но зато уже никогда не могъ послѣ оправиться и воспрянуть. Данилевскій же перенесъ тяжелое потрясеніе, и, здоровый физически и не надломленный нравственно, не палъ подъ его бременемъ. Гоголь чувствовалъ, напротивъ, что лучшая пора жизни миновала; онъ писалъ своему другу: „Мы приближаемся съ тобою (высшія силы, какая это тоска!) къ тѣмъ лѣтамъ, когда уходятъ на дно глубже наши живыя впечатлѣнія, и когда наши ослабѣвающія силы — увы! — часто не въ силахъ вызвать ихъ наружу такъ же легко, какъ онѣ прежде всплывали сами, почти безъ зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, насъ облекающая, не окрѣпла и не обратилась, наконецъ, въ такую толщу, сквозь которую имъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя будетъ пробиться. Употребимъ же, по крайней мѣрѣ, все, чтобы спасти ихъ хотя бѣдный остатокъ“[1]).

Начиная съ тридцатилѣтняго возраста, Гоголь такъ же мало походилъ на прежняго энтузіаста, поклонника величественной и прекрасной южной природы и всего изящнаго, какъ наша унылая сѣверная осень съ ея обложеннымъ ту-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 357.

чами небомъ не похожа на радостные солнечные дни юга. Мы встрѣчаемъ еще у него былое увлеченіе Римомъ, но это послѣдніе угасающіе лучи когда-то яркаго пламени, хотя онъ еще продолжалъ нѣкоторое время восхищаться имъ, восклицая: „Римъ, нашъ чудесный Римъ, рай, въ которомъ, я думаю, и ты живешь мысленно, въ лучшія минуты твоихъ мыслей, этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня“[1]).

По просьбѣ Данилевскаго, Гоголь написалъ о своемъ другѣ цѣлый рядъ писемъ къ своимъ пріятелямъ въ Россію, прося каждаго изъ нихъ сдѣлать для него все возможное, такъ какъ бы Данилевскій былъ его родной братъ. Самому Данилевскому онъ пишетъ: „тебѣ довольно сказать имъ, что ты братъ мнѣ“.

Ободряя и поддерживая Данилевскаго, Гоголь, насколько могъ, старался оказать ему и болѣе существенную помощь[2]).

Случайная задержка, происшедшая отъ потери денегъ, остановила на нѣкоторое время Данилевскаго за-границей. По этому поводу Гоголь дѣлалъ по обыкновенію мистическія

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 328.

[2]) На это указываютъ слѣдующія слова письма, отъ 5 февраля 1839 г.: «Я радъ, очень радъ, что тебѣ присланная мною небольшая помощь пришлась въ пору. Я точно въ разсужденіи этого всегда бывалъ счастливъ. Ко мнѣ Богъ бывалъ всегда особенно милостивъ и давалъ мнѣ чувствовать большія наслажденія. Сколько припомню, все посылаемое мною, было какъ-то тебѣ кстати». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 358).

Гоголю пришлось въ это время выручить Данилевскаго изъ бѣды, въ которую тотъ попалъ, благодаря мошенническому похищенію какимъ-то евреемъ присланныхъ ему изъ дому денегъ. Хуже всего было то, что трудно было напасть на слѣды виновника похищенія. Узнавъ объ этомъ приключеніи, Гоголь немедленно написалъ письмо Погодину, въ которомъ убѣдительно просилъ его, какъ одного изъ ближайшихъ друзей, прислать ему вексель въ двѣ тысячи рублей къ русскому банкиру Валентини. Между тѣмъ онъ отправилъ Данилевскому сохранявшійся у него билетъ въ 100 франковъ, говоря: «Я не трогалъ его никогда, какъ будто зналъ его пріятное для меня назначеніе», и, получивъ изъ Рима 200 франковъ, тотчасъ переслалъ ему. Особенно достойна вниманія въ этомъ отношеніи истинная деликатность Гоголя: выпросивъ деньги у Погодина, онъ объяснялъ дѣло въ письмѣ къ Данилевскому случайностью: «Я, пріѣхавъ въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 фр. отъ добраго моего Погодина, который, не знаю какъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Онѣ мнѣ были очень кстати,—тѣмъ болѣе, что дали возможность уплатить долгъ Валентини, который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ» (V, 352).

Княжна В. Н. Репнина также помнила, какъ выручалъ иногда Гоголь своего друга изъ финансовыхъ затрудненій во время ихъ жизни за-границей.

предположенія о томъ, что, можетъ-быть, „судьба готовитъ еще свиданіе“, и что ему „удастся облегчить сколько-нибудь душевное состояніе“ друга. Перспектива безсрочной разлуки съ Данилевскимъ, послѣ столь продолжительной привычки къ его сообществу, сильно удручала его; самыя ничтожныя, обыденныя впечатлѣнія на каждомъ шагу напоминали ему объ отсутствующемъ. Разсказывая объ обѣдахъ въ Римѣ у Lepre, Falcone и другихъ рестораторовъ, Гоголь съ грустью вспоминалъ о былыхъ временахъ.

Вскорѣ послѣ этого Данилевскій въ тяжкую минуту, не помня себя самъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего желанія поскорѣе увидѣться съ Гоголемъ, написалъ ему: „пріѣзжай въ Парижъ“. Потомъ онъ самъ сознался, что хотѣлъ зачеркнуть эти три слова, и во всякомъ случаѣ не надѣялся, чтобы они могли къ чему-нибудь повести, и написалъ ихъ почти машинально. Но исполнить желаніе его было трудно, потому что онъ писалъ въ такомъ растерянномъ состояніи, что невозможно было имѣть увѣренность, что самъ же онъ не уѣдетъ тотчасъ изъ Парижа. Гоголь отвѣчалъ ему: „Ты знаешь, ты можешь себѣ вообразить, съ какимъ чувствомъ читалъ я письмо твое. И какъ мнѣ досадно было, какъ плакалъ я, что оно пришло ко мнѣ поздно, что я получилъ его еще не въ Римѣ[1]). Я не знаю, что̀ мнѣ дѣлать! Читаю въ концѣ твоего письма: „Пріѣзжай въ Парижъ“. Я бы пріѣхалъ, я бы гдѣ-нибудь досталъ денегъ и непремѣнно бы пріѣхалъ, потому что обнять себя послѣ такой долгой разлуки — это такая радость! Но какъ это сдѣлать? Если ты уже выѣхалъ? если я тебя уже не застану? Письмо твое повергло меня въ жесточайшее недоумѣніе. Сижу надъ нимъ и ни на что̀ не могу рѣшиться“[2]).

Но хотя и состоялось свиданіе ихъ въ Парижѣ, мысль о немъ не оставляла Гоголя и лѣтомъ слѣдующаго года, когда онъ звалъ Данилевскаго въ Маріенбадъ, куда намѣревался самъ пріѣхать на воды.

---

[1]) Гоголь получилъ отъ Данилевскаго письмо уже въ Неаполѣ, когда слѣдовательно онъ еще отдалился отъ него на нѣсколько сотъ верстъ, — значительное разстояніе при тогдашнихъ сообщеніяхъ.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 333.

27 августа. Парижъ (1838). *Данилевскій—Гоголю.*

„Меня разбудили, чтобы подать письмо твое. Мнѣ стоило труда распечатать его порядочно: такъ дрожала рука отъ долгаго и безпрестаннаго ожиданія.

„Я почти готовъ думать, что это продолженіе сна. Ты въ Парижѣ! возможно ли?! Нѣтъ, это слишкомъ много! Я въ цѣлую жизнь не въ состояніи буду расплатиться съ тобой. Чувствую радость, — физически чувствую, безъ всякихъ метафоръ, — текущую по всѣмъ жиламъ. А я бы писалъ къ тебѣ сегодня, писалъ бы непремѣнно, хотя бы не получилъ письма твоего, и даже адресовалъ его въ Неаполь. Я съ тѣмъ легъ вчера спать.

„Ты сомнѣваешься, застанешь ли меня въ Парижѣ, а я сомнѣваюсь, уѣду ли я когда-нибудь изъ Парижа.

„Ты, можетъ-быть, получилъ мое второе письмо. Изъ Петербурга ни слова ни отъ кого, а писалъ ко всѣмъ — разъ восемь, можетъ-быть. Чтобы показать всю великость моей потери, судьба вооружилась противъ меня несказанно съ той роковой минуты, когда я узналъ объ ней.

„Думаю, что письмо мое застанетъ тебя въ Неаполѣ; даже хочу совѣтовать, чтобы ты и не подумалъ ѣхать въ Парижъ. Но это притворство выше силъ моихъ. При одной мысли видѣть тебя жизнь моя обновляется! Признаюсь, написавъ къ тебѣ это: „пріѣзжай въ Парижъ“, я хотѣлъ-было зачеркнуть его, но оставилъ, не знаю почему, — можетъ-быть, не находя въ немъ смыслу.

„Еслибы въ самомъ дѣлѣ случилось, чтобы ты пріѣхалъ, какъ я приму тебя? Чувствую, буду смѣшонъ и жалокъ“.

„Ты проводишь меня, можетъ-быть, до Лондона, а изъ Лондона теперь есть пароходъ прямо въ Петербургъ, а въ Лондонъ ѣдутъ за 28 франковъ. Ты, помнится, хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ еще прошедшій годъ[1]). Услышишь „Don

---

[1]) Замѣчательно, что Гоголю при его обширныхъ путешествіяхъ, и притомъ не только по Европѣ, но и Азіи и даже въ Африкѣ (онъ былъ въ Александріи) никогда не случалось быть въ Лондонѣ, хотя онъ нѣсколько разъ порывался ѣхать туда. Также онъ не разъ собирался ѣхать въ Крымъ и Кавказъ, но въ послѣднемъ никогда не былъ. Въ Лондонъ его звалъ въ письмѣ отъ 7 августа 1844 г. (См. «Вѣстн. Евр.», 1889, X, 485—486) графъ М. Ю. Віельгорскій слѣдующими словами: «васъ также приглашаю въ Брайтонъ; вы тамъ будете съ нами, и если захотите Лондонъ посмотрѣть (и стоитъ на него хоть взглянуть), то можете у меня остановиться, что̀ вамъ ничего стоить не будетъ».

Giovanni", „Отелло", „Гугенотовъ"; увидишь Фанни Эльслеръ: ты, вѣрно, не видалъ ничего граціознѣе въ мірѣ! Увидишь баядерокъ, на дняхъ пріѣхавшихъ изъ Индіи!

„Какъ! ты воображаешь себѣ, что мы болѣе уже не увидимся! Нѣтъ, это невозможно. Италія съ нѣкотораго времени сдѣлалась моей обѣтованной землей! Жизнь для меня потеряла бы послѣднюю прелесть, еслибы я не имѣлъ надежды сказать тебѣ: „здравствуй въ Италіи!"

„Прощай! Если ты не перемѣнилъ эту Богомъ или, можетъ-быть, покойницей матерью моей вдохновенную въ тебя идею ѣхать въ Парижъ, не забывай меня.

„На помощь изъ Петербурга я надѣюсь тѣмъ не менѣе еще, что, по причинѣ открытыхъ заговоровъ въ Польшѣ, письма мои были перехвачены и не дошли по адресу.

„Ты сдѣлаешь сегодняшній день памятнымъ въ моей жизни. Цѣлую тебя. *Данилевскій*.

Во всякомъ случаѣ, Гоголь собирался, согласно просьбѣ Данилевскаго, оставить Римъ на полтора мѣсяца и пріѣхать къ нему въ Парижъ. Данилевскаго онъ убѣдительно просилъ подождать его въ Парижѣ полторы недѣли, а между тѣмъ прислать ему письмо въ Марсель. Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ немедленно двинулся въ путь. Черезъ недѣлю застаемъ Гоголя уже по дорогѣ въ Парижъ, остановившимся въ Ливорно, откуда онъ пишетъ письмо къ матери, наполненное разспросами объ осиротѣвшемъ семействѣ Черныша и Данилевскихъ[1]). Въ Парижѣ снова мелькнули передъ нимъ boulevard des Italiens, café Monmartre и проч. Изъ Парижа Гоголь проводилъ Данилевскаго до Брюсселя, гдѣ они и разстались. Простившись съ Данилевскимъ, Гоголь взялъ съ него слово писать какъ можно чаще, и самъ писалъ ему съ дороги въ Римъ изъ Ліона и Марселя.

Между тѣмъ денежныя дѣла Гоголя снова пришли въ разстройство, вслѣдствіе неожиданнаго займа, сдѣланнаго имъ для Данилевскаго, котораго онъ поспѣшилъ выручить изъ затруднительнаго положенія, когда послѣдній, лишившись матери, вмѣстѣ съ тѣмъ, потерялъ возможность вести прежній безпечный образъ жизни. Къ тому же Данилевскій вскорѣ былъ обманутъ какимъ-то негодяемъ въ Парижѣ. Этотъ случай

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 336—337.

лишній разъ доказываетъ, какъ горячо любилъ тогда Гоголь Данилевскаго, помогая ему среди самыхъ стѣсненныхъ условій собственной жизни. Но, сдѣлавъ заемъ у Балабиныхъ, онъ не имѣлъ уже необходимости въ деньгахъ, занятыхъ для той же цѣли у Прокоповича[1]), и, предполагая, что послѣдній самъ могъ быть въ нуждѣ, немедленно отослалъ ихъ обратно. Вмѣсто того, Гоголь рѣшилъ просить денегъ взаймы у Погодина. „Если ты богатъ", — писалъ онъ Погодину отъ 20-го августа 1838 года, — „пришли вексель на 2000"[2]). Это письмо было отправлено съ той почтой, съ которой былъ посланъ отвѣтъ Данилевскому на его неожиданный призывъ пріѣхать къ нему въ Парижъ.

Въ этомъ письмѣ къ Погодину отмѣтимъ, между прочимъ, мимоходомъ сдѣланное Гоголю указаніе на успѣхъ его литературнаго труда, — указаніе, получающее особенное значеніе въ виду всегдашней крайней необщительности Гоголя въ данномъ отношеніи. Нѣсколько искреннихъ словъ, вырвавшихся прямо изъ души писателя, вводятъ насъ въ тайну мукъ творчества, которыя переживались въ то время Гоголемъ. Намъ кажутся особенно замѣчательными слова этого письма: „О, другъ! какіе существуютъ великіе сюжеты! Пожалѣй обо мнѣ"[3]). Въ этомъ неожиданномъ сопоставленіи, въ этомъ глубоко-трагическомъ возгласѣ художника, чувствующаго и сознающаго роковой разладъ между обширными замыслами и недостаткомъ физическихъ силъ, какъ нельзя лучше выразилась въ немногихъ, но знаменательныхъ словахъ печать высшей натуры. Какъ поэтъ по призванію, Гоголь не могъ бы, не въ силахъ былъ не творить. Въ иныя минуты вдохновеніе было для него въ одно и то же время и лучшимъ благословеніемъ, и величайшимъ проклятіемъ. О нравственномъ состояніи своемъ Гоголь сообщалъ совершенно неутѣшительныя свѣдѣнія: „Увы! здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь, но работа моя вяла, нѣтъ той живости"[4])... Всѣ эти трогательныя признанія заслуживаютъ особаго изученія съ иной, спеціально психологической (и даже психі-

---

1) «Русское Слово», 1859, I, 108.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 333.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 332.

4) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 332.

атрической) точки зрѣнія. Они уже несомнѣнно отражаютъ на себѣ начало того ужаснаго процесса разложенія, который впослѣдствіи подточилъ въ корнѣ великое природное дарованіе художника. Открывая въ этомъ письмѣ Погодину свою душу съ наболѣвшими ранами, Гоголь утѣшаетъ себя мыслью о лучшемъ здоровьѣ и о бо̀льшихъ успѣхахъ своего пріятеля. По свойственной всѣмъ людямъ привычкѣ судить о другихъ по себѣ, онъ уже объяснялъ себѣ молчаніе Погодина тѣмъ, что тотъ создаетъ что-то для будущаго.

Въ этомъ-то интимномъ письмѣ обратился Гоголь къ Погодину съ просьбой о высылкѣ векселя, предназначавшагося для Данилевскаго.

Въ Римъ Гоголь возвратился уже въ концѣ ноября. Здѣсь онъ получилъ исходатайствованныя ему Жуковскимъ деньги отъ государя. Изъ отвѣтнаго благодарственнаго письма видно, въ какомъ тяжеломъ нравственномъ состояніи находился тогда Гоголь. На него стали чаще находить минуты сомнѣнія, признакъ или, по крайней мѣрѣ, близкое предвѣстіе гибели таланта. Онъ уже тогда былъ способенъ временами падать духомъ и трепетать за будущее. „Боже! я недостоинъ такой прекрасной любви“, — писалъ Гоголь Погодину. — „Ничего не сдѣлалъ я! Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье? Громоздилось кое-что въ этой головѣ и душѣ, и неужели мнѣ не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? Признаюсь, я плохо надѣюсь на свое здоровье!“ [1]).

XXIV.

Приводимъ здѣсь по порядку ненапечатанную часть переписки Гоголя съ Данилевскимъ, относящуюся къ 1839 году:

Мартъ 7 (1839). *Гоголь — Данилевскому*[1]).

„Вчера получилъ твое письмо отъ 22-го февраля. Взоры мои были поражены ужаснымъ множествомъ новооткрывшихся кафе, которыхъ имена увидѣли они начертанными твоей рукою. За нѣсколько мѣсяцевъ былъ бы сильно раздраженъ и мой желудокъ, но теперь аппетита нѣтъ, да и чортъ съ нимъ!

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 348.

„Твоя Estelle, которая присутствовала у тебя во время антракта между писаніемъ письма, года два-три назадъ, вѣроятно, вызвала бы изъ памяти и воображенія, еще полнаго утраченной юности, множество нескромныхъ воспоминаній... Но теперь Богъ съ ней! Да здравствуетъ, впрочемъ, она и надѣляетъ тебя мгновеніями младости и благъ, которыя ты еще, счастливецъ, чувствуешь!

„Въ письмѣ твоемъ мнѣ пріятно было увидѣть выглянувшее имя Ноэля; оно мнѣ напомнило вечерніе чаи, madame Courtain, Семеновскаго“ (такъ написано у Гоголя; должно быть: Симановскаго), „который пропалъ совершенно[1]), какъ въ воду, и совершенное незнаніе храмовъ[2]) и вообще невѣжество въ религіи.

„Я получилъ наконецъ изъ дому два письма. Грустно мнѣ было читать ихъ! Они были совершенная вывѣска несчастнаго положенія домашнихъ. Наконецъ маменька, кажется, дохозяйничалась наконецъ[3]) до того, что теперь рѣшительно, кажется, не знаетъ, что̀ дѣлать. Дѣла наши по деревнѣ, кажется, такъ разстроились, какъ только возможно, и я никакихъ не имѣю средствъ помочь. Какъ нарочно къ этому времени приближается срокъ или выпускъ моимъ сестрамъ!..

„Грустно, мой милый, ужасно грустно!.. Я былъ до этого времени почти спокоенъ; меня мучило мое здоровье; но я предалъ его въ волю Бога, пріучилъ себя къ прежде невыносимой мысли, и уже ничего не было для меня страшнаго ни въ жизни, ни въ смерти. А теперь иногда такое томительное безпокойство заглядываетъ въ мою душу, такая боязнь за будущее, къ несчастью, очень близкое!.. О, ты много счастливѣе меня: ты можешь терпѣть одинъ; всѣ члены вашего семейства пристроены; тебѣ остается — только одинъ

---

1) Разставшись съ Симановскимъ въ началѣ 1838 г., Гоголь и Данилевскій потеряли его изъ виду. Гоголю очень хотѣлось его отыскать. См. V, 300: «О Симановскомъ я рѣшительно не имѣю никакихъ вѣстей. Куда онъ дѣлся и куда пропалъ, это Богъ одинъ знаетъ»; и V, 310: «Напиши адресъ Симоновіано, если узнаешь. Я къ нему писалъ изъ Ливорна въ Парижъ. Не знаю, получилъ ли онъ его, или нѣтъ».

2) Намекъ на временное пользованіе домашними обѣдами у Ноэля.

3) Слово это повторено въ подлинномъ письмѣ.

ты... Грустно! Мысль моя теряется. Я ничего не нахожусь сдѣлать, ни подумать“ [1])...

„А кстати: въ первомъ письмѣ маменьки, между прочимъ, извѣстіе, касающееся по тебѣ. Она была у Василія Ивановича на свадьбѣ его дочери, а твоей сестры, которая теперь таетъ (?) за Казань. Василій Ивановичъ за столомъ вспомнилъ о томъ, что теперь онъ долженъ одинъ благословить свою дочь, что Татьяны Ивановны уже нѣтъ на свѣтѣ... и заплакалъ! Гости были тоже тронуты. Въ другомъ письмѣ маменька говоритъ, что видѣлась не такъ давно съ Василіемъ Ивановичемъ, и что онъ спрашивалъ у нея, не пишу ли я тебѣ и не знаю ли я, гдѣ ты, что онъ совершенно не имѣетъ о тебѣ никакихъ слуховъ и не получаетъ отъ тебя никакихъ писемъ, и что онъ проситъ меня узнать, гдѣ ты. Маменька упомянула также мимоходомъ о твоихъ братьяхъ, что они оба [2])

---

[1]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, Гоголь это время былъ страшно разстроенъ и озабоченъ дурнымъ ходомъ домашнихъ дѣлъ.

Возстановимъ здѣсь кстати пропуски въ письмѣ отъ 12 февраля 1839 года.

Послѣ словъ: «Клотильдѣ за поклонъ тоже благодаренъ», слѣдуетъ: «Кстати, я думаю...., тѣмъ болѣе, что оно очень близко, — кажется только черезъ кухню. Квитка, какъ кажется, не можетъ тебѣ мѣшать. Я слышалъ, что у него есть».

Въ концѣ письма, послѣ словъ: «У какого жреца ты завтракаешь и такую ли, ту же ли живую охоту чувствуешь ты и аппетитъ, т.-е. вмѣстѣ чистить аппетитные серебряные кофейники съ большими длинными клевами. Ужъ нѣтъ ли какихъ новыхъ открытій? Проклятые храмы, между прочимъ, доканали мой желудокъ.

«Братецъ, какое теперь небо въ Римѣ! какъ чудно глядитъ на меня въ эту самую минуту, какъ пишу тебѣ!

«Зачѣмъ ты теперь не въ Римѣ! Пора бы тебѣ жизнь чувственную перемѣнить на духовную, (наплевать) на желудокъ и на храмъ, mangiar poco e respirar una dolcissima aria e cosi vivere. Пора, пора (выгнать) вонъ чорта, который сидитъ въ брюхѣ и (напускаетъ) на злыя похоти».

Въ самомъ концѣ пропущена подпись: «весь твой *Гоголь*», и приписка:

«Ты меня спрашиваешь, гдѣ я живу. Неужели ты не знаешь, что моя квартира вѣчно та же: Via Felice, 126, terzo piano.

Отмѣтимъ кстати ошибку у г. Кулиша: вмѣсто *Базинъ* въ этомъ письмѣ слѣдуетъ читать: Базилѣ (т.-е. Базили). Кромѣ того въ немъ упоминаются: Васька — Василій Яковлевичъ Прокоповичъ, и Аѳанасій, слуга Данилевскаго, — по словамъ его, «весьма забавный субъектъ». (Слова, поставленныя въ скобкахъ выше, прочитаны по догадкѣ; они на прорванномъ мѣстѣ письма, но часть ихъ видна ясно).

[2]) Одинъ изъ братьевъ Александра Семеновича Данилевскаго, Иванъ Семеновичъ, уже упоминался выше; о немъ также см. V т., стр. 196, 232, 336 и 443. Другой братъ, Елисей Семеновичъ, былъ также въ гимназіи высшихъ наукъ

живутъ въ Семеренькахъ; очень плохи здоровьемъ, часто болѣютъ и не были ужъ очень давно у нея по причинѣ болѣзни. Я просилъ тебя въ одномъ письмѣ о присылкѣ мнѣ красокъ[1]), и теперь вспомнилъ, что ты къ краскамъ можешь еще присовокупить одну очень пріятную для меня вещь, твою палку, которую ты мнѣ подарилъ[2]) и которую я не знаю, почему не взялъ съ собою. Я былъ такъ обезтолковленъ передъ моимъ выѣздомъ изъ Парижа! Я не понимаю, что̀ бы я былъ безъ этой счастливой отсрочки моего отъѣзда, которая доставила мнѣ радость поцѣловаться съ тобою и вновь сказать: здравствуй.

„Будь здоровъ. Да! ты меня спрашиваешь, какой я дамъ отвѣтъ насчетъ предложенія Васьки Прокоповича. Я отвѣчалъ ему, что не могу воспользоваться, потому что подобное предложеніе было сдѣлано мнѣ раньше Погодинымъ; а такъ какъ я ему долженъ двѣ тысячи слишкомъ, то я представилъ ему въ совершенное распоряженіе всѣ полученные отъ этого доходы.

„Чуть было не позабылъ одно для тебя очень важное открытіе: удивительное производятъ дѣйствіе на желудокъ хорошія сушеныя фиги; нужно ихъ ѣсть на ночь и по утру на свѣжій желудокъ. Мнѣ посовѣтовалъ одинъ итальянецъ, за что его нужно вызолотить.

„Въ первый день, когда я ихъ съѣлъ, чувствовалъ немного нехорошо какъ будто въ желудкѣ, но потомъ чудо! потомъ легко, можно сказать, подмасливаетъ дорогу. Только нужно, чтобы фиги были самыя свѣжія и не засушенныя слишкомъ“[3]).

въ Нѣжинѣ, потомъ былъ помѣщикомъ и скончался въ шестидесятыхъ годахъ. Иванъ Семеновичъ здравствуетъ донынѣ и проживаетъ въ Малороссіи. О двоюродной сестрѣ Александра Семеновича, Марьѣ Алексѣевнѣ, см. V, 171.

1) См. изд. Кул., V, 360 и 363.

2) О томъ же см. V, 305: «Я вхожу къ себѣ и вижу: на столѣ лежитъ знакомая мнѣ палка». Послѣднія слова снова показываютъ, что письмо, напечатанное у Кулиша на 304 стр. V тома, ошибочно отнесено по предположенію къ 1838 вмѣсто 1839, какъ о томъ было сказано выше. Кромѣ этого въ этомъ письмѣ краски, о которыхъ рѣчь была въ указанныхъ выше письмахъ, оказываются уже купленными.

3) Дополнимъ здѣсь пропуски въ слѣдующемъ по порядку письмѣ изъ Рима, отъ 5-го іюня (V, 377); послѣ словъ объ Іосифѣ Віельгорскомъ: «Это былъ бы

Въ концѣ письма отъ 2 апрѣля 1839 г. опущенъ конецъ; у Кулиша стоитъ на немъ въ скобкахъ (въ знакъ предположенія) 1838 г., но оно по содержанію, очевидно, принадлежитъ 1839. Приводимъ опущенныя строки:

„Съ первымъ днемъ 1840 г., кажется, должна выдти первая книжка „Отечественныхъ Записокъ".

„Кстати о журналѣ „Отечественныя Записки". Я получилъ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Римъ предлинное письмо отъ Краевскаго, на которое я никакъ не собрался отвѣчать, да притомъ и не знаю — какъ. Къ тому жъ и самое письмо пошло на какія-то требы. Краевскій просто воетъ и поднимаетъ рѣшительно всѣхъ ополчиться на сатану. Говоритъ, что здѣсь должны мы всеобщими силами двинуться, что это послѣдній крестовый походъ, и что если этотъ не удастся, тогда ужъ рѣшительно нужно бросить все и отчаяться. Я себѣ представляю мысленно, какъ этотъ человѣкъ хлопочетъ и почесываетъ очень солидно бакенбарды на своемъ миніатюрномъ лицѣ.

„Погодинъ видѣлъ первую книжку и говоритъ, что вдвое больше „Библіотеки для Чтенія", но что онъ не заглядывалъ въ середину книги и не имѣлъ для этого времени. Еще онъ не сказывалъ, что ему говорилъ одинъ, что Краевскій очень благонамѣренно дѣйствуетъ и поощряетъ молодыхъ литераторовъ, собирая ихъ около, но что именъ этихъ литераторовъ трудно упомнить, а литераторы хорошіе и образованные. Я самъ то же думаю...

мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича», — пропущено: «Всѣ прочіе его окружающіе хоть бы крупицу таланта имѣли!» Далѣе, послѣ словъ: «ты опять сидишь безъ вѣстей о домѣ», пропущено: «Я думаю, мнѣ кажется, лучше всего тебѣ, покамѣстъ, обратиться къ сестрѣ». (Слова эти впрочемъ зачеркнуты). «Она такъ добра, такъ полна къ тебѣ братскою любовью, что я не могу подумать, чтобы она тебя могла оставить въ ту минуту, когда тебѣ такъ нужна помощь. Притомъ же она въ состояніи понять настоящее твое положеніе. Напиши, представь ей хорошенько и живо твое положеніе. Я не думаю, чтобы она отказала тебѣ, это невозможно! Ты лѣнивъ, тебѣ трудно двинуться на что-нибудь, а мнѣ кажется, сначала бы написать въ Лубны къ Ивану Семеновичу: человѣкъ, дрожки котораго называются по имени и отечеству, а не по фамиліи, безъ всякаго сомнѣнія пребываетъ въ возможности дать взаймы. Словомъ, тебѣ средства есть». (О дрожкахъ Ивана Семеновича Данилевскаго Гоголь упоминаетъ еще разъ въ письмѣ отъ 8 мая 1839 г. («Соч. и письма Гоголя», т, V, стр. 443).

„Слѣдующее письмо вручитъ тебѣ Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ.

„Прощай. Цѣлую тебя. Твой — *Гоголь*“.

Здѣсь идетъ рѣчь о книжкѣ „Отеч. Зап.“ за 1840 г., слѣдовательно, письмо 1839 г., тѣмъ болѣе, что въ этомъ году были въ Италіи Погодинъ и Шевыревъ. Ниже помѣщено то письмо, о которомъ здѣсь сказано, что его вручатъ Погодинъ съ Шевыревымъ.

XXV.

Печально вступилъ Гоголь въ слѣдующій, 1839 годъ, но зато въ первой половинѣ своей это былъ одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ годовъ его жизни. Въ это время въ Римъ пріѣхали одинъ за другимъ молодой графъ Іосифъ Віельгорскій, Жуковскій, супруги Шевыревы, Чертковы, Погодины и проч.[1]). Приблизительно въ это же время Гоголь весьма коротко сошелся съ извѣстнымъ художникомъ Ивановымъ. Такимъ образомъ жизнь его была совершенно наполнена, и на чужбинѣ онъ чувствовалъ себя въ кругу людей особенно ему близкихъ и дорогихъ. Всѣ эти счастливыя встрѣчи облегчали для него разлуку съ самымъ искреннимъ его другомъ, съ его „ближайшимъ“, съ А. С. Данилевскимъ. Если годъ тому назадъ, не видясь съ послѣднимъ въ продолженіе всего двухъ-трехъ мѣсяцевъ, онъ уже грустилъ и писалъ: „Я давно не видался съ нимъ и хотѣлъ бы поглядѣть на него“[2]), — то теперь перспектива продолжительнаго нравственнаго одиночества, предстоявшаго на неопредѣленный срокъ, должна была бы сильно удручить его, еслибы не цѣлый рядъ самыхъ пріятныхъ и частью неожиданныхъ свиданій.

Изъ всѣхъ названныхъ лицъ Гоголь раньше всѣхъ встрѣтилъ Иванова. Когда произошло болѣе близкое ихъ знакомство,

---

[1]) Съ другой стороны, почти въ то же время Римъ оставили Репнины, избѣгая встрѣчи со свитой наслѣдника Александра Николаевича, такъ какъ Николай Григорьевичъ Репнинъ былъ въ опалѣ. Еще когда Репнины жили въ 1836 году въ Баденъ-Баденѣ, они неожиданно узнали объ этомъ. Въ письмѣ къ своей женѣ Н. Г. Репнинъ извѣщалъ ее, что на маневрахъ въ Красномъ Селѣ неожиданно подъѣхалъ къ нему Бенкендорфъ и сказалъ: «Отдайте вашу шпагу! Изъ уваженія къ вашей старости государь позволилъ васъ наказать домашнимъ арестомъ».

[2]) «Русское Слово», 1859, I, стр. 109.

опредѣлить трудно, но оно должно было завязаться не позже конца 1838 г. Въ перепискѣ Гоголя нѣтъ никакихъ данныхъ для точнаго рѣшенія этого вопроса, но отсутствіе какихъ-либо упоминаній объ Ивановѣ въ письмахъ 1837 года никакъ не можетъ еще служить доказательствомъ, что они не были вовсе знакомы уже тогда. Мы видѣли раньше, что Гоголь, кромѣ самыхъ близкихъ людей, любилъ говорить въ письмахъ, и притомъ всегда съ ироніей, только о такихъ, которые были для него обычнымъ предметомъ насмѣшки и глумленія. Гораздо важнѣе другое соображеніе: при безусловно замкнутомъ образѣ жизни Иванова, при извѣстной его робости и необщительности, сближеніе съ нимъ Гоголя едва ли могло произойти въ короткій срокъ. Притомъ Данилевскій очень мало зналъ Иванова[1]). Все это говоритъ скорѣе въ пользу того, что если Гоголь и встрѣчался съ Ивановымъ въ первые пріѣзды въ Римъ, то ихъ отношенія начались позднѣе. Наконецъ, не лишено, конечно, основанія и то, что въ своей извѣстной книгѣ объ Ивановѣ Боткинъ относитъ начало знакомства его съ Гоголемъ именно къ концу 1838 г. Такъ какъ о времени перваго знакомства Гоголя съ Ивановымъ не сохранилось, къ сожалѣнію, никакихъ положительныхъ данныхъ, то за отсутствіемъ строго опредѣленной хронологической канвы и какой-либо надежной руководящей нити въ разъясненіи этого вопроса позволимъ себѣ остановиться на тѣхъ немногихъ соображеніяхъ, которыя могли бы въ настоящемъ случаѣ дать хоть малую точку опоры. Важно здѣсь, конечно, то, что въ связи съ этимъ рѣшается также вопросъ объ общемъ характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній въ самомъ началѣ и о томъ, что̀ послужило каждому изъ нихъ внѣшнимъ поводомъ къ оцѣнкѣ въ другомъ родственной по духу и стремленіямъ натуры[2]). Единственное заключеніе, ко-

---

[1]) Мнѣ помнится, что Данилевскій говорилъ о своихъ встрѣчахъ съ Ивановымъ въ 1837 г., но точно онъ времени не обозначалъ и, къ сожалѣнію, я не предвидѣлъ тогда, что послѣ потребуется именно обстоятельное разъясненіе времени начала его знакомства съ знаменитымъ художникомъ, чтобы безъ колебаній установить время знакомства послѣдняго съ Гоголемъ. Но въ 1838 г. Данилевскій въ Римѣ не былъ, слѣдовательно уже поэтому можно было бы отнести знакомство его и Гоголя съ Ивановымъ къ 1837 г., что̀ мнѣ лично и представляется несомнѣннымъ.

[2]) Е. С. Некрасова признаетъ характеры Гоголя и Иванова «крайне не сходными» (Вѣстникъ Евр. 1883, XII, 611), что̀ въ сущности и справедливо, но мы

торое можно вывести изъ сравненія всѣхъ разрозненныхъ свидѣтельствъ, касающихся первыхъ лѣтъ ихъ знакомства, можетъ быть, повидимому, то, что долгое время эти два замѣчательныхъ человѣка, уже полюбивъ другъ друга, еще не придавали своимъ отношеніямъ того глубокаго значенія, какое подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія отъ ихъ дружбы, невольно переносится многими чуть не на первыя ихъ встрѣчи. „Встрѣтиться они должны были", — замѣчаетъ въ своей любопытной статьѣ „Гоголь и Ивановъ" Е. С. Некрасова, — „едва ли не въ первый день по пріѣздѣ Гоголя въ Римъ". Предположеніе это она основываетъ на томъ, что „всѣ художники и пріѣзжіе русскіе сходились обѣдать въ извѣстную остерію Фальконе"[1]). Послѣ этого, по словамъ той же писательницы, „Гоголь заглянулъ въ студію, увидалъ картину и пришелъ въ восторгъ. Съ этихъ поръ онъ интересуется ея судьбой не меньше своей поэмы"[2]). За исключеніемъ послѣдняго, явно преувеличеннаго выраженія, все остальное, здѣсь сказанное, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но вопросъ въ томъ, были ли оба отмѣченные момента непосредственно близки другъ къ другу, или же между ними существовалъ извѣстный промежутокъ; связывало ли Гоголя и Иванова одно только восхищеніе поэта знаменитой картиной художника, или также многія другія, повидимому, второстепенныя, но въ сущности не менѣе важныя въ психологическомъ смыслѣ причины. Г-жа Некрасова, ошибочно относя первый пріѣздъ Гоголя въ Италію къ осени 1838 г., не замѣчаетъ своего несогласія съ словами Боткина, относящаго эту встрѣчу и знакомство къ концу 1838 г., тогда какъ первое изъ приведенныхъ нами ея соображеній, чрезычайно вѣроятное, казалось бы, должно было говорить въ пользу болѣе ранняго ихъ знакомства (въ 1837 г.). Соображеніе это могло бы быть ослаблено развѣ предположеніемъ о возможныхъ выѣздахъ Иванова изъ Рима въ лѣтніе мѣсяцы 1837 и 1838 годовъ, вообще нерѣдко отлучавшагося въ разныя мѣстности Италіи, но, на основаніи несомнѣнныхъ

имѣемъ здѣсь (и ниже) въ виду собственно сходство артистической натуры обоихъ, на которое указываетъ и г-жа Некрасова въ слѣдующихъ словахъ за приведенными выше, называя ихъ: «несомнѣнно близкими другъ другу людьми, близкими по любви къ искусству, по способу отношенія къ своимъ созданіямъ».

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 613.

[2]) Тамъ же, стр. 614.

датъ въ письмахъ Иванова, мы убѣждаемся въ томъ, что и такое предположеніе не можетъ здѣсь имѣть мѣста. Между тѣмъ, съ другой стороны, передъ нами вѣскій и краснорѣчивый фактъ: въ подробныхъ сообщеніяхъ Гоголя въ письмахъ къ Данилевскому объ ихъ общихъ римскихъ знакомыхъ ни разу даже не промелькнуло имя Иванова. Одно изъ двухъ: или оба корреспондента еще вовсе не знали тогда Иванова, или, что̀ вѣроятнѣе, ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ пока обратить на него особаго вниманія (повторяемъ: знакомства въ кружкѣ художниковъ у нихъ были общія). Наконецъ, если бы Гоголь сразу узналъ и оцѣнилъ Иванова, то между ними еще въ 1837 г., безъ сомнѣнія, завязалась бы переписка и сохранились бы какіе-нибудь слѣды устанавливавшейся уже тогда близости. Но слѣдовъ этихъ нѣтъ. Трудно допустить, съ другой стороны, что Гоголь, хотя случайно, въ первый же пріѣздъ свой въ Италію и въ Римъ, (т.-е. въ 1837 г.), съ увлеченіемъ и живымъ интересомъ осматривая все замѣчательное, не заглянулъ въ студію Иванова. Итакъ, если предположить, вмѣстѣ съ г-жей Некрасовой, что съ первыхъ же встрѣчъ начались восторженныя отношенія Гоголя къ великому созданію художника, то извѣстная застѣнчивость Иванова и крайняя необщительность обоихъ все-таки не могла бы допустить ихъ въ самомъ началѣ до замѣтнаго сближенія. Намъ кажется весьма характернымъ, что при всемъ восторженномъ и робкомъ благоговѣніи передъ Гоголемъ, подававшемъ поводъ Іордану утверждать даже, что Гоголь былъ для Иванова оракуломъ, послѣдній никогда, однако, не думалъ особенно выставлять или преувеличивать значеніе ихъ дружескихъ отношеній. Даже лѣтомъ 1841 г., когда письма Гоголя къ Иванову давно дышали несомнѣнной задушевностью и такимъ теплымъ, сердечнымъ расположеніемъ, которое не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ прочно установившейся пріязни, и тогда Ивановъ только впервые, вскользь и весьма сдержанно, упоминаетъ о Гоголѣ въ числѣ „нѣкоторыхъ пріѣзжихъ русскихъ“ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу[1]). Тонъ этихъ строкъ въ письмѣ таковъ, что въ своей пре-

---

[1]) Боткинъ. «Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 137.

красной статьѣ объ Ивановѣ В. В. Стасовъ впалъ даже въ небольшую ошибку, замѣтивъ, будто Ивановъ тогда „только-что познакомился съ Гоголемъ“[1]). Если Ивановъ въ то время, уже будучи весьма близкимъ человѣкомъ къ Гоголю, когда уже отношенія ихъ были далеко не новыя, въ письмѣ къ любимому отцу, съ которымъ былъ всегда откровененъ, не придавалъ еще этимъ отношеніямъ характера дружбы, то тѣмъ болѣе, вѣроятно, не думалъ онъ съ самаго начала ставить себя на равную степень съ боготворимымъ имъ литературнымъ геніемъ и, быть можетъ, даже оставался первое время для него въ тѣни. Послѣ этого намъ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности даты начала перваго знакомства Гоголя съ Ивановымъ, указанной М. П. Боткинымъ въ его извѣстной книгѣ объ Ивановѣ. „Въ концѣ 1838 года“, читаемъ мы тамъ, „Ивановъ познакомился съ Н. В. Гоголемъ, который былъ въ восторгѣ отъ его картины, говорилъ о ней, кому только могъ, водилъ въ мастерскую художника своихъ знакомыхъ“ [2]). Вотъ этой степени знакомства ни въ какомъ случаѣ нельзя относить къ 1837 г., т.-е. ко времени совмѣстной жизни въ Римѣ Гоголя съ Данилевскимъ. Но что̀ значатъ слова Иванова въ письмѣ послѣдняго къ Моллеру отъ 6 апрѣля 1851 г. „Отъ Н. В. Гоголя я не получалъ послѣ того письма (отъ 18 декабря 1851 г. изъ Одессы) извѣстій. Онъ въ отношеніи ко мнѣ все еще живетъ жизнью 1830 годовъ. Ожидаю, однако же, его письма черезъ мѣсяцъ“. Смыслъ этихъ словъ, очевидно, такой: такъ какъ Моллеру были хорошо извѣстны всѣ фазы отношеній Гоголя къ Иванову въ разныя времена, то здѣсь пошатнувшіяся послѣ крупной размолвки отношенія, и разъ омраченныя уже рѣзкимъ охлажденіемъ, сравниваются съ той порой, когда эти отношенія вначалѣ еще не получили болѣе серьезнаго характера.

Въ Ивановѣ Гоголь, конечно, не могъ не оцѣнить прежде всего, какъ его безпредѣльную любовь къ искусству, такъ и

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1880 г., I, 132.

[2]) Боткинъ, стр. IX. Здѣсь говорится, очевидно, не о первыхъ встрѣчахъ, а объ установившемся знакомствѣ. Возможно также, что сближенію Гоголя съ Ивановымъ помогъ пріѣздъ въ Римъ Шевырева, такъ какъ съ послѣднимъ Ивановъ былъ знакомъ уже раньше и однажды даже писалъ ему (Боткинъ, стр. 89).

одинаковое съ нимъ увлеченіе дорогимъ ему древнимъ Римомъ, а сходство въ ихъ внѣшнемъ положеніи и тяжелыя матеріальныя условія обоихъ должны были еще болѣе укрѣпить взаимную симпатію. Несмотря на рѣшительное несходство характеровъ, Гоголь и Ивановъ во многомъ представляли собою двѣ родственныхъ по духу натуры. Мы знаемъ, съ какимъ восторгомъ всегда привѣтствовалъ Гоголь въ другихъ присутствіе той искры божіей, того вдохновеннаго увлеченія красотами природы, которое чувствовалъ въ себѣ. Не оттого ли его письма къ М. П. Балабиной дышатъ такимъ свѣтлымъ настроеніемъ и такъ живо рисуютъ передъ читателемъ искреннія, непринужденныя отношенія обоихъ корреспондентовъ? Переписка Гоголя съ Балабиной была очень непродолжительная и неправильная; особенно тѣсной духовной связи между ними не было, а между тѣмъ едва ли, читая эти письма, можно усомниться въ томъ, что всѣ они вылились изъ глубины души[1]). Но впечатлѣнія молодой дѣвушки были, конечно, очень мимолетны; другое дѣло — глубокое, сильное чувство художника, положившаго всю душу въ дорогое искусство. Въ одномъ письмѣ къ Балабиной Гоголь возмущается, между прочимъ, пошлыми возгласами людей, лишенныхъ чувства изящнаго, но, несмотря на то, считающихъ для себя обязательнымъ всѣмъ восхищаться. „Есть классъ людей“, — говоритъ онъ, — „которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: „Какъ это величаво! какъ хорошо!“ Словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душой. Ихъ не терпитъ тоже моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемѣрія, услужливости для достиженія какой-нибудь своей цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ“[2]). Напротивъ, людей съ душой и истиннымъ художественнымъ чувствомъ Гоголь не могъ не оцѣнить высоко, а Ивановъ былъ одаренъ имъ въ высокой степени и восторгался Италіей не меньше самого Гоголя, о чемъ ясно гово-

---

[1]) Не можемъ здѣсь не выразить искренняго желанія, чтобы уважаемая Марія Петровна Вагнеръ (рожденная Балабина), если ей случайно попадутъ на глаза эти строки, не отказала сообщить намъ свои воспоминанія о Гоголѣ или обработала ихъ въ связномъ изложеніи для печати.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 316.

рять слова этого энтузіаста въ письмѣ къ брату: „О Римѣ и Италіи говорить нечего: ты ужъ такъ и полагай, что въ рай ѣдешь“[1]). Нельзя не пожалѣть, что самое раннее письмо Гоголя къ Иванову относится уже къ концу 1839 г., а слѣдующія затѣмъ письма принадлежатъ къ тому печальному періоду жизни Гоголя, когда лучшія стороны его природы стали сильно искажаться. Мы не можемъ поэтому, за недостаткомъ данныхъ, судить вполнѣ о степени ихъ взаимности въ смыслѣ общихъ художественныхъ наслажденій, которыя несомнѣнно были.

XXVI.

Во всякомъ случаѣ въ сближеніи Гоголя съ Ивановымъ большое значеніе мы приписываемъ между прочимъ и сильной взаимной привычкѣ, и искреннему сочувствію, основанныхъ на признаніи другъ въ другѣ тонкаго художественнаго склада натуры, на сходствѣ вкусовъ и склонностей, и только развѣ вначалѣ, и лишь въ весьма небольшой степени, и убѣжденій. Кромѣ того, Иванова выгодно рекомендовало въ глазахъ Гоголя его самоотверженное служеніе искусству, благодаря которому онъ несомнѣнно стоялъ неизмѣримо выше многихъ всѣми признанныхъ и патентованныхъ оффиціальныхъ представителей искусства[2]). Частыя встрѣчи должны были съ теченіемъ времени укрѣпить и упрочить между ними глубокое духовное родство. И въ самомъ дѣлѣ, трудно найти, особенно при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, людей, настолько отвѣчавшихъ другъ другу въ самыхъ завѣтныхъ тайникахъ сердца, какъ Гоголь и Ивановъ. Среди счастливой поэтической обстановки оба упивались до самозабвенія художественными наслажденіями творчества, оба до глубины души были проникнуты горячей страстью къ Италіи и Риму и оба съ невыразимой отрадой сознавали себя вольными людьми въ своемъ гордомъ отдаленіи отъ всякихъ леденящихъ и мозолящихъ душу оффиціальныхъ отношеній, а равно и отъ всѣхъ суетныхъ приманокъ и обольщеній свѣта. Встрѣчаясь

---

[1]) См. Боткинъ. «А. А. Ивановъ и его переписка», стр. 159 и статью Е. С. Некрасовой («Вѣстникъ Европы», 1883, XII, 613).

[2]) Такъ характеризуетъ Иванова В. В. Стасовъ въ своей статьѣ: «Историческій живописецъ Ивановъ». («Вѣстникъ Европы», 1880, 1, 171).

и расходясь, они должны были чувствовать себя необходимыми другъ другу именно здѣсь, на чужбинѣ, но въ то же время на чужбинѣ прекрасной, которая была имъ обоимъ не менѣе дорога, нежели самая родина. Здѣсь все радушно улыбалось нашимъ отшельникамъ, начиная съ тихаго упоенія искусствомъ и отъ прелести звучнѣйшаго въ мірѣ языка, и кончая величайшимъ очарованіемъ, какое достается человѣку на землѣ, очарованіемъ, которое способны проливать въ душу только роскошныя краски юга и плѣнительная поэзія мягкаго и колоритнаго полуденнаго и особенно вечерняго освѣщенія итальянскаго неба, — не говоря уже о неподдающейся никакой кисти сладострастной нѣгѣ лѣтнихъ итальянскихъ ночей. Дышать воздухомъ Италіи, чувствовать ежеминутно отраду величавой тишины Рима, сознавать близость величественныхъ развалинъ древности и чудесъ искусства средневѣковаго и эпохи Возрожденія — вотъ то завидное счастье, которое выпало одинаково на долю какъ Иванова, такъ и Гоголя, спѣшившихъ насладиться этими дарами, уготованными въ пожизненное владѣніе каждому послѣднему лацарони, въ ветхомъ рубищѣ скитающемуся по улицамъ, но которыхъ людямъ иныхъ странъ не купить на мѣстѣ ни за какія богатства міра. Неудивительно, если оба наши художника всей душой предались упоенію настоящимъ, отгоняя отъ себя мысль о постылой перспективѣ будущаго, когда придется наконецъ, рано или поздно, оторваться отъ волшебной чаши блаженства. Здѣсь, въ любимомъ городѣ, обоимъ пріятелямъ дорога была каждая вдоль и поперекъ исхоженная улица, каждый ничтожный закоулокъ полутемной и не всегда чистой остеріи. Никогда не дышалъ Гоголь такъ привольно, полной грудью въ просторныхъ и чистыхъ покояхъ Аксаковскаго или Погодинскаго дома, какъ именно здѣсь, въ этихъ неприглядныхъ и тѣсныхъ остеріяхъ, гдѣ они вмѣстѣ съ Ивановымъ ежедневно совершали свою скромную трапезу. Еще не задолго до смерти, отжившій и разбитый, утратившій въ жизни лучшія надежды и навсегда потерявшій здоровье, Гоголь, послѣ цѣлаго ряда суровыхъ писемъ, написалъ однажды нѣсколько задушевныхъ строкъ къ Иванову, въ которыхъ привѣтливымъ огонькомъ заискрились внезапно нахлынувшія дорогія воспоминанія: „что̀ бы вамъ написать хоть что-нибудь о вашемъ житьѣ-бытьѣ, не о томъ, которое

проходитъ взаперти, въ студіи, но о движущемся на улицѣ, въ прекрасныхъ окрестностяхъ Рима, подъ благодатнымъ воздухомъ и небомъ! Гдѣ вы обѣдаете, куда ходите, на что глядите, о чемъ говорите? Въ иной разъ много бы далъ за то, чтобы побесѣдовать вновь такъ же радушно, какъ мы бесѣдовали нѣкогда у Фальконе. Не будьте скупы и напишите о себѣ, не какъ о художникѣ, погруженномъ въ созерцаніе, но какъ о добромъ, миломъ моему сердцу человѣкѣ, развеселившемся отъ воспоминаній о прежнемъ"[1]). Если такимъ свѣтлымъ гостемъ мелькнуло уже угасавшему Гоголю неизгладимое воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Римѣ вмѣстѣ съ Ивановымъ, и освѣтило передъ нимъ безотрадный мракъ гробового аскетизма, если ему могло быть такъ отрадно на жизненномъ закатѣ, на мгновеніе встряхнуть невозвратной стариной, — то легко понять, что, кромѣ общей страсти къ искусству, душа Гоголя была связана съ душой Иванова еще многоразличными другими узами, всегда священными для людей, пережившими много общихъ свѣтлыхъ и дорогихъ впечатлѣній. Эти яркія впечатлѣнія были, конечно, еще могущественнѣе всего остального, въ чемъ легко убѣдиться, перечитывая письма Гоголя къ Иванову, въ которыхъ самыя блюда, подаваемыя въ остеріяхъ, скромныя и однообразныя, неизмѣнно вспоминались, во время вынужденныхъ отлучекъ Гоголя изъ Италіи, какъ что-то необыкновенно дорогое и милое. Всѣ эти макароны и capretto asciuto и arrosto были безцѣнны, конечно, какъ живое воспоминаніе о Римѣ, какъ въ томъ же смыслѣ Гоголь всегда готовъ былъ отъ души восхищаться совершенно неважными для него католическими монахами и аббатами, всякими жалкими лацарони и даже римскими осликами.

Когда, проработавъ съ увлеченіемъ добрую часть сутокъ надъ любимымъ трудомъ, Ивановъ, какъ изъ храма, выходя изъ своей студіи съ свѣтлымъ сознаніемъ честно исполняемаго призванія, встрѣчался дружески въ остеріи съ Гоголемъ, — оба они чувствовали какое-то глубокое и чистое нравственное удовлетвореніе. Ивановъ усаживался обыкновенно подлѣ Гоголя на одной скамейкѣ за длиннымъ сто-

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 527.

ломъ остеріи и они начинали обмѣниваться впечатлѣніями дня и вновь притекающими мыслями, забывая за этими бесѣдами нужды, безденежье и прочія „докучныя пѣсни земли“, надъ которыми возвышала ихъ еще не вполнѣ утраченная молодость и стремленіе къ идеаламъ, выражавшееся въ напряженныхъ думахъ каждаго изъ нихъ объ одной величайшей задачѣ существованія. Важнѣе всего было то, что каждое слово выходило изъ души, что самое молчаніе близкаго душѣ человѣка приносило освѣженіе отъ жизненныхъ заботъ и испытаній, поддерживая и питая незамѣтно установившуюся между ними глубокую пріязнь. Скоро даже для домашняго персонала остеріи Гоголь и Ивановъ сдѣлались какими-то неразлучными существами, къ которымъ всѣ привыкли, запросто называя ихъ signore Nicolo и signore Alessandro. Оба чувствовали себя, какъ дома, въ этой постоянно посѣщаемой остеріи и это сообщало полнѣйшую свободу ихъ разговору и обращенію не только съ другими обычными посѣтителями остеріи, но и съ хозяевами и прислугой. Одну изъ такихъ встрѣчъ подробно описываетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анненковъ. Сперва, разсказываетъ онъ, Гоголь казался капризнымъ и раздражительнымъ, ежеминутно придирался и дѣлалъ строгія внушенія прислужникамъ; но спустя нѣкоторое время, получивъ себѣ блюда по вкусу, развеселился и совершенно вошелъ въ обычную роль постояннаго посѣтителя остеріи, началъ даже дружески шутить съ только-что замуштрованной прислугой[1])...

Къ взаимнымъ отношеніямъ Гоголя и Иванова мы еще возвратимся.

XXVII.

Съ молодымъ графомъ Віельгорскимъ, послѣ отъѣзда Гоголя заграницу, онъ въ первый разъ встрѣтился 20 декабря 1838 г. Іосифъ Михайловичъ умиралъ тогда въ чахоткѣ и, несмотря на заботливый уходъ и на помощь знаменитыхъ врачей, замѣтно таялъ съ каждымъ днемъ. Года за два передъ тѣмъ онъ получилъ, во время испытанія артиллерійскихъ орудій на Волковомъ полѣ, сильный ударъ осколкомъ въ правое бедро и съ тѣхъ поръ уже не поправлялся. Въ маѣ 1838 г.,

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки», Анненковъ, т. I, стр. 174.

сопровождая наслѣдника, онъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Но открывшееся вскорѣ кровохарканіе заставило его отдѣлиться отъ свиты и ѣздить отдѣльно по курортамъ. Въ концѣ сентября, по совѣту жившаго въ Баденъ-Баденѣ доктора Гугерта, онъ рѣшился на безусловное молчаніе. Жуковскій, находившійся съ нимъ нѣкоторое время на берегахъ озера Комо, сообщалъ объ умирающемъ его матери: „Іосифъ наложилъ на уста свои печать молчанія и составилъ самъ для себя орденъ іероглифовъ; ходитъ, какъ командоръ, съ книгою на черной лентѣ, висящей у него на шеѣ“[1]). Это была записная книжка, замѣнявшая ему, между прочимъ, употребленіе устной рѣчи въ бесѣдѣ съ Жуковскимъ, потому что ему было строжайше запрещено произносить хоть слово. Въ Римъ онъ пріѣхалъ 15 ноября 1838 года. Подъ 20 декабря въ памятной книжкѣ больного значится: „Ливенъ. О Пизѣ. Саша[2]). Le grand duc, protecteur des amours. Потемкинъ. *Гоголь*. Открытіе новаго Корреджіо. Процессъ. „Мертвыя Души“. Эти лаконическія замѣтки, представляя подобіе дневника, дѣлались, очевидно, съ цѣлью распространить впослѣдствіи набросанное наскоро, такъ какъ слабость мѣшала больному записывать впечатлѣнія дня въ болѣе подробномъ видѣ. Любопытно отмѣтить, что имя Гоголя въ запискѣ подчеркнуто; любопытно далѣе упоминаніе о „новомъ Корреджіо“, на котораго Гоголю могъ указать Ивановъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что, оцѣнивъ высокое дарованіе Иванова и стараясь указать и разъяснить его другимъ, Гоголь не могъ не заинтересовать имъ и юношу Віельгорскаго, питавшаго наслѣдственную симпатію къ представителямъ науки и искусства. Когда Гоголь узналъ о пріѣздѣ своего прежняго знакомаго въ Римъ, онъ, конечно, поспѣшилъ навѣстить его и, между прочимъ, поразсказать ему объ Ивановѣ.

Со дня этого перваго свиданія въ Римѣ Гоголь почти не разставался съ молодымъ Віельгорскимъ; узнавъ его ближе, онъ не переставалъ восхищаться его умомъ, твердымъ характеромъ и прекрасной душой; но въ то же время съ грустью долженъ былъ убѣждаться, что съ каждымъ днемъ исчезала надежда на его выздоровленіе. Тутъ-то началась отеческая заботливость его объ умиравшемъ. Гоголь ухажи-

1) Соч. Жук., изд. 7, т. VI, стр. 665.

2) Великій князь, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

валъ за больнымъ, не отходя отъ его постели ни днемъ, ни ночью, и однажды оставилъ для него порученную особеннымъ его заботамъ С. Б. Шевыреву, тосковавшую въ Римѣ во время разлуки съ путешествовавшимъ по Австріи мужемъ. По этому поводу онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ извинялся передъ С. П. Шевыревымъ: „четыре дня я не видалъ Софью Борисовну. всѣ эти дни и ночи вмѣстѣ я проводилъ у одра больного Іосифа, моего Віельгорскаго. Бѣдненькій, онъ не можетъ остаться минуты, чтобы я не былъ возлѣ. И было бы безсовѣстно съ моей стороны, если бы я не заплатилъ, увы! можетъ быть, послѣдняго долга дружбы“[1]). Участь умирающаго глубоко огорчала Гоголя и онъ постоянно говорилъ о ней во всѣхъ своихъ письмахъ, но наиболѣе ярко выразилась его скорбь въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ М. П. Балабиной: „клянусь, непостижимо странная судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи. Едва только успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть[2]).

Итакъ днемъ встрѣчи Гоголя съ молодымъ графомъ Віельгорскимъ было 20-е декабря 1838 г.[3]). Они сошлись быстро, несмотря на то, что, находясь въ тискахъ жесточайшей чахотки, Віельгорскій старался избѣгать бесѣды съ кѣмъ бы то ни было. Даровитый, симпатичный юноша производилъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе; тѣмъ скорѣе долженъ былъ къ нему привязаться оставшійся въ то время въ Римѣ почти безъ друзей Гоголь. Какъ быстро умѣлъ располагать къ себѣ этотъ кроткій и симпатичный страдалецъ, видно, между прочимъ, изъ отзыва Погодина, далеко не отличавшагося особенной чувствительностью. Въ своемъ путевомъ дневникѣ, изданномъ подъ названіемъ: „Годъ въ чужихъ краяхъ“, Погодинъ отмѣтилъ подъ 14 марта: „Обѣдалъ у графа Віельгорскаго, который показывалъ свои матеріалы для исторіи литературной критики“, и затѣмъ, сказавъ объ его умѣ и любознательности, съ сожалѣніемъ прибавляетъ: „румянецъ на щекахъ его не предвѣщаетъ добра“. [4]) Въ

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 371—372.

[2]) Тамъ же, стр. 373. Въ этихъ словахъ не слышится ли еще отголосокъ печали Гоголя, причиненной ему недавней смертью Пушкина.

[3]) См. «Вѣстникъ Европы», 1889, X, 449.

[4]) «Годъ въ чужихъ краяхъ» Погодина, т. II, 52 (о немъ же, т. II, стр. 29).

самомъ дѣлѣ соединеніе въ Віельгорскомъ богатыхъ дарованій съ самыми привлекательными нравственными качествами не могло не возбуждать искренней грусти въ каждомъ, видѣвшемъ его въ эти послѣдніе мѣсяцы жизни. Чѣмъ ближе подкрадывалась безпощадная развязка, тѣмъ трогательнѣе становилось это безропотное угасаніе прекрасной молодой жизни. Тяжело было видѣть, какъ гибнетъ чистый юноша, исполненный самыхъ благородныхъ стремленій, такъ много обѣщающій и такъ безжалостно отнимаемый судьбой у семьи, друзей и отечества. Всѣ воспоминанія объ Іосифѣ Віельгорскомъ одинаково рисуютъ его въ самомъ сочувственномъ свѣтѣ, и поэтому намъ нѣтъ причины подвергать сомнѣнію искренность грустнаго размышленія Гоголя послѣ его смерти: „Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что̀ прекрасное, тотчасъ же жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несетъ мнѣ запахомъ могилы. „Оно на краткій мигъ", шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. „Оно дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа"[1]). Наиболѣе тѣсное сближеніе Гоголя съ молодымъ Віельгорскимъ произошло въ послѣдніе дни страданій умирающаго. Въ этотъ промежутокъ времени Гоголь безусловно отдался чувству дружбы, всецѣло посвятивъ Віельгорскому всѣ заботы и помышленія. Какъ человѣкъ въ высокой степени впечатлительный, Гоголь въ полторы недѣли своего почти неотлучнаго присутствія при больномъ, всей душой переживалъ наслажденія тѣхъ великихъ минутъ, когда люди испытываютъ отраду въ безкорыстной помощи, оказываемой дорогому страдальцу, радуясь малѣйшему облегченію больного и высоко цѣня каждое проявленіе его благодарности, и, съ другой стороны, въ то же самое время Гоголемъ все сильнѣе овладѣвала жестокая тоска и отчаяніе отъ сознанія неминуемой близкой разлуки. Страшная трагедія послѣдняго разсчета съ жизнью, всегда оставляющая такое тяжелое, подавляющее чувство, является для присутствующихъ при кончинѣ особенно ужасной, когда неумолимая смерть избираетъ своей жертвой, какъ было и на этотъ разъ, существо прекрасное, чистое, съ богатыми надеждами и блестящими

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 373.

дарованіями. Тогда естественный роковой исходъ болѣзни представляется какимъ-то оскорбительно-нелѣпымъ и самая жизнь получаетъ видъ печальной несообразности; грозный смыслъ смерти теряетъ всякое значеніе. Человѣкъ глубоко-религіозный, какъ Гоголь, не можетъ долго оставаться въ такомъ настроеніи, но на нѣкоторое время все-таки поддается ему, видя неизбѣжность и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣроятную безсмыслицу совершающагося. Какое сильное, потрясающее впечатлѣніе имѣла на Гоголя съ каждымъ днемъ надвигавшаяся смерть Віельгорскаго, видно уже изъ того, что въ эти ужасные дни все остальное рѣшительно потеряло для него свое значеніе: теперь для него были мертвы и утратили всякій смыслъ и волшебныя чары Рима, и высокіе художественные замыслы и впечатлѣнія, и воспоминанія о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ, и, тѣмъ болѣе, собственные мелкіе, эгоистическіе разсчеты и соображенія...

Въ оставленныхъ Гоголемъ въ его записной книжкѣ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ: „Ночи на виллѣ“, ярко охарактеризовано тогдашнее исключительное состояніе его души. Чтобы вполнѣ оцѣнить важное автобіографическое значеніе этихъ замѣтокъ, необходимо постараться, подобно автору, отрѣшиться на время отъ обыденныхъ интересовъ и обыденнаго настроенія. Необходимо представить себѣ, что автору ничтожнымъ и мелочнымъ показалось тогда все, что̀, можетъ-быть, переполняло его душу наканунѣ. Блестящая столичная жизнь, суета повседневныхъ заботъ и стремленій, обычныя увлеченія и печали, все это передъ просвѣтленнымъ взоромъ высшей беззавѣтной любви, въ торжественныя минуты приготовленія дорогого человѣка къ иной, лучшей жизни, становилось чѣмъ-то фантастически призрачнымъ передъ этой полной глубокаго смысла, величавой картиной перехода въ таинственную загробную дѣятельность, открывшуюся передъ угасающимъ благороднымъ юношей. Гоголь, всегда чрезвычайно доступный религіознымъ представленіямъ, конечно, не могъ смотрѣть иначе на совершавшееся передъ его глазами зрѣлище смерти. Часы, проведенные Гоголемъ у постели больного, оставили глубокій, неизгладимый слѣдъ въ его сердцѣ. „Онѣ были сладки и томительны эти безсонныя ночи“ — такъ начинаетъ Гоголь свой первый набросокъ въ „Ночахъ на виллѣ“. „Онъ сидѣлъ больной въ

креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онъ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу *ты*. Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ! Онъ сидѣлъ все тотъ же: кроткій, тихій, покорный. Боже! съ какой радостью, съ какимъ веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И если бы моя смерть могла возвратить его къ здоровью, съ какою бы готовностію я бы кинулся тогда къ ней“ [1]). Изъ этихъ строкъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ, мы въ правѣ заключить, что прежняя привязанность Гоголя къ больному еще болѣе усилилась отъ чувства безпредѣльной жалости, внушаемой кроткимъ характеромъ и задушевнымъ обращеніемъ Віельгорскаго, въ которомъ ни Гоголь, ни другія лица, видѣвшія его во время послѣдней болѣзни, нисколько не замѣчали столь извинительной и столь обычной у больныхъ раздражительности, отъ него не слышали ни слова ропота или скорби объ ускользавшей молодой жизни, сулившей ему, казалось бы, столько прекрасныхъ, свѣтлыхъ радостей. Эта трогательная покорность судьбѣ, эта привлекательная сердечность, украсившая ореоломъ великодушнаго всепрощенія послѣдніе дни Віельгорскаго, придавали страдальцу въ глазахъ Гоголя яркій отпечатокъ своеобразнаго поэтическаго величія. Жалобы, проклятія, стоны, невольно вырывающіеся у многихъ другихъ въ его положеніи, неизбѣжно ослабили бы долю благоговѣйнаго сочувствія къ умирающему, но ничего подобнаго на этотъ разъ не было, и дышала невыразимымъ, святымъ обаяніемъ эта умилительная кротость. Однажды Гоголь не въ силахъ былъ одолѣть свой сонъ и ушелъ отъ Віельгорскаго домой отдохнуть. Но сонъ нисколько не освѣжилъ его и, напротивъ, его стали мучить угрызенія совѣсти. „О, какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ!“ — бичевалъ себя Гоголь. — „Я дурно спалъ ее, несмотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ. Мнѣ онъ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 530.

къ нему, какъ преступникъ. Онъ увидѣлъ меня лежащій въ постели. Онъ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онъ далъ мнѣ руку. Пожалъ ее любовно. „Измѣнникъ", — сказалъ онъ мнѣ: — „ты измѣнилъ мнѣ!"—„Ангелъ мой"!—сказалъ я ему.—„прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданіемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ: прости меня". Кроткій! онъ пожалъ мнѣ руку! Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенвыя мнѣ моею глупо проведенной ночью".

Проводя унылыя безсонныя ночи у одра друга, Гоголь сильно надорвалъ нервы: въ груди у него закипѣло озлобленіе противъ всего счастливаго, безмятежно пользующагося благами жизни. Онъ готовъ былъ проклинать всѣ дары счастья, всѣ земныя почести и сокровища, эту, по его выраженію, „звенящую приманку деревянныхъ куколъ, называемыхъ людьми". Такая нота отчаянія только однажды прозвучала въ его признаніяхъ. Любопытно, что Гоголь проклиналъ даже тѣ милости, которыя онъ получилъ съ высоты престола и которыя незадолго передъ тѣмъ горячо благословлялъ. Конечно, въ этой импровизированной страстной вспышкѣ презрѣнія и ненависти къ людямъ и ко всѣмъ земнымъ благамъ можно видѣть только минутное изступленное проявленіе охватившаго его отчаянія, которое одно только объясняетъ намъ, почему Гоголь могъ сказать: „О, какъ бы весело, съ какою бы злостью растопталъ и подавилъ я все, что̀ сыплется отъ могучаго скипетра полночнаго царя, еслибъ только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе на лицѣ его!" [1]) При видѣ ничтожества земного счастія въ душѣ Гоголя заговорила яростная ненависть къ этимъ благамъ, такъ дорого достающимся и такимъ непрочнымъ по существу! Не могъ не вспомнить онъ и о себѣ: сколько униженій и горя пришлось ему вынести въ своей скитальческой жизни, сколькихъ волненій ему стоило испрашиваніе и ожиданіе субсидій и какой убійственно-дорогой цѣной приходилось расплачиваться за художественныя наслажденія въ Римѣ! И весь этотъ горькій осадокъ пережитаго въ связи съ новой невыносимой утратой поднималъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 531.

цѣлую бурю злобы въ душѣ измученнаго безсонницами и душевными тревогами Гоголя. Это вихремъ налетѣвшее щемящее горе, грозившее умчать съ собой и развѣять скудныя радости жизни, погрузило нашего писателя въ непроглядный мракъ тяжелыхъ думъ: то, что̀ въ другое время и подъ иными впечатлѣніями забывалось за роемъ опьяняющихъ наслажденій, теперь, въ гнетущую минуту глухого отчаянія, поднимало изъ глубины души безотрадные вопли изнывшаго и наболѣвшаго сердца. Припомнимъ, что все это происходило въ 1839 г., когда въ Гоголѣ уже подготовлялся роковой переломъ. При такихъ обстоятельствахъ сильное душевное потрясеніе получаетъ особенную важность. Однимъ изъ зловѣщихъ признаковъ наступленія въ Гоголѣ психическаго переворота была рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ къ друзьямъ молодости, къ которымъ онъ становился постоянно равнодушнѣе и холоднѣе. Гоголь замѣтно старѣлся нравственно, и чѣмъ привѣтливѣе передъ нимъ мелькнула на минуту чистая, безкорыстная дружба къ умирающему Іосифу Віельгорскому, тѣмъ безпощаднѣе его охватилъ потомъ холодъ и очерствляющая пустота обыденной жизни. Послѣ напряженныхъ тревогъ и волненій на него вдругъ повѣяло безотрадной тишиной могилы; не о комъ стало заботиться, некого жалѣть; со всѣхъ сторонъ надвигался мракъ сердечной пустоты; все оставалось по-прежнему, но недоставало одного того высокаго, облагораживающаго нравственнаго возбужденія, въ которомъ было такъ много горечи и тоски, но которое не могли бы замѣнить ему даже лучшія минуты жизни. Когда все миновало, Гоголь въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ „Ночей на виллѣ“ правдиво и вѣрно подвелъ итоги всему пережитому имъ въ это короткое время. „Какъ странно нова была тогда моя жизнь“, — говоритъ онъ, — „и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я читалъ въ ней повтореніе чего-то отдаленнаго, когда-то давно бывшаго! Но, мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы рѣшительно дружеской, полной милыхъ, почти младенческихъ, мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія,

часто даже вовсе не нужныя. И всѣ эти чувства сладкія, молодыя, свѣжія, — увы! жители невозвратимаго міра, — всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ бо́льшую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе я *увидѣлъ исчезающую мою жизнь?* Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобы потомъ скрыться навѣки"[1]). Послѣ этого дерзкимъ и непонятнымъ покажется съ перваго взгляда сопоставленіе этого сравненія съ сходнымъ, употребленнымъ Гоголемъ въ первой части „Мертвыхъ Душъ" по поводу Плюшкина, но сходство несомнѣнное, и притомъ ничто не мѣшало, конечно, Гоголю по разнымъ случаямъ высказывать въ лирическихъ отступленіяхъ тѣ чувства и мысли, которыя возникли въ его душѣ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ, а потомъ находили себѣ примѣненіе въ художественномъ творчествѣ при обрисовкѣ того или другого героя. Поэтому и о Плюшкинѣ могло быть высказано имъ болѣе общее наблюденіе въ этихъ словахъ: „На его лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному проявленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ-ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи"[2]).

Нельзя не замѣтить, что горе Гоголя о смерти Віельгорскаго и о матери его „ближайшаго" нельзя и сравнивать по глубинѣ и искренности чувства съ другими его потерями. Здѣсь мы не слышимъ уже благочестивой реторики съ холодными утѣшеніями въ духѣ религіозной проповѣди, какъ

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 532.
2) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 124.

это часто бывало въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Много грустныхъ часовъ провелъ Гоголь у постели умирающаго, но много было зато пережито имъ высокихъ, очищающихъ душу мгновеній, украшенныхъ всей прелестью истиннаго человѣческаго чувства. Въ такія минуты чистой скорби забываются пошлые будничные интересы и минуты эти остаются святыми и памятными на вѣки. Едва ли у кого достанетъ духа усомниться въ искреннемъ движеніи души, которое слышится въ этихъ словахъ: „Что̀ бы я далъ тогда“, говоритъ Гоголь, „какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ... Нѣтъ! о нихъ не стоитъ и говорить! Ты, кому попадутся, — если только попадутся, — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутъ тебѣ“ [1]). Въ послѣднихъ словахъ заслуживаетъ вниманія довольно ясное проявленіе тѣхъ мистическихъ взглядовъ, которые вскорѣ совершенно завладѣли душой Гоголя и наполнили собой всю его переписку за послѣднее десятилѣтіе жизни.

XXVIII.

По смерти Іосифа Михайловича, какъ припоминаетъ О. Н. Смирнова, Гоголь выѣхалъ на встрѣчу его матери, спѣшившей къ сыну въ Римъ. Въ Марселѣ онъ объявилъ ей горестную вѣсть. О. Н. Смирнова писала намъ объ этомъ слѣдующее: „старуха графиня (я привыкла ее такъ называть: она еще въ дѣтствѣ моемъ казалась мнѣ старухой), была на видъ очень холодная женщина, но она горячо любила мою мать и Гоголя. Съ ними она была очень ласкова и повѣряла имъ всѣ тайныя горести, хотя была гораздо старше обоихъ. Она никогда не забывала, что Гоголь присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ ея сына и первый объявилъ ей о его кончинѣ. Когда онъ сказалъ ей это, она сѣла на полъ, накрыла лицо шалью и просидѣла въ неподвижномъ положеніи двое сутокъ. Гоголь не отходилъ отъ нея; онъ все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и, наконецъ, это удалось ему, когда онъ сказалъ: „бѣдный Іо-

---

[1]) «Соч. Гоголя», изд. X, т. V, стр. 531.

сифъ! онъ умиралъ безъ матери!“ Тутъ она разразилась рыданіями. „Иногда“, —прибавляетъ далѣе О. Н. Смирнова, — „она вспоминала объ этомъ мнѣ и моей матери“. Въ поясненіе къ только-что разсказанному необходимо прибавить, что Луиза Карловна Віельгорская отличалась необыкновенной любовью къ дѣтямъ, что она была всегда съ ними и не любила полагаться на гувернеровъ и гувернантокъ и что до отъѣзда за-границу всегда даже спала съ ними въ одной комнатѣ, а когда воспитатель наслѣдника, Мердеръ, выпросилъ, чтобы ея сынъ сдѣлался товарищемъ послѣдняго, она приходила въ совершенное отчаяніе.

Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ семейныхъ преданій родственниковъ Віельгорскихъ и изъ рукописныхъ воспоминаній С. М. Соллогубъ (урожденной Віельгорской).

Кромѣ того въ рукописныхъ замѣткахъ А. О. Смирновой, находящихся въ распоряженіи ея дочери Н. Н. Соренъ, мы находимъ слѣдующія любопытныя строки, относящіяся къ Іосифу Михаиловичу Віельгорскому:

„Наслѣдникъ началъ серьезно заниматься. Къ нему взяли въ товарищи графика Іосифа Віельгорскаго и Паткуля. Это товарищество было нужно для поощренія. Вечеромъ первый подходилъ къ государю тотъ, у котораго были лучшіе баллы, обыкновенно бѣдный Іосифъ, который краснѣлъ и блѣднѣлъ; что̀ касается Паткуля, тотъ никогда не помышлялъ о такой чести. Наслѣдникъ не любилъ Віельгорскаго, хотя не чувствовалъ никакой зависти: его прекрасная душа и нѣжное сердце были далеки отъ недостойныхъ чувствъ; просто между ними не было симпатіи... Віельгорскій былъ слишкомъ серьезенъ, вѣчно рылся въ книгахъ, какъ будто готовилъ запасъ на вѣки. Придворная жизнь была для него тягостна[2]).

Весной этого (1838) года онъ занемогъ; его послали въ Римъ на зиму и тамъ на рукахъ Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя увялъ этотъ прекрасный цвѣтокъ, и скончался тихо, не жалѣя этого міра. Его мать была въ Марселѣ съ дочерьми и сыномъ Михаиломъ, когда Гоголь привезъ неожиданно отца на пароходѣ. Графиня не хотѣла вѣрить, когда нашъ консулъ сообщилъ ей это извѣстіе;

---

[1]) Братъ ея мужа, извѣстный въ родственномъ и дружескомъ кружкѣ Віельгорскихъ подъ именемъ «нашъ общій дядя».

[2]) См. о томъ же въ «Сѣв. Вѣстникѣ».

она схватила его за воротникъ и закричала: „вы лжете! это невозможно!“ Потомъ, не говоря ни слова, поѣхала въ Петербургъ, усѣлась противъ портрета сына, покрытая длиннымъ крѣповымъ вуалемъ, не плакала и сидѣла, какъ каменный столбъ. Александръ Николаевичъ Голицынъ и Матвѣй Юрьевичъ были постоянно при ней. Г.... она приняла какъ нельзя хуже и упрекала его за смерть Іосифа, говоря, что они его не поняли и огорчали его юное сердце“.

Къ упомянутой поѣздкѣ Гоголя съ отцомъ покойнаго Іосифа Віельгорскаго относится приводимое здѣсь письмо его отца М. Ю. Віельгорскаго къ нашему писателю.

Іюля 28. Марсель (1838). Графъ *М. Ю. Віельгорскій — Гоголю.*

Что̀ мнѣ вамъ сказать, любезнѣйшій товарищъ, незабвенный мой спутникъ?

Мы все еще здѣсь живемъ въ уединеніи, на прекрасной, прохладной дачѣ, и если бы не *горе,* вполнѣ наслаждаться могъ бы семейственною жизнью, которою давно не пользовался въ такой мѣрѣ. Но это горе, какъ червь, неизгладимо, и самый взглядъ милыхъ, безцѣнныхъ моихъ дѣтей напоминаетъ о потерѣ невозвратной.

Недавно получилъ я собственноручное письмо отъ государя императора, писанное отъ сердца, какъ онъ умѣетъ писать! Гораздо пріятнѣе и сладкоумилительно для сердца было его изъявленіе насчетъ умершаго, — именно, что̀ отъ него онъ ожидалъ въ будущности[1]). Также получилъ и отъ Жуковскаго два письма, — въ одномъ есть нѣсколько строкъ для васъ, но не могъ ихъ отыскать, перешлю въ Римъ, при отъѣздѣ, когда разрою свои бумаги.

Мы вообще ожидали графиню Воронцову, которой пріѣздъ былъ бы для меня большой помогой: она любитъ графиню[2]), которая и ее очень любитъ. Она была бы помощницей въ моихъ безпрестанныхъ разговорахъ съ женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. „Что̀ я за мать“, говоритъ она часто: „я воображала только, что я его любила, и не умѣла умереть!“ и подобные парадоксы материнской любви, которыхъ и пересказать вамъ не могу, но которые понятны вашему сердцу.

---

[1]) Ср. мнѣніе Гоголя объ І. М. Віельгорскомъ.

[2]) Луизу Карловну.

Мы еще не совсѣмъ отложили надежду видѣть графиню, пославъ ей даже случай пріѣхать: въ такомъ случаѣ проживемъ здѣсь еще до 20-го августа, и если рѣшительно она откажется, то въ первыхъ числахъ поѣдемъ, вѣроятно, по Рейну въ Ротердамъ и оттуда, вѣроятно, въ Брайтонъ или останемся для пользованія морскими купаньями.

Портретъ Жозефа[1]) отыскался у младшей дочери. Я его послалъ въ Римъ Риччи. Не имѣю еще извѣстій оттуда. Познакомился я здѣсь съ Паганини, но не слыхалъ его: онъ вскорѣ уѣхалъ на воды; страдаетъ общимъ разслабленіемъ и началомъ *паралича въ дыхательномъ орудіи*. Когда говоритъ, то сжимаетъ ноздри двумя пальцами, что̀ довольно смѣшно.

Здѣсь всѣ въ большомъ ожиданіи развязки дѣлъ на востокѣ, гдѣ смерть султана[2]) гордіанскій узелъ перерѣзала неожиданно. Что̀ нашъ[3]) скажетъ и сдѣлаетъ? Этого-то и ожидаютъ со страхомъ.

Теперь жалѣю, что не просилъ васъ написать строкъ десятокъ для помѣщенія въ „Diario“[4]) о смерти нашего незабвеннаго друга! Онъ завялъ, какъ одинокій, неизвѣстный цвѣтокъ!

Простите, милый мой! мысленно васъ объемлю.

Напишите мнѣ въ Марсель, au consulat de Russie, т.-е. Ebeling.

XXIX.

Изъ другихъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Римѣ въ 1839 г., намъ слѣдуетъ остановиться внимательнѣе на Шевыревѣ, Жуковскомъ и Погодинѣ. Впрочемъ съ Шевыревымъ и его женой Гоголь едва ли могъ тогда особенно близко сойтись, такъ какъ бо̀льшая часть времени ревностнаго профессора была посвящена научнымъ занятіямъ, которыхъ онъ не оставлялъ нигдѣ во время своего путешествія за-границей. Въ то время онъ усердно посѣщалъ лекціи археологическаго института и изучалъ славянскія рукописи

[1]) Покойнаго Іосифа Віельгорскаго.

[2]) Махмуда II, отца Абдула-Меджида и Абдула Азиса.

[3]) Императоръ Николай.

[4]) «Diario», т.-е. «Дневникъ» (газета).

Ватиканской библіотеки. Плодомъ этихъ работъ были потомъ статьи, напечатанныя въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“[1]). Кромѣ того, своимъ пребываніемъ въ Римѣ Шевыревъ воспользовался также для знакомства съ разными учеными знаменитостями того времени, какъ-то: Меццофанти, Ниббн и другими. Въ Римъ Шевыревъ прибылъ еще въ 1838 г.; это очевидно уже изъ того, что его отчеты о занятіяхъ въ археологическомъ институтѣ появлялись въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ еще за 1838 г., и только въ письмѣ отъ 31-го декабря къ А. С. Данилевскому о немъ сказано мимоходомъ: „Изъ моихъ *знакомыхъ* здѣсь Шевыревъ, Чертковъ; прочіе незначительные, т.-е. для меня“[2]). И въ этихъ строкахъ Шевыревъ названъ на ряду съ Чертковымъ, далеко не близкимъ человѣкомъ для Гоголя. Если принять во вниманіе, что до пріѣзда въ Римъ Шевыревъ былъ слишкомъ поверхностно знакомъ съ Гоголемъ и что въ самомъ Римѣ онъ былъ постоянно занятъ, то завязавшуюся между ними пріязнь и относительную короткость можно почти съ увѣренностью отнести къ тому промежутку времени, когда въ Римъ пріѣхалъ уже Погодинъ. Тогда, по свѣдѣніямъ „Біографическаго словаря“ профессоровъ Московскаго университета, Погодинъ „прожилъ мѣсяцъ на квартирѣ у Гоголя, который, *вмѣстѣ съ Шевыревымъ,* и показалъ Погодину всѣ его достопримѣчательности“, что̀ подтверждается, съ другой стороны, и воспоминаніями Погодина. Въ свое пребываніе въ Римѣ Шевыревъ, какъ извѣстно, расширилъ свое знакомство съ произведеніями римской литературы и искусства и въ совершенствѣ изучилъ итальянскій языкъ. Съ Гоголемъ онъ, безъ сомнѣнія, почти ежедневно встрѣчался, когда пріѣхалъ Погодинъ, и тутъ уже установилась между ними извѣстная близость[3]), вскорѣ про-

---

[1]) См. «Библіографическій словарь профессоровъ Московскаго университета» и «Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ», Погодина.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 353.

[3]) Впрочемъ, еще 27-го декабря 1838 г., какъ свидѣтельствуетъ Погодинъ въ «Воспоминаніи о Шевыревѣ», послѣдній произнесъ стихи въ честь Гоголя *будто бы на день его рожденія* (?!), изъ чего слѣдуетъ заключить, что или Погодину измѣнила память, или Гоголь произвольно измѣнилъ празднованіе этого дня. Наше предположеніе о сближеніи Гоголя съ Шевыревымъ подтверждается

явившаяся въ томъ, что, разставаясь съ своимъ семействомъ, Шевыревъ поручилъ послѣднее дружескимъ попеченіямъ Гоголя. Съ этихъ поръ между ними завязалась и переписка, и вообще они становятся близкими другъ къ другу людьми, но близость эта все-таки далеко не была такою, какая существовала между каждымъ изъ нихъ и Погодинымъ. Такимъ образомъ, можно думать, что по крайней мѣрѣ въ продолженіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ 1839 г. Гоголь преимущественно дѣлилъ свое время между сообществомъ Жуковскаго и молодого умирающаго графа Віельгорскаго. Въ уже цитированномъ письмѣ Гоголя къ Данилевскому отъ 1-го декабря 1838 г. читаемъ извѣстіе о его пріѣздѣ: „На дняхъ пріѣхалъ наслѣдникъ, а съ нимъ вмѣстѣ Жуковскій. Онъ все такъ же добръ, такъ же любитъ меня. Свиданіе наше было трогательно: онъ весь полонъ Пушкинымъ. Наслѣдникъ, какъ извѣстно тебѣ, имѣетъ добрую душу. Всѣ русскіе были приглашены къ его столу на второй день его пріѣзда“. Въ написанномъ вскорѣ послѣ того письмѣ княжнѣ В. Н. Репниной Гоголь говоритъ: „Я теперь такъ счастливъ пріѣздомъ Жуковскаго, что это одно *наполняетъ меня всего*. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было Пушкинъ. Понынѣ чело его облекается грустью при мысли объ этой утратѣ. *Мы почти весь день вмѣстѣ осматривали Римъ съ утра до ночи*. Онъ весь упоенъ Римомъ, и только жалѣетъ на короткость времени“ (sic)[1]. Письма Гоголя къ Жуковскому послѣ ихъ встрѣчи въ Римѣ носятъ явные слѣды происшедшаго въ этотъ промежутокъ болѣе тѣснаго сближенія между ними. Хотя съ внѣшней стороны письма Гоголя къ Шевыреву, которому онъ еще въ Римѣ, повидимому, началъ говорить на ты, кажутся болѣе товарищескими, но въ нихъ нѣтъ до самой кончины Гоголя никакого намека на истинное расположеніе, которое чувствуется обыкновенно въ письмахъ къ Погодину (до ссоры съ нимъ въ началѣ сороковыхъ годовъ)[2]) и къ Жу-

---

косвеннымъ образомъ словами его въ письмѣ отъ 25-го августа 1839 г. изъ Вѣны: «Я еще не видѣлъ тебя ни разу послѣ нашего *ты*» и пр. («Соч. и письма Гоголя», т. V, ст. 382).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 356.

[3]) И отчасти въ 1839—1840 гг.

ковскому. Вообще намъ кажется, что въ сношеніяхъ съ Шевыревымъ у Гоголя нигдѣ не прорывается сколько-нибудь сильнаго и искренняго порыва души. Повидимому, и впослѣдствіи Гоголь преимущественно высоко цѣнилъ въ этомъ своемъ пріятелѣ скорѣе его точность въ веденіи порученныхъ ему затруднительныхъ и щекотливыхъ денежныхъ дѣлъ и его утонченную деликатность, которою онъ, конечно, безъ сравненія превосходилъ болѣе симпатичнаго Гоголю въ началѣ Погодина. Но едва ли въ самомъ дѣлѣ Гоголь могъ искренно любить Шевырева, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ съ нимъ преимущественно только въ письменныхъ сношеніяхъ, а лично видался въ сущности почти только въ немногіе и короткіе пріѣзды свои въ Москву. Напротивъ, Жуковскій съ Гоголемъ дѣлилъ отъ души самыя высокія наслажденія прекраснымъ въ продолженіе всего пребыванія его въ Римѣ. Маститый поэтъ совершенно оправдалъ задушевныя мечты Гоголя, писавшаго ему еще въ концѣ 1837 г.: „Неужели вы не побываете здѣсь, и не поглядите на Италію? И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ въ очи, своими пронзительными очами“[1]). Все это онъ дѣйствительно переживалъ потомъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Съ нимъ Гоголь много странствовалъ по Риму; они вмѣстѣ всходили на куполъ св. Петра, вмѣстѣ гуляли по цѣлымъ днямъ и рисовали съ натуры. Когда Жуковскій уѣзжалъ, Гоголь почувствовалъ нравственное одиночество и томительную пустоту и ему безпрестанно вспоминались ихъ совмѣстныя прогулки. „Доживу ли я“, говоритъ онъ, „до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдругъ оборачиваюсь, чтобы сказать слово вамъ, и, оборотившись, вижу и какъ будто слышу пустоту, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты“[2]). Даже встрѣчая на улицахъ бывшаго слугу Жуковскаго, Гоголь въ разсѣянности готовъ былъ спросить его о его прежнемъ хозяинѣ.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 959.

[2]) Тамъ же, стр. 0931.

Гоголь особенно жалѣлъ, что Жуковскій уѣхалъ изъ Рима слишкомъ рано, почти вслѣдъ за окончаніемъ карнавала, и не дождался въ немъ начала весны. „Бывало, помните", писалъ онъ, „мы гонялись за натурою, т.-е. движущеюся, а теперь она сама лѣзетъ въ глаза: то оселъ, то албанка, то аббатъ, то, наконецъ, такого рода странное существо, которыхъ опредѣлить трудно"[1]). Такъ какъ въ письмѣ къ Данилевскому отъ 5-го февраля Гоголь говоритъ о началѣ наступившаго карнавала, когда Жуковскій еще былъ въ Римѣ, и даже даетъ ясное указаніе на то, что онъ долженъ черезъ два дня оставить Римъ[2]), то отъѣздъ Жуковскаго можно отнести приблизительно къ 10-му февраля этого года. Вскорѣ послѣ этого, въ письмѣ отъ 12-го февраля, Гоголь уже говорилъ: „Жуковскій теперь только уѣхалъ и оставилъ меня сиротою и мнѣ сдѣлалось въ первый разъ грустно въ Римѣ". Наконецъ, судя по тому, что въ предшествующую пору Гоголь „проводилъ все время съ Римомъ, т.-е. съ его развалинами и природой и Жуковскимъ"[3]), надо думать, что его усиленныя ухаживанія за больнымъ Іосифомъ Віельгорскимъ относятся уже къ апрѣлю и маю мѣсяцамъ этого года. Въ мартѣ же Гоголя посѣтилъ въ Римѣ его также землякъ и хорошій знакомый родителей, Николай Михайловичъ Трахимовскій[4]), внукъ извѣстнаго доктора, ради совѣта съ которымъ Марья Ивановна Гоголь, передъ рожденіемъ своего знаменитаго сына, пріѣхала въ Сорóчинцы, гдѣ и увидѣлъ свѣтъ нашъ писатель. По словамъ А. С. Данилевскаго, онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, лейбъ-уланомъ (потомъ онъ былъ предводителемъ дворянства въ Бѣлостокѣ). Въ мартѣ также пріѣхалъ въ Римъ и Погодинъ.

XXX.

Погодинъ велъ подробный дневникъ своей поѣздки и, благодаря этому, мы можемъ съ большимъ удобствомъ слѣдить за

---

[1]) Тамъ же, стр. 0929.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 359.

[3]) Тамъ же, стр. 360.

[4]) Стр. 363. — По словамъ А. С. Данилевскаго, онъ былъ сынъ крестнаго отца Гоголя, Михаила Михайловича Трахимовскаго, и внукъ доктора Михаила Яковлевича. О послѣднемъ Данилевскій отзывался, какъ о своего рода знаменитости, говоря, что къ нему пріѣзжали даже изъ Москвы лѣчиться въ рѣкѣ Пслѣ; см. выше, стр. 203.

подробностями сношеній его съ Гоголемъ въ Римѣ. Днемъ пріѣзда Погодина въ Римъ было 7 марта (за нѣсколько недѣль до Пасхи). Теперь Гоголю снова представился случай переживать свои любимыя наслажденія, когда онъ принялся знакомить друга съ достопримѣчательностями Рима. Не давъ Погодину отдохнуть съ дороги, онъ уже потащилъ его въ храмъ св. Петра. Исполняя съ обычнымъ увлеченіемъ добровольно принятую на себя роль чичероне, Гоголь замѣтно оказывалъ сильное вліяніе какъ на выборъ и передачу предметовъ, подлежащихъ совмѣстному обзору, такъ даже на характеръ самыхъ впечатлѣній своего спутника. Онъ съ такой энергіей и живостью направлялъ вниманіе пріятеля на все, что̀ имъ встрѣчалось по дорогѣ любопытнаго, что последнему оставалось только поспѣвать слѣдить за нимъ и на̀скоро схватывать со всѣхъ сторонъ наплывающія впечатлѣнія. Слѣды этого можно видѣть отчасти уже въ бѣгломъ перечисленіи въ дневникѣ Погодина предметовъ и зданій, встрѣчающихся имъ на пути, но на время откладываемыхъ для болѣе достопримѣчательнаго. „Вотъ мостъ св. Ангела, вотъ Тибръ, вотъ мавзолей Адріановъ, а вотъ и площадь св. Петра съ Сикстовымъ обелискомъ“ [1]), припоминаетъ Погодинъ, очевидно, весьма бѣгло промелькнувшія впечатлѣнія. Сопровождая Погодина, Гоголь имѣлъ обыкновеніе хранить торжественное молчаніе, отдаваясь въ то же время самъ охватившимъ его наслажденіямъ и наплывавшимъ мыслямъ и, можетъ-быть, стремясь сильнѣе и достойнѣе поразить своего спутника изрѣдка вырывавшимися восклицаніями. Но воспоминанія Погодина отзываются какой-то вялостью въ сравненіи съ той живой воспріимчивостью, которою отличался всегда Гоголь. Если Гоголь не могъ, по его выраженію, оторваться отъ „чтенія“ Рима, которое онъ начиналъ теперь въ „сотый“ разъ, то у Погодина, какъ всегда, время отъ времени вырываются столь знакомыя по его новѣйшей біографіи слащавыя и безсодержательныя воздыханія, выдающія въ немъ натуру черствую и вовсе не поэтическую. Что Гоголь живѣе чувствовалъ красоты показываемаго имъ излюбленнаго города, нежели пассивно руководимый имъ Погодинъ, восхищавшійся какъ-то по заказу и какъ бы изъ

---

[1]) «Годъ въ чужихъ краяхъ», Погодина, т. II, стр. 3.

приличія, видно особенно изъ того случая, когда, подъ вліяніемъ усталости и подступавшаго голода, послѣдній легко примирился (и притомъ безъ всякаго сожалѣнія или намѣренія вознаградить въ другое время по неволѣ сдѣланное упущеніе) съ пропускомъ осмотра катакомбъ подъ церковью св. Севастіана. Для полнаго успокоенія Погодину оказалось совершенно достаточнымъ заявленіе Гоголя о томъ, что эти катакомбы похожи на знакомыя ему кіевскія пещеры, какъ о томъ разсказывалъ *самъ* Погодинъ въ своимъ воспоминаніяхъ[1]). Искренно передавая свои впечатлѣнія, онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, какъ жестоко этимъ признаніемъ выдалъ свою довольно равнодушную ко всему изящному и выдающемуся природу. Какую послѣ этого можно давать цѣну его патетическимъ возгласамъ въ разныхъ случаяхъ, кажется, нѣтъ нужды говорить; но для примѣра позволимъ себѣ привести нѣсколько подобныхъ возгласовъ: „Капитолій!“ — вздыхаетъ Погодинъ: — „можно ошеломиться отъ такого громового слова. Капитолій! повторяю я, смотря во всѣ глаза“[2]). Впрочемъ на Капитолій залюбовался невольно и Погодинъ, такъ что черезъ нѣсколько минутъ уже Гоголь первый предложилъ ему идти дальше („Ну, полно“, — сказалъ Гоголь, — „пойдемъ дальше“). На знаменитомъ Foro Romano Погодинъ снова предается шаблонному раздумью, выраженному самымъ шаблоннымъ образомъ: „Боже мой, что̀ же значитъ человѣческая твердость, что̀ значитъ эта человѣческая слабость, которою такъ надмеваются люди? Здѣсь, здѣсь именно, да еще развѣ на островѣ св. Елены, можно изъ глубины сердца воскликнуть съ Соломономъ: суета суетъ и всяческая суета!“[3]). Въ самую сильную минуту увлеченія Погодинъ, впрочемъ, сказалъ однажды, что хотѣлъ бы прожить въ Римѣ годъ. Но при первой неудачѣ отъ его мгновенныхъ восторговъ не остается и слѣда: онъ выходитъ изъ себя, сердится и негодуетъ на Гоголя, который, обладая болѣе нервной и чуткой натурой, дѣйствительно могъ иногда своими неровностями и увлеченіями смущать своего разсудительнаго и хладнокровнаго спутника. Не разъ Гоголь былъ

---

1) Тамъ же, стр. 43.
2) Тамъ же, стр. 7.
3) Тамъ же, стр. 9.

въ самомъ дѣлѣ виноватъ излишней самоувѣренностью и нетерпѣливымъ характеромъ. Онъ питалъ, напр., непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что знаетъ Римъ въ совершенствѣ, но на дѣлѣ это убѣжденіе оказывалось часто преувеличеннымъ[1]). Такъ, при посѣщеніи Фраскати испортившаяся погода такъ сильно отразилась на настроеніи Гоголя, что онъ не хотѣлъ ни на что смотрѣть и неудержимо стремился домой, на чемъ въ концѣ концовъ и настоялъ, а между тѣмъ во время возвращенія ихъ домой небо вскорѣ же стало проясняться[2]). Въ другой разъ Погодинъ справедливо остался недоволенъ Гоголемъ за то, что онъ, гордясь своимъ знаніемъ римскихъ порядковъ и обычаевъ, имѣлъ неосторожность убѣдить своего пріятеля, что для того, чтобы любоваться съ достаточнымъ комфортомъ блестящимъ фейерверкомъ въ крѣпости св. Ангела на второй день Пасхи, совершенно не стòитъ заботиться о заблаговременномъ обезпеченіи себѣ мѣстъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ давка была такъ велика, что друзьямъ пришлось потомъ безъ успѣха вернуться съ дороги усталыми и разсерженными[3]).

Такимъ образомъ въ началѣ пребыванія Погодина въ Римѣ имъ руководилъ преимущественно Гоголь, позднѣе же Шевыревъ: не потому ли произошло это, что натуры Шевырева и Погодина ближе подходили другъ къ другу и что, съ другой стороны, они имѣли гораздо больше общихъ интересовъ. Зато въ первыя недѣли Гоголь не хотѣлъ и не могъ никому уступить наслажденія подѣлиться лишній разъ съ близкимъ человѣкомъ переполнявшими его душу чувствами. Когда онъ привелъ Погодина въ храмъ св. Петра, онъ тотчасъ поставилъ его у одного простѣнка и спросилъ: „видишь ли напротивъ этихъ мраморныхъ ангельчиковъ надъ чашею?“[4]) — Вижу, ну чтò же? — Велики они? — Чтó за велики — маленькіе! — „Обернись“, — сказалъ Гоголь. — „Я обернулся“, — продолжалъ Погодинъ, — „и увидѣлъ передъ собою, подъ пару къ тѣмъ, маленькимъ, два, почти колоссальныхъ. Какова церковь! Потомъ онъ повелъ меня по

---

[1]) Впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, по выраженію покойной О. Н. Смирновой, «Гоголь зналъ Римъ, какъ свой карманъ».

[2]) Тамъ же, стр. 145.

[3]) Тамъ же, стр. 117—119.

[4]) Тамъ же, стр. 4.

линіи всей окружности. Шелъ, шелъ, нѣсколько разъ останавливался отдыхать. Насилу обошелъ! Что̀ за пространство!" Мы уже говорили, что не только на этой передачѣ впечатлѣній, но и на самомъ ихъ характерѣ сказываются слѣды руководительства Гоголя, впрочемъ и не скрываемаго Погодинымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первое время, когда Погодинъ всего чаще былъ сопровождаемъ Гоголемъ, онъ отмѣчалъ и описывалъ въ своемъ дневникѣ преимущественно все то, что̀ всегда останавливало на себѣ вниманіе послѣдняго; позже это вліяніе замѣчается уже не въ такой сильной степени. Подъ 9 марта въ дневникѣ Погодина записано: „Гоголь повелъ меня смотрѣть Римъ. — Что̀ же ты мнѣ покажешь ныньче? — Подожди, узнаешь — пойдемъ. — Пошли по Корсо. Потомъ поворотили въ переулокъ. Безпрестанно встрѣчаются духовные въ разныхъ одѣяніяхъ: капуцины въ высокихъ верблюжьихъ мантіяхъ, подпоясанные ремнями, безъ шляпы, остриженные; прелаты въ лиловыхъ чулкахъ" [1]). При этомъ и другихъ подобныхъ описаніяхъ невольно припоминается, что именно то и нравилось въ Римѣ наиболѣе Гоголю, о чемъ больше всего говоритъ Погодинъ въ дневникѣ. Точно также подъ вліяніемъ Гоголя онъ прежде всего остановилъ вниманіе на изящной красотѣ развалинъ Колизея: „Гдѣ обвалилась стѣна, гдѣ упалъ сводъ подъ окнами, гдѣ отстали карнизы. Даже нельзя жалѣть, что онъ не сохранился въ цѣлости". Наслажденія, вновь переживаемыя Гоголемъ вдвойнѣ — за себя и за пріятеля, — не одинъ разъ съ большой живостью изображаются послѣднимъ. Такъ, при посѣщеніи Капитолія Гоголя видимо заранѣе приводилъ въ восхищеніе ожидаемый эффектъ. Погодинъ такъ разсказываетъ объ этомъ: „Передъ нами открылась вдали широкая каменная лѣстница; наверху по бокамъ ея два огромные коня, которыхъ подъ уздцы держатъ всадники, и наконецъ конная статуя. Въ глубинѣ какое-то обширное зданіе, съ высокими колоннами. „Ну, видишь молодцовъ?" — спросилъ мой чудакъ. — „Вижу, да что̀ же такое? кто они?" — „Это древнія

[1]) Тамъ же, стр. 6.—Ср. въ другомъ мѣстѣ (стр. 11): «А какъ разстилается плющъ по этимъ развалинамъ, какими живописными узорами изукрашаетъ онъ обвалившіяся стѣны, раскрытые переходы, полуразрушенныя лѣстницы, и что̀ за разнообразіе. Здѣсь лежитъ онъ густыми кучами, тамъ виситъ длинными гирляндами, а какая зелень свѣтлая, яркая! Кое-гдѣ мелькаютъ весенніе цвѣточки».

статуи Діоскуровы изъ театра Помпеева. А это Маркъ Аврелій на конѣ. А это Капитолій!“ Гоголь усердно водилъ своего друга и наконецъ у послѣдняго вырвалось восклицаніе: „Ахъ, еслибы пріѣхать сюда и пожить надолго! Оставайся, братецъ, здѣсь, когда тебѣ сладко. Не имѣю духа звать тебя, и понимаю, что ты могъ зажиться“[1]). Но этому патетическому возгласу едва ли можно придать какое-либо значеніе, особенно въ виду того, что въ томъ же самомъ дневникѣ и подъ тѣмъ же числомъ Погодинъ записалъ мысли совершенно противоположнаго характера, которыя явились у него уже независимо отъ вліянія Гоголя, когда онъ остался наединѣ съ самимъ собой. Мысли эти очень мало вяжутся съ недавно пережитымъ восторженнымъ состояніемъ и ясно свидѣтельствуютъ о фальшивой и дешевой аффектаціи Погодина, восхищавшагося на половину по обязанности. Сравненіе ихъ съ предъидущими наглядно показываетъ степень вліянія Гоголя, которое, очевидно, слишкомъ поверхностно скользило по душѣ Погодина. „Разсматривалъ записку я, что̀ надо осмотрѣть въ Римѣ“, — припоминаетъ на досугѣ Погодинъ, — „*ужасъ, сколько! Впрочемъ, еслибы что̀ и не успѣли — такъ и быть: довольно даже того, что́ видѣли въ эти два дня*“[2]). Въ послѣднихъ словахъ передъ нами на распашку настоящій Погодинъ: онъ готовъ, пожалуй, восхищаться изящнымъ, и нельзя даже сказать, чтобы оно было ему совсѣмъ недоступно, но его далеко не художественную душу не захватывали получаемыя имъ впечатлѣнія и, быстро тускнѣя, легко уступали мѣсто обычной прозѣ, такъ что на другой день по пріѣздѣ въ Римъ онъ уже удовлетворенъ и можетъ легко мириться съ тѣмъ, что не все видѣлъ въ этомъ чудномъ городѣ. Такъ же точно, въ первый же день по пріѣздѣ, Погодинъ, лишь-только увидѣлъ Шевырева, охотно перенесся привычной мыслью въ Москву и, позабывъ о Римѣ, весь вечеръ проговорилъ о дѣлахъ Московскаго университета, что̀, конечно, дѣлаетъ ему честь какъ профессору, но не какъ туристу-эстетику[3]). Нисколько не думая, впрочемъ, ставить въ упрекъ это равнодушіе черствой душѣ Погодина, мы ука-

---

1) Тамъ же, стр. 10.
2) Тамъ же, стр. 14.
3) Тамъ же, стр. 5.

зываемъ на него, главнымъ образомъ, для того, чтобы представить наглядно разницу между Погодинымъ и Гоголемъ въ ихъ отношеніяхъ къ изящному. Гоголя, конечно, оскорбила бы такая невоспріимчивость его друга, еслибы пристрастіе къ послѣднему и сила собственнаго увлеченія не помѣшали его обычной проницательности. Съ другой стороны въ впечатлѣніяхъ Погодина, безъ сомнѣнія, могло быть не мало любопытнаго и для Гоголя, такъ какъ историческія воспоминанія перваго были безъ сравненія полнѣе, богаче и разнообразнѣе, какъ съ другой стороны оба они, т.-е. Погодинъ и Гоголь, въ свою очередь, сильно уступали въ этомъ отношеніи Шевыреву, особенно внимательно изучавшему памятники искусства въ Римѣ. Такъ по возвращеніи домой послѣ осмотра Капитолія, оба пріятеля собрались навѣстить больного Шевырева и съ удовольствіемъ выслушали отъ него цѣлую обстоятельную лекцію о судьбѣ и исторіи Капитолія[1]). Погодинъ, впрочемъ, былъ откровененъ въ своемъ недостаточномъ пониманіи искусства и однажды чистосердечно признавался въ этомъ: „Зашли въ церковь Santa Maria del Popolo. Гоголь показывалъ намъ здѣсь фрески Пентурикkіо, ученика Перуджина, которымъ онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ удивляется; но я, признаюсь въ невѣжествѣ, не вижу въ нихъ никакого особеннаго достоинства“[2]). Такъ же откровенно и добродушно разсказываетъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ объ обыденныхъ прозаическихъ потребностяхъ сна и пищи, не заглушаемыхъ въ немъ интересомъ къ чудесамъ итальянской природы и искусства. Такъ, вслѣдъ за приведенными выше строками, тотчасъ же послѣ заявленія о непонятной для него красотѣ фресокъ, Погодинъ разсказываетъ: „Устали, проголодались безъ памяти, а гостиницы всѣ заперты. Надо ждать до шести часовъ, когда пропоется: ave, Maria“. Указывая все это, мы, быть-можетъ, нѣсколько преувеличенно выставляемъ грубо-прозаическій характеръ впечатлѣній Погодина, но спѣшимъ оговориться, что сравниваемъ его въ данномъ случаѣ не съ людьми толпы, а съ натурами, обладающими выдающейся воспріимчивостью. Такъ, однажды Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ встрѣчу съ однимъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 32—24.

московскимъ художникомъ, который, пріѣхавъ въ Римъ на годъ, не замѣтилъ времени и прожилъ тринадцать лѣтъ, вовсе еще не думая о возвращеніи. Вотъ этой-то способности находить отраду въ изящномъ до самозабвенія и не было, очевидно, у Погодина: этого съ нимъ никогда не могло бы случиться. Для пониманія же Гоголя наше сравненіе его съ Погодинымъ можетъ быть полезно потому, что, только оцѣнивъ въ полной мѣрѣ особенности художественной организаціи перваго, читатели, быть-можетъ, не рѣшатся слишкомъ уже безпощадно судить его за безграничную страсть къ Италіи, которая для него, человѣка безъ средствъ, была, строго говоря, непозволительной роскошью: то, что̀ было бы преступнымъ въ дюжинной, обыкновенной натурѣ, не можетъ ли до нѣкоторой степени быть оправдано въ натурѣ исключительной ея необыкновенною организаціей, такъ какъ безъ послѣдняго условія не могли бы быть созданы и такія безсмертныя произведенія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“.

XXXI.

Подъ 3 апрѣля 1839 г. въ дневникѣ Погодина записано: „Шевыревъ объявилъ мнѣ, что рѣшается ѣхать въ Парижъ вмѣстѣ съ нами (Погодинымъ и его женой), т.-е. побывавъ прежде въ Неаполѣ. Мы очень обрадовались такому драгоцѣнному чичероне для достопримѣчательностей Неаполя и Помпеи, гдѣ онъ былъ долго и знаетъ коротко. Хоть добрый Грифи“ [1]) (отрекомендованный Гоголемъ Погодину учитель итальянскаго языка), „выучилъ насъ немножко болтать по-италіански, но какая же разница ѣхать съ Шевыревымъ, который готовъ говорить хоть съ Дантомъ и Петраркой“ [2]). Такимъ образомъ они разстались съ Гоголемъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ о С. П. Шевыревѣ“ Погодинъ разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, какую помощь оказалъ имъ въ путешествіи Шевыревъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о досадѣ, причиняемой его педантической точностью во всѣхъ мелочахъ. Гоголь и Шевыревъ, по словамъ Погодина, предста-

---

[1]) Онъ упоминается въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. V, стр. 371 и нѣсколько разъ въ книгѣ «Годъ въ чужихъ краяхъ», но онъ обозначенъ тамъ вездѣ инициаломъ.

[2]) Тамъ же, стр. 133.

вляли собою двѣ рѣзкія противоположности: первый постоянно всюду опаздывалъ; второй простиралъ свою аккуратность такъ далеко, что хотѣлъ являться наканунѣ срока и придумывалъ самъ кучу совершенно ненужныхъ формальностей. На прощаньѣ Гоголь сговорился встрѣтиться еще разъ съ друзьями въ Чивита-Веккіи, когда они должны были проѣхать черезъ нее по пути въ Марсель. На попеченіи его была на нѣкоторое время оставлена жена Шевырева[1]). Такъ какъ Погодинъ и Шевыревъ ѣхали въ Парижъ, то Гоголь снабдилъ ихъ рекомендательными письмами къ своимъ знакомымъ и прежде всего направилъ ихъ, конечно, къ Данилевскому, котораго просилъ познакомить ихъ съ А. И. Тургеневымъ, Мицкевичемъ, и отрекомендовать хорошіе отели и кафе́, а самъ Гоголь, по возвращеніи въ Римъ, получалъ короткія и отрывочныя извѣстія о нихъ отъ жены Шевырева. Заботы Гоголя доходили до подробныхъ наставленій Данилевскому, что̀ и какъ именно онъ долженъ сдѣлать особенно для Погодина и даже какой заказать для него сюртукъ.

Въ это время Гоголь познакомилъ лично Данилевскаго (впрочемъ уже заочно и не въ Римѣ, а въ Парижѣ) съ Шевыревымъ и Погодинымъ, какъ увидимъ изъ дальнѣйшихъ писемъ.

Римъ. Апрѣля 14-го 1839. *Гоголь — Данилевскому.*

„Письмо тебѣ это вручитъ Погодинъ, для котораго ты будешь долженъ отвести прежде всего квартиру у нашей madame Hochard. Одной комнаты будетъ весьма достаточно для нихъ обоихъ, а полуторная кровать, которая едва удовлетворяетъ шириною тебя одного, замѣнитъ имъ двойную. И мужъ и жена неприхотливаго свойства и не любятъ даромъ издерживаться; стало быть, они могутъ платить какъ будто бы за одного человѣка. А другую комнату, если она случится, приготовь для Шевырева, который тоже намѣренъ пробыть мѣсяцъ въ Парижѣ. Ну, теперь, покамѣстъ, ты долженъ благодарить меня за пріятное общество, которое я

---

[1]) «Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ», стр. 26.

тебѣ доставилъ, и которымъ ты, безъ сомнѣнія, будешь доволенъ. Будь имъ расторопнымъ чичероне, води ихъ по театрамъ, кафе́... виноватъ! по храмамъ... ресторанамъ, концертамъ. Обмундируй дешево и хорошо.

„Поведи Погодина къ пассажнымъ портнымъ, гдѣ выбери прежде всего для него сюртукъ, ибо онъ все еще ходитъ въ томъ, въ которомъ ходилъ въ Москвѣ. О покроѣ не очень заботься: другъ мой не имѣетъ нужды въ фасонѣ и не ставитъ его въ грошъ вмѣстѣ съ портными и со всѣми причудами модъ, и потому ты долженъ наблюдать три вещи: чтобы было просторно, прилично его фигурѣ и насколько возможно дешево.

„Они тебѣ передадутъ вѣрную и, къ несчастію, пошлую исторію моей жизни. Право, странно: кажется, ты живешь, а только забываешься или стараешься забыться: забыть страданія, забыть прошедшее, забыть свои лѣта и юность, забыть воспоминанія, забыть свою пошлую, текущую жизнь! Но если есть гдѣ на свѣтѣ мѣсто, гдѣ страданія, горя, утраты и собственное безсиліе могутъ позабыться, то это въ одномъ только Римѣ. Здѣсь только тревоги не властны и не касаются души. Что̀ бы было со мною въ другомъ мѣстѣ! Здѣсь только самая разлука съ близкими и съ друзьями, которая такъ тяжела, менѣе тяжка.

„Къ числу пріятныхъ забвеній въ Римѣ прибавилась опера ровно съ того дня, какъ у тебя въ Парижѣ она прекратилась. Первый персонажъ ея знаменитый Донизелли, котораго, какъ кажется, ты знаешь только по наслышкѣ, который былъ въ труппѣ итальянцевъ въ Парижѣ и котораго, впрочемъ, мы читали только біографію. Игра и голосъ чудные! Онъ до сихъ поръ достойный соперникъ Рубини. Примадонна тоже очень недурна; напоминаетъ фигурой и тѣлесною крѣпостью Гризи. Несмотря на то, что порядочно поустарѣла (ей за тридцать), но черты лица прелесть! Я думаю, была чудная красавица!

„Но самое главное, съ чего бы слѣдовало начать письмо: я получилъ письмецо отъ Василія Прокоповича въ отвѣтъ на мое, ему писанное. Я, признаюсь, имѣю плохую надежду на то, чтобы онъ выслалъ требуемую тобою сумму. Онъ мнѣ пишетъ, что получилъ письмо твое, въ которомъ опять требуешь отъ него денегъ, и что онъ совершенно не знаетъ,

что̀ дѣлать, что больше половины капитала онъ занялъ брату на покупку дома, а остальное ему самому нужно. Я ему тотъ же часъ отписалъ и усовѣщивалъ, сколько могъ, что это его долгъ, что, имѣя истинно благородныя чувства и помня узы товарищества, онъ долженъ это сдѣлать, и что ты продашь все свое имѣніе и ему заплатишь по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Но не знаю, способенъ ли онъ послушать этихъ словъ. Еслибы какимъ-нибудь образомъ ты могъ написать заемное письмо сколько возможно по формѣ и какъ возможно обезпечительно, можетъ-быть, это имѣло бы больше надъ нимъ дѣйствія. Въ этомъ и другомъ случаѣ я бы совѣтовалъ тебѣ попытаться написать еще разъ домой хоть по крайней мѣрѣ для того, чтобы разгадать и изъяснить себѣ лучше эту покамѣстъ непостижимую загадку, точно ли все это произошло отъ неполученія писемъ, или это была маска? Для лучшаго и болѣе очевиднаго удостовѣренія я прошу тебя отправить письмо твое ко мнѣ; а я его отправлю къ маменькѣ съ тѣмъ, чтобы маменька собственноручно вручила его, кому слѣдуетъ, и тогда мы можемъ узнать настоящее дѣло.

„Новости, объявляемыя въ письмѣ Василія Прокоповича, отличаются какою-то нестройностью, — что Плюшаръ обанкротился и энциклопедическій словарь лопнулъ, что Базили, воротившись съ Кавказа, разсчиталъ Аѳанасія[1]) и уѣхалъ въ Смирну консуломъ, что Мокрицкій[2]) уже *пыше* св. Себастіана такъ же хорошо, какъ и штанишки (все это слова Васьки)[3]); что Кукольникъ издаетъ альманахъ „Новогодникъ“ и хотѣлъ издавать журналъ „Иностраніе“ подъ покровительствомъ Жукова (табачнаго фабриканта), что братъ его, т.-е. Николай, показываетъ своимъ дѣтямъ китайскія тѣни, и что онъ самъ, т.-е. Васька, коситъ на скрипкѣ, и что дни, такимъ образомъ, текутъ незамѣтно...

---

[1]) Слугу Данилевскаго. Это мѣсто опять подтверждаетъ, что въ письмѣ отъ 12-го февр. 1839 г. въ началѣ слѣдуетъ читать: о Базилѣ (т.-е. Базили), а не Базинѣ.

[2]) Мокрицкій, Аполлонъ Николаевичъ, художникъ, товарищъ Гоголя по лицею, впослѣдствіи академикъ императорской академіи художествъ и преподаватель въ училищѣ живописи и ваянія московскаго художественнаго общества (См. «Русское Слово», 1859, I, 96, примѣч. Н. Гербеля и «Лицей кн. Безбородко», отдѣлъ II, стр. CXXXIII).

[3]) Василій Яковлевичъ Прокоповичъ.

„Письмо это я прекратилъ-было писать, потому что еще рано отправлять его. Погодинъ только завтра долженъ пріѣхать изъ Неаполя въ Чивита-Веккію, куда я прибылъ для встрѣчи его прямо изъ театра, изъ „Отелло“.

„Чудно какъ шло! Донизелли удивителенъ! Рубини былъ выше его, когда хотѣлъ быть, особливо въ знаменитой первой аріи, но весьма часто былъ онъ ниже, какъ говорится, себя, а иногда даже вовсе не хотѣлъ войти въ себя... Донизелли съ начала до конца ровенъ, отъ перваго до послѣдняго. Страшная сила голоса и игра удивительная!..

„Мы такъ усовершенствовали нашу переписку и аккуратность ея, чему много помогла установившаяся наша почта знакомыхъ нашихъ, ѣдущихъ то изъ Рима въ Парижъ, то изъ Парижа въ Римъ, что недѣли три антракта уже кажутся очень долгимъ временемъ, такъ что, мнѣ кажется, я уже очень давно не получалъ отъ тебя писемъ. Можетъ-быть, это происходитъ еще отъ того, что послѣднее письмо мое очень важно и отвѣтъ на оное, какъ рѣшеніе твое насчетъ поѣздки въ Маріенбадъ[1]), еще важнѣе и дразнитъ мое нетерпѣніе. Право, по моему, тебѣ очень не лишне была бы эта поѣздка!... Но, впрочемъ, надѣюсь на Погодина: онъ на тебя наляжетъ и уговоритъ, а между тѣмъ я слышу безостановочно даже сюда въ Италію пробирающіеся слухи о чудесахъ, производимыхъ посредствомъ лѣченія холодною водой въ Грефенбергѣ[2]), очень недалеко отъ Маріенбада, которая, между прочимъ, особенно оказываетъ чудо въ болѣзняхъ твоего рода. Я самъ послѣ маріенбадскихъ водъ намѣренъ отправиться туда.

„Посылай скорѣе отвѣтъ на это письмо. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ: Квиткѣ, Межаковымъ, Мантейфелю[3]) и прочимъ. Боткинъ твой — добрый малый, а Исаевъ[4]) глупъ страшно.

---

[1]) См. письмо отъ 25-го марта 1839 (изд. Кул., V, 364).

[2]) Такимъ образомъ еще въ 1839 г. Гоголь восторгался лѣченіемъ Присница въ Грефенбергѣ, которое причинило ему такъ много вреда въ 1845. Гоголь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возлагалъ свои надежды на помощь отъ холодныхъ ваннъ, которыми въ разное время пользовались и его друзья: въ 1843 Аркадій Осиповичъ Россетъ, въ 1845 (до Гоголя) Александръ Петровичъ Толстой (см. VI, стр. 14 и проч., гдѣ литера F означаетъ Россета, и 212).

[3]) О нихъ см. V, 364 и проч., также см. выше, стр. 203.

[4]) Здѣсь разумѣется Н. П. Боткинъ, который вскорѣ оправдалъ отзывъ Гоголя

„Я слышалъ, между прочимъ, что у васъ въ Парижѣ завелись шпіоны. Это, признаюсь, должно было ожидать, принявши въ соображеніе большое количество русскихъ, влекущихся въ Парижъ мимо запрещенія. Эти двусмысленныя экспедиціи разныхъ Строевыхъ[1]) за какими-то мистическими славянскими рукописями, которыхъ никогда не бывало... Будь остороженъ! Я увѣренъ, что имена почти всѣхъ русскихъ вписаны въ черной книгѣ нашей тайной полиціи. Я совѣтую тебѣ перенести резиденцію изъ Мореля къ другому ресторану. Теперь же у тебя общество будетъ. Вы можете обѣдать вмѣстѣ, т.-е. съ Погодинымъ и Шевыревымъ, у какого-нибудь новаго ресторана.

„Прощай до слѣдующаго письма. Цѣлую тебя. Твой Г."

Данилевскій, вѣроятно, былъ отрекомендованъ Гоголемъ своимъ друзьямъ также и въ качествѣ интереснаго и любопытнаго собесѣдника: недаромъ Анненковъ называлъ его „человѣкомъ веселыхъ нравовъ".

Надежды, возложенныя Гоголемъ на Данилевскаго, разумѣется, вполнѣ оправдались. Г. Барсуковъ по даннымъ, имѣющимся въ перепискѣ Погодина, а особенно по его дневнику, сообщаетъ слѣдующее: „2 мая 1839 года, послѣ завтрака, Погодинъ отправился съ письмомъ Гоголя искать Данилевскаго, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о квартирѣ, ибо оставаться на своемъ „чердакѣ было бы несносно". Отыскавъ Данилевскаго, онъ договорился съ его хозяйкою и нанялъ у нея отлично меблированную комнату, въ лучшей части города, почти подлѣ бульвара, противъ театра „Итальянцевъ" [2]). Потомъ Погодинъ отчасти подъ руководствомъ Данилевскаго сталъ осматривать Парижъ и его окрестности[3]). Рекомендательное письмо Гоголя, переданное Данилевскому Погодину, было, конечно, именно только-что приведенное („Письмо это

въ гораздо большей степени, чѣмъ, можетъ быть, могъ ожидать. Гоголь: по словамъ В. А. Панова, «этотъ истинно-добрый человѣкъ ухаживалъ, какъ нянька», за Гоголемъ, во время болѣзни въ Вѣнѣ (См. изд. Кул., V, 424, примѣч.). — А. С. Данилевскій самъ не могъ припомнить Исаева.

[1]) О немъ см. примѣч. ниже. Онъ упоминается въ письмахъ Гоголя два раза: въ V томѣ, стр. 434, гдѣ онъ обозначенъ иниціаломъ С., и 390, гдѣ стоитъ литера NN.

[2]) «Жизнь и труды Погодина», V, 264.

[3]) Тамъ же стр. 265.

тебѣ вручитъ Погодинъ“) и поселился онъ, кажется именно у m-me Hochard, какъ это проектировалъ Гоголь. Но еще въ прежнемъ письмѣ Гоголь предупреждалъ Данилевскаго: „черезъ мѣсяцъ я препровожу его къ тебѣ въ Парижъ, прямо къ благодѣтельницѣ madame Hochard. Я поручилъ ему притащить тебя въ Маріенбадъ, куда и я тоже думаю поплестся, гдѣ будетъ и онъ, и гдѣ, мнѣ кажется, тебѣ не мѣшаетъ побывать: одна изъ главнѣйшихъ болѣзней твоихъ, кажется, имѣетъ аналогію съ моей и относится прямо къ желудку, а для этого Маріенбадъ, говорятъ, очень хорошъ. Погодинъ привезъ мнѣ извѣстіе о Лукашевичѣ. Онъ встрѣтилъ его въ Прагѣ[1]). Этотъ пріятель нашъ и чудакъ будетъ тоже нынѣшнее лѣто въ Маріенбадѣ. Кромѣ того, Погодинъ выписалъ къ лѣту туда кучу разныхъ славянъ, такъ что мы можемъ имѣть хорошее общество, составить свой столъ и ускользнуть такимъ образомъ отъ вредоносныхъ табльдотовъ; словомъ, лѣчиться серьезно, методически и весело, укрѣпляя и поддерживая другъ друга, а это весьма не послѣдняя вещь на водахъ“[2]).

Данилевскій, однако, въ Маріенбадъ не поѣхалъ, и Гоголь проводилъ тамъ время въ обществѣ Погодина, Бенардаки и Иноземцева, причемъ всякій день послѣ ванны, по словамъ Погодина, ходили они втроемъ, Погодинъ, Бенардаки и Гоголь, по горамъ и доламъ и разсуждали о любезномъ отечествѣ. Гоголь выспрашивалъ Бенардаки „о разныхъ искахъ и, вѣрно, дополнилъ свою галлерею оригинальными портретами“. „Чудакъ онъ превеликій“! отзывался въ это время почему-то о Гоголѣ Погодинъ[3]).

Римъ. Мая 16-го (1839). *Гоголь—Данилевскому.*

„Вчера я получилъ твое письмо отъ 4-го мая. Дѣлай какъ хочешь, и распоряжайся насчетъ водъ. Во всякомъ случаѣ

---

[1]) См. «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. I, стр. 133.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 364.

[3]) Такъ писалъ Погодинъ о Гоголѣ Максимовичу (т. V, стр. 359) и далѣе въ томъ же письмѣ: «Вѣроятно, Гоголь прочелъ уже каракули своего больного пріятеля, который вотъ уже двѣ недѣли лежитъ самъ безъ дѣла и труда, перебирая только украинскія пѣсни и наслаждаясь ими до упоенія. Фу, братцы, какъ это хорошо! неописанно хорошо! Сколько души и жизни отозвалось въ этихъ звукахъ... И что̀ же теперь эта душа и что̀ теперь эта жизнь? Только одно еще чувство материнской любви живетъ и дышитъ не растлѣнно».

я прошу отъ тебя одного: вылѣчись и будь здоровъ. Что̀ касается до меня, я ѣду, можетъ быть, для того, чтобы очистить совѣсть и не упрекать себя потомъ, что не попробовалъ еще одного средства. Признаюсь, я не столько надѣюсь на самый Маріенбадъ, сколько на Грефенбергъ, на его холодное лѣченіе, о которомъ ежеминутно слышу чудеса, которое (лѣчитъ) удивительно золотушныя, венерическія, ломотныя и ревматизмы, — словомъ, всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, а потому я думаю, что оно должно также успѣшно лѣчить желудочныя и геморроидальныя болѣзни, въ которыхъ, какъ тебѣ извѣстно, холодная вода не можетъ не быть употреблена съ пользою.

„Желалъ бы очень сильно я, чтобы ты получилъ скорѣе подкрѣпленіе денежное. Съ какою бы радостью подѣлился съ тобою я этимъ презрѣннымъ металломъ, если бы судьба меня надѣлила имъ.

„Писалъ ли ты послѣ моего письма къ Васькѣ, и такъ, какъ я тебѣ говорилъ? Это человѣкъ, котораго нужно гвоздить порядочно, а безъ того будетъ мало успѣха“.

27 сентября Гоголь видѣлся съ Данилевскимъ уже въ Россіи еще разъ передъ долгой разлукой, но только мелькомъ, какъ мы это узнаемъ изъ письма Погодина къ Шевыреву: „Данилевскій проѣхалъ черезъ Москву въ тотъ же день, какъ мы пріѣхали, т.-е. 27 сентября. У него умерла мать, а онъ спѣшилъ не зная впрочемъ того (?!). Вѣрно скоро воротится“ [1]).

Объ отношеніяхъ къ Данилевскому Погодина, хотя не сошедшагося съ нимъ во многомъ, но все же оставившемъ въ послѣднемъ пріятное воспоминаніе своей добротой и обходительностью, ясно говорятъ теплыя строки къ нему Погодина ужъ въ 40-хъ годахъ: „А куда онъ запропастился? Да боитесь ли вы Бога! Я поѣхалъ на одинъ часъ въ Яновщину и услышалъ, что вы за сорокъ верстъ. Если васъ не затруднитъ, пріѣзжайте не медля: я буду ждать васъ до двухъ часовъ четверга. Никакъ не могу болѣе, ибо время водяное прекращается. Мнѣ очень хочется поцѣловать васъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1883, I, 89.

и вспомнить о madame Hochard, rue de Marivaux, № 11, о Филиппѣ, не Луи, а о томъ, который спрашивалъ меня, посыпаютъ ли пескомъ гостиницы въ Москвѣ, etc. etc. Я разсчитываю вотъ какъ: гонецъ пріѣдетъ къ вамъ въ полночь. Если вы отправитесь въ 7 часовъ, то въ 11 мы можемъ уже обняться, пообѣдать и разлучиться въ 2 часа".

О Данилевскомъ же упоминаетъ Погодинъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 29 ноября 1839 г. („Русскій Архивъ", 1883, 1, 89).

XXXII.

Проводивъ своихъ друзей (Погодина и Шевырева) изъ Рима, Гоголь, какъ мы знаемъ, долженъ былъ проводить дни и ночи у постели больного Віельгорскаго и даже почти не имѣлъ времени навѣщать порученную его заботамъ Софью Борисовну Шевыреву. Теперь красные дни его прошли надолго: Віельгорскій вскорѣ скончался и всѣ письма Гоголя были наполнены скорбью о немъ. Только-что привыкнувъ къ этой утратѣ Гоголь испыталъ новый ударъ: онъ былъ принужденъ покинуть страстно любимую Италію, чтобы взять изъ Патріотическаго института кончившихъ въ немъ курсъ сестеръ.

Принести эту жертву Гоголю сильно не хотѣлось и онъ изыскивалъ всѣ средства, чтобы отклонить ее отъ себя. Вмѣсто сборовъ въ далекій путь онъ думалъ только объ условленной съ Погодинымъ встрѣчѣ въ Маріенбадѣ[1]), и его письма къ матери неожиданно становятся холодными и сухими. Въ Гоголѣ сильно боролись любовь къ сестрамъ и

---

[1]) См. о ней въ книгѣ «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. IV, стр. 83—84.— Отмѣтимъ здѣсь кстати, что въ той же книгѣ Погодина названъ по имени лицейскій товарищъ Гоголя, встрѣченный Погодинымъ въ Прагѣ и упомянутый въ письмѣ Гоголя къ А. С. Данилевскому, («Соч. и письма Гоголя», т. V, 364). Въ своемъ сочиненіи изъ «Ученическихъ лѣтъ Гоголя» (стр. 34) проф. Владиміровъ недоумѣвалъ, почему я подъ буквами DD предполагаю не Любича-Романовича, какъ въ 1 изданіи, но Лукашевича. На это считаю долгомъ разъяснить, что хотя всѣ соображенія перваго изданія были тщательно составлены по находившимся у меня даннымъ, но это было сообщено лишь какъ предположеніе, отъ котораго я долженъ отказаться въ виду поправки покойнаго Данилевскаго и разсказа Погодина о встрѣчѣ въ Прагѣ именно съ Лукашевичемъ («Годъ въ чужихъ краяхъ», т. I, стр. 134—138). Кромѣ того, эта фамилія стоитъ en toutes lettres въ копіи письма, хранящейся въ бумагахъ Н. С. Тихонравова.

долгъ брата съ крайнимъ нежеланіемъ оставить Римъ. Къ довершенію непріятностей, изъ дому до него доходили самыя неутѣшительныя извѣстія о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, да и по этимъ извѣстіямъ нельзя было составить настоящаго понятія о степени запущенности дѣлъ. При этомъ Гоголь зналъ, что ограничиться однимъ пріѣздомъ на короткое время въ Петербургъ и Москву не удается: такъ или иначе ему предстояло устроить свиданіе съ матерью, хотя и пріятное и желательное для нихъ обоихъ, но связанное со многими довольно крупными издержками и неудобствами. Когда онъ пріѣхалъ наконецъ въ Москву, Данилевскій писалъ о немъ Погодину: „Не пускайте отъ себя Гоголя и упросите его пріѣхать въ Малороссію повидаться съ матерью хотя на нѣсколько недѣль. Если бы онъ зналъ, какъ она его любитъ! (Я многаго не разобралъ въ вашемъ письмѣ: почеркъ вашъ потруднѣе почерка Несторовой лѣтописи!) Экономическія дѣла Гоголевой матери не такъ плохи, какъ она себѣ воображаетъ... Теперешній годъ труденъ для всѣхъ и недостатокъ хлѣба даетъ себя чувствовать жестоко, крестьяне не имѣютъ ничего, помѣщики почти то же, а вся отвѣтственность на послѣднихъ“[1]). Но все, что̀ говорило Гоголю о далекой Васильевкѣ, обдавало его суровымъ холодомъ прозаическихъ заботъ, мучительныхъ и досадныхъ, представлявшихъ ужасающую противоположность съ розами безмятежнаго счастья, которыя онъ срывалъ въ обожаемой Италіи. Несносная дѣйствительность, всегда отказывающая небогатымъ людямъ въ правѣ на наслажденія, невозбранно представляющіяся къ услугамъ многихъ другихъ, мѣшала ему отдаваться всей душой упоенію благами, щедро разсыпанными передъ глазами, и настойчиво возбуждала укоры совѣсти, уже болѣе года отягощенной займомъ у Погодина. Чѣмъ далѣе отодвигались разсчеты съ прозаическими дрязгами, тѣмъ томительнѣе было возвращеніе къ нимъ изъ міра поэтическихъ замысловъ и художественныхъ впечатлѣній. Деньги же, полученныя отъ Погодина, были собраны послѣднимъ съ большимъ трудомъ при помощи Аксакова, Баратынскаго, Н. Ф. Павлова и особенно благодаря щедрому подарку Великопольскаго[2]).

---

[1]) «Жизнь и труды М. Погодина» Н. Барсукова, т. V, ст. 356—357.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 13.

О необходимости пріѣхать въ Россію уже давно напоминала Гоголю мать. До половины 1838 г. Гоголь продолжалъ по прежнему писать ей съ открытымъ сердцемъ, но, по мѣрѣ приближенія непріятнаго срока, его тонъ становится натянутымъ и принужденнымъ и, наконецъ, раздражительнымъ. Пока этотъ срокъ былъ еще далекъ, Гоголь спокойно писалъ, что „какъ только милость Божія продлится надъ нимъ, то онъ увидитъ вновь всѣхъ дорогихъ сердцу, съ которыми теперь въ разлукѣ“ [1]), и письма къ сестрамъ были проникнуты обычной любовью и нѣжностью. Въ ноябрѣ 1838 г. онъ уже начинаетъ неохотно отвѣчать матери на ея новыя напоминанія: „Вы спрашиваете о сестрахъ. Выпускъ ихъ еще не такъ близокъ: еще годъ. Къ этому времени, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь быть, и мы объ этомъ потолкуемъ“ [2]). Вскорѣ Гоголь былъ разстроенъ страшной мнительностью матери, вычитавшей въ довольно невинныхъ строкахъ его письма тяжкіе упреки себѣ. Онъ вспомнилъ при этомъ о болѣзненной мечтательности ея характера, развившейся еще во время его жизни въ Россіи. Свое впечатлѣніе онъ передаетъ въ письмѣ къ одной изъ сестеръ, въ свою очередь принявшей слова Гоголя въ превратномъ смыслѣ, полагая, что онъ пишетъ о физической болѣзни матери... Пришлось успокоивать взволнованную и огорченную сестру [3]). Все это, разумѣется, только растравляло раны Гоголя. М. П. Балабиной, находившейся въ Петербургѣ, Гоголь отвѣчалъ уклончиво о предстоящемъ пріѣздѣ въ Россію: „Вы пишете и спрашиваете, когда я буду къ вамъ. Это — задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался еще разрѣшать. При томъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться“ [4]). Наконецъ онъ пишетъ суровое письмо матери (нѣкогда сильно возмутившее своимъ тономъ покойнаго О. Ѳ. Миллера [5]),

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 336.

[2]) Тамъ же, стр. 342.

[3]) Тамъ же, стр. 365.

[4]) Тамъ же, стр. 376. — Двоюроднымъ братомъ Гоголь, по своему обыкновенію, называетъ здѣсь Данилевскаго. Совѣтъ заключался, повидимому, въ томъ, чтобы не приходить въ отчаяніе отъ разстроенныхъ дѣлъ и не спѣшить выѣздомъ изъ Парижа.

[5]) «Русская Старина», 1875, IX, стр. 105.

впрочемъ разсматривавшаго его отдѣльно и не принявшаго въ соображеніе всю совокупность условій и обстоятельствъ). Въ этомъ письмѣ Гоголь усиленно выдвигаетъ свое нездоровье, но эта отговорка была уже результатомъ невольной досады, потому что мать не могла ѣхать сама за дочерьми — необходимо было еще достать деньги и уплатить кое-что — и сама, въ свою очередь, конечно, не мало сокрушалась о томъ, что ей приходится причинять непріятность нѣжно любимому сыну. Съ другой стороны, и Гоголь зналъ отлично, что поѣхать придется и что ущербъ для его здоровья будетъ вовсе ужъ не такъ значителенъ. Но непріятная поѣздка сулила, кромѣ тяжелой для него перспективы разлуки съ Римомъ, для возвращенія въ который понадобятся снова недостающія ему средства, — только безконечныя издержки, долги и безпокойства. Съ горя и досады Гоголь отвергаетъ присланный ему подарокъ матери, отказываясь носить сдѣланныя ею рубашки, которыми она, какъ кажется, по мѣрѣ силъ и умѣнья, хотѣла смягчить неизбѣжное принужденіе. „Напрасно вы нашили мнѣ рубашекъ", писалъ Гоголь, „я ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, не могу носить и не буду, потому что онѣ сшиты не такъ, какъ я привыкъ". Еще суровѣе были слѣдующія слова: „Что̀ касается до времени моего пріѣзда, то ничего навѣрное не могу вамъ сказать: все это будетъ зависѣть отъ моего здоровья и обстоятельствъ. Впрочемъ, я постараюсь быть непремѣнно къ выпуску сестеръ въ Петербургѣ, хотя заранѣе содрогаюсь отъ нашего жестокаго климата, который рѣшительно былъ признанъ докторомъ гибельнымъ для моего здоровья. Больше ничего не имѣю вамъ теперь сказать. Прощайте до слѣдующаго письма" [1]). Эти строки должны были произвести, безъ сомнѣнія, не очень пріятное впечатлѣніе на любящую мать, но онѣ отражаютъ лишь временное ненастное настроеніе Гоголя и никакъ не должны быть принимаемы во вниманіе при характеристикѣ отношеній его къ матери, какъ проявленіе исключительнаго минутнаго порыва накипѣвшей у него горечи. Въ виду суроваго упрека, сдѣланнаго по поводу этого письма Гоголю покойнымъ О. Ѳ. Миллеромъ, считаемъ необходимымъ съ особеннымъ удареніемъ указать на то, что

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 379.

въ то время на Гоголя со всѣхъ сторонъ сыпались большіе удары и мелкія огорченія: онъ все еще былъ сильно удрученъ смертью крѣпко полюбившагося ему, симпатичнаго юноши Віельгорскаго; затѣмъ, послѣ избаловавшихъ его постоянныхъ встрѣчъ съ друзьями, еще начиная съ пріѣзда Жуковскаго въ концѣ 1838 года, онъ остался въ Римѣ одинокъ. При этомъ въ общемъ счетѣ даже небольшія непріятности должны были дѣйствовать раздражающимъ образомъ на его болѣзненный и нервный организмъ. Такъ онъ только-что получилъ извѣстіе изъ Парижа, что сначала Данилевскій тяготился Погодинымъ и Шевыревымъ, чего Гоголь, повидимому, никакъ не ожидалъ. Въ тѣхъ же числахъ онъ писалъ Данилевскому: „Мнѣ очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился съ своими гостями. Впрочемъ, и то сказать, что пріѣхавшій въ Парижъ новичокъ худой товарищъ обжившемуся парижанину. Первый еще жаждетъ и ищетъ; другой уже усталъ и утомленъ“[1])... Наконецъ Гоголь долженъ былъ ѣхать.

Въ заключеніе обзора заграничной жизни Гоголя приведемъ любопытный ненапечатанный отрывокъ изъ письма его къ Шевыреву.

Къ *С. П. Шевыреву* (изъ Рима, въ маѣ 1839).

Если случится тебѣ встрѣтиться съ Мицкевичемъ, обними его за меня крѣпко.

Новость твоя объ Уваровѣ достигла и сюда. Лучше ея, конечно, не могло ничего быть: это первая, сколько мнѣ помнится, утѣшительная новость изъ Россіи. — Кажется, мстительная тѣнь Пушкина вмѣшалась въ это дѣло и, защищая за гробомъ любезныя ей права литературы и просвѣщенія, наконецъ настигла преслѣдуемаго неизбѣжно ею хищника. Здѣсь говорятъ объ этомъ разно, но никто не знаетъ

[1]) Тамъ же, стр. 378. — Между тѣмъ Гоголь и не сомнѣвался въ томъ, что Шевыревъ и Погодинъ сойдутся съ Данилевскимъ: «Ты долженъ благодарить меня за пріятное общество, которое я тебѣ доставилъ, *и которымъ ты, безъ сомнѣнія, будешь доволенъ*» («Вѣстн. Евр.», 1890, II, 575 и выше, стр. 278—279).

настоящаго дѣла. Я тутъ вижу чудо и больше ничего. Уваровъ съ его гибкостью, съ его всѣми условіями, требуемыми правительствомъ, могъ лишиться его милости — это почти непостижимо!... Я бы желалъ знать день и часъ, въ который это случилось... Со мной происходятъ какія-то пророческія событія. Не случилось ли это въ тотъ самый день, въ который я написалъ ему приговоръ послѣ разговора нашего съ Погодинымъ; объ этомъ приговорѣ скажетъ тебѣ Погодинъ. Я хотѣлъ было разослать его по знакомымъ въ Россію, но теперь натурально оставлю его въ портфелѣ, какъ памятникъ моихъ тогдашнихъ движеній. Лежачаго не бьютъ.

III. ПОѢЗДКА ГОГОЛЯ ВЪ РОССІЮ И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ СЕМЬѢ И ДРУЗЬЯМЪ.

I.

Потребность найти утѣшеніе въ вынужденной поѣздкѣ на родину заставила Гоголя успокоивать себя тѣмъ, что онъ кстати окончитъ и напечатаетъ драму съ сюжетомъ изъ малороссійской жизни и что дорога, по обыкновенію, разбудитъ его дремавшее въ послѣднее время вдохновеніе. „Трудъ мой", — писалъ онъ съ дороги о начатой драмѣ Шевыреву, — „нейдетъ, а чувствую, вещь можетъ быть славная! Или для драматическаго творенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны? Я надѣюсь много на дорогу. Дорогою обыкновенно у меня развивается и приходитъ на умъ содержаніе; всѣ сюжеты почти я обдѣлывалъ въ дорогѣ"[1]). Въ этомъ же письмѣ изъ Вѣны отъ 10-го августа Гоголь прямо говоритъ: „Словомъ, я долженъ ѣхать, несмотря на все мое нежеланіе". Нѣсколько дней послѣ этого онъ провелъ снова съ Погодинымъ въ Маріенбадѣ, страдая отъ повторявшихся на каждомъ шагу встрѣчъ съ русскими, допекавшими его вопросами о томъ, что̀ онъ пишетъ. Въ Маріенбадѣ онъ снова пользовался водами. Въ это время онъ опять возвратился къ давно оставленному изученію народныхъ пѣсенъ[2]), необходимому для задуманной, но никогда не напечатанной драмы и для „Тараса Бульбы". „Передо мной", — писалъ онъ Шевыреву, — „выясняются

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 381.

[2]) Тамъ же, стр. 383. — Вообще Гоголь въ этомъ году много занимался славянскими древностями, русской исторіей и малороссійской поэзіей. Экскурсіи его въ область славянства начались еще, когда онъ былъ профессоромъ. Такъ, въ началѣ 1834 г. онъ писалъ Максимовичу: «Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ прошломъ году (довольно толстая книжка, in 8⁰)? Очень замѣчательная вещь! Между ними есть нѣсколько настоящихъ малороссійскихъ» («Соч.

и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества, и если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается"[1]).

До какой степени Гоголь хотѣлъ показать своимъ, что онъ колебался, уже, повидимому, принявъ, рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ, видно изъ того, что, уже извѣстивъ сестеръ о выѣздѣ[2]), онъ вдругъ, неизвѣстно какими судьбами, опять пишетъ будто изъ Тріеста, яко бы на обратномъ пути въ Римъ (для того будто бы, чтобы продолжать прерванное лѣченіе). Онъ снова предается досадѣ и говоритъ матери: „Если я буду въ Россіи, то это будетъ никакъ не раньше ноября мѣсяца, и то если найду для этого удобный случай и если поѣздка эта меня не разоритъ. Путешествіе же зимой по Россіи несравненно дешевле. Еслибы не обязанность моя быть при выпускѣ моихъ сестеръ и устроить по возможности лучше судьбу ихъ, то я бы не сдѣлалъ подобнаго дурачества и не рисковалъ бы такъ своимъ здоровьемъ"[3]). Но это было только новымъ напраснымъ огорченіемъ для матери, потому что, какъ бы покоряясь необходимости, Гоголь тутъ же извѣщалъ ее о вторичномъ выѣздѣ въ Вѣну. Послѣ этого Гоголь яко бы снова засѣлъ на мѣсяцъ въ Вѣнѣ, до условленной встрѣчи съ Погодинымъ, будто бы состоявшейся лишь въ двадцатыхъ числахъ октября. Ему трудно было принудить себя собраться въ дорогу, и отъѣздъ незамѣтно откладывался со дня на день, даже и въ то время, когда онъ, наконецъ, рѣшилъ поѣздку безповоротно. Въ письмѣ, помѣченномъ 24-ымъ октября, онъ извѣщалъ мать: „сегодня выѣзжаю", но будто бы остался еще разъ на нѣсколько дней и 28-го числа снова пишетъ уже и оконча-

---

и письма Гоголя», т. V, стр. 194). Здѣсь разумѣется извѣстный сборникъ Вацлава З'Олеска. Мы ожидали найти тамъ первообразъ извѣстной легенды объ Иванѣ и Петрѣ (въ «Страшной Мести»), но безуспѣшно; по мнѣнію г. Кулиша, едва ли можно найти настоящій источникъ легенды.

[1]) «Соч. и письма Гоголя», V, 383.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 384.

[3]) Тамъ же, стр. 387.

тельно: „Итакъ, я выѣзжаю сегодня въ Россію!“ [1]). Отмѣтимъ здѣсь и одно мелочное обстоятельство; теперь уже онъ просилъ мать: „На всякій случай приложите и рубашки, которыя у васъ для меня сдѣланы“.

Послѣ сказаннаго совершенно непонятною и необъяснимою съ перваго взгляда является въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова приведенная имъ дата письма, написаннаго къ нему М. С. Щепкинымъ (28-го сентября 1839 года), съ извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Москву Гоголя. Извѣстно, что послѣднее было принято всѣми московскими друзьями Гоголя, какъ событіе. Всѣ они давно уже мечтали о его возвращеніи, а Погодинъ, говорятъ, еще собираясь въ Италію, питалъ намѣреніе привезти съ собой Гоголя. Тѣмъ страннѣе видѣть на заграничныхъ письмахъ Гоголя, напечатанныхъ г. Кулишемъ, даты, относящіяся не только къ сентябрю, но даже къ концу октября 1839 г. По этимъ числамъ, всегда аккуратно выставляемымъ г. Кулишемъ и провѣреннымъ по печатямъ почтовыхъ конвертовъ, выходитъ, будто бы Гоголь оставался заграницей почти до ноября. Съ другой стороны, выѣздъ Гоголя съ Аксаковымъ въ Петербургъ, когда ему нужно было взять сестеръ изъ института, отнесенъ послѣднимъ къ 26 октября 1839 г., не говоря уже о томъ, что записка Щепкина была получена Аксаковымъ еще на дачѣ, слѣдовательно, никакъ уже не въ послѣднихъ числахъ октября. Наконецъ, выѣзду въ Петербургъ предшествовало немалое замедленіе, происшедшее по винѣ Аксакова. Всѣ эти показанія представляются окончательно сбивчивыми и противорѣчивыми, если сопоставимъ разсказъ Аксакова съ слѣдующими словами письма Гоголя изъ Вѣны отъ *28-го октября* 1839 г.: „*Черезъ мѣсяца полтора или два буду въ С.-Петербургѣ, а недѣли черезъ двѣ послѣ этого въ Москвѣ*“ [2]). Между тѣмъ Гоголь пріѣхалъ раньше въ Москву, а въ Петербургъ все-таки прибылъ въ началѣ ноября. Наконецъ, пребываніе Гоголя въ началѣ ноября въ Петербургѣ подтверждается одинаково обоими взаимно противорѣчащими источниками.

Такимъ образомъ въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1839 г. Гоголь по датамъ его писемъ и по разнымъ сви-

---

1) Тамъ же, стр. 388.

2) Ср. особенно «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 386—388 и «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 14—17.

дѣтельствамъ современниковъ оказывается находящимся одновременно въ Россіи и за-границей, въ Москвѣ и въ Тріестѣ. Но въ дневникѣ Погодина подъ заглавіемъ „Годъ въ чужихъ краяхъ“ и въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Т. Аксакова мы находимъ цѣлый рядъ данныхъ, доказывающихъ съ полной несомнѣнностью, что въ 1839 г. Гоголь совершалъ поѣздку изъ-за границы въ Россію вмѣстѣ съ Погодинымъ; извѣстно съ точностью, въ какой день и гдѣ они проѣзжали; наконецъ извѣстно, что оба они прибыли въ Москву 26 сентября 1839 г.— и въ то же время въ изданіи г. Кулиша мы встрѣчаемъ письма Гоголя къ матери отъ 26 сентября 1839 г. изъ Тріеста, а отъ 24 и 28 октября изъ Вѣны! Различіемъ между старымъ и новымъ стилемъ такое противорѣчіе не устраняется никоимъ образомъ. Надо имѣть при этомъ въ виду, что г. Кулишъ *съ безусловной точностью* обозначалъ скобками тѣ даты, которыя были выставлены имъ только по соображенію. Значитъ, эти даты дѣйствительно стояли на подлинныхъ письмахъ Гоголя. Н. С. Тихонравовъ по этому поводу замѣчаетъ: „Письма Гоголя къ матери, напечатанныя въ изданіи Кулиша (V, 386—389), писаны несомнѣнно уже изъ Москвы, между тѣмъ надъ первымъ изъ нихъ стоитъ Тріестъ, надъ вторымъ и третьимъ Вѣна“. Это заключеніе вывелъ онъ изъ того, что Гоголь говоритъ матери: „письма будутъ доставлены изъ Москвы съ казеннымъ курьеромъ и вы, стало-быть, заплатите только до Москвы, что̀ сдѣлаетъ большую разницу“[1]). Сначала это соображеніе можетъ казаться недостаточнымъ; но въ одномъ іюньскомъ письмѣ Гоголя къ матери изъ Рима сказано: „Прощайте до слѣдующаго письма. Для лучшаго и исправнѣйшаго полученія писемъ, адресуйте въ г. Маріенбадъ, въ Богемію; оттуда оно будетъ ко мнѣ отправлено вѣрнѣйшимъ образомъ“[2]); въ концѣ же сентября въ мнимомъ письмѣ изъ Тріеста, Гоголь, напротивъ, говоритъ: „Меня очень удивило ваше письмо, писанное отъ августа и полученное мною черезъ Богемію. Вы, вѣрно, нехорошо прочитали мое письмо. Я вовсе не писалъ, что буду въ Маріенбадѣ, и тѣмъ болѣе съ намѣреніемъ оттуда ѣхать въ Россію. Черезъ Богемію

---

[1]) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 625, примѣчаніе.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, 379.

я потому просилъ васъ адресовать письма, что мнѣ будутъ отправлены курьеромъ вдвое скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ по почтѣ". Между тѣмъ положительно извѣстно, что Гоголь былъ лѣтомъ 1839 года въ Богеміи и, въ частности, въ Маріенбадѣ. Такое противорѣчіе сомнительно уже само по себѣ, но еще подозрительнѣе то, что въ письмѣ отъ 28 октября, написанномъ будто бы изъ Вѣны, Гоголь говоритъ: „Итакъ, я сегодня выѣзжаю въ Россію; черезъ мѣсяца $1^1/_2$ или два буду въ Петербургѣ", — тогда какъ онъ въ то время уже болѣе мѣсяца прожилъ въ Москвѣ и вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ. Такъ представляется это дѣло по соображенію всѣхъ данныхъ. Причиной же такой странной мистификаціи было, можетъ-быть, опасеніе Гоголя, чтобы мать, сильно жаждавшая повидаться съ нимъ, не пріѣхала слишкомъ рано къ Погодину, тогда какъ Гоголю и безъ того неловко было помѣщать на долгое время у него всю семью, — или же какое-нибудь иное практическое соображеніе. Для разрѣшенія подобнаго сомнѣнія было бы важно видѣть самыя письма, если бы они сохранились, такъ какъ отдѣльныхъ конвертовъ въ то время еще не существовало. Издатель писемъ Гоголя, г. Кулишъ, вообще говоря, прекрасно выполнилъ свою задачу, но до появленія книги Аксакова о Гоголѣ, а также книги Погодина „Годъ въ чужихъ краяхъ", онъ, конечно, не могъ и предвидѣть, что кому-нибудь впослѣдствіи можетъ понадобиться такая мелочь, какъ почтовое клеймо на оборотѣ письма. — Но 12 сентября Гоголь былъ въ Варшавѣ [1]), а затѣмъ цѣлый рядъ ясныхъ данныхъ въ недавно напечатанныхъ письмахъ И. И. Срезневскаго къ матери рѣшительно устраняетъ послѣднее сомнѣніе въ томъ, что Гоголь, надписывая на письмахъ, будто бы они были посланы изъ Вѣны и Тріеста, писалъ ихъ на самомъ дѣлѣ изъ Москвы. Въ письмѣ отъ *7 октября* 1839 года Срезневскій говоритъ: „Погодинъ только-что воротился изъ-за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ русскимъ испанцемъ. Онъ молодой человѣкъ, хорошенькій собой, умненькій, любящій все славянское, все малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій" [2]).

---

1) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0935—0937.

2) «Живая Старина», 1892, вып. I, стр. 66. — Далѣе къ Гоголю относятся слѣ-

Но оставимъ это странное противорѣчіе, обративъ еще вниманіе лишь на то, что упомянутая выше записка Щепкина должна передавать вполнѣ точное сообщеніе, которое притомъ вѣрно и живо характеризовало отношенія къ Гоголю москвичей и, цѣнное въ этомъ смыслѣ, разумѣется, вполнѣ заслуживало того вниманія, которое обратилъ на него Аксаковъ[1]).

II.

Общее содержаніе въ высшей степени интереснаго разсказа Аксакова и особенно дѣлаемыя имъ замѣчанія и характеристики, безъ сомнѣнія, очень цѣнны. Отсылая читателей къ прекрасному и обстоятельному разсказу Аксакова о жизни Гоголя въ Москвѣ и ихъ общей поѣздкѣ въ Петербургъ, обратимъ здѣсь вниманіе лишь на замѣченную Аксаковымъ перемѣну въ отношеніяхъ къ нему Гоголя. „Казалось, какъ бы могло", — говоритъ Аксаковъ, — „пятилѣтнее отсутствіе, безъ письменныхъ сношеній, такъ сблизить насъ съ Гоголемъ? По чувствамъ нашимъ мы, конечно, имѣли полное право на его дружбу и, безъ сомнѣнія, Погодинъ, знавшій насъ очень коротко, передалъ ему подробно обо всемъ, и Гоголь почувствовалъ, что мы точно его настоящіе друзья" [2]). Итакъ, въ Москвѣ у Гоголя, кромѣ Щепкина, Погодиныхъ и Шевыревыхъ, прибавилось теперь еще одно сердечно расположенное къ нему и высоко имъ цѣнимое семейство. Если довѣрять разсказу Аксакова, — а сомнѣваться въ его справедливости мы не имѣемъ основанія, — то пріѣздъ Гоголя въ Москву, прежде чѣмъ онъ поѣхалъ взять сестеръ изъ института, при его стѣснительныхъ матеріальныхъ условіяхъ и несомнѣнномъ утомленіи отъ долгой дороги, долженъ быть объясненъ дѣйствительнымъ располо-

---

дующія строки: «Щепкинъ страстный любитель всего малороссійскаго. Я передалъ ему «Москаля Чаривника». Онъ издаетъ его какъ вторую книжку Украинскаго Сборника, и Гоголь будетъ держать корректуру, а издавши поставитъ на малороссійскомъ театрѣ» (тамъ же, стр. 71).

[1]) Это важно потому, что силясь воспроизводить по памяти мелкія подробности, С. Т. Аксаковъ могъ легко впадать въ неточности даже тамъ, гдѣ у него стоятъ опредѣленныя цыфры. Такъ, онъ дѣлаетъ ошибку на стр. 8, говоря, будто въ 1834 г. Гоголь издалъ уже «Арабески» и «Миргородъ».

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 16.

женіемъ его къ московскимъ друзьямъ, съ которыми онъ имѣлъ случай еще болѣе сойтись въ Римѣ. Еще менѣе мы должны сомнѣваться въ томъ, что не только Гоголя, какъ говорится, тянуло къ нимъ, но онъ и съ ихъ стороны нашелъ самый радушный пріемъ и почувствовалъ себя въ родной сферѣ и обстановкѣ, чѣмъ всего лучше объясняется и внезапная его привѣтливость и симпатія къ дому Аксаковыхъ. Какъ извѣстно, Гоголь совершенно измѣнялся, переходя изъ близкаго круга въ общество людей постороннихъ и наоборотъ. Это же самое произошло и теперь: благодаря разсказамъ Погодина о пламенной и безкорыстной любви къ нему Аксаковыхъ, онъ и самъ, конечно, почувствовалъ къ нимъ пріязнь и сталъ ихъ считать своими. Такое начало должно было въ ближайшемъ времени повести ихъ къ тѣмъ болѣе тѣсному сближенію, что Гоголь не могъ не оцѣнить широкаго сердца старика Аксакова, доказывавшаго ему на каждомъ шагу свое расположеніе самымъ дѣломъ и до того осыпавшаго его немаловажными услугами, что такимъ великодушіемъ и безпредѣльной добротой не могъ бы не тронуться самый черствый человѣкъ. Самое общеніе съ Аксаковымъ имѣло весьма счастливое дѣйствіе на Гоголя: въ продолженіе всей дороги до самаго Петербурга Гоголь шутилъ и заставлялъ своихъ спутниковъ хохотать до упада, хотя, по наблюденіямъ того же Аксакова, несмотря на личину веселости, онъ былъ сильно разстроенъ. Причины удручавшихъ Гоголя печалей намъ извѣстны, но зато тѣмъ болѣе намъ разъясняется теперь вліяніе на него теплаго, въ высшей степени сердечнаго обхожденія съ нимъ Аксакова, относившагося къ нему съ вниманіемъ вполнѣ преданнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, каждая страница воспоминаній послѣдняго дышетъ истиннымъ, не часто встрѣчаемымъ въ жизни дружескимъ чувствомъ. Съ какой любовью онъ говоритъ о характерѣ, привычкахъ Гоголя, о состояніи его здоровья! Болѣзненность и необычайная зябкость Гоголя уже тогда сильно бросались въ глаза, и все это Аксаковъ замѣчалъ и потомъ занесъ въ свои воспоминанія... Уже самая мысль записать все, что̀ такъ или иначе имѣло отношеніе къ жизни Гоголя, не принадлежитъ къ числу часто исполняемыхъ у насъ и доказываетъ, до какой степени онъ дорожилъ малѣйшей чертой, касавшейся его друга...

Въ Петербургѣ Гоголю пришлось улаживать разныя денежныя затрудненія: „По поводу моихъ сестеръ“, — жаловался онъ, — „столько мнѣ дѣлъ и потребностей денежныхъ, какъ я никогда не ожидалъ: за одну музыку и за братые ими уроки нужно заплатить болѣе тысячи, да притомъ на обмундировку, то, другое, такъ что у меня голова кружится“ [1]). Одной изъ крупныхъ непріятностей для Гоголя было то, что ему не удавалось устроить своихъ сестеръ въ Петербургѣ даже на короткое время до своего отъѣзда. „Е. Г. Черткова, съ которой Гоголь былъ очень друженъ, не взяла его сестеръ къ себѣ, хотя очень могла бы это сдѣлать; у другихъ знакомыхъ помѣстить было невозможно“ [2]). Жуковскій обѣщалъ похлопотать у императрицы, но, какъ нарочно, императрица въ то время занемогла, и Жуковскій не рѣшался утруждать ее. (Обратиться къ Жуковскому посовѣтовалъ на этотъ разъ Погодинъ) [3]). Обо всемъ этомъ мы имѣемъ согласныя свѣдѣнія во всѣхъ нашихъ источникахъ, но у Аксакова прямо и опредѣленно указываются факты, тогда какъ, напр., въ письмѣ Гоголя къ Погодину находимъ лишь общій загадочный намекъ („Надѣюсь на Жуковскаго, но до сихъ поръ никакого вѣрнаго отвѣта не получилъ. Правда, что время не очень благопріятное“) [4]). Между тѣмъ въ Петербургѣ пріѣздъ Гоголя возбудилъ непріятные для него толки и разговоры, и онъ неудержимо стремился возвратиться въ Москву. Аксаковъ сообщаетъ много любопытнаго о петербургскихъ впечатлѣніяхъ Гоголя и особенно о его мученіяхъ подъ давленіемъ настоятельной необходимости во что бы то ни стало достать деньги, нужныя при выпускѣ сестеръ. Благородный поступокъ Аксакова, предложившаго ему взаймы 2.000 рублей, его утонченная деликатность и великодушіе должны были окончательно упрочить признательность къ нему въ сердцѣ Гоголя. Впечатлѣніе его передано Аксаковымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Видно, въ словахъ моихъ и на лицѣ моемъ выражалось столько чувства правды, что лицо Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось луче-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 389.
2) «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, т. V, стр. 358.
3) «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, т. V, стр. 357.
4) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 389.

зарнымъ. Вмѣсто отвѣта, онъ благодарилъ Бога за эту минуту, за встрѣчу на землѣ со мной и моимъ семействомъ, протянулъ мнѣ обѣ свои руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абрамцева въ Москву и прощаясь со мной не надолго"[1]).

Въ половинѣ ноября Гоголь взялъ сестеръ изъ института и могъ бы немедленно двинуться обратно въ Москву, но принужденъ былъ дожидаться Аксакова. И здѣсь его преслѣдовали неудачи. Еще въ письмѣ къ Погодину отъ 4-го ноября онъ говорилъ: „Не вижу часу ѣхать въ Москву, и весь бы летѣлъ къ вамъ сію же минуту"[2]), и сокрушался при мысли о возможныхъ проволочкахъ: „Боже, если я и къ 20 ноябрю (sic) не буду еще въ Москвѣ!" Но самъ онъ не умѣлъ ухаживать за институтками-сестрами и долженъ былъ помѣстить ихъ до дня отъѣзда у Балабиныхъ. По нелицепріятному свидѣтельству Аксакова, Гоголь при посѣщеніи имъ сестеръ въ институтѣ и позднѣе производилъ на него впечатлѣніе самаго нѣжнаго брата, но не умѣвшаго, однако, съ ними обходиться. Гоголь очень занимался своими сестрами: „онъ самъ покупалъ все нужное для ихъ костюма, нерѣдко терялъ записки нужныхъ покупокъ, которыя онѣ ему давали, и покупалъ совсѣмъ не то, что̀ было нужно; а между тѣмъ у него была маленькая претензія, что онъ во всемъ знаетъ толкъ и умѣетъ купить хорошо и дешево"[3]). Въ Петербургѣ, по словамъ Аксакова, не понимали и бранили Гоголя; ухаживать за сестрами онъ не умѣлъ и не зналъ, какъ съ ними обращаться; большинство впечатлѣній въ Петербургѣ было для него тяжелое; дальнѣйшее пребываніе въ такомъ положеніи становилось съ каждымъ днемъ невыносимѣе, а уѣхать въ Москву все-таки не удавалось. Всего ужаснѣе въ этой пыткѣ было то, что ему не хотѣлось долго оставлять своихъ сестеръ у Репниныхъ, тѣмъ болѣе, что тамъ ничѣмъ не могли на нихъ угодить. Онѣ были помѣщены тамъ съ 18-го ноября и пробыли почти мѣсяцъ. По старой дружбѣ, Репнины и Балабины ухаживали за ними,

---

1) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 23.
2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 392.
3) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 26.

какъ умѣли, но не могли ничѣмъ побѣдить ихъ институтской застѣнчивости. Елизавета Васильевна Гоголь (въ замужествѣ Быкова) сама признавалась впослѣдствіи, что онѣ съ сестрой не пили по утрамъ чаю, упорно отказывались отъ пищи, несмотря ни на какія угощенія, и потихоньку ѣли угли отъ голода. „Мнѣ приходилось сидѣть“, — вспоминала она, — „рядомъ съ однимъ изъ сыновей Балабиныхъ; я просила сестру Аннетъ помѣняться мѣстами (она сидѣла рядомъ съ Marie Балабиной), — она каждый разъ соглашалась, но когда приходило время садиться, у нея не хватало храбрости, и я со слезами на глазахъ садилась на свое старое мѣсто“[1]). Ѣхать, не дожидаясь Аксакова, Гоголю мѣшало неимѣніе прислуги и общества для сестеръ; притомъ, какъ мы видѣли, онъ нуждался при обхожденіи съ робкими молодыми дѣвушками въ помощи болѣе опытныхъ и привычныхъ людей. Однажды у него сорвались по поводу этихъ невзгодъ слова горькой досады: „Всему виной Аксаковъ. Онъ меня выкупилъ изъ бѣды, онъ же и посадилъ“[2]). Наконецъ, томленіямъ Гоголя наступилъ давно желанный предѣлъ и съ облегченнымъ сердцемъ онъ возвратился въ Москву къ самому исходу 1839 года. За этотъ промежутокъ времени мысли о драмѣ были отложены, хотя Гоголь и подумывалъ изрѣдка о напечатаніи комедіи въ „Сынѣ Отечества“ и „Библіотекѣ для Чтенія“. Гоголь остановился у Погодина и ждалъ свиданья съ матерью, чтобы затѣмъ при первой возможности возвратиться въ Римъ.

Возможность эта представилась, когда онъ получилъ отъ Жуковскаго 4.000 р. Въ порывѣ восторга онъ писалъ: „Римъ мой! А о благодарности нечего и говорить: она сильна. Я употреблю все и, дастъ Богъ, выплачу мой долгъ“[3])... Оставалось повидаться съ матерью и устроить домашнія дѣла. Одну изъ сестеръ Гоголю удалось помѣстить у П. И. Раевской, пріятельницы его знакомой А. П. Елагиной. По словамъ покойной А. В. Гоголь (въ письмѣ ко мнѣ), Гоголь, „прежде совсѣмъ не зналъ Раевской, но ему посовѣтовали помѣстить сестру въ этомъ почтенномъ семействѣ, и тогда

---

[1]) «Русь», 1885, № 26, стр. 7. Ср. о нихъ въ біогр. Погодина, т. V, стр. 356—358.
[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 392.
[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 395.

только онъ познакомился съ ними". Г. Кулишъ въ „Запискахъ о жизни Гоголя", передаетъ со словъ А. П. Елагиной, что однажды, заѣхавъ къ ней на минуту, чтобы отправиться потомъ къ Раевской, Гоголь, положилъ руки на столъ и погрузился въ глубокое раздумье, выказывая при напоминаніяхъ матери совершенное нерасположеніе ѣхать. Напрасно Марья Ивановна торопила его: очевидно было, что ему приходилось дѣлать надъ собой тяжелое усиліе. Замѣтивъ это, Елагина вызвалась ѣхать вмѣсто него и получила на это согласіе...[1]) Когда счастливый случай послалъ ему въ лицѣ молодого Панова товарища въ поѣздкѣ, то оставаться въ Москвѣ уже не было причинъ, и 18-го мая онъ выѣхалъ изъ нея въ Италію, получивъ, между прочимъ, обѣщаніе отъ Константина Сергѣевича Аксакова, что онъ вскорѣ также послѣдуетъ за нимъ туда. Уговаривая послѣдняго посѣтить излюбленную имъ страну, Гоголь преслѣдовалъ не одинъ эгоистическій интересъ: ему хотѣлось „перенести своего юнаго пріятеля изъ отвлеченнаго міра мысли въ міръ искусства"[2]). Въ концѣ нашего обзора главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Гоголя въ Москвѣ въ первой половинѣ 1840 г. укажемъ особенно на вынесенное семействомъ Аксаковыхъ заключеніе о пристрастіи Гоголя къ Италіи: „Намъ казалось, что Гоголь не довольно любитъ Россію, что итальянское небо, свободная жизнь посреди художниковъ, роскошь климата, поэтическія развалины славнаго прошедшаго, — все это вмѣстѣ бросало невыгодную тѣнь на природу нашу и нашу жизнь"[3]). А въ Россіи въ это время уже чрезвычайно высоко ставили Гоголя. Такъ Великопольскій, задумавъ какое-то литературное предпріятіе, писалъ Погодину: „Не могу ли я черезъ васъ достать отъ Гоголя отрывка изъ „Мертвыхъ Душъ?"[4]).

III.

Воспоминанія С. Т. Аксакова, такъ ярко рисующія во всѣхъ подробностяхъ жизнь Гоголя въ Москвѣ, при всей своей несомнѣнной правдивости и полнотѣ, все-таки не исчерпываютъ

---

1) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 261.

2) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 24.

3) Тамъ же, стр. 36.

4) «Жизнь и труды Погодина», т. V, стр. 324.

безусловно всѣхъ его тогдашнихъ стремленій и интересовъ. Пробѣлъ въ этой мастерской картинѣ заключается преимущественно въ томъ, что завѣтныя надежды и планы Гоголя оставались не вполнѣ извѣстными Аксакову, такъ что о нихъ мы можемъ полнѣе судить уже по другимъ источникамъ, и притомъ, главнымъ образомъ, по письмамъ Гоголя къ Жуковскому, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ". Какъ извѣстно, Гоголь не былъ большимъ охотникомъ посвящать въ свои тайныя намѣренія самыхъ дорогихъ для него людей, а Аксаковъ уже въ силу врожденной деликатности и благородства своего характера не стремился проникать въ то, чтò отъ него скрывалось, не считая возможнымъ даже подвергать контролю вѣроятность возвращенія ему въ близкомъ будущемъ занятой для Гоголя суммы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ представлялъ особенно рѣзкую противоположность Погодину, который, будучи связанъ съ Гоголемъ гораздо болѣе продолжительными и близкими отношеніями, не стѣснялся, однако, очень скоро начать довольно ощутительно давать чувствовать Гоголю, что дорогой его пріятель ни на минуту не забываетъ въ немъ должника[1]). Но былъ у Гоголя, кромѣ Аксакова, еще другой вполнѣ преданный и совершенно безкорыстный покровитель и другъ, обращаться къ которому было для Гоголя часто въ то же время и настоятельной необходимостью, и наиболѣе надежнымъ рессурсомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Такимъ истиннымъ доброжелателемъ былъ для Гоголя, разумѣется, Жуковскій.

Еще передъ выѣздомъ изъ Рима Гоголю пришлось обратиться къ маститому поэту, когда онъ понемногу долженъ былъ убѣдиться, что предстоящая поѣздка въ Россію „неотразима". Мы не знаемъ, насколько справедливо, что за однѣхъ сестеръ Гоголю надо было заплатить нѣсколько тысячъ въ Петербургѣ; но если это было имъ даже преувеличено, то во всякомъ случаѣ уже его собственное матеріальное положеніе было тогда далеко не блестяще: онъ находился въ такой нуждѣ, что, даже оставаясь спокойно въ Римѣ, былъ бы принужденъ позаботиться о поправленіи

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 54—55 и 117 и «Соч. и письма Гоголя», V т., 438. Замѣтимъ, что требованіе Погодина прислать ему за долгъ что-ни-

своихъ незавидныхъ обстоятельствъ. Жуковскому онъ жаловался и, конечно не безъ основанія, — что „послалъ въ Петербургъ за послѣдними деньгами и больше ни копѣйки; впереди нѣтъ совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ“ [1]). Тогда-то подъ давленіемъ нужды зародилась у Гоголя мысль хлопотать о полученіи какой-нибудь должности въ Римѣ, чтобы имѣть небольшое, но вѣрное обезпеченіе. Жаль только, что предположенія Гоголя не всегда бывали легко осуществимы, и потому просьбы хлопотать за него должны были, по всей вѣроятности, не мало затруднять не привыкшаго ни въ чемъ отказывать Жуковскаго. Въ своихъ просительныхъ письмахъ Гоголь, какъ обыкновенно поступаетъ въ подобныхъ случаяхъ большинство нуждающихся, не столько взвѣшивалъ возможность осуществленія возникающихъ плановъ, сколько настаивалъ на необходимости изыскать для него сколько-нибудь удовлетворительный источникъ безбѣднаго существованія. Его соблазняла тогда участь Иванова.

IV.

Когда лѣтомъ 1839 г. Гоголь былъ вынужденъ оставить на время Римъ по семейнымъ дѣламъ, сердечныя отношенія его къ Иванову уже установились окончательно. Затѣмъ по пріѣздѣ въ Римъ наслѣдника и Жуковскаго, Гоголь много времени проводилъ съ послѣднимъ, показывая ему городъ, восхищаясь ландшафтами и рисуя вмѣстѣ съ натуры. Въ эту пору Ивановъ, мало знакомый съ Жуковскимъ, не привыкшій къ требованіямъ оффиціальныхъ условій, рѣже встрѣчался съ Гоголемъ, и, находясь въ какомъ-то напряженномъ состояніи, „жилъ по-петербургски“. „Дѣлали визиты то тому, то другому“, жалуется онъ въ письмѣ къ отцу на временное нарушеніе своей спокойной жизни свободнаго художника, „принимали къ себѣ въ мастерскія князей и графовъ съ фамиліями; втолковывали имъ итоги нашего здѣсь пребыванія, и наконецъ рады, рады были, что все это разъѣхалось, ос-

---

будь въ журналъ было заявлено именно въ отвѣтъ на новый заемъ Гоголя, о которомъ см. въ «Соч. и письмахъ Гоголя», т. V, стр. 436. Гоголь долженъ былъ прислать повѣсть «Римъ» («Русск. Архивъ», 1890, VIII, 51).

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0932.

тавя намъ, вмѣсто бритья, щетокъ, фрака — кисти и палитру, — и, одѣвшись въ полуразбойническое платье, я подмалевалъ всю *мою большую картину*" [1]).

Тотчасъ же послѣ этого невольнаго перерыва Ивановъ снова съ головой погрузился въ чудный міръ творчества и снова блаженствовалъ наединѣ съ собой, стараясь уловить и передать кистью образы, создаваемые его воображеніемъ; онъ опять уносился сердцемъ и мыслями во времена Христа и апостоловъ; Гоголя по прежнему онъ часто навѣщалъ. По свидѣтельству Погодина, въ воспоминаніяхъ послѣдняго о Шевыревѣ, во время ихъ пріѣзда въ Римъ въ 1839 году, они всѣ трое (Гоголь, Шевыревъ и Погодинъ) проводили большую часть времени въ обществѣ Иванова [2]). Когда однажды, 25 марта 1839 г., Гоголь привелъ къ нему въ студію Погодина и Шевырева, то Ивановъ снова былъ уже совершенно въ своей обычной сферѣ. Погодинъ такъ описываетъ въ своемъ дневникѣ эту первую встрѣчу съ Ивановымъ: „Мы увидѣли въ комнатѣ Иванова ужасный безпорядокъ, но такой, который тотчасъ даетъ знать о принадлежности своей художнику. Стѣны исписаны разными фигурами, которая мѣломъ, которая углемъ; вотъ группа, вотъ цѣлый эскизъ. Тамъ виситъ прекрасный дорогой эстампъ, здѣсь приклеенъ или прилѣпленъ какой-то очеркъ. Въ одномъ углу на полу валяется рухлядь, въ другомъ — исчерченные картоны. Самъ онъ въ простой холстинной блузѣ, съ долгими волосами, которыхъ онъ не стригъ, кажется, года два, съ палитрой въ одной рукѣ, съ кистью въ другой, стоитъ одинъ одинехонекъ передъ нею, погруженный въ размышленіе" [3]). Вотъ такая-то жизнь казалась идеальною Гоголю, и онъ ничего для себя не желалъ бы иного, какъ только также работать на свободѣ и въ уединеніи надъ „Мертвыми Душами"; то, что было уже достигнуто Ивановымъ, хотя и на короткое время, въ отношеніи внѣшнихъ условій, являлось только предметомъ горячихъ и не совсѣмъ осуществимыхъ мечтаній для Гоголя, писавшаго около того же времени Жуковскому: „Если бы мнѣ такой

---

[1]) Боткинъ. «А. А. Ивановъ», стр. 117—118.

[2]) Воспоминанія С. П. Шевырева, стр. 23.

[3]) «Годъ въ чужихъ краяхъ».

пенсіонъ, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при церкви, то я бы протянулся тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле"[1]).

Мысль его получить пенсіонъ, равный выдаваемому воспитанникамъ академіи художествъ въ Римѣ, не имѣла, разумѣется, никакого основанія, и гораздо удобнѣе было Жуковскому просто обратиться къ Государю съ просьбой для него о нѣкоторой субсидіи. Гоголь прекрасно сознавалъ это и потому тотчасъ же замѣняетъ свою первую просьбу предложеніемъ снова испробовать однажды уже счастливо удавшееся средство. Какъ года два тому назадъ онъ получилъ крупное вознагражденіе за поднесенный Государю экземпляръ „Ревизора", такъ теперь онъ проситъ Жуковскаго въ надеждѣ на новую награду: „Найдите случай и средство указать какъ-нибудь Государю на мои повѣсти: „Старосвѣтскіе Помѣщики" и „Тараса Бульбу". Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми онѣ изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибы ихъ прочелъ Государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплота, чувство и что̀ пишется прямо отъ души. О, меня что-то увѣряетъ, что онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія"[2]). Будучи убѣжденъ во всегдашней готовности Жуковскаго чѣмъ можно помочь ему, Гоголь и въ слѣдующемъ письмѣ основываетъ свои просьбы о ходатайствѣ за него предъ трономъ, главнымъ образомъ, на своихъ нуждахъ. „Мнѣ нужно", — говорилъ онъ, — „на экипировку сестеръ, на заплату за музыку, учителямъ во все время ихъ пребыванія въ институтѣ, около 5000 р. и, признаюсь, это на меня навело совершенный столбнякъ. Объ участи своей я не забочусь: мнѣ нуженъ воздухъ, да небо, да Римъ"[3]). Въ этомъ письмѣ Гоголь проситъ Жуковскаго поговорить о немъ съ императрицей.

---

1) «Русскій Архивъ», 1871 г. IV—V, 0934.

2) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0934.

3) Тамъ же, 0935.

Гостя въ Россіи, Гоголь не переставалъ тосковать о Римѣ, но долго не могъ добиться желаемой возможности сколько-нибудь удовлетворительно устроить собственныя дѣла и дѣла своего семейства. Несомнѣнно одно, — что онъ никакъ не ожидалъ сначала, чтобы ему пришлось остаться въ Россіи больше полугода; самое меньшее, на что̀ онъ разсчитывалъ, что ему придется вернуться въ Италію не позже марта, о чемъ онъ ясно говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Иванову, вскорѣ послѣ ихъ разлуки. „Я, къ сожалѣнію, не буду въ Римѣ раньше февраля. Никакъ не могу отклониться отъ неотразимой для меня поѣздки въ Петербургъ. Но въ февралѣ непремѣнно намѣренъ очутиться на Via Felice и на моей старой квартирѣ и вновь примемся за capreto arrosto и asciuto“, и черезъ нѣсколько строкъ еще разъ прибавляетъ: „*Я буду непремѣнно,* если не въ февралѣ, то въ мартѣ *непремѣнно*“ [1]). Сообразно съ этими предположеніями Гоголь черезъ Иванова давалъ даже кое-какія инструкціи своему квартирному хозяину; но вышло иначе.

Въ промежутокъ своей полуторамѣсячной жизни въ Петербургѣ, Гоголь получилъ предложеніе отъ Смирдина продать послѣднему предполагаемое имъ собраніе его сочиненій, но за весьма умѣренный гонораръ. По разсчету Гоголя оказывалось, что Смирдинъ хотѣлъ безцеремонно эксплуатировать его въ тяжелую пору денежнаго безвременья. И въ самомъ дѣлѣ, предлагаемыя имъ девять тысячъ за всѣ три тома [2]), — тогда какъ за однѣ только комедіи Гоголю давали охотно 6.000, — являются болѣе чѣмъ скромной цыфрой. Другой книгопродавецъ, Ширяевъ, вызывался тогда же дать 16.000, если только въ собраніе сочиненій Гоголя будутъ включены также „Мертвыя Души“. „Нужно же“, — жалуется Гоголь Жуковскому, — „какъ нарочно, чтобы мнѣ именно случилась надобность въ то время, когда меня болѣе всего можно притѣснить и сдѣлать изъ меня безгласную, страдающую жертву“. Но какъ ни стѣсненъ былъ Гоголь нахлынувшими со всѣхъ сторонъ неизбѣжными расходами, ему удалось, благодаря все той же великодушной рукѣ Жуковскаго, найти болѣе благо-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 386.

2) Но и эту цыфру Смирдинъ назначилъ не сразу: вначалѣ ему было предложено только пять тысячъ («Русск. Архивъ», 1890, VIII, 32).

пріятный исходъ. Ему только-что предстояла ужасающая перспектива, для удовлетворенія желаній книгопродавцевъ, изуродовать свое любимѣйшее произведеніе и выпустить въ свѣтъ нáскоро, безъ надлежащей обработки, преступно обративъ плодъ вдохновенія въ денежную спекуляцію. Но если Гоголь считалъ возможнымъ принимать милости двора, то потому конечно, что въ его время и въ его средѣ былъ распространенъ нѣсколько легкій взглядъ на пользованіе ими, но онъ все-таки никогда не могъ допустить мысли сдѣлаться литературнымъ барышникомъ. Все это чрезвычайно важно для сужденія о тѣхъ его поступкахъ, которые были вынуждены извѣстной намъ тяжелой альтернативой. Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ трудныя минуты Гоголь допускалъ мысль по возможности ускорить окончаніе „Мертвыхъ Душъ", но онъ мужественно побѣждалъ соблазнъ и тѣмъ болѣе не могъ не сочувствовать и не проникаться уваженіемъ къ святой выдержкѣ Иванова, такъ стойко и благородно переносившаго на его глазахъ всѣ невзгоды для своего горячо любимаго труда. О минутномъ колебаніи Гоголя въ указанномъ выше смыслѣ, кажется, можно заключить по слѣдующимъ строкамъ письма его къ Жуковскому: „Я рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать всѣхъ средствъ если не отразить, то отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ-нибудь на годъ уѣхать какъ можно скорѣе въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму, а весну приняться горячо за работу *и, если можно, кончить романъ въ одинъ годъ*"[1]). Намъ кажется, что этимъ такъ мало обращающимъ на себя вниманія при чтеніи отдѣльнаго письма строкамъ, напротивъ, необходимо придать особенное значеніе для правдивой оцѣнки дѣйствій и намѣреній Гоголя. Эти строки въ связи съ остальной перепиской Гоголя неожиданно проливаютъ яркій свѣтъ на ужасную, полную глубокаго трагизма внутреннюю борьбу, которую подавлялъ и хоронилъ въ себѣ Гоголь, поставленный въ необходимость для своего семейства принести ужаснѣйшую изъ жертвъ для истиннаго художника. Но не склонилъ онъ головы до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни и не сдѣлался литературнымъ барышникомъ,

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0941 и 0938.

хотя много помогъ ему и въ этой ужасной „битвѣ съ жизнью“ Жуковскій, всегда бывшій для него, какъ и Пушкинъ, добрымъ геніемъ. Тотчасъ за вышеприведенными строками Гоголь прибавляетъ: „Я придумалъ вотъ что́: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4.000 рублей и дайте мнѣ взаймы на годъ. Черезъ годъ я даю вамъ слово, если только не обманутъ меня силы, и я не умру, выплатить вамъ ее съ процентами. Это мнѣ дастъ средство какъ-нибудь и сколько-нибудь выгрузиться изъ моихъ обстоятельствъ и возвратить на сколько-нибудь меня мнѣ“ [1]). Мысль эта запала Гоголю, когда онъ гостилъ еще у Жуковскаго въ Петербургѣ, но она камнемъ лежала на душѣ его и высказать ее онъ рѣшился только на бумагѣ, уже вернувшись въ Москву, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ начала письма: „Нѣсколько разъ брался за перо писать къ вамъ и какъ деревянный стоялъ передъ столомъ: казалось, какъ будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла“ [2]). Вотъ еще любопытный пока не напечатанный отрывокъ изъ письма къ В. А. Жуковскому изъ Москвы, мая 3 1840 г:

„Мнѣ что-то говоритъ внутренно, что вы сдѣлаете мнѣ доброе дѣло. Вы можете это обстоятельство представить Государю Наслѣднику и расположить его въ мою пользу и написать отъ себя письмо объ этомъ къ Кривцову. Еслибъ Великій князь, увидѣвши Кривцова, что̀ вѣрно случится, изъявилъ бы ему объ этомъ хотя малѣйшее свое желаніе, то я увѣренъ, что Кривцовъ тогда бы изо всѣхъ силъ просилъ, чтобы меня дали ему въ секретари.

Но я знаю также, что все доброе и великодушное на свѣтѣ есть само по себѣ уже голь. И лохмотье ему дается, какъ звѣзда на грудь или Анна на шею за труды!“

Свои права на милость свыше Гоголь основывалъ на слѣдующемъ соображеніи: „Здѣсь, въ Римѣ, около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ академіи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ

---

1) Тамъ же, 0941.

2) Тѣмъ выше долженъ былъ представляться Гоголю извѣстный намъ благородный поступокъ С. Т. Аксакова.

получаютъ по три тысячи въ годъ". Такимъ образомъ положеніе Гоголя среди русскихъ художниковъ въ Римѣ становилось довольно оригинальнымъ; съ одной стороны онъ считался въ ихъ кружкѣ и самъ сознавалъ себя силой, способной протянуть руку помощи и оказать покровительство; съ другой — собственныя матеріальныя условія его были гораздо менѣе обезпечены и онъ совершенно не могъ поручиться за свой завтрашній день. Гоголь даже самъ не могъ дать себѣ строгаго отчета, какую должность ему удобнѣе было просить: ему нужна была только синекура. Неудивительно, что, узнавъ о назначеніи начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ Кривцова, Гоголь захотѣлъ было получить при немъ должность конференцъ-секретаря.

По полученіи отъ Жуковскаго желаемыхъ четырехъ тысячъ Гоголь, зарывшись въ долги, почувствовалъ себя нравственно еще въ худшемъ положеніи; приходилось подумать о томъ, какъ ихъ выплатить, и больше не оставалось никакого средства, какъ только завести рѣчь о какой-нибудь должности въ Римѣ. Между тѣмъ, когда прошелъ слухъ, вскорѣ оказавшійся вѣрнымъ, — что родственникъ Репниныхъ, Павелъ Ивановичъ Кривцовъ, получивъ мѣсто начальника открывающейся въ Римѣ русской академіи художествъ, предполагаетъ еще установить должность секретаря съ окладомъ въ 1.000 р. въ годъ, то это-то мѣсто и захотѣлъ получить Гоголь, о чемъ снова просилъ своихъ вліятельныхъ друзей: Жуковскаго, гр. Толстого и кн. Вяземскаго. О желаніи его было извѣстно и Аксакову. При своей крайней неприхотливости и вполнѣ суровомъ образѣ жизни (начиная съ сороковыхъ годовъ) Гоголь надѣялся, получая 1.000 р. въ годъ, спасти себя отъ тины вѣчныхъ долговъ и одолженій, а еще болѣе не обременять свою совѣсть и не насиловать талантъ, призванный создать великое и, какъ онъ думалъ, спасительное для Россіи въ моральномъ отношеніи произведеніе. Но судьба отказала ему и въ этомъ желаніи, и ему пришлось снова терзаться этими требованіями совѣсти и заботами о существованіи. Что долги его страшно тяготили, понятно само собой и подтверждается тѣмъ же письмомъ къ Жуковскому отъ 3 мая 1840 г., гдѣ онъ прямо говорилъ: „О, еслибы вы знали, какъ мучается моя бѣдная совѣсть, что существованіе мое повисло на плечи великодушныхъ друзей

моихъ“[1]). Но это было сказано уже тогда, когда ему удалось обезпечить себя хотя въ недалекомъ будущемъ извѣстными денежными средствами отъ продажи своихъ сочиненій. „Деньги получу не вдругъ и не теперь“, — писалъ онъ, — „но вѣрныя. Отъ Погодина вы получите половину въ этомъ году того долга, который вы для меня сдѣлали, благодаря великодушной любви вашей“. Гоголь предполагалъ опять дѣйствовать черезъ Жуковскаго, разсчитывая въ то же время, безъ сомнѣнія, также на свои отношенія къ Балабинымъ и Репнинымъ, находившимся въ близкомъ родствѣ съ Кривцовымъ. Послѣ, когда это не удалось, спустя нѣкоторое время, Кривцовъ самъ предлагалъ Гоголю мѣсто библіотекаря, но Гоголь уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ отвѣтилъ, что если бы Кривцовъ предложилъ ему собственную должность, то онъ и ее бы не принялъ. Но это было уже въ 1841 году, когда въ письмѣ отъ 20 сентября Гоголь писалъ Иванову: „Кривцовъ твердо увѣренъ, что я ищу у него мѣста и сказалъ Жуковскому, что онъ для меня приберегъ удивительное мѣсто... мѣсто библіотекаря еще покамѣстъ несуществующей библіотеки. Итакъ вы видите, что у васъ штатъ готовится огромный и на широкую ногу. Я, однакоже, какъ вы сами догадаетесь, за мѣсто поблагодарилъ, сказавши, что хотя бы Кривцовъ предложилъ мнѣ свое собственное мѣсто, то и его бы не взялъ, по причинѣ другихъ дѣлъ и занятій. Итакъ вы видите, что Кривцовъ намѣренъ оказывать свое покровительство тѣмъ, которые и не нуждаются въ немъ. Стало быть, вамъ будетъ не дурно“[2])... Годомъ прежде Гоголь заранѣе считалъ себя счастливымъ, если ему удастся получить мѣсто при Кривцовѣ, и просилъ, собираясь выѣхать изъ Москвы, дать ему отвѣтъ уже въ Вѣну (poste restante), но имѣлъ огорченіе получить отказъ еще въ Москвѣ. На это указываетъ письмо его къ Жуковскому изъ Москвы же, начинающееся слѣдующими словами: „Что̀ я могу написать къ вамъ! Благодарить только васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе. Богъ мнѣ даетъ вкушать наслажденіе даже

[1]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 470—471 и «Русск. Арх.», 1871, 4—5, 0942. Цитируемое письмо по ошибкѣ отнесено г. Кулишемъ къ 1840 г., но сопоставленіе его съ письмомъ Плетнева къ Жуковскому (Соч. Плетнева, т. III, стр. 535) вполнѣ разъясняетъ дѣло.

[2]) «Сочиненія и письма Гоголя», т. V, стр. 449.

въ минуты самыхъ тяжкихъ сердечныхъ болей. Что̀ жъ дѣлать мнѣ теперь! О Римъ мой, о мой Римъ! — Ничего я не въ силахъ сказать... Но если бы меня туда (sic) перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣтилась душа моя! — Но какъ, гдѣ найти средствъ! Думаю и ничего не могу придумать! Иногда мнѣ приходило въ мысль, неужели мнѣ совершенно не дадутъ средствъ быть на свѣтѣ? Неужели мнѣ не могутъ дать какого-нибудь оффиціальнаго порученія? Неужели меня не могутъ приклеить и засчитать въ какую-нибудь должность?" Послѣднія слова особенно заставляютъ предполагать, что это и былъ отвѣтъ на непредвидѣнный и слишкомъ скоро полученный отказъ. Съ досады на неудачу Гоголь называлъ теперь свое предпріятіе мечтой и утверждалъ, что „это дѣло можно устроить только имѣя въ родствѣ какого-нибудь важнаго дядюшку или тетушку" [1]). Но все-таки онъ не скоро еще отказался окончательно отъ своей надежды и въ письмѣ къ Погодину изъ Рима отъ 17 декабря 1840 г. снова повторяетъ: „Никакихъ извѣстій изъ Петербурга: надѣяться ли мнѣ на мѣсто при Кривцовѣ? По намѣреніямъ Кривцова, о которыхъ я узналъ здѣсь, мнѣ нечего надѣяться, потому что Кривцовъ искалъ на это мѣсто европейской знаменитости по части художествъ. Онъ хотѣлъ имѣть нѣмца Шадова, а потомъ даже хотѣлъ предложить Овербеку" [2]). Гоголь утѣшалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что жалованье, которое о̀нъ получалъ бы на этой должности, было бы ничтожно: „Я равнодушенъ теперь къ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ? На квартиру да на лѣкарства развѣ? На двѣ вещи, равныя ничтожностью и безполезностью". Но слѣдующія тотчасъ за этими словами выдаютъ его раздраженіе: „Если къ нимъ не присоединится еще третья, вѣнчающая все, что̀ влачится на свѣтѣ" (вѣроятно — похороны).

Такимъ образомъ личныя дѣла Гоголя не устроились такъ, ка̀къ онъ желалъ и надѣялся. Не радовали его и обстоятельства домашнихъ. Въ бытность свою въ Москвѣ онъ долженъ былъ заботиться объ устройствѣ сестеръ: уже въ то время, когда онѣ гостили у Погодина, онъ желалъ пріучить

---

1) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0941—0943.

2) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 420.

ихъ къ работѣ надъ переводами, въ надеждѣ доставить имъ этимъ впослѣдствіи средства къ существованію. Предвидя для нихъ въ будущемъ, какъ для дѣвушекъ бѣдныхъ, возможность множества неудачъ и лишеній, онъ всячески старался поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ онѣ научились бы высоко цѣнить трудъ и довольствоваться самымъ необходимымъ. Такой суровый, трудовой образъ жизни удовлетворилъ бы и его нравственнымъ убѣжденіямъ, и практической необходимости, и его-то онъ, подробно развивая свои взгляды, рекомендуетъ въ письмѣ къ воспитательницѣ своей сестры, П. И. Раевской[1]). Въ самомъ дѣлѣ нужда сильно давала себя чувствовать всему семейству на каждомъ шагу, и въ будущемъ разсчитывать было не на что. Такъ горячо любившая Гоголя мать сильно затруднялась пріѣздомъ на свиданье къ нему въ Москву (и могла пріѣхать къ нему, благодаря займу у Данилевскаго), такъ что, не имѣя возможности послать ей денегъ, онъ писалъ ей: „Еслибы вы могли достать себѣ денегъ, хотя только на проѣздъ въ Москву! Тутъ какъ-нибудь и на проѣздъ отсюда я бы добылъ. Мнѣ, признаться, хотѣлось бы, чтобы вы увидѣли Москву“[2]) и проч. Наставленія сестрамъ были у Гоголя всегда одинаковы и свидѣтельствовали о ясно сложившейся программѣ: онъ заботится о ихъ здоровьѣ, предписываетъ имъ ежедневныя прогулки, и о работѣ, которая спасала бы ихъ отъ нужды и отъ праздности[3]).

V.

Одинъ изъ настоятельныхъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, былъ именно вопросъ о томъ, гдѣ лучше жить вновь выпущеннымъ институткамъ — въ городѣ гдѣ-нибудь и преимущественно въ столицѣ, напр. въ Москвѣ, или въ родной деревнѣ съ матерью. Марьѣ Ивановнѣ очень хотѣлось имѣть хотя дочерей при себѣ, и по этому поводу Николай Васильевичъ старался доказать ей необходимость

---

1) Тамъ же, стр. 403—406.

2) Тамъ же, стр. 398.

3) Не лишнее замѣтить, что во время пребыванія въ Москвѣ Гоголь заботился о религіи какъ воспитаніи сестеръ, и съ удовольствіемъ присутствовалъ на урокахъ архимандрита Макарія («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 421).

нного устройства ихъ, ради ихъ пользы и будущности. Лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ ниже приводимый отрывокъ, нигдѣ еще не напечатанный:

„Я горевалъ о васъ, видя ваши терзанія, ваши печали при вѣчныхъ неудачахъ. И вотъ между прочимъ, моя добрая и почтенная маменька, одна изъ причинъ, по которой я бы не хотѣлъ, чтобы сестры мои дорогія оставались въ деревнѣ. Теперь, увы! вы можете быть несравненно скорѣе обмануты, чѣмъ прежде, хотя вы вовсе этого не думаете. Въ вашихъ предположеніяхъ на счетъ будущей участи сестеръ моихъ дышетъ столько материнской нѣжной любви къ нимъ, какой отыскать рѣдко въ комъ-либо другомъ, а доказательство этой любви уже то, что вы даже соглашаетесь на временное отдаленіе ихъ и разлуку съ ними. Да, моя добрая и почтенная маменька, это истина: онѣ въ Васильевкѣ не только не сыщутъ себѣ партіи, но даже могутъ потерять все то, что̀ пріобрѣли онѣ воспитаніемъ, могутъ испортиться, измѣниться характеромъ, могутъ..... Я трепещу за ихъ участь. Обратите только на то вниманіе и разсмотрите, гдѣ у насъ и какое будетъ общество? что̀ у нихъ и какая будетъ компанія? Притомъ уже само по себѣ разумѣется, что гдѣ четыре сестры и притомъ еще такихъ разныхъ характеровъ, изъ которыхъ двѣ ссорятся между собою и теперь, будучи еще въ институтѣ... вообразите, когда онѣ соберутся и будутъ жить вмѣстѣ! Помните между прочимъ, что старшая сестра хочетъ тоже замужъ и сколько уже по одному этому поводу между ними могутъ явиться разныхъ непріятныхъ отношеній! Словомъ, онѣ могутъ создать у васъ въ дому такой сумбуръ, что вамъ покоя и мѣста не будетъ. А о партіи для нихъ я вовсе не составилъ такихъ идей и большихъ мечтаній, какія даже, какъ видно изъ письма вашего, иногда занимаютъ васъ. Нѣтъ, моя добрая маменька, довольно если выйдутъ онѣ за истинно достойныхъ людей съ состояніемъ такимъ, которое было бы достаточно для спокойной, безбѣдной жизни. Вы говорите, что знаете недалеко отъ васъ проживающаго обыкновенно въ Одессѣ какого-то молодого человѣка съ 260.000 годового дохода, который могъ бы быть женихомъ для Аннеты. Это мечта. Объ этомъ нечего и думать. Я тоже знаю многихъ молодыхъ людей, у которыхъ есть и побольше годо-

вого дохода; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы они были женихи для Аннетъ. Будьте увѣрены, что если бы вы и имѣли экипажъ и, какъ говорите, удобность прилично одѣться и прилично выѣхать, то это бы ничуть не помогло. Партіи составляются между равными, и нужно быть для этого порядочнымъ дуракомъ, или слишкомъ оригинальнымъ человѣкомъ, чтобы вдругъ итти наперекоръ своимъ роднымъ, своимъ выгодамъ и отношеніямъ въ свѣтѣ и избрать небогатую, неизвѣстную дѣвушку; или нужно, чтобы для этого дѣвушка была рѣшительно собраніе всѣхъ совершенствъ, прелестей и ума, чего натурально не можетъ представить наша Аничка, впрочемъ добрая дѣвушка, могущая быть хорошею женою. Итакъ, намъ нужно, отбросивши все мечтательное, обратить вниманіе на дѣйствительное. Я не рѣшилъ еще, гдѣ имъ жить. Лучше, я покамѣстъ полагаю, въ Москвѣ, — тамъ у меня есть многіе пріятели и друзья, которые доказали мнѣ на дѣлѣ истинную пріязнь и дружбу; люди съ большимъ умомъ и образованіемъ, которые могутъ быть имъ полезны и совѣтами, и помощью, и обществомъ, то-есть: докончить ихъ образованіе своимъ обращеніемъ съ ними: ибо наше образованіе не въ школѣ, не въ пансіонѣ, но въ свѣтѣ. И вотъ почему я не хотѣлъ, чтобы онѣ провели первый годъ послѣ своего выпуска въ деревнѣ. Пусть онѣ прежде укрѣпятся совершенно въ характерѣ, дадутъ ему твердость и тактъ, безъ котораго онѣ не будутъ счастливы въ свѣтѣ и будутъ похожи на тѣ былинки, которыя колеблются въ ту сторону, куда повѣетъ вѣтеръ. Но въ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ объ этомъ побольше“...

Далѣе въ письмѣ, помѣченномъ въ изданіи г. Кулиша датой: Римъ, ноябрь, 1838, мы встрѣчаемъ въ пропущенномъ отрывкѣ возобновленіе той же темы; именно послѣ словъ: „во всякомъ случаѣ я надѣюсь быть, и мы объ этомъ потолкуемъ“ слѣдуетъ читать:

„На счетъ вашего мнѣнія, что сестры могутъ найти себѣ хорошую партію, живя въ Васильевкѣ, я не согласенъ. По крайней мѣрѣ я никого не вижу въ сосѣдствѣ. А выѣзжать — вопросъ: куда? или въ Полтаву, или въ Миргородъ. Съ этого немного толку, чтобы выѣзжать, для этого нужны деньги, а ихъ-то у насъ съ вами нѣтъ. Что̀ же касается до того, что вы говорите, чтобы онѣ положились во всемъ на вашъ

выборъ и слушались васъ, то это очень тоже трудно. Прошу уладить съ молодыми дѣвицами; ихъ не такъ легко заставить во всемъ слушаться. Доказательство ваша старшая дочь, подъ вашимъ же руководствомъ и при всемъ томъ..... Словомъ, видите, какъ трудно ладить съ молодыми дѣвицами. Вы должны помнить и то, что вы мать, что вы добры и даже слишкомъ добры, и что ваше доброе сердце вамъ препятствуетъ видѣть всѣ недостатки, проникнуть насквозь и обдумать все. Но нечего теперь объ этомъ заботиться. Послѣ я вамъ напишу, что̀ придумаю съ своей стороны лучшимъ, и мы посовѣтуемся... На счетъ же того, что̀ вы пишете объ Васильевкѣ, то это была только мысль, вовсе не намѣреніе. Притомъ этому было лѣтъ 8, а можетъ-быть, болѣе, когда я вамъ сказалъ это, и то вовсе не жить, а погостить... Будьте увѣрены, что, во всякомъ случаѣ, мнѣ болѣе было бы желательно, чтобы онѣ были съ вами. Но нужно такъ распорядиться, чтобы онѣ не были заброшены въ глушь, чтобы вмѣстѣ съ этимъ онѣ были въ состояніи составить партію нужную для ихъ счастія. Но до этого, какъ я сказалъ, еще далеко. Я писалъ кое-какимъ добрымъ знакомымъ своимъ, — людямъ умнымъ, не ослѣпленнымъ и не отуманеннымъ воображеніемъ и мечтаніями, но знающимъ хорошо свѣтъ и положеніе вещей въ свѣтѣ, — чтобы они иногда навѣщали ихъ и мало-по-малу пріучали ихъ къ наукѣ жизни“.

Въ частности Гоголь высказывалъ такія мнѣнія о своихъ сестрахъ Елизаветѣ и Аннѣ Васильевныхъ. О первой онъ говорилъ:

„Совершенно спокоенъ на счетъ ея. Есть еще въ характерѣ ея нѣкоторая легкость и что(-то) такое — но жизнь богата испытаніями, которыя благотворно освѣжаютъ и укрѣпляютъ, — укрѣпятъ и ее. Въ ней недостаетъ именно того, что̀ есть у сестры ея. Еслибъ и это у ней было, тогда бы я просто закрылъ глаза покойно. Аннетой я доволенъ совершенно и каждое письмо ея дѣлаетъ меня еще довольнѣе. Какъ поняла она свое положеніе! Уже въ послѣдній день, который она провела со мною, я прочиталъ въ лицѣ ея рѣшительность и силу, и видѣлъ въ жадности, съ какой она меня слушала, что уже съ моей стороны сдѣлано все. Начать съ того, что она прежде всего выздоровѣла совершенно, сдѣлалась рѣзва, жива и бѣгаетъ такъ, что ее трудно удер-

жать. Увидѣла вдругъ, въ чемъ она можетъ быть нужна матери и что̀ дѣлаетъ нехорошо. Наконецъ, самое главное,— умѣла выйти изъ круга того, который окружаетъ ихъ и составить себѣ кругъ знакомыхъ мимо этой коры, сквозь которую рѣдкая изъ женщинъ продирается. Письма ея наполнены благодарностью ко мнѣ и дышатъ нѣжностью. Словомъ, я покоенъ, какъ нельзя болѣе, за нее. А Лиза — Лиза можетъ сдѣлаться еще лучше, чѣмъ теперь, благодаря обществу, которое теперь ее окружаетъ. Вы, Аксаковы, Раевскіе — тутъ кромѣ хорошаго натурально ей ничего нельзя занять. Лиза золото, если попадется въ хорошія руки. Если же въ дурныя или такія, которыхъ превосходства надъ собою она не почувствуетъ, то Лизы въ нѣсколько дней нельзя будетъ узнать. Вотъ почему я подумать не могу безъ страха, еслибъ ей, не дай Богъ, случилось жить въ другомъ мѣстѣ.

VI.

Не меньше заботился Гоголь, вернувшись снова къ прозаической дѣйствительности насущныхъ интересовъ обыденной жизни, также и о другихъ своихъ сестрахъ. Вотъ напечатанныя отрывки изъ писемъ, въ которыхъ онъ говоритъ объ Ольгѣ и Марьѣ Васильевнахъ и объ ихъ предстоящей судьбѣ.

1840, декабря 22. Римъ (не напечатанный отрывокъ изъ письма).

Я увѣренъ, что вы не станете требовать, почтеннѣйшая маменька, моего скораго возвращенія.

Теперь возвратимся къ третьему пункту вашего письма. Судьба Оленьки меня безпокоитъ. Я придумалъ вотъ что̀: помѣстить ее въ Полтавскій институтъ. Что̀ ни говорите, но все это будетъ лучше, нежели домашнее воспитаніе въ чужомъ семействѣ и особенно, когда оно еще не совершенно коротко вамъ извѣстно. Въ институтѣ же узнаетъ она несравненно болѣе, да притомъ тамъ же находится, какъ вы говорите, классною дамою ея прежняя воспитательница, по словамъ вашимъ, хорошая женщина, ее любящая. Я просилъ княгиню Репнину о томъ, чтобы помѣстить ее на казенный счетъ, и она обѣщалась написать объ этомъ непремѣнно въ институтъ...

Еще въ 1838 году старшая сестра Гоголя, Марья Васильевна, вдова Павла Осиповича Трушковскаго, предполагала выдти вторично замужъ[1]). Къ этому обстоятельству относятся приводимыя ниже строки въ письмѣ Гоголя къ матери отъ 5 февраля 1838 г. („Соч. и письма Гоголя“, V, 303) послѣ словъ: „началъ принимать, бывши дома, теплыя ванны и сарсепарель“: „Но обратимся теперь къ другимъ пунктамъ вашего письма. Вы говорите о намѣреніяхъ сестры моей Мари вступить въ новое супружество. Говорите о томъ, который привлекаетъ ея вниманіе и ищетъ руки ея, но все такимъ же загадочнымъ образомъ, какъ и въ первый разъ ея помолвки, когда я узналъ только о имени и фамиліи жениха не прежде, какъ получивъ уже отъ него письмо съ извѣстіемъ, — что все уже кончено, и что за мной только дѣло, и если бы онъ не вздумалъ подписать внизу свое имя, то я бы долго не зналъ, кого имѣю честь называть своимъ зятемъ. Такимъ же образомъ и теперь вы не упоминаете ни слова ни о его фамиліи, ни о его званіи и чинѣ. Говорите только, что онъ прекраснаго характера, но въ два-три свиданія узнать трудно человѣка, — тѣмъ болѣе, что онъ явился изъ чужой губерніи; и вы не сказали ни слова, кто изъ вашихъ знакомыхъ такой, на котораго можно бы положиться, ручался за него, которому бы характеръ его, его состояніе было извѣстно. Я вамъ совѣтовалъ бы во всякомъ случаѣ прежде посовѣтоваться осторожно съ разсудительнымъ человѣкомъ. Теперь, какъ вы пишете, пріѣхалъ въ наши мѣста съ тѣмъ, чтобы поселиться, Владиміръ Юрьевичъ Леонтьевъ. Я бы совѣтовалъ вамъ иногда прибѣгать къ его мнѣнію. Онъ человѣкъ весьма не глупый, очень опытный и видитъ вещи въ настоящемъ видѣ. Разумѣется, заблаговременно вы съ нимъ совѣтуйтесь, пока еще дѣло не начато; потому что иначе, какъ всякій благоразумный человѣкъ, онъ не скажетъ вамъ своего мнѣнія, опасаясь произвесть взаимное неудовольствіе и безалаберщину.

---

[1]) См. объ этомъ также къ А. С. Данилевскому отъ 2 февраля 1838 г.: «Сестра моя собирается выходить замужъ; по крайней мѣрѣ изъ весьма загадочныхъ и неясныхъ словъ письма я вывожу такое заключеніе. Я почти готовъ держать пари, что она въ это самое время, какъ я пишу къ тебѣ письмо, уже стоитъ въ церкви подъ вѣнцомъ». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 302).

Еще одну вещь я вамъ осмѣлюсь замѣтить: къ чему такая поспѣшность? кажется, какъ будто кто сзади толкаетъ это ваше предпріятіе: едва прошелъ годъ послѣ замужества, уже сестрѣ моей не терпится. Но она должна, я думаю, помнить, что ей смѣшно будетъ теперь послѣ перваго опыта рискнуть опять такимъ же образомъ. Ради Бога, будьте осторожны и прежде осмотритесь и менѣе всего полагайтесь на толки, худые или хорошіе, вашихъ кумушекъ и сосѣдокъ. Онѣ старыя дѣвицы, любятъ рядить, толковать и плесть исторіи и могутъ совсѣмъ сбить съ толку. Все это, что̀ я вамъ говорю, есть не болѣе, какъ совѣтъ, — потому что сестра теперь совершенная госпожа надъ собою и надъ своею волею. Но если совѣтъ любящаго ее брата имѣетъ надъ нею какой-нибудь вѣсъ, то я бы сказалъ ей: не мѣнять своего вдовьяго состоянія на супружество, если только это супружество не представитъ бо́льшихъ выгодъ. Вы сказали только, что женихъ въ состояніи, но ни слова не сказали, какъ велико это состояніе. Если это состояніе немногимъ больше ея собственнаго, то это еще не большая вещь. Она должна помнить, что отъ ней пойдутъ дѣти, а съ ними тысячи заботъ и нуждъ, и чтобы она не вспомнила потомъ съ завистью о своемъ прежнемъ бытѣ. Дѣвушкѣ 18-лѣтней извинительно предпочесть всему наружность, доброе сердце, чувствительный характеръ и для него презрѣть богатство и средства для существованія. Но вдовѣ 24 лѣтъ и притомъ безъ большого состоянія непростительно ограничиться только этимъ. Она еще молода. Партія ей всегда можетъ представиться.

Притомъ же дѣвушка боится постарѣть въ дѣвкахъ, вдовѣ нечего опасаться. Ея самое лучшее состояніе, — свободное состояніе... Но довольно. Я надѣюсь, что мои совѣты примутся въ соображеніе, и что сестра будетъ (хотя на этотъ разъ) руководиться благоразуміемъ.

Да попеняйте сестрицѣ моей Маріи за то, что она лѣнива страхъ, вовсе не хочетъ писать. Стыдно, моя милая сестрица. Вы должны ко мнѣ писать почаще и погуще, во-первыхъ уже потому, что вы женщина, а женщина гораздо способнѣе для писемъ, чѣмъ мужчины, и могутъ ихъ писать гораздо скорѣе. Но прощай, до слѣдующаго раза.

Прощайте, почтеннѣйшая маменька, будьте здоровы, веселы и покойны.

Этого проситъ у Бога вашъ многолюбящій сынъ *Николай*.

Вотъ другое относящееся сюда письмо, написанное по тому же поводу:

Милая моя сестрица Мари!

„Я очень былъ обрадованъ твоею припискою, изъ которой я узналъ, что ты совершенно здорова, даже до такой степени, что подумываешь о хорошей партіи. Слава Богу! благословеніе мое всегда съ тобою и ты можешь имъ располагать заочно. Но да водитъ Богъ и осторожность твоими намѣреніями. Величайшее благоразуміе ты теперь должна призвать въ помощь и помнить, что ты теперь не дѣвушка и что нужно, чтобы партія была слишкомъ и слишкомъ выгодная, чтобы рѣшиться перемѣнить свое состояніе и продать свою свободу.

Обнимаю тебя и вмѣстѣ твоего Колю и желаю вамъ здоровья, счастія и всего добраго".

VII.

Заботы о хозяйствѣ и практическихъ дѣлахъ матери также не покидали Гоголя. Объ этомъ онъ переписывался даже съ институтками — сестрами. Такъ въ письмѣ отъ 12 апрѣля изъ Рима, 1839 [1]) Гоголь говоритъ своей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ: „Управленіе имѣніемъ требуетъ опытнаго и свѣдущаго хозяина, сильнаго характеромъ мужа, а не слабой женщины, для которой совершенно чужды и незнакомы дѣла этого рода. Ты предлагаешь еще какъ средство къ поправленію: продать деревню и купить въ Петербургѣ домъ. Но и это дѣло невозможное. Во-первыхъ, трудно продать деревню, да еще и разстроенную; да притомъ вырученныхъ денегъ не станетъ заплатить за четвертую часть дома.

Ты думаешь, что есть еще одно средство: это просить государыню. Но какое право мы можемъ имѣть на это? Тысячи есть такихъ, какъ мы, и, можетъ-быть, даже милліоны, и еслибы всѣмъ этимъ господамъ захотѣла государыня раздавать деньги, то для этого всего государства не станетъ. Притомъ осмѣливаются утруждать государей просьбами только тѣ, которымъ дали на это право оказанныя ими заслуги

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 366; здѣсь возстановляется пропускъ.

отечеству? А мы что съ тобой сдѣлали для отечества? кажется, немного"... — Затѣмъ послѣ словъ: „если только отъ этого зависитъ счастіе" слѣдуетъ читать:

„Я писалъ еще вамъ о совершенной невозможности жить у насъ въ деревнѣ. Человѣкъ долженъ жить въ обществѣ; общество только можетъ образовать его, — не многолюдное, но небольшой кругъ истинныхъ, добрыхъ друзей, одаренныхъ прекраснымъ характеромъ и просвѣщеннымъ умомъ. Но когда я вообразилъ себѣ общество, которое окружаетъ нашу деревню — невѣжей-сосѣдей, которыхъ всего на всего два-три человѣка, да старыхъ дѣвицъ и сплетницъ-сосѣдокъ, — сердце мое содрогнулось невольно. Вы еще молоды, еще не знаете свѣта. Какъ много значитъ для васъ первый шагъ, первое знакомство и первое обращеніе по выходѣ изъ института! Маменька наша имѣетъ рѣдкое сердце, но она слаба характеромъ; она легко можетъ быть обманута. Долговременныя заботы, неудачи и хлопоты много отняли у ней времени и притупили ея проницательность. Она не имѣетъ той проницательности и предусмотрительности, которая для васъ теперь такъ необходима и нужна.

Но старайтесь всѣми силами поддерживать разъ сдѣланное знакомство, а главное — чтобы имѣли власть надъ самими собою, и если замѣтите, что у васъ кипитъ въ душѣ что-то похожее на злость или неудовольствіе, старайтесь тотчасъ дать ему остыть, займитесь чѣмъ-нибудь другимъ, чтобы въ это время не думать и не помышлять о немъ и потомъ вы будете довольны сами собою. Еще любите другъ друга. Вы сестры, вы еще болѣе, чѣмъ сестры: вы товарищи отъ раннихъ лѣтъ вашей жизни. Ваше воспитаніе шло вмѣстѣ. Мнѣ очень было грустно видѣть, что вы часто между собою ссоритесь. Мое сердце страдало, видя это. Ради Бога, я васъ прошу объ этомъ, чтобы не было этого. Когда вамъ захочется или придетъ на умъ поссориться, вообразите тотчасъ меня печальнаго, больного, смотрящаго на васъ съ невыразимымъ чувствомъ грусти. Если вы вообразите только меня въ такомъ видѣ и живо, я васъ увѣряю, что у васъ вдругъ пройдетъ всякое желаніе ссориться; иначе будетъ значить, что вы не имѣете ко мнѣ любви ни на крошку".

Иногда случалось Гоголю предостерегать Марью Ивановну отъ новыхъ легкомысленныхъ и рискованныхъ поступковъ:

Тріестъ. 26 сентября 1839[1]).

„Или васъ слишкомъ раздражаютъ всякія незначащія злорѣчія?

Еще меня удивило очень, что вы пишете въ письмѣ вашемъ, что побожились заплатить Андрею Андреевичу отдать въ этомъ году долгъ. Я васъ не знаю, маменька. Какъ вы можете въ этомъ божиться и давать честное слово, когда не имѣете никакой возможности его исполнить. На что вы полагаетесь?

Развѣ вы не знаете, что вамъ имѣніе ваше, хотя бы и не случилось скотскаго падежа, не въ состояніи бы и половины его уплатить. Но если бы было даже достаточно, развѣ вы позабыли о томъ, что приближается время платежа въ казну процентовъ снова? Не можетъ быть, чтобы вы позабыли обо всемъ этомъ тогда, когда давали свое слово".

Въ другихъ письмахъ Николай Васильевичъ старается разсѣять разныя преувеличенныя тревоги матери и всячески ее успокоиваетъ:

Къ матери. 1839 іюнь. Римъ.

„Я думаю, что это письмо должно было быть предшествуемо другимъ, котораго я не получилъ, потому что вы говорите о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, о которомъ я доселѣ не слыхалъ и не могу знать о комъ и, наконецъ, о какихъ-то двоюродныхъ сестрахъ вашихъ, проживающихъ у васъ, о которыхъ я тоже отъ васъ прежде не слышалъ. Мнѣ очень жаль, если ваше письмо пропало. Вы еще пишете, что дѣти боятся экзамена и письма ихъ къ вамъ наполнены опасеніями и проч. и проч. Это совершенный вздоръ и васъ никакъ не должно безпокоить. Это робость, свойственная всѣмъ въ этомъ возрастѣ. Послѣ окончанія экзамена онѣ сами будутъ надъ ней смѣяться. Вы пишете еще, что опасаетесь за старшую сестру на счетъ ея робости, и что эта робость увеличилась отъ доставленныхъ мною имъ знакомствъ. Какъ

[1]) Этотъ отрывокъ представляетъ собою конецъ письма, напечатаннаго въ изданіи Кулиша, въ V томѣ, на стр. 386—387.

можно такъ несправедливо думать: напротивъ, это одно средство, которое было причиною уменьшенія ихъ робости. Онѣ, пріѣхавши изъ деревни, были совершенныя дикарки, отъ которыхъ посторонній человѣкъ не могъ добиться слова. Теперь по крайней мѣрѣ онѣ могутъ вести разговоръ въ обществѣ и произнести нѣсколько удовлетворительныхъ словъ. Я имъ доставлялъ знакомства постепенно и притомъ такія, которыя не заставляли ихъ вовсе женироваться, но быть совершенно простыми и непринужденными, знакомства, которыя могли имъ доставить пользу существенную, образовать ихъ умъ, и вмѣсто всего этого... Можно ли такъ судить![1])"

VIII.

Наконецъ порой мы встрѣчаемъ повтореніе давно знакомыхъ намъ убѣжденій и упрековъ Гоголя матери за ея наклонность вступать въ литературные разговоры, и съ пристрастнымъ азартомъ, но безъ знанія дѣла, расхваливать сына. Гоголь усиленно просилъ любимую мать оставить эту привычку и говорить о немъ только, что онъ хорошій сынъ[2]).

„Это для меня будетъ лучшая похвала.

Если бы вы знали, какъ непріятно, какъ отвратительно слушать, когда родители говорятъ безпрестанно о своихъ дѣтяхъ и хвалятъ ихъ! Я вамъ говорю, что я никогда не чувствовалъ уваженія къ такимъ родителямъ; я ихъ считалъ всегда жалкими хвастунами, и сколько мнѣ удавалось слышать отъ другихъ, то и имъ казались отвратительными всѣ похвалы эти. Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маменька, о литературѣ. Вы въ большомъ заблужденіи. Вы воображаете, что умный человѣкъ непремѣнно долженъ судить о литературѣ и понимать ее — ничуть не бывало.

Знаете ли вы, въ какой можно попасть просакъ. Вотъ вы, напримѣръ, приписали мнѣ сочиненія такого автора, которымъ гнушается истинный вкусъ, автора, который ничего рѣшительно не имѣетъ общаго со мною, которымъ только на хуторахъ восхищаются и который пользуется презрѣніемъ

---

[1]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 379.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 350.

даже отъ не совсѣмъ постигающихъ читателей, а вы его приписали мнѣ, и когда я увѣрялъ васъ, въ моемъ письмѣ клялся, — вы упрямо стояли на своемъ. Когда я прочиталъ этотъ кусокъ изъ вашего письма одному человѣку, имѣвшему вкусъ (я однакожъ ни слова не сказалъ, что это письмо ваше), онъ захохоталъ. Мнѣ самому было смѣшно, когда я читалъ его, но вмѣстѣ досадно, когда я видѣлъ, какъ умная прекрасная дама, исполненная истиннаго благородства души, можетъ себя компрометировать и унизить, не видѣть то, какъ много нужно тонкости и особеннаго чутья въ литературѣ, которое и литераторамъ дается немногимъ, чтобы судить вѣрно. Васъ обмануло то, что вамъ точно дано чувство и вкусъ вообще, и что вамъ показались понятными и хорошими нѣкоторыя мѣста, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго творенiе. Но знаете ли вы, что именно тѣ мѣста, которыя вамъ незамѣтны, тѣ-то и есть, можетъ-быть, истинно достойныя, и что, можетъ-быть, вы видите только сотую долю того, что другой видитъ или долженъ бы видѣть все... Очень трудно это искусство! Знаете ли, что въ Петербургѣ, во всемъ Петербургѣ, можетъ-быть, только человѣкъ пять и есть, которые истинно и глубоко понимаютъ искусство; а между тѣмъ въ Петербургѣ есть множество истинно-прекрасныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей. Я самъ, преданный и погрязнувшiй въ этомъ ремеслѣ, я самъ никогда не смѣю быть такъ дерзокъ, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведенiе. Нѣтъ, можетъ-быть, я только десятую долю понимаю. Итакъ, не говорите объ этомъ. Если васъ спросятъ — отвѣчайте, но отвѣчайте односложно и перемѣняйте тотчасъ разговоръ на другое. Помните, что это говоритъ вамъ другъ вашъ, который желалъ бы, чтобы весь свѣтъ почиталъ васъ такъ, какъ вы того заслуживаете прекрасными вашими качествами"...

Въ заключенiе приведемъ здѣсь еще два письма Гоголя къ матери, нигдѣ не напечатанныя и еще болѣе выставляющiя упомянутую выше мистификацiю со стороны Гоголя.

Вѣна. 1839, августа 28.

Все-таки я отъ васъ не получаю писемъ. Я вамъ, кажется, адресъ такой доставилъ, по которому нельзя и думать, чтобы письма могли меня не найти или до меня не дойти. Вотъ вамъ еще одинъ адресъ: лучше всего адресуйте въ Москву на имя Погодина, который мнѣ доставитъ ихъ аккуратно и даже черезъ курьера, что̀ будетъ еще скорѣе и исправнѣе. Надписывайте на пакетѣ вотъ какимъ образомъ: Его Высокоблагородію Михаилу Петровичу Погодину, профессору Императорскаго Московскаго университета, на Дѣвичьемъ полѣ, въ собственномъ домѣ, для доставленія Николаю Васильевичу Гоголю. Къ октябрю или ноябрю(!), можетъ-быть, я самъ буду въ Москву. Знаю, что дѣлаю дурно, что мнѣ рано еще возвращаться въ Россію, что здоровье мое не укрѣпилось, и что я испорчу этимъ все, но что̀ дѣлать? нужно ѣхать выкупать сестеръ изъ института и устроить сколько можно лучше ихъ судьбу. Богъ милостивъ, авось либо удастся хорошо обдѣлать это дѣло. Во всякомъ случаѣ нужно смотрѣть только на то, что̀ истинно и существенно имъ полезно, и умѣть жертвовать всѣмъ для ихъ счастія. Но я не могу теперь много писать. Когда получу ваше письмо, котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ, тогда. Теперь прощайте, цѣлую ваши ручки и желаю вамъ быть здоровыми.

Вашъ сынъ *Н. Гоголь.*

Наконецъ въ письмѣ отъ 24 октября 1839, написанномъ будто бы изъ Вѣны, Гоголь уже сообщаетъ: „Мѣсто свиданія нашего будетъ, я думаю (!), Москва. Туда я думаю привезть и сестеръ. Я думаю ихъ взять прежде экзамена. Я не хочу, чтобы онѣ дожидались этой кукольной комедіи. Въ нихъ же притомъ немного есть, чѣмъ бы щегольнуть при публикѣ. Оно и лучше. То, что̀ хорошо для мальчиковъ, то нейдетъ дѣвушкамъ. Притомъ мнѣ жаль ихъ, особенно бѣдной Аннетъ (ее мучатъ несносно). Она то-и-дѣло пишетъ, что у ней кружится и болитъ голова. Я боюсь за ея здоровье. Притомъ она такъ теперь разстроилась, что врядъ ли будетъ въ состояніи не робѣть и помнить, что̀ нужно. Вы очень заботитесь о томъ, какъ ей будетъ въ чужомъ домѣ. Объ этомъ не заботьтесь: домъ, въ которомъ бы

я хотѣлъ помѣстить ихъ, вовсе не чужой и онѣ должны быть приняты тамъ съ такимъ радушіемъ, какъ собственныя дочери, иначе я бы не помѣстилъ ихъ туда. Притомъ онѣ пробудутъ, по крайней мѣрѣ я такъ думаю, одинъ годъ или много два, чтобы осмотрѣться хорошенько, видѣть и узнать сколько-нибудь людей, чтобы потомъ не броситься на шею первому встрѣчному и не выйти замужъ за кого попало. Почему знать, можетъ-быть, Богъ будетъ такъ милостивъ, что онѣ найдутъ себѣ въ Москвѣ выгодную партію. Тамъ же такъ много людей достойныхъ и они болѣе независимы и менѣе заняты службою, отбивающею ото всего охоту. (Что бѣлье вы припасли, это недурно, но рубашекъ для меня не шейте безъ меня. Я хочу, чтобы вы ихъ шили при мнѣ). А сестрѣ Маріи скажите, что если она хочетъ, чтобы племянникъ мой былъ опредѣленъ въ какой-нибудь институтъ, то пусть заблаговременно запасется всѣми нужными свидѣтельствами: свидѣтельствомъ о дворянствѣ ея мужа, свидѣтельствомъ о его службѣ, свидѣтельствомъ о крещеніи, рожденіи, оспѣ и проч. и проч., что̀ водится вообще при опредѣленіяхъ въ лицей и корпуса. И пусть займется этимъ сейчасъ же, потому что если въ этотъ пріѣздъ мой я не успѣю этого обдѣлать, то послѣ будетъ трудно. Затѣмъ, обнимая васъ всѣхъ мысленно въ ожиданіи свиданія, которое будетъ, надѣюсь, черезъ два или черезъ три мѣсяца, остаюсь вѣчно любящимъ васъ сыномъ. *Н. Гоголь*.

Сестрамъ Гоголь въ это время также писалъ письма, но выражалъ въ нихъ досаду не на необходимость своего пріѣзда въ Москву, а на ихъ молчаніе, какъ мы это увидимъ изъ нижеслѣдующихъ писемъ.

Къ сестрамъ Елизаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

Вѣна. Августа 30 (1839).

Право, на васъ я сердитъ не въ шутку, точно, истинно сердитъ. Зачѣмъ же вы не пишете? почему вы не пишете? Должно наконецъ сказать, что вы изъ всѣхъ сестрицъ, какія только есть на свѣтѣ, самыя негодныя сестрицы и меня же потомъ укоряете, что я не пишу. А я больше пишу даже, нежели вы. Притомъ мнѣ совсѣмъ другое дѣло: я могу, и не писавши къ вамъ, любить васъ, а вамъ никакъ нельзя

доказать, что вы любите меня, не писавши. Притомъ же мнѣ множество нужно писать писемъ и не къ однѣмъ вамъ, а вамъ писать только къ одному мнѣ, стало-быть, вамъ всегда есть время. Притомъ я старше, а вы моложе. Мнѣ можно иногда и полѣниться, а вамъ никакъ нельзя. Итакъ слушайте, лѣнивицы! прошу васъ покорнѣйше писать ко мнѣ, а если не напишете сейчасъ же по полученіи письма, то право не пріѣду къ вашему выпуску. Вотъ вамъ адресъ. По этому адресу никакъ ваше письмо не можетъ пропасть:

Его высокоблагородію, Михаилу Петровичу Погодину, профессору Импер. Москов. университета. *Въ Москвѣ,* въ собств. домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, для передачи Николаю Васильев. Гоголю.

Итакъ понимаете? Вы отправите ваше письмо прямо въ Москву на имя Погодина, а онъ уже будетъ знать, какъ и куда переслать мнѣ, ибо я теперь не знаю, въ какомъ городѣ и мѣстѣ проживу долѣе, стало-быть, и не могу вамъ означить моего адреса вѣрно. Теперь покамѣстъ я живу въ Вѣнѣ, гдѣ пробуду никакъ не дольше двухъ недѣль. Потомъ подберусь еще ближе къ вамъ, а тамъ, если Богъ дастъ, и если мое здоровье поможетъ, вы увидите меня въ Петербургѣ, но не раньше, какъ за мѣсяцъ до вашего выпуска. Если же вы желаете моего пріѣзда именно для моего пріѣзда, то-есть для меня самого, то я благодарю васъ много и больше со стороны вашей ничего мнѣ не нужно за мои старанія о васъ и мысли. Если жъ вы потому только желаете моего пріѣзда, чтобы выбраться скорѣе изъ института, и потому, что мой пріѣздъ есть ничто иное для васъ, какъ вѣстникъ вашего освобожденія, то позвольте мнѣ сказать вамъ, что я васъ больше люблю, чѣмъ вы меня, и что ваша любовь ничто противъ моей чистой, безкорыстной любви и что вамъ никогда не понять ни сердца, ни души моей, ни моихъ душевныхъ движеній.

Прощайте! Пишите! Обнимаю васъ моею братскою любовью.

Къ сестрамъ Елизаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

Вѣна (?) Сентября 15 (1839).

„А! наконецъ я получилъ ваше письмо. Эге-ге, да вы напустились на меня такъ, что я, читая ваше письмо, нѣсколько разъ оглядывался назадъ, не стоите ли вы позади

меня, и велики ли ногти на рукахъ вашихъ... Я для васъ рѣшаюсь ѣхать въ Петербургъ. Знаете ли вы, какую я жертву для васъ дѣлаю“?

Наконецъ однажды намъ попадается письмо, въ которомъ Гоголь напротивъ хвалитъ сестеръ за давно ожидаемое и только-что полученное письмо:

Къ сестрамъ Елизаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

Декабря 4 (1840 г.).

Благодарю васъ, любезныя сестрицы, за ваши приписочки, хоть, признаюсь, я въ правѣ бы ожидать отъ васъ и больше, чѣмъ полстранички. Какъ бы то ни было, прошелъ цѣлый мѣсяцъ, нельзя же, чтобъ не случилось событій позначительнѣй пропажи клѣтчатаго фуляра. Вѣрно же приходятъ подъ-часъ и минуты тоски и того тяжелаго состоянія, когда хотѣлось бы найти хоть одну живую душу, чтобы передать ей это состояніе. Мнѣ кажется, что съ вами должны случаться такія минуты. Если вы меня любите, исполните одну мою просьбу, за которую послѣ скажете мнѣ большое спасибо. Не начинайте вашего дня иначе, какъ чтеніемъ одной главы изъ Апостольскихъ посланій, по порядку, какъ онѣ слѣдуютъ въ Евангеліи, начиная съ апостола Іакова. Но такъ старайтесь прочесть, чтобы все содержаніе прочитаннаго осталось въ головѣ, чтобы его мысленно вы себѣ припоминали одинъ разъ передъ обѣдомъ, одинъ разъ за обѣдомъ, одинъ разъ послѣ обѣда и сверхъ того всякій разъ передъ тѣмъ, когда вамъ захочется сильно поспорить о чемъ-нибудь и доказать, что правда на вашей сторонѣ. Ручаюсь вамъ, что ваша жизнь пройдетъ и ровнѣе, и спокойнѣе, и вы нечувствительно, сами не зная какъ, отвыкнете отъ многаго того, отъ чего бы хотѣли сами отвыкнуть и не имѣете силы. Дайте мнѣ обѣщаніе, мои добрыя сестры, исполнить честно и добросовѣстно мою просьбу, и я увѣрюсь тогда, что вы меня любите точно не на словахъ, а на дѣлѣ.

Вашъ весь любящій братъ.

IX.

Отношенія Гоголя къ Погодину въ концѣ его пребыванія въ Россіи сильно поколебались и между ними уже тогда на-

чались небольшія недоразумѣнія[1]), что̀ видно изъ слѣдующаго письма Погодина, написаннаго послѣ отъѣзда Гоголя.

1840 г. ноября 28.

Какъ я плачу! Виноватъ, прости меня! Признаюсь — я былъ огорченъ, я негодовалъ на тебя! Прости меня... Твоя несчастная наружность!... О сердце человѣческое! Ни Шекспиръ, ни Коцебу не знаютъ тебя! И знаютъ иногда, но чужое, а не свое. И теперь вообрази, я раскаиваюсь, скорблю о тебѣ, негодую на себя, а все еще могу точно съ Петромъ воскликнуть: „Вѣрую Господи, помози моему невѣрію!“ „Человѣкъ есть ложь“ — какъ глубоко сказалъ это Павелъ! При такихъ явленіяхъ я убѣждаюсь, что онъ искупленъ, убѣждаюсь въ первородномъ грѣхѣ. Ну, какъ объяснить иначе такія чужія противныя впечатлѣнія! И это въ сторону!... Успокойся, успокойся! О если-бъ ты мнѣ предсталъ, сложа руки крестомъ! Твои испытанія кончатся, только молись объ успокоеніи.

Я вижу, тебѣ надо путешествовать, чтобъ привести въ ровность твой организмъ. Ѣзди изъ конца въ конецъ и останавливайся по дорогѣ въ городахъ на недѣлю — на двѣ, и работай.

Надѣюсь прислать тебѣ скоро на дорогу. У меня надежды много на журналъ.

Теперь я успокою Лизу. Я послалъ къ тебѣ черезъ Кривцова ея подушку.

Мы всѣ здоровы и больны только твоей болѣзнію.

Больше писать теперь не могу. Цѣлую, обнимаю тебя. Успокойся, ради Бога успокойся. Все будетъ хорошо. Богъ посылаетъ испытанія. Твой *М. Погодинъ.*

Зато отношенія Гоголя къ Аксаковымъ дѣлались теперь все болѣе дружественными. Приводимъ нѣсколько писемъ къ нимъ, пропущенныхъ въ изданіи Кулиша и относящихся къ 1839—1840 годамъ.

Записка Н. В. Гоголя — Аксаковымъ.

Посылаю вамъ все, что̀ имѣю: другихъ документовъ нѣтъ, кромѣ посланныхъ. Не можете-ли вы узнать, когда выпускъ въ Патріотическомъ институтѣ? Я не помню, но, можетъ

[1]) Объ этомъ подробнѣе и въ связи разскажемъ уже въ слѣдующемъ томѣ.

быть, это нужно, и мѣсто хорошее; а нѣтъ, то и не нужно. Весь вашъ Г.

Жалко очень на нездоровье Вѣры Сергѣевны, а что до картины или до Рафаэля, то онѣ отъ насъ не уйдутъ.

Гоголь — О. С. Аксаковой. Венеція. Августа 10 (1840).

Такъ какъ Сергѣй Тимоѳеевичъ теперь, вѣроятно, не въ Москвѣ; Константинъ Сергѣевичъ, безъ сомнѣнія, тоже съ нимъ; то рѣшаюсь, Ольга Семеновна, осадить васъ моими двумя усерднѣйшими просьбами. Но прежде чѣмъ просьбы, позвольте поблагодарить васъ — вы знаете за что: за все. Позвольте поблагодарить также и все ваше семейство за память обо мнѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ благодарить мнѣ не зачѣмъ, потому что здѣсь плата тою же монетою съ моей стороны, что вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно.

А просьбы мои слѣдующія. Отправьте прилагаемое при семъ письмо Лизѣ[1]) и вручите Михаилу Семеновичу[2]) прилагаемое при семъ дѣйствіе переведенной для него комедіи[3]). Еще одна просьба, о которой напоминать мнѣ немножко безсовѣстно, но нечего дѣлать. Просьба эта относится прямо къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ, а въ чемъ она заключается — это ей извѣстно. Исполненію ея, конечно, теперь мѣшаетъ отъѣздъ Сергѣя Тимоѳеевича; но по пріѣздѣ... Вѣра Сергѣевна простила бы меня за мой докучливый характеръ. Прошу, веселитесь веселѣй, сколько можно, и отвѣдайте лѣта больше, сколько можно. Я васъ вижу очень живо и также вижу всѣхъ васъ, все ваше семейство.

Къ Сергѣю Тимоѳеевичу буду писать изъ Рима; не знаю только, куда адресовать. Впрочемъ, отправите вы. Цѣлую ваши ручки.

Н. В. Гоголь *К. С. Аксакову*[4]).

Въ этотъ разъ письмо было для меня особенно радостно, милый Константинъ Сергѣевичъ. Изъ него и уже отчасти изъ письма Сергѣя Тимоѳеевича къ Погодину я слышу ду-

---

[1]) Елизаветѣ Васильевнѣ Гоголь.

[2]) Щепкину.

[3]) Гоголь говоритъ о переведенной имъ итальянской комедіи: «L'ajo nell imbarazzo», т.-е. «Дядька въ затруднительномъ положеніи».

[4]) Письма Гоголя къ Аксаковымъ и Погодину, помѣщаемыя здѣсь цѣликомъ, являются не впервые въ печати; но ни одной строки изъ нихъ не было прежде напечатано до помѣщенія ихъ нами въ «Русской Старинѣ».

шою, что вы вступили на прямо-русскую дорогу. Стало-быть, встрѣча между нами неизбѣжна, еще тѣснѣйшая, ближайшая встрѣча. Вы напрасно извиняетесь въ письмѣ, что заикнулись про нѣмецкую философію. Опасаясь только того, чтобы вы не вдались односторонне въ нее, какъ въ науку, — для нея же самой я радовался, между прочимъ, внутренно при мысли, если вы сами собой проберетесь на русскую дорогу, ее употребите, какъ лѣсъ, для поднятія себя на извѣстную вышину, съ которой можно начать зданіе полетящее (sic) къ небесамъ, или просто на утесистую гору, съ которой шире и далѣ откроются вамъ виды. О, какъ есть много у насъ того, что̀ нужно глубоко оцѣнить и на что взглянуть озаренными глазами! Вамъ не нужно теперь ѣхать въ Италію, ни даже въ Берлинъ; вамъ нуженъ теперь трудъ, вамъ просто нужно заставить теперь руку побѣгать по бумагѣ. Нѣтъ нужды, что еще не вызрѣла, развилась и освѣжилась мысль; кладите ее смѣло на бумагу, но держите только въ портфелѣ и не выдавайте довременно въ свѣтъ. Ибо велико дѣло, если есть рукопись въ портфелѣ. Вы еще не можете этого постигнуть. Сверхъ труда вамъ еще нуженъ теперь я, и я это чувствую въ душѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы за мною пріѣхали въ Германію, чтобы мы дружно совершили возвращеніе на родину, рука въ руку.

Покамѣстъ вотъ вамъ слова, которыя вѣчно должны звучать въ ушахъ вашихъ. Есть у русскаго человѣка врагъ, непримиримый, опасный врагъ, не будь котораго, онъ былъ бы исполиномъ. Врагъ этотъ — лѣнь, или, лучше сказать, болѣзненное усыпленіе, одолѣвающее русскаго. Много мыслей, не сопровождаемыхъ воплощеніемъ, уже у насъ погибло безплодно. Помните вѣчно, что всякая втуне потраченная минута здѣсь неумолимо спросится тамъ, и лучше не родиться, чѣмъ поблѣднѣть передъ этимъ страшнымъ упрекомъ.

Обнимая и цѣлуя васъ такъ же жарко, какъ вы меня, жду вашего письма.

Примѣчаніе. Письмо это не имѣетъ числа. Для опредѣленія времени, когда оно было написано, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что оно не служило отвѣтомъ на то „пылкое“ посланіе К. С. Аксакова, о которомъ С. Т. Аксаковъ разсказываетъ въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ [1]),

[1]) «Русь», 1880, № 4, стр. 18; «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 14.

слѣд. не можетъ быть отнесено къ 1838—1839 годамъ, т.-е, ко времени, предшествовавшему первому возвращенію Гоголя изъ заграницы. С. Т. Аксаковъ прямо говоритъ: „хотя Гоголь не отвѣчалъ на это пылкое письмо, но по возвращеніи въ Россію, черезъ годъ, говорилъ о немъ съ искреннимъ чувствомъ". Такимъ образомъ, въ виду предположенія Гоголя возвратиться на родину съ К. С. Аксаковымъ изъ Германіи, нельзя сомнѣваться, что эти строки были писаны въ 1841 г., когда Гоголь высказывалъ это же желаніе и въ письмѣ къ С. Т. Аксакову[1]). Въ третій разъ Гоголь прибылъ изъ заграницы уже изъ Іерусалима, проѣхавъ черезъ Одессу и Константинополь.

Это письмо списано съ копіи, хранящейся въ бумагахъ Аксаковыхъ подлинникъ; же письма, какъ видно изъ помѣты (на копіи) покойнаго И. С. Аксакова, былъ подаренъ въ 1880 г. Ѳ. М. Достоевскому для его собранія автографовъ...

У Аксаковыхъ Гоголь читалъ незадолго передъ отъѣздомъ, передъ заутреней Свѣтлаго Воскресенія, седьмую главу „Мертвыхъ Душъ" (первыя главы были передъ тѣмъ прочитаны у И. В. Кирѣевскаго[2]) и тутъ-то находившійся въ числѣ слушателей В. А. Пановъ вызвался въ порывѣ восторга ѣхать съ нимъ въ Италію. Съ Аксаковыми и ихъ гостями Гоголь пошелъ потомъ въ Кремль, „чтобы услышать на площади первый звукъ Ивана Великаго." Аксаковы же устроили Гоголю трогательные переводы 18 мая 1840 г., нѣсколько дней спустя послѣ торжественнаго празднованія его именинъ, на которыхъ было большое стеченіе знакомыхъ и въ ихъ числѣ великій Лермонтовъ, декламировавшій Гоголю въ саду послѣ обѣда отрывокъ изъ „Мцыри[3])"...

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 437.

[2]) Гоголь сблизился въ это время съ Кирѣевскими и Елагиной. Послѣдней онъ написалъ по выѣздѣ любопытное письмо, въ котороомъ, досадуя на себя за разсѣянность, говорилъ, что, позабывъ проститься съ корреспонденткой передъ отъѣздомъ, на другой день вспомнилъ, что онъ «лошадь, и хватилъ себя по лбу и готовъ былъ вытереть рожу свою самой гадкой тряпкой и публично при всѣхъ поднести себѣ кукишъ, промолвивъ: „Вотъ на тебѣ дуракъ!" Но всей публики былъ на ту пору станціонный смотритель, который бы, вѣроятно, принялъ это на свой счетъ, да котъ, который, безъ сомнѣнія, не обратилъ бы на это никакого вниманія". („Соч. и письма Гоголя", V, 406—407).

[3]) См. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 34—36.

IV. НОВАЯ ПОѢЗДКА ВЪ ИТАЛІЮ И ВТОРИЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

I.

Выѣхавъ изъ Москвы, Гоголь тотчасъ же почувствовалъ себя перенесеннымъ въ родную сферу: несмотря на дружескія отношенія съ Аксаковыми и Погодинымн, онъ, стремясь въ любимый Римъ, вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ о предстоящей встрѣчѣ съ оставленными въ немъ пріятелями, и притомъ не только съ Ивановымъ, но также съ Моллеромъ, Іорданомъ и другими, изъ которыхъ съ большинствомъ онъ былъ гораздо менѣе близокъ, нежели съ московскими друзьями. Какъ вырвавшійся изъ темницы узникъ, — употребляя его же сравненіе, сказанное въ другой разъ по сходному случаю, — онъ летѣлъ мыслью въ Римъ и съ восторгомъ писалъ Иванову: „Господи Боже мой, сколько лѣтъ я васъ не видѣлъ, il carissimo signor Alessandro! Чтò вы подѣлываете? въ Римѣ ли вы? Чтò дѣлаетъ ваша Famosa (т.-е. я разумѣю — картина)“ и проч. О Россіи онъ отзывается нѣсколько легкомысленно: „Я былъ и въ Россіи, и чортъ знаетъ гдѣ“[1]). О Моллерѣ, Іорданѣ и другихъ онъ разспрашиваетъ, какъ о самыхъ близкихъ, дорогихъ людяхъ.

По дорогѣ мысль о Римѣ мелькала Гоголю манящей издали, свѣтлой путеводной звѣздой. „Теперь я сижу въ Вѣнѣ“ — писалъ онъ Иванову въ цитированномъ выше письмѣ, — „пью воды, а въ концѣ августа, или въ началѣ сентября буду въ Римѣ, увижу васъ, побредемъ къ Фальконy ѣсть bacchio arrosto или girato и осушимъ фольету asciuto, и настанетъ вновь моя райская жизнь“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь льститъ себя отрадной надеждой на предстоящее въ Римѣ свиданіе

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 402.

съ сильно полюбившимся ему молодымъ Константиномъ Аксаковымъ, котораго онъ называлъ тогда „юношей, полнымъ всякой благодати“ [1]).

Еще въ Варшавѣ Гоголь почувствовалъ, по его выраженію, „побужденіе душевное“ написать такъ много для него сдѣлавшему и питавшему къ нему такую сердечную дружбу, С. Т. Аксакову. Это „побужденіе душевное“ есть снова признакъ ясно проглядывающаго будущаго мистическаго настроенія, на этотъ разъ, однако, еще не замѣченнаго послѣднимъ. (Ср. такія же „душевныя побужденія“ въ позднѣйшихъ письмахъ къ Смирновой и Віельгорскимъ) [2]). Во всякомъ случаѣ въ этомъ письмѣ слышится самое теплое чувство и потребность подѣлиться приливомъ счастья. Всю дорогу Гоголь оставался въ самомъ свѣтломъ настроеніи, чему много способствовали и случайныя удачи путешествія, доходившія на этотъ разъ до того, что, по словамъ Гоголя, „лучше доѣхать невозможно. Даже погода была хороша! у мѣста дождь, у мѣста солнце“ [3]) или: „Вѣна приняла меня царскимъ образомъ“ [4]). Къ счастью и величайшему удовольствію Гоголя, уже въ Вѣнѣ многое напоминало ему о близости столь горячо любимой Италіи: при немъ прибыла туда итальянская труппа оперныхъ артистовъ, о которыхъ Гоголь въ своемъ восторженномъ увлеченіи говорилъ, что „это была опера чудная, невиданная“ [5]). Даже въ знойномъ іюльскомъ воздухѣ онъ не безъ наслажденія привѣтствовалъ донесшійся изъ его второй родины „хвостикъ широкка“ [6]).

Но излишній экстазъ потрясающимъ образомъ повліялъ на здоровье Гоголя и расшаталъ его и безъ того надорванные нервы: въ Вѣнѣ, вмѣсто того, чтобы поправляться отъ пользованія водами, онъ слегъ и могъ вскорѣ сколько-нибудь стать на ноги, благодаря заботамъ и попеченіямъ о немъ

---

[1]) См. «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 47 (въ изданіи Кулиша эти строки пропущены).

[2]) См. «Вѣстникъ Европы», 1889, «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 57 и проч.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 401.

[4]) Тамъ же, стр. 408.

[5]) Тамъ же, стр. 409.

[6]) Тамъ же, стр. 407. — Проѣздомъ въ Вѣну Гоголь былъ также въ Венеціи (см. «Русскую Старину», 1877, VII, 423).

случайно встрѣченнаго имъ въ этомъ городѣ Н. П. Боткина, что̀ было тѣмъ счастливѣе для него, что спутникъ его Пановъ еще въ половинѣ іюля оставилъ его, условившись съѣхаться съ нимъ вмѣстѣ въ Венеціи. Только-что Гоголь отправился, онъ поѣхалъ въ Италію, надѣясь путешествіемъ возстановить пошатнувшееся здоровье. Въ Венеціи онъ въ самомъ дѣлѣ встрѣтился съ Пановымъ и здѣсь онъ могъ возобновить свои литературныя занятія. Еще въ началѣ лѣта, въ Вѣнѣ, онъ продолжалъ упорно работать надъ созданіемъ задуманной имъ малороссійской комедіи, усердно собирая для нея матеріалъ и изучая для этой цѣли сборники малороссійскихъ пѣсенъ; теперь онъ занялся приготовленіемъ обѣщанной М. С. Щепкину для его бенефиса переводной пьесы одного изъ любимыхъ его итальянскихъ комическихъ писателей, Джордано Жиро; „Дядька въ затруднительномъ положеніи“ (L'ajo nell'imbarazzo).

Изъ Венеціи, т.-е. изъ перваго пункта, въ которомъ Гоголь почувствовалъ себя нѣсколько оправившимся, онъ послалъ письма болѣе близкимъ своимъ друзьямъ: Погодину, котораго спрашивалъ о его семействѣ, и О. С. Аксаковой (за отсутствіемъ изъ Москвы Сергѣя Тимоѳеевича). Наконецъ, Гоголь снова въ Римѣ. Но только-что исполнилась его мечта, какъ его на самыхъ же первыхъ порахъ поразила еще болѣе серьезная и тяжелая болѣзнь, нежели перенесенная имъ въ Вѣнѣ. Сверхъ всякаго ожиданія онъ долженъ былъ со страхомъ и скорбью удостовѣриться, что „ни Римъ, ни небо, ни то, что̀ такъ было причаровало его, ничуть не имѣютъ теперь на него вліянія“[1]). Въ это время у него даже серьезно являлась временами мысль провести время какъ можно долѣе въ спасительной для него дорогѣ и даже ѣхать съ этой цѣлью курьеромъ въ Камчатку[2]). Еще въ Вѣнѣ онъ въ первый разъ пережилъ такъ часто послѣ овладѣвавшій имъ ужасъ близкой, какъ ему казалось, смерти, и это на всю жизнь оставило въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ уже составилъ тогда „тощее духовное завѣщаніе, чтобы хотя долги были выплачены немедленно послѣ смерти“[3]). Когда Гоголь,

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 419.
2) Тамъ же, стр. 419 и 424, примѣч.
3) Тамъ же, стр. 418.

почувствовавъ необычайный приливъ силъ, слишкомъ горячо принялся вдругъ за давно оставленную работу, тяжкій недугъ свалилъ его, и лихорадочное напряженіе пагубно отозвалось на слабомъ уже организмѣ. Поѣздка въ Италію сначала, повидимому, помогла ему, но зато вскорѣ онъ слегъ окончательно и не вставалъ съ постели уже около двухъ мѣсяцевъ. Подъ вліяніемъ этого стеченія несчастныхъ обстоятельствъ Гоголь былъ снова вынужденъ просить друзей о мѣстѣ при Кривцовѣ[1]). Непріятность усиливалась еще тѣмъ, что вмѣсто уплаты прежнихъ долговъ Гоголь не могъ обойтись безъ новаго займа у Панова въ количествѣ тысячи рублей[2]). Но надо припомнить, что онъ былъ на краю гроба, и внезапная болѣзнь опрокинула вверхъ дномъ всѣ его намѣренія и ожиданія. Словомъ, ни одна изъ его розовыхъ надеждъ не исполнилась, но удары судьбы обрушивались на его голову очень исправно.

Все это способствовало усиленію въ Гоголѣ рокового мистицизма, который съ этого времени сталъ замѣчать и С. Т. Аксаковъ, совершенно раздѣлявшій убѣжденіе Гоголя, что „много чуднаго совершилось съ нимъ послѣ ихъ разлуки“. Теперь Гоголь все болѣе утрачиваетъ послѣдніе слѣды жизнерадостнаго настроенія, угасаніе котораго замѣчалъ довольно ясно гостившій у него въ 1841 г. П. В. Анненковъ. Онъ все глубже уходилъ въ свой внутренній міръ; и тутъ-то у него зародилась мысль создать нѣчто необычайное въ послѣднихъ томахъ „Мертвыхъ Душъ“. Онъ уже усвоилъ взглядъ на первый томъ, только какъ на крыльцо къ величественному зданію, а свое выздоровленіе приписывалъ прямо „дивной силѣ Бога, воскресившаго его“ [3]). Матеріальное положеніе его уже больше не тревожитъ: онъ привыкаетъ къ постояннымъ невзгодамъ и смотритъ на нихъ такъ: „Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о томъ, что у меня ни копѣйки денегъ. Живу кое-какъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трынъ-трава. Если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны или лѣта, то, можетъ-быть, мнѣ удастся еще при-

---

[1]) См. письмо къ Плетневу отъ 30 окт. 1840,—тамъ же, стр. 422.

[2]) Тамъ же, стр. 427.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 425 и 428 (ср. «Русск. Арх.», 1890, VIII, 43).

готовить что-нибудь къ печати кромѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Теперь ему нужна была дорога *даже изъ Рима*..

5 марта 1841 г. Гоголь снова писалъ Аксакову, что для него „нужно сдѣлать заемъ“. Но для объясненія послѣдняго обстоятельства необходимо принять въ соображеніе, что онъ готовилъ къ печати „Ревизора“ въ исправленномъ видѣ и „Мертвыя Души“. Но онъ „питаетъ надежду скоро все выплатить“. „Въ началѣ 1842 г.“, — обѣщаетъ онъ, — „выплатится мною все, потому что уже одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года, уже достаточно для уплаты“. Подъ вліяніемъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ, совершенно обновленный, снова принялся онъ за работу, предаваясь въ то же время мистическому утѣшенію, что всѣ посланныя ему несчастія были ему на благо. Это видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ письма къ Аксакову: „Я радъ всему, всему, что̀ ни случается со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то растроганная душа моя не находитъ словъ благодарить Невидимую Руку, ведущую меня“[1]). Замѣтимъ здѣсь, что С. Т. Аксакову казалось ново такое настроеніе Гоголя. Но мы уже имѣли случай, основываясь на несомнѣнныхъ данныхъ, указать, что еще въ 1836 г. подобные взгляды высказывались Гоголемъ въ письмѣ къ Жуковскому[2]). Теперь мистическое настроеніе Гоголя проявлялось, правда, ужъ слишкомъ замѣтно, напр. въ утвержденіи, что во всемъ, что̀ съ нимъ случалось, „ясно видна святая воля Бога: подобныя вещи не приходятъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета“[3]). Теперь Гоголь получаетъ убѣжденіе, что „и пріѣздъ въ Москву, и нынѣшнее путешествіе въ Россію, — все было благо“. О себѣ Гоголь говорилъ: „Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Друзья сдѣлаютъ небезполезное дѣло! Они привезутъ съ собой глиняную вазу; конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 426.

[2]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 951.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 436.

этой вазѣ теперь заключено сокровище“ [1]). Во время этого нравственнаго экстаза Гоголь написалъ первое обличительное письмо своему другу Данилевскому, упрекая его за „жизнь невозмущенно-праздно протекшую въ пресмыканіяхъ по великолѣпнымъ парижскимъ кафе“ [2]), въ которыхъ онъ часто самъ бывалъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ; Аксаковыхъ упрекалъ заочно за то, что, потерявъ сына, они предались отчаянію, забывъ, что „всякую минуту мы должны благодарить за то, что̀ остается“ [3]); въ письмѣ къ матери вызывался заступить сиротѣ-племяннику мѣсто отца; о мѣстѣ при Кривцовѣ говорилъ уже съ полнѣйшимъ презрѣніемъ [4])...

II.

Самыя цѣнныя воспоминанія о Гоголѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ мы находимъ въ статьѣ Анненкова „Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года“. Въ это время Анненковъ жилъ вмѣстѣ съ Гоголемъ и, пытливо наблюдая за настроеніемъ и образомъ жизни нашего писателя, давалъ себѣ строгій отчетъ въ характерѣ происходившаго въ немъ перелома. Такъ при разныхъ обстоятельствахъ онъ изучилъ три разныхъ фазиса духовнаго развитія Гоголя. Поэтъ относился къ нему съ чувствомъ полнаго довѣрія и теплой, почти товарищеской пріязни, установившейся еще въ извѣстномъ намъ нѣжинскомъ кружкѣ, на почвѣ дружескаго общенія молодежи. Успѣшности наблюденій особенно благопріятствовали большой природный тактъ и врожденная деликатность Анненкова, умѣвшаго строго держаться удачно выбранной и обдуманной системы.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Римъ, при первомъ появленіи Анненкова въ квартирѣ Гоголя, произошла радостная встрѣча давнихъ пріятелей, причемъ Гоголь тогда же или вскорѣ при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 437. См. сходное сравненіе въ «Тарасѣ Бульбѣ» о Кукубенкѣ. Любопытно, что это сравненіе является лишь въ исправленной редакціи, слѣд. возникло въ умѣ Гоголя именно въ разсматриваемую пору (см. соч. Гоголя, изд. X, т. I, 336).

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 446.

[3]) Тамъ же, стр. 445.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 449.

гласилъ Анненкова поселиться вмѣстѣ съ нимъ и занять комнату собиравшагося уѣхать изъ Италіи Панова. Гоголь ласково называлъ Анненкова старой кличкой Жюль Жанена. Затѣмъ въ продолженіе всего времени ихъ сожительства Анненковъ умно поддерживалъ добрыя отношенія, ни въ чемъ не стѣсняя Гоголя и являясь для него драгоцѣннымъ собесѣдникомъ въ минуты досуга. Особенно старался Анненковъ не быть ни въ чемъ навязчивымъ и нигдѣ не переходить границъ точно опредѣлившихся отношеній, чѣмъ и успѣлъ сохранить самую выгодную и удобную для себя позицію, бесѣдуя съ Гоголемъ за перепиской „Мертвыхъ Душъ" или при случайныхъ встрѣчахъ дома и охотно сопровождая его во время загородныхъ поѣздокъ. „Поселившись рядомъ съ Гоголемъ, въ комнатѣ, двери которой почти всегда были отворены", — разсказываетъ Анненковъ, — „я связанъ былъ съ Николаемъ Васильевичемъ только однимъ часомъ дня, когда занимался перепиской „Мертвыхъ Душъ". Остальное время мы жили розно, и каждый по-своему. Правда въ теченіе дня сталкивались другъ у друга довольно часто, а вечера обыкновенно проводили вмѣстѣ; но важно было то, что между нами существовало *молчаливое* условіе не давать чувствовать себя товарищу ни подъ какимъ видомъ. Гоголь вообще *любилъ* тѣ отношенія между людьми, гдѣ нѣтъ никакихъ связующихъ правъ и обязательствъ, гдѣ отъ него ничего не требовали. *Онъ тогда только и давалъ что-либо отъ себя*[1]). Такимъ образомъ въ своихъ отношеніяхъ къ Гоголю Анненковъ выигрывалъ какъ природной деликатностью, такъ и намѣренно употребляемымъ въ дѣло тонкимъ разсчетомъ, и если замѣчалъ въ своемъ сожителѣ какія-нибудь странности, то зорко слѣдилъ за ними, но старательно избѣгалъ „открыть секретъ", понимая, что деликатная скромность часто бываетъ несравненно лучше неумѣстнаго и навязчиваго участія. Благодаря этимъ качествамъ умнаго наблюдателя, способнаго относиться объективно къ предмету своего изученія, Анненковъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ большое преимущество передъ другими, можетъ-быть, болѣе близкими къ Гоголю людьми, оставившими о немъ воспоминанія, и ни у кого больше мы не найдемъ такого отчетливаго и яснаго изображенія особен-

---

[1]) Анненковъ «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I, стр. 197.

ностей его духовной жизни въ разные періоды и такого умѣнія выдвинуть именно существенныя черты его характера, нерѣдко заслоняемыя въ разсказѣ С. Т. Аксакова и другихъ любопытными подробностями чисто фактическаго характера или чисто субъективной окраской передаваемаго.

Анненковъ засталъ Гоголя въ Римѣ какъ разъ во время кризиса, въ тотъ моментъ, когда, несмотря на надвигавшуюся мрачную тучу мистическаго отношенія къ жизни, высокое духовное торжество Гоголя, по причинѣ успѣшнаго окончанія перваго тома „Мертвыхъ Душъ", блеснувшее свѣтлымъ лучемъ плѣнительнаго вешняго дня въ безпріютной жизни нашего скитальца, въ послѣдній разъ увѣнчало его трехлѣтнее беззавѣтное наслажденіе Италіей высшимъ разсвѣтомъ земного счастья. Отъ всѣхъ серьезныхъ и юмористическихъ замѣчаній Гоголя, отъ каждой его шутки снова повѣяло полной жизнью, и нельзя было бы думать, что эти красные дни, явившіеся на прощанье во всей своей прелести, непосредственно предшествовали безпросвѣтному осеннему ненастью и мраку. Сознаніе достигнутаго успѣха и надежда на подвигъ, ожидаемый въ будущемъ, посреди чудной итальянской природы, казалось, дѣлали въ глазахъ Гоголя жизнь прекрасною. Анненковъ и здѣсь явился пріятнымъ собесѣдникомъ и товарищемъ Гоголя, хорошо понимая художественныя красоты „Мертвыхъ Душъ" и вполнѣ раздѣляя эстетическія увлеченія своего спутника во время общихъ прогулокъ и посѣщеній картинныхъ галлерей. Если Анненковъ не обладалъ собственно поэтической душой, то онъ былъ несомнѣнно образованнымъ и воспріимчивымъ цѣнителемъ прекраснаго. Кромѣ того, каждая строка его воспоминаній, въ которыхъ передаются подробности путешествія въ Римъ, доказываетъ его замѣчательную способность мѣтко схватывать и передавать живыя черты наблюдаемой жизни; даже и мимолетныя впечатлѣнія получали въ его разсказѣ весьма характерную окраску, такъ что въ общемъ картина, хотя нарисованная кистью второстепеннаго писателя, все-таки носила на себѣ яркое отраженіе описываемой страны. Такой человѣкъ былъ дорогъ Гоголю общностью симпатій. „Послѣ утренней работы еще до обѣда" — разсказываетъ Анненковъ, — „Гоголь приходилъ

прямо къ превосходной терассѣ виллы Барберини, господствующей надъ всей окрестностью, куда являлся и я, покончивъ съ осмотрами города и окрестностей. Гоголь садился на мраморную скамейку терассы, вынималъ изъ кармана книжку, читалъ и смотрѣлъ, отвѣчая и дѣлая вопросы быстро и односложно" [1]). Анненковъ хорошо узналъ его вкусы и между ними не было, повидимому, тѣхъ непріятныхъ и натянутыхъ сценъ, которыя прорывались у Гоголя при первомъ бѣгломъ впечатлѣніи въ сношеніяхъ со многими другими людьми и создали ему репутацію невыносимо капризнаго человѣка. Въ случаяхъ невольно причиненной Гоголю досады Анненковъ быстро заминалъ дѣло и возвращалъ слегка поколебавшееся равновѣсіе. Такъ, однажды онъ, замѣтивъ черновой листокъ драмы Гоголя изъ украинскаго быта, „наклонился къ бумажкѣ и прочелъ вслухъ первую фразу какого-то стараго казака, попавшуюся на глаза: „и зачѣмъ это Господь Богъ создалъ бабъ на свѣтъ, развѣ только, чтобъ казаковъ рожала баба"... Гоголь сердито бросился съ восклицаніемъ „это что?" вырвалъ у меня бумажку изъ рукъ и сунулъ ее въ письменное бюро; затѣмъ мы спокойно принялись за дѣло" [2]). Такое осмотрительное отношеніе къ Гоголю было усвоено всѣми окружающими и безусловно требовалось имъ; Анненковъ, благодаря особенностямъ своего характера, безъ труда вступилъ на эту колею. Его мягкая натура постоянно проявляется въ воспоминаніяхъ: онъ то церемонится съ нахальнымъ ветурино, дозволяя ему самое наглое нарушеніе контракта, то довѣряетъ изъ ложной деликатности свое лѣченіе какому-то сомнительному доктору, убѣдившись, что послѣдній съ приведеннымъ на помощь фельдшеромъ „рѣшились на насиліе", и покорно отдаетъ себя въ ихъ распоряженіе" [3]). Объ отношеніяхъ къ Гоголю прочихъ окружающихъ Анненковъ замѣчаетъ, что „всѣ они чрезвычайно берегли уединеніе Гоголя и пароксизмы раздумья, находившіе на него, какъ бы предчувствуя за ними тяжелую, многосложную внутреннюю работу" [4])

---

[1]) Тамъ же, стр. 208.
[2]) Стр. 209.
[3]) Стр. 215.
[4]) Стр. 209.

III.

Всѣ эти черты, характеризующія отношенія Анненкова къ Гоголю въ Римѣ, необходимо принять во вниманіе для объясненія нѣкоторыхъ кажущихся противорѣчій между его сообщеніями и разсказами другихъ лицъ о Гоголѣ. Въ сущности припомнивъ и сообразивъ все сказанное о немъ Анненковымъ, мы можемъ легко согласить эти противорѣчія, если остановимся на той указываемой всѣми воспоминаніями чертѣ Гоголя, которая требовала по отношенію къ нему безусловной предупредительности и подчиненія. Тѣ же причуды и тѣ же капризы! Но, конечно, впослѣдствіи Гоголь, сдѣлавшись совершенно болѣзненнымъ, сталъ еще несдержаннѣе и раздражительнѣе. Теперь противовѣсъ всѣмъ непривлекательнымъ чертамъ Гоголя заключался въ свѣтломъ настроеніи, которое сообщало ему пока счастливое окончаніе первой части своего труда. Теперь, по свидѣтельству Анненкова, „торжество писателя и гражданина, достигающихъ послѣдней цѣли своихъ стремленій, звучитъ удивительно полнымъ и могучимъ аккордомъ: мысль о близкомъ появленіи романа низводитъ небо въ душу автора и даетъ ему чувствовать заразъ наслажденія всѣхъ возрастовъ [1])“, тогда какъ позднѣе, и скоро, по словамъ Анненкова же, „Мертвыя Души“ стали для него „той подвижнической кельей, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея [2])“. „Если эта поэма“ — замѣчаетъ Анненковъ — „по справедливости можетъ назваться памятникомъ его, какъ писателя, то съ неменьшей основательностью позволительно сказать, что въ ней готовилъ себѣ онъ и гробницу, какъ человѣку“. Притомъ надо принять въ соображеніе одно обстоятельство, указанное самимъ Гоголемъ и въ данномъ случаѣ имѣющее огромное значеніе: благодаря своей скрытности ему удавалось иногда замаскировать настоящее свое настроеніе и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было нерадостно. Такъ, говоря о времени, довольно близкомъ къ тому, когда онъ жилъ съ Анненковымъ, Гоголь со-

---

1) Тамъ же, стр. 222.
2) Тамъ же, стр. 195.

общаетъ слѣдующее въ письмѣ къ Смирновой изъ Карлсбада: „Ваши болѣзненныя страданія я уже знаю и всѣ ихъ почти испыталъ. Эти болѣзненные страхи, эти непонятныя безпокойства, эти безпрестанныя ожиданія чего-то страшнаго, долженствующаго сей же часъ разразиться, все это у меня уже было, хотя я и скрывалъ это въ себѣ и не показывалъ наружно. Это было еще тогда, когда вы были въ Римѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ настаетъ ясность и свѣтлость въ душѣ; и умъ проясняется въ нѣсколько кратъ больше[1])". Такое признаніе, сдѣланное Смирновой въ интимномъ письмѣ и указывающее на душевное состояніе, прежде тщательно скрываемое даже отъ этого задушевнѣйшаго друга, конечно, тѣмъ менѣе могло быть уловлено Анненковымъ, съ которымъ Гоголь никогда не доходилъ до той значительной степени откровенности, какъ съ Смирновой. Послѣдней онъ повѣрялъ позднѣе, въ 1845 г., даже то, что онъ не любитъ своихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно „Мертвыхъ Душъ[2])": вотъ до какой степени въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ измѣнилось его отношеніе къ собственному творчеству и къ тому самому началу своего главнаго труда, успѣшное исполненіе котораго недавно вливало въ его душу весьма отрадное состояніе, описанное намъ Анненковымъ. Теперь онъ круто поворотилъ въ другую сторону и прямо заявилъ: „Вовсе не губернія и нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что̀ имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ". Это, покамѣстъ, еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу было угодно продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, что эта тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного только автора[3])". Послѣднія слова сильно напоминаютъ такое же аллегорическое перетолкованіе заднимъ числомъ идеи „Ревизора" въ такъ называемой „Развязкѣ Ревизора" и являются вопіющимъ свидѣтельствомъ коренной перемѣны во взглядахъ автора на свой трудъ, а также на

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 251.

[2]) Тамъ же, стр. 204.

[3]) Тамъ же, стр. 204—205.

срокъ его выполненія, — если сопоставить ихъ съ засвидѣтельствованнымъ Аксаковыми обѣщаніемъ Гоголя еще въ маѣ 1842 г., что „черезъ два года будетъ готовъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ", вдвое толще перваго"[1]).

Тайной должны были оставаться „Мертвыя Души" для публики какъ до появленія перваго тома, такъ и ихъ дальнѣйшій планъ по выходѣ этой книги. Въ Римѣ въ 1841 г. Гоголь держалъ свои созрѣвавшіе замыслы въ полномъ секретѣ. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго разсказа Ѳ. И. Буслаева, нечаянно встрѣтившаго Гоголя въ кафе:

„Собесѣдники болтали и шумѣли: это былъ народъ веселый и беззаботный. Только въ одномъ углу сидѣлъ, сгорбившись надъ книгою, какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, и въ теченіе получаса, пока я поджидалъ своего Панова, онъ такъ погруженъ былъ въ чтеніе, что ни разу ни съ кѣмъ не перемолвился ни единымъ словомъ, ни на кого не обратилъ хоть минутнаго взгляда, будто окаменѣлъ въ своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы съ Пановымъ вышли изъ кофейни, онъ спросилъ меня: „ну, видѣлъ? познакомился съ нимъ? говорилъ?" Я отвѣчалъ отрицательно. Оказалось, что я цѣлыхъ полчаса просидѣлъ за столомъ съ самимъ Гоголемъ. Онъ читалъ тогда что-то изъ Диккенса, которымъ, по словамъ Панова, въ то время былъ онъ заинтересованъ. Замѣчу мимоходомъ, что по этому случаю узналъ я въ первый разъ имя великаго англійскаго романиста: такъ и осталось оно для меня навсегда въ соединеніи съ наклоненною надъ книгой фигурою въ полусвѣтѣ темнаго угла.

Когда Пановъ устроился въ своей квартирѣ, Гоголь поселился у него и прожилъ вмѣстѣ съ нимъ всю зиму 1840—1841 г. На все это время Пановъ, забывая, что живетъ въ Римѣ, вполнѣ предался неустаннымъ попеченіямъ о своемъ дорогомъ гостѣ, былъ для него и радушнымъ, щедрымъ хозяиномъ, и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашнимъ секретаремъ, когда нужно было что̀ перепи-

---

[1]) «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 301.

сать, даже услужливымъ приспѣшникомъ на всякую мелкую потребу.

Въ жизни великаго писателя всякая подробность можетъ имѣть важное значеніе, особенно если она касается литературы. Гоголь желалъ познакомиться съ лирическими произведеніями Франциска Ассизскаго, и я черезъ Панова доставилъ ихъ ему въ томъ изданіи старинныхъ итальянскихъ поэтовъ, которое, уже вы знаете, рекомендовалъ мнѣ мой наставникъ Франческо Мази.

Какъ-то случилось, что въ теченіе двухъ или трехъ недѣль ни разу не привелось намъ съ Пановымъ видѣться: ко мнѣ онъ пересталъ заходить, я нигдѣ его не встрѣчалъ, спрашивалъ о немъ у нашихъ общихъ знакомыхъ, но и отъ нихъ о немъ ни слуху, ни духу — совсѣмъ запропастился. Наконецъ, является ко мнѣ, но такой странный и необычный, какимъ я его никогда не видывалъ, умиленный и просвѣтленный, будто какая благодать снизошла на него съ неба; я спрашиваю его: „что̀ съ тобою? куда ты дѣвался?“ — „Все это время“, — отвѣчалъ онъ, — „былъ я занятъ великимъ дѣломъ, такимъ, что ты и представить себѣ не можешь; продолжаю его и теперь“. И говоритъ онъ это такъ сдержанно, таинственно, чуть не шопотомъ, чтобы кто не похитилъ у него сокровище, которое переполняетъ его душу свѣтлою радостью. Будучи погруженъ въ свои римскіе интересы, я подумалъ, что гдѣ-нибудь въ развалинахъ откопанъ новый Лаокоонъ или новый Аполлонъ Бельведерскій, и что теперь пришелъ Пановъ сообщить мнѣ объ этой великой радости. „Нѣтъ, совсѣмъ не то“, — отвѣчалъ онъ: — „Дѣло это наше родное русское: Гоголь написалъ великое произведеніе, лучше всѣхъ Лаокооновъ и Аполлоновъ; называется оно: „Мертвыя Души“, а я его теперь переписываю набѣло“. Тутъ въ первый разъ услышалъ я загадочное названіе книги, которая стала потомъ драгоцѣннымъ достояніемъ нашей литературы, и сначала вообразилъ себѣ, что это какой-нибудь фантастическій романъ или повѣсть въ родѣ Вія; но Пановъ разувѣрилъ меня, однако не могъ ничего сообщить мнѣ о содержаніи новаго произведенія, потому что Гоголь желалъ сохранять это дѣло въ тайнѣ“[1]).

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1891, VII, стр. 212–213.

IV.

Въ промежутокъ отъ осени 1840 до осени 1841 г. Гоголь, кромѣ Анненкова и Панова, проводилъ время преимущественно также въ обществѣ Иванова и Языкова, съ которымъ онъ познакомился и сблизился въ Ганау, гдѣ долго лѣчился Языковъ и куда пріѣхалъ потомъ на обратномъ пути въ Россію и Гоголь.

Мы уже говорили, что когда Гоголю приходилось послѣ нѣкотораго отсутствія изъ Италіи предаваться сладостнымъ мечтамъ о скоромъ возвращеніи, то въ его воображеніи живо воскресали новыя, нетерпѣливо ожидаемыя встрѣчи съ Ивановымъ, Моллеромъ и другими членами кружка на римскихъ улицахъ и въ давно знакомыхъ остеріяхъ, и что Гоголь какъ будто возвращался на родину и къ самымъ дорогимъ для него людямъ. Но наиболѣе задушевнымъ чувствомъ дышатъ у него въ письмахъ къ Иванову самыя, повидимому, заурядныя строки! Всего ярче это видно изъ извѣстнаго намъ начала письма изъ Вѣны отъ 25 іюня 1840 г.: „Господи Боже мой, сколько лѣтъ я васъ не видалъ, il carissimo signore Alessandro! Чтò вы подѣлываете? въ Римѣ ли вы? не напрасно ли пишется это письмо къ вамъ? я самъ такъ долго пропадалъ, что, думаю, ужъ не забыли-ли вы меня! Что дѣлаетъ ваша Famosa? (т.-е., разумѣю я, картина[1]). На чемъ она теперь остановилась? т.-е., я разумѣю: на чемъ остановился трудъ вашъ? Близится ли къ концу, или еще донынѣ остаются роковые treanni? Съ нетерпѣніемъ алчу узрѣть ее и обнять самого maestro. Я былъ въ Россіи, и чортъ знаетъ гдѣ. Теперь сижу въ Вѣнѣ, пью воды, а въ концѣ августа, или въ началѣ сентября буду въ Римѣ, увижу васъ, побредемъ къ Фалькону ѣсть bacchio arrosto, или girato и осушимъ фальету asciuto, и настанетъ вновь моя райская жизнь“. Все это невольно заставляетъ пожалѣть о томъ, что слѣпая судьба, такъ часто

---

[1]) Такъ, въ подлинномъ письмѣ; въ изданіи Кулиша исправлено: картину, а равно и ниже сдѣланы нѣкоторыя стилистическія исправленія наиболѣе неправильныхъ выраженій.

осыпая обильными матеріальными средствами людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ, нерѣдко утопающихъ въ пошломъ провожденіи жизни и въ низкихъ удовольствіяхъ, готова была отказать этимъ энтузіастамъ-поэтамъ въ высокихъ, благороднѣйшихъ наслажденіяхъ изящнымъ въ великой столицѣ искусствъ. Неудивительно, что при глубокомъ взаимномъ сочувствіи, Гоголь и Ивановъ, являясь гдѣ-нибудь вмѣстѣ или встрѣчаясь на „гоголевскихъ“ вечерахъ, казались близнецами. Но сближеніе ихъ, повидимому, было не совсѣмъ понятно *даже* наиболѣе близкимъ къ обоимъ людямъ, *даже* принадлежавшимъ къ міру художниковъ, но о которыхъ нельзя было бы сказать, какъ про Гоголя и Иванова, употребляя лермонтовское выраженіе, что у нихъ было „много музыки въ душѣ“. *Даже* Іорданъ, мѣрившій эти въ высшей степени интимныя отношенія аршиномъ холоднаго разсудка и узкой житейской мудрости, выказываетъ, по нашему мнѣнію, явное непониманіе этихъ отношеній, когда говоритъ: „Много-ли разговаривалъ Ивановъ съ Гоголемъ внѣ этихъ нашихъ собраній, и былъ ли у нихъ живой *важный обмѣнъ мыслей* — того я не знаю“[1]). Здѣсь очевидное недоразумѣніе: дружба Гоголя съ Ивановымъ имѣла своимъ основаніемъ, несомнѣнно, общую имъ артистическую жилку, и потому, быть-можетъ, Іорданъ ошибается и далѣе, предполагая, что, такъ какъ „про свои работы ни Гоголь, ни Ивановъ, — *эта неразлучная парочка,* никогда не разговаривали съ нами“, то слѣдуетъ допустить, что „они про нихъ (?) разсуждали другъ съ дружкой, наединѣ, когда насъ тамъ не было“. Мы же склонны думать напротивъ, что дружескія отношенія Гоголя съ Ивановымъ опирались не столько на сходство въ убѣжденіяхъ, котораго безуспѣшно доискивался у нихъ Іорданъ, сколько просто на присущее обоимъ крайне восторженное преклоненіе передъ всѣмъ изящнымъ. Надо помнить, что иногда, можетъ-быть, даже самый близкій другъ не былъ такъ дорогъ Гоголю и не внушалъ ему такихъ горячихъ симпатій, какъ порою кто-нибудь изъ простыхъ знакомыхъ, въ родѣ Золотарева, когда послѣдній могъ раздѣлять съ нимъ восторженное упоеніе вѣчными красотами Италіи: въ

---

1) Боткинъ, «Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка», стр. 399.

этихъ случаяхъ въ Гоголѣ гораздо сильнѣе говорила въ сущности его тонкая художественная натура, нежели собственно теплота сердца, и потому-то онъ иногда такъ неожиданно и легко перемѣнялъ тонъ и обращеніе съ людьми, повидимому, горячо любимыми, чуть только вслѣдъ за поэтическимъ очарованіемъ на него пахнетъ ненастной сыростью тусклой обыденной жизни. Поэтому же, подъ вліяніемъ все усиливавшагося болѣзненнаго состоянія организма, по общему признанію, суровая проза съ годами все больше убивала въ Гоголѣ „свѣтлое расположеніе духа“, которымъ прежде, по словамъ Іордана, онъ „всѣхъ оживлялъ и занималъ“,—и конечно, это произошло совсѣмъ не по той причинѣ, какъ предполагаетъ Іорданъ, что Гоголь не имѣлъ успѣха на публичномъ чтеніи въ палаццо княгини Зинаиды Волконской, когда, желая помочь бѣдному художнику Шаповаленкѣ[1]), онъ возымѣлъ намѣреніе публично прочесть „Ревизора“. Вотъ какъ описываетъ Іорданъ это фіаско Гоголя: „Княгиня Зинаида Волконская дала залу въ своемъ Palazzo Poli; собрались всѣ русскіе, находившіеся тогда въ Римѣ. Плата была громадная — 5 скудъ; мы, художники, были всѣ на лицо. Ивановъ разсказывалъ (sic) намъ заранѣе: „вотъ вы увидите-съ, вотъ вы увидите-съ, какъ Николай Васильевичъ прочтетъ. Это просто чудесно-съ! Никто такъ не можетъ-съ!“ Поставили Гоголю столъ на эстрадѣ, а на немъ двѣ свѣчи и стаканъ съ сахарной водой. Но Гоголь сталъ читать такъ вяло, такъ невыносимо скучно, что нагналъ тоску на всѣхъ. Уже съ самаго почти начала и тотчасъ послѣ 1-го акта, гости стали одинъ за другимъ расходиться. Подъ конецъ остались въ залѣ одни мы, художники. Гоголь былъ жестоко оскорбленъ и обиженъ. Его самолюбіе столь всегда щекотливое, неимовѣрно страдало, и онъ этого случая никогда потомъ не могъ забыть. Съ тѣхъ-то поръ, бывало, онъ, иногда въ цѣлый вечеръ, не промолвитъ ни единаго слова.

---

[1]) Шаповаловъ, ученикъ Иванова, въ качествѣ малоросса пользовался особеннымъ расположеніемъ Гоголя. Въ свою очередь, Ивановъ заботился о немъ больше всего ради Гоголя. Однажды Ивановъ писалъ отцу: «выдача денегъ и попеченіе о Шаповаленкѣ довѣрено мнѣ, что̀ сдѣлано *единственно* изъ уваженія къ Гоголю; въ противномъ бы случаѣ никакой охоты не имѣлъ заниматься съ ученикомъ,— обязанность самая несносная для непривычнаго и совѣстливо ее понимающаго» (Боткинъ, 137—138).

Сидитъ себѣ, опустивъ голову на грудь, и запустивъ руки въ карманы шароваръ, — и молчитъ [1])“.

Причиной неудачи въ данномъ случаѣ была, конечно, обычная застѣнчивость Гоголя и его непривычка читать въ незнакомомъ и притомъ многочисленномъ обществѣ. Итакъ, если названное соображеніе Іордана справедливо, то *въ томъ только смыслѣ,* что въ числѣ разныхъ жизненныхъ невзгодъ и ударовъ, низводившихъ Гоголя съ облаковъ и „клонившихъ его долу“, и эта неудача должна была имѣть несомнѣнное и притомъ не малое значеніе. Дѣло въ томъ, что въ бытность свою въ Италіи Гоголь слишкомъ много жилъ упоеніемъ настоящей минуты, за что и пришлось ему послѣ расплачиваться сильно дававшей себя знать злой тоской отъ подчиненія неумолимымъ условіямъ времени и матеріальныхъ средствъ, временнымъ освобожденіемъ отъ которыхъ онъ прежде наслаждался отъ всей души. Въ этомъ именно смыслѣ мы объясняемъ себѣ, напримѣръ, слѣдующія строки письма его къ Жуковскому, которыя могли бы казаться инымъ возмутительными, тогда какъ въ сущности онѣ только ярко рисуютъ страстное увлеченіе Гоголя Италіей: „Еслибъ вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу Италію. Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ отъ меня! *Я родился здѣсь. — Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ, — все это мнѣ снилось.* Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этого сна — вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. — Еще одно безвозвратное... О Пушкинъ! Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Что бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ! Но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все. Гляжу, какъ изступленный, на нее и не нагляжусь до сихъ поръ“.

---

[1]) Боткинъ. «А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка». Стр. 398—399.

Итакъ, полагаемъ, чистая внутренняя связь Гоголя съ Ивановымъ не вполнѣ была понятна Іордану; но почему Ивановъ лучше умѣлъ понять и оцѣнить Гоголя, легко объясняется, кромѣ вообще всѣхъ названныхъ причинъ, еще тѣмъ, что и самъ Гоголь охотнѣе открывалъ свою душу только людямъ, особенно ему симпатичнымъ и искренно уважаемымъ, какъ Ивановъ. Притомъ, какъ мы видѣли, съ Ивановымъ Гоголь гораздо больше имѣлъ случаевъ соприкасаться лучшими сторонами своей души, — соприкасаться незамѣтно и невольно.

Говорятъ, что Ивановъ не умѣлъ или не могъ относиться критически къ Гоголю.

Здѣсь опять кроется недоразумѣніе. Ивановъ зналъ въ Гоголѣ многое хорошее, не поддающееся разсудочному анализу и спокойному пересказу и чувствуемое только непосредственно; онъ же притомъ не только искренно любилъ Гоголя и высоко цѣнилъ его, но и былъ твердо убѣжденъ въ его всемогуществѣ и способности побѣждать всѣ затрудненія. Это было, конечно, сильно преувеличенное увлеченіе. Но при всемъ томъ Ивановъ не допускалъ Гоголя хозяйничать въ своей душѣ, и благоговѣніе его передъ Гоголемъ вовсе не исключало самостоятельности въ его отношеніяхъ къ поэту. Когда Ивановъ, по выраженію Іордана, разсказывалъ (sic) заранѣе: „вотъ вы увидите-съ, увидите-съ, какъ Николай Васильевичъ прочтетъ; это просто чудесно! никто не можетъ такъ-съ!“ то здѣсь, очевидно, не было и тѣни какого-нибудь слѣпого предубѣжденія въ пользу Гоголя, который, *какъ всѣ знаютъ,* въ самомъ дѣлѣ читалъ мастерски. Здѣсь произошла просто досадная и необъяснимая для Иванова случайная неудача, которой никакъ нельзя было предвидѣть. Не надо забывать, что самый лучшій чтецъ можетъ въ иную минуту прочесть довольно посредственно то, что̀ онъ безподобно прочтетъ завтра же. Вообще, сужденія Іордана о Гоголѣ и Ивановѣ представляются намъ неглубокими, и мы присоединяемся въ своемъ пониманіи отношеній Иванова къ Гоголю къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ превосходной статьѣ В. В. Стасова[1]). Далѣе всѣ жившіе въ Римѣ художники, по ихъ

[1]) Характеристика Иванова, сдѣланная г. Стасовымъ: «Вѣстникъ Европы» 1880 г., I,128.

собственному сознанію, смотрѣли на Гоголя снизу вверхъ, и Ивановъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія, но это вовсе не значитъ еще, что преклоненіе его передъ Гоголемъ не имѣло границъ, а скорѣе указываетъ лишь на то, что его благоговѣніе было искреннѣе и восторженнѣе, нежели у другихъ его товарищей.

V.

Въ числѣ друзей Гоголя, особенно имъ любимыхъ и находившихся съ нимъ въ ровныхъ, неизмѣнно близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ, видное мѣсто принадлежитъ поэту Н. М. Языкову. Гоголя соединяли съ Языковымъ сходныя воззрѣнія на поэзію и литературу вообще, присущее имъ обоимъ глубокое религіозное настроеніе и, наконецъ, также въ значительной степени, тяжелыя страданія отъ физическихъ недуговъ. Ихъ взаимная привязанность, насколько можно судить по письмамъ, никогда не только не была серьезно омрачена какой-нибудь размолвкой, но даже и деликатно сдерживаемымъ взаимнымъ недовольствомъ. Одинъ только разъ въ письмахъ Гоголя къ Языкову промелькнула легкая тѣнь неудовольствія по поводу просьбы послѣдняго прислать что-нибудь въ издаваемый ихъ общимъ пріятелемъ Пановымъ „Московскій Сборникъ". Но, во всякомъ случаѣ, если недостатокъ такта побуждалъ иногда нѣкоторыхъ изъ друзей Гоголя диктаторски вмѣшиваться въ его личныя и семейныя дѣла и неловкимъ посредничествомъ растравлять его душевныя раны, то, несомнѣнно, что никогда ничего подобнаго не позволяли себѣ ни Жуковскій, ни Языковъ.

Личное знакомство Гоголя съ Языковымъ относится къ концу тридцатыхъ годовъ, но еще гораздо раньше случалось Гоголю съ восторгомъ говорить въ письмахъ о его поэзіи. Такъ, однажды, послѣ язвительнаго отзыва о разныхъ бездарныхъ писателяхъ, Гоголь восклицаетъ: „Попотчивать-ли тебя (А. С. Данилевскаго) чѣмъ-нибудь изъ Языкова, чтобы закусить эту дрянь[1]) конфектами?" и вслѣдъ затѣмъ цити-

---

[1]) Въ подлинникѣ употреблено гораздо болѣе сильное выраженіе, неудобное для печати.

руетъ отрывокъ изъ одного стихотворенія[1]). Въ другой разъ, сравнивая Языкова съ Пушкинымъ, Гоголь характеризуетъ его поэзію весьма сочувственными чертами, хотя и не теряетъ перспективы въ этомъ сравненіи: „Стихи Языкова — любовь до брака: они эффектны, огненны и съ перваго раза ужъ овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь — это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ болѣе она открывается, развертывается и, наконецъ, превращается въ величавый и обширный океанъ"[2]). Обѣ приведенныя здѣсь цитаты относятся къ 1832 и 1833 годамъ; позднѣйшіе отзывы Гоголя о Языковѣ слишкомъ извѣстны.

Первая встрѣча Гоголя съ Языковымъ задолго предшествовала ихъ совмѣстному сожительству въ Ганау въ августѣ 1841 года, когда они сошлись уже настолько, что предполагали по возвращеніи на родину вмѣстѣ поселиться въ Москвѣ[3]). 19-го сентября 1841 года Языковъ такъ писалъ объ этомъ своей сестрѣ:

„Мнѣ пришлось еще зиму просидѣть въ Ганау. Братъ Петръ Михайловичъ разскажетъ тебѣ, почему, какъ и чего ради это сдѣлалось. Онъ отправился отсюда въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе въ Питеръ и на Русь, вмѣстѣ съ Гоголемъ, который провелъ съ нами цѣлый мѣсяцъ[4]), *ожидая рѣшенія судьбы моей на будущій годъ,* если бы мнѣ ѣхать. Гоголь *сошелся* съ нами; обѣщался жить со мною вмѣстѣ, т.-е. на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву. Онъ, кажется, написалъ много новаго и ѣдетъ издавать оное. Онъ премилый, и я радъ, что братъ Петръ Михайловичъ не одинъ пустился въ дальній путь, а съ товарищемъ, съ которымъ не можетъ быть скучно и который бы-

---

1) Изд. Кулиша, т. V, стр. 172.

2) Изд. Кул., т. V, стр. 151.

3) Одно не бывшее еще въ печати (какъ и всѣ приводимые здѣсь документы) письмо Н. М. Языкова даетъ возможность точно установить, что въ первый разъ онъ видѣлся съ Гоголемъ въ Ганау 30 іюня 1839 года:

«Гоголь вчера былъ у насъ проѣздомъ въ Маріенбадъ. Съ нимъ весело! Онъ мнѣ очень понравился и знаетъ Римъ, какъ свои пять пальцевъ» и проч. (письмо отъ 1 іюля 1839 г. изъ Ганау). Изъ переписки Языкова и его братьевъ видно, что прежде онъ не зналъ Гоголя.

4) Приблизительно отъ половины августа до половины сентября 1841 г.

валъ и перебывалъ въ чужихъ краяхъ и знаетъ всѣ нѣмецкіе обычаи и повѣрія. Гоголь обѣщался пріѣхать пожить и въ Симбирскѣ, чтобы получить истинное понятіе о странахъ приволжскихъ. Это было бы намъ хорошо".

Рѣшено было, что Гоголь и братъ Языкова поѣдутъ впередъ и будутъ дожидаться въ Москвѣ возвращенія Николая Михайловича. Въ ожиданіи послѣдняго, Гоголь, какъ и въ прежніе пріѣзды въ Москву, остановился у Погодина. Его увлеченіе Москвой и московскими пріятелями, однако, оказалось непрочнымъ и непродолжительнымъ. Еще не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, одни неотложныя обстоятельства могли заставить Гоголя, скрѣпя сердце, выѣхать изъ Рима въ Москву, тогда какъ изъ Москвы онъ стремился какъ можно скорѣе вырваться обратно въ любимый городъ, пока это не удалось ему благодаря сдѣланному для него друзьями крупному займу. Теперь онъ мечталъ надолго устроиться въ Москвѣ и въ первомъ письмѣ съ увлеченіемъ писалъ своему другу объ ожидаемыхъ удовольствіяхъ совмѣстной жизни, говоря: „Жизнь наша можетъ быть здѣсь полно хороша и безбурна. Кофій (любимый напитокъ обоихъ друзей) „уже доведенъ мною до совершенства" и проч. Но вскорѣ крупная ссора съ Погодинымъ и недовольство какими-то мелочными непріятностями и сплетнями[1]) заставили Гоголя, не дожидаясь замѣшкавшагося Языкова, „какъ благодати ждать счастливаго отъѣзда".

Въ Римѣ Гоголь снова встрѣчается съ Языковымъ, часто перемѣнявшимъ по совѣту докторовъ мѣста лѣченія. Здѣсь ему пришлось также заботливо ухаживать за „умирающимъ" другомъ, какъ нѣкогда ухаживалъ онъ за другимъ близкимъ человѣкомъ, такъ рано оставившимъ свѣтъ, симпатичнымъ юношей Іосифомъ Віельгорскимъ. Сначала Языковъ былъ такъ слабъ, что за нимъ предполагали прислать кого-нибудь изъ Москвы, чтобы немедленно везти на родину, но черезъ нѣсколько времени онъ оправился настолько, что снова могъ посѣщать разные курорты. Такимъ образомъ друзья разстались навсегда, но сохраняли до конца глубокую нравственную связь, поддерживая письмами другъ въ другѣ религіозное настроеніе.

---

[1]) См. о послѣднихъ въ изд. Кулиша, т. V, стр. 467.

Болѣзни духа и тѣла, мучившія Гоголя уже въ Москвѣ, все болѣе устремляли помыслы его къ иному міру, и идеалъ аскетизма предсталъ передъ нимъ съ неотразимою силою. Въ то самое время, когда рука его выводила „картинку“ для обертки „М. Д.“, онъ писалъ своему другу Н. Д. Бѣлозерскому (12 апрѣля 1842 года): „Здоровье мое и я самъ не гожусь для здѣшняго климата, *а главное — моя бѣдная душа:* ей нѣтъ здѣсь пріюта или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской“ [1]).

Болѣе обстоятельный обзоръ фактовъ внутренней жизни Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ, для объясненія развитія и усиленія въ немъ аскетизма, мы откладываемъ до слѣдующаго тома, который предполагаемъ посвятить преимущественно изученію этого, преобладавшаго въ нашемъ писателѣ въ его послѣдніе годы настроенія. Соотвѣтственно этому, и изъ событій 1842 г., насколько это возможно, мы выбираемъ здѣсь только тѣ, которые менѣе непосредственно и интимно связаны съ исторіей внутренней жизни Гоголя. Такъ мы коснемся здѣсь только съ внѣшней стороны цензурныхъ затрудненій при печатаніи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, а къ вызваннымъ ими душевнымъ пертурбаціямъ намъ придется еще вернуться вторично, когда мы будемъ разсматривать преимущественно интимныя отношенія Гоголя къ друзьямъ и представимъ характеристику его позднѣйшаго аскетическаго настроенія.

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 468—469.

ГОГОЛЬ ВЪ МОСКВѢ

въ 1841—1842 гг.,

(его хлопоты о напечатанiи „Мертвыхъ Душъ“).

I. ГОГОЛЬ ВЪ МОСКВѢ

въ 1841—1842 г.

Хотя всякій разъ, что когда Гоголю, по семейнымъ или другимъ обстоятельствамъ, приходилось оставлять на время Римъ, это было для него своего рода несчастіемъ, и мы знаемъ, что онъ возблагодарилъ судьбу, получивъ, по милости Жуковскаго, возможность снова вернуться въ него; но онъ былъ искреннимъ патріотомъ, а Римомъ восхищался какъ художникъ по натурѣ. Онъ любилъ также и Москву. Одно время онъ сильно колебался между Римомъ и Москвой. Это было въ промежутокъ отъ 1840 до 1842 года. Черезъ годъ послѣ полученія отъ Жуковскаго „радостной вѣсти освобожденія“ [1]), онъ изъ Рима писалъ С. Т. Аксакову: „Теперь я вашъ; Москва моя родина“ [2]). Что Римъ и Москва были особенно любимы Гоголемъ, видно изъ его словъ: „Кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому, послѣ Рима, только Москва и можетъ нравиться“. По возвращеніи изъ Іерусалима, онъ говоритъ, что желалъ бы жить въ Москвѣ, если позволитъ здоровье [3]). Правда мысль эта, высказанная черезъ шесть лѣтъ, послѣ указанныхъ колебаній Гоголя и осуществленная еще позднѣе, была не мимолетная и не случайная, но колебанія также довольно характерны для него. Конечно, здѣсь важное значеніе имѣли и побочныя, второстепенныя обстоятельства. Немедленно по возвращеніи въ Москву въ 1841 году, не успѣвъ почти осмотрѣться и отдохнуть съ дороги, онъ уже писалъ задержанному въ чужихъ краяхъ болѣзнью другу своему, Н. М. Языкову,

---

1) «Соч. и письма Гоголя», V, 395.

2) Тамъ же, V, 437.

3) «Зап. о жизни Гоголя», II, 241.

восторженное письмо[1]), въ которомъ хвалилъ московскій климатъ, тишину въ городѣ и самую жизнь въ немъ; онъ надѣялся насладиться съ Языковымъ уединенною жизнью, которая „можетъ быть здѣсь только хороша и безбурна“[2]); но жизнерадостное настроеніе Гоголя, о которомъ мы сказали выше, было не надолго. Въ это время Гоголь поссорился крупно съ Погодинымъ, такъ что ихъ отношенія охладѣли навсегда, и перепискѣ былъ положенъ конецъ. Оставаться въ Москвѣ было тягостно, тѣмъ болѣе, что, какъ все очевиднѣе выяснялось, Языковъ не могъ и думать о скоромъ возвращеніи изъ-за границы. Теперь Гоголь уже томился въ Москвѣ и снова желалъ пламенно увидѣться поскорѣе съ Языковымъ, но уже заграницей, и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ упомянутаго письма къ нему мы снова читаемъ въ письмахъ Гоголя прежнія жалобы на неспособность работать, вслѣдствіе неудовлетворительности московскаго климата, такъ недавно превознесеннаго. 10-го января 1842 года онъ уже жаловался Максимовичу: „Еслибы ты зналъ: какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь“[3]). Языкову онъ тоже жалуется на какія-то разстроившія его сплетни, заботливо стараясь сгладить противорѣчіе теперешняго минорнаго тона съ прежнимъ мажорнымъ — увѣреніемъ въ томъ, что и прежде потому будто бы мало писалъ, что былъ уже „нерасположенъ“. Неловко было Гоголю сообщить также и Аксаковымъ о ничѣмъ, повидимому, неоправдываемой перемѣнѣ рѣшенія. Особенно тяжело было Гоголю скрывать свои отношенія къ Погодину на именинномъ обѣдѣ въ честь его, 9 мая, когда впрочемъ только самые близкіе люди какъ ему, такъ и Погодину, могли замѣтить, что они не говорятъ другъ съ другомъ[4]). Когда же,

---

[1]) Гоголь пріѣхалъ въ Москву 18-го октября («Зап. о ж. Гог.,» I, 287); письмо было написано 23-го октября.

[2]) Мечты Гоголя о совмѣстной жизни съ Языковымъ въ Москвѣ никогда не осуществились, но они нашли рядомъ мѣсто упокоенія въ Даниловскомъ монастырѣ.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», V, 456.

[4]) Кстати къ этому именинному обѣду относится записка Гоголя къ одному изъ пріятелей: «Очень жалѣю, что опять не засталъ васъ дома. Я думалъ, что вы заглянете навѣстить больного и по старинѣ провести денекъ вмѣстѣ въ погодин-

черезъ нѣсколько времени, они узнали о томъ стороной, — на вопросъ, дѣйствительно ли онъ собирается ѣхать, Гоголь отвѣтилъ уклончиво и только въ рѣшительную минуту заговорилъ о своемъ нездоровьѣ и неспособности продолжать въ Россіи свой трудъ надъ „Мертвыми Душами“. Неискренность Гоголя не укрылась отъ Аксаковыхъ, и они сочли долгомъ деликатности прекратить свои вопросы. Гоголя удерживало еще въ Россіи нѣкоторое время печатанье „Мертвыхъ Душъ“, но и оно приближалось къ концу; въ первыхъ числахъ мая 1842 года онъ радостно извѣщалъ, наконецъ, Жуковскаго о скоромъ свиданіи: „Здоровы ли вы? что̀ дѣлаете? я буду къ вамъ; ждите меня!“[1]). Итакъ, при бездомномъ скитальчествѣ Гоголя, очевидно, огромное вліяніе на выборъ имъ мѣста жительства и, такъ сказать, на самую программу жизни имѣли его дружественныя отношенія, а изъ нихъ преимущественно тѣ, которыя меньше всего отличались семейной обособленностью[2]).

скомъ саду, куда я, не смотря на хворость потащился въ надеждѣ обнять всѣхъ, привыкшихъ проводить вмѣстѣ со мной этотъ день *Но васъ и многихъ другихъ не было*». Другія записки и приглашенія Гоголя см. въ изданіи его писемъ.

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 472.

2) Мы не хотимъ, однако, сказать, что Гоголь, чуждался семейнаго быта, которымъ, напротивъ, онъ отъ полноты души наслаждался не разъ у Смирновыхъ и отчасти у Віельгорскихъ, но все же пребываніе его въ этомъ мірѣ, по самой сущности дѣла, могло быть болѣе или менѣе непродолжительнымъ.

II. ЦЕНЗУРНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ ГОГОЛЯ

въ 1841—1842 г.

I.

Осенью 1841 года Гоголь возвратился въ Россію изъ Рима въ самомъ свѣтломъ настроеніи, воодушевленный надеждами и предвкушеніемъ столь заслуженной славы и того глубокаго нравственнаго удовлетворенія, которое бываетъ обыкновенно наградой за оконченный честный и добросовѣстный трудъ. Кромѣ того передъ нимъ въ роскошныхъ мечтахъ открывалась блестящая будущность, исполненная благородныхъ подвиговъ на пользу дорогой ему родины. Но внутреннее состояніе, созданное цѣлой совокупностью субъективныхъ причинъ, при встрѣчѣ съ внѣшними мелочными дрязгами и испытаніями не могло долго устоять: слишкомъ много стеклось обидныхъ неудачъ и всякихъ непріятностей. Сперва Гоголь, еще въ дорогѣ, былъ недоволенъ тѣмъ, что его „предательски завезли въ Петербургъ“ [1]); потомъ эта первая невзгода уступила было на короткое время невыразимой сладости глубокаго душевнаго спокойствія отъ счастливаго сознанія успѣшнаго окончанія труда и благопріятствовавшей его тогдашнему настроенію внѣшней обстановки: Гоголь поселился въ домѣ Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ, и на первыхъ порахъ безпечно упивался хорошей погодой и прелестью мѣстожительства („воздухъ слышенъ свѣжій, осенній; передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожекъ, ни души, словомъ — рай“), а также своими, хотя однажды уже немного поколебавшимися, но на этотъ разъ еще не успѣвшими вовсе испортиться, добрыми отношеніями къ Погодину. Но причины къ взаимнымъ неудовольствіямъ вскорѣ стали быстро назрѣвать и, еще не предвидя цѣлаго ряда послѣдовавшихъ затѣмъ нравственныхъ толчковъ отъ иныхъ при-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 453.

чинъ, Гоголь уже начиналъ томиться нетерпѣніемъ вырваться изъ тѣхъ непріятныхъ условій, въ которыя неожиданно попалъ. Весь погрузившись въ работу надъ заключительными главами перваго тома, Гоголь предполагалъ, а потомъ и осуществилъ свое предположеніе, прочесть ихъ Сергѣю Тимоѳеевичу и Константину Сергѣевичу Аксаковымъ и Погодину [1]) и особенно много передѣлокъ внесъ въ послѣднюю главу.

Весь ходъ его работы надъ нею съ возможной полнотой разсмотрѣнъ Н. С. Тихонравовымъ [2]); мы здѣсь остановимъ вниманіе исключительно на той наболѣвшей ранѣ Гоголя, которой предстояло снова раскрыться отъ еще болѣе тяжелыхъ ударовъ судьбы. Необходимо помнить, что въ длинный промежутокъ послѣ появленія на сценѣ и въ печати „Ревизора" Гоголь почти не появлялся передъ русской публикой и удержалъ во всей свѣжести впечатлѣнія, вынесенныя имъ послѣ первыхъ представленій комедіи. Его грызло сознаніе трудности задачъ сатирическаго писателя, о чемъ онъ говоритъ всего подробнѣе въ лирическомъ отступленіи въ началѣ VII главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ", но, кромѣ того, у него невольно просились съ языка другія желчныя выходки все по тому же поводу и по тѣмъ же причинамъ. Такъ любопытенъ не вошедшій въ окончательную редакцію слѣдующій варіантъ: „въ Россіи пятьдесятъ слишкомъ губернскихъ городовъ, и въ каждомъ сидитъ по одной прокурорщѣ; личности же у насъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не то, что въ другой землѣ" [3]). Также замѣчателенъ весь разсказъ о Кифѣ Мокіевичѣ и предшествующее ему размышленіе: „Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ-только случится что-нибудь, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: „Да хорошо ли

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 486.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 522—532 и вообще о «Мертвыхъ Душахъ», III, 459—476.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 457.

выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что ни описано здѣсь, это все наше — хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы?“ [1]) и проч. Все это мѣсто въ связи съ слѣдующимъ за нимъ эпизодомъ о Кифѣ Мокіевичѣ и Мокіи Кифовичѣ является въ сущности какъ бы варіантомъ въ повѣствовательной формѣ къ тѣмъ сценамъ „Театральнаго Разъѣзда“, гдѣ изображены во-первыхъ нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей, а также господинъ А. и Б. и Очень скромно одѣтый человѣкъ; тамъ даже вопросъ ставится очень сходнымъ образомъ: „А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ такія злоупотребленія“ [2]). Чрезвычайно важно, что во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ и вообще во всемъ, что вышло послѣ 1842 г. изъ-подъ пера Гоголя, мы нигдѣ уже не находимъ повторенія сходныхъ варіантовъ, — доказательство, что въ данномъ отношеніи душевная рана Гоголя зажила и что предметы его безпокойства и нервнаго раздраженія измѣнились [3]).

Въ числѣ многихъ безтактностей Погодина относительно его друга самая тажкая была та, что онъ распространялъ слухи, будто Гоголь привезъ съ собой много новыхъ произведеній. Этой-то дружеской нескромностью Гоголь былъ

---

1) Т. III, стр. 245.

2) Т. II, стр. 491.

3) Въ свою очередь, нельзя не замѣтить, что личность «Очень скромно одѣтаго человѣка» является въ «Театральномъ Разъѣздѣ» чрезвычайно важной не только потому, что устами ея говорилъ въ данную минуту самъ авторъ, но и по связи этихъ идей съ высказанными въ письмѣ къ Языкову отъ 2 января 1845 г. и въ «Перепискѣ съ друзьями» въ статьѣ «Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время». Въ послѣдней статьѣ Гоголь говоритъ Языкову: «возвеличь, въ торжественномъ гимнѣ, незамѣтнаго труженика, какой, къ чести высокой породы русской, находится посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ, который не беретъ и тогда, когда все беретъ вокругъ него» (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 73) и проч. То же см. въ размышленіи Гоголя по поводу стихотворенія: «Блаженъ, кто мудрости высокой» («Соч. и письма Гоголя», VI, 162—163). Впослѣдствіи Гоголь очень интересовался и любилъ разспрашивать у своихъ друзей, не знаютъ ли они гдѣ-нибудь въ глубинѣ Россіи такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ личностей, и А. О. Смирнова въ отвѣтъ на одинъ изъ такихъ запросовъ сообщила ему о безкорыстномъ и благородномъ мещовскомъ судьѣ Климентьевѣ, къ которому, судя по ея описанію, могли бы быть примѣнены слова Гоголя: «Да хранитъ тебя наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный перлъ и, вѣроятно, онъ не одинъ» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 494).

поставленъ въ положеніе человѣка, къ которому, узнавъ о томъ, что у него есть кое-какія маленькія средства, неожиданно начинаютъ сыпаться со всѣхъ сторонъ самыя убѣдительныя просьбы о помощи. Гоголь и раньше и позже не разъ попадалъ въ такое положеніе, иногда даже худшее (когда, напр., въ 1843 г. онъ писалъ Аксакову, что если бы въ самомъ дѣлѣ онъ умѣлъ что-нибудь обработать вновь, то прежде всего прочелъ бы это Жуковскому[1]), но тутъ его огорчала особенно необходимость нѣсколько кривить душой и отказывать людямъ, имъ искренно любимымъ. Такъ, еще въ 1836 г. онъ писалъ Максимовичу, давно заручившемуся его обѣщаніемъ прислать повѣсть: „Я чертовски досадую на себя, что ничего не имѣю, чтǒ бы прислать въ вашу „Денницу“[2]). Съ тѣхъ поръ прошло почти десять лѣтъ, а Максимовичъ еще ничего не видалъ отъ друга, кромѣ обѣщаній. При такихъ обстоятельствахъ особенно непріятна была Гоголю нескромность Погодина, который, по словамъ Н. С. Тихонравова, „успѣлъ разболтать, что у Гоголя есть много вновь написаннаго. Нашелся пріятель, который не прочь былъ вынимать горячіе каштаны чужими руками: Максимовичъ обратился къ Гоголю съ безтактной просьбой дать что-нибудь изъ вновь написаннаго для его сборника (вѣроятно „Кіевлянина“). Письмо Максимовича, метавшееся и мыкавшееся по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, попало въ руки Гоголя, какъ нарочно, въ то время, когда онъ отправлялъ Бѣлинскому въ Петербургъ рукопись „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь отвѣчалъ пріятелю уклончиво и сдержанно. Онъ писалъ Максимовичу 10 января: „Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. Погодинъ *слилъ пулю,* сказавши, что у меня есть много написаннаго“[3]). — Н. С. Тихонравовъ затѣмъ обстоятельно разъясняетъ, что на самомъ дѣлѣ Погодинъ вовсе не слилъ пулю и въ портфелѣ Гоголя лежали повѣсти „Римъ“ и „Шинель“, новая редакція „Портрета“; но отдавать ихъ въ какую-либо редакцію наканунѣ печатанія полнаго собранія сочиненія не могло вхо-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 22.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 188.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 464 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 456; «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 102.

дить въ разсчеты Гоголя. Все это *тѣмъ болѣе* должно было разстроивать нашего писателя и сознаніемъ нѣкотораго нравственнаго обязательства передъ Максимовичемъ и другими пріятелями, и непріятной необходимостью прибѣгать къ ложнымъ отговоркамъ и отказамъ. Мы хотимъ только обратить вниманіе, по чувству справедливости, и на нѣкоторыя обстоятельства, извиняющія отчасти, по нашему мнѣнію, Максимовича, къ которому слишкомъ строго отнесся здѣсь Н. С. Тихонравовъ. — Отказать Максимовичу сравнительно было еще легко, такъ какъ Гоголь не чувствовалъ себя передъ нимъ ничѣмъ обязаннымъ, тогда какъ въ отношеніи къ другимъ своимъ пріятелямъ онъ бывалъ иногда въ самыхъ мучительныхъ положеніяхъ. Но всѣ эти непріятности блѣднѣютъ и почти исчезаютъ въ сравненіи съ той горькой чашей, которую поднесла Гоголю наша цензура.

II.

Исторія странствованій по цензурнымъ мытарствамъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ" и полнаго собранія сочиненій чрезвычайно любопытна. „Никогда, можетъ-быть" — говоритъ Анненковъ — „не употребилъ Гоголь въ дѣло такого количества житейской опытности, сердцевѣдѣнія, заискивающей ласки и притворнаго гнѣва, какъ въ 1842 г., когда приступилъ къ печатанію „Мертвыхъ Душъ"[1]). Эти слова достаточно показываютъ, сколько труда и волненій пришлось положить ему, чтобы благополучно обойти представлявшіеся на каждомъ шагу трудности и подводные камни.

При изученіи даннаго вопроса мы встрѣчаемъ прежде всего три пункта, невольно обращающіе на себя наше вниманіе: необходимо, во-первыхъ, принять въ соображеніе состояніе тогдашней цензуры, ея обычные правила и пріемы, затѣмъ указать именно взгляды и убѣжденія Гоголя, которые преимущественно возбуждали къ себѣ недовѣріе органовъ правительственнаго надзора за печатнымъ словомъ, и наконецъ сравнить дѣйствительныя намѣренія Гоголя съ тѣми, которыя въ немъ подозрѣвались. Лучшимъ пособіемъ для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ можетъ служить прекрасная статья

---

[1]) «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I, стр. 184.

М. И. Сухомлинова: „Появленіе въ печати сочиненій Гоголя“ [1]). Для разъясненія перваго изъ поставленныхъ нами вопросовъ, чтобы не вдаваться въ лишнія подробности, укажемъ сначала только на слѣдующее заключеніе цензурнаго комитета, разсматривавшаго въ концѣ 1842 г. готовившееся къ печати полное собраніе сочиненій Гоголя, заключеніе, ясно показывающее отсутствіе въ немъ вполнѣ выяснившихся и опредѣленныхъ принциповъ, дававшее широкій просторъ чувству рабскаго страха передъ суровой отвѣтственностью и чаще всего приводившее на практикѣ къ преувеличенному и безтолковому полицейскому усердію. Одинъ изъ пунктовъ рѣшенія комитета гласилъ слѣдующее: „Обнимая общее сатирическое и юмористическое направленіе нашей литературы, комитетъ естественно долженъ придти къ новому соображенію: охраняя личную честь каждаго, онъ тѣмъ болѣе долженъ заботиться объ охраненіи чести цѣлыхъ сословій. *Къ сожалѣнію, комитетъ не имѣлъ въ виду по сему предмету никакого положительнаго правила: что̀ именно, какой способъ выраженія, или картины какихъ недостатковъ, пороковъ и злоупотребленій должно считать оскорбляющими такое или другое сословіе?* Между тѣмъ каждая статья въ журналахъ, каждая повѣсть и романъ, поступившіе въ цензуру, наполнены дѣйствующими лицами, часто съ невыгодной стороны выставленными и въ то же время непремѣнно относящимися къ какому-либо сословію. По самому свойству сего рода литературныхъ произведеній, умѣряя по возможности выраженія, комитетъ тѣмъ не менѣе находился въ величайшемъ затрудненіи“ [2]). Остановимся пока на этихъ словахъ, чтобы вскорѣ вернуться къ нимъ и къ ихъ продолженію, и посмотримъ теперь, что̀ именно возбуждало колебанія комитета въ сочиненіяхъ Гоголя и насколько эти опасенія были основательны. Прежде всего надо замѣтить, что Гоголю сильно вредили ходившіе о немъ и его сочиненіяхъ толки, основанные, какъ это бо́льшей частью бываетъ, совсѣмъ не на какихъ-либо положительныхъ данныхъ, но, напротивъ, на слухахъ, догадкахъ и даже, быть-можетъ, на намѣренно пущенной молвѣ, чтобы авторитетомъ великаго

---

[1]) «Изслѣдованія и статьи», т. II, стр. 303—342.

[2]) Т. II, стр. 331—332.

писателя прикрыть собственныя мечты и намѣренія. „При появленіи „Ревизора“ — говоритъ кн. Вяземскій — „было много толковъ и сужденій въ обществѣ и журналахъ; кромѣ литературнаго достоинства ея, входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и *задняя, затаенная мысль. Комедія была признана многими либеральнымъ заявленіемъ,* въ родѣ, например, комедіи Бомарше: „Севильскій Цирульникъ“; признана за какой-то политическій брандкугель, брошенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ противоположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее, радовались ей, какъ смѣлому, хотя и прикрытому нападенію на предержащія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы своей уѣздный городокъ, мѣтилъ выше. Другіе смотрѣли на комедію, какъ на государственное покушеніе, были имъ взволнованы, напуганы, и въ несчастномъ, или счастливомъ комикѣ видѣли едва ли не опаснаго бунтовщика“ [1]).

Каковы же были дѣйствительныя намѣренія Гоголя? Въ общихъ чертахъ вопросъ этотъ достаточно извѣстенъ и на немъ не стоило бы останавливаться, если бы не надо было обратить вниманіе въ сущности на одно довольно сложное обстоятельство. Что Гоголь отнюдь не думалъ задаваться тѣми бунтовщическими замыслами, которые ему приписывались, объ этомъ смѣшно было бы и говорить; но что онъ былъ не слѣпъ и усматривалъ довольно много недостойнаго и пошлаго и въ тѣхъ сферахъ, которыя предполагались изъятыми изъ области общественной сатиры, это также не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Гоголь вѣдь ясно и опредѣленно выразилъ свое убѣжденіе въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ въ словахъ: „Пусть видитъ народъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства“ [2]). Бѣда была только въ томъ, что къ числу этихъ „непонимающихъ“ могли принадлежать и дѣйствительно принадлежали далеко не одни губернскіе и коллежскіе секретари. Недаромъ господинъ П. говоритъ у Гоголя: „Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-

---

1) Соч. Вяземскаго, приписка къ статьѣ о «Ревизорѣ».

2) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 491.

нибудь титулярнаго совѣтника, и потомъ... э... пожалуй выведутъ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника“, на что̀ самъ авторъ отвѣчаетъ устами господина Б: „Что̀ жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?“[1]) Da ist der Hund begraben. Если разсмотрѣть внимательно всѣ мѣста, показавшіяся сомнительными цензурѣ, то окажется, что дѣло касалось преимущественно или предметовъ религіи, или разныхъ общественныхъ злоупотребленій, раскрытіе которыхъ признавалось нежелательнымъ и опаснымъ, хотя въ значительномъ большинствѣ случаевъ, почти всюду или злоупотребленія принадлежали къ числу самыхъ ежедневныхъ и общераспространенныхъ, какъ напр.: кухарка совѣтовала Акакію Акакіевичу „идти (съ жалобой о пропавшей шинели) прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщаетъ и станетъ водить“, или „что если отыщетъ шинель, то, все-таки, останется въ полиціи“ и проч. Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ представляетъ сдѣланное мелькомъ въ „Шинели“ упоминаніе о подпискѣ чиновниковъ „на директорскій портретъ и на какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю“[2]). Вопросъ былъ въ томъ: разрѣшать въ печати или запрещать подобную, въ сущности невольную и даже неизбѣжную при обыкновенномъ частномъ обмѣнѣ мыслей, критику иныхъ крѣпко заведенныхъ порядковъ? Мы знаемъ положительно, что лично Гоголь былъ всегда очень далекъ отъ того, чтобы видѣть въ своихъ сочиненіяхъ какой-либо „политическій брандкугель“; но не такъ смотрѣли другіе, и это было чрезвычайно важно. Въ сущности этотъ вопросъ былъ тѣсно связанъ съ другимъ: должно ли преслѣдовать извѣстныя печальныя явленія въ жизни, или же, напротивъ, надо косвенно покровительствовать имъ, заставляя о нихъ молчать. Императоръ Николай шире смотрѣлъ на дѣло и разрѣшилъ представленіе „Ревизора“, радуясь, что нашелъ въ своемъ подданномъ даровитаго обличителя тѣхъ самыхъ общественныхъ язвъ, которыя такъ сильно его возмущали. Не разъ высказывалось даже мнѣніе, что императоръ Николай, какъ непри-

---

1) Тамъ же, стр. 495.
2) Т. II, стр. 105 и 106.

миримый врагъ всякаго обмана и лжи, разрѣшая къ представленію „Ревизора“, именно *хотѣлъ дать урокъ всему нашему обществу,* изъ среды котораго выходятъ Антоны Антоновичи и вся ихъ свита“ [1]). Благодаря этому, по вѣрному замѣчанію газеты „Порядокъ“, „въ то время, когда „Горе отъ ума“ цѣлые годы ходило въ рукописи, „Ревизоръ“ прямо прошелъ на сцену“ [2]).

Но уже значительно позднѣе цензурные чиновники смущались иногда такими невинными строками, какъ напр.: „Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить“. Явная ошибка цензуры заключалась въ томъ, что ей казались опасными самыя неважныя и даже шутливыя замѣчанія, касающіяся не только камеръ-юнкеровъ и городничихъ, но также офицеровъ и даже соро́чинскихъ засѣдателей. Но всѣ подобныя мѣста являлись у Гоголя отнюдь не съ какой-нибудь предвзятой цѣлью, а просто потому, что „перо такъ и толкалось объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ“. „Но что̀ за комедія безъ правды и злости“ [3]) прибавлялъ онъ.

III.

Возвращаясь теперь къ разбору мнѣнія цензурнаго комитета, мы должны отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ разрѣшенію имъ упомянутаго выше затрудненія, которое, по словамъ протокола, заключалось въ слѣдующемъ: съ одной стороны комитету „пришлось бы запрещать почти каждое изъ разсматриваемыхъ имъ сочиненій; а съ другой стороны онъ видѣлъ, сколь много уже въ разныя времена допущено въ русской литературѣ сочиненій, гдѣ лица разныхъ сословій выведены иногда въ рѣзко-неблаговидныхъ чертахъ, и чего, повидимому, правительство не относило къ оскорбленію сословій, ибо не препятствовало ихъ распространенію“ [4]). Коми-

---

[1]) «Рижскій Вѣстникъ», 1871, № 28.

[2]) «Порядокъ», 1881, № 28.

[3]) «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова, «Очеркъ исторіи текста комедіи Ревизоръ», стр. IV.

Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи», т. II, стр. 332.

тетъ, принимая въ соображеніе безусловно авторитетный примѣръ, поданный къ осмѣянію застарѣлыхъ предразсудковъ и вредныхъ злоупотребленій, во̀-время вспомнилъ, что, „когда по упредительному наитію генія Петра, пробудилась въ Россіи умственная дѣятельность, а съ нею возникала и литература, первыми ея подвигами было подвергнуть публичному осмѣянію все, что̀ не могло уже отвѣтствовать начавшемуся великому нравственному перерожденію и развитію народа“. Такимъ образомъ свѣтлый умъ Петра Великаго и на этотъ разъ оказалъ великую посмертную услугу русскому народу, освѣтивъ передъ цензурными чиновниками ту тьму чудовищныхъ опасеній, которая грозила прикрыть собой на неопредѣленное время одно изъ величайшихъ созданій русской литературы.

Изъ частныхъ вопросовъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе цензурнаго вѣдомства во время изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, самымъ важнымъ нельзя не признать затрудненія по поводу главы о капитанѣ Копѣйкинѣ[1]). Мы не станемъ здѣсь входить во всѣ подробности сличенія первоначальной и исправленной редакцій этой повѣсти, такъ какъ все это уже вполнѣ обстоятельно сдѣлано въ названной статьѣ г. Сухомлинова; но остановимъ свое вниманіе преимущественно на никѣмъ не указанной параллели между этой главой и комедіей „Владиміръ 3-ей степени“, параллели, выясняющей полнѣе, съ одной стороны, настоящее отношеніе Гоголя къ тѣмъ небольшимъ вольностямъ его сатирической кисти, которыя иные готовы были принять за „политическій брандкугель“, а съ другой стороны, рисующей степень основательности нѣкоторыхъ цензурныхъ опасеній писателя. Замѣчательно, что въ „Утрѣ дѣлового человѣка“ даже такимъ, сравнительно, свободно-мыслящимъ цензоромъ, какъ Никитенко, были отмѣчены въ качествѣ сомнительныхъ слѣдующія строки: „вишь чего захотѣлъ — ордена! и вѣдь получитъ, мошенникъ, получитъ; — такіе люди всегда успѣваютъ[2])“. Никитенко зачеркнулъ отдѣльныя строки, еще не имѣя

---

[1]) Цензурный комитетъ потребовалъ также измѣненія заглавія поэмы въ такомъ видѣ: „Похожденія Чичикова“, или „Мертвыя Души“.

[2]) «Соч. Гоголя», изд. X, т. II, стр. 454.

никакого представленія объ общей идеѣ и замыслѣ произведенія, которые, разумѣется, не могли быть ни въ какомъ случаѣ одобрены тогдашней цензурой. Гоголь же предполагалъ показать въ своей комедіи вопіющія злоупотребленія въ чиновничьемъ мірѣ и изъ-подъ его пера готово было выдти созданіе, которое, вѣроятно, не уступило бы „Ревизору“, если не въ художественномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ со стороны глубокаго общественнаго значенія; но тогда еще нельзя было и думать объ этомъ. Но если онъ желалъ сознательно затронуть и выставить на публичный позоръ служебное искательство и отвратительное тунеядство на отвѣтственныхъ и важныхъ мѣстахъ, то съ другой стороны не могли быть сочувственны ему также преступный произволъ административныхъ тузовъ и ихъ попеченія лишь о самихъ себѣ, при полномъ равнодушіи къ интересамъ подвѣдомственныхъ имъ скромныхъ, но полезныхъ тружениковъ. Такъ, онъ клеймитъ пошлую замашку придираться съ мелочами къ подчиненнымъ въ Иванѣ Петровичѣ, старающемся сдѣлать изъ молодого и неглупаго чиновника Шрейдера предметъ для упражненія своего начальническаго апломба. Еще въ повѣсти объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ Гоголь, говоря объ его исправности, иронизируетъ, что „въ награду за это въ скоромъ времени, *спустя одиннадцать лѣтъ* послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики“ [1]). Казалось бы, для цензуры должно было служить успокоеніемъ, что Гоголь говоритъ здѣсь о человѣкѣ неспособномъ и жалкомъ; но, вѣроятно, сознавая справедливость сказанныхъ имъ словъ въ гораздо болѣе широкомъ и общемъ значеніи, цензура смущалась не только этимъ, но даже и слѣдующимъ замѣчаніемъ объ Акакіи Акакіевичѣ: „Если бы, соразмѣрно рвенію Акакія Акакіевича, давали ему награды, онъ бы, къ изумленію своему, можетъ-быть, даже попалъ въ статскіе совѣтники, но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу, да нажилъ геморрой въ поясницу“ [2]). Такъ цензурная подозрительность отыскивала между строками намеки на такіе недостатки общественной и служебной

---

[1]) Т. I, стр. 189.
[2]) Т. II, стр. 88.

жизни, которыхъ иногда, быть-можетъ, совсѣмъ не имѣлъ въ виду авторъ.

Цензура забывала свое истинное назначеніе — *способствовать* искорененію вреднаго *въ дѣйствительности*, а вовсе не непріятнаго въ печатныхъ листахъ, и часто готова была стать, ради ложно-понимаемаго принципа благонамѣренности на сторону какъ разъ именно нарушителей закона и общественныхъ интересовъ. Въ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ цензура усмотрѣла вредъ въ томъ, что „въ первой, запрещенной, редакціи представленъ былъ раненый офицеръ, сражавшійся съ честью за отечество, человѣкъ простой, но благородный, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать о пенсіи. Здѣсь сначала какой-то изъ важныхъ государственныхъ людей принимаетъ его довольно ласково, обѣщаетъ ему пенсію и т. д. Наконецъ, на жалобы офицера, что ему нечего ѣсть, отвѣчаетъ: „такъ промышляйте сами о себѣ, какъ знаете". Вслѣдствіе этого Копѣйкинъ дѣлается атаманомъ разбойничьей шайки[1])". Между тѣмъ большой эпизодическій отрывокъ, кромѣ отведеннаго ему мѣста въ романѣ, не могъ не имѣть, между прочимъ, и самостоятельнаго значенія, которое, конечно, и заключалось именно въ указаніи на нѣкоторыя распространенныя злоупотребленія, безнаказанно сходившія съ рукъ со стороны тѣхъ самыхъ людей, которые должны были бы напротивъ стоять на стражѣ справедливости и закона. Невозможно и нелѣпо предположить въ Гоголѣ такой наивности, чтобы онъ не понималъ прямого смысла своего собственнаго произведенія. Здѣсь невольно прорывался наружу тотъ самый, такъ сказать, контрабандный элементъ его творчества, который, однажды заглушенный и подавленный въ зародышѣ при истребленіи имъ комедіи „Владиміра 3-ей степени", вторично пытался проникнуть въ заповѣданную область, при полномъ, однако, убѣжденіи автора въ необходимости доказать обществу, что „злоупотребленія происходятъ *не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства*". И кто знаетъ: можетъ-быть, многія страницы въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" явились впослѣдствіи также отчасти плодомъ желанія Гоголя высказать открыто свои вполнѣ благонамѣренные взгляды на

[1]) Сухомлиновъ, т. II, стр. 318.

многіе вопросы, по поводу которыхъ уже возникало — и не однажды — сомнѣніе въ его благонадежности. Съ другой стороны, увѣренность Гоголя въ справедливой оцѣнкѣ правительствомъ настоящихъ намѣреній его простиралась обыкновенно до того, что онъ не хотѣлъ потомъ вѣрить въ запрещеніе нѣкоторыхъ писемъ въ „Выбранныхъ Мѣстахъ"; говорилъ, что „печать-пустяки: все будетъ въ печати"[1]), высказывалъ свои надежды на полную справедливость — или, по крайней мѣрѣ, на возможность въ близкомъ будущемъ значительнаго смягченія цензуры — въ статьѣ „Карамзинъ"[2]) и въ разсказанной Анненковымъ бесѣдѣ съ Некрасовымъ на вечерѣ у Комарова въ 1843 г.[3]). На вопросъ же, были ли и могли ли быть какія-нибудь коварныя затаенныя цѣли у Гоголя, послѣдній далъ самъ ясный отвѣтъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ" въ длинной репликѣ „Очень скромно одѣтаго человѣка"[4]). Кромѣ того, взгляды Гоголя на истинное значеніе цензуры могутъ быть выведены изъ словъ господина Б., который, возражая на замѣчаніе о необходимости скрывать общественныя раны, справедливо даетъ понять, что людьми, утверждающими подобныя вещи, руководитъ „лицемѣріе, а не истинная любовь къ отечеству". „По-вашему" — продолжаетъ Гоголь, — „нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды"[5]). Въ другомъ мѣстѣ того же произведенія онъ говоритъ, что отъ разоблаченій „уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполяютъ свои должности"[6]); наконецъ, что „мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть, не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей"[7]). Но особенно важно убѣ-

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I. стр. 199.
[2]) «Соч. Гоголя», т. IV, стр. 58.
[3]) «Анненковъ и его друзья», стр. 515.
[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 491—492.
[5]) Т. II, стр. 496.
[6]) Т. II, 495.
[7]) Т. II, 489.

жденіе Гоголя, что слѣдуетъ „отдѣлить правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства“[1]), къ коимъ, безъ сомнѣнія, онъ относилъ и того сановника, который посовѣтовалъ Копѣйкину „промышлять, какъ онъ самъ знаетъ“. Неблагонамѣренность Гоголя была только неблагонамѣренностью зеркала, отражающаго предметы, какъ онъ самъ однажды говоритъ объ этомъ по другому поводу. По требованіямъ цензуры, Гоголь измѣнилъ самый характеръ Копѣйкина: по словамъ цензурнаго протокола, онъ представилъ его въ новой редакціи „человѣкомъ безпокойнымъ, буйнымъ, жаднымъ къ удовольствіямъ, который заботится не столько о средствахъ прилично существовать, такъ что начальство находится наконецъ въ необходимости выслать его изъ Петербурга“[2]). Одно изъ главныхъ измѣненій, отмѣченное М. И. Сухомлиновымъ, заключается въ слѣдующемъ прибавленіи: „Копѣйкинъ подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трактиръ, выпилъ рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ — кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копѣйкинъ — кровь-то знаете, разыгралась — побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумалъ: на время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пансіонъ; теперь я уже что-то слишкомъ расходился“[3]). Но это мѣсто не могло способствовать смягченію цензурнаго постановленія, такъ какъ мы встрѣчаемъ его уже въ редакціи, зачеркнутой цензоромъ; намъ кажется болѣе важнымъ включеніе въ исправленную редакцію слѣдующихъ строкъ, рисующихъ буйный безудержъ Копѣйкина: на замѣчаніе министра о томъ, что правительство считаетъ своимъ долгомъ дать заслуженному человѣку средства для прокормленія, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя исполненія всѣхъ его прихотей, „Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, и въ усъ не

---

[1]) Т. II, стр. 491.

[2]) Сухомлиновъ, «Очерки и изслѣдованія», стр. 318.

[3]) Соч. Гог., т. III, стр. 202.

дуетъ. Слова ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить... „Да вы", говоритъ, „кто"! говоритъ; да вы, говоритъ, „это!" говоритъ; „да вы", говоритъ, „обязанностей своихъ не знаете! да вы", говоритъ „законопродавцы!" говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что̀ прикажете дѣлать съ эдакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости"[1]). Такъ измѣненъ существенный смыслъ эпизода о Копѣйкинѣ, никакъ не въ ущербъ впрочемъ литературному достоинству главы, но во всякомъ случаѣ съ полнымъ устраненіемъ изъ нея всего того, что̀ сближаетъ этотъ эпизодъ по смѣлости замысла съ комедіей „Владиміръ третьей степени". Цензурный комитетъ, однако, требуя измѣненій, допускалъ нѣкоторыя непослѣдовательности: онъ самъ же вскорѣ, разсматривая собраніе сочиненій Гоголя, призналъ возможнымъ сохранить многія мѣста въ нихъ на томъ основаніи, что подобные же сатирическіе штрихи и картины встрѣчались уже раньше въ произведеніяхъ Кантемира, Сумарокова, Фонъ-Визина, Державина, Капниста, Крылова; а между тѣмъ въ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ Гоголь только подробнѣе развилъ идею, давно намѣченную Фонъ-Визинымъ въ его „Всеобщей придворной грамматикѣ". Въ самомъ дѣлѣ не есть ли, вся эта глава болѣе художественное воспроизведеніе (конечно, невольное и ненамѣренное) слѣдующаго мѣста въ „Придворной Грамматикѣ".

Вопросъ. — У людей заслуженныхъ, но безпомощныхъ, какое *время* употребляется въ разговорахъ съ большими господами?

Отвѣтъ. — Прошедшее; напримѣръ: „я израненъ, я служилъ", и тому подобное.

Вопросъ. — Въ какомъ времени бываютъ отвѣты?

Отвѣтъ. — Въ *будущемъ,* напримѣръ: „посмотрю, доложу" и такъ далѣе[2]).

---

[1]) Т. III, стр. 204.

[2]) Соч. Фонъ-Визина, изд. Смирдина, 1847, стр. 551. — Что подобные случаи

Въ первоначальной редакціи въ самомъ дѣлѣ весьма сходны съ послѣдними приведенными словами Фонъ-Визина слѣдующія: „на этотъ разъ ничего не могу вамъ сказать, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя: тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія на счетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать. Поклонъ, понимаете, и — прощайте“ [1]).

Кромѣ того въ исправленной редакціи прибавлена еще въ самомъ началѣ слѣдующая характеристика Копѣйкина: „пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ — всего отвѣдалъ!“ [2]). Затѣмъ необходимо отмѣтить слѣдующія подробности. Послѣ перваго посѣщенія Копѣйкинымъ министра въ первоначальной редакціи нѣтъ еще ни слова ни о веселомъ настроеніи его отъ необычныхъ впечатлѣній аудіенціи съ важнымъ государственнымъ сановникомъ, ни о посѣщеніи Копѣйкинымъ Палкинскаго трактира и „Лондона“. Все это добавленіе явилось, повидимому, для того, чтобы еще рѣзче оттѣнить неблагопріятное впечатлѣніе отъ слѣдующаго свиданія съ министромъ. Такъ, въ первоначальной редакціи было сказано, что уже послѣ перваго посѣщенія министра, „Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ часомъ затруднительнѣе“ [3]). По редакціи, представленной въ цензуру, дѣло является въ иномъ видѣ: тамъ послѣ первой аудіенціи Копѣйкинъ вышелъ въ восторгѣ, надѣясь, что скоро получитъ пенсіонъ и оттого-то „позволилъ себѣ даже немного кутнуть“; когда же онъ послѣ вторичнаго посѣщенія имъ министра разочаровался въ своихъ преждевременныхъ ожиданіяхъ, тогда только онъ „вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ“ и „совой такой сошелъ съ крыльца, какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и

бывали нерѣдко, извѣстно каждому, и подобные факты много разъ публиковались (см. напр. письма И. С. Аксакова, т. III, стр. 142).

1) Т. III, стр. 266.

2) Т. III, стр. 199—200.

3) Т. III, стр. 266.

хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ"[1]). Очевидно, Гоголь придавалъ большое значеніе указанному контрасту и сначала воспользовался имъ именно для того, чтобы ярче обрисовать безвыходность положенія Копѣйкина, хотя и виноватаго отчасти тѣмъ, что началъ слишкомъ рано радоваться полученному обѣщанію. Такимъ образомъ рисунокъ Гоголя получилъ уже теперь нѣсколько иной, новый характеръ, а послѣ уничтоженія представленной въ цензуру редакціи ему было суждено принять еще болѣе опредѣленныя и яркія очертанія, но уже совершенно въ другомъ направленіи. Для того, чтобы удовлетворить требованіямъ цензуры, Гоголь рѣшился теперь сдѣлать новую небольшую вставку въ разсказъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описанъ кутежъ: „а промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ"[2]). Такъ какъ извѣстно, что „тонъ дѣлаетъ музыку", то и здѣсь отъ этой незначительной вставки весь эпизодъ о кутежѣ, внесенный было какъ бы въ оправданіе Копѣйкина, получаетъ теперь совершенно противоположный смыслъ. Еще болѣе способствовало искаженію первоначальнаго замысла автора все нижеприводимое мѣсто: „Ну ужъ", думаетъ, „какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду", говоритъ, „подыму всю коммиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!" И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ коммиссію. „Ну что?" говорятъ: „зачѣмъ еще? вѣдь вамъ уже сказано". — „Да что"? говоритъ, „я не могу" говоритъ, перебиваться кое какъ: „мнѣ нужно", говоритъ, „съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ", понимаете. — „Ну, ужъ", говоритъ начальникъ: „извините... На счетъ этотъ есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ: ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но, если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками, и въ

---

[1]) Т. III, стр. 273.
[2]) Т. III, стр. 202.

театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините"[1]). Съ другой стороны замѣненнымъ оказывается весь слѣдующій отрывокъ: „Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать", говоритъ Копѣйкинъ и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы, ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя, требующія самоскорѣйшаго исполненія, — минута упущенія можетъ быть важна, а тутъ еще привязался съ боку неотвязчивый чортъ. — „Извините", говоритъ: „мнѣ некогда... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ". Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, *тонкимъ*, что пора, наконецъ, и выйти. А мой Копѣйкинъ, — голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: „какъ хотите, ваше высокопревосходительство", — говоритъ, „не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію"[2]).— Все это мѣсто какъ то невольно наводитъ на предположеніе, что не была ли это уже вторая редакція, отвергнутая цензурой, такъ какъ и здѣсь уже Копѣйкинъ выставленъ „неотвязчивымъ чортомъ", а если это предположеніе неосновательно (мы не имѣемъ въ пользу его никакихъ совершенно опредѣленныхъ данныхъ), то по крайней мѣрѣ не составлялась ли она уже съ намѣреніемъ предупредить цензурное запрещеніе и не потому ли именно мы находимъ въ ней передѣлки отчасти въ томъ же духѣ и характерѣ, какимъ особенно отличается напечатанная редакція. Но въ то же время здѣсь замѣтно еще желаніе Гоголя извинить Копѣйкина — тѣмъ, что „голодъ его пришпорилъ", а затѣмъ обращеніемъ съ нимъ генерала, совершенно потерявшаго отъ досады всякое самообладаніе: „Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому стоитъ только слово, такъ вотъ ужъ и полетѣлъ вверхъ тармашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ. Тутъ если *нашему брату* скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше, подобное, такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ-то, размѣръ каковъ: генералъ-аншефъ и какой-нибудь капитанъ Копѣйкинъ! *90 рублей и нуль!* Генералъ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное

---

1) Т. III, стр. 203—204.
2) Т. III, стр. 275.

оружіе: души ужъ нѣтъ — ужъ она ушла въ пятки. А мой Копѣйкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ какъ вкопанный. „Что́ же вы?“ говоритъ генералъ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки“. Далѣе снова слѣдуетъ смягченіе: „впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлась бы послѣ того улица вверхъ ногами“[1]) и проч.; но здѣсь самая оговорка, касающаяся частнаго случая, являлась какъ бы указаніемъ на извѣстные нравы нѣкоторыхъ лицъ, занимающихъ такое же положеніе. Любопытно далѣе, что Гоголь совершенно опустилъ уже въ представленной цензору редакціи весь конецъ первоначальнаго наброска о томъ, какъ Копѣйкинъ попадаетъ въ Соединенные Штаты, какъ онъ пишетъ оттуда государю[2]) и проч. Здѣсь замѣчательны между прочимъ слова: „Ну, государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно, его монаршему сердцу было прискорбно“[3]). Здѣсь, слѣдовательно, еще разъ высказано основное убѣжденіе Гоголя, что нужно „отдѣлять правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства“. Какъ бы то ни было, эту редакцію Гоголь не счелъ удобной для печати, можетъ-быть, потому, что тамъ Копѣйкинъ изображенъ уже, по его собственному сознанію, „заварившимъ дѣло не на шутку“, и встрѣчаются такія выраженія, какъ напр., „красное сукно пахнетъ — чортъ возьми — оплеухой“[4])...

Впрочемъ вообще во всемъ разсказѣ языкъ въ высшей степени замѣчателенъ необыкновенной силой и мѣткостью, а особенно какимъ-то характернымъ подражаніемъ любимымъ оборотамъ чисто-русской рѣчи и русской шутливости въ родѣ напр.: „у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь... Ну, деревни на это не купишь, то-есть и купишь, можетъ-быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у французскаго короля“[5]) или: „вонъ домъ на набережной: избенка, пони-

---

[1]) Т. III, стр. 275.
[2]) Т. III, стр. 269.
[3]) Стр. 269–270.
[4]) Стр. 269.
[5]) Соч. Гог., т. III, стр. 200.

маете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, мраморы, лаки“[1]); „одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская эдакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный мопсъ какой-нибудь“; металлическая ручка у двери такова, что „нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два тереть имъ руки“[2]). Мы уже не говоримъ о такихъ выраженіяхъ, какъ „нѣкоторое поле жизни“, „сказочная Шехеразада“[3]).

IV.

Дальнѣйшія подробности цензурныхъ затрудненій, которымъ подвергалось собственно печатаніе перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, обстоятельно изложены въ редакторскихъ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова[4]). Сдѣлаемъ здѣсь только краткое извлеченіе изъ нихъ. Когда Гоголь по возвращеніи изъ Петербурга осенью 1841 г. началъ хлопотать о пропускѣ своей рукописи, дѣло неожиданно затянулось. Сперва надо было думать для представленія въ цензуру о перепискѣ всего перваго тома съ тѣхъ тетрадей, которыя были, въ свою очередь, переписаны рукой Анненкова въ Римѣ въ 1841 г. 25 ноября, уже по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву, Гоголь писалъ Прокоповичу: „Дѣло мое по причинѣ болѣзни не начиналось. Теперь только началась переписываться рукопись“[5]). Но въ переписанномъ экземплярѣ Гоголь дѣлалъ еще новыя приписки и вставки и наконецъ получилъ возможность представить рукопись въ московскій цензурный комитетъ, вѣроятно только въ началѣ декабря 1841 г. „12 декабря“ — говоритъ Н. С. Тихонравовъ — „въ засѣданіи комитета, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастова, въ присутствіи цензоровъ: М. П. Каченовскаго, И. М. Снегирева, Н. И. Крылова и В. В. Флерова, состоялось

---

1) Тамъ же, стр. 201.

2) Тамъ же.

3) Стр. 200.

4) Т. III, стр. 450—476.

5) «Русское Слово», 1859, I, 110—111.

постановленіе передать рукопись на разсмотрѣніе цензору Снегиреву" [1]). Что̀ послѣдовало затѣмъ, мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма къ Плетневу отъ января 1842 г. Въ виду такихъ неблагопріятныхъ предвѣстій Гоголь взялъ назадъ рукопись изъ московской цензуры и послалъ ее въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся на протекцію особенно кн. Вяземскаго, гр. Віельгорскаго и А. О. Смирновой. Только-что рукопись была отправлена, какъ Гоголю сообщили, что московскій попечитель графъ Строгановъ поручилъ передать ему, что онъ „рукопись пропуститъ, что запрещеніе и пакость случились безъ его вѣдома" [2]). Пріѣздъ въ Москву Бѣлинскаго и выраженная имъ готовность принять на себя весь грузъ цензурныхъ хлопотъ далъ дѣлу иной оборотъ. Бѣлинскій долженъ былъ передать рукопись кн. Одоевскому при письмѣ, напечатанномъ потомъ въ „Русскомъ Архивѣ [3]). Но пошли новыя проволочки, а между тѣмъ Гоголь былъ, какъ говорится, на ножахъ съ Погодинымъ и неудержимо рвался душой изъ Москвы обратно въ излюбленную Италію. Притязанія друзей журналистовъ, требовавшихъ отъ него вкладовъ въ свои изданія при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился тогда Гоголь, чувствовавшій себя обязаннымъ нѣкоторымъ изъ нихъ, или просто недовольный слишкомъ настоятельными осажденіями со всѣхъ сторонъ (при чемъ совершенно безъ всякаго права, кромѣ прежнихъ хорошихъ отношеній, обратился къ нему съ давно надоѣвшей просьбой и проф. Максимовичъ) — всѣ эти просьбы и вымогательства портили и безъ того сильно потрясенное неудачами нравственное настроеніе писателя и поселяли въ немъ чувство охлажденія къ его литературнымъ пріятелямъ. Въ то же время Гоголя душили долги, и все въ совокупности оставляло въ душѣ осадокъ горькой нравственной отравы, несомнѣнно отозвавшейся потомъ въ душѣ тяжелыми слѣдами и имѣвшей, въ числѣ многихъ другихъ причинъ, довольно существенное вліяніе на готовившійся въ немъ переворотъ. Долго не получая никакихъ извѣстій о судьбѣ отосланной рукописи, съ которой были связаны для него самые насущные вопросы, какъ его скуд-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 458.

[2]) «Русскій Архивъ», 1864, 840.

[3]) «Русскій Архивъ», 1864, 839—840.

наго матеріальнаго обезпеченія, такъ и лучшаго его нравственнаго достоянія, его дорогой поэмы, Гоголь измучился отъ нетерпѣнія и рѣшился энергически напомнить о себѣ В. Ѳ. Одоевскому и затѣмъ Прокоповичу; при этомъ о степени его нервнаго напряженія свидѣтельствуютъ уже первыя строки письма къ Одоевскому: „Что̀ жъ вы молчите всѣ? Что̀ нѣтъ никакого отвѣта? Получилъ ли ты рукопись? Получилъ ли письма? Распорядились ли вы какъ-нибудь? Ради Бога, не томите меня: здоровье мое и безъ того очень плохо“[1]). Наконецъ, 27 января Гоголь получилъ успокоительное письмо отъ А. О. Смирновой, къ сожалѣнію не дошедшее до насъ. Но все-таки онъ былъ вынужденъ писать и попечителю Дондукову-Корсакову, министру Уварову и самому императору Николаю I[2]). По наблюденіямъ С. Т. Аксакова, во все это время Гоголь „часъ отъ часу разстроивался духомъ и даже тѣломъ“[3]). Письмо къ Плетневу отъ 1 февр. 1842 г. показываетъ, что Гоголь почти готовъ былъ, въ отчаяніи, пока отказаться отъ печатанія перваго тома, но упадокъ духа и нравственная усталость боролись въ немъ съ самыми оптимистическими надеждами на будущее, вытекавшими изъ его новаго[4]) религіозно-аскетическаго настроенія. „Непостижимъ“ — говорилъ онъ — „вышній произволъ для человѣка, и то, что̀ кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которые имѣются быть впереди, вижу, что нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить“[5]). Очевидно, въ умѣ Гоголя мелькала уже мысль о переработкѣ „Мертвыхъ Душъ“, подобной той, которую мы имѣемъ въ отрывкахъ, напечатанныхъ на стр. 255—264

---

1) Тамъ же.

2) «Русская Старина», 1888, III, 764—765 и «Библіографич. Записки», 1859, стр. 105. Мы предполагаемъ, что сохранившемуся благодарственному письму къ Дондукову-Корсакову должно было предшествовать еще другое, просительное.

3) «Записки о жизни Гоголя», 1, 299.

4) Мы называемъ его новымъ, чтобы отмѣтить данный фазисъ развитія Гоголя, но не въ безусловномъ смыслѣ, потому что слѣды аскетическаго направленія замѣчались изрѣдка у Гоголя и прежде.

5) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 457—458.

3-яго тома десятаго изданія его сочиненія, и о характерѣ которой мы можемъ отчасти дѣлать предположенія по „Замѣткамъ, относящимся къ первой части“[1]); а въ просьбѣ Гоголя въ концѣ письма: „прочтите рукопись вмѣстѣ, вчетверомъ“ (т.-е. Смирнова, Одоевскій, Плетневъ, Прокоповичъ и Віельгорскій), „и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашемъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтитъ свои погрѣшности и несообразности“[2]). Н. С. Тихонравовъ видитъ въ этомъ предвѣстіе позднѣйшихъ „запросовъ“ къ друзьямъ и просьбъ составлять для него характеристики извѣстныхъ типовъ и лицъ, сообщать ему все достопримѣчательное, пригодное служить матеріаломъ для слѣдующихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ“. Письмо къ Плетневу чрезвычайно характерно также по отразившемуся въ немъ, какъ временному, такъ и сдѣлавшемуся съ тѣхъ поръ господствующимъ, настроенію Гоголя. Временной вспышкой была здѣсь, конечно, готовность отказаться отъ напечатанія перваго тома; но всѣ мотивы, которыми Гоголь объяснялъ свое рѣшеніе въ этомъ письмѣ къ Плетневу, были плодомъ не одного только минутнаго раздраженія, но также прогрессировавшаго въ немъ аскетизма и въ соединеніи съ нимъ стремленія пересоздать со временемъ въ новомъ видѣ уже совсѣмъ приготовленный къ печати трудъ. Но письмо было только заготовлено; посылать же его Гоголь не спѣшилъ — ясное доказательство происходившей въ немъ борьбы двухъ противоположныхъ побужденій: съ одной стороны, нетерпѣнія видѣть въ печати и считать окончательной, хотя бы на короткое время, уже совсѣмъ готовую редакцію перваго тома, и съ другой — намѣренія отложить это дѣло еще на время, для того, чтобы представить на судъ общества свой трудъ въ томъ новомъ видѣ, который заранѣе заманчиво рисовался въ его мечтахъ, осуждавшихъ теперь приготовленную редакцію служить только „крыльцомъ“ къ тому великолѣпному зданію, которое должно быть впослѣдствіи воздвигнуто. Приготовленное письмо было удержано до полученія отъ Плетнева болѣе благопріятныхъ извѣстій и тогда уже отправлено вмѣстѣ съ другимъ, проникнутымъ совершенно инымъ, свѣт-

---

[1]) Соч. Гог., т. III, стр. 254—255.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 457—458.

лымъ и отраднымъ настроеніемъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ Анненковъ эту задержку письма приводитъ въ связь съ предположеніемъ его послать въ „Современникъ“ исправленную редакцію повѣсти „Портретъ“. „Письмо это“ — говоритъ Анненковъ — „если бы получено было своевременно въ Петербургѣ, конечно, поразило бы всѣхъ почитателей его таланта, да, вѣроятно, и разсчитано было на произведеніе этого эффекта, способнаго удвоить ихъ ходатайство по общему дѣлу“[1]). И этотъ мотивъ также, конечно, входилъ въ число другихъ, руководившихъ тогда Гоголемъ, и даже былъ, можетъ-быть, самымъ важнымъ, но вообще мы здѣсь встрѣчаемся съ вопросомъ весьма сложнымъ и отрицать у Гоголя въ данномъ случаѣ также иное, болѣе искреннее побужденіе коренной переработки написаннаго, по нашему мнѣнію, также едва ли возможно. Только при условіи такого труднаго и отдаленнаго замысла и развѣ ужъ при послѣдней крайности могло бы послѣднее предположеніе побѣдить. Обѣщаніе прислать повѣсть могло также исполнить назначеніе, такъ сказать, нѣкотораго послѣдняго поощрительнаго толчка Плетневу, чтобы онъ употребилъ всѣ зависящія отъ него усилія ускорить затянувшуюся цензурную процедуру. Но вѣдь повѣсть была же отправлена и при измѣнившемся положеніи дѣлъ, слѣдовательно и здѣсь была не лицемѣрная хитрость, а развѣ только извѣстнаго рода тонкій разсчетъ, при чемъ данное обѣщаніе не могло потерять, однако, свою силу и въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ. „Во всей этой, впрочемъ, весьма обыкновенной журнальной исторіи“ — замѣчаетъ Анненковъ — „важно для изслѣдователя только одно обстоятельство, именно слѣдующее: письмо, гдѣ Гоголь отказывается отъ напечатанія „Мертвыхъ Душъ“ и обѣщаетъ статью, было имъ придержано и отослано уже спустя двѣ недѣли послѣ написанія (17 февраля). Гоголь, видимо, причислялъ письмо къ послѣднимъ крайнимъ мѣрамъ своимъ и ожидалъ еще извѣстій. Когда болѣе благопріятныя извѣстія достигли до Москвы, письмо потеряло свою самостоятельность и пошло въ видѣ дополненія къ другому, спокойному и уже частью веселому сообщенію. Роль, на которую оно предназначалось, была снята съ него, характеръ послѣдняго, рѣ-

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, стр. 225.

шительнаго удара потерянъ: оно оставалось только свидѣтелемъ протекшихъ волненій писателя, которыя должны еще были возбуждать участіе и состраданіе его друзей“ [1]). Все это, разумѣется, безусловно вѣрно; но, повторяемъ, думается намъ, нельзя въ данномъ случаѣ отрицать и извѣстной искренности въ Гоголѣ въ виду начавшагося въ немъ колебанія въ пользу коренной переработки перваго тома; только переработкѣ этой онъ естественно предпочиталъ въ ближайшее время болѣе существенныя и трудныя занятія надъ продолженіемъ своего труда.

V.

Особенно благодаренъ былъ Гоголь за успѣхъ дѣла графу М. Ю. Віельгорскому, дѣйствительно больше всѣхъ способствовавшему благопріятному обороту дѣла: „Добрый графъ Віельгорскій!“ говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Плетневу: „Какъ я понимаю его душу! Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои — было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что̀ я долженъ чувствовать“ [2]). Эти строки любопытны между прочимъ для опредѣленія степени короткости тогдашнихъ отношеній Гоголя къ Віельгорскому, котораго онъ, по давнему, хотя и поверхностному личному знакомству, а главное — по своимъ отношеніямъ къ его дому послѣ смерти молодого графа Іосифа — считалъ уже возможнымъ утруждать просьбами и даже очень серьезными и нелегкими, но съ которымъ не состоялъ еще въ правильной перепискѣ и держалъ себя вообще въ почтительномъ отдаленіи. Впрочемъ, радость Гоголя все-таки была еще преждевременна, и прошло почти два мѣсяца, пока онъ могъ считать всѣ цензурныя дрязги дѣломъ конченнымъ. Сначала задержка была за исполненіемъ формальностей, и потомъ, уже послѣ того, какъ Никитенко сдѣлалъ на рукописи обычную цензурную помѣтку (9 марта), и Гоголь былъ даже извѣщенъ черезъ Плетнева, что рукопись возвращена 4 марта въ среду на первой недѣлѣ поста, дѣло затормозилось и вторично рукопись была выручена только

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, стр. 226.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр 461.

5 апрѣля и притомъ съ выпущеніемъ извѣстнаго разсказа о капитанѣ Копѣйкинѣ. Наконецъ было приступлено къ напечатанію рукописи; къ именинамъ Гоголя (9 мая) онъ чувствовалъ себя уже съ облегченной душой и былъ наготовѣ снова ѣхать изъ Россіи. 21 мая, въ день именинъ К. С. Аксакова, вышли изъ типографіи первые готовые экземпляры „Мертвыхъ Душъ", а 23 мая уже Гоголь выѣхалъ обратно изъ Москвы за-границу и прочелъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" въ этотъ же день посланную имъ публикацію о выходѣ своей книги.

Такъ завершилась наконецъ эта томительная исторія, стоившая Гоголю значительной потери времени и здоровья. Но если онъ во весь этотъ промежутокъ былъ совершенно погруженъ въ свои практическія дѣла и заботы, то это еще нисколько не можетъ противорѣчить тому, что подготовлявшійся въ немъ переломъ не успѣлъ къ той порѣ вступить въ свою силу: очень естественно, что ему приходилось пока отвлекаться отъ самоуглубленія и внутренняго воспитанія, какъ тѣ же волненія, хотя и въ меньшей мѣрѣ, повторились во время изданія „Переписки" и могли бы еще разъ захватить Гоголя при печатаніи второго тома, если бы смерть не помѣшала его планамъ. Но и въ 1842 году Гоголь, безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе посвящалъ вниманія насущнымъ земнымъ интересамъ, чѣмъ больше его къ тому вынуждали со всѣхъ сторонъ встрѣтившіяся помѣхи и препятствія. А всевозможныхъ усилій и даже хитростей Гоголемъ было употреблено очень не мало, какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ; но зато тотъ же писатель справедливо заключаетъ также: „тотъ, кто не имѣетъ „Мертвыхъ Душъ" для напечатанія, можетъ, разумѣется, вести себя непогрѣшительнѣе Гоголя и быть гораздо проще въ своихъ поступкахъ и выраженіи своихъ чувствъ" [1]). Въ концѣ 1842 г. вышло изъ печати и полное собраніе сочиненій Гоголя, приготовленное Прокоповичемъ.

Въ заключеніе нашего обзора цензурныхъ передрягъ по поводу сочиненій Гоголя, можетъ-быть, не лишнее будетъ указать между прочимъ на то обстоятельство, что, вслѣдствіе строгой отвѣтственности цензоровъ и ихъ крайней на-

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 184.

пуганности частыми суровыми взысканіями, Гоголю мало помогали даже и такія чрезвычайно благопріятныя для него случайности, какъ напр. та, что во главѣ петербургскаго цензурнаго комитета стоялъ человѣкъ, ему близко знакомый и во всякомъ случаѣ относившійся къ нему съ полнымъ расположеніемъ[1]). Это былъ князь Григорій Петровичъ Волконскій, о которомъ намъ покойный А. С. Данилевскій сообщилъ слѣдующее: „Это сынъ министра двора Петра Михайловича Волконскаго. Онъ былъ близкимъ родственникомъ княжны Варвары Николаевны Репниной. Репнины собственно Волконскіе. Фамилія Репниныхъ угасала; оставалась только дочь Репнина, извѣстнаго Николая Васильевича, который былъ посланникомъ въ Варшавѣ. Это одна изъ извѣстныхъ древнихъ фамилій. Единственная представительница рода вышла за Волконскаго и передала свою фамилію мужу и дѣтямъ". Что Гоголь дружески встрѣчался еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ кн. Волконскимъ и былъ съ нимъ довольно коротокъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ его писемъ къ княжнѣ Репниной: „Я думаю, князь Григорій Петровичъ въ большихъ теперь хлопотахъ: распредѣляетъ комнаты, повелѣваетъ одной сдѣлаться дѣтскою, другой быть столовою, третьей гостиною, въ которой, увы! врядъ ли достанется сидѣть пишущему сіи строки" [2]). Правда, все письмо было совершенно шуточное и въ другихъ строкахъ Гоголь говоритъ о завѣдомо небывалыхъ хлопотахъ кн. Г. П. Волконскаго, будто тотъ былъ занятъ въ моментъ написанія письма приведеніемъ въ порядокъ только-что нанятой квартиры въ Неаполѣ, — тогда какъ ни онъ, ни Репнины, несмотря на продолжительные сборы, еще и не двинулись въ путь изъ извѣстной римской виллы ихъ родственницы Зинаиды Александровны Волконской, что̀ и послужило поводомъ къ шуткѣ Гоголя. Во всякомъ случаѣ, этотъ несомнѣнно расположенный къ Гоголю человѣкъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго въ цензурномъ комитетѣ, увидѣлъ себя вынужденнымъ написать въ оффиціальной бумагѣ: „Соображая мѣста, пропущенныя у Гоголя, съ

---

[1]) Отношенія Гоголя къ Г. П. Волконскому ясны между прочимъ изъ просьбъ послѣдняго объ Ивановѣ.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 338—339.

тѣми, по случаю коихъ цензора Никитенко и Куторга подверглись отвѣтственности[1]), комитетъ не *осмѣливается* дозволить выпуска книгъ, въ коихъ они существуютъ"[2]), и затѣмъ, указывая на извѣстную уже намъ крайне затруднительную неясность цензурныхъ инструкцій, просилъ дать цензорамъ „какое-нибудь *опредѣленное* наставленіе о томъ, въ какомъ духѣ они должны дѣйствовать", и нѣсколько далѣе предупреждалъ, что цензура должна стараться не стѣснять развитія отечественной литературы...

---

[1]) Незадолго передъ этимъ цензоры Никитенко и Куторга были арестованы за пропускъ повѣсти В. Ев—скаго: «Гувернантка».

[2]) Сухомлиновъ, «Очерки и изслѣдованія», т. II, 332—333.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ ГОГОЛЯ

въ 1836—1842 гг.

I. ПЕРВЫЙ ТОМЪ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

I.

Внѣшнія обстоятельства жизни Гоголя не могли не оказать сильнаго вліянія именно въ первый періодъ заграничныхъ странствованій нашего писателя и на его внутренній, интимный міръ, отразившійся до извѣстной степени также на великомъ его созданіи. Въ началѣ этого періода Гоголь еще не замкнулся исключительно въ тѣсный кругъ немногихъ избранныхъ людей, не предавался однимъ религіознымъ интересамъ и прежняя чуткость къ впечатлѣніямъ окружающей дѣйствительности еще не покинула его. Любимымъ повѣреннымъ завѣтныхъ творческихъ думъ Гоголя послѣ смерти Пушкина сдѣлался Жуковскій. Изъ писемъ къ нему и изъ „Авторской Исповѣди“ мы узнаемъ, что планъ „Мертвыхъ Душъ“ создавался постепенно, и самая цѣль произведенія не сразу выяснилась для автора. Въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь разсказываетъ о передачѣ ему Пушкинымъ сюжета „Мертвыхъ Душъ“: „Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего прежде мной читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Кàкъ, съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ“ [1]). Подъ небольшой сценой разумѣлся, конечно, одинъ изъ драматическихъ „кусочковъ“, которыми вообще сильно интересовался Пушкинъ. „Мертвыя Души“ вскорѣ послѣ этого были начаты, и отрывки изъ нихъ уже были знакомы

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 249.

Пушкину въ первоначальномъ наброскѣ еще въ 1835 г. Чтеніе первыхъ главъ, какъ извѣстно, навело Пушкина на тяжелое раздумье, и онъ, „охотникъ до смѣха, по окончаніи чтенія произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ [1])

Этотъ первоначальный набросокъ былъ потомъ переработанъ Гоголемъ и значительно смягченъ въ отношеніи удручающаго колорита. Уже тогда началась въ Гоголѣ реакція противъ безпощаднаго анализа; онъ боялся производимаго его поэмой тягостнаго впечатлѣнія, и хотя старался всѣми силами оправдывать наиболѣе свойственный ему способъ художественнаго изображенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ и уступки предполагаемому впечатлѣнію читателя. „Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего въ началѣ для меня самого“, — говорилъ Гоголь однажды: — „онъ бы точно содрогнулся“ [2]). Нельзя не пожалѣть объ утратѣ нѣкоторыхъ частей первоначальнаго наброска: это обстоятельство лишаетъ насъ возможности судить вѣрнѣе о томъ, въ какомъ именно направленіи измѣнилась разработка сюжета „Мертвыхъ Душъ“ на первыхъ же шагахъ творческаго труда автора.

Вообще довольно серьезнымъ затрудненіемъ для безусловно точнаго изученія „Мертвыхъ Душъ“ является сложность и продолжительность работъ автора надъ излюбленной темой. Именно это обстоятельство исключаетъ возможность вполнѣ послѣдовательнаго исполненія авторомъ разъ составленнаго плана. Поэма писалась въ разные періоды жизни, при разныхъ обстоятельствахъ и настроеніяхъ автора, преслѣдовала не совсѣмъ одинаковыя цѣли. Извѣстно, что Гоголь необыкновенно упорно и добросовѣстно работалъ надъ отдѣлкой своихъ произведеній, и, конечно, особенно тѣхъ, которыя сохранились въ нѣсколькихъ редакціяхъ; но едва ли можно утверждать, чтобы онъ каждый разъ обдумывалъ и составлялъ *окончательно обработанный* планъ *въ самомъ началѣ*, который сохранялся бы потомъ *неуклонно*. Это относится впрочемъ къ большинству созданій творческаго генія вообще, какой бы народности и литературѣ ни принадлежалъ по-

---

1) Тамъ же, стр. 38.

2) Тамъ же.

даренный имъ міру шедевръ, если только произведеніе создавалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Такъ Шиллеръ сознаетъ, что вторая половина „Донъ-Карлоса“ не вполнѣ гармонируетъ съ первой, и находитъ, что драма должна писаться въ одно лѣто. Пушкинъ говоритъ въ концѣ „Евгенія Онѣгина“, что когда ему впервые явились въ смутномъ снѣ юная Татьяна и Онѣгинъ, онъ

„Даль свободнаго романа
Сквозь магическій кристаллъ
Еще не ясно различалъ.“

Гоголь также говоритъ прямо: „Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ *обстоятельнаго* плана, не давши себѣ отчета, что̀ такое именно долженъ быть главный герой“ [1]). Впослѣдствіи планъ выяснялся и перерабатывался постоянно, на что имѣются указанія въ перепискѣ Гоголя. Полагаемъ, что опредѣлить точно *всѣ* послѣдовательныя метаморфозы невозможно. Самъ авторъ признавалъ открыто, что сперва надѣялся, что „родившаяся въ немъ охота смѣяться создаетъ сама множество смѣшныхъ явленій, которыя онъ намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными“ [2]). Поэтому при несомнѣнной устойчивости плана въ концѣ работы, все-таки нельзя не согласиться съ Н. С. Тихонравовымъ, что „предварительнаго плана поэмы и не было“ [3]), точно также, какъ напечатанный текстъ могъ быть впослѣдствіи одной изъ позднѣйшихъ промежуточныхъ стадій переработки, такъ какъ, по словамъ Гоголя, онъ „не почиталъ дѣло конченнымъ, если вещь напечатана“ [4]). Доказательство этому мы находимъ въ напечатанномъ первоначально Катковымъ неизданномъ отрывкѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ [5]).

Мысль поэмы была вначалѣ чужая, но затѣмъ авторъ постепенно привнесъ богатое содержаніе, выработанное изъ собственныхъ впечатлѣній, воспоминаній и думъ. А. О. Смирнова записала въ своемъ дневникѣ: „Пушкинъ провелъ че-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 250.

2) Тамъ же.

3) Т. III, стр. 510.

4) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 11.

5) «Русскій Вѣстникъ», 1856, кн. I, 1—3; Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 256—264.

тыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа, который, какъ Донъ-Кихотъ[1]), будетъ раздѣленъ на пѣсни. Герой объѣдетъ провинцію; *Гоголь воспользуется своими путевыми записками*“ [2]), — это были тѣ именно записки, которыя онъ дѣлалъ на пути изъ Малороссіи въ Петербургъ въ 1832 г. и которыя читалъ потомъ Пушкину.

Открыто заявленное самимъ Гоголемъ отсутствіе въ началѣ опредѣленнаго плана для новаго произведенія даетъ право предполагать уже въ этомъ періодѣ работы возможность крупныхъ перемѣнъ. Но особенно любопытно признаніе Гоголя, что на первыхъ порахъ онъ не давалъ себѣ отчета, „что̀ такое именно долженъ быть самый герой“. Итакъ, даже типъ Чичикова сложился не сразу, хотя онъ былъ уже извѣстенъ Пушкину въ своемъ опредѣленномъ начертаніи, которое потребовало потомъ многихъ дальнѣйшихъ наблюденій автора. Но Гоголь какъ-то сбивчиво упоминаетъ, въ третьемъ письмѣ по поводу „М. Д.“, о мрачномъ впечатлѣніи, произведенномъ прочитанными главами на Пушкина: „Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура *и моя собственная выдумка!* Тутъ-то я увидѣлъ, что̀ значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще *душевная правда,* и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе свѣта“[3]). Какъ согласить душевную правду съ выдумкой, и почему ошеломленный впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Пушкина, Гоголь рѣшился ослабить тотъ грустный элементъ въ своей поэмѣ, который *пугалъ отсутствіемъ свѣта* и слѣдовательно еще сильнѣе побуждалъ искать его? Изъ словъ Гоголя не видно прямо, чтобы онъ руководился здѣсь эстетическими соображеніями, а сильное впечатлѣніе Пушкина само по себѣ не свидѣтельствуетъ ли о высокомъ эстетическомъ достоинствѣ уже первыхъ набросковъ?

Необходимо затѣмъ принять во вниманіе начавшееся вскорѣ продолжительное отсутствіе Гоголя изъ Россіи и внимател-

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1891, III, 69 и проч. и «Этюды и характеристики» А. Веселовскаго, 567 и проч.

[2]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, III, 141.

[3]) См. Соч. Гоголя, т. IV, стр. 88—89.

ное обдумываніе и капитальную переработку имъ давно накопившагося матеріала. Въ Веве Гоголь съ большимъ успѣхомъ воскрешалъ въ своемъ воображеніи готовые, давно сложившіеся образы, такъ что ему казалось, что онъ находится въ Россіи: „передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ, вся православная Русь“ [1]), — или все то, прибавимъ отъ себя, что̀ составило потомъ содержаніе перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Въ томъ же письмѣ онъ говорилъ уже, что обдумалъ весь планъ произведенія, хотя и просилъ сообщить, „не представится ли какихъ-нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ“. Но это относилось уже къ обогащенію сюжета, такъ какъ Гоголь вообще всегда нуждался во внѣшней фабулѣ, въ которую могъ зато легко вложить самое богатое содержаніе изъ своего обширнаго запаса тонкихъ и мѣткихъ наблюденій. Эти „казусы“ такъ же были необходимы Гоголю во время его работы надъ первой частью „Мертвыхъ Душъ“ и болѣе ранними произведеніями, какъ впослѣдствіи для второй части ему понадобились самыя разнообразныя свѣдѣнія, съ просьбою о доставленіи которыхъ онъ обращался уже не только къ друзьямъ и знакомымъ, но и ко всей грамотной Россіи. Отчасти уже во второмъ томѣ Гоголь впервые бралъ вымышленные имъ самимъ случаи и лица и старался насильно подчинить этимъ призракамъ работу своего воображенія. Въ половинѣ 1838 г. Гоголь уже говорилъ: „огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его“. Но и кромѣ того, по словамъ его, „еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается“. Этотъ неосуществившійся Левіаѳанъ, безъ сомнѣнія, является уже явнымъ предвѣстникомъ той ложной дороги, на которую вскорѣ вступилъ Гоголь. Задатки мистицизма въ полной силѣ сказались также въ непосредственно слѣдующихъ строкахъ: „священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него... божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ „Мертвыя Души“ [2]). Такимъ образомъ, этотъ священный трепетъ не былъ ли нѣкоторымъ образомъ хотя и отдаленнымъ „нача-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 955.

[2]) Тамъ же.

ломъ конца“? Мысль о Левіаѳанѣ нигдѣ не повторяется больше, и проектъ о немъ былъ поглощенъ впослѣдствіи предположеніями о послѣднихъ томахъ „Мертвыхъ Душъ“, но отголосокъ этой мысли ясно слышится уже въ извѣстныхъ словахъ VII главы, гдѣ Гоголь высказываетъ надежду, что настанетъ наконецъ, хотя, можетъ-быть, и не скоро, то время, „когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облаченной въ священный ужасъ и блистаніе главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей“. Профессоръ Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту напоминаетъ извѣстные стихи Пушкина:

И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ [1]).

Это сопоставленіе, осторожно и безъ дальнѣйшихъ выводовъ приведенное покойнымъ ученымъ, наводитъ на мысль о возможности въ данномъ случаѣ реминисценціи со стороны Гоголя, весьма вѣроятной при его глубокомъ уваженіи къ поэтическому слову Пушкина и прекрасной, художественной простотѣ и выразительности заключающагося въ приведенныхъ стихахъ образа. Гоголь былъ настолько проникнутъ обаяніемъ поэзіи и еще болѣе личности Пушкина, съ такимъ благоговѣніемъ чтилъ его завѣты и память о немъ, что совпаденіе указанныхъ выраженій въ самомъ дѣлѣ едва ли могло быть случайнымъ, тѣмъ болѣе, что стихи Пушкина чрезвычайно подходили къ настроенію одного изъ искреннѣйшихъ его почитателей. Тѣмъ не менѣе „Левіаѳанъ“ погубилъ Гоголя, потому что въ умѣ послѣдняго уже носилась какая-то необъятная задача, и онъ начиналъ ставить своему таланту и человѣческому слову вообще такія грандіозныя цѣли, съ которыми не только не могъ совладѣть самъ, но которыя вообще едва ли могутъ быть осуществлены. Онъ, подъ обаяніемъ величественной мечты, хотѣлъ, какъ видно, превзойти самого себя, заговорить небывалымъ и неслыханнымъ языкомъ, создать нѣчто безпримѣрно-высокое и этимъ фантастически-великимъ изображеніемъ привести читателей въ какой-то необычайный смущенный трепетъ. Отсюда гибель его таланта. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ лирическихъ отсту-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 487.

пленіяхъ перваго тома Гоголь въ предѣлахъ возможнаго прекрасно достигъ своей цѣли, но едва ли можно себѣ представить обѣщанное „лирическое теченіе“ цѣлой поэмы, или, правильнѣе сказать, всего романа. Къ счастью, имѣя намѣреніе въ „Мертвыхъ Душахъ“ изобразить русскаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками, Гоголь рѣшилъ первую часть, уже начатую въ духѣ его прежнихъ произведеній, посвятить изображенію ничтожныхъ людей, но это недоразумѣніе сказалось нѣсколько позднѣе: конечно, Гоголь уже заднимъ числомъ придумалъ впослѣдствіи объясненіе этой будто бы первоначальной цѣли.

Въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь разсказываетъ о невольно приходившихъ ему въ голову вопросахъ, останавливавшихъ его работу. „Не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильно, и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально“[1]). Увы! потомъ оказалось, что теоретическая мысль не только не помогла, но даже затруднила дѣло творчества. Гоголь ясно говоритъ: „Чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе, тѣмъ болѣе видѣлъ, что не случайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какія попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно-русскія, коренныя свойства наши[2]). Но для этого нужно было точнѣе опредѣлить послѣднія и задача оказалась не посиламъ автору. Тогда какъ прежде онъ пользовался для своихъ сочиненій вполнѣ реальнымъ содержаніемъ собственныхъ наблюденій надъ жизнью, которыхъ имѣлъ огромный запасъ, и въ этомъ запасѣ былъ полнымъ хозяиномъ, впослѣдствіи онъ старался черпать матеріалъ преимущественно изъ апріорныхъ соображеній, подсказываемыхъ къ тому же крайне неопредѣленными, хотя и сильными порывами религіознаго и патріотическаго увлеченія.

Мы знаемъ, что Гоголь утверждалъ, будто „вслѣдствіе давно принятого плана „Мертвыхъ Душъ“ для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные“[3]). Но выраже-

---

1) Т. IV, стр. 250.
2) Тамъ же, стр. 251.
3) Т. IV, стр. 89.

ніе *давно принятой планъ* не совсѣмъ опредѣленно; оно, конечно, ясно указываетъ на то, что планъ этотъ былъ принятъ *до напечатанія* перваго тома и даже, быть можетъ, задолго; но отнюдь еще не на то, чтобы планъ этотъ былъ составленъ уже съ самаго начала работы, когда онъ прямо говорилъ: „Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать *съ одного боку* всю Русь“[1]). Если справедливо наше мнѣніе, что возникновеніе новаго плана относится къ тому именно времени, когда Гоголь писалъ Жуковскому, что у него еще „Левіоѳанъ затѣвается“[2]), при мысли о которомъ его заранѣе „пробираетъ священная дрожь“, — то надо признать, что на постепенное торжество этого новаго плана указываютъ и отмѣченныя Н. С. Тихонравовымъ перемѣны въ началѣ седьмой главы, гдѣ слова: „грозная вьюга вдохновенія обовьетъ главу будущаго поэта“ оказались измѣненными такъ, что относились уже къ самому Гоголю, а въ XI главѣ прибавлены послѣ строкъ: „вся повѣсть приметъ величавое лирическое теченіе“, слова: „то увидимъ потомъ“, „какъ двинутся всѣ рычаги широкой повѣсти, раздастся далече горизонтъ“[3]) и проч. Однимъ словомъ, этотъ новый планъ „Мертвыхъ Душъ“, отразившійся роковымъ образомъ на дальнѣйшей поэмы, составлялся уже при концѣ *работъ надъ первымъ томомъ* и все больше вовлекалъ автора въ то бездонное море, въ которомъ суждено было потонуть его величественнымъ замысламъ[4]). На первомъ томѣ этотъ новый планъ могъ отразиться только коекакими незначительными вставками — не больше, потому что, какъ видно изъ всѣхъ сохранившихся редакцій, онъ *уже раньше* успѣлъ получить совершенно опредѣленный видъ, не поддававшійся никакимъ ощутительнымъ „новшествамъ“ безъ самой капитальной перестройки. Планъ перваго тома установился настолько крѣпко и прочно, что въ него можно было втиснуть развѣ только отдѣльныя фразы, вродѣ нами указанныхъ. Зато этотъ прежній планъ теперь почти былъ вовсе оставленъ Гоголемъ.

---

1) «Русск. Арх.», 1890, II, 514.

2) «Русск. Арх.», 1871, 4—4, стр. 955.

3) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 455

4) На позднѣйшіе замыслы Гоголя намекаетъ и нарисованный имъ оригиналъ для обертки «Мертвыхъ Душъ» (см. Соч. Гог., из. X, т. III, стр. 477—478).

II.

Какой бы ни былъ первоначальный планъ тома и какія бы ни были фазисы его развитія, программа этой части въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна намъ теперь, является вполнѣ опредѣлившейся. Планъ этотъ вполнѣ обдуманный, строгій и простой. Сущность его заключается въ томъ, что авторъ слѣдитъ за всѣми дѣйствіями и чувствами своего героя, неизмѣнно сопровождая его въ своемъ разсказѣ, отъ самаго пріѣзда въ губернскій городъ, и ни на минуту не выпуская изъ виду. Вмѣстѣ съ героемъ авторъ безпрестанно изображаетъ всю окружающую его обстановку, всѣ постоянно измѣняющіяся впечатлѣнія, не забывая нигдѣ для полноты и яркости картины подробностей, относящихся даже къ его экипажу, лошадямъ и прислугѣ. Разсказъ находится постоянно въ движеніи: читатель переживаетъ съ Чичиковымъ всѣ жизненныя встрѣчи и всѣ его настроенія. Остальныя лица изображаются собственно по отношенію къ главному герою и занимающему его проекту, но каждое при этомъ живетъ передъ нами своею собственной жизнью. Во время разговоровъ о „Мертвыхъ Душахъ“ каждый помѣщикъ достаточно обнаруживаетъ свой характеръ, и читатель, прекрасно понимая его, все время видитъ, чѣмъ заняты его мысли въ данный моментъ и на что они устремлены вообще. Этимъ достигается полная яркость изображенія и Гоголь каждый разъ прибавляетъ отъ себя только общую характеристику лица, которую помѣщаетъ обыкновенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ почему-нибудь предполагается естественный перерывъ разсказа, а затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о томъ, чѣмъ занимается помѣщикъ по отъѣздѣ Чичикова, что̀ дорисовываетъ обыкновенно предшествующее изображеніе, строго согласное какъ съ этимъ изображеніемъ извѣстнаго лица, такъ и съ обстоятельствами данной минуты. Такъ напр. Коробочка по отъѣздѣ Чичикова, „успокоившись, стала разсматривать все, что̀ было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу“[1]) и проч.; а Маниловъ „вошелъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему неболь-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 54.

шое удовольствіе"[1]). Послѣ этого передаются мечты Манилова, прекрасно дополняющія его характеристику, и все то, что̀ читатели успѣли узнать раньше объ этой личности. Также описаны размышленія Плюшкина по отъѣздѣ Чичикова и только Ноздревъ оставленъ авторомъ въ томъ неожиданномъ столбнякѣ, какой произвелъ на него внезапный пріѣздъ капитанъ-исправника.

Рисуя какую-либо картину, Гоголь никогда не забываетъ ея мельчайшихъ аксессуаровъ и обращаетъ вниманіе особенно на настроеніе всѣхъ лицъ до самыхъ послѣднихъ, чѣмъ достигается необыкновенная живость и яркость изображенія. Возьмемъ, повидимому, самые мелочные примѣры. При отъѣздѣ Чичикова изъ имѣнія Коробочки Гоголь говоритъ о суровомъ видѣ Селифана послѣ попойки и объ его усиленномъ вниманіи къ своимъ обязанностямъ, что̀ въ одно и то же время и дополняетъ картину и связываетъ ее съ предыдущей. Немного далѣе, когда Коробочка даетъ Чичикову въ провожатые крестьянскую дѣвочку, чтобы она указала дорогу къ Собакевичу, Гоголь влагаетъ ей въ уста любопытную по своей наивности просьбу: „только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы", а вскорѣ потомъ не забываетъ кстати отмѣтить дѣтское удовольствіе дѣвочки, посидѣвшей съ минуту на козлахъ. Каждой такой подробностью Гоголь чрезвычайно искусно пользуется какъ для болѣе разносторонняго освѣщенія того или другого лица, такъ и для полноты и яркости общей картины. Такимъ образомъ читатель, ни на мигъ не отрываясь отъ главнаго героя, въ то же время постоянно, какъ будто вмѣстѣ съ Чичиковымъ и съ самимъ авторомъ совершаетъ путь, переживаетъ дорожныя приключенія, знакомится съ новыми лицами и размышляетъ по поводу ихъ.

Изъ этого основного, общаго плана вытекаетъ слѣдующая схема для большей части главъ перваго тома, начиная со второй и кончая шестой. Каждая глава состоитъ изъ:

а) описанія поѣздки къ тому или другому помѣщику (въ этой части встрѣчаются притомъ каждый разъ новые варіанты и новыя подробности: размышленія Чичикова, его слугъ, даже лошадей, описанія погоды, внѣшнія впечатлѣнія

---

[1]) Тамъ же, стр. 35.

на пути, неожиданныя встрѣчи, разспросы о направленіи и проч.);

b) внѣшняго описанія усадьбы извѣстнаго помѣщика, причемъ каждый разъ это описаніе имѣетъ въ виду подготовку читателя къ слѣдующей затѣмъ характеристикѣ помѣщика;

c) самой характеристики, для которой авторъ, слѣдуя объясненному выше общему плану, избираетъ обыкновенно тотъ моментъ, когда изображаются встрѣчи, привѣтствія или вообще представляется поводъ къ какому-нибудь естественному перерыву въ разсказѣ („хотя время, впродолженіе котораго Чичиковъ и Маниловъ будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но потребуемъ, не успѣемъ ли мы какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать коечто о хозяинѣ дома“ [1]). „Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ“ [2]). „Увидѣвъ гостя, Собакевичъ сказалъ отрывисто: „прошу“ и повелъ его во внутреннія жилья. Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя“ [3]) или просто: „Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ“ [4]) и „здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на Плюшкина пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ“ [5]).

Вообще Гоголь каждый разъ чрезвычайно обдуманно выбираетъ моментъ, чтобы, не нарушая своего основного плана, ввести необходимую ему характеристику — или отъ себя лично (характеристика Манилова, Коробочки, Ноздрева), или же отъ лица своего героя (Собакевичъ, Плюшкинъ);

d) внутренняго описанія дома помѣщика (иногда эта часть тѣсно примыкаетъ къ предыдущей, иногда же она кромѣ того приводится въ связь съ самымъ разсказомъ; напр.: „между

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 19—20.

2) Тамъ же, стр. 66.

3) Тамъ же, стр. 91.

4) Тамъ же, стр. 41.

5) Тамъ же, стр. 113.

тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію“ [1]).

и е) отъѣзда Чичикова и краткаго указанія на настроеніе или занятія извѣстнаго помѣщика послѣ этого отъѣзда.

Порядокъ всѣхъ названныхъ второстепенныхъ частей почти не подвергается измѣненіямъ, и если послѣднія кое-гдѣ допущены, то это сдѣлано единственно по требованіямъ естественности въ ходѣ разсказа; напр.: тогда какъ обыкновенно тотчасъ послѣ описанія пріѣзда Чичикова къ помѣщику слѣдуетъ описаніе наружнаго вида усадьбы, и эта часть, въ свою очередь, предшествуетъ характеристикѣ помѣщика,— напротивъ въ главѣ о Коробочкѣ, въ виду пріѣзда къ ней Чичикова въ поздній часъ, внутреннее описаніе дома предпослано ея характеристикѣ, и уже черезъ нѣкоторое время послѣ того сдѣлано внѣшнее описаніе усадьбы, а въ главѣ о Плюшкинѣ, по причинѣ исключительныхъ особенностей характера этого лица, мы встрѣчаемъ вслѣдъ за характеристикой его *въ данный моментъ* еще и подробный разсказъ о его *прошломъ,* о томъ, какъ онъ дошелъ до того ужасающаго состоянія, въ которомъ застаетъ его поэма. Затѣмъ въ остальныхъ главахъ канва разсказа также весьма ясно опредѣляется естественной послѣдовательностью происшествія, части: Описаніе пріѣзда Чичикова въ губернскій городъ, описаніе гостиницы, номера Чичикова, общей залы, прогулки Чичикова по губернскому городу, его визитовъ чиновникамъ, приглашенія на вечера, губернаторской вечеринки, наконецъ благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго Чичиковымъ на чиновниковъ. Глава эта, очевидно, имѣетъ подготовительный характеръ; но въ своемъ окончательномъ видѣ несомнѣнно построена такъ, что въ ней уже заключаются главныя нити для дальнѣйшаго повѣствованія. Первая глава съ одной стороны въ самомъ началѣ своемъ представляетъ разсказъ объ ознакомленіи Чичикова съ губернскимъ городомъ, совершенно соотвѣтствующій концу перваго тома, заключающему въ себѣ описаніе выѣзда Чичикова изъ губернскаго города NN; съ другой стороны она всѣмъ своимъ содержаніемъ, а особенно краткимъ изображеніемъ быта чиновниковъ и гу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 69.

бернской жизни вообще подготовляетъ читателей ко второй половинѣ перваго тома, гдѣ описаніе провинціальнаго быта снова выступаетъ на видный планъ, причемъ уже въ первой главѣ особенное вниманіе посвящено изображенію губернской атмосферы, въ которую снова погружается потомъ Чичиковъ по возвращеніи изъ своей экскурсіи. Наконецъ въ первой главѣ упоминается о томъ, что Чичиковъ, на вечерѣ у полицеймейстера, успѣлъ познакомиться съ помѣщиками Маниловымъ, Собакевичемъ и Ноздревымъ, что̀ представляетъ естественную подготовку къ непосредственно слѣдующимъ главамъ; здѣсь притомъ уже съ самаго начала намѣченъ Ноздревъ, какъ человѣкъ, которому предстоитъ потомъ испортить проектъ Чичикова и поставить его въ затруднительное положеніе, вслѣдствіе котораго герой увидитъ себя вынужденнымъ покинуть губернскій городъ, для того чтобы открыть свои дѣйствія снова въ другомъ мѣстѣ — уже во второй части поэмы. На особенное значеніе Ноздрева для развязки перваго тома намекаютъ между прочимъ и собственныя слова Гоголя, что ему, „можетъ быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ“ [1]). Въ остальныхъ главахъ планъ также простой и выдержанный: въ VII главѣ — размышленія Чичикова о пріобрѣтенныхъ имъ умершихъ и бѣглыхъ крестьянахъ, совершеніе купчей крѣпости, наконецъ, закуска и такъ называемые спрыски покупки у полицеймейстера; въ VIII — толки о мертвыхъ душахъ среди мужчинъ, балъ у губернатора и, какъ слѣдствіе соревнованія между дамами изъ-за Чичикова, неблагопріятные толки о немъ среди женщинъ; въ IX главѣ — сплетни и догадки дамъ, въ X — толки и догадки мужчинъ; наконецъ въ XI — сборы къ отъѣзду, неожиданныя задержки, наконецъ самый отъѣздъ и потомъ въ концѣ главы разсказъ о дѣтствѣ и молодости Чичикова.

Такимъ образомъ программа перваго тома въ общемъ представляется вполнѣ строго выдержанной, хотя во второй половинѣ его на видномъ планѣ является уже не столько самъ герой, сколько молва и толки о немъ. Нечего говорить, что такой стройности плана нельзя требовать и ожидать отъ второй части, въ которой поэтому, при ея тепе-

---

[1]) Т. III, стр. 66.

решнемъ незаконченномъ видѣ, мы легко можемъ принять случайное за существенное и, можетъ быть, иногда также наоборотъ. Мы позволимъ себѣ впрочемъ, въ свое время высказать нѣкоторыя соображенія, которыя явились у васъ при изученіи этого тома.

„Вслѣдствіе уже давно принятаго плана „Мертвыхъ Душъ“, — писалъ Гоголь неизвѣстному лицу, — „для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные“... „Эти ничтожные люди“, — продолжалъ онъ, — „однако, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты“[1]). Гоголю стало, конечно, лишь впослѣдствіи казаться, какъ это онъ выразилъ въ томъ же только-что цитированномъ письмѣ, что „по мѣрѣ того, какъ ему стали открываться его недостатки, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось желаніе избавиться отъ нихъ“, и что онъ былъ наведенъ „необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ на то, чтобы передавать ихъ героямъ своихъ произведеній“. Изъ словъ этого письма выходитъ, какъ будто это душевное событіе совершилось еще въ Петербургѣ, до отъѣзда за-границу, и подъ нимъ надо разумѣть (если это только дѣйствительно душевное событіе *было*, а не есть плодъ разстроеннаго воображенія), развѣ только неудачу „Ревизора“, но и въ томъ случаѣ при сопоставленіи этого факта съ тѣмъ временемъ, когда Пушкинъ могъ слышать чтеніе первыхъ главъ поэмы, получается явная хронологическая несообразность. Кажется, никакихъ душевныхъ событій и высшихъ внушеній въ ту пору еще не было, и лишь зародышъ ихъ коренился во всегдашней наклонности Гоголя къ мистицизму, а впервые обнаружился именно въ приведенныхъ строкахъ о Левіаѳанѣ. Сверхъ того, по словамъ С. Т. Аксакова, всегда правдиво передававшаго свои воспоминанія, Гоголь лично говорилъ ему, что началъ писать „Мертвыя Души“ только какъ любопытный и забавный анекдотъ[2]) и лишь впослѣдствіи началъ думать о колоссальномъ созданіи, и это объясненіе дѣйствительно согласно съ фактами. Намъ ка-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 89.

[2]) «Русскій Архивъ», 1890, т. VIII, стр. 46.

жется даже, что *къ словамъ Гоголя въ началѣ второй главы,* — что обо всемъ, что̀ занимало мысли Чичикова, „читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть“, — *едва ли не при одномъ изъ позднѣйшихъ исправленій были добавлены слова:* „очень длинную, имѣющую послѣ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло“ [1]). Во всякомъ случаѣ, эти слова вмѣстѣ съ вышеприведенными имѣютъ весьма близкое отношеніе къ позднѣйшему взгляду на первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, какъ только „на крыльцо ко дворцу, который въ немъ, Гоголѣ, строился“ [2]).

III.

Обратимся теперь къ извлеченію изъ перваго тома „М. Д.“ дополнительныхъ біографическихъ свѣдѣній.

За-границей передъ умственнымъ взоромъ Гоголя съ особеннымъ наслажденіемъ рисовалась надолго оставленная, но горячо любимая, родина. „Теперь передо мной чужбина, вокругъ меня чужбина“ [3]), — писалъ онъ Погодину, — „но въ сердцѣ моемъ Русь, одна только Русь“. Даже въ Италіи, при всемъ страстномъ обожаніи страны, Гоголь не могъ освободиться отъ тоски по родинѣ, и въ то же время, когда онъ говорилъ, что „нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ“ [4]), и что „цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу“, — въ это же почти время онъ говорилъ любимѣйшему изъ своихъ друзей: „Что̀ сказать тебѣ вообще объ Италіи? Мнѣ кажется, какъ будто бы я заѣхалъ къ стариннымъ малороссійскимъ помѣщикамъ. Такія дряхлыя двери у домовъ, со множествомъ безполезныхъ дыръ, марающія платья мѣломъ; старинные подсвѣчники и лампы въ родѣ церковныхъ, все на старинный манеръ“ [5]). Такимъ образомъ, въ самомъ Римѣ Гоголя

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 15.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 465 и 480 и «Вѣстникъ Европы», 1890, II, 583.

[3]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 274.

[4]) Тамъ же, стр. 329.

[5]) Тамъ же, стр. 309.

плѣняло, между прочимъ, и замѣчаемое имъ сходство между Италіей и Малороссіей. По свидѣтельству Анненкова, во время его совмѣстной жизни съ Гоголемъ въ Италіи, мысль послѣдняго „о Россіи, вмѣстѣ съ мыслью о Римѣ, была живѣйшей частью его существованія“ [1]). Съ страстной тоской вспоминалъ Гоголь на чужбинѣ и о лихой русской ѣздѣ на тройкахъ, и о любимомъ имъ хорѣ народныхъ пѣсенъ. Это отразилось и на второй части „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ Гоголь изображаетъ, какъ Пѣтухъ, „встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ почувствовалъ, что онъ русскій“ [2]). Въ первомъ томѣ Гоголь также съ любовью изображаетъ артистическое увлеченіе пѣвчихъ. Гоголю живо представилось, по поводу одного изъ его описаній, „какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову“ [3]) и проч. Гоголю всегда нравилось обаяніе широкой удали и мощнаго душевнаго движенія, когда, забываясь въ порывѣ внезапно охватившаго восторга, человѣкъ становится на время поэтомъ и отрѣшается отъ будничной прозы. Самъ онъ въ счастливыя минуты способенъ былъ, даже въ началѣ сороковыхъ годовъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ и позднѣе, отдаваться всею душой взрывамъ какой-то неудержимой радости, особенно при звукахъ какой-нибудь разгульной малороссійской пѣсни. Такъ, проходя однажды съ Анненковымъ въ Римѣ по глухому переулку, онъ до того воодушевился, что „наконецъ пустился просто въ плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ на воздухѣ такія штуки, что не далѣе двухъ минутъ ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону“ [4]).

Гоголь любилъ испытывать и изображать такое состояніе, которое не поддается холодному прозаическому слову и можетъ

---

[1]) «Воспом. и критич. очерки» Анненкова, т. I, стр. 214.

[2]) Соч. Гоголя, III изд. наслѣдниковъ, т. III, стр. 328; Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 336.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 40—41. Напомнимъ здѣсь, что Гоголь былъ страстнымъ любителемъ хорового пѣнія и самъ иногда участвовалъ въ хорѣ.

[4]) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 200.

быть угадано лишь по намекамъ, какъ тѣ рѣчи, которыхъ—

Значенье
Темно иль ничтожно,

но которымъ —

Безъ волненья
Внимать невозможно.

Такое состояніе было имъ представлено въ первый разъ въ концѣ „Сорочинской Ярмарки“. Оно же изображается не разъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ и въ „Мертвыхъ Душахъ“, но всего лучше изображено, въ V главѣ первой части, въ прекрасномъ лирическомъ отступленіи по поводу встрѣчи Чичикова съ губернаторской дочкой. Во второй части „Мертвыхъ Душъ“ мы находимъ такое же описаніе въ воспоминаніяхъ Тентетникова объ Уленькѣ („Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь грезитъ этимъ сновидѣньемъ“ [1]) и проч.) и даже въ описаніи впечатлѣнія, произведеннаго хороводами на Селифана, „когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной на встрѣчу имъ, громко выпѣвали усмѣхаясь горластыя дѣвки: „Бояре, покажите жениха!“ И погасалъ рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва,—не зналъ онъ и самъ тогда, что̀ съ нимъ дѣлалось“ [2]). Впрочемъ во второмъ томѣ не разъ встрѣчаются повторенія прежнихъ мыслей и образовъ, представляющія большею частью слабые намеки на былыя яркія картины, что̀ ясно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ его таланта, исключая возможность предположенія о его возрожденіи. Такъ, по поводу увлеченія Тентетникова Гоголь совершенно повторяетъ мысли, уже выраженныя прежде, но въ чрезвычайно блѣдномъ и вяломъ подражаніи. Заканчивая лирическое отступленіе въ V главѣ первой части „Мертвыхъ Душъ“, онъ говорилъ: „Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша—гусаръ ли онъ, студентъ ли

---

1) «Соч. Гоголя», изд. X, т. III, стр. 297.

2) Тамъ же, т. IV, стр. 314; также т. III, стр. 307 и 3-ье изданіе наслѣдниковъ, т. III, стр. 302. См. также сходное мѣсто въ т. III, стр. 91.

онъ, или просто только-что начавшій жизненное поприще,— и Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, впернвши безсмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканія за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что̀ ни есть въ мірѣ"[1]). Здѣсь по связи представленія въ воображеніи вновь озарилась яркимъ свѣтомъ картина, мелькнувшая передъ нимъ еще въ ранней юности: припомнимъ, что еще въ наброскѣ „Страшная Рука" Гоголь стремился передать невыразимое обаяніе, произведенное незнакомой женщиной на молодого студента[2]); что съ разными варіаціями та же идея повторилась въ „Невскомъ Проспектѣ" и особенно въ „Тарасѣ Бульбѣ", поэмѣ, представляющей своимъ лиризмомъ явленіе, находящееся въ органической связи съ позднѣйшимъ, уже не удавшимся, лиризмомъ послѣднихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ". Насколько ярко обрисовано въ большинствѣ случаевъ это любимое Гоголемъ восторженное настроеніе въ прежнихъ произведеніяхъ, какъ по поводу вызывавшей его юной женской красоты, такъ и по поводу воинственнаго увлеченія въ пылу битвы, настолько вяло оно передано въ воспоминаніяхъ Тентетникова объ Уленькѣ, гдѣ сказано только, что послѣ того, какъ человѣку случится увидѣть что-то необычайное, „дѣйствительность пропадаетъ для него навсегда, и онъ уже рѣшительно ни на что не годится". Все, что̀ въ юности было озарено въ глазахъ Гоголя какимъ-то чуднымъ сіяніемъ, является теперь обыденнымъ и прозаическимъ. Приведемъ примѣръ. Не помнящая себя въ боевомъ пылу, безумная храбрость, опоэтизированная въ Андріи,—въ „Мертвыхъ Душахъ" снова изображена мимоходомъ въ лицѣ отчаяннаго поручика, но храбрость эта, хотя и представлена сочувственно, получила здѣсь не особенно лестное опредѣленіе. Такъ, Гоголь говоритъ о храбромъ поручикѣ: „Его взбалмошная храбрость уже пріобрѣла

---

[1]) «Соч. Гоголя», изд. X, т. III, стр. 89.

[2]) Т. V, стр. 96. Еще въ «Соро́чинской Ярмаркѣ», описывая Пселъ, Гоголь сравниваетъ мимоходомъ рѣку и ея отраженія съ смотрящейся въ зеркало красавицей, любующейся прелестью собственнаго лица. Образъ послѣдней здѣсь только вскользь промелькнулъ въ художественной фантазіи автора, тогда какъ послѣ этимъ поэтическимъ образомъ, распространивъ его, Гоголь пользовался такъ часто.

такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его: передъ нимъ носится Суворовъ" [1]) и проч.

IV.

Способность къ сильнымъ порывамъ энтузіазма Гоголь считалъ принадлежностью преимущественно высоко имъ цѣнимой славянской натуры. Къ сожалѣнію, изображеніе ея получило впослѣдствіи ложное направленіе. Слова Гоголя въ „Тарасѣ Бульбѣ" о томъ, что „славянская порода передъ другими — что̀ море передъ мелководными рѣками" [2]), послужили отчасти программой для позднѣйшихъ попытокъ неумѣреннаго и односторонняго возвеличенія русской народности [3]). Не лишено значенія здѣсь то, что всѣ указанныя черты наиболѣе ярко проявлялись именно въ исправленной редакціи „Тараса Бульбы", надъ которымъ Гоголь работалъ уже въ Римѣ въ 1838 г., когда, подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, имъ сильно завладѣло желаніе изобразить „русскаго человѣка", „настоящую русскую душу" и „русское чувство", и также поставить на пьедесталъ русскаго человѣка, — стремленіе, отчасти сближающее его съ славянофилами, съ которыми, впрочемъ, Гоголь въ другихъ вопросахъ не соглашался и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мало общаго. Любопытно, напримѣръ, что въ первоначальной редакціи нѣтъ той извѣстной рѣчи Тараса, изъ которой взяты всѣ вышеприведенныя выраженія, также какъ нѣтъ и слѣдующихъ словъ казаковъ, сказанныхъ по поводу мѣткаго слова Демида Поповича: „Ну ужъ Поповичъ! ужъ коли кому закрутитъ слово, такъ только ну... Да ужъ и не сказали казаки, что̀ такое *ну*" [4]). Все это мѣсто создалось въ связи съ концомъ VI главы „Мертвыхъ Душъ" и приблизительно въ одно и то же время съ ней; въ послѣдней находимъ такія же размышленія по поводу бойкаго русскаго словца, прибавленнаго мужикомъ, объяснившимъ Чи-

[1]) Т. III, стр. 84.

[2]) Т. I, стр. 325.

[3]) С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ не безъ основанія усматриваетъ здѣсь каплю своего меда.

[4]) Соч. Гог., изд. т. I, стр. 314.

чикову дорогу къ Плюшкину, къ названію: „заплатанный". Но особенно въ духѣ и тонѣ VIII и IX главъ исправленной редакціи „Тараса Бульбы" написаны заключительныя строки V главы первой части „Мертвыхъ Душъ": „Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое, не всякому доступное, умнохудощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово"[1]). Также въ письмѣ къ Языкову отъ 2 янв. 1845 г. читаемъ: „блаженъ тотъ, кто, оторвавшись вдругъ отъ разврата и отъ подлой пресмыкающейся жизни, преданной каверзничествамъ, особачившимъ дни ея и заплевавшимъ его человѣческую душу, какъ бы вдругъ пробуждается въ великую минуту, и такъ же *запоемъ,* какъ способенъ только одинъ русскій"[2]) и проч. Но пока это были только намеки на предполагаемое Гоголемъ въ послѣднихъ томахъ „Мертвыхъ Душъ" изображеніе достоинствъ и лучшихъ сторонъ русскаго человѣка. Невольно возникаетъ вопросъ: не смѣшивалъ ли Гоголь возможность съ дѣйствительностью, представляя богатые задатки русской натуры уже принесшими въ своемъ полномъ расцвѣтѣ блестящіе плоды?

Относительно любви Гоголя къ кореннымъ народнымъ выраженіямъ любопытно, что въ записной книжкѣ Гоголя 1841—1842 г. находимъ много замѣтокъ и выраженій, цѣликомъ перенесенныхъ въ первый томъ „Мертвыхъ Душъ": напр. Эхъ ты, Софронъ — въ значеніи простакъ; о собакахъ — бочковатость ребръ, лапа въ комкѣ, клички собакъ и ихъ породъ (муруго-псовыя) — все это вошло въ IV главу первой части); въ названіи блюда *няня* (въ V главѣ); отмѣчено выраженіе Ноздрева: „сыгралъ, какъ младой полубогъ" (на бильярдѣ: не вошло въ текстъ поэмы); упоминается птица мартынъ, какъ въ „Мертвыхъ Душахъ". Для второго тома замѣчены отдѣльныя выраженія: „Нужно было вамъ впутываться", сказалъ генералъ-губернаторъ Муразову) и для него же собраны свѣдѣнія въ главѣ: „Дѣла, предстоящія

---

[1]) Т. III, стр. 106.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 163.

губернатору". Кстати укажемъ, что въ той же записной книжкѣ встрѣчаемъ съ объясненіемъ выраженіе *пароле пе,* внесенное въ комедію „Игроки", очевидно также въ 1841—1842 годахъ, при окончательной обработкѣ произведенія[1]).

Въ „Началѣ неоконченной повѣсти" есть также черта, которой Гоголь воспользовался въ „Мертвыхъ Душахъ" („Когда столкнутся два воза, онъ изъ окна тутъ же подастъ благоразумные совѣты: кому податься впередъ, кому назадъ" — ср. сцену съ дядей Миняемъ и Митяемъ)...

V.

Чтò представляла на самомъ дѣлѣ современная Гоголю жизнь и какою являлась ему природа русскаго человѣка не въ праздничную минуту высокаго воодушевленія, — мы видимъ изъ его произведеній, въ которыхъ онъ, противъ воли, даетъ намъ часто очень неутѣшительные отвѣты на поставленные вопросы, несмотря на то, что нерѣдко онъ желалъ бы дать перевѣсъ патріотической идеализаціи надъ безпристрастнымъ анализомъ. У него нерѣдки такія натяжки, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, чтò дѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, Селифанъ пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога"[2]). Но вѣдь это та самая черта, которую писатель, менѣе склонный къ ложной идеализаціи въ данномъ направленіи, едва ли не вѣрнѣе представилъ не въ особенно привлекательномъ видѣ. Лермонтовъ, разсказывая въ „Героѣ нашего времени" подобный случай и сходное разсужденіе возницы, говорившаго: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые!" иронически замѣчаетъ: „И онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однако жъ все-таки доѣхали!"[3])... „Русскій возница", — продолжаетъ далѣе Гоголь, — „имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ,

---

[1]) Ср. «Очерки и характеристики» Алексѣя Н. Веселовскаго, стр. 578, примѣч.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 37.

[3]) Соч. Лермонтова, т. I, стр. 281—282.

зажмуря глаза, катаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ". Здѣсь уже пристрастно-сочувственное отношеніе къ національному недостатку какъ-то странно сливается съ самой грустной ироніей. Еще справедливѣе можно отнести сказанное къ замѣчаніямъ Гоголя: „русскій человѣкъ не любитъ сознаваться передъ другимъ, что виноватъ"[1]); „Чичиковъ задумался такъ, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы то ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ о разгулѣ широкой жизни"[2]): — и, наконецъ, къ сочувственному лирическому отступленію въ концѣ VIII главы по поводу того, что̀ значитъ у русскаго народа почесываніе въ затылкѣ. Во всемъ этомъ видна горячая, безпредѣльная любовь Гоголя къ родной странѣ, видна иногда болѣзненная потребность любящаго человѣка гордиться даже слабыми сторонами и недостатками предмета его любви. Но любовь эта соединялась нерѣдко съ глубокой задушевной скорбью, когда онъ говорилъ, напримѣръ, по поводу Ноздрева: „И что̀ всего страннѣе, что̀ можетъ только на одной Руси случиться, онъ черезъ нѣсколько времени уже встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало, и онъ ничего, и они ничего". Тяжело было Гоголю признавать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходство надъ русскими другихъ націй. Такъ, устами Собакевича онъ съ досадой называетъ нѣмецкую натуру „жидкокостной"; но не выдерживаетъ послѣдовательно взятаго тона и въ другомъ мѣстѣ, размышляя о купленныхъ Чичиковымъ умершихъ крестьянахъ, одного изъ нихъ, являясь вновь юмористомъ, заставляетъ высказать желаніе разбогатѣть не такъ, какъ нѣмецъ, что̀ изъ копѣйки „тянется, а вдругъ", и потомъ, изобразивъ его неудачу, заставляетъ его приговаривать: „Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!" Представляя въ дальнѣйшемъ развитіи своей невеселой думы печальный разсчетъ съ жизнью заблудившагося и запутавшагося крестьянина, поэтъ съ глубокой тоской и задушевнымъ сочувствіемъ оканчиваетъ свое размышленіе словами: „Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своей смертью"[3]). Это уже не

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 86.

[2]) Тамъ же, стр. 136.

[3]) Тамъ же, стр. 134—135.

смѣхъ сквозь слезы, это прямо вырвавшійся изъ души глубоко-прочувствованный, отчаянный крикъ нестерпимаго страданія уже не за отдѣльную личность, а за одинъ изъ очень распространенныхъ народныхъ недостатковъ. Невольно вспоминается здѣсь слово одного иностраннаго автора, сказавшаго о Гоголѣ: „Er jubelt und verzweifelt in einem Athem, er stellt sich zu seinem Volke, wie die Mutter zu ihrem missrathenen und doch heiss geliebten Kinde“[1]). Но на ряду съ этимъ грустнымъ раздумьемъ у Гоголя часто замѣчается и сильная идеализація русскаго народа на счетъ другихъ націй; напримѣръ: „Чичиковъ показалъ терпѣнье, передъ которымъ ничто деревянное терпѣніе нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его“[2]). Съ другой стороны, Гоголь иногда приписываетъ русскому народу также недостатки, далеко не ему только принадлежащіе. Таково его замѣчаніе о томъ, что „на Руси, если не угнались кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣньѣ обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. У насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста“[3]) и проч.

VI.

Внимательно всматриваясь въ содержаніе первой части „Мертвыхъ Душъ“, можно указать нѣкоторыя, не лишенныя интереса, наблюденія, начиная съ подробностей, относящихся къ состоянію здоровья и душевнаго настроенія автора. Далѣе, въ поэмѣ не одинъ разъ отразились отношенія Гоголя къ окружающему обществу и даже къ отдѣльнымъ личностямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Само собой разумѣется, что нерѣдко и болѣе раннія впечатлѣнія находили себѣ мѣсто въ его изображеніяхъ. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, въ силу природнаго сатирическаго склада ума автора, ярче и замѣтнѣе выступаютъ обыкновенно отрицательныя черты а, можетъ-

---

1) Zabel. «Literarische Steifzüge durch Russland», s. 14.

2) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 239—240.

3) Тамъ же, 45—46.

быть, ихъ *почти исключительно* слѣдуетъ искать въ первой части „Мертвыхъ Душъ“. Начнемъ нашъ обзоръ съ болѣе общихъ важныхъ сторонъ и постараемся потомъ собрать другія, второстепенныя, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ поэмы, біографическія черты.

Прежде всего необходимо отмѣтить преобладающее въ поэмѣ грустное настроеніе, неоднократно проявляющееся въ раздумьѣ автора, возбуждаемомъ въ немъ характеристикой почти каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ. Это настроеніе происходило отъ возраста, болѣзненнаго состоянія и грустной картины современной русской жизни и вообще горькаго жизненнаго опыта Гоголя. Въ одномъ письмѣ къ Данилевскому, Гоголь уже сознавался: „Мы приближаемся съ тобою (высшія силы, какая это тоска!) къ тѣмъ лѣтамъ, когда уходятъ на дно глубже наши живыя впечатлѣнія, и когда наши ослабѣвающія силы, увы! часто не въ силахъ вызвать ихъ наружу такъ же легко, какъ онѣ прежде всплывали сами наружу“ [1]). И вотъ вмѣсто идеалиста Пискарева передъ нимъ носится пошлый образъ Чичикова, который подъ впечатлѣніемъ молодой, прекрасной женщины чувствуетъ себя уже не поэтомъ, а только „чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, почти гусаромъ“ [2]). Теперь уже только въ видѣ отдаленнаго воспоминанія въ воображеніи Гоголя мелькаетъ „замечтавшійся двадцатилѣтній юноша, который, возвращаясь изъ театра, несетъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями, находится въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“ [3]). Пора поэзіи для него миновала, розы молодости доцвѣтали; однѣ только красоты Италіи на нѣкоторое время еще продолжали сохранять надъ нимъ свое чудное обаяніе. На жизнь Гоголь начиналъ смотрѣть уже глазами человѣка, безвозвратно потерявшаго ея лучшіе дары. Теперь у него часто вырываются стоны глубокой, неутѣшной скорби; такъ говоритъ онъ: „На свѣтѣ дивно устроено: веселье мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься надъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ что̀ взбредетъ въ голову“ [4]). Онъ содрогается

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 357.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 168.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 129.

[4]) Тамъ же, стр. 55.

передъ безпощадной жестокостью жизни, часто безжалостно сокрушающей лучшіе задатки человѣческой натуры: „грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: „Здѣсь погребенъ человѣкъ“; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“ [1]). Ко всему сказанному надо прибавить, что такъ какъ и здоровье Гоголя все больше приходило въ разстройство, то вмѣстѣ съ тѣмъ, по естественной силѣ вещей, у него пробуждается усиленное вниманіе къ этому важнѣйшему и уже утраченному навсегда благу. По воспоминаніямъ Данилевскаго, княжны Репниной и другихъ близкихъ Гоголю лицъ, по частымъ и вполнѣ серьезнымъ упоминаніямъ въ перепискѣ объ обѣдахъ въ разныхъ кафе, называемыхъ въ шутку „храмами“ (по важности совершаемыхъ въ нихъ „жертвоприношеній“), по подробному изображенію ихъ въ повѣсти „Римъ“, мы достаточно узнаемъ о томъ, какое значеніе въ жизни Гоголя съ половины тридцатыхъ годовъ получили прозаическія отправленія желудка, мучившія его до того, что онъ страдалъ отъ нихъ самъ и отравлялъ спокойствіе окружающихъ. По мѣткому выраженію княжны Репниной, она и ея домашніе одно время „жили въ его желудкѣ“ [2]). Въ одномъ письмѣ къ Данилевскому онъ въ такихъ выраженіяхъ признавался въ этомъ: „Болѣзненное мое расположеніе рѣшительно мѣшаетъ мнѣ заниматься. Я ничего не дѣлаю и не знаю, что̀ дѣлать со временемъ. Я бы могъ теперь проводить время весело, но я отсталъ отъ всего, и самимъ моимъ знакомымъ скучно со мною, и мнѣ тоже не о чемъ говорить съ ними. Въ брюхѣ, кажется, сидитъ какой-то діаволъ, который рѣшительно мѣшаетъ всему“ [3]). Вскорѣ онъ писалъ опять: „Слышишь, видишь, какъ все вызываетъ на жизнь, и между тѣмъ у тебя въ брюхѣ сидитъ діаволъ. О, Римъ! прекрасный Римъ“... [4])! Въ послѣднихъ словахъ прекрасно выразилось одно изъ главныхъ несчастій жизни Гоголя, т.-е. утраченная имъ способность подъ гнетомъ болѣзни артистически наслаждаться

---

1) Тамъ же, стр. 125.

2) «Русскій Архивъ», 1890, X, стр. 228.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 353.

4) Тамъ же, стр. 358.

жизнью. Считаемъ не лишнимъ указать на это въ виду тяжкихъ и суровыхъ обвиненій, которыя часто сыпались на голову Гоголя и теперь продолжаютъ тревожить его память. Между тѣмъ, если вспомнить всю горечь неудачно-сложившейся жизни, и эти тоскливыя сумерки преждевременнаго ранняго ея угасанія; если вспомнить болѣе, чѣмъ десятилѣтнюю упорную борьбу съ безпощаднымъ процессомъ разрушенія и временами сознаваемое роковое несоотвѣтствіе между взятой на себя колоссальной задачей и невозможностью исполнить ее, то трудно сказать, найдется ли не только въ русской, но и во всемірной литературѣ еще писатель, личная судьба котораго была бы такъ безпредѣльно несчастна.

Въ ужасномъ увяданіи Гоголя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по нашему мнѣнію, нисколько не менѣе трагизма, нежели въ его эффектномъ, сильно дѣйствующемъ на воображеніе истребленіи трудовъ многихъ лѣтъ въ порывѣ отчаянія, охватившаго его въ предсмертный часъ. Мученическій образъ нѣкогда величайшаго писателя, смутно сознающаго постоянное разложеніе и не имѣющаго рѣшимости сознаться въ этомъ самому себѣ, могъ бы послужить благодарнымъ предметомъ для небольшого, но глубокаго поэтическаго созданія[1]). Но, возвращаясь къ предмету нашей рѣчи, замѣтимъ, что въ виду сказаннаго едва ли можно видѣть случайность въ частомъ и нѣсколько завистливомъ изображеніи аппетита Ноздрева, Собакевича, Пѣтуха, а также сна тѣхъ людей, „которые не вѣдаютъ ни геморроя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей“[2]). Напротивъ, о Гоголѣ Анненковъ разсказываетъ, что онъ часто страдалъ въ Римѣ безсонницей. Анненковъ замѣтилъ его „причуду — проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диванѣ и не ложась въ постель. Поводомъ къ такому

---

[1]) Позволимъ себѣ выразить здѣсь желаніе, чтобы такое поэтическое изображеніе страданій Гоголя ярко возсоздало и освѣтило его дорогой образъ. Пусть предстанетъ во очію ярко изображенная его трогательная судьба, и да замретъ въ день открытія памятника бездушное осужденіе недостатковъ его передъ безпредѣльной необъятностью его страданій.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 130. Ср. т. I, стр. 192 о Григоріи Григорьевичѣ Сторченко: «Казалось, и съ виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками, и которыхъ вся жизнь катилась по маслу».

образу жизни“, по словамъ Анненкова, „могла быть, во-первыхъ, опасная болѣзнь, недавно имъ выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторыхъ, боязнь обморока и замиранія, которымъ онъ, какъ говорятъ, дѣйствительно былъ подверженъ“ [1]). Слова, сказанныя въ началѣ IV главы объ аппетитѣ Чичикова — „авторъ долженъ сознаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей“, — должны быть понимаемы совершенно въ буквальномъ смыслѣ. „Эти господа“, — продолжаетъ Гоголь, — „пользуются завиднымъ даяніемъ Неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію минуту половиною душъ крестьянъ и половиною имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки: но то бѣда, что ни за какія деньги, ниже имѣнія съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки“ [2]).

Изъ вкусовъ и наклонностей Гоголя во время первыхъ годовъ его жизни за-границей, какъ мы видѣли, особое вниманіе обращаютъ на себя его увлеченія природой и прекрасными видами, живописью и музыкой, причемъ наслажденія послѣдней онъ дѣлилъ обыкновенно съ Данилевскимъ, когда они вдвоемъ посѣщали оперныя представленія въ Парижѣ, — а наслажденія живописью — съ Жуковскимъ (въ Римѣ). Объ увлеченіяхъ его природой мы достаточно говорили выше; приведемъ здѣсь лишь слѣдующій разсказъ Анненкова о „длинныхъ часахъ нѣмого созерцанія, какому предавался онъ въ Римѣ“:... „На дачѣ княгини З. Волконской, упиравшейся въ старый римскій водопроводъ, который служилъ ей террасой, онъ ложился спиной на аркаду богатыхъ, какъ онъ называлъ, древнихъ римлянъ, и по полусуткамъ смотрѣлъ въ голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью. Такъ точно было и въ Тиволи, въ густой растительности, окружающей его каскателли: онъ садился гдѣ-нибудь въ чащѣ, упиралъ зоркіе, неподвижные глаза въ темную зелень, купами сбѣгавшую по скаламъ, и оставался недвижимъ цѣлые часы, съ воспаленными щеками“ [3]). Что̀ касается живо-

---

1) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 213.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 57—58.

3) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 203.

писи, то по всегдашнему взгляду Гоголя настоящій живописецъ долженъ избѣгать „грубо ощутительной правильности“, предпочитая ей причудливыя и безпорядочныя, но тѣмъ не менѣе изящныя формы. Этотъ взглядъ инстинктивно сложился у него еще въ дѣтствѣ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ статьѣ о поэзіи Пушкина[1]); онъ же повторяется и въ „Мертвыхъ Душахъ“, гдѣ о Ноздревѣ сказано, что, „держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ подобно цирульнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку“[2]). Сходную мысль находимъ также въ повѣсти: „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, въ словахъ: „мѣстами (виднѣлось) изломанное колесо, или обручъ отъ брички, или валяющійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ: картина, которую любятъ живописцы“[3]). Жуковскому Гоголь по отъѣздѣ его изъ Рима также писалъ: „Всякая развалина, колонна, кустъ, ободранный мальчишка, кажется, воютъ къ вамъ и просятъ красокъ“[4]) и проч. Наконецъ подобное описаніе вошло и въ написанную около того же времени повѣсть „Римъ“. „Тутъ самая нищета являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаньемъ и слезами, безпечно и живописно протягивавшая руку; видны были картинные полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одеждахъ“[5]), и пр. Оперныя впечатлѣнія Гоголя отразились особенно въ одномъ сравненіи, въ которомъ онъ говоритъ, что „Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, которая не въ мочь и птичьему горлу“[6]). Изъ переписки съ Данилевскимъ и изъ разсказовъ послѣдняго о безпрестанныхъ шуткахъ Гоголя по поводу его меломаніи можно съ нѣкоторой вѣроятностью заключить, что въ при-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 209—211.

2) Тамъ же, т. III, стр. 80.

3) Тамъ же, т. I, стр. 412.

4) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, 0929.

5) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 149.

6) Т. III, стр. 145.

веденномъ сравненіи Гоголь долженъ былъ припоминать, между прочимъ, и своего неизмѣннаго спутника при посѣщеніяхъ оперныхъ представленій, совершенно отдававшагося музыкальнымъ впечатлѣніямъ. Ему Гоголь однажды писалъ, желая чѣмъ-нибудь побудить къ нѣкоторой аккуратности въ перепискѣ, что если онъ исполнитъ его требованіе, то и желудокъ его будетъ лучше варить, и „Рубини лучше пѣть, Гризи будетъ въ пятьсотъ разъ привлекательнѣе“[1]). Въ другомъ письмѣ, соблазняя своего пріятеля скорѣе пріѣхать къ нему въ Римъ и насладиться Рафаэлемъ, Гоголь увѣрялъ его, что онъ будетъ стоять передъ нимъ „такъ же безмолвный и обращенный весь въ глаза, какъ сиживалъ нѣкогда передъ Гризи“[2]). Мы особенно основываемся въ этомъ и нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ указаніяхъ на признаніи самого Гоголя въ третьемъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ“ (въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“), что „въ нихъ собраны черты близкихъ и коротко извѣстныхъ ему людей, а также и многихъ другихъ, обратившихъ на себя чѣмъ-нибудь его вниманіе“. Гоголь говоритъ въ этомъ письмѣ къ неизвѣстному лицу: „Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои“[3]). Далѣе постараемся привести въ подтвержденіе этихъ словъ нѣсколько угаданныхъ или предполагаемыхъ нами случаевъ и примѣровъ, но раньше обратимся къ возможно послѣдовательной характеристикѣ отношеній Гоголя къ той средѣ, въ которой онъ вращался во второй половинѣ 30-хъ годовъ.

VII.

Русское аристократическое общество, окружавшее Гоголя за-границей, часто внушало ему не совсѣмъ благопріятное о себѣ мнѣніе; привязываясь до извѣстной степени къ отдѣльнымъ личностямъ вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ ними, онъ сохранялъ постоянное критическое отношеніе къ цѣлому кругу. Нигдѣ въ письмахъ онъ не выказываетъ ничего по-

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 298.
[2]) Тамъ же, стр. 309.
[3]) Соч. Гог., изд. X., т. IV, стр. 89.

добнаго[1]), хотя много говоритъ невыгоднаго о ненравившихся ему представителяхъ другихъ слоевъ общества, напримѣръ о жившихъ въ Римѣ русскихъ артистахъ. Но не надо забывать, что Гоголь былъ всегда крайне остороженъ по природѣ и дорожилъ установившимися отношеніями. Любопытно, что въ прежнихъ произведеніяхъ онъ почти совсѣмъ не касался этого круга; напротивъ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ онъ говоритъ о немъ не разъ и всегда съ иронiей. Еще въ „Портретѣ“ выразилось его отрицательное и во многомъ справедливое отношеніе къ нѣкоторымъ представителямъ высшаго общества; это отношеніе не измѣнилось и тогда, когда самъ Гоголь въ значительной степени жилъ въ немъ. Въ концѣ VIII главы онъ такъ характеризуетъ свѣтскаго человѣка[2]): „Послѣ разговора съ нимъ — просто ничего: всего онъ наговоритъ, всего коснется слегка, все скажетъ, чтò понадергалъ изъ книжекъ: пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ“[3]). Въ этихъ словахъ мы находимъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе извѣстной особенности характера Гоголя, предпочитавшаго бесѣду съ дѣльными специалистами бесѣдѣ съ блестяще, но поверхностно образованными людьми изъ свѣтскаго или даже литературнаго круга. Особенность эта была отмѣчена, между прочимъ, въ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди. Но указанное мнѣніе Гоголя о свѣтскихъ людяхъ высшаго общества, допускало, конечно, и исключенія; такъ, по словамъ того же Арнольди, Гоголь слѣдующимъ образомъ отзывался впослѣдствіи объ Иванѣ Васильевичѣ Капнистѣ, бывшемъ московскомъ губернаторѣ: „Какъ свѣтскій человѣкъ, какъ человѣкъ практическій и ничего не смыслящій въ литературѣ, онъ иногда, разумѣется, говоритъ вздоръ, но зато въ другой разъ сдѣлаетъ такое замѣчаніе, которымъ

---

[1]) Только въ одномъ изъ юношескихъ писемъ къ Погодину Гоголь высказалъ откровенно свое невыгодное мнѣніе о высшихъ классахъ: «Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ г...ѣе. А доказательство въ наше время».

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 174.

[3]) Ср. въ «Мертвыхъ Душахъ» же: «разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ» (т. III, стр. 340).

я могу воспользоваться. Мнѣ именно полезно читать такимъ умнымъ нелитературнымъ судьямъ"[1]). Больше всего Гоголь осуждалъ суетность великосвѣтскаго тщеславія. Говоря о безвкусіи картинъ въ гостиницѣ, гдѣ остановился Чичиковъ, онъ иронически замѣчаетъ: „Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусства, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ"[2]). Эта мысль представляетъ очевидное повтореніе начала второй части повѣсти „Портретъ", гдѣ Гоголь также говоритъ объ одномъ изъ „богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, *невинно прослыли меценатами* и простодушно издержали для этого милліоны"[3]). Свѣтскія дамы казались Гоголю пустыми и исковерканными нелѣпымъ воспитаніемъ. „Откуда возьмется у нихъ надутость и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно, запутается, наконецъ, сама, и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ врать всю жизнь, и выйдетъ просто чортъ знаетъ что̀!"[4]) Свѣтскія дамы въ произведеніяхъ Гоголя всегда походятъ болѣе или менѣе на Марью Александровну и даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ. Любопытно, что Гоголь любилъ полуиронически изображать кокетливую грацію танцующихъ дамъ. Напримѣръ „дамы были такъ воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза, что... но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнью къ колоннѣ, показывалъ, что онъ растерялся вовсе. Въ это время толпа обступила танцующую группу. Онѣ неслись, увитыя прозрачнымъ созданіемъ Парижа, въ платьяхъ сотканныхъ изъ самаго воздуха" и проч. Ср. въ „Мертвыхъ Ду-

---

1) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 87.
2) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 5.
3) Т. II, стр. 65.
4) Т. III, стр. 89.

шахъ“ въ одной изъ черновыхъ приписокъ: „Онъ“ (Чичиковъ) „было хотѣлъ, посматривая на ту и на другую даму, узнать, которая была сочинительница. Но помѣшалъ галлопадъ: цѣлая вереница пронеслась мимо, задѣвъ его рукавомъ по носу“ [1]). Но больше всего Гоголь осуждалъ слѣпое пристрастіе высшаго общества къ французскому языку въ ущербъ своему, родному: „Отъ нихъ первыхъ“, — говорилъ онъ, — „не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь. А въ русскомъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ“ [2]). Въ послѣднемъ отношеніи не безгрѣшна была и другъ его А. О. Смирнова, чѣмъ она такъ возмущала И. С. Аксакова. Пустота и пошлая мелочность свѣтскихъ дамъ вообще нерѣдко подвергаются безпощадному осмѣянію въ первой части „Мертвыхъ Душъ“. При этомъ многое можетъ быть, конечно, съ одинаковымъ правомъ отнесено не только къ провинціальнымъ, но и къ столичнымъ дамамъ высшаго круга, какъ, напр., слѣдующее язвительное замѣчаніе: „У нѣкоторыхъ дамъ есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли, то уже думаютъ, что лучшая часть лица такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза“ [3]), и проч. Надъ дамами же Гоголь, при другомъ случаѣ, глумится еще язвительнѣе, говоря о нихъ, что, желая облагородить русскій языкъ, онѣ выбросили почи половину словъ изъ лексикона, но на французскомъ не стѣсняются употреблять слова и выраженія гораздо болѣе сомнительнаго качества. Въ перепискѣ Гоголя съ А. О. Смирновой слово „свѣтскій“ вездѣ имѣетъ самое невыгодное и пренебрежительное значеніе, хотя и здѣсь изъ отдѣльныхъ личностей затрогиваются только такія, недолюбливаемыя обоими корреспондентами, какъ графъ В. А. Соллогубъ. Но въ періодъ „Выбранныхъ Мѣстъ“ Гоголь иногда переставалъ стѣсняться съ своими корреспондентами, какъ, напр.,

---

[1]) См. соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 265 и т. III, стр. 448.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, 163, 157; «И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ» I, 347.

[3]) Соч. Гоголя, т. III, стр. 166. Эта же мысль подробнѣе развита Щедринымъ въ началѣ сочиненія: «За рубежомъ».

съ гр. А. П. Толстымъ и съ тѣмъ неизвѣстнымъ лицомъ, которому въ третьемъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ" онъ безъ всякихъ церемоній, возражая на одну досадную для него мысль, прямо заявляетъ: „только въ глупой, свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль"[1]); или: „оставьте въ сторону дрянные ваши зубы, которые не стоютъ гроша. Душа лучше зубовъ и всего на свѣтѣ"[2]).

VIII.

Трудно, конечно, прослѣдить процессъ постепенной переработки въ художественныя сравненія и поэтическіе образы отразившихся въ разныхъ мѣстахъ „Мертвыхъ Душъ" личныхъ впечатлѣній автора, особенно въ связи съ вызвавшими ихъ причинами, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ внимательное наблюденіе можетъ подмѣтить или хотя бы только предположить ихъ безъ опасенія ошибки. По свидѣтельству покойнаго Данилевскаго, многіе изъ Гоголевскихъ типовъ создавались подъ впечатлѣніями, произведенными первоначально кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ; самъ Гоголь, какъ мы видѣли, также ясно признавалъ это. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что многія собственныя черты его были приписаны героямъ его произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, въ основаніе сюжета „Шинель", кромѣ случая, разсказаннаго П. В. Анненковымъ о потерѣ съ большими пожертвованіями пріобрѣтеннаго ружья, могли лечь и собственныя воспоминанія Гоголя о томъ, какъ онъ „цѣлую зиму отхваталъ въ лѣтней шинели"[3]). Такимъ образомъ, страданія отъ холода, описанныя имъ въ повѣсти, были извѣданы на собственномъ опытѣ. Позднѣе онъ находилъ въ себѣ „что-то Хлестаковское"[4]). Наконецъ, Л. И. Арнольди, свидѣтельствуя о чрезмѣрной страсти Гоголя къ хорошимъ сапогамъ, которая не оставляла его даже въ то время, когда, сдѣлавшись аскетомъ, онъ совершенно отказался отъ всего не безусловно необхо-

---

1) Т. IV, стр. 91.

2) «Въ память С. А. Юрьева», стр. 260.

3) «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 189 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 106.

4) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 350 и 351.

димаго, — не безъ основанія, вѣроятно, замѣтилъ, что въ лицѣ пріѣхавшаго изъ Рязани поручика, большого охотника до сапоговъ, Гоголь смѣялся надъ собственной слабостью („Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги были точно хорошо сшиты, и долго еще поднималъ онъ ногу и осматривалъ бойко и на диво стаченный каблукъ“ [1]). Замѣчаніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что разсказъ Гоголя о поручикѣ является нисколько не связаннымъ органически съ предшествующимъ изложеніемъ и, несомнѣнно, представляетъ собою совершенно отдѣльное наблюденіе, только пришедшееся здѣсь кстати. „Кто повѣритъ“, — заключаетъ свой разсказъ Арнольди, — „что этотъ страстный охотникъ до сапоговъ не кто иной, какъ Гоголь?“ Подобно Пѣтуху, Гоголь любилъ по цѣлымъ часамъ толковать съ поваромъ о кулебякѣ; подобно Чичикову, имѣлъ страстишку къ пріобрѣтенію чернильницъ, вазочекъ, прессъ-папье, любилъ разговаривать съ половыми. Изображеніе „возникшей до высокой степени пустоты“ встрѣчалось въ „Повѣсти объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“ и проч.

Слова, примѣненныя Гоголемъ въ VII главѣ „Мертвыхъ Душъ“ къ характеристикѣ суда современнаго общества, которое отнимаетъ у писателя сердце и душу и придаетъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, были сказаны первоначально Погодину въ письмѣ отъ 17-го октября 1840 г.: „Ты хотѣлъ разомъ отнять у меня и глубину чувствъ, и душу, и сердце, и назначить мнѣ мѣсто даже ниже самыхъ обыкновенныхъ людей“ [2]). Еще одинъ примѣръ находимъ въ воспоминаніяхъ и очеркахъ Анненкова: „Въ самомъ Альбано, на одной изъ вечернихъ прогулокъ, кто-то сказалъ, что около шести часовъ вечера переднія всѣхъ провинціальныхъ домовъ въ Россіи наполняются угаромъ отъ самовара, который кипитъ на крыльцѣ, и что само крыльцо представляетъ оживленную картину: подбѣжитъ дѣвочка или мальчикъ, прильнетъ къ трубѣ, освѣтится пламенемъ раздуваемыхъ углей и скроется. Гоголь остановился на ходу, точно кто-нибудь придержалъ его. „Боже мой, да какъ же я это

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, стр. 74.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 416.

пропустилъ", сказалъ онъ съ наивнымъ недоумѣніемъ: „а вотъ пропустилъ же, пропустилъ, пропустилъ", говорилъ онъ, шагая впередъ и какъ будто попрекая себя"[1]).

Наконецъ, Гоголь въ самомъ дѣлѣ нерѣдко во время своей творческой работы пользовался не только типическими обобщеніями, но принималъ во вниманіе также единичные примѣры и случаи; неопровержимымъ доказательствомъ тому можетъ послужить слѣдующее небольшое сравненіе. Говоря о безнадежной безтолковости Коробочки, Гоголь, какъ извѣстно, прибавляетъ: „Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился; иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка". Такой Коробочкой былъ въ его глазахъ нѣкто Анатолій Николаевичъ Демидовъ, совершавшій въ сопровожденіи секретаря Строева ученыя экспедиціи[2]). Гоголь такъ пишетъ далѣе о „почтенномъ и государственномъ человѣкѣ": „Какъ зарубилъ что̀ себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отъ стѣны[3]). Совершенно тѣ же слова читаемъ въ письмѣ Гоголя къ Погодину, отъ 3-го мая 1839 г., о Демидовѣ, котораго онъ просилъ объ извѣстномъ ученомъ Колларѣ: „Ничего я до сихъ поръ не сдѣлалъ для Коллара. Видѣлся наконецъ съ Демидовымъ; но лучше бы не сдѣлалъ этого. Чудакъ страшный. Его останавливаетъ что̀ бы ты думалъ? Что̀ скажетъ государь! Что мы переманиваемъ австрійскаго подданнаго... Изъ-за этого могутъ произойти непріятности между двумя правительствами. *Мои убѣжденія были похожи на резиновый мячикъ, которымъ, сколько ни бей въ стѣну, онъ отъ нея только-что отскакиваетъ*. Словомъ, это меня разсердило, и я не пошелъ къ нему на обѣдъ, на который онъ приглашалъ меня на другой день".

---

1) Т. I, стр. 210.

2) По свидѣтельству покойнаго Давилевскаго, Демидовъ почти даже не жилъ въ Римѣ, куда былъ отправленъ, но вмѣсто него завѣдывалъ всѣмъ жившій въ отелѣ его секретарь, Владиміръ Строевъ. О Демидовѣ см. также въ книгѣ Боткина объ Ивановѣ, стр. 114, прим. 1; о Строевѣ также въ «Русской Старинѣ», 1889, X, 104 и проч.

3) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 49 и «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 370. Пропущенное мѣсто въ изданіи Кулиша дополнено въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя», I изд., стр. 7.

Конечно, такія же впечатлѣнія Гоголь могъ выносить и въ нѣкоторыхъ иныхъ подобныхъ случаяхъ, но въ виду поразительнаго совпаденія не только выраженій поэмы и цитированнаго письма, но и времени, къ которому оба относятся, едва ли можетъ остаться тѣнь сомнѣнія въ томъ, что въ приведенныхъ строкахъ Гоголь не могъ, между прочимъ, не имѣть въ виду и названнаго Демидова, къ которому онъ получилъ, послѣ разговора о Колларѣ, такое отвращеніе, что не хотѣлъ никогда больше говорить съ нимъ. Когда впослѣдствіи другъ Гоголя, Данилевскій, искалъ, послѣ смерти своей матери, какого-нибудь мѣста и просилъ Гоголя обратиться къ Демидову, то Гоголь, вообще усердно хлопотавшій за друга, совершенно отрекся отъ знакомства съ Демидовымъ и отвѣтилъ такъ: „Ты пишешь, не имѣю ли какихъ путей пристроить къ Демидову. Рѣшительно никакихъ. Слышно о немъ, что онъ что-то въ родѣ с...... и больше ничего; а впрочемъ я объ этомъ не могу судить, не видавши и не зная его“[1]). Далѣе, въ извѣстномъ лирическомъ отступленіи, сдѣланномъ по поводу Коробочки о великосвѣтской дамѣ, занятой тѣмъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, и какое направленіе принялъ модный католицизмъ[2]), — помимо типическаго обобщенія позволительно предполагать и результатъ наблюденій надъ такими личностями, какъ извѣстная княгиня Зинаида Александровна Волконская, сильно преданная католицизму, и съ которой Гоголь особенно часто встрѣчался именно во время работъ его надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Частыя встрѣчи въ Римѣ и внѣшнія дружескія отношенія къ послѣдней при постоянной осторожности Гоголя и потребности въ знакомствахъ съ соотечественниками, кажется, не могутъ ослабить нашего заключенія, въ виду неизмѣнной наклонности нашего писателя къ юмору. Также не имѣетъ здѣсь большого значенія и благопріятный отзывъ о княгинѣ въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ матери, которой онъ сообщалъ однажды: „княгиня Зинаида Волконская, къ которой я всегда питалъ дружбу и уваженіе и которая услаждала мое времяпребываніе въ Римѣ, уѣхала“[3]).

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 433.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 55.

[3]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 326. — Біографическую черту слѣ-

Наконецъ, есть еще одинъ, уже несомнѣнный примѣръ изображенія опредѣленной личности въ VI главѣ „Мертвыхъ Душъ", въ характеристикѣ помѣщика, живущаго, въ противоположность Плюшкину, во всю ширину русской удали и барства, въ которомъ нельзя не узнать такъ близко знакомаго Гоголю въ дѣтствѣ Д. Пр. Трощинскаго, такъ какъ многіе изъ указанныхъ авторомъ признаковъ могутъ быть отнесены только къ одной и притомъ исключительной личности, и даже въ тѣ времена они были, безъ сомнѣнія, большой рѣдкостью. Вотъ это описаніе: „Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные дома, съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы, всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями" [1]) и проч.

Въ началѣ второго тома „Мертвыхъ Душъ" также отразились личныя воспоминанія Гоголя о времени его ученія въ „Гимназіи Высшихъ Наукъ", особенно по выходѣ дирек-

---

дуетъ видѣть, вѣроятно, и въ слѣдующихъ словахъ: «Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородной наружностью, со звѣздою на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленіе, и потомъ, смотришь, тутъ же, передъ вашими глазами и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ» (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 68).

[1]) Одна изъ такихъ прогулокъ Трощинскаго съ гостями въ саду была ознаменована напугавшей всѣхъ шуткою отца Гоголя, повѣсившаго на какомъ-то деревѣ платье домашняго шута Трощинскаго, выжившаго изъ ума о. Варѳоломея, надъ которымъ всѣ домашніе и гости безсовѣстно глумились, припечатывая его бороду къ столу и проч. Увидя висящее на деревѣ платье его, многіе подумали, что несчастный съ отчаянія рѣшилъ покончить съ собой, и успокоились только тогда, когда увидали сзади важно шагавшаго самого невольнаго виновника испуга, изумленнаго не менѣе другихъ. Любопытны поэтому слѣдующія слова въ описаніи Гоголя: «И никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной чащи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь» (Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 117—118). Въ черновой редакціи «Мертвыхъ Душъ» всего этого описанія нѣтъ, и вмѣсто помѣщика рѣчь идетъ о гусарѣ-гулякѣ, вмѣсто котораго позднѣе вставлено описаніе обстановки Трощинскаго.

тора Орлая: „Хуже всего было то, что потерялось уваженіе къ начальству и власти. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія“ [1]). То же самое было въ Нѣжинѣ при Гоголѣ, когда самъ глава заведенія долженъ былъ признавать въ оффиціальныхъ бумагахъ существованіе „непристойныхъ поступковъ и вообще крайней распущенности, доходившей до того, что нельзя было скрывать отъ высшаго начальства множества соблазнительныхъ происшествій, которыхъ и предупредить невозможно“, и о которыхъ можно узнать изъ названнаго оффиціальнаго донесенія, напечатаннаго въ статьѣ проф. Лавровскаго: „Гимназія Высшихъ Наукъ“ [2]). Вѣроятно, также личности педагоговъ Александра Петровича и Ѳедора Ивановича имѣютъ извѣстное отношеніе къ кому-либо изъ тогдашнихъ начальниковъ и преподавателей Гоголя. Вообще въ первой половинѣ главы о Тентетниковѣ Гоголь въ значительной степени почерпнулъ содержаніе изъ своихъ воспоминаній, въ которыхъ можно узнать отголоски извѣстной исторіи въ нѣжинской гимназіи незадолго до окончанія Гоголемъ курса („потерялось уваженіе къ начальству и власти; завелись такія дѣла, что многихъ нужно было выключить и выгнать“), департаментскихъ впечатлѣній Гоголя и его отраднаго времяпровожденія въ кружкѣ своихъ нѣжинцевъ въ Петербургѣ („Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ [3])“) и проч. Возвращеніе Тентетникова подъ родную кровлю и впечатлѣнія его при въѣздѣ въ усадьбу, представляя новую варіацію соотвѣтствующаго описанія въ повѣсти „объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“, является также, по всей вѣроятности, отдаленнымъ воспроизведеніемъ собственныхъ давнихъ воспоминаній автора.

Кромѣ того въ главѣ о Тентетниковѣ повторены нѣкоторые прежніе художественные образы и картины, напр. въ описаніи отраженій рѣки и другихъ, болѣе мелкихъ (Ср. „отчего теперь вышло скверно?“ допрашивалъ баринъ. — „Кто его знаетъ? Видно, червь подъѣлъ внизу! Да и лѣто: вишь

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, 294—295; т. III, стр. 286.

[2]) «Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института», т. III (1879), стр. 222.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 288.

ты, какое: совсѣмъ дождей не было", и въ повѣсти „Старосвѣтскіе Помѣщики: „Отчего это у тебя, Ничипоръ, дубки сдѣлались такъ рѣдкими? — Пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили — пропали, пани, пропали [1])"). А въ непосредственно слѣдующемъ за его характеристикой сравненіи съ врачемъ едва ли Гоголь не вспоминалъ о греффенбергскомъ докторѣ Присницѣ, который такъ же, какъ и приведенный въ примѣрѣ врачъ у Гоголя, не обращалъ вниманія на припадки и сыпи. Затѣмъ, по свидѣтельству Погодина, въ личности Костанжогло отразились нѣкоторыя черты богатаго откупщика Бенардаки [2]). Въ Муразовѣ нѣкоторые узнавали родственника Лермонтова, Столыпина [3]). Въ профессорѣ, забрасывавшемъ „новыми взглядами и новыми точками воззрѣній", видѣли злобный намекъ на профессорскую дѣятельность Грановскаго [4]), а въ недоучившемся рѣзкаго направленія студентѣ — Бѣлинскаго. Въ Кашкаревѣ нѣкоторые видѣли намекъ на Викулина [5]). Что̀ касается до указываемаго проф. Владиміровымъ отношенія типа Плюшкина къ типу купца Груздева въ романѣ Калашникова: „Дочь купца Жолобова", 1831 [6]), то, по нашему мнѣнію, это сходство довольно спорное, ибо только безпорядокъ въ горницѣ Груздева напоминаетъ комнату Плюшкина, но тамъ же упоминаются въ числѣ сваленныхъ предметовъ множество цибиковъ съ чаемъ и проч., что̀ указываетъ, можетъ быть, больше на безпорядочность, нежели на скупость; но указаніе во всякомъ случаѣ крайне любопытное. Можно отмѣтить далѣе любопытное сходство между совѣтами Гоголя Иванову помочь себѣ въ затруднительномъ положеніи оттягиваніемъ дѣла и совѣты юрисконсульта Чичикову во 2 томѣ „М. Д." [7]).

---

1) Т. I, стр. 229—230.

2) «Русскій Архивъ», 1865 г., стр. 895.

3) См. Соч. М. Ю. Лермонтова, изд. В. Ѳ. Рихтера, т. VI, стр. 245, примѣч.

4) «Вѣстникъ Европы», 1872, VII, 434.

5) Это былъ знакомый Жуковскаго. См. «Жуковскій и его произведенія» Загарина, стр. 333 и вообще всѣ эти указанія также въ «Этюдахъ и Характеристикахъ», Алексѣя Н. Веселовскаго, 580, примѣч. — Въ генералъ-губернаторѣ 2 тома нѣкоторые склонны видѣть А. П. Толстого или мужа А. О. Смирновой.

6) См. «Историч. и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова», стр. 8.

7) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 379—380 и «Современникъ», 1858, XI, 139—140 и слѣд.

IX.

Несомнѣнные слѣды личныхъ впечатлѣній нашего писателя обнаруживаются также въ слѣдующихъ мѣстахъ поэмы: во-первыхъ, всюду, гдѣ изображаются обычныя впечатлѣнія путешественника, такъ хорошо извѣданныя Гоголемъ по собственному опыту въ Россіи и за-границей; явные слѣды пережитаго носятъ на себѣ особенно-яркими красками нарисованныя описанія смѣны впечатлѣній при въѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ него, а иногда мы находимъ въ нихъ даже прямыя указанія на собственный опытъ автора въ подобныхъ случаяхъ; во-вторыхъ, мы встрѣчаемъ иногда въ первоначальныхъ редакціяхъ указанія на какую-нибудь мѣстность или событіе, имѣющія извѣстное отношеніе къ обстоятельствамъ жизни Гоголя, впослѣдствіи исключенныя при окончательной переработкѣ текста. Къ первому разряду такихъ мѣстъ можно отнести, напр., слѣдующее: „Въ продолженіе нѣкотораго времени Чичиковъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя *всякому путешественнику*, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнію на мѣстѣ“ и проч., также при описаніи возвращенія Чичикова послѣ поѣздокъ къ помѣщикамъ обратно въ губернскій городъ [1]). Примѣровъ же ясныхъ указаній на извѣстную мѣстность, произведшую впечатлѣніе на Гоголя, или на событіе можно привести довольно много. Такъ, при описаніи деревни Плюшкина мы встрѣчаемъ въ одной изъ первоначальныхъ редакцій между прочимъ такое мѣсто: „Попробовалъ бы читатель поискать, у кого изъ помѣщиковъ въ окружности было столько хлѣба, сѣна и муки? у кого кладовыя были бы больше набиты пенькою, холстомъ, льномъ, медомъ и всѣми домашними произведеніями? Еслибы кто заглянулъ въ его рабочій дворъ, гдѣ подъ крытыми сараями лежали цѣлыя сотни колесъ, бочекъ, ведеръ и проч., которыя никогда еще не употреблялись, ему показалось бы, что онъ пришелъ на ярмарку или, по крайней мѣрѣ, на рынокъ въ большой городъ“. Подъ вліяніемъ московскихъ

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 218 и 128—129.

впечатлѣній поѣздки въ Россію въ 1839—1840 годахъ Гоголь такъ измѣнилъ это мѣсто въ слѣдующей редакціи, внеся въ почти готовый текстъ поэмы новое описаніе опредѣленной московской мѣстности: „Заглянулъ бы кто-нибудь на рабочій дворъ, гдѣ подъ крышами, сараями лежали цѣлыя сотни подѣланныхъ на запасъ колесъ, бочекъ, ведеръ, которыя никогда еще не употреблялись, — ему бы показалось, что онъ пришелъ въ ту широкую часть Москвы, гдѣ въ воскресный день, начиная отъ Плющихи до Смоленскаго рынка, все занято торгомъ деревянной посуды, навезенной мужиками окрестныхъ деревень, гдѣ крашеное и некрашеное дерево темнѣетъ и желтѣетъ вплоть до самаго Дорогомиловскаго моста, и еще долго выказывается потомъ урывками по всей дорогѣ до заставы, желтѣя издалека между мужичьими зимними шапками, сухопарыми, бородатыми клячонками, пока, наконецъ, не кончится городъ и не покажется одна необъятная равнина, вся сверкающая тонкими искрами, вся перерѣзанная скрипучею цѣпью обозовъ, то нагоняющей, то отстающей, и мужики подбѣгаютъ вслѣдъ за телѣгами, похлопывая въ рукавицы, замахиваясь кулакомъ на лошадокъ. Какъ тонкій дымокъ, струится паръ дыханія ихъ въ морозномъ воздухѣ, а въ головѣ грезится разсчетъ, почемъ и какъ продать, и гдѣ, въ какомъ мѣстѣ стать со своимъ деревомъ, пріѣхавши на многолюдный московскій рынокъ“. Въ окончательной (печатной) редакціи мы находимъ уже новую картину: мѣсто дѣйствія переносится въ Москву же, но на щепной дворъ [1]). Очевидно, Гоголь искалъ подходящей иллюстраціи своему описанію въ формѣ сравненія и именно съ этой цѣлью дѣлалъ наблюденія въ разныхъ пунктахъ Москвы, мѣняя, можетъ-быть не разъ составленный, планъ и уже готовый текстъ задуманнаго описанія.

Далѣе въ одиннадцатой главѣ перваго тома авторъ говоритъ о томъ, что наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, „представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась коммиссія для построенія какого-то казеннаго, весьма капитальнаго строенія“ [2]). Въ первоначальныхъ редакціяхъ находится болѣе прямое указаніе на то, какую именно коммис-

---

1) Т. III, стр. 114.

2) Тамъ же, стр. 233.

сію разумѣлъ здѣсь Гоголь: это была именно коммиссія при построеніи храма Спасителя въ Москвѣ („Составилась *коммиссія постройки храма Божія)*. „Коммиссія", — говорится въ первоначальной полной редакціи — „какъ водится, подвизаясь съ ревностью и усердіемъ, приступила къ дѣлу. Но климатъ, что̀ ли, мѣшалъ или *огромность храма* была причиною, только цѣлые четыре года равняли они мѣсто для фундамента, а все еще ни одинъ кирпичъ не былъ выведенъ; но зато явленіе случилось другого рода: фундамента не выводили, а въ другихъ частяхъ города очутилось у каждаго члена коммиссіи по каменному дому въ три этажа весьма недурной гражданской архитектуры". Все выписанное мѣсто было написано Гоголемъ уже подъ вліяніемъ не московскихъ впечатлѣній 1839—1840 годовъ, а гораздо болѣе раннихъ, и потому мы встрѣчаемъ его во всѣхъ полныхъ редакціяхъ „Мертвыхъ Душъ". Еще въ одномъ изъ давнихъ писемъ къ матери, относящихся къ началу его петербургской жизни, Гоголь объяснялъ ей, что по дѣлу г-жи Клименко, вдовы одного изъ членовъ, участвовавшихъ въ коммиссіи построенія Храма Спасителя, ничего не возможно сдѣлать, потому что „коммиссія построенія храма въ Москвѣ уничтожена *по причинѣ страшныхъ суммъ, истраченныхъ ея чиновниками*. Всѣ они находятся едва ли до сихъ поръ не подъ слѣдствіемъ" и проч. [1]). Нѣсколькими страницами далѣе сравненіе неопытнаго просителя, потратившаго даромъ много времени для своего дѣла по незнанію, какъ и кому надо дать взятку, съ застигнутымъ врасплохъ школьникомъ, котораго начальникъ вызвалъ для объясненія и вмѣсто того неожиданно приказалъ высѣчь въ секретномъ кабинетѣ, основано, вѣроятно, на одномъ изъ школьныхъ воспоминаній Гоголя о случаѣ, разсказанномъ мнѣ А. С. Данилевскимъ, но безъ разрѣшенія называть фамилію лица, съ которымъ произошло это непріятное событіе.

Особый интересъ представляютъ мысли, сходныя съ высказанными въ „Театральномъ Разъѣздѣ" и указывающія отчасти на сущность внутренняго процесса, происходившаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ душѣ Гоголя. Заботливое устраненіе всѣхъ явныхъ слѣдовъ личнаго элемента, почти всюду,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 127.

гдѣ онъ ни являлся, представляетъ существенное затрудненіе при раскрытіи тѣхъ дѣйствительныхъ фактовъ, о которыхъ думалъ Гоголь, когда писалъ „Мертвыя Души". Но такъ или иначе, посредствомъ сопоставленія окончательнаго текста съ первоначальными редакціями, или съ другими одновременными произведеніями многое несомнѣнно должно обнаружиться. Такъ, можно сказать положительно, что Гоголя только занималъ вопросъ о томъ, правы ли нѣкоторые изъ его критиковъ, нападавшихъ на преобладаніе мрачнаго фона при изображеніи жизни въ его сочиненіяхъ, и слѣдуетъ ли идти по прежней дорогѣ, или выбрать новый путь. Сличеніе удостовѣряетъ, что въ душѣ нашего писателя происходила упорная борьба въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока уже передъ самымъ окончаніемъ перваго тома и отдачей его въ печать не начало брать перевѣсъ новое направленіе. Въ „Авторской Исповѣди" Гоголь прямо указываетъ на свое вполнѣ сознательное намѣреніе „собрать въ „Ревизорѣ" въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое онъ тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются *въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости,* и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ"[1]). Эту цѣль имѣлъ Гоголь еще и до „Ревизора" въ комедіи „Владиміръ 3-ьей степени", которая не увидѣла свѣта въ настоящемъ своемъ видѣ по цензурнымъ условіямъ; но такъ называемое общественно-критическое направленіе, усердно защищаемое Гоголемъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ", начало ослабѣвать въ немъ еще прежде напечатанія послѣдняго, и многое, написанное въ первоначальной редакціи въ этомъ духѣ, оказывается выпущеннымъ едва ли уже не *по убѣжденію.* Несомнѣнно, прежнимъ направленіемъ проникнута еще повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, гдѣ изображено безсердечное и равнодушное отношеніе сановника къ нуждамъ несчастнаго раненаго; но оно замѣтно и во многихъ другихъ мѣстахъ первоначальной редакціи, напр.: „Такъ ужъ изстари всегда водилось въ свѣтѣ: богатому ничего не нужно платить, нужно только быть богату. Ему и мѣсто дадутъ славное, и въ ходъ пустятъ, и деньги останутся въ шкатулкѣ: платитъ только тотъ, которому нечѣмъ платить". Любопытны также шутки Гоголя, направленныя

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. IV, 249.

противъ нелѣпой генеалогической спеси, показывающія, насколько въ данномъ вопросѣ онъ смотрѣлъ на дѣло глубже и дѣльнѣе, нежели Пушкинъ, никакъ не умѣвшій отрѣшиться отъ пустыхъ и нелѣпыхъ аристократическихъ предразсудковъ. Вотъ какъ мѣтко говоритъ объ этомъ Гоголь: „Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что у насъ люди, дослужившіеся первыхъ мѣстъ, носятъ такія фамиліи, что въ первый разъ было бы совѣстно произнести ихъ при дамахъ, а носильщики (sic) этихъ фамилій ничуть не конфузятся и производятъ ихъ даже отъ Рюрика. И тамъ, гдѣ среди метущей и свищущей по улицамъ вьюги съ тридцатиградуснымъ морозомъ мелькаютъ въ окнахъ цѣльныя стекла нанятаго аристократическаго дома, тамъ въ гостиной тонкаго перловаго цвѣта блещутъ кенкетты лампы, въ кругу разубранныхъ съ обдуманной небрежностью дамъ, и подобострастныхъ, вылощенныхъ и выскобленныхъ департаментскихъ франтовъ, новоиспеченный государственный человѣкъ, поднявши кверху носъ, одѣтъ павлиномъ и наклоняется своей тучной массой передъ дамами, или, ставши въ неподвижно-величественномъ положеніи передъ мужчинами, начинаетъ почти всякую рѣчь такими словами: „Князь такой-то, который приходится родоначальникомъ нашей фамиліи, или княгиня... Въ то время, когда наша фамилія, князья такіе-то, враждовали съ такимъ-то царемъ". Между прочимъ подчасъ даже произносится и родословная, неизвѣстно откуда взявшаяся, и гости безмолвно дивятся древности рода, и благообразный чиновникъ, совершенный comme il faut, служащій подъ начальствомъ величественнаго аристократа, обращается тоже къ благообразному чиновнику съ такими словами: „Какъ древне происхожденіе Петра Николаевича!" и проч.

X.

Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ фактъ, что передъ появленіемъ „Ревизора" Гоголь имѣлъ, по его собственнымъ словамъ, намѣреніе „осмѣять несправедливости въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего отъ человѣка требуется справедливости", и тогда задумалъ „Ревизора" и „Владиміра 3-й степени". Тогда онъ всей энергіей своей души протестовалъ противъ странностей, пошлости

и зла — и въ этомъ было его главное призваніе, его паѳосъ, пользуясь выраженіемъ Бѣлинскаго. Гоголя возмущали темныя стороны общественной жизни и ему дано было бичевать ихъ сатирой. Тогда онъ устремлялъ свое вниманіе на изученіе этихъ темныхъ сторонъ и даже наиболѣе типичныхъ представителей пошлости и порока вродѣ того ябедника, съ которымъ онъ хотѣлъ сойтись, какъ онъ говорилъ о томъ въ письмѣ къ Пушкину. Тогда онъ говорилъ: „*Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю Русь*“[1])... Послѣ перваго представленія „Ревизора“ Гоголю крѣпко легло на душу возбужденное имъ противъ себя всеобщее негодованіе; онъ часто возвращается мыслью къ этому своему больному мѣсту и хочетъ увѣрить себя и другихъ въ своей правотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ врожденная наклонность не довѣрять себѣ и прислушиваться къ толкамъ другихъ оказывала свое вліяніе. Намъ особенно кажется несомнѣннымъ, что въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ и въ лирическихъ отступленіяхъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ онъ не высказываетъ окончательно установившееся убѣжденіе, не стремится исключительно подѣйствовать на другихъ; но напротивъ здѣсь мы должны видѣть результаты боренія Гоголя съ самимъ собой и желанія его столько же убѣдить себя, сколько и другихъ въ правильности избираемой дороги. Точно то же и въ вопросѣ о театрѣ, о значеніи котораго впослѣдствіи онъ такъ рѣзко перемѣнилъ свое мнѣніе. Свое преобладающее настроеніе, какъ художника, Гоголь въ одной изъ послѣднихъ полныхъ редакцій перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ изображаетъ такъ: „*Безумно, слѣпо* мы всѣ влечемся какой-нибудь одной страстью и слѣпо жертвуемъ для нея всѣмъ; но есть что-то упоительное, восторженное, вѣчно зовущее въ самомъ влеченіи. И у автора, пишущаго сіи строки, есть страсть, — страсть заключать въ ясные образы приходящія къ нему мечты и явленія въ тѣ чудныя минуты, когда, вперивши очи свои въ иной міръ, несется онъ мимо земли и въ оныхъ чудныхъ минутахъ, нисходящихъ къ нему въ его бѣдный чердакъ, заключается вся жизнь его и, полный благородныхъ слезъ за свой небесный удѣлъ, не ищетъ ничего въ семъ мірѣ, но любитъ свою бѣдность сильно, пла-

[1]) «Русскій Архивъ», 1880, II, 514.

менно, какъ любовникъ свою любовницу" [1]). Къ сожалѣнію, это настроеніе готово было теперь сдѣлаться удѣломъ прошедшаго, и Гоголь, повинуясь новымъ начертаннымъ себѣ задачамъ творчества, сталъ вскорѣ сознательно насиловать свое вдохновеніе. Уже въ приведенныхъ строкахъ замѣтны звуки новыхъ струнъ, уже въ нихъ Гоголь говоритъ восторженно о своей бѣдности, какъ впослѣдствіи онъ сталъ прославлять свою нищету.

Еще въ прежнемъ тонѣ и духѣ онъ написалъ эпизодъ о Кифѣ Мокіевичѣ и Мокіи Кифовичѣ и горько жаловался на пристрастіе читателей къ пустому, по никого не тревожащему чтенію, говоря: „Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни фигура не остались бы надолго въ ихъ памяти, что онъ не метался бы вѣчно предъ ними, какъ живой человѣкъ — за то, по окончаніи чтенія, не встревожена ничѣмъ душа, не возмущена, и покойно они могутъ, совершенно покойно, обратиться къ мирнымъ занятіямъ, т.-е. обратиться къ вѣчному карточному столу, тѣшащему всю Россію, или неразвлекаемо заняться тонкимъ разборомъ, что̀ изъ принесенной кучи добра будетъ гармонировать болѣе съ цвѣтомъ волосъ. И знаетъ онъ васъ много, мои добрые читатели, сей невѣдомый вами авторъ. Вамъ бы хотѣлось, чтобы васъ убаюкивали, какъ ребенка, вамъ бы не желалось, чтобы обнаруживали передъ вами бѣдность жизни, ничтожныя страсти или много-много того, чего такъ много на свѣтѣ". Дальше онъ касается обвиненій въ характерѣ ложнопатріотическихъ возгласовъ: „Да вѣдь это, все, что̀ ни помѣщено здѣсь, все наше, вѣдь это все грѣхи русскіе, хорошо ли выставлять ихъ? что̀ же подумаютъ объ насъ иностранцы?" [2]) Горькимъ чувствомъ проникнуты всѣ эти строки; онѣ имѣютъ самую несомнѣнную внутреннюю связь съ поставленнымъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ" сходнымъ вопросомъ и съ отвѣтомъ на него: „То-есть они думаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что

---

[1]) Ср. «Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку» и проч. («Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 247).

[2]) Въ окончательной редакціи въ нѣсколько измѣненномъ видѣ см. Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 245.

если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ“ [1]).

Но вслѣдъ за этими несомнѣнными и вполнѣ трезвыми и здравыми отголосками прежняго настроенія Гоголя мы находимъ и новыя ноты, свойственныя его рѣчи въ слѣдующій, послѣдній періодъ его литературной дѣятельности, напр. въ словахъ: „а кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собою, углубитъ во-внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова? „Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо него какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ“ [2])!

Сопоставленіе двухъ этихъ мѣстъ наглядно показываетъ, какъ, оставаясь въ своей литературной дѣятельности вѣрнымъ девизу „смѣяться сквозь слезы“ и вкладывать душу въ свои произведенія не въ одномъ только отвлеченномъ, чисто художественномъ значеніи, но и въ смыслѣ высокаго служенія своимъ соотечественникамъ словомъ для ихъ нравственнаго блага, въ смыслѣ служенія общественнаго и христіанскаго, — Гоголь незамѣтно переходилъ изъ роли любящаго обличителя въ роль доброжелательнаго проповѣдника. Одно вытекло для него логически и естественно изъ другого. Одинъ и тотъ же глубокій внутренній инстинктъ призывалъ его къ тому и другому служенію. Но въ томъ, почему Гоголь выбралъ въ разное время неодинаковыя средства, чтобы быть полезнымъ ближнимъ, это, конечно, въ значительной степени зависѣло отъ того оборота мыслей, который въ связи съ данными всего предшествующаго развитія сообщали ему обстоятельства и все то, что̀ его наиболѣе поражало и надъ чѣмъ особенно работала его мысль. Выбитый, такъ сказать, изъ привычной колеи творчества впечатлѣніями отъ устныхъ и печатныхъ толковъ, Гоголь

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 492.
2) Т. III, стр. 247.

опору для сообщенія своей дѣятельности новаго, болѣе цѣлесообразнаго направленія искалъ въ томъ запасѣ впечатлѣній своего внутренняго міра, который ему дали преимущественно глубокія сѣмена религіи, заброшенныя въ его душу еще въ дѣтствѣ. „Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать свято правду?“ говорилъ Гоголь отъ полноты души, и говорилъ съ искреннимъ убѣжденіемъ. Его расширившійся и измѣнившійся планъ „Мертвыхъ Душъ“ есть въ значительной степени плодъ пережитыхъ впечатлѣній и переработанныхъ мыслей, и если на новомъ пути талантъ его надорвался вслѣдствіе грандіозной поставленной себѣ цѣли и желанія Гоголя во что бы ни стало подчинить его вновь составленной теоретической программѣ, то причину этого слѣдуетъ искать въ его религіозности, въ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя такъ упорно отклоняли его отъ прежняго пути и особенно въ его природной наклонности принимать, не только къ свѣдѣнію, но и къ сердцу все, что̀ о немъ говорили и писали. Возрастъ, болѣзни и, можетъ быть, множество неуловимыхъ для насъ причинъ и условій, въ свою очередь, имѣли вліяніе на Гоголя въ томъ же направленіи. Но самый важный симптомъ новаго настроенія нашего писателя обнаружился въ томъ конечно, что въ первоначальныхъ редакціяхъ онъ выражалъ надежду въ началѣ седьмой главы только на то, что найдется кто-нибудь другой, кто „смятенный, остановится передъ низкими страницами „Мертвыхъ Душъ“, грозная вьюга вдохновенья обовьетъ главу его, и неслышанныя пѣсни освѣжатъ міръ“. Эту награду Гоголь называетъ чудною, и она-то его соблазнила, тогда какъ въ предыдущей редакціи онъ говоритъ себѣ твердо: „Оттолкни прочь раболѣпную просьбу, жажду людей самозабвенія. Не окуривай головы, прочь желаніе лести человѣческой гордости! Нѣтъ нужды, что поразятъ тебя крики“.

Не желая, во избѣжаніе произвольныхъ догадокъ, углубляться далѣе въ область мелкихъ указаній, ограничимся приведенными примѣрами, достаточными, по нашему мнѣнію, для фактическаго подтвержденія и иллюстраціи вліянія на трудъ Гоголя его отношеній и разнородныхъ впечатлѣній жизни.

Другими примѣрами намъ послужатъ взятые уже исключительно изъ болѣе ранней эпохи жизни автора и по своему содержанію не представляющіе ничего рѣзкаго или щекотливаго.

XI.

Дѣтскія воспоминанія Гоголя лучше всего переданы имъ въ извѣстномъ задушевномъ лирическомъ отступленіи, въ началѣ VI главы „Мертвыхъ Душъ“ [1]). Кромѣ того, они отразились въ другихъ мѣстахъ, напр., въ описаніи недоумѣнія школьника, внезапно пробужденнаго всунутой ему въ носъ бумажкой, называемой „гусаромъ“ [2]); но особенно — во многихъ описаніяхъ помѣщичьихъ усадьбъ, при приближеніи къ которымъ взоры путника неизмѣнно встрѣчаютъ у Гоголя находящійся посреди сада прудъ, какъ это бывало въ дѣйствительности съ самимъ авторомъ при въѣздѣ въ родную Васильевку. Въ дѣтскомъ воображеніи Гоголя ярко напечатлѣлись на всю жизнь всѣ подробности обстановки, представлявшейся ему обыкновенно при возвращеніи подъ родительскій кровъ, до изображенія яростной атаки подъѣзжающаго экипажа стаей деревенскихъ собакъ и картины ловли крестьянами раковъ въ прудѣ, — картины, особенно настойчиво всплывавшей въ воображеніи Гоголя въ соотвѣтствующихъ описаніяхъ, и потому даже повтореніе этихъ малѣйшихъ подробностей едва ли слѣдуетъ разсматривать, какъ простую случайность. Одну изъ такихъ картинъ въ наиболѣе цѣльномъ видѣ мы находимъ еще въ повѣсти: „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ [3]). Особенность описанія въ этой повѣсти сравнительно съ другими лишь та, что въ ней изображается въѣздъ помѣщика въ собственную усадьбу и вполнѣ естественное въ такихъ случаяхъ чувство сильной радости при встрѣчѣ съ близкими людьми и предметами.

---

[1]) Припомнимъ по этому поводу трогательный разсказъ С. Т. Аксакова о томъ, какъ, прочитавъ это сожалѣніе своего сына объ утраченной молодости, Марья Ивановна Гоголь, еще совсѣмъ моложавая на видъ женщина, залилась горькими слезами («Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 68).

[2]) Такое же воспоминаніе есть въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, написанномъ тотчасъ по отъѣздѣ послѣдняго изъ Рима: осиротѣвшій Гоголь сравниваетъ свое состояніе съ положеніемъ наказаннаго школьника, который завидуетъ своимъ играющимъ на свободѣ товарищамъ («Русскій Архивъ» 1871 г., 4—5, 960, 0929).

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 194—195.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ имѣетъ большое сходство лишь съ описаніемъ возвращенія въ собственную деревню Тентетникова. Вотъ это мѣсто: „На третій день приближался онъ къ своему хутору. Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось; по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался, въ этомъ самомъ прудѣ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками“ [1]). Останавливаясь пока на этихъ строкахъ, напомнимъ другія сходныя описанія, напр. въ „Остраницѣ“: „Путешественникъ поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ на косогорѣ синѣли сады, и, по мѣрѣ приближенія, становились бѣлѣе разбросанныя хаты. Посреди хутора, надъ прудомъ, находилась вся закрытая вишневыми и сливными деревьями свѣтлица“ [2]) и проч., въ „Майской Ночи“: „Тихи и покойны эти пруды, *холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ*“ [3]) и проч. Въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ снова находимъ дважды описанія видовъ, постепенно открывающихся путникамъ при въѣздѣ въ деревни Манилова и Пѣтуха, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ изображается и находящійся посреди сада прудъ, и даже ловля въ немъ раковъ, происходящая въ самый моментъ пріѣзда Чичикова.

Продолжаемъ далѣе нашу выписку изъ той же повѣсти объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ: „Кибитка въѣхала на греблю, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони, по которымъ онъ когда-то украдкою лазилъ“... „Хуторъ какъ будто ушелъ въ землю, только видны были подъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревьевъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки“ [4])... „Только-что въѣхалъ онъ на дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ“... „Зали-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 291 и т. I, стр. 195.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 80.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 58.

[4]) Т. I, стр. 257.

вающіяся со всѣхъ сторонъ собаки прыгали передъ лошадью такъ высоко, что, казалось, хотѣли укусить ее за морду, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя возлѣ кухни и накрывъ лапою пасть, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ бы приговаривая: „посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ". Такое же описаніе повторяется при въѣздѣ Чичикова въ деревню Коробочки. Наконецъ, какъ въ повѣсти о Шпонькѣ, такъ и въ другихъ названныхъ описаніяхъ находимъ изображеніе однихъ и тѣхъ же домашнихъ животныхъ и птицъ, встрѣчающихся путнику при въѣздѣ въ деревню; такъ, въ „Остраницѣ" также упоминаются излюбленныя Гоголемъ очеретяныя крыши, полощущіяся утки, тѣ же неизмѣнныя яблони (въ другихъ описаніяхъ, впрочемъ, замѣняемыя черешнями), а въ „Остраницѣ" и въ описаніи усадьбы Тентетникова всему этому еще предшествуетъ описаніе рѣки. Такимъ образомъ всѣ названные отрывки имѣютъ между собой не одну точку соприкосновенія; въ нѣкоторыхъ другихъ повторяется описаніе косогора и проч.

Далѣе, дѣтскія воспоминанія Гоголя несомнѣнно отразились въ описаніи похожаго на арбузъ экипажа Коробочки, сходнаго съ страннымъ экипажемъ Пульхеріи Ивановны, въ описаніи неискусно сдѣланныхъ деревенскихъ портретовъ и множества другихъ мелкихъ подробностей, всего ярче изображенныхъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ". Неудовлетворительныя объясненія приказчика Пульхеріи Ивановны чрезвычайно похожи на отвѣты приказчика Манилову и еще болѣе Тентетникову. Напротивъ, въ подробномъ описаніи присутственныхъ мѣстъ въ отрывкѣ, начинающемся словами: „Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность" — отразились уже впечатлѣнія жизни Гоголя въ періодъ его департаментской службы[1]) (также какъ отчасти и раньше въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ") и вообще первыхъ лѣтъ его жизни въ Петербургѣ. При описаніи канцелярской обстановки и обычныхъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣловыхъ и постороннихъ раз-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 288.

говоровъ также нерѣдко попадаются черты, уже не разъ встрѣчавшіяся съ небольшой разницей въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя; такъ, безучастный дѣловой видъ и неторопливость чиновника газетной экспедиціи въ повѣсти „Носъ" и старика-чиновника въ VII главѣ „Мертвыхъ Душъ" также чрезвычайно сходны, особенно въ моментъ начала разговора одного изъ нихъ съ Чичиковымъ, другого — съ маіоромъ Ковалевымъ[1]). Какъ въ „Шинели" писаря въ прихожей настойчиво добивались, „за какимъ дѣломъ и какая надобность привела къ частному Акакія Акакіевича, и что̀ такое случилось", такъ рѣшительно то же самое повторяется и съ Чичиковымъ и Маниловымъ, когда два чиновника юныхъ лѣтъ замѣтили имъ: „Скажите прежде, что̀ купили и въ какую цѣну, такъ и мы вамъ скажемъ; а такъ нельзя знать". Наконецъ, въ описаніи бала въ VIII главѣ съ небольшими перемѣнами повторена не одна черта, уже воспроизведенная въ повѣсти „Невскій Проспектъ". Чичиковъ, подобно Пискареву, также съ трудомъ пробирается черезъ толпу къ предмету поклоненія, при чемъ въ описаніи губернаторской дочки еще одинъ разъ промелькнули нравившіяся Гоголю съ юности очертанія „простого платьица, легко и ловко обхватившаго во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе, стройные члены, которые обозначались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ" (См., напр., въ „Остраницѣ": „Дѣвушка лѣтъ восемнадцати стала спускаться къ греблѣ. Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали станъ ея, такъ что формы ея были какъ будто отлиты"[2]) и проч.). Неловкость Чичикова въ ухаживаніи за губернаторской дочкой снова вызываютъ автора на тѣ же размышленія, которыя однажды уже были имъ высказаны по поводу поручика Пирогова, счастливо умѣвшаго своей непритязательной болтовней занимать дѣвицъ, „для чего нужно

---

[1]) «Кто принимаетъ здѣсь объявленія?» закричалъ Ковалевъ.

— А, здравствуйте!

— Мое почтеніе, сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивъ ихъ снова на разложенныя кучи денегъ. — «Позвольте узнать», сказалъ Чичиковъ съ поклономъ, — «здѣсь дѣла по крѣпостямъ?» Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкой: «Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ» (т. II, стр. 12 и т. III, стр. 140).

[2]) Ср. соч. Гог., т. III, стр. 168 и т. V, стр. 81. Другія сопоставленія читатель найдетъ въ первомъ томѣ настоящаго труда; см. также «Вѣстникъ Европы», 1890, VIII, стр. 488—490.

большое искусство, или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую такъ любятъ женщины" [1]). Замѣтимъ мимоходомъ, что самому Гоголю, какъ свидѣтельствуетъ С. Т. Аксаковъ, рѣшительно не давалось это искусство [2]). Гоголь не любилъ также баловъ и находилъ ихъ неудачнымъ и неприличнымъ русскому характеру заимствованіемъ у французовъ [3]).

Кромѣ указанныхъ слѣдовъ личныхъ впечатлѣній Гоголя, во всей поэмѣ разсѣяно множество отдѣльныхъ, мѣтко схваченныхъ, наблюденій, не вошедшихъ въ общую картину, но введенныхъ въ разныхъ мѣстахъ въ разсказъ въ видѣ сравненій. Поэтому мы особенно часто встрѣчаемъ въ „Мертвыхъ Душахъ" длинныя, обстоятельно распространенныя уподобленія, которыя въ большинствѣ случаевъ составляютъ совершенно самостоятельные, художественные образы. Таково, напр., въ первой главѣ раздѣленіе чиновниковъ на толстыхъ и тоненькихъ, сравненіе мелькавшихъ во множествѣ на губернаторской вечеринкѣ черныхъ фраковъ съ воздушными эскадронами мухъ, разсаживающихся на рафинадѣ и сгоняемыхъ старухой ключницей; описаніе пѣвчихъ и бѣглая, сдѣланная мимоходомъ, характеристика правителя канцеляріи, во второй главѣ, неравной борьбы съ волнами утопающаго — въ шестой главѣ; растерянность Чичикова при встрѣчѣ съ губернаторской дочкой на балу — растерянности, похожей на состояніе человѣка, вспомнившаго дорогой о какомъ-то сдѣланномъ по забывчивости упущеніи, въ восьмой главѣ; наконецъ описаніе барина-охотника, настигающаго зайца, — въ девятой, и проч. Множество другихъ сравненій въ „Мертвыхъ Душахъ" отмѣчено Шевыревымъ въ его критической статьѣ о нихъ. По поводу этихъ сравненій Шевыревъ вѣрно указалъ на отчасти случайное отношеніе ихъ къ главному разсказу: „Въ фантазіи нашего поэта", — говоритъ онъ, — „есть русская щедрость или чивость (sic), доходящая до расточительности, — свойство, выраженное у насъ старинной пословицей: „все, что ни есть въ печи, то на столъ мечи" [4]).

---

1) Соч. Гог., т. V, стр. 275.

2) «Русск. Архивъ», 1890, VIII, 61—62.

3) Соч. Гог., т. III, стр. 173—174.

4) «Москвитянинъ», 1842 г., т. VIII, 374 стр.

Изъ мелкихъ чертъ сходства съ другими произведеніями Гоголя въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ можно указать еще слѣдующія; въ VIII главѣ: „Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь“. Ср. въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „Что вы, хлопцы, такъ притихли? Какъ будто какіе-нибудь чернецы. Ну, разомъ всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птицамъ не угнаться за нами“ (т. III, стр. 132 и т. I, стр. 262). Ср. далѣе брань жены Черевика на парубка, причемъ достается его предкамъ, и проклятія Чичикова Ноздреву, при чемъ „вся родословная Ноздрева была разобрана и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли“, покупку множества ненужныхъ вещей Ноздревымъ и Чартковымъ (т. II, 13 стр.) и нѣкоторые внѣшніе пріемы (т. II, 86 и III, 206; т. I, стр. 430, 431, 398 и III, 161).

Здѣсь кстати припомнимъ указанный покойнымъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ примѣръ вліянія на Гоголя „Записокъ ружейнаго охотника“ С. Т. Аксакова въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, относящихся къ описанію усадьбы Тентетникова, особенно въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманіе шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденье подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноногій мартынъ, разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынъ, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперекъ въ носу, раздумывая, глотать или не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ виденъ былъ другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу“ [1]). „Какъ слышно въ этомъ отрывкѣ“ — говоритъ критикъ — „не скажемъ подражаніе, — это значило бы оскорбить великаго писателя самымъ грубо-несправедливѣйшимъ подозрѣніемъ, — но впечатлѣніе, подъ которымъ онъ написанъ, несмотря на сохраненіе всей

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 294.

своебразной гоголевской оригинальности, видно особенно въ разсказѣ о двухъ мартынахъ: мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы“ [1]). Что касается лично до насъ, самое первое чтеніе этого мѣста живо напомнило намъ описаніе лѣсной дачи въ „Запискахъ Ружейнаго Охотника“ [2]). Это предположеніе покойнаго Гилярова можетъ быть принято не только въ виду сходства обоихъ описаній, но и значительныхъ словъ самого Гоголя, указывающихъ на то, какое сильное впечатлѣніе произвело на него чтеніе Аксаковымъ отрывковъ изъ его „Записокъ Ружейнаго Охотника“ еще задолго до появленія ихъ въ печати въ 1852 г. Въ письмѣ отъ 20 сент. 1851 г. Гоголь между прочимъ говоритъ Аксакову слѣдующія замѣчательныя слова: „Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ душъ, пожелайте только, чтобы онѣ были такъ же живы, какъ и ваши птицы“ [3]).

Г. Валеріанъ Майковъ въ своей дѣльной и хорошо написанной брошюрѣ: „Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ“ справедливо указываетъ и разбираетъ вліяніе нѣкоторыхъ мѣстъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“ на разсказъ С. Т. Аксакова въ его „Воспоминаніяхъ“ о супружеской четѣ Угличаниновыхъ и проводитъ параллель между вліяніемъ на Гоголя Аксакова, со стороны ихъ общаго образца въ повѣствовательномъ родѣ—Пушкина, и затѣмъ о вліяніи на Пушкина повѣствовательныхъ пріемовъ Вальтеръ-Скотта. Мы согласны съ авторомъ и въ томъ, что догадки о вліяніи извѣстнаго разсказа С. Т. Аксакова объ Угличаниновыхъ еще задолго до изображенія ихъ въ его „Воспоминаніяхъ“ по соображеніямъ, указаннымъ въ брошюрѣ, не можетъ быть признана вѣроятными ни въ какомъ случаѣ.

---

1) Въ этомъ сравненіи Гоголь, очевидно, воспользовался сообщеніемъ С. Т. Аксакова, занесеннымъ въ его записную книжку (см. «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 70).

2) «Русская Бесѣда», 1856, 1 стр. 5, отдѣлъ критики.

3) «Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 540.

II. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ ГОГОЛЯ

въ 1837—1842 г.

Кромѣ капитальнаго труда своего надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь не оставлялъ во время заграничныхъ скитаній въ 1837—1842 годахъ также упорныхъ работъ надъ другими, начатыми еще на родинѣ произведеніями, но могъ возвратиться къ нимъ не раньше, какъ только по прошествіи двухъ лѣтъ со времени своего выѣзда изъ Петербурга. То обстоятельство, что онъ оставилъ тамъ всѣ свои рукописи кромѣ „Мертвыхъ Душъ“, является новымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, что, пускаясь въ путь, онъ, вѣроятно, не сразу рѣшилъ остаться надолго за-границей и во всякомъ случаѣ не могъ опредѣлить заранѣе болѣе постояннаго мѣстопребыванія, гдѣ бы ему удобно и пріятно было предаваться дальнѣйшей разработкѣ начатыхъ сочиненій и набросковъ. Въ первый годъ его странствованій, когда онъ еще чувствовалъ себя совершенно измученнымъ и нравственно потрясеннымъ, ему было совсѣмъ не до серьезной работы, а потомъ онъ слишкомъ отвлекался частыми разъѣздами и постояннымъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній путешествія. Все это надо было переработать въ себѣ, дать всему улечься и потомъ уже почерпнуть въ новой обстановкѣ и рѣзко измѣнившемся образѣ жизни необходимое освѣженіе и новый запасъ истощенной энергіи. Послѣ ударовъ, перенесенныхъ Гоголемъ въ послѣдніе годы петербургской жизни, особенно отъ ярыхъ и ожесточенныхъ нападокъ на „Ревизора“, у него долгое время просто не лежала даже душа къ литературной работѣ и онъ искалъ, во что̀ бы то ни стало, одного только отдохновенія. Онъ самъ сознавался тогда, что охладѣлъ и къ „Ревизору“, и къ извѣстіямъ о томъ, какъ идетъ онъ на сценѣ; онъ, какъ мы знаемъ, чувствовалъ

себя даже неспособнымъ прочесть свою піесу съ обычнымъ мастерствомъ своему другу Щепкину. Гоголь былъ, такъ сказать, въ состояніи нравственнаго изнеможенія: онъ сознавалъ себя надорваннымъ и разбитымъ и долго всякое невинное напоминаніе ему о „Ревизорѣ“ приводило его въ гнѣвъ и ярость, такъ что даже въ письмахъ онъ былъ не въ состояніи сдержать своей раздражительности. Онъ такъ сильно изнылъ душой и вытерпѣлъ столько оскорбленій въ послѣднее время своего пребыванія на родинѣ, что не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить на нихъ намеками, особенно въ разныхъ мѣстахъ „Театральнаго Разъѣзда“ и перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, хотя эти произведенія появились уже спустя шесть лѣтъ послѣ тѣхъ жестокихъ обидъ, которыя вызвали въ немъ столь сильное чувство досады и раздраженія. Но острая боль улеглась сравнительно скоро и уступила мѣсто болѣе спокойной, хронической, которая, въ свою очередь, зажила не скоро или, лучше сказать, была заслонена со временемъ новыми чувствами и интересами. Извѣстно, что Гоголь даже за продолженіе „Мертвыхъ Душъ“ вновь принялся только въ Швейцаріи глубокой осенью 1837 года, а затѣмъ въ Парижѣ, когда надолго расположился на одномъ мѣстѣ и отдыхалъ уже не отъ работы, а отъ продолжительныхъ развлеченій путешествія. Но онъ, конечно, нисколько не намѣренъ былъ забросить остальныя свои ненапечатанныя произведенія, а только на время отложилъ ихъ, занимаясь другимъ трудомъ. Въ Италіи, какъ мы знаемъ, онъ въ обѣ первыя свои поѣздки туда былъ совершенно захваченъ и упоенъ дивными впечатлѣніями природы и искусства, такъ что оставленныя и забытыя на далекомъ сѣверѣ тетради могли пока спокойно лежать подъ дружеской опекой Прокоповича, которому онѣ были поручены. Впрочемъ еще, при первомъ отъѣздѣ изъ Италіи по случаю начавшейся холеры Гоголь уже вспомнилъ о нихъ и потребовалъ, чтобы Прокоповичъ ихъ выслалъ въ Ливорно, куда Гоголь обыкновенно просилъ адресовать ему подобныя посылки, тѣмъ болѣе что онъ, кажется, долженъ былъ проѣхать черезъ этотъ городъ моремъ, по дорогѣ въ Швейцарію. Онъ такъ писалъ Прокопивичу: „Теперь нужно тебѣ всѣ рукописныя мои книги, которыя находятся въ моей библіотекѣ въ связкахъ, сложить въ ящикъ, запаковать и отправить ко мнѣ. Мнѣ очень нужны онѣ, и безъ нихъ я,

какъ безъ рукъ. Тамъ у меня выписки и матеріалы всего" [1]).

Кромѣ желанія возобновить свои прежніе труды и передѣлывать старыя рукописи, у Гоголя, вѣроятно, мелькали и новые творческіе замыслы, къ числу которыхъ уже тогда принадлежала мысль и объ уничтоженной впослѣдствіи драмѣ изъ запорожскаго быта и о повѣсти „Аннунціата", переименованной впослѣдствіи въ „Римъ". Послѣдняя явилась плодомъ парижскихъ и римскихъ впечатлѣній писателя, а первую Гоголь, очевидно, уже задумалъ *тогда,* такъ какъ вмѣстѣ съ рукописями онъ требовалъ также присылки „печатныхъ экстрактовъ изъ дѣлъ и малороссійскихъ пѣсенъ" [2]), а вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ дальнѣйшую переработку „Тараса Бульбы". Но условія скитальческой жизни были таковы, что они не могли не тормозить многихъ его намѣреній. Дѣло затянулось сверхъ всякаго ожиданія самымъ чудовищнымъ образомъ, какъ думалъ сперва Гоголь, вслѣдствіе возникшихъ во время холеры почти всеобщихъ безпорядковъ въ Италіи, но, какъ оказалось впослѣдствіи, по небрежности или, скорѣе, денежнымъ затрудненіямъ Прокоповича. По крайней мѣрѣ, въ то самое время, пока рукописи и другія посылки все еще безъ конца ожидали своей очереди въ Петербургѣ, отвѣтныя письма Прокоповича и присланные имъ денежные векселя, порядочно замѣшкавшись въ дорогѣ, успѣли еще кромѣ того належаться у банкира Валентини. Гоголь напоминалъ о рукописяхъ Прокоповичу рѣшительно въ каждомъ письмѣ, повторяя тѣ же инструкціи и то же обозначеніе транспорта, и вся эта скучная процедура тянулась слишкомъ годъ, несмотря на то, что еще въ первомъ письмѣ Гоголь убѣдительно просилъ своего друга заплатить за перевозку все, что̀ бы ни потребовали [3]). Такимъ образомъ, въ продолжительномъ перерывѣ, раздѣляющемъ трудъ Гоголя надъ первоначальными черновыми набросками разныхъ сценъ и повѣстей, написанными еще въ Петербургѣ, отъ ихъ позднѣйшей переработки прежде всего надо видѣть слѣдствіе внѣшнихъ, случайныхъ причинъ и обусловленнаго ими томительнаго выжиданія со стороны автора. Правда, Гоголь былъ уже сильно поглощенъ „Мертвыми Душами",

---

[1]) «Русское Слово», 1859, 1, стр. 101—102.

[2]) «Русское Слово», 1859, 1, стр. 106.

[3]) Тамъ же, стр. 102.

которымъ съ каждымъ днемъ готовъ былъ придавать все больше значенія; правда, онъ еще раньше писалъ: „Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ“ и проч., но все это еще нисколько не исключаетъ возможности возвращенія его, хотя бы на короткое время, къ прежнимъ трудамъ. Въ письмѣ къ Погодину отъ 20 августа 1838 г. Гоголь говоритъ собственно о „Мертвыхъ Душахъ“: но также, быть-можетъ, и о другихъ произведеніяхъ: „Увы! здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думалъ я совершить“ [1]) и проч. Точно также впослѣдствіи, уже совершенно задавшись иными замыслами, Гоголь въ 1842 г., уже мечтая о грандіозномъ содержаніи и сюжетѣ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, тѣмъ не менѣе печаталъ собраніе своихъ прежнихъ сочиненій и первый томъ этой поэмы, который онъ еще до печати задумывалъ пересоздать вновь въ болѣе величественномъ и значительномъ видѣ.

Въ Гоголѣ вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду своеобразное сочетаніе избытка самонадѣянныхъ увлеченій, вѣчно порождавшихъ въ немъ недовольство достигнутыми успѣхами и устремлявшихъ его умственный взоръ въ необъятную даль, съ какой-то почти вынужденной готовностью отдавать въ печать вещи, совершенно обработанныя и приведенныя къ концу, но уже переставшія безусловно удовлетворять автора. Вслѣдствіе слишкомъ ощутительнаго разлада мечты съ дѣйствительностью, Гоголь, всегда строго относившійся къ созданіямъ своего пера, только на короткое время могъ быть вполнѣ доволенъ своими произведеніями; такъ, напр., онъ былъ счастливъ и веселъ въ Римѣ въ 1841 г. во время своего сожительства съ Анненковымъ, а черезъ полгода въ Москвѣ, еще не напечатавъ первый томъ, замышлялъ капитальную его переработку. Это недовольство написаннымъ началось у него, какъ извѣстно, еще съ появленія въ печати „Вечеровъ на Хуторѣ“. Слѣдуя своему извѣстному правилу давать вылеживаться своимъ произведеніямъ въ портфелѣ, онъ доставалъ ихъ при болѣе благопріятномъ настроеніи и обстоятельствахъ и снова передѣлывалъ.

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 332.

Изъ такихъ залежавшихся рукописей Гоголь получилъ наконецъ изъ Петербурга „Женитьбу", „Шинель" и мелкіе драматическіе отрывки, а также печатные экземпляры „Миргорода" и „Арабесокъ", изъ которыхъ новой переработкѣ подлежали „Тарасъ Бульба", „Портретъ" и, кромѣ того, „Ревизоръ". Въ послѣднемъ Гоголь, по собственному сознанію, твердо вознамѣрился передѣлать особенно четвертое дѣйствіе, уже тотчасъ послѣ представленія „Ревизора", но и здѣсь прошло цѣлыхъ два года, прежде чѣмъ онъ наконецъ получилъ возможность приступить къ дѣлу. Съ одной стороны его глубоко и сильно захватывало созданіе „Мертвыхъ Душъ", пока онъ не довелъ этотъ новый свой трудъ до достаточно удовлетворявшей его степени совершенства (хотя, какъ мы говорили, и не надолго), съ другой — его слишкомъ развлекало обиліе разнообразныхъ творческихъ замысловъ, среди которыхъ онъ не всегда находилъ возможность скоро посвятить серьезное вниманіе какому-нибудь изъ прежнихъ, отложенныхъ на время произведеній. Вотъ почему многія изъ послѣднихъ, и между прочимъ всѣ безъ исключенія повѣствовательныя, писались и перерабатывались въ очень продолжительный промежутокъ времени.

Прежде всего, по полученіи наконецъ изъ Петербурга своихъ рукописей, Гоголь изъ отложенныхъ матеріаловъ началъ было работать надъ „Ревизоромъ", но безъ особой энергіи, такъ что не успѣлъ серьезно взяться за дѣло, какъ получилъ уже напоминаніе отъ Погодина. Послѣдній еще сохранилъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ особенное расположеніе къ себѣ со стороны Гоголя, и потому весьма естественно, что именно ему обыкновенно было извѣстно гораздо больше подробностей о судьбѣ новыхъ произведеній Гоголя, нежели кому бы то ни было другому. Притомъ вѣдь Погодинъ распоряжался также отчасти веденіемъ всѣхъ практическихъ дѣлъ Гоголя въ Москвѣ, сдѣлавшись его фактотумомъ и коммиссіонеромъ еще съ 1832 г., т.-е. задолго до того экономическаго порабощенія нашего писателя, которое теперь уже начиналось[1]). Такимъ же фактотумомъ, но безъ

---

[1]) См. письмо Гоголя къ Погодину отъ 20 іюля 1832 г.: «Если будете въ городѣ, дайте знать книгопродавцамъ, авось-либо не купятъ ли второго изданія «Вечеровъ на Хуторѣ» («Соч. и письма Гог.», т. V, стр. 158, 168—169 и проч.).

экономическаго закрѣпощенія Гоголя, былъ для него въ Петербургѣ Прокоповичъ. И вотъ однажды Погодинъ сообщилъ своему пріятелю о необходимости или, лучше сказать, о твердомъ намѣреніи его, Погодина, выпустить второе изданіе „Ревизора“, доходы съ котораго должны были поступить не Гоголю, но за долги послѣдняго ему, Погодину.

Въ отвѣтъ на это, къ сожалѣнію, не дошедшее до насъ, но чрезвычайно важное и любопытное письмо Погодина, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, говорилъ также въ пользу интересовъ артиста Щепкина, Гоголь писалъ: „Меня ты очень разжалобилъ Щепкинымъ. Мнѣ самому очень жалко его. Я о немъ часто думаю. Я даже, признаюсь, намѣренъ собрать черновые, какіе у меня есть, лоскутки истребленной мною комедіи[1]) и хочу что-нибудь изъ нихъ для него сшить“[2]). Рѣчь касалась здѣсь, конечно, комедіи „Владиміръ 3-ьей степени“, состоявшей первоначально, по свѣдѣніямъ того же Погодина, изъ двухъ дѣйствій. Ясное доказательство, что, уже получивъ возможность работать надъ присланными „лоскутками“, Гоголь все еще не удосуживался удѣлить имъ достаточно времени и вниманія. Здѣсь, между прочимъ, любопытно самое выраженіе: „лоскутки“, которому Гоголь придавалъ совершенно своеобразное значеніе: въ письмахъ его къ Прокоповичу слово *лоскутокъ* означаетъ обыкновенно пьесу или даже повѣсть. Такъ въ началѣ письма отъ 27 (15) іюля 1842 г. изъ Гастейна Гоголь говоритъ: „Я къ тебѣ еще не посылалъ остальныхъ двухъ лоскутковъ, потому что многое нужно переправить, особенно въ „Театральномъ Разъѣздѣ послѣ представленія новой пьесы“[3]). Изъ слѣдующаго же письма оказывается, что подъ другимъ „лоскуткомъ“ подразумѣвались „Игроки“: „Посылаемую нынѣ пьесу „Игроки“ насилу собралъ. Черновые листы такъ были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать“[4]).

Н. С. Тихонравовымъ собрано и указано множество фактовъ, доказывающихъ, что на многія показанія Гоголя относительно времени написанія его произведеній далеко нельзя

---

[1]) «Владиміръ 3-ьей степени».

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 349.

[3]) «Русское Слово», 1859, I, 118.

[4]) Тамъ же, стр. 120.

полагаться безъ провѣрки; у Гоголя даже существовало обыкновеніе, въ случаѣ нежеланія отдавать въ печать какое-либо произведеніе, которое онъ еще не признавалъ вполнѣ обработаннымъ, — ссылаться на то, что будто бы оно затерялось. Послѣднее обстоятельство, безъ сомнѣнія, объясняется его крайне затруднительнымъ положеніемъ вѣчнаго должника, но иногда зависѣло и отъ другихъ причинъ. Щепкину впрочемъ Гоголь во всякомъ случаѣ отъ души желалъ исполнить давнее обѣщаніе дать въ его распоряженіе „Женитьбу“ для бенефиса, обѣщаніе, сдѣланное еще до отъѣзда за-границу. „Съ новой редакціей „Женитьбы“, вырабатывавшейся въ Римѣ“ — замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ — „случилась та же самая исторія, которая въ началѣ 1841 г. повторится съ извѣстнымъ приложеніемъ къ „Ревизору“, т.-е. съ отрывкомъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ Пушкину: Гоголь нигдѣ не могъ ее найти“ [1]). Но драматическіе кусочки сравнительно мало занимали теперь Гоголя, а время неудержимо летѣло, и вотъ онъ только въ 1840 г., и то уже послѣ личнаго свиданія съ Щепкинымъ и новыхъ обѣщаній ему даже *подъ условіемъ пари, или заклада,* далъ Щепкину хотя не одно изъ оригинальныхъ своихъ произведеній, но по крайней мѣрѣ переводную пьесу съ итальянскаго подъ заглавіемъ „Дядька въ затруднительномъ положеніи“ [2]), переведенную пенсіонерами русской академіи художествъ въ Римѣ подъ руководствомъ Гоголя.

Наконецъ въ томъ же письмѣ Гоголя къ Погодину отъ 1 декабря 1838 г. читаемъ: „Кстати о „Ревизорѣ“. Ты хочешь напечатать „Ревизора“. Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы немного обождать. Я началъ передѣлывать и поправлять нѣкоторыя сцены, которыя были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотѣлъ бы издать его теперь исправленнаго и совершеннаго“ [3]). Изъ этихъ словъ ясно, что если Гоголь успѣлъ уже приняться за переработку присланныхъ ему черновыхъ рукописей, то пока, кромѣ „Тараса Бульбы“ (на что указываютъ нѣкоторые водяные знаки и фабричные

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 701.

[2]) См. «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 410.

[3]) Тамъ же, 349.

штемпели на бумагѣ)[1]) развѣ только именно за „Ревизора"; но и эта работа оставалась для него пока на второмъ планѣ и производилась, такъ сказать, между дѣломъ. Гоголь далѣе прибавляетъ: „Но если ты находишь, что второе изданіе *необходимо нужно,* и *безъ отлагательства*" (такъ слѣдовательно представлялъ дѣло Погодинъ), „то располагай по своему усмотрѣнію". Отсюда Н. С. Тихонравовъ выводитъ такое заключеніе: „передѣлка, какъ видно, не далеко подвинулась, если Гоголь разрѣшилъ Погодину напечатать второе изданіе безъ исправленій, которыя уже были намѣчены"[2]). И это, безъ сомнѣнія, справедливо; но мы позволимъ себѣ здѣсь прибавить еще два небольшихъ пояснительныхъ соображенія: во-первыхъ, Гоголь говоритъ дальше: „Я не думаю, чтобы онъ" (т.-е. „Ревизоръ") „доставилъ теперь большія деньги", чѣмъ какъ будто старается деликатно отклонить непріятное для себя намѣреніе Погодина, а во-вторыхъ, положеніе его было крайне щекотливо и затруднительно въ виду „безотлагательности" изданія и поступленія денегъ за долги въ пользу Погодина. Зная позднѣйшія притязанія послѣдняго, однажды даже заявленныя имъ въ самой грубой формѣ[3]), мы и здѣсь можемъ предполагать ту же стѣснительную неловкость положенія Гоголя относительно его, неловкость, о которой ясно свидѣтельствуютъ слѣдующія затѣмъ строки: „но если наберется около двухъ или слишкомъ, тысячъ, то я буду очень радъ, потому что, *признаюсь, мнѣ присланныя тобою деньги — нѣсколько тяжелы.* Мнѣ все кажется, что ты отказалъ себѣ и нуждаешься. Если за „Ревизора" дадутъ вдругъ деньги, то ты, пожалуйста, пополни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку, или отдай ихъ тому, у кого ты занялъ для меня". Итакъ, думается намъ, согласіе Гоголя было во всякомъ случаѣ вынужденное[4]). Уже въ эту пору онъ сверхъ всякой возможности былъ закабаленъ преждевременными словесными обѣщаніями и еще болѣе, конечно, денежными обязательствами. Хорошо еще, что Погодинъ оказался *пока* настолько деликатнымъ, что соглашался терпѣливо ждать предположенныхъ попра-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 624, 625, 634 и проч.

[2]) Соч. Гог., т. II, стр. 647.

[3]) «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 117—118.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 349.

вокъ и измѣненій текста въ „Ревизорѣ“, — тогда какъ позднѣе, въ значительной степени уже выведенный изъ терпѣнія затягивавшимся рѣшительно противъ его воли долгосрочнымъ кредитомъ, онъ сталъ относиться къ своему пріятелю безъ всякой пощады. Надо полагать, что, говоря болѣе деликатнымъ языкомъ, признаніе Погодинымъ резоновъ Гоголя или въ сущности его согласіе ждать, а, можетъ-быть, и просто молчаніе о затронутомъ вопросѣ дало возможность Гоголю вздохнуть свободнѣе и даже нѣсколько отложить начатый трудъ переработки четвертаго дѣйствія „Ревизора“ и устремить главное, — послѣ „Мертвыхъ Душъ“, конечно, — вниманіе на обработку „Тараса Бульбы“, „Шинели“ и, можетъ-быть, отчасти продолженіе работъ надъ комедіей „Женитьба“.

Работая въ 1839—1840 г., по возвращеніи изъ Россіи, надъ „Тарасомъ Бульбой“ и драмой съ сюжетомъ изъ запорожской жизни („Выбритый Усъ“), *особенно* во время пребыванія своего въ Вѣнѣ *до болѣзни,* Гоголь съ *особеннымъ* увлеченіемъ отдался изученію труда Боплана „Описаніе Украйны“, сборника малороссійскихъ пѣсенъ Лукашевича, такъ называемой „Исторіи Руссовъ“, приписываемой Кониссному, и другому лѣтописному труду, извѣстному подъ именемъ „Россійскій Магазинъ“, наконецъ „Исторіи о запорожскихъ казакахъ“ кн. Мышецкаго[1]). (Относительно послѣдней, впрочемъ, существуетъ сомнѣніе, читалъ ли ее Гоголь въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ въ книгѣ Шерера; въ случаѣ же справедливости перваго предположенія, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, всего вѣроятнѣе допустить также другое предположеніе, что съ „Исторіей о запорожскихъ казакахъ“, которая не была еще въ то время напечатана, Гоголь, можетъ-быть, познакомился въ рукописи Погодинскаго древнехранилища[2]). Гоголя заставали также за чтеніемъ малороссійской исторіи Бантышъ-Каменскаго[3]). Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ даннымъ, онъ серьезнѣе принялся теперь за изученіе украинской исторіи, нежели прежде, въ былыя времена своего профессорства, когда онъ, повидимому, вовсе еще не приступалъ къ ра-

---

[1]) См. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 572—574.

[2]) Т. I, стр. 656.

[3]) «Воспом. и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 208.

ботѣ по источникамъ; хотя, впрочемъ, и теперь его историческія занятія были, конечно, не ученыя, не основанныя на отыскиваніи и изученіи архивныхъ данныхъ, а чисто литературныя, въ предѣлахъ необходимыхъ и полезныхъ для его художественнаго созданія[1]).

Въ 1839 и 1840 годахъ Гоголь кромѣ „Мертвыхъ Душъ“ продолжалъ иногда работать также надъ „Тарасомъ Бульбой“, „Шинелью“, „Отрывкомъ“ (1840), надъ „Женитьбой“ (1840)[2]) и набрасывалъ вновь повѣсть „Римъ“.

Къ началу 1841 года относится также окончательная редакція повѣсти „Портретъ“[3]), между которой и переработками „Тараса Бульбы“ мы находимъ слѣдующую явную точку соприкосновенія: новая редакція „Портрета“ дописывалась одновременно съ созданіемъ седьмой главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ“[4]), а одна изъ послѣднихъ редакцій поэмы „Тарасъ Бульба“ вмѣстѣ съ набросками послѣднихъ страницъ первой части „Мертвыхъ Душъ“ въ первоначальной редакціи[5]), и обѣ вышли изъ-подъ пера автора на рубежѣ между 1840 и 1841 годами[6]). Въ то время у Гоголя

---

[1]) Н. С. Тихонравовъ въ своихъ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ редактора подробно указываетъ допущенные Гоголемъ анахронизмы и противорѣчія, которыя неизбѣжно должны были безъ строгаго знанія непремѣнно вкрасться въ произведеніе, подвергавшееся неоднократнымъ передѣлкамъ въ нѣсколько пріемовъ и въ теченіе значительнаго промежутка времени, притомъ на основаніи разныхъ источниковъ. Собирая «лоскутки», Гоголь находитъ въ нихъ несогласія, прежде имъ не замѣченныя. Такъ время дѣйствія поэмы по первоначальной редакціи относится къ XVI вѣку, къ временамъ Стефана Баторія, но въ концѣ повѣсти является уже Остраница и Гуня, а во второй главѣ изображается основанная лишь въ XVII вѣкѣ Петромъ Могилой Кіевская академія. Эти несообразности, довольно наглядно рисующія степень глубины историческихъ познаній Гоголя во время его профессуры, позднѣе, при болѣе внимательномъ отношеніи къ источникамъ, были сглажены, но остался не исправленнымъ одинъ анахронизмъ въ словахъ: «Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть въ грубомъ XV вѣкѣ». Внѣшнее противорѣчіе мы съ нѣкоторой натяжкой готовы впрочемъ объяснить такъ: характеръ Бульбы принадлежитъ къ такимъ, которые, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, стали возникать въ XV вѣкѣ (т. I, 652—666; см. особенно стр. 659—661).

[2]) См. Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 701—702.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 597.

[4]) Т. II, 588—597.

[5]) Т. I, стр. 639.

[6]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 597.

назрѣла зародившаяся подъ впечатлѣніями злобныхъ и придирчивыхъ критикъ Булгарина и Сенковскаго по поводу „Ревизора“ теорія о высокомъ значеніи возведенія въ перлъ поэтическаго созданія „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ жизни, нашедшее свое разностороннее выраженіе въ седьмой главѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и „Театральномъ Разъѣздѣ“, а въ измѣненномъ видѣ впослѣдствіи въ „Развязкѣ Ревизора“ и мелькомъ даже въ статьѣ о театрѣ — въ „Перепискѣ съ друзьями“. Въ послѣднихъ слышатся уже впрочемъ лишь отдаленные отголоски мыслей о театрѣ и его значеніи и вообще объ искусствѣ, высказанныхъ прежде, мыслей, глубоко интересовавшихъ Гоголя особенно въ промежутокъ между появленіемъ „Ревизора и перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Окончаніе повѣсти „Портретъ“ и писавшаяся въ концѣ 1840 г. редакція „Тараса Бульбы“ принадлежатъ этому болѣе свѣтлому періоду, вслѣдъ за которымъ наступило въ Гоголѣ рѣшительное уже преобладаніе мистическаго настроенія, успѣвшаго наложить свою тяжелую руку на нѣкоторыя мѣста окончательной редакціи „Тараса Бульбы“. Здѣсь, въ послѣдней переработкѣ еще разъ передѣланныхъ и перебѣленныхъ уже въ Москвѣ въ 1839 г. главъ „Тараса Бульбы“, сильно чувствуются уже тѣ „мистико-лирическія выходки“, о которыхъ мы говорили во второмъ томѣ нашего труда [1]). „По всѣмъ соображеніямъ“ — говоритъ Н. С. Тихонравовъ — „мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что второй и третій отрывокъ „Тараса Бульбы“ съ дополнительными къ нимъ приписками написаны въ Вѣнѣ въ іюнѣ и въ іюлѣ 1840 года, одновременно съ четвертымъ отрывкомъ и съ окончаніемъ повѣсти „Шинель“ [2]), — а затѣмъ Гоголь продолжалъ, какъ мы говорили, работу надъ дальнѣйшей передѣлкой отрывка „Тараса Бульбы“ въ концѣ 1840 г., тогда какъ окончательная редакція была выработана и переписана уже въ Москвѣ въ 1842 году [3]).

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 128—130; ср. у Н. С. Тихонравова, т. I, стр. 660 и слѣд.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 638.

[3]) При исправленіи текста нѣкоторыя вставки дѣлались на основаніи, между прочимъ записныхъ тетрадей, напр. въ VII главу перваго тома «Мертвыхъ Душъ» внесено: «Чортъ по ночамъ горохъ молотилъ на рожѣ» (ср. въ XI главѣ,

Оставляя теперь въ сторонѣ эпическія произведенія Гоголя, возвратимся къ его комедіямъ. Когда Гоголь вернулся осенью 1839 г. въ Россію, у него не было въ запасѣ ни оконченной пьесы „Женитьба“, давно, какъ мы говорили, обѣщанной Щепкину, ни новой редакціи „Ревизора“. Денежныя дѣла его еще больше запутались послѣ хлопотъ объ устройствѣ сестеръ, и долги продолжали тяжко удручать его. Онъ писалъ однажды Жуковскому: „Мнѣ даютъ за одну третью часть, за пьесы, назначенныя вами въ первый томъ собраній, какъ-то: „Ревизоръ“, „Женитьба“ и отрывки изъ неконченной комедіи, шесть тысячъ. И, признаться, я уже готовъ былъ согласиться, несмотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ-то: „Женихи“ и неоконченная комедія являлись въ свѣтъ“ [1]). Зато Гоголь привезъ съ собой новую пьесу „Римъ“, такъ что число начатыхъ, но еще не обработанныхъ трудовъ его, еще увеличилось. Наконецъ, онъ весьма серьезное вниманіе посвятилъ, какъ мы видѣли, исправленію „Тараса Бульбы“ и задуманной имъ пьесѣ изъ запорожской жизни. Вообще труды его распредѣлялись такъ сложно и неопредѣленно, что, соображая все вмѣстѣ, остается только удивляться чрезвычайному напряженію его творческой энергіи въ это время, особенно до болѣзни въ Вѣнѣ и въ сравненіи съ послѣднимъ десятилѣтіемъ жизни, тѣмъ больше, что тутъ же вскорѣ онъ сталъ обдумывать и содержаніе второго тома „Мертвыхъ Душъ“, надъ которымъ послѣ такъ долго и неустанно трудился. Можно приблизительно установить, что въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковомъ году Гоголь преимущественно былъ занятъ „Тарасомъ Бульбой“ и „Шинелью“, затѣмъ зимой 1840—1841 г. также „Ревизоромъ“, „Женитьбой“, „Портретомъ“ [2]), „Театральнымъ Разъѣздомъ“ и также немного „Свѣтской Сценой“, переименованной позднѣе въ „Отрывокъ“; дальнѣйшей же переработкѣ „Ревизора“ и „Же-

---

соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 230), «Нужно было вамъ впутываться» сказалъ генералъ-губернаторъ Муразову, («Царь Колоколъ», 1892, III, 87), «Гулянка, которой ждали цѣлый годъ поселяне, была въ полномъ своемъ разгарѣ». Ср. «Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулявью былъ просторъ» (тамъ же, стр. 97, примѣч. 1).

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 4—5, стр. 0939.

[2]) Первыя работы надъ новой редакціей «Портрета» были начаты Гоголемъ еще въ Петербургѣ въ 1836 г. (см. Соч. Гог., т. II, стр. 586—587).

нитьбы" и особенно „драматическимъ кусочкамъ" было посвящено уже остальное время до 1842 г. включительно.

Извѣстную возможность слѣдить за ходомъ творческихъ работъ Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ мы получаемъ между прочимъ благодаря нѣкоторымъ указаніямъ въ его письмахъ къ Погодину и въ печатныхъ заявленіяхъ послѣдняго. Такъ, въ началѣ 1841 г. Погодинъ заявилъ въ „Москвитянинѣ" (въ февральской книгѣ) объ окончаніи Гоголемъ повѣстей „Шинель", „Maria dei fiori" и комедіи „Женихи", при чемъ первое произведеніе въ одной изъ редакцій было въ значительной степени переписано его собственной рукой во время совмѣстнаго жительства съ нимъ въ Маріенбадѣ[1]), а „Мертвыя Души" рукой Панова въ Римѣ зимой 1840—1841 года и тогда же Пановымъ была переписана исправленная редакція первыхъ сценъ четвертаго дѣйствія „Ревизора"[2]). Все это подробно разсмотрѣно Н. С. Тихонравовымъ; намъ остается указать только на тотъ грустный и совершенно прозаическій разладъ между требованіями творчества и неумолимымъ гнетомъ матеріальныхъ условій, который выражался въ частыхъ понуканіяхъ Гоголя изъ Москвы и его мольбахъ не посягать на его вдохновеніе и время, на эти два самыхъ дорогихъ его достоянія, — хотя все это пока проявляется еще довольно мирно и сдержанно. Гоголь при этомъ оказался какъ-то малоспособнымъ въ данномъ отношеніи вести практично свои дѣла, что̀ и естественно обусловливалось самыми свойствами его таланта, не терпѣвшаго внѣшняго насилія. Впрочемъ, у Гоголя, кажется, съ самаго начала былъ планъ сразу издать свои сочиненія, а не раздавать ихъ кусками по журналамъ. Такъ какъ въ пріѣзды свои въ отечество въ 1839—1840 гг. Гоголь неизбѣжно былъ вынужденъ еще больше запутать свои дѣла, то положеніе его становилось все болѣе невыносимымъ. Такъ, 17 октября 1840 г. спустя уже два мѣсяца по отъѣздѣ изъ Россіи, Гоголь писалъ Погодину: „Я хотѣлъ было наскоро переписать куски изъ „Ревизора", исключенные прежде и другіе — передѣланные, чтобы поскорѣе издать и заплатить великодушному, какъ и ты, Сергѣю Тимоѳеевичу, и этого

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 616.
[2]) Т. II, стр. 650.

не могъ сдѣлать[1])“. Между тѣмъ онъ не могъ принудить себя оторваться отъ „Мертвыхъ Душъ“ и откладывалъ остальное. Судя по этому глубокому погруженію въ свой главный трудъ, начиная съ выѣзда изъ Россіи въ 1840 г., когда Гоголь сознавался, что „никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что̀ нужно къ спѣху, а все бы хотѣлось заняться тѣмъ, что̀ не къ спѣху“[2]), и по тому извѣстному факту, что послѣ перенесенной имъ въ Вѣнѣ болѣзни боялся потерять минуту для своего главнаго труда, мы думали бы, что главная работа надъ „Тарасомъ Бульбой“ и „Шинелью“ была въ 1841 г. уже позади. Когда на слѣдующій день Гоголь писалъ Погодину, что „если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны или лѣта, то, можетъ-быть, мнѣ удастся еще приготовить что-нибудь къ печати, кромѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“[3]), — то здѣсь, вѣроятно, разумѣлись уже только окончательныя исправленія и „подчистки“. Но во всякомъ случаѣ, при такой, хотя и пріятной, но крайне многосложной и трудной обузѣ, вполнѣ извинительно было Гоголю „*терять*“ иногда черновыя обѣщанныхъ произведеній, а потомъ поражаться счастливыми находками. Притомъ вѣдь, если Гоголь не уставалъ повторять намеки и прямо давалъ чувствовать, что для него пытка хоть на мгновеніе оторваться отъ своего главнаго труда, а благодушный С. Т. Аксаковъ, по настоянію Погодина, продолжалъ „*неосторожно*“ допекать его напоминаніями очень щекотливаго свойства, то что̀ же ему и оставалось кромѣ воплей и увертокъ[4]). Вотъ почему также Погодинъ торопился объявленіями о написанномъ Гоголемъ и полученныя наконецъ для второго изданія сцены новой редакціи „Ревизора“ съ жадностью, не теряя золотого времени, поспѣшилъ тиснуть поскорѣе въ „Москвитянинѣ“[5]). Тутъ же Погодинъ публиковалъ и о томъ, что „второе изданіе будетъ готово къ маю“ и куда за нимъ слѣдуетъ обращаться. Это былъ весьма пріятный и выгодный способъ взысканія долга, сразу представлявшій два крупныхъ удобства, изъ которыхъ важнѣйшимъ было, конечно,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 421.

[2]) Тамъ же, стр. 427.

[3]) Т. V, стр. 428.

[4]) См. т. V, стр. 438 и Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 599.

[5]) «Москвитянинъ», 1841, IV, 578—593.

украшеніе страницъ журнала именемъ и произведеніями Гоголя, а затѣмъ уже сюда присоединялся и денежный интересъ. Съ этихъ поръ началась послѣдовательно самая невыносимая зависимость нашего писателя отъ друзей-кредиторовъ, подготовившая постепенно его разрывъ съ Погодинымъ.

Объ отправкѣ новыхъ матеріаловъ для второго изданія „Ревизора“ мы узнаемъ изъ письма Гоголя къ С. Т. Аксакову отъ 5 марта 1841 г. но этимъ переработка комедіи еще не кончилась, хотя она и была приведена въ окончательный видъ лишь въ 1842 г.; тогда какъ нѣкоторые штрихи „Тараса Бульбы“ въ почти тождественной формѣ перешли изъ нея даже во второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, начатый около того же времени. Такъ, Н. С. Тихонравовъ указываетъ на соотвѣтствіе между слѣдующими строками въ „Тарасѣ Бульбѣ“ послѣдней редакціи: „Почти остолбенѣвъ, глядѣла она (полячка) ему въ очи, и вдругъ зарыдала и съ чудною женскою стремительностью кинулась къ нему на шею“ и въ характеристикѣ Уленьки: „было въ ней что-то стремительное“ [1]).

---

[1]) Соч. Гог., т. I, стр. 643 и т. III, 297—298. Н. С. Тихонравовъ отмѣчаетъ также параллель между окончаніемъ «Записокъ сумасшедшаго» и лирическимъ отступленіемъ: «Эхъ, тройка! птица-тройка!» (т. I, стр. 641). Но на стр. 665 Н. С. Тихонравовъ впалъ въ заблужденіе въ объясненіи словами нѣкоторыхъ строкъ письма Гоголя къ Данилевскому, гдѣ говорится о жрецахъ и храмахъ, колебаній Гоголя между католичествомъ и православіемъ: на шутливомъ языкѣ Гоголя подъ храмами разумѣются здѣсь просто рестораны. (См. «Вѣстн. Евр.» 1890 и выше; также «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 121).

III. КРИТИЧЕСКІЕ ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ О «РЕВИЗОРѢ» И НОВАЯ ПЕРЕРАБОТКА КОМЕДІИ АВТОРОМЪ.

I. Предварительныя свѣдѣнія.

Какъ извѣстно, Гоголь выступилъ на поприще драматическаго писателя еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Но его комедіи, подвергавшіяся обыкновенно по нѣскольку разъ самой тщательной передѣлкѣ, становились извѣстными, и притомъ иногда только въ отрывкахъ, лишь небольшому числу самыхъ близкихъ его друзей да членамъ того литературнаго круга, къ которому онъ принадлежалъ. Правда, молва объ его пьесахъ распространялась далеко за предѣлами этого круга и задолго до появленія ихъ въ печати и на сценѣ, но для публики прежде всѣхъ (если не считать отрывка „Утро дѣлового человѣка“) сдѣлался извѣстенъ „Ревизоръ“, когда онъ былъ поставленъ на Александринскомъ театрѣ 19-го апрѣля 1836 г....

Подъ впечатлѣніемъ носившихся въ публикѣ толковъ и журнальныхъ отзывовъ Гоголь предпринималъ переработки „Ревизора“, которыми и занялся преимущественно въ концѣ тридцатыхъ годовъ и особенно въ началѣ сороковыхъ, подобно тому какъ такой же переработкѣ и въ то же время подвергалась и другая его комедія „Женитьба“. Судьбой этихъ передѣлокъ живо интересовались преимущественно лица, посвятившія свою жизнь театру, а въ числѣ ихъ прежде всего артисты.

Еще въ 1835 г. и, можетъ-быть, даже раньше, Щепкинъ впервые узналъ отъ Гоголя о „Ревизорѣ“ и уже заранѣе имъ восхищался. Какія онъ возлагалъ широкія надежды на ожидаемую пьесу въ полномъ убѣжденіи, что Гоголь можетъ создать только истинно-художественное произведеніе,

мы можемъ судить по слѣдующимъ словамъ письма его къ И. И. Сосницкому: „письмо дало новыя надежды, и я живу новою жизнью“ [1]). Здѣсь, конечно, разумѣется то письмо Сосницкаго къ Щепкину, въ которомъ онъ увѣрялъ послѣдняго о возродившихся надеждахъ на появленіе на сценѣ комедіи Гоголя. Въ то время Сосницкій и Щепкинъ, находившіеся всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ между собой, были одинаково заинтересованы, чтобы преодолѣть и побѣдить авторскую мнительность Гоголя, которую оба считали сильно преувеличенной. Они старались дѣйствовать дружно, чтобы отвоевать у поэта одну изъ его пьесъ, и тѣмъ болѣе радовались появленію „Ревизора“, что „Женитьба“ отъ нихъ неожиданно ускользнула. Въ одномъ письмѣ Сосницкій извѣщалъ Щепкина, что Гоголь взялъ ее переправить. Съ точки зрѣнія обоихъ артистовъ это казалось только ненужной и досадной проволочкой. „Нечего дѣлать, будемъ ждать“ [2]), отвѣчалъ Щепкинъ; но уже вскорѣ имъ, гораздо лучше и ближе знавшимъ Гоголя, нежели Сосницкій, овладѣло сильное сомнѣніе: „Ты, Ваня, сдѣлалъ маленькую оплошность“ — пріятельски писалъ онъ Сосницкому, — „что оставилъ Гоголю комедію [3]) для поправки: онъ, занявшись другой комедіей, забудетъ о ней совершенно. Если же ты ее получишь, то, ради Бога, тотчасъ переписавъ оную, вышли ко мнѣ, какъ можно скорѣе“ [4]). Эти слова М. С. Щепкина представляютъ отвѣтъ на слѣдующія строки письма къ нему И. И. Сосницкаго: „Женитьбу“ ты раньше осени не получишь: Николай Васильевичъ ее взялъ передѣлать... Обѣщалъ передѣлать всю совсѣмъ. Я ему далъ нѣкоторыя идеи объ обычаяхъ купеческихъ невѣстъ. Онъ беретъ комедію съ собой и мѣсяца черезъ два ее вышлетъ“ [5]). Какъ видно,

---

[1]) Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 180.

[2]) Тамъ же, стр. 183.

[3]) „Женитьба“.

[4]) Тамъ же, стр. 184. — Еще раньше, 26 мая, Гоголь обратился къ Сосницкому съ той же просьбой: „Ежели получилъ отъ Гоголя піесу «Женитьбу», то пожалуйста, переписавъ, пришли, а то, несмотря ни на какія неудобства, я самъ за ней пріѣду». («Записки и письма М. С. Щепкина», стр. 182).

[5]) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 696. — Передъ этимъ Гоголь писалъ Щепкину о томъ же: «Комедію мою, читанную мною въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь *передѣлалъ* и *переправилъ*, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она

надежда Щепкина уже начинала колебаться. Послѣ Щепкинъ не переставалъ безпрестанно освѣдомляться о судьбѣ комедіи и дружелюбно пенять Сосницкому: „не знаю ничего: получилъ ли ты піесу отъ Гоголя, которую ваша милость имѣли большую неосторожность отдать ему для переправки. Ежели получилъ, то, пожалуйста, вышли поскорѣй; а если нѣтъ и не знаешь ничего о немъ, то я тебѣ скажу, что онъ въ Лозаннѣ, и я писалъ черезъ Погодина, чтобы онъ выслалъ свою піесу, хотя безъ поправки, ибо у меня до сихъ поръ нѣтъ ничего на бенефисъ“ [1]). Но Гоголь не внялъ моленію одного изъ самыхъ *дорогихъ* своихъ друзей, и здѣсь-то можно видѣть, до какой степени онъ дорожилъ тщательной обработкой своихъ произведеній; вѣдь Гоголь готовъ былъ много сдѣлать для Щепкина [2]), но ускорить для него появленіе на сценѣ какой-либо изъ своихъ комедій былъ рѣшительно не въ силахъ. Здѣсь кстати не мѣшаетъ напомнить и съ особеннымъ удареніемъ указать на то, что Гоголь дѣйствительно сильно и искренно любилъ М. С. Щепкина и что, по свидѣтельству одного изъ крайне нерасположенныхъ къ нему знакомыхъ, Н. В. Берга, „всѣ піесы Гоголя шли въ бенефисы Щепкина *и потому не дали автору ничего ровно*“ [3]). Это такая черта въ Гоголѣ, которая до сихъ поръ не оцѣнена достаточно и какъ-то обыкновенно указывается вскользь и пропускается мимо, тогда какъ она вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы обратить на нее вниманіе...

шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ, что̀, кажется, случится въ одно время года Стало-быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу» («Соч. и письма Гоголя», V, 254).

[1]) Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 184—185.

[2]) Есть даже извѣстіе о томъ, что онъ продалъ «Ревизора» дирекціи Императорскихъ театровъ всего за 3000 р. ассигнаціями (см. «Бесѣды въ обществѣ Любителей Россійской Словесности», 1871 г., вып. 3, стр. 137, статья В. И. Родиславскаго); всѣ остальныя піесы шли въ бенефисы Щепкина. Но по точнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ «Руси» И. Ѳ. Горбуновымъ, (1880, № 4, стр. 17) на основаніи выписки изъ Рескontра дирекціи оказывается, что «Ревизоръ» былъ проданъ въ театральный архивъ за 2500 р. То же сообщаетъ и С. Т. Аксаковъ («Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 11). Любопытно, что за піесу «Настоящій Ревизоръ», совершенно бездарное произведеніе, автору Циціанову, какъ записано въ томъ же Рескontрѣ, уплочено было чиновнику Толбинскому 800 р. («Русская Мысль», 1886, V, 97, примѣч. 4).

[3]) «Русская Старина», 1872, I, 125.

19 декабря 1836 г. Щепкинъ снова пишетъ Сосницкому: „Вчерашній день мнѣ сказали, что у васъ становится піеса Гоголя подъ названіемъ „Сваха“. Хотя и другое названіе, но это, я думаю, то же, что̀ онъ намъ давалъ. Если точно правда, что она ставится, то какъ: въ казну или кому-либо на бенефисъ? Если въ казну, то, пожалуйста, извѣсти, что̀ дирекція за оную заплатитъ; если же на бенефисъ кому-либо, то попроси у бенефиціанта переписать и вышли: отъ этого никакой помѣхи, я думаю, быть не можетъ, ибо мой бенефисъ 8 февраля“ [1]). ИтакъЩепкинъ еще недостаточно зналъ тогда Гоголя и степень привязанности къ нему послѣдняго, основа которой уже тогда была прочно заложена.

Впослѣдствіи передѣлки „Ревизора“ затянулись надолго и привели автора къ символическому комментированію своей піесы. „Мы видѣли, какъ создавался „Ревизоръ“: два забавныхъ анекдота, восклицанія Гоголя: „смѣяться, смѣяться давайте побольше! да здравствуетъ комедія!“ наконецъ первое представленіе и взрывъ гомерическаго хохота, овладѣвшаго всѣми, отъ высшей власти до сѣраго армяка, — вотъ первоначальный обликъ „Ревизора“. Но тотчасъ, вслѣдъ за успѣхомъ, начинается новая работа надъ нимъ. „Ревизоръ“ становится предметомъ символизирующей глоссы, благодаря которой его физіономія какъ бы измѣняется. Здѣсь слѣдуетъ различать участіе трехъ факторовъ: 1) времени, которое показало всѣмъ, въ томъ числѣ, быть-можетъ, и автору, — что въ комической оболочкѣ скрывается горькое зерно критическаго обобщенія, 2) необходимость для автора защиты себя и своего дѣтища отъ нареканія на тему потрясенія основъ, и 3) мистической подкладки Гоголя. Символизированіе „Ревизора“, съ преобладаніемъ аргументаціи защитительнаго свойства, начинается въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, въ тирадахъ Очень скромно одѣтаго человѣка. Здѣсь выдвигается на первый планъ морализующій смыслъ пьесы, а за моралью выглядываетъ и аллегорія и даже теологія. Но процессъ символизированія „Ревизора“ на этомъ не остановился: явилась „Развязка Ревизора“, въ которой дѣйствующія лица — первый комическій актеръ Михаилъ Семеновичъ, хорошенькая актриса, одинъ любитель театра, человѣкъ большого

[1]) «Русская Старина», 1879 г., II, 348.

свѣта, другой человѣкъ „тоже не малаго свѣта, но въ своемъ родѣ“, и литературный человѣкъ. Любитель театра вновь, послѣ десяти лѣтъ, возбуждаетъ вопросъ о пользѣ „Ревизора“ для общества. Человѣкъ „не малаго свѣта“ признаетъ его вреднымъ и дерзкимъ. Первый комикъ объявляетъ, что онъ знаетъ „небольшую тайну этой піесы“ и что „Ревизоръ“ безъ конца. Всѣ требуютъ ключъ загадки. Михаилъ Семеновичъ объясняетъ, что такого города, который выведенъ въ піесѣ, — нѣтъ, а что это нашъ душевный городъ, что страшенъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба, и т. д. Ревизоръ это наша совѣсть, а Хлестаковъ — это вѣтренная, свѣтская совѣсть. — Вотъ крайніе предѣлы символическаго комментарія къ „Ревизору“. („Порядокъ“, 1881, № 28).

II. Переработка „Ревизора".

Остановимся нѣсколько подробнѣе на разъясненіи общаго характера передѣлокъ въ „Ревизорѣ". Въ какомъ духѣ и направленіи должны были происходить онѣ, ясно видно изъ письма къ одному литератору, которое, хотя и было написано гораздо позднѣе, нежели это хотѣлъ показать авторъ, но такъ какъ главнымъ побужденіемъ мистификаціи было на этотъ разъ желаніе вполнѣ выношенныя и только со временемъ получившія законченную форму мысли представить переданными тотчасъ же послѣ спектакля въ письмѣ къ Пушкину, а между тѣмъ существенныя черты содержанія и въ самомъ дѣлѣ должны были выработаться изъ впечатлѣній спектакля, то мы и считаемъ себя въ правѣ игнорировать здѣсь это, въ данномъ случаѣ не существенное, различіе. Изъ письма къ одному литератору ясно, что Гоголь остался особенно недоволенъ изображеніемъ на сценѣ Хлестакова, не удавшимся даже такому опытному и искусному актеру, какъ Дюръ; затѣмъ онъ былъ намѣренъ значительно передѣлать четвертое дѣйствіе. Кромѣ того, уже впослѣдствіи, по соображеніямъ, совершенно не имѣвшимъ никакого отношенія къ первому спектаклю и не указаннымъ въ письмѣ къ литератору, Гоголь нѣсколько измѣнилъ также характеръ роли почтмейстера. Послѣдняя переработка, какъ менѣе серьезная и крупная, можетъ быть отмѣчена въ двухъ словахъ. Съ нея мы и начнемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наивность почтмейстера въ окончательной редакціи комедіи оказалась весьма умѣстной и ярче обрисованной: почтмейстеръ нуженъ какъ для завязки, такъ особенно для развязки комедіи. Имѣя въ виду предназначить почтмейстера для болѣе естественнаго и эффектнаго разсѣченія самаго запутаннаго драматическаго узла въ концѣ піесы, авторъ съ самой первой редакціи комедіи выводитъ его на сцену лишь со второго явленія. Почтмейстеръ почему-то запаздываетъ на общее

совѣщаніе, и оно открыто безъ него, но затѣмъ онъ тотчасъ же появляется на сцену и городничій встрѣчаетъ его словами: „здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! *Я нарочно посылалъ за вами,* чтобы сообщить вамъ очень важную новость“ [1]). Наивность почтмейстера гораздо ярче и опредѣленнѣе выступаетъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ, гдѣ послѣдній уже врывается съ восклицаніемъ, показывающимъ одно только безсознательное любопытство: „объясните, господа, чтò, какой чиновникъ ѣдетъ“? [2]). Въ связи съ этой перемѣной въ первоначальной редакціи устранены также слова почтмейстера: „да и самъ чувствую небольшую какъ будто лихорадку“ [3]), и такимъ образомъ вся сцена является болѣе выдержанной, такъ какъ теперь въ ней гораздо болѣе гармонируютъ всѣ мельчайшія подробности, ярко рисующія необыкновенное легкомысліе почтмейстера.

Соотвѣтственно этому сдѣлано также легкое измѣненіе и въ развязкѣ: по первоначальной редакціи, почтмейстеръ рѣшается распечатать письмо на томъ основаніи, что на пакетѣ было написано „его благородію, какому-то Тряпичкину. Если бы къ какому-нибудь превосходительству“ — объясняетъ почтмейстеръ — „то я бы никакъ не осмѣлился; но какъ увидѣлъ, что къ благородію, то такое почувствовалъ любопытство, какого еще никогда не помню. Я даже приказалъ затворить ставни, чтобы никто не могъ подсмотрѣть, и самъ зажегъ свѣчу“ [4])... Но если любопытство почтмейстера было существенно необходимо для того, чтобы подготовить задуманную развязку, то не менѣе важна его безсознательная наивность; въ первоначальной же редакціи есть небольшое внутреннее противорѣчіе; тамъ почтмейстеру нѣкоторую смѣлость внушаетъ надпись на конвертѣ: „*благородію,* какому-то Тряпичкину“, и поэтому онъ даетъ волю вновь пробудившемуся любопытству, несмотря на остатки страха; по окончательной редакціи вниманіе почтмейстера было привлечено собственно адресомъ: въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу, — вслѣдствіе боязни доноса: „можетъ быть, какъ-

---

[1]) „Царь-Колоколъ“, 1892 г., III, 119.
[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 206.
[3]) «Царь-Колоколъ», 1892 г., III, 120.
[4]) Тамъ же, стр. 227.

нибудь дошло до него, что я для своего удовольствія распечатывалъ иногда письма" [1]). Эта послѣдняя подробность находится въ несомнѣнной связи съ измѣненіемъ девятаго явленія четвертаго дѣйствія, гдѣ въ исправленной редакціи Хлестаковъ размышляетъ самъ съ собой: „любопытно знать, гдѣ теперь живетъ Тряпичкинъ — въ Почтамтской или Гороховой" [2]).

Такъ авторъ, внося нѣкоторыя измѣненія, заботился о болѣе цѣльномъ и яркомъ изображеніи характеровъ: ничто не рисуетъ такъ превосходно наивность почтмейстера, какъ эти слова: „любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ" [3]). Наконецъ въ послѣднихъ редакціяхъ вставлены въ разговоръ почтмейстера съ Хлестаковымъ еще забавныя реплики: „а онъ, однако-жъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ" [4]).

Обратимся къ измѣненіямъ, касающимся Хлестакова. Въ сценѣ встрѣчи Хлестакова съ городничимъ устранены всѣ подробности, которыя помогли бы раскрыть послѣднему глаза на мнимаго ревизора, и, напротивъ, усиленно подчеркнуты намѣренія городничаго подпоить предполагаемаго сановника и такимъ образомъ разузнать отъ него хоть часть истины. То и другое измѣненія способствуютъ болѣе живому и естественному ходу дѣйствія. Еще въ предыдущей сценѣ Гоголь вначалѣ впадалъ въ карикатуру, заставляя Хлестакова говорить: „не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться!" [5]), послѣ чего та же фраза не совсѣмъ естественно и слишкомъ неправдоподобно для положенія ревизора повторяется еще разъ въ такомъ видѣ: „не поддаваться! Ей Богу, не поддаваться! Взять въ руки эту бутылку, и если что̀, то, ей Богу, бутылкою" [6]). Вотъ подобныя карикатурныя выходки и были причиной того, что Дюръ сдѣлалъ изъ Хлестокова „водевильнаго шалуна", и отъ нихъ необходимо было очистить піесу. Впрочемъ Гоголь не сразу отказался отъ внѣшняго комизма,

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 323.
[2]) Т. II, стр. 258.
[3]) Т. II, стр. 278.
[4]) Стр. 250.
[5]) «Царь-Колоколъ», стр. 144.
[6]) «Царь-Колоколъ», стр. 144.

какимъ отличалось вначалѣ это мѣсто, и во второмъ изданіи „Ревизора“ 1841 г. были еще пропущены только слова: „ей Богу, бутылкою“ [1]). Слова же Хлестакова въ концѣ явленія: „я никогда не останавливался въ такой дурной комнатѣ. Тамъ вездѣ по дорогѣ, гдѣ проѣзжалъ я, было хорошо: живопись и люстры“ — исключены, вѣроятно, потому, что они больше были бы на мѣстѣ тамъ, гдѣ Хлестаковъ сердился, и нѣсколько нарушили бы впечатлѣніе обоюднаго согласія и довольства другъ-другомъ, которое въ концѣ сцены представляетъ яркій контрастъ съ настроеніемъ обоихъ въ началѣ ея.

Относительно городничаго въ исправленной редакціи обращено особенное вниманіе на его рѣчи въ сторону; такъ первая изъ нихъ, какъ слишкомъ длинная и неестественная на сценѣ, сильно сокращена, и совершенно выпущены слѣдующія строки: „теперь вижу, что̀ значатъ столичные доки. Боже упаси! Никакъ не хочетъ показать, зачѣмъ пріѣхалъ: и о деньгахъ говоритъ, и увѣряетъ, что заплатитъ, — Богъ знаетъ, что̀! Ну какъ не потерять ума? Именно не знаешь, какъ и хватиться!“ [2]) Зато въ другихъ мѣстахъ комизмъ положенія городничаго усиливается, подчеркивая его лукавыя соображенія: „хорошо, подпустимъ и мы турусы“ [3]), „И не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро“ [4]), „славно завязалъ узелокъ! вретъ, вретъ и нигдѣ не оборвется“. Такое противоположеніе наивной болтовнѣ Хлестакова лукаваго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неудачнаго разсчета со стороны городничаго значительно оживляетъ дѣйствіе и сильнѣе оттѣняетъ безсознательность словъ и поступковъ Хлестакова.

Въ первоначальной редакціи Хлестаковъ увѣряетъ, что онъ вскорѣ заплатитъ весь долгъ трактирщику, что объ этомъ нечего безпокоиться, что ему скоро выйдетъ прибавка жалованья, что онъ губернскій секретарь и проч. Все это, но особенно обѣщаніе предъявить подорожную и заявленіе слуги: „вы изволили въ первый день спросить двѣ бутылки шампанскаго, обѣдъ и ужинъ, а на другой день одинъ обѣдъ, а на третій день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать“ [5]) — было

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 307.
[2]) «Царь-Колоколъ», стр. 145.
[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 225.
[4]) Сочиненія Гоголя, изд. X, т. II, стр. 226.
[5]) «Царь-Колоколъ» 1892 г., III, стр. 148.

настолько прозрачно, что трудно представить себѣ, чтобы въ умѣ опытнаго городничаго, привыкшаго обманывать ревизоровъ въ лицѣ губернаторовъ, послѣ этого не зародилось и малѣйшей тѣни сомнѣнія относительно личности мнимаго ревизора. Въ продолженіе всего перваго дѣйствія и въ сценѣ встрѣчи съ Хлестаковымъ городничій, захваченный врасплохъ грознымъ извѣстіемъ, не успѣваетъ овладѣть собой и сколько-нибудь спокойно взглянуть на дѣло; сознаніе грѣшковъ, неожиданное появленіе съ извѣстнымъ эффектомъ Бобчинскаго и Добчинскаго, въ самый моментъ напряженнаго страха городничаго, его полной растерянности, — все это вполнѣ объясняетъ намъ, почему городничій могъ поддаться на этотъ разъ обману; но достаточно было бы одной только спокойной минуты, одного серьезнаго промаха или слишкомъ замѣтной непослѣдовательности со стороны Хлестакова, и онъ овладѣлъ бы собой и сталъ бы снова трезво и просто смотрѣть на вещи. Поэтому въ опущеніи всѣхъ такихъ штриховъ, какъ, напр., заявленія Хлестакова, что онъ губернскій секретарь (такъ какъ невозможно предположить въ городничемъ совершеннаго незнанія табели о рангахъ и особенно значенія даннаго чина), — въ этомъ опущеніи несомнѣнно обнаружился тонкій тактъ автора.

Наконецъ, въ исправленной редакціи прибавлено или, точнѣе, перенесено изъ третьяго дѣйствія размышленіе городничаго о Хлестаковѣ: „А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю и больше разсказать“[1]), — съ одной стороны тѣснѣе связывающее второе дѣйствіе съ третьимъ, съ другой—снова открываетъ передъ нами затаенныя мысли городничаго, въ чемъ состоятъ его планы и на чемъ основаны надежды: вѣдь еще при первомъ извѣстіи о молодости Хлестакова городничій съ радостью ухватился за проектъ воспользоваться его неопытностью, какъ якоремъ спасенія: „бѣда если старый чортъ, а молодой весь наверху“[2]). Соотвѣтственно всему этому въ десятомъ явле-

---

[1]) Сочиненія Гоголя, изд. X, т. II, стр. 226; см. также: «Чудно завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой,—никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однако жъ, какъ онъ ни скрывался, а наконецъ таки не выдержалъ и все разсказалъ. Видно, что человѣкъ молодой» (тамъ же, стр. 243).

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 211.

ніи второго дѣйствія снова прибавлено слѣдующее длинное размышленіе городничаго: „а вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что̀ онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться“ [1]). Эта прибавка, включенная только уже въ послѣднее изданіе, еще ярче подчеркиваетъ контрастъ между безпечностью Хлестакова и обдуманными шахматными ходами городничаго. Но если такая мысль засѣла въ голову городничаго еще при первомъ извѣстіи о Хлестаковѣ, то онъ едва ли могъ не пропустить словъ Хлестакова въ VIII явленіи второго дѣйствія о томъ, что онъ только губернскій секретарь. Правда, городничій не вѣритъ словамъ мнимаго ревизора и въ каждомъ его словѣ подозрѣваетъ хитрость, но разъ уловленныя его слухомъ слова, касающіяся именно предмета для него наиболѣе интереснаго, такъ или иначе вспомнились бы ему и послѣ, и тогда нечего было бы спрашивать Аннѣ Андреевнѣ у Осипа: „А чинъ какой на твоемъ баринѣ?“ [2]) Опущены также въ исправленной редакціи слова городничаго: „какъ можно, чтобы я смѣлился назначать срокъ“ [3]) (для уплаты долга).

Наконецъ измѣнено одно довольно существенное обстоятельство: по первоначальной редакціи Хлестаковъ говоритъ городничему, что онъ ѣдетъ въ деревню по требованію батюшки и давно подалъ въ отставку; по исправленной—Хлестаковъ говоритъ объ отставкѣ менѣе опредѣленно, какъ о дѣлѣ еще не рѣшенномъ: „разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ“, и затѣмъ прибавляетъ: „я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга“ [4]). Все это принимается городничимъ за одинъ отводъ глазъ: „прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика отца приплелъ!“ Распространивши такимъ образомъ эту часть сцены, Гоголь имѣлъ случай еще больше остановить вниманіе зрителей на томъ душевномъ процессѣ, который совершался въ продол-

---

[1]) Стр. 229.

[2]) «Царь-Колоколъ», 1892 г., III, 176.

[3]) Тамъ же, стр. 145.

[4]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 226.

женіе піесы въ душѣ городничаго и который гораздо больше способствовалъ его самообману, нежели наивная и безотчетная болтовня Хлестакова. Что же касается до родительскаго нетерпѣнія поскорѣе видѣть своихъ дѣтей заслуженными, то это явленіе было слишкомъ извѣстно Гоголю даже по собственной его матери и, вкладывая указаніе на него въ уста Хлестакова, онъ одновременно съ интересами развитія драматическаго дѣйствія имѣлъ въ виду изобразить распространенный фактъ дѣйствительной жизни и притомъ сдѣлалъ это такъ натурально и кстати, что у внимательнаго читателя, уже знающаго изъ монолога Осипа о строгости отца Хлестакова и его недовольствѣ сыномъ, могло бы получиться совершенно связное представленіе отчасти, такимъ образомъ, и объ отношеніяхъ лицъ, не только второстепенныхъ, но даже остающихся за предѣлами піесы.

Въ концѣ сцены нѣсколько измѣненъ также взаимный обмѣнъ любезностями со стороны Хлестакова и городничаго. Въ третьемъ дѣйствіи, въ сценѣ лганья Хлестакова, замѣненъ, во-первыхъ, разсказъ Хлестакова о петербургскихъ портныхъ, оканчивающійся словами, обращенными къ Аннѣ Андреевнѣ: „вы просто приходите и скажите: вотъ мнѣ нужны фракъ и панталоны, и можете быть увѣрены, что фрака такого вамъ нигдѣ не сошьютъ“[1]). Этотъ пропускъ объясняется, конечно, желаніемъ избѣгнуть со стороны актеровъ дешевыхъ водевильныхъ эффектовъ; по той же причинѣ сокращенъ разсказъ о Пушкинѣ и о томъ, какъ Хлестакова приняли за Дибича-Забалканскаго; затѣмъ пропущено, какъ и въ предыдущемъ дѣйствіи, указаніе на чинъ Хлестакова: „это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: уже никакъ не больше коллежскаго асессора, даже немножко меньше“[2]). Впрочемъ, о коллежскомъ асессорѣ упоминается вскользь и въ окончательной редакціи. Пропущены слова: „я, можно сказать, одинъ у насъ завѣдываю всѣми дѣлами въ канцеляріи, безъ меня былъ бы страшный ералашъ“, слова, перенесенныя въ измѣненномъ видѣ въ „Женитьбу“[3]). Упоминаніе о государственномъ совѣтѣ получило иной видъ и смыслъ: въ

---

[1]) «Царь-Колоколъ», 1892 г. III, 164.
[2]) Тамъ же, стр. 165.
[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 384.

первоначальной редакціи Хлестаковъ говоритъ: „я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую, и во дворецъ ѣзжу; если тамъ иногда маленькіе балы случаются, то за мною ужъ посылаютъ“[1]); въ окончательной редакціи — „меня самъ государственный совѣтъ боится“[2]). Послѣднее измѣненіе сдѣлано, очевидно, въ связи съ передѣлкой первыхъ сценъ четвертаго дѣйствія, гдѣ Аммосъ Ѳедоровичъ говоритъ: „Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ“; вотъ почему оба эти варіанта являются совмѣстно лишь въ послѣдней редакціи и почему они оба отсутствуютъ еще во второмъ изданіи „Ревизора“[3]). Наконецъ, пропущено личное указаніе въ словахъ первоначальной редакціи: „Вотъ, напримѣръ, былъ у графа Кочубея: ему кушанье присылаютъ прямо изъ Лондона“[4]). Нельзя не припомнить при этомъ, что въ юные годы Гоголь еще разъ въ заглавіи „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ позволилъ себѣ ту же нескромную учтивость по отношенію къ своему знатному сосѣду, а описаніе чудесъ кулинарнаго искусства здѣсь напоминаютъ нѣкоторыя мѣста въ позднѣйшей повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ. Далѣе въ этомъ же дѣйствіи пропущенъ разсказъ о перепелкахъ и длинное повѣствованіе Анны Андреевны о своей красотѣ — оба въ интересахъ болѣе сжатаго изложенія. Сдѣланы также нѣкоторые мелкіе пропуски, напр., распоряженія городничаго: „Мишка, позови квартальныхъ Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко за воротами“[5]), такъ какъ эти же подробности уже затронуты въ пятомъ явленіи перваго дѣйствія, а также пропущено упоминаніе о ключницѣ Авдотьѣ[6]), излишняя для піесы и немного замедляющая ходъ дѣйствія характеристика ея же въ первомъ явленіи третьяго дѣйствія[7]). Также нѣкоторыя незначительныя подробности въ разспросахъ у Осипа о Хлестаковѣ Анны Андреевны и Марьи Антоновны[8]).

---

1) «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 171; соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 316.

2) Ср. «Царь-Колоколъ», 1892, т. III, стр. 165 и соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 240.

3) Т. II, стр. 246.

4) «Царь-Колоколъ», 1892, III, 169.

5) Тамъ же, стр. 175.

6) Тамъ же, стр. 155.

7) Тамъ же, стр. 151.

8) Тамъ же, стр. 176 и соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 243—244.

Самое существенное измѣненіе въ четвертомъ дѣйствіи, какъ извѣстно, состояло въ томъ, что, согласно совѣту какого-то опытнаго артиста, Гоголь заставляетъ не Хлестакова просить денегъ у чиновниковъ, а послѣднихъ предлагать ему взаймы. И здѣсь Гоголь заботился въ измѣненныхъ редакціяхъ придать своему герою больше безсознательности въ словахъ и поступкахъ. Поэтому первое же явленіе первоначальной редакціи постепенно измѣняется: во-первыхъ, оно уступаетъ свое мѣсто сценѣ вполголоса между чиновниками, совѣтующимися о томъ, какъ приступиться къ мнимому ревизору и какъ ему „подсунуть"; во-вторыхъ, она распадается уже на два явленія, изъ которыхъ одно состоитъ только изъ легкомысленнаго размышленія Хлестакова о женѣ и дочкѣ городничаго и объ оказанномъ ему радушномъ пріемѣ, а другое, уже не прежде, а послѣ представленія ему чиновниковъ, заключаетъ въ себѣ, наконецъ, догадку его о томъ, что его приняли за важное лицо, да и эта мысль, по исправленной редакціи, не укладывается вполнѣ сознательно въ его слабой головѣ, такъ что онъ тутъ же продолжаетъ объяснять себѣ странное ухаживаніе за нимъ чиновниковъ дѣйствіемъ своей петербургской физіономіи и ихъ добродушіемъ. Впрочемъ, уже въ первоначальной редакціи Хлестаковъ разсуждаетъ довольно наивно: „а много значитъ побыть нѣсколько времени въ Петербургѣ: даже не будь помощникомъ столоначальника, а просто канцелярскимъ чиновникомъ, а всѣ ужъ къ тебѣ чувствуютъ почтеніе. Городничій бѣгаетъ, услуживаетъ, всѣ заведенія показываетъ" [1]).

Во второмъ изданіи эти слова уже частью опущены, частью сокращены, а въ концѣ сцены, для болѣе рельефнаго изображенія крайняго легкомыслія Хлестакова, слова: „дорога вѣдь такая вещь, что на всякій случай не худо запастись деньгами" пропущены, а сохранена никогда не покидающая Хлестакова мечта въ ноздревскомъ вкусѣ [2]) сразиться съ пѣхотнымъ капитаномъ, дорожное же благоразуміе переходитъ уже къ Осипу, что̀ гораздо сообразнѣе съ характеромъ обоихъ. Весьма искусно также перенесено изъ бесѣды съ Артеміемъ Филипповичемъ, во время представленія послѣдняго,

---

[1]) «Царь-Колоколъ», 1892, III, 180.

[2]) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 219 проч.

въ небольшой монологъ Хлестакова послѣ его пробужденія воспоминаніе объ одурманивающемъ свойствѣ поданнаго ему вина въ богоугодномъ заведеніи и проч.[1]).

Въ сценѣ Хлестакова съ судьей, какъ и въ другихъ сценахъ, гдѣ ему представляются чиновники, по первоначальной редакціи Хлестаковъ уже отчасти разыгрываетъ роль важнаго лица и говоритъ: „мнѣ очень хорошо знакомъ вашъ начальникъ“[2]) и повторяетъ одну и ту же фразу при каждомъ новомъ представленіи; теперь эта фраза сохраняется только въ опущенной сценѣ Хлестакова съ Растаковскимъ, гдѣ она является притомъ источникомъ незамѣнимаго комизма въ дальнѣйшемъ діалогѣ. Затѣмъ Гоголь, какъ мы знаемъ, не успѣлъ во второмъ изданіи исправить существенный недостатокъ прежнихъ редакцій: и здѣсь Хлестаковъ *проситъ,* а не судья предлагаетъ ему деньги, и сохраненъ разсказъ объ одномъ чиновникѣ, служившемъ пятнадцать лѣтъ и получившемъ одну пряжку; но такъ какъ такая же подробность была перенесена въ „Шинель“ и уже раньше встрѣчалась въ повѣсти объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ[3]), то она и была опущена въ окончательной редакціи. Затѣмъ, какъ естественное слѣдствіе уже сдѣланныхъ перемѣнъ, въ начальной сценѣ изображается неловкость и смущеніе Аммоса Ѳедоровича, вынужденнаго прежде другихъ испытать опасное средство расположить къ себѣ мнимаго начальника взяткой.

Сцена представленія почтмейстера также сильно измѣнена, при чемъ значительно смягчено выпрашиваніе Хлестаковымъ денегъ, который въ первоначальной редакціи говорилъ, что онъ будто бы „разсчиталъ, какъ нарочно, все самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ“[4]). Въ исправленной редакціи оба собесѣдника ведутъ между собой сначала самый наивный съ обѣихъ сторонъ разговоръ, какъ вдругъ Хлестаковъ, какъ бы по наитію свыше, спохватывается: „а попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы“[5]). Изъ сцены съ Лукой Лукичемъ перенесено многое въ сцену представленія Земля-

---

1) Ср. «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 184 и соч. Гоголя, изд. X, т. II. стр. 248.

2) «Царь-Колоколъ», 1892, III, 182.

3) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 88 и 320 и т. I, 189.

4) «Царь-Колоколъ», 1892, III, 181.

5) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 250.

ники, какъ, напримѣръ, вопросъ Хлестакова: „вы, кажется, были какъ будто ниже ростомъ, не правда ли“?[1]) — въ виду того, что угодливый отвѣтъ: „очень можетъ быть“ больше подходитъ къ характеру льстиваго и черезчуръ практичнаго смотрителя богоугодныхъ заведеній, и неожиданный переходъ послѣ него къ доносамъ на сослуживцевъ является исполненнымъ комизма. Кромѣ того, въ первоначальной редакціи оказались нѣсколько вялыми и однообразными хвастливые разсказы Хлестакова о карточномъ или клубномъ товариществѣ его съ начальниками представлявшихся чиновниковъ. Наивная покорность отвѣта „очень можетъ быть“ въ устахъ Луки Лукича далеко не такъ ярко рисовала бы его запуганность, какъ его растерянный видъ при неожиданномъ разговорѣ съ нимъ Хлестакова на игривую тему. Въ сценѣ съ Артеміемъ Филипповичемъ прибавлены еще нѣкоторые безцѣльные и наивные разспросы Хлестакова и его забавныя слова при уходѣ Земляники, придававшаго самое серьезное значеніе своимъ доносамъ: „это все очень смѣшно, что̀ вы говорили. Пожалуйста, и въ другое тоже время“ [2]).

Мысль объ отъѣздѣ изъ уѣзднаго города подаетъ Хлестакову въ исправленной редакціи Осипъ, раньше барина сообразившій опасность проволочки, тогда какъ легкомысліе послѣдняго такъ безпредѣльно велико, что онъ ничего путнаго не въ состояніи сообразить самъ и только похваляется: „ну что̀, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ!“ [3]) Вообще бо́льшая часть девятой сцены четвертаго дѣйствія въ окончательной редакціи прибавлена вновь, при чемъ она еще тѣснѣе связываетъ содержаніе его, какъ съ предшествующимъ, такъ и съ послѣдующимъ. Такъ постепенно достигалась замѣчательная стройность композиціи пьесы. Въ третьемъ дѣйствіи даже такая, повидимому, незначительная сцена, какъ та, гдѣ мальчикъ Мишка допытывается у Осипа, кто его баринъ, оказывается существенно необходимой для развитія дѣйствія, такъ какъ нужна была неопытность и наивность ребенка, чтобы съ первыхъ же словъ дѣтская откровенность объяснила смѣтливому слугѣ, какъ

---

1) См. «Царь-Колоколъ», 1892, III, 186.
2) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, 254.
3) Т. II, стр. 257.

онъ долженъ держать себя, навести его на сознательное поддерживаніе обмана, въ который нечаянно ввели другъ друга Хлестаковъ и чиновники. Любопытно, что такое ничтожное явленіе оказывается слѣдовательно совершенно необходимымъ, органическимъ звеномъ въ комедіи; но комическая канва становится еще отчетливѣе и ярче, когда Осипъ беретъ на себя надоумить уже начинавшаго едва смутно представлять свое положеніе Хлестакова. Наконецъ, то же девятое явленіе тѣсно связано съ развязкой комедіи, такъ какъ, соблазненный проектомъ скорой ѣзды, Хлестаковъ дѣлаетъ Осипу распоряженіе: „ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли“ [1]). Когда, послѣ прочтенія почтмейстеромъ письма къ Тряпичкину, городничій хочетъ приказать воротить Хлестакова, почтмейстеръ возражаетъ ему: „куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе“ [2]). Итакъ, у Гоголя постепенно вырабатывался строгій и отчетливый планъ. Весьма важныя перемѣны коснулись также конца четвертаго дѣйствія, гдѣ появленіе Анны Андреевны въ комнатѣ Хлестакова по первоначальной редакціи объяснялось не случайностью, а обдуманнымъ намѣреніемъ выручить мужа: „тамъ набрело просителей полонъ дворъ, а мужа нѣтъ! И зачѣмъ, куда онъ пошелъ?“ [3]) и проч.

Но такой оборотъ дѣла не совсѣмъ согласовался съ безусловнымъ непониманіемъ Анной Андреевной опасности, грозившей ея мужу, и серьезности положенія,— непониманіемъ, простиравшимся до того, что городничій въ досадѣ однажды воскликнулъ: „ну, ужъ вы женщины! Все кончено: одного этого слова достаточно! Вамъ все это тра-ла-ла“ [4]). Въ исправленной редакціи значительно сглажены затѣмъ животная грубость сластолюбиваго ухаживанія Хлестакова за Анной Андреевной и ея позорная податливость, при чемъ многое изъ объясненій въ этомъ явленіи перенесено въ сцену съ Марьей Антоновной [5]).

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, 257.

2) Т. II, стр. 281 и 327.

3) «Царь-Колоколъ, 1892, III, стр. 203.

4) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 242 и «Царь-Колоколъ», 1892, III, стр. 175.

5) Другія измѣненія въ текстѣ «Ревизора» отмѣчены у Н. С. Тихонравова,

Прочія измѣненія не имѣютъ большого значенія и потому мы ихъ касаться не будемъ.

т. II, 660 и 670. Между прочимъ, Н. С. Тихонравовъ ясно показалъ въ своихъ примѣчаніяхъ, что личность Хлестакова разъяснилась Гоголю позднѣе другихъ, подобно тому какъ въ «Женитьбѣ» личность Подколесина, отчасти въ «М. Д.» — Чичикова. Замѣчательно, что Хлестаковъ первой редакціи, безъ всякихъ намековъ со стороны Осипа, самъ понялъ, что ему пора убираться изъ гостепріимнаго города: «Это, однако же, удивительно: не успѣешь заикнуться о деньгахъ, сейчасъ вынимаетъ изъ бумажника. Право, пречудный городъ! Въ Петербургѣ совсѣмъ этого нѣтъ; тамъ Ручъ тебѣ ни за что въ долгъ не сошьетъ фрака, а здѣсь даютъ, сколько ни назначить». Понятно, что при измѣнившемся взглядѣ Гоголя эти строки должны были подвергнуться исключенію.

III. Критическіе отзывы современниковъ о „Ревизорѣ“.

Отъ передѣлокъ въ текстѣ „Ревизора“ обратимся къ обзору критическихъ статей о немъ, имѣвшихъ нѣкоторое вліяніе на нихъ.

Первый печатный отзывъ о „Ревизорѣ“ появился въ „Библіотекѣ для Чтенія“, поспѣшившей дать отчетъ о крупной литературной новости, которая успѣла уже возбудить множество толковъ и приковать къ себѣ вниманіе общества. Въ половинѣ апрѣля 1836 г. комедія сдѣлалась извѣстной на сценѣ и въ печати, а въ концѣ его вышла уже изъ цензуры книжка „Библіотеки“ съ подробнымъ ея разборомъ. Несмотря на похвалы въ первыхъ строкахъ критики, очевидно, что она написана съ чувствомъ явнаго недоброжелательства къ автору, вытекавшимъ, между прочимъ, изъ соображеній самаго мелочнаго, чисто личнаго свойства. Возраставшая слава Гоголя была не по вкусу „Библіотекѣ“ какъ въ виду ея прежнихъ къ нему непріятныхъ отношеній[1]), такъ и потому, что здѣсь примѣшивалось также низкое чувство зависти и даже соревнованія. „Кажется, что одна изъ котерій, которая чрезвычайно нуждается въ примѣчательномъ талантѣ, для того, чтобы противопоставить его барону Брамбеусу“, — вѣщаетъ авторъ статьи въ „Библіотекѣ“ — „избрала его своимъ героемъ и условилась превозносить до небесъ каждое его сочиненіе, скрывая отъ него и отъ публики ихъ несовершенства. Ежели это правда, то нельзя не предостеречь г. Гоголя, что онъ стоитъ на пропасти (sic), прикрытой цвѣтами, и можетъ упасть въ нее со всею своей будущей славой. Чтò касается до насъ, то мы никогда не были въ состояніи усмотрѣть малѣйшаго сходства между талантомъ г. Гоголя и таинственнаго барона, и не понимаемъ, какимъ образомъ литературная досада могла ослѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 88 и проч., особенно 96—100.

пить котерію до того, чтобъ (sic) она вздумала сдѣлать изъ автора „Вечеровъ на Хуторѣ“ и „Миргорода“ соперника автору „Фантастическихъ Путешествій“ и „Похожденій одной ревижской души“ [1]). Показавъ такимъ образомъ свои карты, авторъ статьи старается, однако, прикинуться безпристрастнымъ доброжелателемъ Гоголя и признаетъ его уже, хотя и скрѣпя сердце, способнымъ по природному комическому дарованію стать въ рядъ лучшихъ писателей въ этомъ родѣ. Такой успѣхъ представляется критику быстрымъ и неожиданнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непрочнымъ. Не будучи въ состояніи по-прежнему совершенно отрицать литературное значеніе Гоголя, критикъ, подъ притворной личиной безпристрастія, подрываетъ въ корнѣ самый смыслъ вынужденной похвалы, прибавляя между прочимъ слѣдующую оговорку: „мы съ удовольствіемъ предаемся пріятной надеждѣ, хотя одинъ весьма умный человѣкъ сказалъ намъ въ отвѣтъ на подобное предсказаніе: „ничего не будетъ, его захвалятъ!“ [2]) — и затѣмъ совершенно становится на сторону „весьма умнаго человѣка“ и уже проповѣдуетъ противъ яда незаслуженныхъ преувеличенныхъ похвалъ. Критикъ совѣтуетъ Гоголю прислушиваться къ „благонамѣреннымъ замѣчаніямъ“, къ числу которыхъ принадлежали, по его мнѣнію, конечно, и собственные его совѣты заставить Хлестакова „приволокнуться за какой-нибудь уѣздной барышней и прибавить въ началѣ пьесы нѣсколько сценъ любви, а остальную часть ея „оживить интригой“, изобразивъ кстати ревность Маріи Антоновны. Такая передѣлка, по мнѣнію критика, исправила бы (!) пошлость (?!) анекдота, послужившаго сюжетомъ комедіи. Напротивъ, Гоголь будто бы соромъ завалилъ куски чистаго золота. Гдѣ именно авторъ усматривалъ соръ, онъ не пожелалъ или не счелъ нужнымъ указать, опасаясь оскорбить вкусъ хорошаго общества и ссылаясь на то, что всѣ такія мѣста ему самому слишкомъ противны. Выписавъ нѣсколько понравившихся ему мѣстъ изъ комедіи, критикъ заявляетъ далѣе, что вся пьеса — анекдотъ, старый, всѣмъ извѣстный, *тысячу разъ напечатанный* (sic), разсказанный и отдѣланный въ

---

1) «Библіотека для Чтенія», 1836 г., т. 16, отд. 5, стр. 30—31.

2) «Библіотека для Чтенія», 1836 г., т. 16, отд. 5, стр. 30.

разныхъ видахъ и на разныхъ языкахъ[1]). Оказывается даже, что этотъ же самый анекдотъ уже былъ разсказанъ и въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Вельтманомъ. Затѣмъ говорится, что будто бы въ немъ нѣтъ никакой картины русскаго общества, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ни завязки, ни развязки; многое неестественно и неправдоподобно, совсѣмъ не выведены честные люди; наконецъ, что въ пьесѣ много длиннотъ и въ концѣ концовъ, что „г. Гоголь явно не выполнилъ даже своего анекдота“[2]). Однимъ словомъ, комедіи было поставлено въ упрекъ даже то, что самъ авторъ критики, вѣроятно, не считалъ въ душѣ справедливымъ; притомъ слишкомъ очевидно было его желаніе выискивать и придумывать какъ можно больше недостатковъ и отрицать явныя достоинства пьесы и при всемъ томъ разыграть роль доброжелателя, — тогда какъ на дѣлѣ совѣты давались коварные и вовсе не обѣщающіе добра. Вездѣ видно безсильное намѣреніе дискредитировать Гоголя и подорвать въ немъ вѣру въ самого себя и въ свой талантъ, особенно же желаніе направить его творчество на сочиненіе пустыхъ любовныхъ пьесъ, и на ряду съ этимъ даются такія предостереженія: „Мы *отъ души* (sic) совѣтуемъ г. Гоголю не писать болѣе комедій изъ анекдотовъ и административныхъ грѣховъ“[3]). Статья была, очевидно, самая злостная и враждебная по существу, и потому-то такъ понравилось врагамъ Гоголя повторять на разные лады о томъ, что его де „захвалятъ“, такъ что, напр., Гречъ охотно повторялъ это даже въ Италіи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Ивановъ[4]).

По любопытному сочувствію въ тѣхъ же самыхъ числахъ, когда должна была выйти въ свѣтъ книжка „Библіотеки для Чтенія“, о „Ревизорѣ“ явились двѣ статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“ (30 апрѣля и 1 мая, №№ 97 и 98), замѣчательно совпадающія во всѣхъ подробностяхъ и оттѣнкахъ своихъ мнѣній съ критикой „Библіотеки для Чтенія“ и, очевидно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Александръ Андреевичъ Ивановъ». «Его жизнь и переписка», М. Боткина, стр. 140; ср. также соч. Бѣлинскаго, VII т., стр. 34 и 371.

предназначенныя вмѣстѣ съ послѣднею доказать естественность и неизбѣжность именно *такого рода* сужденій о пьесѣ. Здѣсь разница только та, что вынужденное признаніе достоинствъ пьесы сдѣлано въ серединѣ статьи и какъ бы мимоходомъ, но съ явнымъ намѣреніемъ наряду съ этимъ признаніемъ показать, что даже самыя эти достоинства въ сущности ровно ничего не значатъ и что ихъ принимаютъ вовсе не за то, за что слѣдуетъ[1]). „Сѣверная Пчела“ разсуждаетъ такъ: „Ревизоръ“ нравится публикѣ, то-есть публика смѣется и хлопаетъ. Да и нельзя не хохотать! Это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ карикатуръ, которыя должны непремѣнно заставить васъ смѣяться“[2]). Затѣмъ всѣ обвиненія „Сѣверной Пчелы“ совершенно тѣ же, что̀ и въ „Библіотекѣ для Чтенія“: „Канва или завязка „Ревизора“ есть не новая и пустѣйшая. Въ нѣмецкой, французской, англійской, русской и во всѣхъ литературахъ въ мірѣ существуютъ повѣсти, комедіи и романы, основанные на инкогнито. *Это самая древняя машина завязки.* Одного принимаютъ за другого, изъ этого выходятъ недоразумѣнія, двусмыслія, смѣшныя сцены — все это давно уже износилось. Лучше всѣхъ пользовался этимъ Коцебу“[3]). Затѣмъ критикъ

---

[1]) Впрочемъ, въ своихъ «Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ» Н. И. Гречъ, повторяя въ сущности тѣ же сужденія о «Ревизорѣ», которыя вообще высказывались «Сѣверной Пчелой», а также и «Русскимъ Вѣстникомъ», тѣмъ не менѣе относится къ комедіи гораздо благосклоннѣе; хотя онъ и называетъ ее только «карикатурой въ разговорахъ» и утверждаетъ, что «ея дѣйствіе не ново, несбыточно и невѣроятно» (стр. 138), что «въ ней нѣтъ ни одного благороднаго лица» и проч., — но въ то же время признаетъ въ пьесѣ «много ума, веселости, истинно-смѣшного, удачно схваченнаго». По его словамъ, «выведенныя въ ней лица представлены такъ живо, рѣзко и натурально, что ее смотришь и перечитываешь всегда съ новымъ удовольствіемъ, сердясь на автора, что онъ написалъ только одну комедію, да и ту безъ значительной обработки» (стр. 137), что «вся комедія изобилуетъ блестками ума и комизма» (стр. 139) и что изъ этихъ матеріаловъ можно было бы составить не одну, а нѣсколько пьесъ.— *Во всякомъ случаѣ это мнѣніе выражено гораздо болѣе добросовѣстно и замѣтно отличается отъ предыдущаго.* (См. «Сѣверная Пчела» 1836 г., № 98, стр. 340). Итакъ, самые непримиримые враги Гоголя были собственно Сенковскій и Булгаринъ. Недаромъ о послѣднемъ сказалъ Бѣлинскій, что «Булгарину не суждено самою судьбой ни въ чемъ сталкиваться съ Гоголемъ» (т. VI, 426). Аполлонъ Григорьевъ называетъ это яростное предубѣжденіе Булгарина противъ Гоголя просто idée fixe. (Сочин., т. I, стр. 605).

[2]) «Сѣверная Пчела», 1836, № 98, стр. 340.

[3]) Тамъ же, 1836, № 97, стр. 385, ср. Сужденія литератора въ «Театральномъ Разъѣздѣ» (соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 485—486).

старается доказать, что въ пьесѣ все неправдоподобно, что чиновники и помѣщики представлены величайшими плутами и дураками, что такихъ кокетокъ, какъ дочь и жена городничаго, нельзя будто бы или трудно найти, что весь городъ хуже Содома и Гоморры и что совершенно непонятно, какимъ чудомъ этотъ городишка, въ которомъ нѣтъ честной души, можетъ держаться на земномъ шарѣ, когда ни хищные волки, ни лисицы не могутъ жить въ обществѣ. При пересказѣ содержанія пьесы всюду расточаются невыгодныя будто бы для автора и для самой комедіи выраженія: „*повѣса* думаетъ“ (сказано о Хлестаковѣ), Хлестаковъ „*начинаетъ нести околесную*“, Хлестаковъ бранится или, лучше сказать, ругается и проч. Вообще заключеніе критика таково: авторъ основалъ свою пьесу не на сходствѣ или правдоподобіи, но на невѣроятности и несбыточности; все дѣйствіе до того будто бы неимовѣрно, что „точь въ точь на Сандвичевыхъ островахъ, во времена капитана Кука!“

Далѣе Булгаринъ поучаетъ Гоголя, что и взятки берутся въ сущности не такъ, какъ онъ это изображаетъ: „Проѣзжайте“ — говоритъ онъ — „всю Россію вдоль и поперекъ, и вы не услышите слова *взятки. Берутъ — но умно, даютъ еще умнѣе.* Берутъ взаймы безъ расписки или на расписку, а расписку раздираютъ тихомолкомъ — за имениннымъ пирогомъ и т. п. Дарятъ вещи женѣ, но такъ, что догадаться нельзя“[1]). Не въ правѣ ли Гоголь былъ эти замѣчанія пародировать въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ слѣдующимъ образомъ: „и вретъ онъ, вретъ: все это, что̀ ни написалъ онъ, все враки. И взятки не такъ берутъ, если уже на то пошло“[2]). Наконецъ, Булгаринъ, подобно критику „Библіотеки для Чтенія“, упрекаетъ Гоголя въ нечистотѣ языка, въ примѣси малороссійскихъ выраженій, а также неупотребительныхъ въ хорошемъ обществѣ, напр.: „супъ воняетъ“, „чай воняетъ рыбой“, „ковыряетъ въ зубахъ“ и проч., и также возвѣщаетъ, что Гоголь „только писатель съ дарованіемъ, отъ котораго мы надѣемся много хорошаго, если литературный кругъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ, и который

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1836, № 98, стр. 390, ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 508.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 508.

имѣетъ крайнюю нужду въ талантахъ, его не захвалитъ"[1]). Однимъ словомъ, сказавъ по необходимости двѣ-три похвалы, онъ спѣшитъ ихъ заслонить осужденіями, подобно тому,

[1]) Въ этой злобѣ Булгарина противъ Гоголя особенно противной представляется его готовность клеветать на писателя, уже тогда, когда Гоголь лежалъ въ могилѣ. Съ какой-то позорной поспѣшностью онъ торопился написать о Гоголѣ два письма (а можетъ-быть и болѣе) съ разнаго рода инсинуаціями: одно изъ нихъ было адресовано извѣстному ученому и усердному составителю пасхалій, П. В. Хавскому, и помѣщено въ «Русской Старинѣ» (1872—73), другое сохранилось въ копіи въ бумагахъ покойнаго Краевскаго и недавно напечатано въ «Кіевской Старинѣ», 1893 г., V, 321—322). Въ послѣднемъ такъ же, какъ и въ статьѣ по поводу «Ревизора», проводится мысль, что «партія литературная взяла Гоголя подъ знамя *для униженія другихъ писателей*, и еще прибавлена клевета о томъ, что Гоголя будто бы принялъ подъ свое покровительство по выходѣ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» кн. В. П. Кочубей и что раньше Гоголь обращался къ нему, Булгарину, и черезъ него «получилъ казенное мѣсто съ жалованьемъ» (стр. 321) и въ честь его писалъ стихи, до такой степени будто бы льстивые, что Булгарину совѣстно о нихъ даже вспоминать. Такія же сплетни, безъ сомнѣнія, при случаѣ распускалъ Булгаринъ и при жизни Гоголя, и вотъ почему, вѣроятно, Колбасинъ въ своей книгѣ «Литературные дѣятели прежняго времени» (стр. 269) передаетъ о невѣроятномъ заискиваніи Гоголя передъ Булгаринымъ, а позднѣе тотъ же абсурдъ съ явнымъ злорадствомъ подхватилъ пасквилянтъ Герсевановъ; сопоставляя эти двѣ версіи одной и той же сплетни, мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ слѣдующимъ противорѣчіемъ: по одной изъ нихъ выходитъ, что Гоголь обязанъ былъ полученнымъ мѣстомъ въ департаментѣ протекціи Булгарина, тогда какъ по другой Гоголь долженъ былъ обратиться къ послѣднему уже послѣ знакомства съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, и непремѣнно тайно отъ Пушкина.

Вся эта исторія, мелочная и позорная, не заслуживала бы упоминанія, если бы она не приподнимала завѣсу съ нѣкоторыхъ закулисныхъ тайнъ тогдашняго журнальнаго міра. Извѣстно, что Гречъ былъ объявленъ сначала оффиціальнымъ редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», тогда какъ въ сущности журналомъ завѣдывалъ Сенковскій и имя Греча, какъ выразился Гоголь въ своей статьѣ «О движеніи журнальной литературы», было «выставлено только для формы». Тѣмъ не менѣе статьей Гоголя были сильно задѣты оба эти писателя и могли дѣйствовать потомъ противъ него сообща, что̀ не трудно допустить въ виду заслуженной обоими печальной литературной репутаціи. Но любопытно, что еще незадолго передъ разборомъ «Ревизора», въ третьей книжкѣ «Библіотеки» былъ напечатанъ такой отзывъ о «Миргородѣ», о которомъ авторъ «Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы» основательно говоритъ, что, прочитавъ его, «самый недовѣрчивый читатель согласится, что эта рецензія въ благосклонномъ тонѣ». Но не дальше, какъ черезъ два мѣсяца въ 5 номерѣ «Библіотеки» того же года, тотъ же авторъ продолжаетъ разборъ «Ревизора» совершенно въ другомъ родѣ (стр. 73), при чемъ брань доходитъ до такой рѣзкости, что Полевой, въ свою очередь не очень любившій Гоголя, счелъ себя вынужденнымъ отклонить отъ себя подозрѣніе, что статья написана имъ... Всѣ эти факты, кажется, достаточно краснорѣчивы.

какъ поступилъ изображенный Гоголемъ въ „Портретѣ“ Чертковъ при взглядѣ на картину превзошедшаго его искусствомъ художника[1])...

Оба разобранные нами отзыва о „Ревизорѣ“ оказались настолько явно пристрастными и возмутительно несправедливыми, что слѣдующія рецензіи и статьи не могли уже не имѣть ихъ въ виду и не возражать имъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Критикъ „Молвы“ писалъ: „Напрасно хулили „Ревизора“ въ печатныхъ листахъ, это не подѣйствовало. Прошелъ уже золотой вѣкъ журналистики, когда издатели, злоупотребляя правомъ книгопечатанія, давали послушной публикѣ свои законы чернильные“ [2]). „Получайте ваши деньги, и забавляйте насъ, но не замышляйте на насъ дѣйствовать. Публика не мѣшаетъ никому заниматься своимъ промысломъ, если этотъ промыселъ терпимъ въ обществѣ, но не приметъ и не раздѣлитъ вашихъ мнѣній, не продастъ своего образа мыслей за подписную цѣну ассигнаціями. Разсказывайте анекдоты, острите, по крайнему вашему разумѣнію, и полно: будетъ съ васъ!“ [3]). Собственное же мнѣніе о Гоголѣ журналъ высказалъ особенно въ слѣдующемъ выраженіи: „Его оригинальный взглядъ на вещи, его умѣнье схватывать черты характеровъ, налагаютъ на него печать типизма, его неистощимый юморъ — все это даетъ право надѣяться, что театръ скоро воскреснетъ“ [4]).

Вскорѣ явились новые и чрезвычайно любопытные отзывы въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и „Современникѣ“. Послѣдній журналъ, какъ извѣстно, выходилъ всего четыре раза въ годъ, и потому не могъ не запоздать нѣсколько отзывомъ, но зато онъ не столько даже останавливается непосредственно на выясненіи положительныхъ достоинствъ піесы, сколько опровергаетъ сужденія Булгариныхъ и Сенковскихъ. Критикъ (кн. Вяземскій) въ началѣ своего разбора смѣло ставитъ „Ревизора“ рядомъ съ „Бригадиромъ“ и „Недорослемъ“, „Ябедой“ и „Горемъ отъ ума“[5]) и обращаетъ вни-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 61.

2) «Молва», 1836, 251—252.

3) Тамъ же, 253.

4) «Молва», 1836, XXXII, № 8, ч. XI, 209—211.

5) На осужденіе этой мысли противной партіей Гоголь намекаетъ слѣдующими

маніе на замѣчательный успѣхъ, который она имѣла на сценѣ („общее вниманіе зрителей, рукоплесканія, задушевный и единогласный хохотъ, вызовъ автора послѣ двухъ первыхъ представленій, жадность публики къ послѣдовавшимъ представленіямъ) и, что̀ всего важнѣе, живой отголосокъ ея, раздававшійся въ повсемѣстныхъ разговорахъ“ [1]). Критикъ, вѣроятно, имѣя въ виду тогдашнія обычныя злоупотребленія печатнымъ словомъ въ такихъ органахъ, какъ „Сѣверная Пчела“ и „Библіотека для Чтенія“, а также слишкомъ распространенныя ошибочныя сужденія рецензентовъ, готовъ отдать рѣшительное преимущество мнѣніямъ просто образованной публики передъ сужденіями присяжныхъ литераторовъ и журналистовъ. Успѣхъ „Ревизора“, по словамъ критика, долженъ быть признанъ блистательнымъ, а слишкомъ ревностныхъ порицателей піесы, по его мнѣнію, слѣдовало бы спросить: „знаютъ ли они хотя одно литературное твореніе, которое вышло бы совершеннымъ изъ рукъ творца своего?“ [2]). Далѣе критикъ обращается къ нападеніямъ на „Ревизора“, которыя онъ подробно разбираетъ, раздѣляя на три отдѣла: нападенія литературнаго, нравственнаго и общественнаго характера. Прежде всего онъ говоритъ о нападеніяхъ литературныхъ: „Нѣкоторые находятъ, что „Ревизоръ“ не комедія, а фарса [3]) (sic). Дѣло не въ названіи: можно написать геніальную фарсу и пошлую комедію“.

словами въ „Театральномъ Разъѣздѣ“: „его чуть не въ Фонвизины суютъ“ (Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 486).

[1]) «Современникъ», 1836, т. II, стр. 287.

[2]) «Современникъ», 1836, т. II, стр. 288.

[3]) По поводу толковъ о томъ, представляетъ ли собою «Ревизоръ» только фарсъ, а не высокую комедію, отмѣтимъ между прочимъ курьезъ. Переводчикъ «Ревизора» на нѣмецкій языкъ, г. Видертъ, сообщалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» уже въ 1854 г. (№ 86), что когда онъ прочелъ комедію въ своемъ переводѣ извѣстному Фарнгагену фонъ-Энзе и спросилъ его мнѣніе о ней, то послѣдній замѣтилъ, что это остроумнѣйшій фарсъ въ мірѣ и что одна берлинская барышня очень жалѣла, что Хлестаковъ не женился на Марьѣ Антоновнѣ; барышнямъ же понравилась особенно сцена между Добчинскимъ и Бобчинскимъ. Но въ то же время Фарнгагенъ сообщалъ, что отъ комедіи пришелъ въ восторгъ актеръ Дёрингъ, особенно заинтересовавшійся ролью городничаго и утверждавшій, что *ни одинъ современный поэтъ германскій не умѣетъ такъ писать для сцены, какъ Гоголь*. Съ своей стороны Фарнгагенъ жалѣлъ, что Гете не успѣлъ познакомиться съ «Ревизоромъ». Кстати: странно, что С. И. Пономаревъ въ сво-

Непосредственно послѣ этого опровергается сравненіе „Ревизора“ съ „Продѣлками Скапена“, и дѣлается весьма мѣткое и язвительное замѣчаніе: „Разумѣется, „Ревизоръ“ *не высокая* комедія въ смыслѣ „Мизантропа“ или „Тартюфа“: тутъ не выводятся на сцену лица придворныя, ни даже гостиныя“[1]). Справедливо затѣмъ указывается на то, что „Ревизоръ“ „не карикатура и не фарсъ, но, что въ „Ревизорѣ“ есть карикатурная природа: это дѣло другое. Въ природѣ не все изящно, но въ подражаніи природѣ неизящной можетъ быть изящность въ художественномъ отношеніи“, и что „за исключеніемъ паденія Бобчинскаго и двери, нѣтъ одной минуты, сбивающейся на фарсу“. Затѣмъ слѣдуютъ возраженія противъ упорной щепетильности критиковъ въ языкѣ, во вкусѣ ложно-классическихъ традицій, противъ обвиненій въ томъ, что въ піесѣ нѣтъ добродѣтельныхъ лицъ, что въ „Ревизорѣ“ нѣтъ ни одного Добролюбова, хотя бы для примѣра. „Согласны; но вотъ маленькая оговорка: когда играли „Недоросля“ при императрицѣ и передъ публикой, то немилосердно сокращали благородныя роли Стародума и Милона, потому что онѣ скучны и неумѣстны, сохранялись же въ неотъемлемой цѣлости низкія роли Скотинина, Простаковыхъ, Кутейкина, несмотря на нравы ихъ вовсе неизящные и на языкъ ихъ вовсе не *академическій*“[2]). Но особенно пришлось бороться противъ такихъ мелочныхъ нападеній, какъ, наприм., будто городничій не могъ принять Хлестакова за ревизора, потому что раньше онъ спросилъ бы у него подорожную, на что приходилось объяснить, что городничій могъ, даже спросивъ подорожную, предположить существованіе другой, нарочно выданной въ виду инкогнито и особенно, что „авторъ въ этомъ случаѣ помнилъ болѣе психологическую пословицу, чѣмъ полицейскій порядокъ“[3]); пришлось даже привести дѣйствительный случай, подобный описанному въ „Ревизорѣ“: „По сходству фамилій приняли одного молодого проѣзжаго за извѣстнаго государственнаго чиновника. Все городское начальство засуетилось и пріѣхало

смъ образцовомъ указателѣ статей о Гоголѣ впалъ въ ошибку, говоря, будто въ статьѣ Видерта рѣчь идетъ объ отзывѣ французскаго журнала — вмѣсто: нѣмецкаго.

Тамъ же, стр. 220.

2 «Современникъ», 1836, II, 292.

3) Тамъ же, стр. 293—294.

къ молодому человѣку *являться*"[1]). — Относительно языка дѣйствующихъ лицъ снова сдѣлано весьма справедливое и мѣткое замѣчаніе, что „тутъ авторъ не суфлеръ дѣйствующихъ лицъ, не онъ подсказываетъ свои выраженія: авторъ — стенографъ"[2]). Но особенно хорошо слѣдующее возраженіе Булгарину: „трудно и угодить на литературныхъ словолововъ. У котораго-то уши покраснѣли отъ выраженій: „супъ воняетъ", „чай воняетъ рыбой". Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что̀ скажетъ или не скажетъ лакей? Неужели писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія въ употребленіи? Такъ, — если онъ описываетъ лакейскую сцену; но иначе къ чему же? Напримѣръ, Осипъ въ „Ревизорѣ" говоритъ чисто лакейскимъ языкомъ, лакея въ немъ слышимъ деревенскаго, который прожилъ нѣсколько въ столицѣ"[3]). „Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ:* жеманство, чопорность, щепетильность, оговорки, отличительные признаки людей — не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество"[4]). Нѣсколько далѣе кн. Вяземскій еще сильнѣе поражаетъ Булгарина, говоря: „смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области, но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, *неуроженцу, или не получившему гражданства въ ней,* толковать о правахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что̀ вамъ за нее рыцарствовать? Эта область сама умѣетъ стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣйствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ „Ревизора", а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ"[5]). — Всѣ предыдущія замѣчанія касались болѣе или менѣе литературной стороны комедіи; отъ нихъ кн. Вяземскій, согласно предположенному плану, переходитъ къ нападеніямъ, касающимся вопросовъ нравственности. Критикъ возражаетъ про-

---

[1]) Стр. 294—295.

[2]) Стр. 295.

[3]) «Современникъ», 1836, т. II, стр. 296.

[4]) Тамъ же.

[5]) Стр. 297. Впослѣдствіи подобныя мысли высказывались гр. М. Ю. Віельгорскимъ и другими; ср. у Бѣлинскаго, т. VI, стр. 512.

тивъ узкаго взгляда на художественныя произведенія, по которому послѣднія должны будто бы заключать въ себѣ дешевую мораль; подобныя произведенія онъ причисляетъ къ литературѣ для малолѣтнихъ; возмущается лицемѣрнымъ негодованіемъ на то, что въ піесѣ нѣтъ ни одного добродѣтельнаго человѣка, и тонко возражаетъ: „вы и въ театрѣ не можете просидѣть двухъ часовъ, безъ того, чтобы не явился герой добродѣтели! да помилуйте въ жизни и въ свѣтѣ не два часа просидишь иногда безъ благороднаго, утѣшительнаго сочувствія“ [1]). Между тѣмъ отсутствіе въ пьесѣ добродѣтельныхъ лицъ не препятствуетъ благотворительному нравственному дѣйствію пьесы, такъ какъ никто, конечно, изъ зрителей „Ревизора“ не пожелалъ бы походить на какое-либо изъ выведенныхъ въ немъ дѣйствующихъ лицъ“.

Въ заключеніе авторъ статьи разбираетъ „*общественныя*“ замѣчанія о „Ревизорѣ“ — о томъ, что будто комедія представляетъ собою клевету на русское общество, что такого города нѣтъ, въ которомъ былъ бы такой подборъ чиновниковъ и проч. Кн. Вяземскій отмѣчаетъ, съ одной стороны, явное преувеличеніе въ сужденіяхъ противниковъ „Ревизора“, вслѣдствіе котораго Хлестаковъ и другія дѣйствующія лица оказываются будто бы негодяями, а не просто вѣтренниками, или нечистыми на руку чиновниками, а съ другой — отнюдь не соглашается признать въ сюжетѣ автора оскорбленіе народнаго честолюбія и утверждаетъ, что такъ какъ, безспорно, лица, подобныя изображеннымъ въ „Ревизорѣ“, существовали въ тогдашнемъ обществѣ, то этого совершенно достаточно для автора, и всякіе дальнѣйшіе вопросы о томъ, гдѣ и въ какомъ именно городѣ и мѣстности Россіи могло происходить дѣйствіе, онъ считаетъ совершенно праздными и несправедливыми. Вообще вся статья Вяземскаго, при замѣчательной простотѣ и естественности аргументаціи и прекрасномъ литературномъ изложеніи, отличается полной убѣдительностью въ глазахъ каждаго безпристрастнаго человѣка. Въ этой же статьѣ мы находимъ сдѣланное мимоходомъ замѣчаніе о критикѣ „Московскаго Наблюдателя“, на которомъ мы слегка остановимся, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію самой этой критики. Сущность замѣчанія въ томъ, что,

---

[1]) Стр. 299.

если, по мнѣнію Вяземскаго, журнальная критика стояла тогда слишкомъ невысоко и потому „съ журналами спорить нельзя“, то, съ другой стороны, встрѣчаются исключенія, и и къ этимъ-то пріятнымъ исключеніямъ именно и причисляетъ онъ статью „Московскаго Наблюдателя“. Эта послѣдняя статья принадлежала Андросову и вышла мѣсяцемъ раньше критики кн. Вяземскаго; но въ Петербургѣ книжка московскаго журнала была, конечно, получена нѣсколько позднѣе выхода, и разстояніе по времени между обѣими статьями еще значительно сокращается, принимая притомъ въ соображеніе время, необходимое для напечатанія. Все это показываетъ, какъ заинтересована была публика и литература пьесой Гоголя, и какъ каждый отзывъ о ней подвергался, въ свою очередь, дальнѣйшему суду и разбору. Статья „Московскаго Наблюдателя“ также написана, *очевидно,* въ виду рецензій Сенковскаго и Булгарина, хотя въ ней нѣтъ на это такихъ прямыхъ указаній. Критикъ начинаетъ съ разъясненія различія между высокой комедіей и фарсомъ[1]), между осмѣяніемъ общественныхъ недостатковъ и личныхъ слабостей, между смѣхомъ, который несетъ съ собою урокъ и готовитъ „казнь или угрозу“[2]), и смѣхомъ пустымъ и безцѣльнымъ. Всѣ эти разъясненія были необходимы автору для того, чтобы вывести, что „это отрывокъ изъ жизни, повторяемый сценой“[3]), что въ „Ревизорѣ“ „важна истина идеи, истина внутренняя“[4]). Критикъ признаетъ полное правдоподобіе содержанія комедіи: „станьте на первомъ перекресткѣ, и вотъ потянется передъ вами нескончаемая перспектива этихъ Бобчинскихъ, Добчинскихъ, Земляникъ, Андреевичей, Аммосовичей, купцовъ съ кулечками и подносиками и проч. и проч. Тутъ критику не зачѣмъ ломать головы надъ придумками: стань и смотри!“[5]). Также опровергаетъ Андросовъ и другое обвиненіе ретроградной критики, будто сюжетъ „Ревизора“ избитъ и не новъ: „люди такъ много и во всемъ ошибались, что весьма

---

1) «Московскій Наблюдатель», 1836, ч. VII, стр. 121.

2) Тамъ же.

3) Стр. 126.

4) Стр. 128.

5) Стр. 130.

уже трудно найти новую ошибку, изъ которой можно было бы сдѣлать что-нибудь новое въ комедіи"[1]).

Любопытенъ далѣе сравнительно позднѣйшій отзывъ о „Ревизорѣ" Полевого, появившійся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ началѣ 1842 г. Полевой не имѣлъ никакихъ личныхъ неудовольствій противъ Гоголя и прежде относился сочувственно къ его произведеніямъ, за исключеніемъ, конечно, одного „Ганца Кюхельгартена"; но онъ, оцѣнивъ по достоинству раннія произведенія Гоголя, не сумѣлъ понять именно самыхъ капитальныхъ созданій его пера. Полевой признаетъ въ Гоголѣ несомнѣнное дарованіе и соглашается, что „такія созданія не легко писать"[2]); что для нихъ надобно дарованіе, надобно родиться для нихъ; онъ даже не доволенъ придирчивостью журнальной критики къ этой комедіи; но при всемъ томъ ему также представляется, будто друзья дурно вліяютъ на Гоголя своими похвалами и напрасно черезчуръ раздуваютъ его литературную репутацію; въ „Ревизорѣ" онъ видитъ также „только фарсъ и не замѣчаетъ въ немъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни опредѣленныхъ характеровъ". Причину предполагаемаго въ Гоголѣ упадка литературнаго таланта Полевой, согласно съ Гречемъ и Сенковскимъ, видитъ именно въ похвалахъ друзей. Онъ находитъ, что съ „Ревизоромъ" обошлись несправедливо: „Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никогда въ немъ не ошибается, но несправедливы всѣ и судьи, и записные критики. Одни вздумали разбирать „Ревизора" по правиламъ драмы, чопорно оскорбились его шутками и языкомъ и сравняли его съ грязью. Другіе, напр. мнимые друзья, назвали Гоголя своимъ и расхвалили". Обвинять за такія сужденія критика, какъ вѣрно замѣчаетъ Н. Г. Чернышевскій, было бы несправедливо, такъ какъ „это все равно, что обвинять почитателя „Русской сказки о тяжбѣ ерша съ лещемъ" за то, что онъ не понимаетъ Гамлета и не восхищается „Каменнымъ Гостемъ" Пушкина. Онъ не понимаетъ этихъ произведеній — только; что̀ же прикажите съ нимъ дѣлать? Такова степень его эстетическаго развитія"[3]).

---

1) Стр. 128.

2) «Русскій Вѣстникъ», 1842, VI, стр. 33.

3) «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», стр. 35. Ср. у Бѣлин-

Дѣйствительно, Полевому возражали и печатно упрекали его за отзывъ о „Ревизорѣ", но онъ упорно стоялъ на своемъ: „Пусть меня бранятъ," говорилъ онъ, „но я скажу, что въ такихъ-то случаяхъ и *важенъ высокій взглядъ*, критика и сужденіе повыше *жартованія* Гоголевскаго „*гусака* Ивана Никифоровича" [1]). Это мнѣніе о ничтожествѣ Гоголевскаго жартованія было высказано уже послѣ того, какъ въ томъ же журналѣ за годъ передъ тѣмъ справедливо разъяснялось, что „Горе отъ ума" и „Ревизоръ"—двѣ пьесы, принадлежащія въ Москвѣ къ такого рода явленіямъ, которыя возбуждаютъ много и много думъ во всякомъ мыслящемъ любителѣ театра. Эти комедіи суть творческія произведенія; эти лица суть дѣйствительно живыя лица, и дѣйствіе взято изъ міра близкаго, знакомаго, повседневнаго, такъ сказать. Это послѣднее обстоятельство служитъ лучшимъ отвѣтомъ на возраженіе тѣхъ, которые говорятъ, что комедія Гоголя есть будто бы фарсъ высокаго комическаго таланта, но не живое, реальное созданіе, что такихъ людей въ наше время нѣтъ; всякая карикатура на сценѣ выкажется еще болѣе, нежели въ чтеніи; изъ карикатурнаго лица актеръ ничего не можетъ сдѣлать безъ фарсовъ, а комедія Гоголя, напротивъ, при фарсахъ становится скучна" [2]).

И долго еще ставили произведенія Гоголя ниже какихъ-нибудь пустыхъ водевильчиковъ; напр. въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" за 1848 г. читаемъ о пьесахъ актера Григорьева II: „Посмотрите на его лица — это живые люди, съ маковки до головы (sic) русскіе, проникнутые духомъ нашей жизни насквозь; это чисто Гоголевскіе герои, за исключеніемъ карикатурности и преувеличеній, которыхъ Григорьевъ въ нихъ не допускаетъ" [3]). И въ другомъ мѣстѣ: „...Къ чести и достоинству г. Григорьева II должно отнести то, что онъ, приближаясь къ натурѣ Гоголя, отвергъ не только карикатуру, но еще устранилъ другой весьма важный недостатокъ своего образца. Рядомъ съ этими типами, весьма

скаго объ оцѣнкѣ Полевымъ «Ревизора», т. III, 104, 105; IV, 27—32, 42, 52, 277; V, 355, X, 157, 158, 160 и 162.

[1]) «Реперт. русской сцены», 1840, I, Исторія русскаго театра, стр. 12.

[2]) «Репертуаръ русской сцены», 1839, II, Отчетъ о московскомъ театрѣ за первое полугодіе, стр. 18.

[3]) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1848 г. іюнь, VI, стр. 9.

неутѣшительными, но, къ несчастью, не рѣдкими, онъ ставитъ лица, на которыхъ душа отрадно отдыхаетъ отъ непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ первыми“ [1]).

Замѣчательно, между прочимъ, что этотъ отзывъ явился уже тогда, когда талантъ Гоголя завоевывалъ себѣ съ каждымъ днемъ все болѣе широкое и единодушное признаніе. До какой степени быстро совершались въ этомъ отношеніи перемѣны, можно судить между прочимъ по отзывамъ о Гоголѣ тѣхъ же самыхъ органовъ въ 1842 г. Такъ, въ сороковыхъ годахъ мы находимъ сначала не всегда выгодные отзывы о Гоголѣ въ журналѣ „Репертуаръ и Пантеонъ“, именно о „Женитьбѣ“ (1842). Менѣе, нежели черезъ годъ, находимъ совершенно иной отзывъ объ его пьесахъ (1843, 6) а въ 1846г. тотъ же журналъ называлъ его уже *нашъ великій Гоголь* (1846, 6, „Театральная лѣтопись“, 46), а въ другой разъ, забывая о прошломъ, разсуждалъ такимъ образомъ: „Вѣдь у насъ до тѣхъ поръ не признаютъ великаго таланта, пока онъ не переведенъ на чужой языкъ, какъ Гоголь, или пока о немъ не прокричали, pour le moins, толстые журналы“ („Репертуаръ и Пантеонъ“ 1846, 6, „Театральная лѣтопись“, стр. 90 [2]).

Впослѣдствіи одно время появился обычай ставить наскоро комедіи Гоголя, когда приходилось внезапно замѣнять назначенныя пьесы. По этому поводу „Репертуаръ и Пантеонъ“ однажды замѣчаетъ: „Мы, однако, утѣшились тѣмъ, что замѣнявшаяся пьеса былъ не какой-нибудь водевиль, а произведеніе геніальнаго Гоголя, гдѣ такъ широко выказалось его дарованіе. Зная почти всего „Ревизора“ наизусть, мы давно не видали его на сценѣ, и многихъ актеровъ видѣли въ ней въ первый разъ. Что пьеса Гоголя сдѣлалась какъ бы подставкою, — это отчасти справедливо, и дирекція должна быть увѣрена, что пьеса разучена твердо и пойдетъ лучше другихъ; притомъ, какъ произведеніе народное и любимое публикой, конечно, всегда будетъ принята съ удовольствіемъ. Предъ „Ревизоромъ“ и послѣ него шли какіе-то

---

[1]) Тамъ же, стр. 10—11; въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1843, Фельетонъ стр. 14 «Ревизоръ», названъ уже въ числѣ любимыхъ русскихъ драматическихъ произведеній.

[2]) Также сочувственный отзывъ о «Ревизорѣ» — см. въ «Репертуарѣ и Панетонѣ», 1845, II, «Театральная Лѣтопись», стр. 52.

фарсы, самые пошлые и нелѣпые, но публика такъ же смѣялась и хлопала, какъ въ „Ревизорѣ", — если еще не больше"[1]). Понятны причины такого отношенія публики къ безсмертнымъ пьесамъ Гоголя: во-первыхъ, ея неразвитость и, во-вторыхъ — небрежность администраціи, ставившей эти пьесы наскоро и для замѣны другихъ. Такъ было въ столицахъ, а въ провинціи подобная непростительная небрежность замѣчалась и не въ очень давнее время, и нерѣдко театральныя хроники на это жаловались; напр.: „Пьеса „Ревизоръ" ставится у насъ (въ Казани) небрежно, безъ соблюденія даже указаній автора на постановку, и отъ этого публика принимала „Ревизора" холодно"[2]). Нѣкоторыя пьесы Гоголя, какъ напр. „Лакейская", еще въ шестидесятыхъ годахъ давались для съѣзда публики, хотя уже „Женитьба" пріобрѣла особенную популярность на любительскихъ спектакляхъ[3]).

Мало-по-малу все чаще стали появляться на сценѣ пьесы съ ролями, въ которыхъ, очевидно, было явное подражаніе Гоголю. Назовемъ нѣсколько примѣровъ. Въ пьесѣ Кони, „Петербургскій театръ", указывали подражаніе роли Осипа[4]); другое подражаніе, также роли Осипа, было въ пьесѣ П. А. С. „Сбритая борода", вопреки нашей пословицѣ: „Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ"[5]); подражаніе женѣ городничаго усматривали въ „Петербургскихъ Квартирахъ"[6]). Успѣхъ „Ревизора" вызвалъ, наконецъ, и такія подражанія, какъ, напр., пьеса „Настоящій Ревизоръ" Цицiанова. Любопытно, что подобныя пародіи невольно вызвали многія другія капитальныя пьесы, напр. было подражаніе „Недорослю" („Новый Недоросль") и „Горю отъ ума". Послѣднее про-

---

1) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1845, т. XII, «Театральная Лѣтопись», 52.

2) «Муз. и Театр. Вѣстникъ», 1858, 190. — Однажды въ послѣднемъ дѣйствіи «Ревизора», въ нѣмой сценѣ, дѣйствующія лица были освѣщены бенгальскимъ огнемъ (!!). «Муз. и Театр. Вѣстникъ», 1858, 598.

3) См. «Сочиненія и переводы» Баженова, т. I, стр. 263 и 396; ср. также 578, 787 и др.

4) «Репертуаръ русской сцены», 1840 г., 2, «Русскій театръ въ Москвѣ и Петербургѣ», стр. 6.

5) «Репертуаръ русской сцены», 1841 г., «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», стр. 2.

6) Тамъ же, 1841 г., «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», стр. 7.

изведенie, кромѣ извѣстнаго сочиненія Е. И. Растопчиной „Возвращеніе Чацкаго въ Москву“, вызвало еще „Утро послѣ бала Фамусова“[1]). Статья „Репертуара“ написана по случаю возобновленія на александринской сценѣ комедіи Гоголя, поводомъ къ которому послужилъ пріѣздъ изъ Москвы на гастроли М. С. Щепкина. Были даны „Ревизоръ“, „Женитьба“ и „Тяжба“. Критикъ отмѣчаетъ въ началѣ статьи успѣхъ въ литературномъ развитіи общества, еще недавно отдававшаго явное предпочтеніе блестящимъ Аммалатъ-бекамъ передъ грубыми Ляпкиными-Тяпкиными и Собакевичами. Главное достоинство въ пьесахъ Гоголя, по словамъ критика, въ ихъ глубокомъ внутреннемъ теченіи, что онъ своими комическими типами возбуждаетъ не смѣхъ, а горе. По словамъ критика, комедія Гоголя не относится къ такъ-называемымъ комедіямъ характернымъ, въ которыхъ изображалась бы одна какая-нибудь страсть; его характеры обрисовываются съ перваго шага и не раскрываются въ пьесахъ постепенно и правильно“[2]); только въ „Игрокахъ“ зритель до послѣдней минуты не догадывается о дѣйствительномъ положеніи дѣла и не вполнѣ предвидитъ исходъ пьесы. Въ частности о Хлестаковѣ критикъ замѣчаетъ, что его роль кажется ему вполнѣ правдоподобной, но при всемъ томъ, по его мнѣнію, „впечатлѣніе было бы гораздо полнѣе, если бы Хлестакову было придано болѣе осторожности и меньше школьничества“.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше признавалось значеніе произведеній Гоголя, такъ рѣзко осужденныхъ нѣкоторыми критиками, которые, по словамъ Бѣлинскаго, „со слезами на глазахъ и съ бранью на устахъ клянутся публикѣ, что это писатель безъ таланта, безъ вкуса, что онъ не знаетъ грамматики, тогда какъ они — первые грамотеи; что онъ рисуетъ одну грязь, тогда какъ они изображаютъ одну добродѣтель и благонамѣренность, которыми преисполнены ихъ сердца. Но публика ихъ не слушаетъ, сочиненій ихъ не читаетъ, а преслѣдуемый ими авторъ какъ будто и не подозрѣваетъ ихъ существованія, идя своей дорогой и не замѣчая ихъ воплей“[3]). Нынѣ литературное значеніе „Ревизора“

---

[1]) См. соч. Бѣлинскаго, т. IX, стр. 213.

[2]) «Отеч. Записки», 1849 г., т. 67, отд. 8, стр. 129.

[3]) Соч. Бѣл., т. X, 56, тамъ же 48 и 124.

выяснилось вполнѣ и давно всѣми признано; если и раздаются изрѣдка враждебные голоса, то они не имѣютъ уже никакого значенія и представляютъ исключительно интересъ курьеза. Такъ, еще въ семидесятыхъ годахъ г. Авсѣенко, подписывавшій свои статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ иниціаломъ А., съ комической важностью доказывалъ, будто бы Гоголь уронилъ нашъ театръ[1]), а вскорѣ въ газетѣ „S.-Petersburger Zeitung“[2]) неизвѣстнымъ авторомъ высказана была мысль, будто бы критика незаслуженно превознесла „Ревизора“, который представляетъ-де только фотографическій снимокъ съ современныхъ ему нравовъ и потому, не будучи серьезной комедіей, никакъ не можетъ идти въ уровень, напр., съ „Горемъ отъ ума“[3]). Но послѣдняя статья любопытна свѣдѣніями о первомъ спектаклѣ „Ревизора“, которыя мы сообщили выше[4]).

Самыми замѣчательными критическими статьями, вызванными появленіемъ „Ревизора“, были, разумѣется, статья, помѣщенная въ газетѣ „Молва“, издававшейся при „Московскомъ Наблюдателѣ“, и знаменитый разборъ Бѣлинскаго въ его статьѣ о „Горѣ отъ ума“[6]). Первая изъ этихъ статей вмѣстѣ съ критиками Бѣлинскаго и Вяземскаго составляютъ до настоящаго времени самые блестящіе образцы написаннаго о „Ревизорѣ“, но каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую заслугу и свое самостоятельное значеніе. Бѣлинскій, какъ извѣстно, предполагалъ собственно впослѣдствіи посвятить рядъ статей обстоятельному анализу всѣхъ произведеній Гоголя[5]), подобно тому, какъ онъ успѣлъ это сдѣлать относительно сочиненій Пушкина, а пока высказался о „Ревизорѣ“ лишь мимоходомъ, по случаю, для сравненія его съ „Горемъ отъ ума“ и разъясненія въ послѣдней пьесѣ недостатка дѣйствія, такъ какъ въ ней „всѣ говорятъ и никто ничего не дѣлаетъ“. Но во всякомъ случаѣ Бѣлинскій и

---

1) «Русскій Вѣстникъ», 1874 и «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1874 г., № 316.

2) 1875, № 224.

3) Впрочемъ тотъ же авторъ говорилъ: „Gogol zeichnete keine Karikaturen, wie Referent ihn selbst sagen hörte“.

4) См. стр. 32.

5) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 457, VI, 405, 548 (примѣч.), VII, 205 и 224.

6) О статьѣ Бѣлинскаго, какъ слишкомъ извѣстной, мы говорить здѣсь не будемъ.

здѣсь достаточно остановился на выясненіи идеи комедіи, строгой послѣдовательности въ ней развитія драматическаго дѣйствія, наконецъ значенія комическихъ характеровъ и отдѣльныхъ комическихъ мѣстъ. Заслуга же критической статьи въ „Молвѣ“ заключается въ томъ, что она впервые разъяснила „внутреннюю сторону, подкладку „Ревизора“ и освѣтила значеніе гоголевскаго смѣха“. Статья въ „Молвѣ“ предшествовала статьѣ Бѣлинскаго, котораго она удовлетворила въ высшей степени, до того, что Бѣлинскій, во время возникшей потомъ полемики прямо заявлялъ: „Мнѣ было бы очень пріятно подписать свое имя подъ обѣими этими статьями, но долгъ справедливости повелѣваетъ мнѣ отклонить отъ себя незаслуженную честь“ [1]). Во взглядахъ на комедію Бѣлинскій и критикъ „Молвы“ сходятся самымъ существеннымъ образомъ. Въ числѣ достоинствъ „Ревизора“ неизвѣстный авторъ статьи въ „Молвѣ“, умѣвшій вполнѣ опредѣлить и оцѣнить выдающееся значеніе комедіи, указываетъ „оригинальный взглядъ Гоголя на вещи, его умѣнье схватывать черты характеровъ, налагать на нихъ печать типизма, его неистощимый юморъ“. Въ виду всего этого критикъ выражалъ надежду, что „театръ нашъ воскреснетъ, скажемъ болѣе, что мы будемъ имѣть свой *національный театръ*, который будетъ насъ угощать не насильственными кривляньями на чужой манеръ, не заемнымъ остроуміемъ, не уродливыми передѣлками, а художественнымъ представленіемъ нашей общественной жизни; что мы будемъ хлопать не восковымъ фигурамъ съ размалеванными лицами, а живымъ созданіямъ съ лицами оригинальными, которыхъ, увидѣвши разъ, никогда нельзя забыть“ [2]). Сущность отзыва остается, конечно, такою же и у Бѣлинскаго, который говоритъ о „Ревизорѣ“, что, это больше, нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походитъ на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походитъ сама на себя, ибо все это художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности“ [3]) и что „талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной не-

---

[1]) Тамъ же, стр. 265.

[2]) «Молва», 1836, ч. XI, 209—210.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 384.

обходимости“ [1]). Впрочемъ подробно останавливаться на указаніи высокаго литературнаго значенія критической статьи въ „Молвѣ“ намъ нѣтъ надобности, такъ какъ она обстоятельно разобрана въ прекрасной статьѣ Н. С. Тихонравова: „Первое представленіе „Ревизора“ на московской сценѣ“ [2]); достаточно сказать, что она замѣчательна своимъ глубокимъ пониманіемъ дѣла, неопровержимо доказаннымъ между прочимъ фактомъ полнѣйшаго совпаденія основной ея мысли съ взглядомъ самого Гоголя на сценическое исполненіе его пьесы, судя по недавно найденному „Предувѣдомленію для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ „Ревизора“ [3]). Но авторъ статьи въ „Молвѣ“ оказался не только проницательнымъ и тонкимъ критикомъ, онъ также близко зналъ всѣ отношенія къ дѣлу оффиціальныхъ представителей московскаго театра и былъ посвященъ въ сѣть закулисныхъ интригъ, которыя онъ и бичуетъ съ безпощадностью справедливаго негодованія. Нельзя не пожалѣть, что имя автора статьи остается нераскрытымъ, а также, что Гоголь, торопясь за-границу, едва ли могъ успѣть познакомиться съ этой прекрасной статьей и оцѣнить по достоинству своего „читателя-друга“, возвысившаго свой голосъ въ его пользу прежде другихъ, и именно въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, готовилась торжествовать злобная клика его противниковъ. Критикъ „Молвы“ выступаетъ одинаково энергическимъ защитникомъ нашего писателя противъ враговъ его какъ въ журналистикѣ, такъ и за кулисами. По нашему мнѣнію, статья его имѣетъ то преимущество передъ критикой князя Вяземскаго, что въ то время, какъ послѣдній ограничивался только искуснымъ отраженіемъ нападокъ Булгарина и Сенковскаго, критикомъ „Молвы“ кромѣ того съ осязательностью несомнѣнной истины разъясняются достоинства пьесы, какъ разъ противоположныя тѣмъ злобнымъ обвиненіямъ, которыя имѣли претензію заслонить ихъ въ глазахъ легковѣрной публики. Въ то время, какъ Булгаринъ и Сенковскій съ подозрительнымъ единомысліемъ, точно сговорившись, пустились распространять сочиненную клевету, кри-

---

[1]) Тамъ же, стр. 396.

[2]) «Русская Мысль», 1886, V.

[3]) См. «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова.

тикъ „Молвы“ смѣло опрокинулъ ихъ коварные доводы. Напротивъ онъ утверждалъ, что „комедія Гоголя должна быть хороша, потому что въ Петербургѣ обратила на себя просвѣщенное вниманіе и *не понравилась только двоимъ,* т.-е. гг. Сенковскому и Булгарину, *покровителямъ посредственности,* литераторамъ занемогающимъ чужими успѣхами“, а въ Москвѣ „полученные экземпляры „Ревизора“ перечитаны, зачитаны, выучены, превратились въ пословицы и пошли гулять по людямъ, обернулись эпиграммами и начали клеймить тѣхъ, къ кому придутся. Имена дѣйствующихъ лицъ „Ревизора“ обратились на другой день въ собственныя названія: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, городничіе, Земляники, Тяпкины Ляпкины пошли подъ руку съ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Чацкимъ, Простаковыми. И все это такъ скоро, еще до представленія сдѣлалось. Посмотрите они, эти господа и госпожи, гуляютъ по Тверскому бульвару, въ паркѣ, по городу, и вездѣ, вездѣ, гдѣ есть десятокъ народу, между ними навѣрно одинъ выходитъ изъ комедіи Гоголя... Отчего жъ это? Кто вдвинулъ это созданіе въ жизнь дѣйствительную? Кто такъ сроднилъ его съ нами? Кто подтвердилъ эти прозванія, эти фразы, эти обороты смѣшные и неловкіе? Кто? Это сдѣлали два великіе, два первые дѣятеля: *талантъ автора и современность произведенія.* То и другое дали ему успѣхъ блистательный; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, то и другое оскорбили безталанность и ложное въ понятіяхъ, снабдили автора врагами, завистниками, клеветниками на все готовыми. Напрасно Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ и г. профессоръ Осипъ Ивановичъ Сенковскій, уцѣпясь за „Ревизора“ съ перваго явленія, потащили его на плаху своихъ литературныхъ сужденій; напрасно, печатно и *письменно,* увѣряли они, что это созданіе допотопное, нелѣпое, баснословное; напрасно въ числѣ доказательствъ божились, что „Горе отъ ума“ Грибоѣдова... хуже „Недовольныхъ“ Загоскина, а „Ревизоръ“ хуже „Горя отъ ума“, — все было напрасно. — „Ревизоръ“ сталъ встряхнулся и разбрелся по всѣмъ закоулкамъ Москвы“[1]). — Намъ въ настоящее время нелегко, конечно, распутать тотъ сложный узелъ литературныхъ интригъ, которыя, будучи напра-

---

[1]) «Молва», 1836, т. XI, 251—252.

влены нѣкогда противъ Гоголя, связали какой-то непонятной связью Сенковскаго и Булгарина съ Загоскинымъ, но несомнѣнно одно, — что, въ силу ли естественнаго взаимнаго притяженія родственныхъ элементовъ, или еще по инымъ причинамъ, въ походѣ противъ творца „Ревизора" оказались въ качествѣ сплоченной враждебной силы люди разныхъ жизненныхъ условій и общественныхъ положеній, но пользовавшіеся одинаково насмѣшливымъ пренебреженіемъ Гоголя.

Раздраженный, въ свою очередь, статьей Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834—1835 г." Сенковскій, изобрѣтая способы мести, не пропускалъ ничего, что̀ бы могло унизить и оклеветать Гоголя и, можетъ быть, онъ безъ задней мысли повредить ему столкнулъ въ своемъ отзывѣ комедію „Ревизоръ" и „Недовольныхъ" Загоскина. Хотя сдѣлать такое нелѣпое сравненіе могло ему внушить и просто извѣстное его отсутствіе литературнаго вкуса, но вообще закулисныя литературныя интриги играли тогда такую значительную роль, что дальнѣйшее временное сотрудничество Загоскина въ нападеніяхъ на Гоголя и Бѣлинскаго является подозрительнымъ: намъ кажется, что Загоскинъ вовсе не былъ такимъ негодяемъ, чтобы попасть въ клику „Сѣверной Пчелы" и „Библіотеки для Чтенія" — иначе какъ случайнымъ образомъ. Когда, какъ говоритъ Н. С. Тихонравовъ, „въ защиту Загоскина, кліента „Библіотеки для Чтенія", появилось въ „Сѣверной Пчелѣ" письмо изъ Москвы на имя редакторовъ этой газеты, то причиной этого было едва ли не то, что Загоскинъ былъ втянутъ въ эту некрасивую компанію ея заступничествомъ за него. Критикъ „Молвы" поднялъ перчатку, брошенную Сенковскимъ при тенденціозномъ сравненіи комедіи Загоскина и Гоголя („У г. Загоскина была идея и хорошая идея, у г. Гоголя идеи нѣтъ никакой" [1]). Вооружившись противъ небрежной постановки Загоскинымъ „Ревизора" на Московской сценѣ и его самоуправнымъ отстраненіемъ Щепкина, критикъ „Молвы" затронулъ и литературное самолюбіе Загоскина, чѣмъ невольно натолкнулъ послѣдняго на мысль искать защиты у Сенковскаго и Булгарина. „Съ тупымъ равнодушіемъ" — говоритъ Н. С. Тихонравовъ — „если не съ затаеннымъ нерасположеніемъ, от-

---

[1]) «Библіотека для Чтенія», 1836, т. XVI, отд. I, стр. 42.

неслись представители московской дирекціи къ постановкѣ „Ревизора“ на сцену; они могли здѣсь дѣйствовать, не стѣсняясь: самъ творецъ комедіи не присутствовалъ на репетиціяхъ“ [1]). Но намъ кажется, что едва ли былъ какой злостный подвохъ со стороны собственно Загоскина; вѣрнѣе, какъ говоритъ вслѣдъ затѣмъ тотъ же Н. С. Тихонравовъ, „воспитанный на французской комедіи, Загоскинъ не могъ понять „Ревизора“ [2]). Иначе зачѣмъ было бы ему звать Гоголя въ Москву и обѣщать доставить ему возможность, въ случаѣ его пріѣзда сдѣлать по его желанію, да и Щепкинъ ни раньше, ни послѣ представленія не вызсказывалъ никакихъ подозрѣній насчетъ Загоскина, но напротивъ увѣрялъ, что „со стороны Загоскина непріятностей и быть не можетъ“ [3]). Полагаю поэтому, что стачки у Сенковскаго и Булгарина съ Загоскинымъ быть не могло, и что если въ ихъ послѣдовавшемъ и явно обнаруживавшемся потомъ сближеніи была съ чьей-нибудь стороны преднамѣренность, то развѣ въ искусномъ привлеченіи первыми къ своему сонмищу Загоскина, какъ человѣка способнаго повредить Гоголю. Въ томъ же, что Сенковскій и Булгаринъ практиковали всѣ доступные ихъ злобѣ способы въ своемъ походѣ противъ Гоголя, это ясно доказывается прозрачными намеками, вылетавшими при перекрестномъ огнѣ возникшей полемики. Критику „Молвы“ напримѣръ были несомнѣнно хорошо извѣстны какъ театральныя, такъ и литературныя интриги противъ Гоголя: онъ прямо указываетъ не только на печатныя, но и *письменныя* клеветы противъ него и его пьесы; онъ смѣло и, разумѣется, не безъ основанія, рѣшается бросать въ лицо своимъ противникамъ упреки въ позорномъ промыслѣ, обличаемомъ въ такихъ выраженіяхъ: „получайте ваши деньги, если этотъ промыселъ терпимъ въ обществѣ“ [4]). Но надо признаться, что не всегда можно одобрить мелочные и раздражительные упреки, выходящіе даже отъ той стороны, которую по существу нельзя не признать безусловно правою; напр. рядомъ съ извѣстнымъ намъ выраженіемъ справедливаго негодованія критикъ „Молвы“ въ сильномъ порывѣ

[1]) «Русская Мысль», 1886, V, 99.

[2]) Тамъ же, стр. 99—100.

[3]) Тамъ же, стр. 85.

[4]) «Молва», 1836, т. XI, стр. 252—253.

гнѣва позволяетъ себѣ не совсѣмъ приличное поношеніе національности, къ которой принадлежали его противники, хотя никакая національность не можетъ быть отвѣтственна за подобныхъ выродковъ. Намекъ слишкомъ ясенъ — тамъ, гдѣ Булгаринъ и Сенковскій названы людьми раздражительными, припадочными (?!), какъ всѣ ихъ соотечественники". Негодованіе же Загоскина, безъ сомнѣнія, вспыхнуло послѣ того, какъ онъ былъ задѣтъ за живое статьей „Молвы", обличившей его навязчивое вмѣшательство въ постановку пьесы и одновременно уязвившей его авторское самолюбіе. Человѣкъ не далекій и вспыльчивый, Загоскинъ бросился искать виновника обиды и вообразилъ его въ Бѣлинскомъ, вѣроятно на томъ не хитромъ основаніи, что Бѣлинскій, въ противоположность Сенковскому, отнесся съ осужденіемъ къ его комедіи: по мнѣнію Загоскина, причиной такого отзыва должно быть недоброжелательство, и вотъ въ „Сѣверной Пчелѣ" явилось письмо на имя редакторовъ „титулярнаго совѣтника Ивана Евдокимова сына Покровскаго", обрушившагося на Бѣлинскаго. Но здѣсь полемика отвлекается отъ Гоголя, и потому мы за ней слѣдить дальше не станемъ.

Отъ обзора критическихъ статей о комедіяхъ Гоголя обратимся къ свѣдѣніямъ объ исполненіи ихъ на сценѣ, предварительно замѣтивъ, что критикъ „Молвы" упрекалъ современныхъ Гоголю артистовъ за скороговорку: „Повѣрьте" — говорилъ — „нигдѣ и никогда, въ уѣздномъ городѣ, нѣтъ той быстроты въ дѣйствіяхъ, словахъ, поступкахъ: тамъ никто не торопится жить, потому что жизнь тамъ безцвѣтна, тянется однообразно. Кто же тамъ станетъ торопиться жить? Медленность, эта напрасная трата времени, есть тамъ наслажденіе, потому что этого времени слишкомъ много для провинціи" [2]).

---

[1]) «Молва», 1836, т. XI, стр. 254.
[2]) «Молва», 1836, т. XI, 262.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КОМЕДІИ ГОГОЛЯ НА СЦЕНѢ.

Что̀ касается исполненія главной роли въ «Ревизорѣ», роли городничаго то самыми лучшими были именно первые исполнители ея — М. С. Щепкинъ и И. И. Сосницкій. Извѣстно, чѣмъ была для перваго вообще вся пьеса «Ревизоръ». Когда Гоголь въ сороковыхъ годахъ, отуманенный своими позднѣйшими мистическими соображеніями, сталъ въ «Развязкѣ Ревизора» уже заднимъ числомъ и крайне натянутымъ образомъ истолковывать въ аллегорическомъ смыслѣ значеніе своей пьесы, то эта неожиданность непріятно поразила М. С. Щепкина и тяжело отозвалась въ его душѣ. Тутъ-то выяснилось, насколько Щепкину дорога была эта комедія и особенно его роль. «Прочтя ваше окончаніе «Ревизора» — съ досадою писалъ онъ Гоголю, — «я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героевъ «Ревизора», какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ родного, я такъ свыкся съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы ихъ мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это де не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки; это люди настоящіе, живые, люди, между которыми я взросъ и почти состарился. Видите ли, какое давнее знакомство! Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этимъ въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите отнять ихъ у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ, не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ, а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ»[1]).

Обращаясь къ исполненію Щепкинымъ роли городничаго, мы должны прежде всего отмѣтить, что по общему, единогласному признанію онъ создалъ эту роль и не имѣлъ въ ней соперниковъ за исключеніемъ, и то лишь отчасти, другого даровитаго современнаго ему актера Сосницкаго, талантливое исполненіе которымъ роли городничаго Гоголь цѣнилъ высоко[2]). Въ подробномъ

---

1) Записки и письма М. С. Щепкина, стр. 190 — 191. Эти слова М. С. Щепкина представляютъ отвѣтъ на слѣдующія строки письма къ нему И. И. Сосницкаго: «Женитьбу» ты раньше осени не получишь: Николай Васильевичъ ее взялъ передѣлать... Обѣщалъ передѣлать всю совсѣмъ. Я ему далъ нѣкоторыя смѣшныя идеи — объ обычаяхъ купеческихъ невѣстъ. Онъ беретъ комедію и мѣсяца черезъ два ее вышлетъ». (Соч. Гог., изд. X, т. II, 696).

2) См. письмо Гоголя къ Сосницкому о «Ревизорѣ» 1846 года («Русская Старина», 1872, т. VI, № 10, стр. 442—444 и «Историч. Вѣстникъ», 1894, IV, 109).

разборѣ игры Сквозника-Дмухановскаго въ статьѣ Аполлона Григорьева отмѣчены всѣ наиболѣе замѣчательные моменты игры маститаго артиста уже въ послѣднее время его служенія искусству. Извѣстно, что уже съ начала пятидесятыхъ годовъ силы стали замѣтно измѣнять Щепкину, а въ шестидесятыхъ иногда даже грустно бывало видѣть слабые остатки былого величія; но тѣмъ не менѣе Щепкинъ всегда оставался художникомъ съ ногъ до головы, до самой своей кончины, и если менѣе счастливыя позднѣйшія поколѣнія могли жалѣть о томъ, что не видали его въ полномъ расцвѣтѣ силъ, когда о немъ не безъ основанія говорили и думали, что сыграть что-нибудь не хорошо онъ просто не въ состояніи, то до самаго конца во всѣхъ его интонаціяхъ и жестахъ чувствовался великій художникъ, надъ которымъ время властно единственно въ смыслѣ нѣкотораго ослабленія его бодрости и энергіи. Глядя на игру Щепкина въ Сквозникѣ-Дмухановскомъ, Ап. Григорьевъ пришелъ къ заключенію, что «городничій въ полномъ смыслѣ отлитъ заразъ Щепкинымъ»[1]), т.-е. въ игрѣ Щепкина особенно бросалось въ глаза именно то великое преимущество, котораго, какъ увидимъ, явно не доставало въ роли Хлестакова даже Шумскому. Необыкновенно естественно разсказывалъ Щепкинъ о видѣнныхъ во снѣ двухъ крысахъ; чрезвычайно искренно завидовалъ Ляпкину-Тяпкину въ томъ, что уѣздному суду самъ Богъ покровительствуетъ и что никто туда не заглядываетъ, и энергично упрекалъ собесѣдника въ вольнодумствѣ. Замѣчательно искусно передавалъ онъ также трусость растерявшагося городничаго въ сценѣ съ Хлестаковымъ, величался передъ купцами и волновался при чтеніи письма Хлестакова. Общее заключеніе Ап. Григорьева объ игрѣ Щепкина въ роли городничаго было таково: «Неподдѣльный паѳосъ, одушевляющій комика, заставляетъ зрителя забывать даже, что средства начинаютъ измѣнять артисту, хотя нельзя, конечно, совершенно скрыть отъ себя это обстоятельство, съ которымъ соединяется печальный вопросъ: кто для Москвы можетъ замѣнить въ этой роли М. С. Щепкина?[2])».

Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ Д. В. Аверкіевъ, по своимъ воспоминаніямъ, такъ сравнивалъ въ роли городничаго Щепкина съ Сосницкимъ: «оба артиста», говорилъ онъ, «играли одинаково превосходно, различіе же въ исполненіи зависѣло въ сильной степени отъ самаго рода дарованія обоихъ: одинъ (Щепкинъ) былъ по преимуществу комикъ, способности другого (Сосницкаго) опредѣлились такъ называемымъ амплуа большихъ характерныхъ ролей. У одного городничій выходилъ простоватѣе, трусливѣе, и тамъ, гдѣ былъ просторъ комической ярости и злости, напр., въ пятомъ актѣ, Щепкинъ дѣлалъ чудеса; у Сосницкаго городничій выходилъ сдержаннѣе,

---

1) «Москвитянинъ», 1852 г., VIII, отдѣлъ 7, стр. 144.—О Щепкинѣ въ роли городничаго см. также въ «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ», 1859, 150; но въ «Пантеонѣ», (1852, 6, Московскій Вѣстникъ), — о томъ, что въ послѣдніе годы Щепкинъ слишкомъ устарѣлъ. О П. М. Садовскомъ въ роли городничаго см. «Зарю», 1870, VII, 160. Нѣкоторое вниманіе обращаетъ на себя слѣдующая замѣтка въ «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ»: г. Колюбакинъ (любитель въ Рязани) — «актеръ по прозванію; его амплуа-комическое: мы видѣли въ немъ такого городничаго, какого еще не бывало на рязанской сценѣ» («Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, стр. 170).

2) Тамъ же.

болѣе себѣ на умѣ; самое плутовство его было, такъ сказать, обработаннѣе, не являлось какъ бы естественной принадлежностью лица, а походило на вещь, пріобрѣтенную долгимъ опытомъ»[1]). Сходное мнѣніе высказано было г. П. Ковалевскимъ въ «Русской Мысли»: «Щепкинъ и по южному своему темпераменту, и по дикціи, по фигурѣ, голосу и по всей своей школѣ, чисто бытовой, далъ городничаго совсѣмъ русскаго — плотоядпаго пролаза и шельму, съ грубоватой внѣшностью провинціальнаго мелкаго чиновника, умѣющаго отлично гнуть въ бараній рогъ низшихъ себя и пресмыкаться предъ высшими; Сосницкій, сложившійся по типамъ французской комедіи въ передѣлкахъ ва псевдорусскіе нравы Хмельницкаго и просто въ переводахъ, имѣлъ внѣшность болѣе общую — подвижнаго и тонкаго, но холоднаго плута, голосъ и характеръ мягкостелющей лисы, отъ которой жестко спится. Каждый по-своему былъ превосходенъ. Конечно, Щепкинъ былъ болѣе типичный, какъ сказано, русскій темный человѣкъ, темный на все, кромѣ умѣнія обойти, кого захочетъ. Въ послѣднее время Самаринъ давалъ нѣкоторое понятіе о городничемъ — Сосницкомъ, съ которымъ онъ вообще былъ болѣе другихъ родственъ по голосу и дикціи. Щепкинъ умѣлъ найти одну-двѣ ноты почти трагическія въ своей роли. Такъ слова: «не погубите! жена, дѣти!»... произносились имъ со слезами въ голосѣ, съ самымъ несчастнымъ выраженіемъ въ лицѣ и съ дрожаніемъ подбородка, такъ что, казалось, вотъ-вотъ онъ сейчасъ расплачется. И этотъ плутъ на минуту дѣлался жалокъ. У Сосницкаго онъ былъ скорѣе забавенъ, какъ попавшійся въ западню тотъ хитрый звѣрь, на котораго онъ былъ похожъ. И по тѣлосложенію оба артиста не были похожи. Щепкинъ былъ приземистый, съ широкимъ лицомъ; Сосницкій — высокій, съ чертами продолговатыми, тонкими, оплывшими только въ глубокой старости»[2]). Изъ современныхъ отзывовъ о Щепкинѣ, какъ исполнителѣ роли городничаго, укажемъ не разъ цитированную нами статью въ «Молвѣ» о «Ревизорѣ», гдѣ лучшими сценами признаны слѣдующія: распоряженія къ принятію ревизора, сцена съ купцами и мечтанія съ женой въ послѣднемъ актѣ[3]). Во всякомъ случаѣ, если Щепкинъ и имѣлъ до нѣкоторой степени соперника въ Сосницкомъ, то несомнѣнно, что ему удавалось превосходно создать роль городничаго и довести ее до такого совершенства, что впослѣдствіи трудно было даже талантливымъ и опытнымъ артистамъ не только итти дальше (что̀ по сію пору никому еще не было по силамъ), но хотя бы сколько-нибудь сравниться съ нимъ. Въ его собственномъ исполненіи былъ съ самаго начала также изумительный прогрессъ, и самъ Гоголь очень скоро оцѣнилъ умную и добросовѣстную работу артиста надъ своимъ талантомъ вообще и надъ одной изъ наиболѣе излюбленныхъ имъ ролей — ролью городничаго. Уже въ концѣ 1842 г. онъ писалъ Щепкину: «Вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь; вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только-что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много и который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1872 г., № 146.
[2]) «Русская Мысль», 1886, V, Современное искусство, 181.
[3]) «Молва», 1836, т. XI, 261.

есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было; вы теперь можете царствовать въ вашей роли, тогда какъ прежде вы все еще какъ-то метались» [1]).

По словамъ Аверкіева, послѣ того какъ Щепкинъ и Сосницкій сошли со сцены, всѣмъ преемникамъ ихъ приходилось только выбирать, кому изъ двухъ образцовъ слѣдовать. И это замѣчаніе касается не однихъ только второстепенныхъ артистовъ.

Когда во время послѣдней болѣзни Щепкина роль городничаго была передана Пр. Мих. Садовскому, то любители театра имѣли поводъ вдвойнѣ горевать о такой замѣнѣ; мало того, что этотъ геніальный артистъ оказался совершенно не на мѣстѣ и, опасаясь копировать Щепкина, сдѣлалъ рѣшительно безцвѣтной свою роль, причемъ особенно тяжело было зрителямъ видѣть, какъ Садовскій чувствовалъ самъ какую-то неловкость и стѣсненіе; но что было всего болѣе обидно и жаль — пропадало безукоризненное, образцовое исполненіе роли Осипа [2]), которое въ Щепкинскія времена всегда лежало на Садовскомъ. И дѣйствительно, въ роли Осипа Садовскій стоялъ на недосягаемой высотѣ: лучшаго Осипа нельзя было ни ожидать, ни представить себѣ, и Аполлонъ Григорьевъ, только-что говорившій въ своей статьѣ съ горячимъ увлеченіемъ о мастерской игрѣ Щепкина, признавался, что «когда на сценѣ Осипъ — все живетъ передъ вами, а безъ него какъ будто пусто, и вѣрится даже, что онъ и за сценой, и тогда, когда его нѣтъ передъ вашими глазами, такъ же живетъ и дѣйствуетъ. Иголочки нельзя подпустить подъ эту маску — того и гляди, коснешься живого тѣла: такъ срослась маска съ тѣломъ. Осипъ заслоняетъ остальное, заслоняетъ даже, когда онъ на сценѣ, и городничаго [3])». Садовскій превосходилъ въ данномъ случаѣ Щепкина и тѣмъ, что въ игрѣ послѣдняго были еще слегка замѣтны слѣды нѣкоторой работы, желанія сказать что-нибудь въ виду собравшейся публики, тогда какъ Садовскій какъ будто совершенно перерождался въ Осипа: онъ каждымъ взглядомъ и жестомъ передавалъ неподражаемо настроеніе Осипа, напр., его досаду на барина въ извѣстномъ монологѣ, и такъ чистилъ съ подплевываньемъ и на отмашь барскіе сапоги, что уже всѣмъ зрителямъ было ясно, насколько онъ раздосадованъ и озлобленъ; его донесеніе о прибытіи къ господину городничаго, его радость щамъ и кашѣ послѣ продолжительнаго голода и въ высшей степени естественное

---

[1]) «Сочиненія и письма Гоголя», т. V, стр. 506. См. также соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 576 и «Русская Старина», 1886, V, 438.

[2]) Изъ петербургскихъ артистовъ роль Осипа въ серединѣ сороковыхъ годовъ недурно исполнялъ Громовъ. («Репертуаръ и Пантеонъ», 1846 г., 5, стр. 304); также Аѳанасьевъ, въ репертуарѣ котораго роль Осипа была лучшею («Репертуаръ и Пантеонъ», 1842, VII, 68); о немъ же въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1843, стр. 233 и «Русская Старина», 1886, VI, 701. Въ Москвѣ же послѣ П. М. Садовскаго самымъ лучшимъ Осипомъ былъ Орловъ, о которомъ въ этой роли Бѣлинскій отзывался, что его игра была просто «чудо совершенства» и что «Орловъ въ этой роли превзошелъ самого себя». (Соч. Бѣлинскаго, т. II, 576, 568). — Объ Аѳанасьевѣ, какъ хорошемъ исполнителѣ въ «Ревизорѣ» см. въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1843, IV, Матеріалы для исторіи русскаго театра, стр. 110. О Воротниковѣ въ роли Осипа см. у Бѣлинскаго, т. II, стр. 582 (онъ «былъ принятъ въ ней очень холодно»). О Садовскомъ въ роли Осипа см. «Русскую Старину», 1886, VI, стр. 701.

[3]) «Москвитянинъ», 1852, VIII, отд. 7, стр. 151.

уговариваніе барина уѣхать изъ города — все это было въ полномъ смыслѣ слова торжествомъ сценическаго искусства. По словамъ Баженова, въ роли Осипа, «въ его взглядахъ, жестахъ, вздохахъ, хныканьяхъ, положеніяхъ видѣлась зрителямъ цѣлая драма»[1]). Г. Ковалевскій въ цитированной выше статьѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли», припоминаетъ также о томъ, какъ, лежа на барской кровати, Осипъ — Садовскій, разсказавъ о «продававшихся за полцѣны на толкучкѣ новенькихъ фрачкахъ барина, переворачивался лицомъ къ стѣнѣ и, махнувъ съ отчаяніемъ рукой, выразительно произносилъ: «а о брюкахъ и говорить нечего, — задаромъ идутъ!»[2]).

Въ 1867 г. въ роли городничаго выступилъ на сценѣ московскаго Малаго театра новый исполнитель, извѣстный любимецъ московской публики, И. В. Самаринъ. Пьеса давалась въ бенефисъ артиста Ѳедотова, но все вниманіе зрительной залы было приковано къ новому городничему. Хотя для постоянныхъ посѣтителей театра оказалось немного новаго въ игрѣ покойнаго артиста, въ виду очевиднаго, ярко замѣтнаго подражанія его игрѣ Щепкина, тѣмъ не менѣе, начиная съ этого вечера, во весь промежутокъ времени, когда роль городничаго исполнялась Самаринымъ, публика выносила изъ стѣнъ Малаго театра высокое художественное наслажденіе. Умный артистъ понялъ, что послѣ такого образцоваго исполненія, какъ Щепкинское, нельзя уже удержаться на высотѣ первоклассной игры, пробивая новый путь на свой рискъ. Здѣсь была существенная разница въ условіяхъ съ Садовскимъ: послѣдній игралъ при жизни Щепкина и не желалъ являться копіей съ живого еще оригинала; Садовскій, быть можетъ, даже излишне избѣгалъ, гдѣ только можно, сходства со Щепкинымъ въ пріемахъ и манерѣ игры, — и отъ такого стѣсненія, какъ мы говорили, получалось впечатлѣніе не выгодное для великаго артиста. Выступивъ *послѣ смерти* Щепкина, Самаринъ рѣшился итти просто по его стопамъ и сохранять оставленное своимъ предшественникомъ славное преданіе, подобно тому, какъ сохраняются лучшія традиціи искусства на заграничныхъ сценахъ. Правда, въ началѣ пьесы онъ еще не совсѣмъ вошелъ въ роль, являясь слишкомъ повелительнымъ и строгимъ въ обращеніи съ тѣми самыми подчиненными, вмѣстѣ съ которыми онъ такъ часто совершалъ разныя плутни, а теперь откровенно совѣщался, какъ избыть общее съ ними горе. Но чѣмъ дальше, тѣмъ исполненіе Самарина становилось все лучше и совершеннѣй, и только трудныя мѣста a part меньше удавались ему, нежели Щепкину.

Несомнѣнно, что главной причиной частныхъ a part городничаго было желаніе автора облегчить актерамъ трудную роль Хлестакова и вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько возможно, больше раскрыть внутреннее состояніе обоихъ дѣйствующихъ лицъ во время діалога. Но приподнимая одну чашку вѣсовъ, великій художникъ, быть можетъ, нѣсколько обременилъ въ то же время другую. Мы, конечно, не беремъ на себя смѣлость высказывать въ данномъ случаѣ какія-либо рѣшительныя сужденія; этотъ вопросъ касается всего ближе исполнителей-артистовъ, и въ данномъ случаѣ именно ихъ голосъ имѣетъ первостепенное значеніе. Но мы имѣемъ въ виду, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Сочиненія и переводы Баженова, т, 1, стр. 777.

[2]) «Русская Мысль», 1886, V, Современное искусство, 183; о немъ же «Русская Старина», 1886, VI, 701.

весьма извѣстный примѣръ исполненія роли городничаго А. Ѳ. Писемскимъ въ Москвѣ въ 1860 г. на публичномъ спектаклѣ въ пользу литературнаго фонда[1]). Эти-то частныя a part городничаго послужили камнемъ преткновенія для нашего писателя, любившаго выступать на благородныхъ спектакляхъ именно въ Гоголевскихъ роляхъ и уже въ 1856 году гордившагося тѣмъ, что онъ переигралъ почти всѣ эти роли[2]). И вотъ, послѣ неоднократнаго шумнаго успѣха, слава Писемскаго, какъ актера, померкла, и хотя онъ неоднократно выступалъ и позднѣе на подмосткахъ и однажды даже въ собственной пьесѣ: «Горькая Судьбина» — въ главной роли Ананія, — публика привѣтствовала его уже только по чувству деликатности, больше какъ автора пьесы, нежели какъ искуснаго актера[3]). Неудачу Писемскаго въ «Ревизорѣ» П. В. Анненковъ объясняетъ тѣмъ, что «Писемскій всегда счастливо находилъ одну вѣрную ноту въ предоставленной ему роли и по ней создавалъ все лицо исключительно, пренебрегая всѣми другими оттѣнками ея»[4]). Весьма любопытно то, что Анненковъ передаетъ также, какъ, отстаивая свою манеру исполненія городничаго, Писемскій былъ увлеченъ однажды самолюбіемъ до того, что, въ противность всѣмъ положительнымъ даннымъ, рѣшился утверждать, будто бы Гоголь писалъ «Ревизора» не для сцены, — на что присутствовавшій при спорѣ знаменитый комикъ Мартыновъ, его хорошій пріятель, возразилъ ему, что напротивъ подобныя a part представляютъ чрезвычайно благодарную задачу для исполнителя и значительно облегчаютъ игру.

II.

Обратимся къ обзору исполненія другой главнѣйшей роли въ «Ревизорѣ» — къ роли Хлестакова. На петербургской сценѣ эта роль была поручена въ первый разъ талантливому артисту Дюру, имѣвшему въ ней нѣкоторый успѣхъ, но совершенно не удовлетворившему автора. Неудачное исполненіе роли Хлестакова Дюромъ заставило глубоко призадуматься Гоголя. «Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль. Это тяжело и ядовито досадно»[5]), съ горечью говорилъ онъ въ письмѣ къ одному литератору. Тутъ же во время самаго представленія рѣшилъ Гоголь передѣлать свою пьесу и много думалъ потомъ, какъ сдѣлать эту роль болѣе живою и удобною для художественнаго воспроизведенія. Мы уже говорили выше, что онъ еще до постановки «Ревизора» на сцену спрашивалъ у своего знакомаго Н. Д. Бѣлозерскаго, не знаетъ ли послѣдній, гдѣ находится даровитый провинціальный актеръ Соленикъ, (принадлежавшій къ кочующей труппѣ Штейна), о которомъ Гоголь

---

[1]) Эти же a part въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ представляли большое затрудненіе для петербургскаго артиста г. Нильскаго, а нѣкоторые даже полагаютъ, что они вообще «составляютъ слабую сторону сценическаго діалога въ «Ревизорѣ» («Порядокъ», 1881 г., № 35). Нильскій въ роли городничаго слишкомъ сбивался на жёнъ-премье и впадалъ въ водевильный тонъ.

[2]) «Отечественныя Записки», 1855 г., X, отд. 3, стр. 57.

[3]) Сочиненія и переводы Баженова, т. I, стр. 395 и «Библіотека для Чтенія», 1864 г., 2, стр. 42. Это было тѣмъ удивительнѣе, что Писемскій, какъ говорятъ, мастерски читалъ роль Ананія. («Вѣстникъ Европы», 1882 г., IV, стр. 556).

[4]) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., IV, 634, примѣчаніе.

[5]) «Сочиненія Гоголя», изд. X, т. II, стр. 287.

отзывался, что это «рѣшительно комическій талантъ» [1]). Позднѣе онъ еще болѣе убѣдился въ необходимости избрать для роли Хлестакова непремѣнно артиста съ «обширнымъ» и «положительнымъ» талантомъ, признавая ее труднѣйшей во всей пьесѣ [2]).

Такой же взглядъ на роль Хлестакова высказывался много разъ по разнымъ поводамъ и въ разныхъ концахъ Россіи театральными критиками и рецензентами. Прежде всего укажемъ слѣдующія слова С. Т. Аксакова въ его «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ»: «Эта пьеса» («Ревизоръ») игралась и теперь играется въ Москвѣ довольно хорошо, кромѣ Хлестакова, роль котораго *труднѣе всѣхъ*. Гоголь всегда мнѣ жаловался, что не находитъ актера для этой роли, что отъ того пьеса теряетъ смыслъ и скорѣе должна называться «Городничій», чѣмъ «Ревизоръ» [3]). Но тутъ же впрочемъ оговорено въ выноскѣ, что не задолго до своей смерти Гоголь остался доволенъ въ этой роли Шумскимъ [4]). То же, что̀ говорилъ С. Т. Аксаковъ, подтверждается слѣдующими словами Бѣлинскаго о роли Хлестакова: «Къ сожалѣнію, это лицо понятно меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ» [5]). Бѣлинскій былъ сравнительно больше доволенъ въ роли Хлестакова Самаринымъ: «г. Самаринъ дебютировалъ (13 апрѣля 1838 г.) въ роли Хлестакова. Онъ подаетъ большія надежды для этой роли, только ему нужно привыкнуть къ ней. Но пока мы еще не видѣли настоящаго Хлестакова: лицо, манеры и тонъ г. Самарина слишкомъ умны и благородны для роли Хлестакова, и, по этой причинѣ, онъ, не будучи въ состояніи выполнять ее субъективно, еще не возвысился до ея объективнаго пониманія и изученія» [6]). Въ другомъ мѣстѣ онъ снова говоритъ: «Жаль только, что нѣтъ у насъ актера для роли Хлестакова. Ее играютъ въ Москвѣ два артиста: гг. Самаринъ и Ленскій; первый имѣетъ превосходство надъ послѣднимъ въ дарованіи, но наружность второго больше идетъ къ роли. Для Хлестакова г. Самарину необходимо значительно измѣниться, по крайней мѣрѣ, въ своихъ пріемахъ. Мы увѣрены, что г. Самаринъ выработался бы для этой роли, и мы скоро увидѣли бы на нашей сценѣ роль Хлестакова, выполняемую съ талантомъ. Г. Ленскій на этотъ разъ дѣлалъ такіе фарсы, что портилъ ходъ всей пьесы» [7]). Все это было писано въ 1838, но въ 1843 Бѣлинскій снова повторяетъ: «для роли Хлестакова не нашлось актера въ обѣихъ столицахъ нашихъ» [8]). Черезъ нѣсколько времени въ «Пантеонѣ» находимъ такой отзывъ обо всѣхъ этихъ артистахъ въ роли Хлестакова: «Въ «Ревизорѣ» я видѣлъ г. Шумскаго въ роли Хлестакова. Шумскій очень поверхностно изучилъ эту роль, о чемъ нельзя не пожалѣть, особенно потому, что въ «Ревизорѣ» сильно замѣтенъ недостатокъ настоящаго Хлестакова. До г. Шумскаго играли

---

[1]) «Сочиненія и письма Гоголя», т. V, стр. 252.

[2]) Тамъ же, т. V, 257 и «Ревизоръ, первоначальный сценическій текстъ», т. IV.

[3]) «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 13.

[4]) Тамъ же; см. также въ «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ» (1859, 363): «Покойный Н. В. Гоголь за мѣсяцъ до кончины былъ на репетиціи «Ревизора» и остался совершенно доволенъ г. Шумскимъ, исполнявшимъ роль Хлестакова».

[5]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 389.

[6]) Соч. Бѣлинскаго, т. II, 568.

[7]) Тамъ же, стр. 600.

[8]) Т. VII, 467.

здѣсь эту роль гг. Ленскій и Самаринъ, и оба — неудовлетворительно: г. Ленскій, прежде всего, слишкомъ старъ для нея, да и понялъ онъ ее какъ-то водевильно; г. Самаринъ былъ въ ней лучше, но самъ покойный авторъ говорилъ о г. Самаринѣ: «Нѣтъ, не такого хотѣлъ я Хлестакова; Самаринъ — мальчикъ, котораго (въ первыхъ сценахъ въ трактирѣ) жалко каждому, а мой Хлестаковъ, когда выйдетъ на сцену, всякій бы сказалъ: «по дѣломъ тебѣ, разбойникъ, и не далъ бы ему ни гроша»... Итакъ, вы видите, мы все-таки безъ Хлестакова, и лучшимъ, донынѣ, исполнителемъ этой роли все-таки остается, по преданію, покойный Дюръ» [1]).

Любопытно, что, не удовлетворяясь исполнителями роли Хлестакова, Гоголь хотѣлъ даже самъ сыграть ее; по словамъ С. Т. Аксакова, онъ предложилъ послѣднему разыграть «Ревизора» на домашней сценѣ: самъ хотѣлъ взять роль Хлестакова, С. Т. Аксакову предлагалъ роль городничаго, а Томашевскому назначалъ роль почтмейстера [2]).

По словамъ артиста А. А. Нильскаго, недовольный игрой Дюра, Гоголь просилъ Сосницкаго сыграть роль Хлестакова на школьной сценѣ, спеціально для актеровъ, чтобы показать, какимъ долженъ быть этотъ герой знаменитой комедіи. «Собственноручное письмо Николая Васильевича Гоголя съ этой просьбой» — продолжаетъ г. Нильскій — «Иванъ Ивановичъ показывалъ мнѣ нѣсколько разъ и всегда при этомъ умилялся до слезъ. Изъ скромности же онъ не исполнилъ этой просьбы автора» [3]).

Между тѣмъ намъ извѣстно, что Максимовъ, можетъ быть и не дурно выполняя роль Хлестакова, позволялъ себѣ въ этой роли непростительные фарсы, напр. въ сценѣ, гдѣ Хлестаковъ, оставшись одинъ, разсуждаетъ самъ съ собой о щедрости провинціальныхъ чиновниковъ, онъ говорилъ: «деньги даютъ въ займы, а попробуй-ка въ Петербургѣ; вѣдь тамъ вотъ даже портной въ долгъ фрака не сошьетъ, — ей Богу! ужъ развѣ въ Красномъ Селѣ попробовать». Острота была сказана въ виду того, что представленіе давалось въ Красномъ Селѣ [4]). Во всякомъ случаѣ одинъ критикъ прямо называлъ роль Хлестакова «труднѣйшею изъ труднѣйшихъ ролей всего русскаго репертуара» и утверждалъ, что «представить одного изъ тѣхъ, которыхъ въ канцеляріи называютъ пустѣйшими, человѣка по выраженію Гоголя, безъ царя въ головѣ [5]), представить притомъ вполнѣ естественно — дѣло отнюдь не легкое» [6]). Другой рецензентъ высказывается еще рѣшительнѣе: «Удивительное дѣло, что этотъ, повидимому, столь доступный общему пониманію, столь несложный и до такой степени распространенный типъ такъ рѣдко былъ вѣрно понятъ и воспроизведенъ на сценѣ. Помимо первокласныхъ актеровъ, каковы были Щепкинъ, Сосницкій, Садовскій, С. Васильевъ, Мочаловъ, Мартыновъ и прочіе, вы можете припомнить нѣсколько сносныхъ городничихъ, Осиповъ, Фамусовыхъ, Чацкихъ, даже Гамлетовъ, — но если вамъ во всю жизнь пришлось увидѣть хоть одного порядочнаго Хлестакова, то и это ужъ

---

[1]) «Пантеонъ», 1852, 6, «Московскій Вѣстникъ», 5.
[2]) «Русь», 1880, № 5, стр. 13; «Русскій Архивъ», 1882, 17, 131 и 1890, VIII, стр. 17—18.
[3]) «Историч. Вѣстникъ», 1894, IV, 109.
[4]) «Муз. и Театр. Вѣстн.», 1857, 467.
[5]) «Сочиненія Гоголя», изд. X, т. II, стр. 199.
[6]) «Рижскій Вѣстникъ», 1871, № 98.

слава Богу» [1]). То же мнѣніе высказывалъ одинъ изъ хроникеровъ «Кіевлянина»: «Весьма трудно» — говоритъ онъ — «передать на сценѣ эти неуловимыя черты истинной хлестаковщины, не впадая съ одной стороны въ фарсъ (для котораго здѣсь столько удобныхъ случаевъ), а съ другой, сохраняя типъ живого человѣка, прямо выхваченнаго изъ русской жизни, органическимъ продуктомъ которой была хлестаковщина въ разныхъ формахъ и подъ различными наименованіями» [2]). Мы привели здѣсь сужденія разныхъ лицъ,

[1]) «Биржевыя Вѣдомости», 1875 г., № 201.

[2]) «Кіевлянинъ», 1874, № 639.

Вотъ еще нѣкоторыя данныя объ исполненіи артистами роли Хлестакова. Мы видѣли, что Бѣлинскій не особенно высоко ставилъ игру Д. Т. Ленскаго въ Хлестаковѣ, а въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говорилъ, что Ленскій игралъ Хлестакова «несносно дурно» (Бѣл., II, 576) (то же мнѣніе см. въ «Молвѣ», 1836, т. XI, 263—264); но по словамъ г. Арапова въ его «Драматическомъ Альбомѣ» (стр. 82) Д. Т. Ленскій былъ довольно хорошъ въ этой роли; сходное мнѣніе см. въ «Репертуарѣ русской сцены», Хроника московскихъ театровъ (съ 1 іюля по 1 ноября 1839 года), стр. 3; здѣсь также хорошій отзывъ объ исполненіи той же роли Самаринымъ. О Ленскомъ же въ роли Хлестакова упоминается въ «Историческ. Вѣстникѣ», 1894, VIII, стр. 454. «Репертуаръ» хвалитъ также Максимова («Реперт. русской сцены», 1840, I, Русскій театръ въ Москвѣ и Петербургѣ, 3 стр. «Истор. Вѣстн.», 1894, IX, 708. Но Максимовъ позволялъ себѣ вводить небольшіе фарсы, напр. онъ такъ измѣнилъ въ одномъ мѣстѣ гоголевскій текстъ: «Деньги даютъ взаймы! А попробуй-ка въ Петербургѣ! вѣдь такъ вотъ даже портной фракъ въ долгъ не сошьетъ ей-Богу! ужъ развѣ въ Красномъ Селѣ попробую» («Музык. и Театр. Вѣстн.», 1857, 467). Но далеко не на всѣ эти отзывы можно полагаться: такъ въ «Отеч. Запискахъ» (1849, т. 6, 70 т., 8, стр. 133) о томъ же Максимовѣ отзывъ далеко неблагопріятенъ. По словамъ корреспондента «Репертуара», Мартыновъ хорошо игралъ Хлестакова въ Кіевѣ («Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, III, провинціальные театры въ Россіи, 139), тогда какъ, по словамъ г. Вольфа, „въ ту же зиму — (1843) Мартыновъ попробовалъ сыграть Хлестакова, но попытка ему не удалась». Передъ тѣмъ онъ долго отказывался отъ этой роли, считая ее слишкомъ трудною (Записки Алексѣева, стр. 69) («Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», I, 105). Также, напр., г. Максимовъ въ своей книгѣ «Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ» говоритъ, что «Арнольдъ довольно удачно дебютировалъ въ роли Хлестакова» (стр. 278), тогда какъ, по другому отзыву, «Хлестакова игралъ Арнольдъ *довольно сносно*. Онъ былъ, по обыкновенію, развязенъ, и мы давно не видали на нашей сценѣ такого Хлест - кова» («Музык. и Театр. Вѣстн.», 1859, 578). Гораздо чаще читаемъ о слабомъ исполненіи Хлестакова: талантливый воронежскій актеръ Лавровъ въ роли Хлестакова «былъ принужденъ и натянутъ» («Реперт. русской сцены», 1840, II, Воронежскій театръ, стр. 4); Пилони неудовлетворительно исполнилъ роль Хлестакова въ Екатеринославлѣ, («Реперт. и Пантеонъ», 1846, мартъ, Театральная Лѣтопись, 93); Залѣсскій, первый комикъ пензенской труппы, роль Хлестакова не игралъ, а лучше сказать, читалъ, но и только; игралъ монотонно и вяло («Реперт. и Пантеонъ, 1844, т. V, Театральная Лѣтопись, стр. 100); въ Тифлисѣ «Хлестаковъ — Марксъ былъ незавиденъ». («Реперт. и Пантеонъ», 1846, т. XIV, Театральная Лѣтопись, стр. 62); на уфимской сценѣ Хлестакова не совсѣмъ удачно игралъ Дмитріевъ («Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, IV, Провинціальные театры въ Россіи, 27); но въ Смоленскѣ Орловъ былъ хорошъ въ Хлестаковѣ («Реперт. и Пантеонъ», 1845, т. XII, Театр. Лѣтопись, 64 и 67). Въ заключеніе укажемъ на довольно любопытныя замѣтки объ игрѣ Ленскаго, Шумскаго и Самарина въ роли Хлестакова въ «Пантеонѣ», 1852, XI, Театральная Лѣтопись, 5. и на воспоминанія г. Алексѣева о его собственной игрѣ (70, 71, 111) и у него же объ исполненіи «Ревизора» въ шестидесятилѣтній юбилей Сосницкаго (стр. 211—214). Любопытно также слѣдующее замѣчаніе «Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника», что на кіевской сценѣ утрированными до приторности вышли лич-

совершенно независимыя одно отъ другого и вынесенныя каждый разъ изъ данныхъ болѣе или менѣе продолжительнаго театральнаго опыта, какъ это замѣтно уже изъ самыхъ отзывовъ, и всѣ они оказываются совершенно согласны между собой.

Невольно возникаетъ вопросъ: въ чемъ же главная трудность роли Хлестакова, и какія мѣста въ ней особенно не легки для воспроизведенія на сценѣ? По мнѣнію г. Аверкіева, много и давно занимающагося изученіемъ условій сценическаго искусства, въ трудности роли Хлестакова вина лежитъ отчасти и на самомъ авторѣ, — такъ какъ, жалуясь въ своемъ письмѣ къ Пушкину на «обезцвѣченіе» роли Хлестакова на сценѣ, онъ старался растолковать философское значеніе созданнаго имъ лица, которое только отвлекало исполнителей отъ болѣе доступной и простой задачи — опредѣлить внѣшнее обличіе Ивана Александровича, выработать его манеры, ухватки, его говоръ, его необыкновенную во всемъ подвижность» [1]). Нѣкоторыхъ артистовъ въ объясненіяхъ Гоголя затрудняло особенно кажущееся противорѣчіе въ томъ, что, съ одной стороны, рѣчь Хлестакова должна стремиться неудержимымъ потокомъ, а съ другой, по словамъ также самого автора, она должна быть отрывистой. Изъ отдѣльныхъ же сценъ самою трудной оказывалась, обыкновенно, сцена опьяненія, гдѣ артисту такъ легко перейти границы изящнаго и впасть въ фарсъ. Такимъ образомъ выходитъ, что, несмотря на желаніе самого Гоголя показать, какъ слѣдуетъ исполнять всѣ оттѣнки этой роли и вообще какъ играть «Ревизора», несмотря на то, что онъ такъ превосходно и неподражаемо читалъ самъ свою комедію, что не разъ собирался читать ее и, случалось, дѣйствительно читалъ въ присутствіи артистовъ, не разъ принимался также писать для актеровъ руководящія предувѣдомленія и наставленія и постоянно особое вниманіе посвящалъ выясненію именно роли Хлестакова, — несмотря на все это, — эта роль все-таки всего болѣе возбуждаетъ затрудненій и исполняется слабѣе. Между тѣмъ это, несомнѣнно, вполнѣ очерченная и ярко нарисованная личность,

---

ности Бобчинскаго и Добчинскаго; также не совсѣмъ удачно выполнены роли судьи, почтмейстера, смотрителя училищъ и проч. Зато въ роли городничаго былъ очень хорошъ г. Ивановъ. Въ роли Хлестакова былъ превосходенъ молодой актеръ Никитинъ. *Роль Хлестакова нелегка*; извѣстно, что Гоголь былъ недоволенъ исполнителями этой роли на петербургской сценѣ еще въ первое представленіе. Бѣлинскій, восхищавшійся постановкой «Ревизора» на московской сценѣ, осуждалъ также одну эту роль, но позднѣе на кіевской сценѣ она, по мнѣнію тамошнихъ рецензентовъ, «вполнѣ удалась; лучшаго Хлестакова нельзя желать и на столичныхъ сценахъ» («Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1860, 109; упоминается на стр. 117. О томъ, что на владимірской сценѣ хорошо игралъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ городничаго актеръ Щедринъ, а Хлестакова — Зиминъ см. въ «Русской Сценѣ», 1864, XII, 157). О Н. И. Куликовѣ въ роли Хлестакова «Историч. Вѣстн.», 1894, VII, 81 — 82. Объ исполнителяхъ «Ревизора» и «Женитьбы» см. «Музык. и Театральный Вѣстникъ», 1858, 334. О «Ревизорѣ» на кіевской сценѣ — тамъ же, 1858, 58; о «Ревизорѣ» въ бенефисъ Щепкина «Музык. и Театральн. Вѣстникѣ», 1858, 204. — О «Ревизорѣ» см. замѣтки въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1847, XVII, Театр. Лѣтопись, 11 — 13, 14 и 16; «Пантеонъ», 1852, VI, «Московскій Вѣстникъ». См. также любопытныя наблюденія И. Л. Леонтьева-Щеглова надъ впечатлѣніями простонародной публики въ московскомъ театрѣ «Скоморохъ» («Русское Обозрѣніе», 1894, VII, 165—187).

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1872 г., № 146.

которую нельзя и сравнивать въ данномъ отношеніи, напримѣръ, съ личностью Чацкаго въ «Горе отъ ума».

Дѣйствительно, сцена встрѣчи Хлестакова съ городничимъ и особенно сцена опьяненія въ третьемъ актѣ требуютъ большого искусства отъ исполнителя: здѣсь необходима полнѣйшая искренность въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ, при передачѣ самыхъ разнообразныхъ чувствъ отъ страха до наивнаго самодовольства, чувствъ притомъ часто и быстро смѣняющихся, наконецъ, необходимо самое добросовѣстное и полнѣйшее воодушевленіе разсказомъ Хлестакова о своей петербургской жизни, почти до вѣры въ каждое невольно и неожиданно вылетающее изъ устъ его слово. Иногда небольшое уклоненіе отъ надлежащаго тона и смысла роли можетъ уже многое испортить. Гоголь прекрасно понималъ это заранѣе и въ отчаяніи такъ изливалъ свое огорченіе въ письмѣ къ одному литератору по поводу игры Дюра: «главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что̀ такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ то въ родѣ Альнаскарова [1]), чѣмъ то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ вралемъ, — блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не видно изъ самой роли, что̀ такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что̀ говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, по тому одному говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть» [2]). Отсутствіе въ Хлестаковѣ всякаго лукавства и малѣйшей тѣни преднамѣреннаго разсчета, соединеніе въ немъ невѣроятнаго легкомыслія и безпечности съ умственною ограниченностью и неспособностью даже понимать свое положеніе — все это было такъ ново и оригинально, такъ мало походило на заигранныя, шаблонныя роли, что даже такой опытный и способный артистъ, какъ Дюръ, оказался далеко ниже своей задачи. Напуганный этимъ фіаско, Гоголь послѣ неудачи, понесенной въ Петербургѣ, заботился, чтобы хотя на московской сценѣ дѣло пошло удачнѣе. Раздумавъ пріѣхать лично и прочесть актерамъ всю пьесу, Гоголь возлагалъ заботу о надлежащемъ исполненіи роли Хлестакова на Щепкина, подобно тому, какъ позднѣе онъ высказывалъ убѣжденіе, что всю режиссерскую часть слѣдуетъ всегда возлагать на перваго комическаго или трагическаго актера [3]), которому уже предоставляется руководить своими товарищами. Гоголь писалъ также Щепкину: «Труднѣйшая роль во всей пьесѣ — роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нея артиста. Боже сохрани, если ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ;

---

1) Герой «Воздушныхъ Замковъ» Хмельницкаго.
2) Сочиненія Гоголя, изд. X, т. II, стр. 285.
3) См. въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» (Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 62).

болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать, вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина; вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, т.-е. фраза, или реченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должны выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-по-малу разбирать; онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и, чѣмъ далѣе, громче, громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здѣсь [1]) была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ» [2]).

Прослѣдивъ газетные отзывы объ исполненіи Хлестакова въ разное время на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ, мы чаще всего, какъ уже сказано, встрѣчаемъ жалобы на грубые фарсы въ сценѣ хвастовства и опьяненія Хлестакова въ третьемъ актѣ, такъ что въ общемъ оказывается, что гораздо чаще удаются исполнителямъ даже трудности въ роли городничаго. Мы уже приводили мнѣніе одной газеты о трудностяхъ роли Хлестакова, высказанное подъ свѣжими впечатлѣніями игры одного изъ порядочныхъ провинціальныхъ артистовъ [3]); другой рецензентъ говоритъ объ одномъ артистѣ, что ему удалась, вообще говоря, роль Хлестакова и даже та трудная сцена, въ которой онъ завирается, но зато въ другихъ сценахъ онъ «нѣсколько буфонилъ» [4]). Итакъ почти всегда осуждается, если не все исполненіе, то многихъ и обыкновенно довольно существенныхъ сценъ; только въ одной рецензіи, благодаря исключительной ли даровитости артиста, или сравнительной снисходительности театральнаго хроникера, мы читаемъ, что однажды въ Кіевѣ нѣкто артистъ Холодовъ (въ семидесятыхъ годахъ) былъ очень хорошъ въ роли Хлестакова, а особенно въ трудной сценѣ опьяненія [5]).

Самымъ лучшимъ исполнителемъ роли Хлестакова, по мнѣнію самого Гоголя, былъ не такъ давно скончавшійся (1878) извѣстный московскій артистъ С. В. Шумскій; по крайней мѣрѣ, есть свѣдѣнія, что онъ именно единственный изъ исполнителей до извѣстной степени удовлетворялъ своей игрой автора [6]).

---

[1]) т.-е. въ Петербургѣ.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 257.

[3]) «Биржевыя Вѣдомости», 1875, № 201.

[4]) «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1874 г., № 142.

[5]) «Кіевлянинъ», 1871 г., № 53.

[6]) Прежде Шумскаго эту роль исполняли на московской сценѣ Ленскій, Славинъ и Самаринъ. Второй изъ нихъ былъ недаровитый актеръ и успѣхомъ пользоваться не могъ. Самаринъ же при всемъ своемъ несомнѣнномъ талантѣ будто бы погрѣшалъ тѣмъ, что Хлестаковъ въ его игрѣ, по словамъ журнала «Репертуаръ и Пантеонъ» (1839 г., 2) впадалъ въ ухватки не совсѣмъ хорошаго тона, что представляется крайне сомнительнымъ въ виду извѣстнаго всѣмъ образцоваго умѣнья покойнаго артиста держать себя на сценѣ. Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, большинству москвичей очень памятна игра И. В. Самарина, правда, уже въ зрѣлую эпоху развитія его таланта, и притомъ образцовое исполненіе имъ ролей, относящихся именно къ изображенію высшаго круга. Впрочемъ, позднѣе мы встрѣчаемъ въ «Театральной Лѣтописи» того же журнала (1846 г. 6, «Театральная Лѣтопись», стр. 37) уже такой отзывъ объ игрѣ Самарина: «Скажемъ только, что Самаринъ былъ очень хорошъ: столько неподдѣльной веселости было въ его игрѣ, что эта веселость сообщалась самимъ зрителямъ; кромѣ того, онъ,

Мы не знаемъ, изъ какихъ источниковъ А. С. Суворинъ, во время своей полемики съ покойнымъ петербургскимъ артистомъ Монаховымъ, почерпнулъ извѣстіе о томъ, будто бы Гоголь былъ недоволенъ игрой Шумскаго, котораго старался копировать Монаховъ, избравъ себѣ такимъ образомъ, по мнѣнію г. Суворина, далеко не безукоризненный образецъ. Быть можетъ, это сужденіе было основано на слухахъ, или же здѣсь было легкое полемическое увлеченіе, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, Гоголь, напротивъ, считалъ именно Шумскаго лучшимъ Хлестаковымъ и даже, когда увидѣлъ его въ первый разъ въ этой роли, тотчасъ перемѣнилъ свое прежнее убѣжденіе, что всего болѣе способенъ для исполненія ея можетъ быть Живокини[1]). Вообще это утвержденіе противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ даннымъ.

По словамъ одного изъ театральныхъ хроникеровъ, въ исполненіи Шумскимъ роли Хлестакова обнаруживалось вообще замѣчательное мастерство и тщательность исполненія, доведенныя до послѣднихъ мелочей, и особенно эффектно выходила у него сцена съ половымъ и за обѣдомъ. «Въ движеніи ножа, которымъ Хлестаковъ рѣжетъ жаркое, въ усиленномъ жеваніи зритель воочію видѣлъ, что и челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ»[2]). Но, впрочемъ, тотъ же хроникеръ отмѣчалъ, что въ сценѣ съ Анной Андреевной и Марьей Антоновной въ четвертомъ дѣйствіи Шумскій нѣсколько «утрировалъ, угощая безчисленными поцѣлуями маменьку и дочку». По словамъ довольно извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ театральнаго критика Баженова, Шумскій былъ вообще хорошъ въ Хлестаковѣ, но можно было бы пожелать ему «меньше фарсировки и больше сдержанности во второмъ дѣйствіи»[3]). Такимъ образомъ не только г. Суворинъ, однажды полемизировавшій съ Шумскимъ и, быть можетъ, въ этомъ дѣлѣ пристрастный, но и Баженовъ считалъ нужнымъ напомнить артисту нѣкоторыя слова Гоголя, и особенно, что Хлестаковъ лжетъ не фанфаронски театрально, а съ чувствомъ[4]). Притомъ, что Гоголь все-таки не безусловно удовлетворялся игрой Шумскаго въ роли Хлестакова, доказывается уже тѣмъ, что однажды послѣ представленія «Ревизора» осенью 1851 г. (Гоголь, вообще, чрезвычайно живо интересовался тѣмъ, какъ идетъ его пьеса на сценѣ, и этотъ интересъ не угасалъ въ немъ до самой смерти[5]), онъ почувствовалъ потребность прочесть «Ревизора» Щепкину, что̀ потомъ и исполнилъ въ его присутствіи, а также Садовскаго, Шумскаго и Самарина. По окончаніи чтенія Щепкинъ со слезами на глазахъ подошелъ къ Шумскому и, обнявъ его, сталъ ему объяснять, какъ слѣдуетъ играть Хлестакова[6]). Итакъ, даже и Шумскій, достойнѣйшій истолкователь Хлестакова на московской сценѣ, былъ далекъ отъ совершенства въ этой роли и, кажется, не безусловно уяснилъ себѣ основныя требованія Гоголя отъ ея исполнителя.

что̀ у насъ рѣдко, былъ чрезвычайно *порядоченъ*, гораздо порядочнѣе многихъ господъ, сидѣвшихъ недалеко отъ насъ и сѣтовавшихъ на него за дурной *будто бы* тонъ».

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 506 и т. VI, 275.

2) «Кіевлянинъ», 1874 г., № 63.

3) «Сочиненія и переводы Баженова», т. I, стр. 778.

4) Тамъ же, стр. 779.

5) «Отечественныя Записки», 1856, XII, стр. 400.

6) «Историческій Вѣстникъ», 1886 г., XII.

Въ виду высокой оцѣнки Гоголемъ игры Шумскаго, остановимся на ней нѣсколько подробнѣе. По словамъ извѣстнаго критика пятидесятыхъ годовъ, Аполлона Григорьева, Шумскому въ роли Хлестакова совершенно недоставало именно важнѣйшаго качества «отсутствія задней мысли»[1]), безъ чего, собственно говоря, должна бы была пропасть вся роль. «Шумскій», — говоритъ Григорьевъ, — «при всей высокой добросовѣстности въ отношеніи къ разработкѣ своего таланта и къ каждой исполняемой роли, лишенъ способности творить цѣльные образы, а слагаетъ ихъ почастно, а это именно и совершенно непригодно въ данномъ случаѣ. Когда Шумскій игралъ Хлестакова, то видна была его работа надъ ролью даже на самыхъ подмосткахъ, передъ публикой». Таковъ отзывъ знатока, сочувственно относившагося къ игрѣ даровитаго и, несмотря на юный тогда возрастъ, уже всѣми признаннаго и уважаемаго артиста, не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи нѣкоторыхъ недостатковъ даже въ исполненіи Хлестакова Шумскимъ. Аполлонъ Григорьевъ склоненъ былъ признавать даже болѣе удачной игру петербургскаго артиста Максимова[2]), который умѣлъ передать именно крайнюю пустоту и безсодержательность Хлестакова; но онъ ставилъ Шумскаго выше другихъ московскихъ артистовъ: Ленскаго и Самарина. Первый хорошо проводилъ сцену съ половымъ и за обѣдомъ въ трактирѣ и очень натурально изображалъ опьяненіе Хлестакова; у Самарина же выходили искусственными эти сцены, и вообще вмѣсто Хлестакова являлся какой-то фатъ. «Чѣмъ пустѣе, глаже, безцвѣтнѣе будетъ Хлестаковъ на сценѣ въ его обыкновенномъ, не лирическомъ состояніи», — говоритъ критикъ, — «тѣмъ ярче выступитъ наружу ея глубокій смыслъ, тѣмъ строже явится Немезида надъ беззаконіями города. Хлестаковъ, какъ мыльный пузырь, надувается подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, растетъ въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ чиновниковъ, становится все смѣлѣе и смѣлѣе въ хвастовствѣ... Но придайте Хлестакову хоть немного разсчета въ хвастовствѣ и онъ перестаетъ уже быть Хлестаковымъ»[3]). Вотъ эта безразсчетность, хвастовство и не дались нашимъ артистамъ, напр., у Шумскаго явилось какое-то совершенно не идущее къ Хлестакову плутоватое выраженіе лица, даже тогда, когда онъ ходитъ въ безпокойствѣ взадъ и впередъ по сценѣ, мучимый приступами сильнѣйшаго голода.

Кромѣ указаній Баженова мы имѣемъ въ виду еще слѣдующій фактъ: когда въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ Шумскій выступилъ однажды печатно на защиту отъ А. С. Суворина петербургскаго артиста Нильскаго, поставленнаго критикомъ въ роли Хлестакова ниже одного изъ менѣе выдававшихся его сотоварищей по сценѣ, то даровитый артистъ, отстаивая своего собрата, утверждалъ, будто бы Гоголь и самъ желалъ, чтобы Хлестаковъ въ третьемъ актѣ являлся пьянымъ, при чемъ авторъ замѣтки ссылался на собственноручное письмо Гоголя къ Щепкину, нами уже приведенное выше, гдѣ Гоголь несомнѣнно высказывается лишь за постепенное

---

[1]) «Москвитянинъ», 1852, № VIII, 147.

[2]) Иное мнѣніе см. въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1849, т. 6, 7, от. 8, стр. 133, гдѣ Максимова упрекаютъ за исполненіе роли Хлестакова, за то, что онъ читалъ ее на распѣвъ и оказался неподходящимъ къ роли по слишкомъ вялому темпераменту.

[3]) «Москвитянинъ», 1852, № 8, стр. 146—147.

опьяненіе Хлестакова, какъ это и разъяснялъ въ своей полемической статьѣ г. Суворинъ. Кстати, сцена, въ которой завирается Хлестаковъ, какъ извѣстно, подверглась измѣненіямъ, но Гоголю не удалось провести ее на театральныя подмостки въ исправленномъ видѣ, такъ какъ надо было «ѣздить, просить и кланяться»[1]).

Вслѣдствіе этого надолго оставались разногласія между сценическимъ и печатнымъ текстами «Ревизора», не разъ вводившія въ соблазнъ и напрасную полемику артистовъ и рецензентовъ. Хотя различіе между обоими текстами было подробно указано однажды въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1857 г., № 250, «Московская Лѣтопись», статья Дельта) по поводу нѣкоторыхъ недоумѣній, возбужденныхъ игрой артиста Востокова, но это забывалось, а недоразумѣнія время отъ времени повторялись. Однажды произошелъ даже такой инцидентъ: по поводу одного варіанта одному артисту театральный хроникеръ ставилъ въ упрекъ, что для сильнѣйшаго выраженія растерянности Хлестакова г. Чарскій (фамилія артиста) взялъ въ руки бутылку и держалъ ее въ намѣреніи защищаться. *Но этотъ фарсъ былъ совсѣмъ не кстати и нисколько не къ лицу Хлестакову*» («Кіевлянинъ, 1874, № 63). Хроникеръ не зналъ, что такой именно фарсъ былъ въ самомъ дѣлѣ въ первоначальныхъ редакціяхъ «Ревизора» и прибавилъ: «такую штуку можетъ выкинуть въ подобныхъ обстоятельствахъ кутила гусаръ или уланъ, но никогда ее не сдѣлаетъ мирный Хлестаковъ, вся храбрость котораго не идетъ дальше угрозы жалобой министру». Особенно заговорили о разницѣ въ текстѣ по поводу представленій «Ревизора» на сценѣ въ первый разъ безъ пропусковъ (см. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1870, № 275) и позднѣе, при постановкѣ «Ревизора» на сценѣ московскаго Народнаго театра въ 1872 г. (онъ помѣщался на Варваркѣ, близъ Ильинскихъ воротъ). Объ этой разницѣ упоминали обѣ главныя московскія газеты, т.-е. «Московскія Вѣдомости» (1872, № 146) и «Русскія Вѣдомости», при чемъ нѣсколько странно, что «Русскія Вѣдомости» первоначальную редакцію находили болѣе сценичною (1872 г., 9 іюня, № 124). По этому же поводу была полемика между А. С. Суворинымъ, съ одной стороны, и артистами Шумскимъ и Нильскимъ — съ другой, а затѣмъ полемика Суворина съ Монаховымъ. Послѣдняя, впрочемъ, возникла еще по другому поводу: г. Суворинъ упрекалъ Монахова за то, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хлестакову слѣдовало только пошатнуться, артистъ будто бы такъ сильно повалился на кресло, какъ бы съ нимъ внезапно случился апоплексическій ударъ, и затѣмъ тотчасъ послѣ этого заснулъ[2]). Забавно, что Монаховъ находилъ возможнымъ въ своемъ

---

[1]) Сочиненія Гоголя, изд. X, т. II, стр. 289.

[2]) Впрочемъ, по словамъ «Зари», Монахова можно было считать однимъ изъ лучшихъ исполнителей роли Хлестакова въ Петербургѣ и даже тотъ самый третій актъ и сцена вранья, которые, по отзывамъ г. Суворина, ему не удавались, были будто бы исполнены превосходно, блестящимъ образомъ. Единственный упрекъ, который дѣлала Монахову «Заря», состоялъ въ томъ, что онъ являлся въ роли Хлестакова недостаточно серьезнымъ, — упрекъ, ясно показывающій непониманіе дѣла. Но всѣ эти похвалы Монахову, поставленному здѣсь ниже одного только Самойлова, превосходно исполнявшему роль Растаковскаго, конечно, могли быть до нѣкоторой степени справедливы, но онѣ явно преувеличены и показываютъ, что рецензентомъ руководили совершенно особыя соображенія («Заря», 1870, II, стр. 242).

возраженіи г. Суворину сослаться на то, что, поскользнувшись, онъ не удержалъ баланса, и что, если сцена паденія, какъ выразился г. Суворинъ, вышла у него «психологически невѣрно», зато она вышла вѣрною физіологически. И вотъ вскорѣ послѣ этого на заявленіе г. Суворина, что не одно это мѣсто, но и вся игра Монахова была неудачна, обиженный артистъ напомнилъ своему суровому судьѣ его недавній промахъ (правда, невольный и извинительный), заключавшійся въ томъ, что, не зная о существованіи сценическаго текста «Ревизора», онъ обрушился на артиста Нильскаго за прибавку цѣлыхъ фразъ о сапогахъ Пеля и о турецкомъ посланникѣ (упоминаніе о которомъ было въ позднѣйшихъ редакціяхъ замѣнено упоминаніемъ о главнокомандующемъ), которыя *будто бы никогда не были написаны Гоголемъ.* Въ сущности, обѣ стороны были по своему правы, и обѣ кое-что упустили изъ виду, а именно г. Суворинъ оказался незнакомымъ съ первоначальнымъ текстомъ «Ревизора», артистъ же Монаховъ — несвѣдущимъ въ гоголевской перепискѣ и въ литературѣ воспоминаній о Гоголѣ[1]). Споръ дошелъ наконецъ до приглашенія Монаховымъ Суворина посмотрѣть лично нѣкоторыя мѣста сценическаго текста «Ревизора» въ экземплярѣ, принадлежащемъ Александринскому театру[2])...

Въ Петербургѣ кромѣ Нильскаго, раньше его, какъ сказано, обращалъ на себя вниманіе исполненіемъ роли Хлестакова Максимовъ. Однажды «Репертуаръ и Пантеонъ» отмѣтилъ въ одной изъ своихъ хроникъ, что Максимовъ хорошо понялъ характеръ Хлестакова и передалъ его умно, отчетливо, безъ натяжекъ и безъ утрировки. Какъ артистъ, знакомый съ тѣмъ классомъ людей, изъ котораго заимствованъ типъ Хлестакова, онъ могъ выполнить эту роль гораздо удовлетворительнѣе гг. Ленскаго и Самарина, занимавшихъ и занимающихъ ее и понынѣ на московской сценѣ[3]).

Въ Воспоминаніяхъ А. Я. Головачевой-Панаевой о Максимовѣ, какъ исполнителѣ Хлестакова сообщено слѣдующее: «Послѣ смерти Дюра Максимову дали роль Хлестакова; онъ явился къ отцу[4]), чтобы тотъ его прослушалъ. Когда Максимовъ прочелъ свою роль, отецъ сказалъ ему: «Въ глупомъ водевилѣ кривлянье не хорошо, а въ такой комедіи актера надо высѣчь»[5]).

Изъ недавнихъ исполнителей Хлестакова, кромѣ талантливаго г. Давыдова, въ Петербургѣ нѣсколько выдавался г. Петипа, о которомъ газета «Порядокъ» отзывалась, что онъ играетъ роль довольно хорошо, но впадаетъ въ карикатуру въ сценахъ съ женой городничаго, причемъ актриса, г-жа Жулева, вообще порядочно исполнявшая роль Анны Андреевны, въ то время, когда Хлестаковъ

---

[1]) См. всю эту полемику въ «С.-Пет. Вѣд.», 1870, 273 и 1872 г. №№ 230, 232 и 245 и «Голосъ», 1872, №№ 117, 122 и 128 и «Порядокъ», 1881, № 28.

[2]) Недавно вопроса о различіи двухъ текстовъ «Ревизора» коснулся вскользь въ своихъ воспоминаніяхъ артистъ А. А. Нильскій («Историч. Вѣстникъ», 1894, VII, 91), но при сличеніи его словъ съ изложеніемъ относящихся сюда фактовъ въ «Очеркѣ исторіи текста комедіи Гоголя» «Ревизоръ» Н. С. Тихонравова обнаруживается нѣкоторое разногласіе (см. «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова, XLI—XLII).

[3]) «Репертуаръ и Пантеонъ». «Репертуаръ русскаго театра», «Русскій театръ въ Москвѣ и Петербургѣ», стр. 3—4.

[4]) Извѣстный петербургскій артистъ Брянскій.

[5]) См. Воспоминанія А. А. Головачевой-Панаевой, стр. 23—24; «Историческій Вѣстникъ», 1889, I, стр. 45.

въ концѣ послѣдней тирады въ третьемъ актѣ закидываетъ голову назадъ и раскрываетъ ротъ, какъ бы засыпая, совершенно некстати заглядывала ему въ лицо и любовалась... Изъ московскихъ артистовъ послѣ Шумскаго роль Хлестакова исполняли Рѣшимовъ и М. П. Садовскій[1]); изъ нихъ первый передавалъ, главнымъ образомъ, легкомысліе, пустоту и фанфаронство Хлестакова, мѣстами, въ сценѣ вранья, впадая въ фарсъ и изображая обыкновеннаго лгуна, что̀ именно не одобряетъ Гоголь; г. Садовскій обращаетъ главное вниманіе на изображеніе ограниченности и умственнаго ничтожества Хлестакова. Обоихъ этихъ исполнителей, особенно Садовскаго, цѣнила московская публика, но старые театралы, помнящіе Шумскаго, даже и не сравниваютъ ихъ съ послѣднимъ. Изъ прочихъ ролей въ «Ревизорѣ» заслуживаетъ упоминанія исполненіе Анны Андреевны Львовой-Синецкой, которая хорошо передавала, кромѣ суетности и кокетства городничихи, также ея нахальство и злость, напр., въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ въ сравненіи съ нею является добрымъ и деликатнымъ даже ея мужъ, не отказывающійся, по крайней мѣрѣ въ такой грубой формѣ, оказывать покровительство въ Петербургѣ супругамъ Коробкинымъ. Хвалили также В. Н. Асенкову, а гораздо позднѣе М. Г. Савину въ роли Маріи Антоновны, Дмитріевскаго и Сазонова въ роли почтмейстера. Для ролей Бобчинскаго и Добчинскаго Гоголь первоначально предназначалъ Щепкина и Рязанцева, о чемъ онъ и говоритъ по поводу своего горькаго разочарованія въ петербургскихъ исполнителяхъ, поразившихъ его уже при первомъ своемъ появленіи какимъ-то шутовскимъ костюмомъ и все время кривлявшихся. Гоголь также жаловался на это въ письмѣ къ одному литератору: «Хотя я и думалъ, что будутъ дурны, ибо создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ»[2]). Кстати: роли Бобчинскаго и Добчинскаго слишкомъ часто исполнялись совершенно карикатурнымъ и балаганнымъ образомъ. Аполлонъ Григорьевъ жаловался однажды, что даже такой даровитый артистъ, какъ покойный Никифоровъ, сильно портилъ свою роль Бобчинскаго скороговоркой, размахиваніемъ рукъ и вообще разными излишествами[3]). До чего доходило искаженіе этихъ ролей въ провинціи, мы можемъ судить хотя бы по одному жалобному воплю негодованія, что вѣдь «отъ перваго представленія «Ревизора» и до того, котораго мы были свидѣтелями, прошло много, много лѣтъ! Пора уже было понять, что Бобчинскій и Добчинскій такіе же люди, какъ и всѣ прочіе, а не шуты балаганные! Зачѣмъ напяливать на нихъ такіе костюмы?»[4]). И это приходилось напоминать артистамъ уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, и, вѣроятно, иногда не худо было бы напомнить и теперь. Плохое исполненіе ролей Бобчинскаго и Добчинскаго заставляло иныхъ даже думать, что самыя эти лица нарисованы не вполнѣ удачно. «Странно», — говорилъ одинъ изъ современныхъ Гоголю рецензентовъ, — «что большей части

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь о позднѣйшемъ времени; но лучшими исполнителями Хлестакова, по словамъ ветеранки нашей сцены Н. М. Медвѣдевой, были Д. Т. Ленскій и С. В. Шумскій.

[2]) «Сочиненія Гоголя», изд. X, т. II, стр. 288.

[3]) «Москвитянинъ», 1852, 8, отд. 7, стр. 149.

[4]) «Азовскій Вѣстникъ», 1872 г., № 5.

нашихъ писателей не удаются лица, которыя, кажется, всего легче рисовать, именно комическія. Вамъ скорѣе и лучше изобразятъ человѣка съ сильнымъ, серьезнымъ, романическимъ, трагическимъ, даже слабымъ характеромъ; но чуть придется сдѣлать вѣрный очеркъ комическаго типа, — писатель тотчасъ впадаетъ въ преувеличеніе, въ аффектацію, въ карикатуру. Въ этомъ случаѣ не избѣгнетъ упрека и Гоголь. Всѣ лица, въ которыхъ комическій элементъ соединенъ съ низкою или какою-нибудь другою стороною характера — у Гоголя неподражаемы; но и нѣкоторыя изъ чисто комическихъ лицъ, какъ напр. Бобчинскій и Добчинскій въ «Ревизорѣ», Жевакинъ въ «Женитьбѣ», и другіе — не выдержатъ въ этомъ отношеніи строгой критики»[1]). Лучшими исполнителями Бобчинскаго и Добчинскаго на московской сценѣ были Шумскій и Никифоровъ. Бѣлинскій такъ говоритъ о нихъ: «Г. Шумскій, играющій Добчинскаго — превосходенъ. Кислое лицо, видъ какого-то добродушнаго идіотства, провинціальность природы, какіе онъ умѣетъ принимать на себя, все это выше всякихъ похвалъ. Г. Никифоровъ играетъ Бобчинскаго немного съ фарсами, но по крайней мѣрѣ не портитъ роли»[2]). Позднѣе хорошо играли Бобчинскаго и Добчинскаго Живокини и Шумскій[3]). По словамъ г. Максимова («Свѣтъ и тѣнь петербургской драматической сцены»): «Петровъ и Пруссаковъ были лучшіе на сценѣ Добчинскій и Бобчинскій; послѣ же Петрова и Пруссакова роли эти стали исполняться какъ-то балаганно»[4]); также напр. объ исполненіи роли Добчинскаго актеромъ Левашовымъ «Репертуаръ и Пантеонъ» отзывается, что онъ «игралъ для райка»[5]).

III.

«Женитьба» впервые дана была на Александринской сценѣ въ бенефисъ Сосницкаго, въ половинѣ декабря 1842 г. Въ этотъ вечеръ произошло странное, невѣроятное происшествіе: «Женитьба», какъ о томъ поспѣшила съ злорадствомъ возвѣстить публикѣ вѣчно враждебная Гоголю «Сѣверная Пчела», была, несмотря на прекрасную игру артистовъ, особенно Сосницкаго и Мартынова, «покрыта единодушнымъ, единогласнымъ шиканьемъ». «Сѣверная Пчела» дождалась наконецъ своего торжества и на радостяхъ вздумала даже прикинуться какъ будто бы и благосклонною къ Гоголю или, по крайней мѣрѣ, начинающей цѣнить его произведенія. Въ первыхъ строкахъ рецензіи, подписанной иниціалами Р. З.[6]), говорится даже о томъ, что послѣ Грибоѣдова Гоголь далъ первую настоящую русскую комедію; но затѣмъ, при передачѣ содержанія, самымъ точнѣйшимъ образомъ, безъ пропусковъ, подчеркиваются встрѣчающіяся въ пьесѣ слова: свинья, подлецъ и проч., за допущеніе которыхъ въ свои сочиненія «Сѣверная Пчела» вообще неутомимо преслѣдовала Гоголя, и въ заключеніе разбора ликующимъ тономъ поучала: «главнымъ и единственнымъ условіемъ сцены (sic) — изящество, приличіе. Тамъ, гдѣ это условіе нарушено, въ душѣ каждаго не совсѣмъ испорчен-

---

1) «Пантеонъ», 1852, 3, кн. 5, Петербургскій Вѣстникъ.
2) Соч. Бѣлинскаго, II, 576.
3) «Музык. и Театр. Вѣстникъ», 1859, 182.
4) «Свѣтъ и тѣни», 283.
5) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, IV, Провинц. театры, 127.
6) Рафаила Зотова.

наго человѣка пробуждается какое-то непостижимое эстетическое чувство, которое негодуетъ на это нарушеніе и отвергаетъ *грубую и грязную*[1]) природу. Да гг. писатели, природа, естественность нужны, необходимы на сценѣ, но въ очищенной формѣ, въ изящномъ видѣ, съ пріятной стороны и съ приличіемъ выраженныя. Всякая же пошлая, грязная природа отвратительна. И публика, единогласно ошикавъ пьесу г. Гоголя, обнаружила всю свою тонкость и чувство приличія. Слава ей и честь!»

Точно также критикъ «Репертуара и Пантеона», изложивъ содержаніе «Женитьбы», продолжаетъ такъ: «Вотъ и вся комедія... вся «Женитьба», хотѣли мы сказать, потому что сцены эти, набросанныя кое-какъ, безъ достаточной завязки и развязки, невозможно назвать *комедіей*. Для комедіи сверхъ того требуется правдоподобіе, а въ «Женитьбѣ» нѣтъ ни того, ни другого. По обыкновенію своему, г. Гоголь выводитъ въ новомъ сочиненіи своемъ нѣсколько уродливыхъ карикатуръ, какъ въ китайскихъ тѣняхъ, показывая намъ притомъ такую природу, отъ которой невольно отворачиваешься. Не сомнѣваемся, что найдутся защитники «Женитьбы» г. Гоголя, и даже люди, которые будутъ восхищаться истиною картинъ въ его *высокомъ драматическомъ созданіи;* но отвратительной природы никому не придетъ охоты смотрѣть на сценѣ, и если она кажется привлекательною и нравится приверженцамъ Гоголя, то они могутъ прочитать вновь «М. Д.».

Скажите, гдѣ видѣлъ г. Гоголь чиновничій міръ, который онъ выставляетъ въ своей, такъ называемой комедіи? Говорятъ, что это природа... Хороша отговорка! и какое высокое призваніе выбирать изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества все то, отъ чего невольно отвращаешь взоры! «А нравственная польза!» скажутъ восторженные поклонники г. Гоголя. Гдѣ же нравственная польза оттого, что мы видимъ неестественные, слѣдовательно, и безжизненные очерки живыхъ существъ, которыхъ заставляютъ произносить слова, оскорбляющія и вкусъ, и слухъ, и возвышенное назначеніе театра? Точно, польза можетъ быть только въ томъ, что г. Гоголь не найдетъ подражателей, которые бы по доброй волѣ назвали комедіей сборъ неслыханныхъ нелѣпостей и неприличныхъ выраженій и подверглись бы заслуженному негодованію публики. Публика доказала, что, несмотря на рѣдкое появленіе у насъ оригинальныхъ пьесъ, она не увлекается слѣпымъ и лживымъ патріотизмомъ тамъ, гдѣ оригинальное русское произведеніе не достойно принадлежать къ области изящной словесности. Пишите, что̀ хотите, барды г. Гоголя! Возгласы ваши не измѣнятъ единодушнаго приговора, произнесеннаго цѣлою публикою, не дозволившею, по окончаніи пьесы, ни одного одобрительнаго знака.

Подумалъ ли авторъ о томъ, что̀ онъ намѣревался изобразить въ «Женитьбѣ?» Положимъ, что женскія роли: купеческая дочка (г-жа Сосницкая), тетка ея и сваха (г-жа Гусева) просто карикатурные очерки; но чѣмъ извинить искаженіе истины въ роляхъ мужскихъ? Неужели это характеры? Подколесинъ безъ превосходной игры г. Мартынова не значилъ бы ничего, потому что по первому явленію, въ которомъ должна была бы заключаться его характеристика, никакъ не узнаешь въ немъ той неодолимой *нерѣшительности,* которая его заставляетъ *рѣшиться* выскочить изъ окна,

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

только бы не жениться. Кочкаревъ, искусно сыгранный г. Сосницкимъ, также самъ не знаетъ, о чемъ и къ чему хлопочетъ; онъ выгоняетъ сваху и везетъ пріятеля къ той же невѣстѣ, какъ будто отъ этого пріятель будетъ счастливѣе; онъ едва знакомъ съ невѣстою, *видѣлъ ее, кажется, у кого-то въ гостяхъ,* даже не знаетъ адреса ея, а распоряжается у нея въ домѣ, какъ старинный знакомый, совѣтовъ его слушаются безпрекословно и по слову его рѣшаются немедленно же ѣхать подъ вѣнецъ. Помилуйте, гдѣ мы, въ Турціи, что̀ ли? — Яичница, экзекуторъ, одинъ изъ любимыхъ карикатуръ г. Гоголя, встрѣчающихся въ каждомъ его произведеніи (sic?!). Въ «Женитьбѣ» это лицо оказало значительные успѣхи въ коренныхъ русскихъ выраженіяхъ. Талантъ г. Гоголя совершенствуется! Жевакинъ, морякъ, скажутъ намъ, списанъ съ натуры? Не знаемъ, кого думаетъ г. Гоголь утѣшать такими копіями съ природы, но изображать такими красками морскихъ офицеровъ, отличающихся у насъ вообще образованностью, знакомыхъ съ правилами чести и общежитія, ей-ей, недостойно писателя, слывущаго нравоописательнымъ и сатирическимъ. Хожалкинъ, отставной офицеръ, весьма не замѣчателенъ по роли и обратилъ на себя вниманіе только по карикатурной фигурѣ актера. При всемъ томъ не можемъ не пожалѣть, что въ этомъ уродливомъ произведеніи находятся два-три мѣста, изобличающія несомнѣнный комическій талантъ автора «Ревизора»! Напр., какъ хороша вся сцена разговора невѣсты и Подколесина, когда они послѣ долгихъ паузъ говорятъ о прогулкахъ, о цвѣтахъ, объ отвалѣ штукатурки. Также очень хорошо сваха указываетъ дорогу къ дому невѣсты, хотя на дѣлѣ, зная, что не она будетъ сватать, никакая сваха не разсказывала бы этого такъ подробно. Эти мѣста и еще нѣкоторыя другія, однако, не выкупаютъ цѣлаго; какъ мы уже сказали, публика произнесла свое мнѣніе, на которое нѣтъ апелляціи»[1]).

Не прошло и года, какъ мнѣніе журнала о Гоголѣ значительно измѣнилось и даже нѣкоторые отзывы совершенно противорѣчатъ прежнимъ. Такъ, мы только-что видѣли, какъ сурово осудилъ «Репертуаръ» въ числѣ другихъ изображеніе личности Подколесина, показавшейся ему совершенно не натуральной; теперь же, признавая выхваченной прямо изъ жизни сцену между сыномъ и матерью въ «Отрывкѣ», гдѣ послѣдняя требуетъ отъ перваго перехода изъ гражданской службы въ военную — только потому, что ея знакомая смѣялась надъ штатскими, — «Репертуаръ» высказываетъ мнѣніе, что это «положимъ, нѣсколько преувеличенная, но превосходная черта остатка старой русской патріархальности нравовъ, также какъ Подколесинъ въ «Женитьбѣ» *прекрасно олицетворяетъ русскую лѣнь, или, скажемъ такъ, дѣлобоязнь, которая откладываетъ до завтра»*. Взглядъ журнала на Гоголя измѣнился наконецъ до того, что если онъ не признаетъ именно его комедій сценичными, въ чемъ, говоря относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, нельзя не согласиться, то прямо заявляетъ, что «весь вообще драматическій запасъ автора прекрасенъ въ чтеніи» — и въ вопросѣ о литературной дѣятельности Гоголя становится на сторону нашего писателя, противъ придирчивыхъ и недружелюбныхъ отзывовъ журналовъ, которымъ онъ, признавая уже произведенія Гоголя «перлами созданія», возражаетъ, — что если и счи-

---

[1]) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, 6.

тать эти произведенія въ угоду имъ побасенками, то нельзя не пожелать, чтобы искусство почаще дарило насъ такими чудными побасенками.

Неуспѣхъ «Женитьбы» на петербургской сценѣ объясняется, главнымъ образомъ, неразвитостью вкуса публики, воспитавшейся на ходульныхъ пьесахъ Кукольника, Полевого и Ободовскаго[1]). Въ то время особеннымъ сочувствіемъ публики пользовались совсѣмъ слабыя пьесы. Противъ этого вооружался не только Бѣлинскій, но и самъ «Репертуаръ», нерѣдко нападавшій на Гоголя, также признавалъ, что «успѣхъ и вызовы авторовъ на Александринской сценѣ сдѣлались до того обыкновенными, что, узнавши о паденіи какой-нибудь пьесы, *невольно думаешь*, что она должна быть хороша, если не понравилась»[2]) (въ «Репертуарѣ» здѣсь идетъ рѣчь о паденіи Александринскаго театра и пониженіи вкуса публики).

Объ «Игрокахъ», по поводу которыхъ ходили нелѣпые толки, что напрасно авторъ не вывелъ въ нихъ на сцену ни одной женщины, журналъ указывалъ на замѣчательное искусство въ развитіи фабулы, веденной такимъ образомъ, что до самаго конца зритель не угадываетъ развязки. Также сочувственно и одобрительно отнесся «Пантеонъ» къ теоретическимъ взглядамъ на искусство, высказаннымъ Гоголемъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ», которые онъ признаетъ въ значительной степени справедливыми, хотя и находитъ нѣсколько одностороннимъ убѣжденіе, что «болѣе имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь», такъ какъ такой взглядъ «односторонен и довольно ограниченъ: онъ касается только комической драмы и комизма невысокаго»[3]).

Въ это же самое время, однако, въ журналѣ «Репертуаръ и Пантеонъ» указывалось на то, что самые ярые хулители Гоголя не могли отвергать художественную простоту его драматическихъ произведеній, обнаруживающуюся въ необыкновенной простотѣ и естественности діалоговъ и проч.[4]). Бѣлинскій возмущался, что пьесы Гоголя падаютъ въ Александринскомъ театрѣ, а «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами» и «Русская барыня» возбуждаютъ фуроръ въ записныхъ посѣтителяхъ театра[5]). Точно также, къ позору Александринской публики пятидесятыхъ годовъ, была ошикана однажды глава изъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» о капитанѣ Копѣйкинѣ, прочитанная артистомъ Мартыновымъ, при чемъ по окончаніи спектакля многіе изъ присутствовавшихъ были поражены и опѣшены, когда, взглянувъ на афишу, узнали, что «ошикали произведеніе Гоголя»[6]).

Изъ исполнителей «Женитьбы» на петербургской сценѣ пользовался успѣхомъ, во-первыхъ, Мартыновъ въ роли Подколесина, причемъ лучшими мо-

1) О нихъ см. Соч. Бѣлинскаго, т. VI и проч. также г. Максимова «Свѣтъ и тѣни петербургской сцены за послѣднія тридцать лѣтъ», стр. 109.

2) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1845, т. IX, Матеріалы для исторіи театра, стр. 251. См объ этомъ же въ «Зарѣ», 1870, VII, 166.

3) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, VI, стр. 90; комедію «Игроки» представлялъ въ цензуру Щепкинъ (см. Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки за 1889, стр. 52).

4) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1842, 6, стр. 95.

5) Сочиненія, т. VII, стр. 43.

6) «Отеч. Записки», 1852, т. 80, отд. 8, стр. 166.

ментами его игры были слѣдующіе: — когда онъ говоритъ Кочкареву: «и ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ?» и затѣмъ прибавляетъ вполголоса: «въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще гадкими словами», и затѣмъ, когда Подколесинъ въ порывѣ благодарности бросается обнимать Кочкарева со словами: «Ну, братъ, благодарю. Теперь я вижу всю твою заслугу. Родной отецъ для меня не сдѣлалъ бы того, что̀ ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы» и проч. Глухой голосъ Мартынова, которымъ онъ безъ всякаго напряженія и съ видомъ нехотя передаетъ слова, чрезвычайно шелъ къ апатичной, лѣнивой фигурѣ Подколесина [1]). Изъ женщинъ выдавалась актриса Гусева, въ совершенствѣ воспроизводившая комическихъ старухъ и прекрасно игравшая также слесаршу Пошлепкину въ «Ревизорѣ»: «Послушайте», — говоритъ одинъ изъ рецензентовъ, — «какъ она смѣется надъ Кочкаревымъ, который нашелъ такого жениха, что изъ окна прыгаетъ! Въ этомъ сиповатомъ смѣхѣ старухи, сливающемся съ здоровымъ хохотомъ Кочкарева есть что-то оригинальное и злое: вы слышите, что Ѳекла, проѣвшая зубы на ремеслѣ свахи, хохочетъ не «съ дура», а съ «сердцовъ» [2]).

Что̀ касается московскихъ исполнителей, то въ «Женитьбѣ» на сценѣ Малаго театра превосходно игралъ Подколесина П. М. Садовскій, а на любительскихъ спектакляхъ — знаменитый писатель А. Ѳ. Писемскій. «Трудно себѣ представить» — говоритъ покойный А. Д. Галаховъ — «болѣе пригоднаго и соотвѣтствующаго піесѣ Подколесина; по крайней мѣрѣ моего воображенія не хватаетъ на это» [3]). Другой критикъ говоритъ о впечатлѣніи отъ игры Садовскаго: «Въ «Женитьбѣ» есть моментъ въ игрѣ Садовскаго, составляющій такую оригинальную черту его таланта, что ничего подобнаго мы не знаемъ ни у одного изъ извѣстныхъ комиковъ. Передъ тѣмъ какъ Подколесинъ рѣшается обратиться въ бѣгство, публика находится подъ какимъ-то магическимъ вліяніемъ г. Садовскаго. Двѣ тысячи зрителей, различныхъ между собою по характерамъ, впечатлительности, возрастамъ, наклонностямъ и проч.,— всѣ прикованы къ физіономіи артиста и разражаются неудержимымъ страшнымъ хохотомъ, между тѣмъ какъ ни одинъ живописецъ не въ состояніи уловить кистью съ этой физіономіи ни одной черты, такъ, чтобы она выражала то, что̀ выражаетъ въ натурѣ. (То же самое и въ роли Расплюева). Это не относится уже къ роли и трудно дать названіе такой особенности таланта. Это уже лиризмъ сценическаго искусства; онъ поражаетъ такъ же, какъ, напр., мелодичный, живой мотивъ музыкальной композиціи, или красота природы. Но это ни народность, ни типичность» [4]). Прекрасно играли Подколесина также Живокини и Мартыновъ [5]). Объ игрѣ А. Ѳ. Писемскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ передаетъ хроникеръ «Пантеона»: «Роль Подколесина была выполнена извѣстнымъ нашимъ писателемъ А. Ѳ. Писемскимъ въ высшей степени превосходно; мнѣ кажется, нельзя и опытному артисту вѣрнѣе и лучше олицетворить этого нерѣшительнаго

---

[1]) «Отеч. Записки», 1849, II, стр. 132—133.
[2]) Тамъ же, стр. 132—133.
[3]) «Русская Старина», 1886, VI, 701.
[4]) «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, стр. 370.
[5]) «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, 204, «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, 182—183.

флегматика Подколесина, какимъ представилъ его Писемскій. Это былъ типъ, срисованный вѣрною рукою художника съ натуры; вы позабыли бы, что дѣйствіе происходитъ на сценѣ — вамъ непремѣнно показалось бы, что передъ вами самъ нерѣшительный Подколесинъ, со всѣмъ своимъ тревожнымъ спокойствіемъ. Г. Писемскій не игралъ Подколесина, а весь переродился въ него. Превосходна была особенно сцена молчанія съ невѣстой (въ третьемъ — sic! — дѣйствіи), которая была передана съ неподражаемымъ юморомъ. Хороши были также въ этомъ любительскомъ спектаклѣ и остальные исполнители: «Хлопотунъ Кочкаревъ (графъ А. Д. Толстой) былъ преуморителенъ, и съ такимъ искусствомъ смѣшили публику онъ и морякъ Жевакинъ (Потѣхинъ А. А.) въ первомъ дѣйствіи, что вся публика разразилась единодушнымъ, гомерическимъ хохотомъ». «Рѣдко мнѣ удавалось» — продолжаетъ хроникеръ — «слышать на сценѣ въ высшей степени натуральный хохотъ, какимъ владѣетъ г. Потѣхинъ; нѣтъ возможности удержаться, по неволѣ расхохочешься, самъ не зная чему» [1]). Любопытно также, что роль Агаѳьи Тихоновны въ этомъ спектаклѣ исполняла супруга А. Ѳ. Писемскаго [2]).

Затѣмъ на московской сценѣ въ роли Подколесина былъ безукоризненъ Садовскій [3]); что́ же касается Щепкина въ роли Кочкарева, то, по словамъ Ап. Григорьева, «здѣсь проявилась слабая сторона высокаго таланта комика: отвлеченно Кочкаревъ понятъ имъ прекрасно, въ высшей степени комично, — но типа не выходитъ изъ этихъ разнородныхъ чертъ — и Кочкаревъ у Щепкина является не лицомъ, а рычагомъ дѣйствія» [4]). Лучше исполнялъ, по отзывамъ современниковъ, эту роль Живокини, слабѣе — Шумскій. По отзыву другого лица, Щепкинъ въ роли Кочкарева какъ ни хорошо игралъ, но не могъ заставить позабыть, что онъ на сценѣ, а не въ дѣйствительной жизни [5]).

Лучшими исполнителями роли Кочкарева въ Москвѣ были послѣ Щепкинъ особенно Шумскій. О Щепкинѣ Бѣлинскій говорилъ, что «въ роли Кочкарева (въ «Женитьбѣ») онъ обнаруживаетъ больше искусства, нежели истинной

---

[1]) «Пантеонъ», 1853, т. VIII, Провинціальные театры въ Россіи, стр. 22—23 и «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1860, 127. Объ исполненіи П. А. Ѳедотовымъ, см. «Пантеонъ», 1854, П. А. Ѳедотовъ, стр. 3—4. О «Женитьбѣ» см. соч. Бѣлин., II, 25, 43, 374, 375, 445—448; «Реперт. и Пант.» 1842 г., IV, XXXIII, 35 стр, въ отдѣлѣ «Драматич. телегр.» былъ напечатанъ анонсъ: «Для бенефиса И. И. Сосницкаго репетируется комедія Гоголя «Женитьба»; «Реперт. и Пант.». 1842, 4, XXIV, 16 — 18; тамъ же въ «Исторіи русскаго театра»; 1843, I, 219, 229 и 231; «Пантеонъ», 1850, VIII, 218 и 227. — О неудачномъ исполненіи, «Женитьбы» на кіевской сценѣ въ 1859 г. («Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, 436), на харьковской сценѣ («Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, 66).— О «Женитьбѣ» и «Ревизорѣ» («Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, I, 118); о «Женитьбѣ» и сценахъ изъ «Мертвыхъ Душъ», 1843, II, 219.

[2]) «Пантеонъ», 1854, IV, Вѣсти изъ провинціи, стр. 407.— Также Разсказовъ отлично игралъ Подколесина.

[3]) Объ игрѣ Садовскаго въ роли Подколесина см. также «Всемірную Иллюстрацію» 1870 г. № 76, въ библіографическомъ перечнѣ статей о Гоголѣ С. И. Пономарева. Эта статья ошибочно указана: «Г-жа Ѳедотова въ «Женитьбѣ» вмѣсто: «Г. Садовскій въ «Женитьбѣ».

[4]) «Москвитянинъ» 1852, 8, отд. II, стр. 152 — 153.

[5]) «Отечественныя Записки», 1849 г. II, стр. 134.

натуры». Напротивъ, Шумскій вполнѣ вошелъ въ роль Кочкарева; о немъ читаемъ въ «Пантеонѣ»:

«До сихъ поръ мы видали въ этой роли только М. С. Щепкина, и были увѣрены, что лучше его играть этой роли нельзя. Всѣ вполнѣ сжились съ типомъ, созданнымъ этимъ артистомъ. Но, увидя г. Шумскаго въ роли Кочкарева, многіе совершенно перемѣнили мнѣніе и нашли, что Кочкаревъ — не интриганъ, не проныра, какимъ его игралъ Щепкинъ, а только пустѣйшій человѣкъ, вѣтеръ, суета и пустомеля, какимъ создалъ этотъ характеръ Шумскій. Онъ не обдумываетъ плана, какъ бы женить Подколесина, не затѣваетъ хитро-сплетенной шутки, не покушается на свадьбу своего пріятеля, а просто, такъ, рѣшительно ни съ того, ни съ другого, ввязывается въ это дѣло. Узнавъ, что Подколесину нужно ѣхать смотрѣть Агаѳью Тихоновну, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Говорятъ ли ему про какую-нибудь особу, онъ говоритъ, что знакомъ съ нею, увѣряетъ, что она ему дальняя родня и хорошая хозяйка, не изъ какихъ-нибудь видовъ, а просто такъ, потому что это ему ничего не стоитъ; однимъ словомъ, это вѣтренникъ, взбалмошная голова, скорый на всѣ руки, — совершенная противоположность съ тихимъ, мнительнымъ и до крайности нерѣшительнымъ Подколесинымъ». «Такимъ» — прибавляетъ рецензентъ, — «я думаю, создалъ его Гоголь, такъ вывелъ его на сценѣ и г. Шумскій» [1]).

Относительно исполненія другихъ Гоголевскихъ пьесъ, рѣдко даваемыхъ на сценѣ, можно упомянуть только о превосходной игрѣ П. М. Садовскаго (Замухрышкинъ) и Щепкина (Утѣшительный) въ «Игрокахъ», Медвѣдевой въ роли Марьи Александровны въ «Отрывкѣ», также Шумскаго, прекрасно читавшаго «Отрывокъ» [2]), и Ленскаго — въ Ихаревѣ. Въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ въ роли Швохнева отличался Самойловъ, въ роли Замухрышкина — Каратыгинъ 2-й, въ роли Ихарева — Мартыновъ и въ роли Утѣшительнаго — Сосницкій; недурны были также А. М. Максимовъ (Гловъ — сынъ) и Григорьевъ I (Гловъ — отецъ) [3]). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» хвалилъ Бурдина въ роли Ихарева, Яблочкина — въ роли Кругеля и вообще давалъ хорошій отзывъ о Бурдинѣ, Зубровѣ, Яблочкинѣ, Каратыгинѣ, Шемаевѣ и Алексѣевѣ, присоединяя сожалѣніе, что пьеса рѣдко дается [4]). Еще рѣже ставилась переводная пьеса «L'ajo nell' imbarazzo» [5]). «Тяжба» давалась вообще довольно неудачно,

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. IX, 226 и «Пантеонъ», 1850, VIII, Театральная Лѣтопись, Московскіе театры, 2—3.

[2]) Соч. и переводы Баженова, ч. I, стр. 40.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. IX, 218; «Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, 72.

[4]) «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1859, 432 и 440. Вообще объ «Игрокахъ» см. у Бѣлинскаго (т. VII, 226; 462 — 467; т. IX, 218 и 226). О томъ, что, «Женитьба» и «Игроки» были поставлены въ бенефисъ Щепкина, см. «Репертуаръ и Пантеонъ», 1844, т. V, Театральная Лѣтопись, Московскій театръ, 102; Щепкинъ же представлялъ ихъ въ цензуру (см. «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1889, неоффиціальный отдѣлъ, стр. 52). О передѣлкѣ въ драму «Тараса Бульбы» см. «Пантеонъ», 1853, I, Театральная Лѣтопись, Русскій театръ въ Петербургѣ, стр. 1—2; о томъ же упоминается (1853, II, Театральная Лѣтопись, стр. 2. По поводу представленія «Тараса Бульбы» на сценѣ см. анекдотъ въ книгѣ г. Максимова «Свѣтъ и Тѣни», стр. 19.

[5]) См. соч. и переводы Баженова, т. I, 428 — 430.

такъ что въ ней былъ безцвѣтенъ и вялъ даже П. М. Садовскій [1]). «Игроки» были даны въ первый разъ въ Москвѣ въ бенефисъ Щепкина, а въ Петербургѣ — въ бенефисъ артиста Куликова. И эта пьеса также принята была публикой холодно; между прочимъ, Гоголя упрекали за мнимую неестественность фабулы, за неприличіе нѣкоторыхъ выраженій и даже, наконецъ, за то, что въ пьесѣ не выведена ни одна женщина. Даже въ журналахъ высказывалось мнѣніе, что пьесы Гоголя, кромѣ «Ревизора» и «Женитьбы», не сценичны причисляя сюда также и передѣланныя Н. Куликовымъ для бенефиса Самарина [2]) сцены изъ «Мертвыхъ Душъ», и что, блистая мастерской отдѣлкой характеровъ, онѣ имѣютъ все-таки мало шансовъ на сценическій успѣхъ. Бѣлинскій эту передѣлку называлъ прямо «не имѣющей на театрѣ никакого смысла» [3]). По его мнѣнію, напрасно «таинственный г. Г. (т.-е. Гедеоновъ) назвалъ «Комическими сценами изъ новой поэмы «Мертвыя Души» и смѣло отдалъ свое литературное похищеніе, нелѣпо и пошло совершенное, г. Куликову, который и поставилъ на сцену Александровскаго театра эти куски, безъ начала, середины и конца, а потому и безъ значенія и смысла». Самъ Гоголь чрезвычайно сердился за это похищеніе и писалъ Плетневу: «До меня дошли слухи, что изъ «Мертвыхъ Душъ» таскаютъ цѣлыми страницами на театръ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ не водится, чтобы кто осмѣлился, не испрося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. Сдѣлайте милость, постарайтесь какъ-нибудь увидѣться съ Гедеоновымъ и объясните ему, что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени» [5]). Въ «Пантеонѣ» читаемъ слѣдующій отзывъ о сценахъ изъ «Мертвыхъ Душъ»: «Мертвыя Души» — сцены изъ поэмы Гоголя — точно представляютъ мертвыя души: отъ актеровъ вѣяло мертвецами; въ нихъ не было никакой жизни. Даже г. Мартыновъ разсказомъ о капитанѣ Копѣйкинѣ не только не сорвалъ улыбки съ устъ публики, но чуть не усыпилъ ее. Чтó же послѣ этого гг. Толченовъ I, Пруссаковъ съ компаніей! Да они были настоящими живыми мертвецами! Отчего же произошло это? Не доказываетъ ли это, что въ піесѣ Гоголя нѣтъ жизни? Ничуть не бывало, и кто въ этомъ можетъ сомнѣваться? Это доказываетъ только, что выписанные изъ книги разго-

---

[1]) «Заря», 1870, II, 234, «Русская Лѣтопись», 1870 г., № 37; впрочемъ, по словамъ «Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника» (1859, 182—183) П. М. Садовскій хорошо игралъ Пролетова. Есть извѣстіе, что «Тяжба», чуть ли не единственная гоголевская піеса, которая была хорошо принята публикой (соч. Бѣлинск., т. IX, стр. 226). Этотъ успѣхъ Бѣлинскій приписывалъ особенно художественной игрѣ Щепкина. Но это не было въ то время общимъ убѣжденіемъ; въ «Реперт. и Пантеонѣ» напротивъ читаемъ: «Тяжба», сцена Гоголя, разыгранная въ совершенствѣ, не имѣетъ большого сценическаго достоинства» («Реп. и Пант.», 1844, т. IX, Матеріалы для исторіи театра, 248).

[2]) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1842, VI, стр. 93; о возобновленіи той же пьесы см. «Пчелу», 1877, № 43 и «Театральную Газету», 1877, № 124.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 660.

[4]) «Соч. и письма Гоголя», V, 500—501.

[5]) Такой же неуспѣхъ потерпѣлъ этотъ разсказъ и на московской сценѣ (соч. и переводы Баженова, I, 488). Но зато большой успѣхъ имѣло чтеніе Щепкинымъ главы изъ 1 ч. «Мертвыхъ Душъ» (о Пѣтухѣ) и П. М. Садовскимъ (свиданіе съ генераломъ Бетрищевымъ), (см. Соч. и переводы Баженова, т. I, стр. 40).

воры и произнесенные актерами не будутъ драматической пьесой; это доказываетъ только, что пьеса для сцены должна быть съ этой цѣлью и написана, да и заключать въ себѣ идею, полноту цѣлаго». Впрочемъ, рецензентъ отмѣчаетъ также цѣлый рядъ непростительныхъ ошибокъ, допущенныхъ бенефиціантомъ-режиссеромъ при постановкѣ піесы; напр., на Чичиковѣ было пальто послѣдняго покроя, Петрушка въ дорогѣ носитъ ливрею съ галунами, а Собакевичъ ходитъ въ модной бѣлой шляпѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя носятъ въ Петербургѣ»[1]). Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Отечественныхъ Запискахъ» мы находимъ однажды также сообщеніе о крайне неудачной постановкѣ на сценѣ передѣлки изъ «Тараса Бульбы», при чемъ оказывается, что «изъ прекрасной повѣсти Гоголя вышло чрезвычайно слабое драматическое представленіе»[2]).

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ о переводахъ «Ревизора». Онъ былъ переведенъ на французскій, нѣмецкій, чешскій и польскій языки. Однимъ изъ самыхъ раннихъ переводовъ слѣдуетъ, кажется, считать французскій переводъ, сдѣланный въ 1853 году артистомъ Моро, о чемъ упоминается въ 247 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1853 г. Затѣмъ слѣдуетъ назвать два нѣмецкихъ перевода, — одинъ, о которомъ мы замѣтили выше по поводу статьи г. Видерта, другой, сдѣланный для сцены подъ заглавіемъ: «Rewident», вмѣсто пяти только въ трехъ дѣйствіяхъ, любопытный, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ изъ мѣстныхъ псевдопатріотическихъ соображеній была выкинута маленькая роль доктора Христіана Ивановича Гибнера[3]). Вскорѣ послѣ появленія этого нѣмецкаго перевода появился польскій переводъ Яна Хельмиковскаго (Ian Chelmikowski), также переработанный для театра; но польскій переводчикъ не воздержался отъ того, чтобы, по выраженію корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», не прибавить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ польскаго перца. Такъ онъ позволилъ себѣ вложить въ уста городничаго слѣдующую польскую фразу, не имѣющую, конечно, себѣ ровно ничего соотвѣтствующаго въ подлинникѣ, — будто бы городничему потому захотѣлось сдѣлаться генераломъ, что «русскій генералъ имѣетъ право драться по мордѣ»[4]). Въ такомъ-то переводѣ давался «Ревизоръ» на краковской сценѣ 26 марта 1871 года. Впрочемъ, по словамъ того же корреспондента, комедія сошла въ Краковѣ во всѣхъ отношеніяхъ весьма удовлетворительно: какъ языкъ перевода, такъ и исполненіе пьесы на сценѣ и отношенія польской публики къ спектаклю съ главной пьесой, заимствованной изъ русской жизни, оказались значительно выше ожиданій. Въ зрителяхъ пьеса возбуждала сочувствіе и самый искренній и задушевный смѣхъ.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующія отрывочныя свѣдѣнія о комедіи «Владиміръ 3-й степени» и одинъ любопытный отзывъ объ отличіи драматическаго творчества Гоголя и Островскаго.

---

[1]) «Пантеонъ», 1842, III, 18. О переводѣ «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ съ замѣчаніями объ авторѣ и примѣчаніями Шерьера: (см. у Бѣлинскаго X, 235, 364, 434—437; XI, 20, 105; XII, 253, 523—527. («Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1858, 233).

[2]) «Отечественныя Записки», кн. 36, Смѣсь, стр. 57, 58.

[3]) «Русскій Вѣстникъ», 1871, № 98, 18 марта 1870 г.

[4]) «Русскія Вѣдомости», 1870, № 75.

О комедіи «Владиміръ 3-й степени»:

«Вотъ что́ я узналъ отъ М. С. Щепкина о содержаніи этой комедіи. Героемъ ея былъ человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью жизни получить крестъ св. Владиміра 3-й степени. Извѣстно, что изъ всѣхъ орденовъ орденъ св. Владиміра пользуется особенными привилегіями и уваженіемъ, и дается за особенныя заслуги и долговременную службу. Даже теперь, когда съ полученіемъ другихъ орденовъ не даются уже дворянскія права, какъ это было прежде, орденъ св. Владиміра удержалъ еще за собой это право. Старанія героя пьесы получить орденъ составляли сюжетъ комедіи и давали для него обширную канву, которою, какъ говорятъ, превосходно воспользовался нашъ великій комикъ. Въ концѣ пьесы герой ея сходилъ съ ума и воображалъ, что онъ и самъ есть Владиміръ 3-й степени. Съ особенной похвалой М. С. Щепкинъ отзывался о сценѣ, въ которой герой пьесы, сидя передъ зеркаломъ, мечтаетъ о Владимірѣ 3-й степени и воображаетъ, что этотъ крестъ уже на немъ» [1]).

— «Кстати о Гоголѣ. Въ одномъ изъ №№ «Репертуара и Пантеона», въ отдѣлѣ смѣси, было когда-то напечатано, что Н. В. Гоголь пишетъ новую трехактную комедію подъ заглавіемъ «Владиміръ 3-й степени». Первыя два дѣйствія совершенно отдѣланы и кончены. Если не ошибаемся, то это извѣстіе нигдѣ не было болѣе подтверждено. Въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ изданіямъ сочиненій «Мертвыхъ Душъ» и въ біографіяхъ его ни разу объ этомъ не было упомянуто. Редакторомъ «Репертуара», если не ошибаемся, въ то время былъ Ѳ. А. Кони, и поэтому мы надѣемся, если ему случится прочесть эти строки, что онъ не замедлитъ объясненіемъ о помѣщенномъ имъ въ журналѣ извѣщеніи, такъ какъ все, касающееся литературной дѣятельности Н. В. Гоголя, всегда будетъ имѣть большую важность». («Русская Сцена», 1865, 4 — 5, Современное театральное обозрѣніе, 133).

«Такъ или иначе, оставляя въ сторонѣ причины этого явленія, мы убѣждаемся, что Островскій первый отнесся съ живой ироніей къ самодурству. Геній Гоголя скользилъ свѣтлымъ лучемъ по народно-гражданской сторонѣ русской жизни и горько-ироническая улыбка жива еще на его произведеніяхъ; но на Гоголѣ отразилась лишь масса отдѣльныхъ явленій русской жизни, однѣ лишь грани призмы; центръ же фигуры оставался тайникомъ, который открыть суждено было Островскому» [2]).

Въ послѣдніе годы празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея со дня перваго представленія «Ревизора» вызвало нѣсколько статей и публичныхъ чтеній въ литературныхъ обществахъ, и притомъ не только объ этой, но и о другихъ комедіяхъ Гоголя, а также исполненіе ихъ на сценѣ при торжественной обстановкѣ. Такъ, день 19 апрѣля 1886 г. былъ достойно ознаменованъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности былъ прочитанъ Н. С. Тихонравовымъ прекрасный, обстоятельный очеркъ исторіи «Ревизора», и въ тотъ же день была открыта продажа изданія первоначальнаго сценическаго текста комедіи съ варіантами и примѣчаніями редактора, при чемъ для изданія былъ избранъ тотъ самый миніа-

---

[1]) «Бесѣды Общества Любителей Россійской Словесности», 140.
[2]) «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ», 1860, 47.

тюрный форматъ, который, какъ извѣстно, особенно нравился Гоголю. На той же недѣлѣ въ Московскомъ Маломъ театрѣ два раза были даны такъ называемые «гоголевскіе спектакли», составленные, кромѣ «Ревизора», также изъ «Женитьбы», сценъ изъ «Отрывка» и живыхъ картинъ съ сюжетами, заимствованными изъ гоголевскихъ произведеній, напр. изъ «Майской Ночи», но особенно изъ «Мертвыхъ Душъ». Кромѣ того, исполнены нѣкоторыя сцены изъ оперы «Кузнецъ Вакула» и живая картина, изображавшая Гоголя, читающаго Пушкину отрывки изъ «Мертвыхъ Душъ»[1]). Какъ постановка, такъ и исполненіе пьесъ и живыхъ картинъ были вполнѣ на высотѣ торжественнаго юбилейнаго чествованія.

Въ Петербургѣ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ былъ прочитанъ въ Обществѣ Любителей Сценическаго Искусства очеркъ «Область разрозненной личности», вскорѣ напечатанный въ «Историч. Вѣстникѣ», въ которомъ почтенный авторъ касался также преимущественно *комедій* Гоголя. Исходя изъ своего обычнаго положенія о значеніи сознательной дѣятельности, проф. Миллеръ указываетъ въ пьесахъ Гоголя безчисленные примѣры уклоненія отъ этого высокаго жизненнаго принципа. Такъ, онъ обращаетъ вниманіе аудиторіи, между прочимъ, на то, какъ «Гоголь показываетъ, что люди умѣютъ не только тягаться, но и союзничать ради куска». (И. В., 1886, VI, 659). Таковъ, напр. городничій, соединяющійся съ подвѣдомственными ему чиновниками для обходовъ закона и совмѣстнаго взяточничества, а съ купцами для общихъ мошенническихъ операцій; таковы и претендующіе на «образованіе» Ихаревы и Утѣшительные, готовые вступить между собой въ товарищество съ тѣмъ, чтобы обманывать другихъ, но притомъ, конечно, не пропускающіе случая, если можно, направить нечистые пріемы своей лукавой изобрѣтательности и другъ противъ друга. Образованіе понимается такими людьми въ смыслѣ жизни въ довольствѣ и съ комфортомъ, хотя бы на средства, добытыя нечестнымъ путемъ. Проф. Миллеръ останавливался также на комическомъ изображеніи злоупотребленій въ столичномъ служебномъ мірѣ, гдѣ тоже все бываетъ часто устремлено на извлеченіе незаконныхъ выгодъ изъ должностныхъ отношеній и выпрашиваніе незаслуженныхъ наградъ и оканчиваетъ свой очеркъ указаніемъ на если не преступную, то во всякомъ случаѣ безтолковую и пагубную торопливость и на легкомысліе мотивовъ въ рѣшеніи такихъ важныхъ вопросовъ, какъ союзъ брачный. Извращеніе истинныхъ человѣческихъ отношеній доходитъ до того, что поссорившаяся изъ-за мелкихъ сплетенъ съ «этимъ ужаснымъ Собачкинымъ» Марья Александровна въ «Отрывкѣ» тотчасъ же съ нимъ мирится, будто бы по религіозной снисходительности къ ближнему, а на самомъ дѣлѣ — ради позорнаго союзничества во взведеніи клеветы на одну непріятную ей личность. Въ противоположность всѣмъ этимъ безнравственнымъ и печальнымъ проявленіямъ «разрозненной личности» проф. Миллеръ указываетъ возвышенное пониманіе благородной идеи товарищества въ извѣстной рѣчи Т. Б. къ войску и прекрасное заявленіе того же самаго принципа уже прямо отъ лица самого автора въ «Свѣтломъ Воскресеніи», отрывокъ изъ котораго и приведенъ въ концѣ лекціи.

---

[1]) Картина эта была прекрасно исполнена артистами М. П. Садовскимъ и кн. А. И. Сумбатовымъ (на сценѣ — Южинъ).

ДОПОЛНЕНІЯ КО 2-МУ ТОМУ.

Въ сборникѣ Метлинскаго пѣсни, записанныя Гоголемъ, напечатаны на страницахъ 110, 111, 114, 116, 119 и 282.

Въ виду довольно суроваго осужденія самыхъ микроскопическихъ, иногда даже намѣренныхъ пропусковъ въ цитатахъ, и притомъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они казались автору излишними, позволимъ себѣ дополнить нѣкоторыя изъ нихъ, опущенныя при печатаніи перваго тома. На страницѣ — 167 перваго тома сказано, что слова Петруся: «будетъ и у меня свадьба, только дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ: воронъ черный покрячетъ» и проч. носятъ на себѣ слѣды украинской народной поэзіи. Въ подтвержденіе приводимъ напр. слѣдующіе стихи изъ пѣсни: «Надъ ричкою, надъ быстрою»:

Надъ ричкою ворон кряче,
А по сыну маты плаче.
„Уже-ж твій сынок оженывся:
Поняв соби паняночку,
В чыстим поли земляночку,
И без двирець, и без виконець:
Никуды витру провиваты,
Ясному сонцю проглядаты".
Метлинскій, Южнорусскія пѣсни, 448.

Такъ же замѣчено о словахъ Пидорки: «И родной отецъ — врагъ мнѣ. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на свадьбѣ» и т. д. Ср. въ пѣснѣ: «Вы поля мои, вы шырокіи»:

„Пышу я пысьмо к ридному батюшци,
А як случыться — ридній матушци,
Що хотив, молодый, оженытыся —
Оженыла мене куля быстрая,
Повинчала мене шабля гострая,
Що я взявъ жену—соби землю сыру" (тамъ же, стр. 465—466).

Во второмъ томѣ на страницѣ 67 — 68 замѣчено, что слѣдующій художественный образъ у Гоголя навѣянъ народной поэзіей: «Блеснулъ день, но не солнечный; небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна» и пр. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ

сходный пѣсенный пріемъ изъ одной пѣсни, прочтенной нами въ одной изъ собственноручныхъ тетрадей Гоголя, куда онъ записывалъ нравившіяся ему пѣсни. Это примѣръ не единственный. Такіе же пѣсенные пріемы можно указать и во многихъ другихъ пѣсняхъ: напр. въ сборникѣ Метлинскаго мы находимъ нѣсколько пѣсенъ съ такими же пріемами:

„Летыть орел сызокрылый
У поле жdыться;
Идé козак молоденькый
Да на Дин женыться.
Летыть орел сызокрылый
Та й не пожывывся;
Идé козак молоденькый
Та й не оженывся и пр.“ (Стр. 42).

Можно привести нѣсколько другихъ примѣровъ. Такъ, въ «Майской Ночи» Ганна говоритъ Левку: «Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что̀ тебѣ хочется». Ср. въ пѣснѣ «Степ шырокый, край далекый»:

„Таку соби, моя мыла, натуроньку маю,
Що як сяду блызько тебе, то все забуваю“. (стр. 64).

Въ томъ же родѣ въ пѣснѣ: «Сыдыть голуб на дубочку, голубка на вышни» (стр. 62):

„Тоди я тебе забуду. як очы заплющу,
Буду пыты, буду пыты, хотя б через сылу;
Тоди я тебе забуду, як ляжу въ могылу“.

Также на стр. 156:

„Зеленая явирыночка!
Чом ты мала невелычечка?
Чы ты росту не велыкого?
Чы кориньня не глыбокого?
Чы ты лысту не шырокого?
Я й росту высокого,
Я й кориньня глыбокого,
Я й лысту шырокого.

Молодая Марусечко!
Чом ты мала невелычечка?
Чы ты роду не велыкого?
Чы ты батька не багатаго?
Чы ты маткы не розумнои?
Я и роду велыкого,
Я и батька багатаго,
Я и маткы розумнои!“ (156—157).

Ср. слѣдующую затѣмъ пѣсню: «Пливе утинка з утенятамы на море ночуваты».

Наконецъ, почти совершенно сходна съ приведенной нами пѣснью, представляющею варіантъ ея (см. на стр. 183—184), — «Слала зоря до мисяця».

Укажемъ кстати по поводу словъ: «Стоило только есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: «Эй, вы, пивники; броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ» и проч. кромѣ пѣсни о Поповченкѣ по сборнику Лукашевича «Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни», указанной Н. С. Тихонравовымъ, еще варіантъ въ сборникѣ Метлинскаго въ пѣснѣ: «Про Ивана Вдовыченка»:

„Эй, вынвыкы, броварныкы!
Годи вам по запичкам валяться,
По броварнях пыв варыты,
По вынныцяхъ горилок курыты“ и пр. (414 стр.).

Затѣмъ можно отмѣтить мелочи: изображеніе красавицы Оксаны въ пѣснѣ: «Ой у нашого пана Оврама» (343 стр.), проводы матерью сына въ чужую сторону: «Ой у недилю рано-пораненьку ясна зора зыходыла» (241), обманъ разгульной бабой стараго, недогадливаго мужа: «молодыи мололодыци» (470).— Всѣ эти указанія первоначально были опущены намѣренно въ виду того, что, по самой сущности дѣла, отмѣчаютъ лишь приблизительное и довольно общее сходство [1]).

---

[1]) Кстати не можемъ не выразить здѣсь самой искренней благодарности за дѣльныя указанія, касающіяся малороссійской поэзіи, г. В. Г., рецензенту «Кіевской Старины» (1887) и «Русскаго Обозрѣнія» (1893).

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ 3-МУ ТОМУ.

Къ стр. 8 (см. примѣч. 5).

Такъ представляется дѣло на основаніи всѣхъ извѣстныхъ источниковъ. Есть, впрочемъ, одинъ компетентный голосъ, повидимому, въ пользу достаточнаго изученія Гоголемъ исторіи Украйны. Этотъ голосъ принадлежитъ его земляку и другу, М. А. Максимовичу. Но надо обратить вниманіе на то, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ Максимовичъ высказывалъ свое мнѣніе. Въ одномъ письмѣ къ извѣстному любителю родной украинской старины, Г. П. Галагану, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ поразившаго его историческаго романа г. Кулиша — «Черная Рада», въ которомъ послѣдній, по мнѣнію Максимовича, слишкомъ высоко ставилъ въ «эпилогѣ» собственный романъ и какъ будто хотѣлъ ослабить значеніе «Тараса Бульбы», какъ главнѣйшаго произведенія Гоголя съ историческимъ сюжетомъ, — взволнованный и возмущенный этимъ, Максимовичъ спѣшилъ излить вынесенное изъ чтенія «эпилога» впечатлѣніе. Какъ извѣстно, въ весьма скоромъ времени между нимъ и г. Кулишомъ возникла жаркая, хотя и непродолжительная полемика по тѣмъ же вопросамъ о степени знакомства Гоголя съ изображаемымъ имъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» и въ другихъ повѣстяхъ украинскимъ бытомъ. Очень понятно, что крайности г. Кулиша заставили Максимовича столь же усиленно отстаивать противоположное убѣжденіе. Особенно поразилъ послѣдняго слѣдующій суровый приговоръ г. Кулиша надъ украинскими повѣстями Гоголя, совершенно неожиданный и изумительный послѣ извѣстнаго панегирическаго отношенія этого автора къ герою написанной имъ не задолго передъ тѣмъ біографіи. Г. Кулишъ писалъ: «судя строго, малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины... Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. *Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это «Тарасомъ Бульбою», въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ*». Далѣе, онъ называетъ «Тараса Бульбу» «эффектнымъ, потѣшающимъ воображеніе, но мало объясняющимъ народную жизнь». Наконецъ, въ своей статьѣ, напечатанной въ «Русск. Вѣстн.» (1857, № 24), г. Кулишъ называетъ Гоголя «незнавшимъ демократической Малороссіи», изображавшимъ ее, какъ баринъ, видящій одно смѣшное въ мужикѣ [1]). Какъ видимъ, живой и крайне впечатлительный по своему темпераменту, но въ то же

[1]) Соч. Максимовича, т. I, стр. 516.

время смѣлый въ выраженіи своихъ мнѣній, г. Кулишъ слишкомъ ярко и не безъ преувеличенія высказалъ здѣсь справедливую въ своемъ основаніи мысль. Противъ нея и теперь слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, возражать, *но не по существу*, а только выставить кроющіеся въ ней слѣды крайняго увлеченія. Г. Кулишъ погрѣшилъ собственно сгущеніемъ красокъ, доходя, напр., до утвержденія *«крайней недостаточности»* у Гоголя свѣдѣній о малороссійской старинѣ. Послѣ этого, безъ сомнѣнія, Максимовичъ былъ совершенно правъ, говоря: «При этомъ мнѣ вспомянулось время перваго появленія повѣстей Гоголя: въ какомъ восторгѣ былъ отъ нихъ М. С. Щепкинъ, такъ хорошо знавшій Малороссію демократическую и аристократическую! И какъ посмѣялись мы тогда надъ отзывомъ «Моск. Телеграфа» о «Вечерахъ» Гоголя!» Вотъ что̀ писалъ мнѣ изъ Петербурга, отъ 9-го ноября 1831 года, О. М. Сомовъ (писавшій малороссійскіе повѣсти и стихи, подъ именемъ Порфирія Байскаго): «Кстати, прилагаю при семъ давно вами желаемую пѣсню о Богданѣ Хмельницкомъ. Да читали ль вы «Украинскій Альманахъ»? Тамъ есть нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ. Я познакомилъ бы васъ, хотя заочно, если вы желаете того, съ однимъ очень интереснымъ землякомъ, пасѣчникомъ Панькомъ Рудымъ, издавшимъ «Вечера на Хуторѣ», т.-е. Гоголемъ-Яновскимъ, которому Полевой рѣшился сказать: «вы, сударь, *москаль*, да еще и *горожанинъ*» [1]), и пр. и пр. Не правда ли, что Полевой совершенно оправдалъ басню Крылова: «Оселъ и Соловей»... У Гоголя есть много малороссійскихъ пѣсенъ, побасенокъ, сказокъ и пр. и пр., коихъ я еще ни отъ кого не слыхивалъ, и онъ не откажется поступиться пѣснями доброму своему земляку... Онъ человѣкъ съ отличными дарованіями и знаетъ Малороссію, какъ пять пальцевъ». Очевидно, что г. Кулишъ дѣйствительно попалъ въ нѣсколько ложное положеніе, очутившись какъ бы единомышленникомъ Полевого, хотя здѣсь была огромная, существенная разница: Полевой обнаружилъ непониманіе дѣла, тогда какъ г. Кулишъ прекрасно понималъ его; но, характеризуя степень компетентности Гоголя въ малороссійской исторіи, по своему пылкому темпераменту не удержался отъ преувеличеній, и во всякомъ случаѣ дѣло шло пока столько же, и даже еще болѣе, объ этнографическомъ знакомствѣ Гоголя съ родиной, вынесенномъ изъ богатаго запаса наблюденій, — котораго въ Гоголѣ никакъ нельзя отрицать, — сколько о научномъ историческомъ изученіи имъ Украйны. Въ пылу полемики, какъ Максимовичъ, такъ и г. Кулишъ говорили вообще о знаніи Гоголемъ Малороссіи, мало заботясь о разграниченіи двухъ существенно различныхъ вопросовъ. Гоголь, несомнѣнно, хорошо зналъ свою родину, какъ знали ее Щепкинъ и многіе другіе малороссы, совсѣмъ не будучи историками-спеціалистами. Вотъ почему и въ ниже приводимыхъ строкахъ нельзя видѣть указанія собственно на такое серьезное и научное изученіе Гоголемъ Малороссіи: «Что Гоголь очень *достаточно* зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа», пишетъ Максимовичъ, «и всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ, то̀ извѣстно мнѣ положительно и достовѣрно, какъ по прежнимъ его занятіямъ, особенно 1834 и 1835 гг., такъ и по его бесѣдамъ со мною въ 1849 и 1850 гг. Но свойство его поэтическаго генія было уже таково, что дѣй-

[1]) Тамъ же, 516—518.

ствительную жизнь онъ своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое; и въ этомъ отношеніи нашъ другой великій художникъ Пушкинъ, по свойству своего генія, въ поэмѣ «Полтава», былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ». Въ этихъ строкахъ любопытно особенно то, что Максимовичъ говоритъ о достаточномъ знаніи Гоголемъ исторіи Украйны *въ сравненіи не съ спеціалистами, не съ учеными историками, но съ «многими новѣйшими писателями малороссійскими»*, — въ чемъ вообще едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Нѣсколько дальше разбирая мнѣніе г. Кулиша, Максимовичъ приводитъ слѣдующія его слова: во время Гоголя «не было возможности знать Малороссію болѣе, нежели *онъ* зналъ. Мало того, *не возникло даже и задачи изучить ее со всѣхъ сторонъ,* съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь»[1]). Наступилъ *моментъ* исторической разработки, до котораго далеко еще было автору «Тараса Бульбы», какъ это всего лучше доказываетъ современная этому произведенію статья Пушкина о Ковисскомъ (въ «Соврем.» 1836 г.), въ которой нѣтъ и намека на его недостатки съ фактической стороны»[2]).

«Какое же тутъ соотношеніе», съ удивленіемъ восклицаетъ Максимовичъ, «между умолчаніемъ Пушкина объ ошибкахъ Ковисскаго и исторической разработкой, до которой далеко было Гоголю! Пушкинъ, въ общемъ разборѣ тогда изданныхъ сочиненій Конисскаго, обратилъ особенное вниманіе свое на его «Исторію Руссовъ», тогда еще не изданную. Какъ великій художникъ, онъ оцѣнилъ «Исторію Руссовъ» съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конисскаго «великимъ живописцемъ». Въ томъ и было дѣло Пушкина; а въ мелочныя замѣтки объ ошибкахъ фактическихъ неумѣстно было и входить ему, хотя бы онъ и зналъ объ нихъ». Но онѣ и тогда были видны для спеціалистовъ. Вѣдь за два года еще передъ тѣмъ въ «Запорожской Старинѣ», г. Срезневскій, выписывая разныя сомнительныя сказанія изъ «Исторіи Руссовъ», называлъ ихъ «Повѣстями Ковисскаго»[3]). Оставимъ теперь въ сторонѣ пререканія г. Кулиша съ Максимовичемъ, хотя и не можемъ умолчать о странности послѣдняго возраженія Максимовича, который именно и подтверждалъ въ сущности мысль Кулиша, но только указывалъ на несправедливость предъявленія къ Пушкину тѣхъ требованій, которыя могутъ быть поставлены только спеціалистамъ; для насъ здѣсь важна именно эта аргументація, этотъ способъ оправданія Пушкина и Гоголя, какъ художниковъ, которые *не могутъ быть строго судимы за ошибки, не извинительныя спеціалистамъ.* Слѣдовательно, Гоголь никакъ не можетъ быть занесенъ въ списокъ послѣднихъ, и была же, наконецъ, разница между познаніями его въ области родной старины и строго-научными изученіями Срезневскаго, Бодянскаго и другихъ. Въ полемикѣ, отражая рѣзко противоположные и крайне преувеличенные взгляды, Максимовичъ естественно и самъ могъ подчеркнуть, совершенно добросовѣстно и безъ дружескихъ натяжекъ, достаточное знаніе Гоголемъ Малороссіи; но внѣ ея, въ спокойномъ письмѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 129.
[2]) Тамъ же, стр. 132.
[3]) Соч. Максимовича, т. I, стр. 523.

къ М. В. Юзефовичу, онъ самъ признавалъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» «поэтически своевольную перестройку исторической дѣйствительности» [1]). Также въ письмѣ къ Погодину онъ, приводя строки послѣдняго: «Есть ли изъ трехсотъ, составленныхъ тобою (въ словарѣ), біографій удѣльныхъ князей хоть одна, которая напомнила бы собою «Тараса Бульбу», или Петра въ «Страшной Мести», — возражаетъ: «Для меня чуденъ самый вопросъ твой. То были князья до-татарскаго времени — лица дѣйствительныя, обозначенныя лѣтописаньемъ, изъ которыхъ ты выбиралъ біографіи почти слово въ слово, даже убавляя; а Тарасъ, Петръ — лица вымышленныя, пересозданныя воображеніемъ поэта, взятыя изъ простолюдія, не изъ княжескаго сословія, и пріуроченныя, какъ Тарасъ, къ четвертому десятилѣтію XVII вѣка. Конечно, художественная сила необходима историку для воскрешенія давно прошедшихъ лицъ, чтобы они и современныя имъ поколѣнія народа становились живьемъ передъ очами. Но чтобы художникъ былъ наставителенъ для историка, для того надобно, чтобы онъ со смиреніемъ покорился исторической дѣйствительности, *поработалъ бы для нея съ долготерпѣніемъ*. А въ творчествѣ нашего великаго художника Гоголя (пока художество было его жизнью) этого не было: у него и исторія Малороссіи скакала по его волшебной флейтѣ» [2]). Что̀ и требовалось доказать. Къ этому послѣднему заключенію приходили также косвеннымъ образомъ писатели, не занимавшіеся изученіемъ Гоголя и лично его не знавшіе; такъ, покойный Г. З. Елисеевъ въ «Современникѣ», въ своей статьѣ: «Историческіе очерки русской литературы», упоминалъ о томъ, что, при обширномъ запасѣ у Гоголя высокаго лирическаго воодушевленія, отъ него можно было бы ожидать не только превосходной поэмы съ историческимъ сюжетомъ, но и трагедіи; на вопросъ, почему же Гоголь сюжетъ высокаго трагическаго интереса предпочелъ втиснуть въ форму небольшого разсказа, чѣмъ развить въ трагедію? — отвѣтимъ такъ: «мы думаемъ, единственно потому, что для полнаго развитія сюжета въ трагедіи требовалось слишкомъ много предварительной, конечно, очень скучной подготовки» [3]).

Къ стр. 13.

«Единственный сравнительно благопріятный отзывъ о профессорствѣ Гоголя изъ статьи въ «Русской Старинѣ»:

«Къ сему времени относится и большой успѣхъ, который имѣлъ своими лекціями Плетневъ, и появленіе на каѳедрѣ Гоголя; первый завлекалъ въ свою аудиторію студентовъ отъ всѣхъ факультетовъ, такъ что, несмотря на малочисленность учениковъ собственно филологическаго отдѣла, малая зала, гдѣ онъ читалъ, была всегда биткомъ полна, что̀ и было причиною перенесенія лекцій Плетнева въ другую, бо̀льшую аудиторію. Гоголь держалъ тогда вступительную лекцію древней исторіи, и, сдѣлавшись уже популярнымъ своими разсказами, въ особенности бытовыми изъ Малороссіи, на сей лекціи собиралъ около своей каѳедры много юныхъ литераторовъ; Гоголь не былъ никогда научнымъ изслѣдователемъ и по преподаванію уступалъ

[1]) Максимовичъ, т. I, стр. 301.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 266.
[3]) «Современникъ», 1866, I, 203—204.

спеціальному профессору исторіи, Куторгѣ, но поэтическій свой талантъ и нѣкоторый даже идеализмъ, а притомъ и особую прелесть выраженія, дѣлавшіе его несомнѣнно краснорѣчивымъ, — онъ влагалъ въ свои лекціи, изъ коихъ тѣ, которыя посвящены были идеальному быту и чистотѣ воззрѣній аѳинянъ, имѣли на всѣхъ, а въ особенности на молодыхъ, его слушателей, какое-то воодушевляющее къ добру и къ нравственной чистотѣ вліяніе; жаль, что лекціи Гоголя были непродолжительны: болѣзнь, поѣздка за-границу и собственное его, всегда вѣрное, чутье, что профессура не была природная его колея, стоявшая несравненно выше, — отвлекли его отъ сего поприща на большую пользу отечеству. Живо помню и послѣднюю его лекцію: блѣдное, исхудалое и длинноносое лицо его подвязано было чернымъ платкомъ отъ зубной боли, и въ такомъ видѣ фигура его, а притомъ еще въ вицъ-мундирѣ, производила впечатлѣніе бѣднаго угнетеннаго чиновника, отъ котораго требовали непосильнаго съ его природными дарованіями труда. Гоголь прошелъ на каѳедрѣ какъ метеоръ, съ блескомъ оную освѣтившій и вскорѣ на оной угасшій, но блескъ этотъ былъ настолько силенъ, что невольно врѣзался въ юной памяти»[1]).

Къ стр. 113.

Въ виду нежеланія покойнаго А. С. Данилевскаго, чтобы я передавалъ въ печати свѣдѣнія, касающіяся его лично, и съ другой стороны неудобства полнаго умолчанія о томъ, какъ судьба его снова связала съ Гоголемъ во время ихъ совмѣстнаго путешествія за-границу, — позволю себѣ сообщить для интересующихся *самое краткое*, но *буквальное*, извлеченіе изъ словъ покойнаго:

«Въ 1831 году я долженъ былъ уѣхать лѣчиться на Кавказъ. Въ 1832 г. возвратился домой, и лѣтомъ мы съ Гоголемъ часто видались въ деревнѣ[2]). Послѣ того, какъ мы встрѣчались у его матери, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а я остался въ То́лстомъ, — у родителей. Въ 1835 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ канцелярію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Я пріѣхалъ прямо къ нему. Онъ жилъ въ Демутовомъ переулкѣ. Я нанялъ квартиру съ братомъ, Иваномъ Семеновичемъ, а онъ переселился въ Малую Морскую (д. Модераха), гдѣ и прожилъ до отъѣзда за-границу. Здѣсь были нѣжинскіе вечера. Въ 1836 г. мы съ нимъ вмѣстѣ собрались за-границу. Передъ выѣздомъ, какъ прежде передъ поѣздками изъ Нѣжина домой, онъ безпрестанно ждалъ отъѣзда, дѣлалъ приготовленія, — только о томъ и говорилъ».

Къ стр. 202.

Необходимо, впрочемъ, сознаться, что при точномъ установленіи этихъ датъ встрѣчаются большія затрудненія. Такъ, г. Кулишъ при всемъ тща-

---

[1]) «Русская Старина», 1891 г., кн. V. стр. 157—158. — Объ университетскихъ чтеніяхъ Гоголя все-таки главными источниками считаемъ «Исторію С.-Петербургскаго университета» В. В. Григорьева, воспоминанія Иваницкаго («Отеч. Записки», 1853, II, 109—121), наконецъ и другіе, напр. отзывъ Тургенева, даже г. Колмакова («Русск. Стар.», 1881, V, 460—461).

[2]) Данилевскій говоритъ здѣсь о пріѣздѣ Гоголя лѣтомъ 1832 г. домой на каникулы.

тельномъ отношенiи къ дѣлу, очевидно, именно за этотъ промежутокъ отъ 1837 до 1839 г., нѣсколько разъ впадаетъ въ явныя ошибки при опредѣленiи нѣкоторыхъ изъ нихъ по предположенiю (въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно выставляетъ предполагаемый годъ въ скобкахъ). Покойный А. С. Данилевскiй также не могъ разъяснить этихъ недоумѣнiй, ссылаясь на то, что невозможно помнить, по истеченiи почти 50 лѣтъ, когда именно имъ было получено то или другое письмо. Г. Кулишъ несомнѣнно правильно отнесъ по предположенiю къ 1837 г. письмо къ Прокоповичу отъ 19-го сентября изъ Женевы, изъ котораго ясно, что Гоголя удерживала внѣ Италiи холера и потому онъ *«соскучился страшно безъ Рима»*, и, какъ сказано нами, другое письмо, въ которомъ упомянуто о полученiи денегъ отъ государя. Притомъ въ этомъ же письмѣ мы узнаемъ маршруты Гоголя именно 1837 г.: *«Я писалъ къ тебѣ изъ Рима, изъ Франкфурта, изъ Бадена — хоть бы одно слово!..»*[2]). Эта жалоба, какъ мы знаемъ, объяснилась потомъ задержкой писемъ во время карантина отъ холеры въ концѣ 1837 г. Послѣ этого, повидимому, слѣдуетъ отнести къ самому концу 1837 г. или къ началу 1838 г. и письмо Гоголя къ Данилевскому, изъ котораго видно, что, простившись съ другомъ, Гоголь взялъ съ него слово писать какъ можно чаще, и самъ писалъ ему съ дороги въ Римъ изъ Лiона и Марселя, — начинающееся словами: «Не стыдно ли, не совѣстно ли?»[3]) Въ этомъ письмѣ мы читаемъ (въ концѣ): *«Я думалъ застать въ Римѣ много писемъ, и ничего почти не засталъ. Отъ Прокоповича никакихъ вѣстей*. Не получаешь ли ты? Это удивительный человѣкъ. Если бы другому — можно пропустить такое молчанiе, но ему — нѣтъ; это безсовѣстно». Всѣ эти соображенiя указываютъ на осень 1837 г., куда въ такомъ случаѣ слѣдуетъ прiурочить же письмо изъ Лiона безъ даты: «Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Лiона»[4]), *какъ предшествующее*, и все это было бы вполнѣ согласно съ слѣдующими словами начала письма изъ Рима, о которомъ только-что была рѣчь: «Не стыдно ли тебѣ, не совѣстно ли? Я думалъ, прiѣхавши въ Римъ, застать отъ тебя письмо. Вѣдь мы дали обѣщанiе писать непремѣнно, писать часто другъ къ другу. Гдѣ это обѣщанiе? Я писалъ къ тебѣ *изъ Лiона, —* изъ Марселя»[5]). Оба письма, очевидно, слѣдовали одно за другимъ вскорѣ по выѣздѣ изъ Парижа: въ лiонскомъ письмѣ Гоголь *положительно* пишетъ по дорогѣ изъ Парижа и упоминаетъ, какъ о свѣжей новости, о потерѣ своего «итальянскаго Курганова»; въ письмѣ изъ Рима онъ также говоритъ: «Мысль моя не вся еще оторвалась отъ Монмартра и бульвара des Italiens»[6]). Кромѣ того, въ последнемъ письмѣ Гоголь говоритъ о Римѣ слѣдующее: «Здѣсь я встрѣтилъ *нѣкоторыхъ знакомыхъ,* которые не дали еще вступить въ мою прежнюю колею», — почти то же, что̀ въ письмѣ къ Балабиной отъ апрѣля 1838 г.: «Нужно вамъ знать, что я прiѣхалъ въ Римъ *совершенно одинъ*, что въ

---

1) «Русск. Слово», 1859, I, 105.
2) См. «Русск. Архивъ», 1871, 4—5, 958 и «Русск. Слово», 1859, I, 107.
3) «Соч. и письма Гоголя», V, 297.
4) «Соч. и письма Гоголя», V, 297.
5) Тамъ же, стр. 297.
6) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 298.

Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ[1])», и объ этомъ упоминается въ другомъ почти одновременномъ письмѣ къ Данилевскому: «У меня теперь въ Римѣ *мало знакомыхъ»* и проч., — тогда какъ въ первой половинѣ 1837, второй половинѣ 1838 и 1839 гг. Гоголь, имѣя въ Римѣ многихъ знакомыхъ, не могъ бы сказать этого. Но странно, что въ занимающемъ насъ письмѣ изъ Рима безъ даты читаемъ также: «Я до сихъ поръ еще какъ-то не очнулся въ Римѣ. Какъ будто какая-то плева на глазахъ моихъ, которая препятствуетъ мнѣ видѣть его въ томъ чудномъ великолѣпіи, въ какомъ онъ представился мнѣ, когда я въѣхалъ въ него *во второй разъ»* [2]). О томъ же своемъ впечатлѣніи при въѣздѣ во второй разъ Гоголь то же самое пишетъ въ письмѣ отъ апрѣля 1838 г.; но такъ какъ въ 1838 г. онъ не выѣзжалъ изъ Италіи, и прямо говорилъ: «Посохъ мой странническій уже не существуетъ» [3]), то остается предположить, не считалъ ли онъ вторымъ пріѣздомъ своимъ въ Римъ тотъ, который предшествовалъ его вторичному непродолжительному возвращенію въ Швейцарію. Такимъ предположеніемъ устранились бы всѣ трудности, но его нельзя еще считать твердо обоснованнымъ. Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1838 г. Гоголь говоритъ между прочимъ: «Я былъ, по обыкновенію, аккуратнѣе тебя, и тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Римъ, написалъ къ тебѣ письмо. *Это было, если не ошибаюсь, въ первыхъ числахъ ноября»*[4]). Итакъ, не опредѣляется ли этимъ хоть приблизительно дата занимающаго насъ письма? Затѣмъ даты остальныхъ писемъ у г. Кулиша несомнѣнно вѣрны, кромѣ одного, о которомъ мы говорили раньше, и письма отъ 2-го апрѣля изъ Рима, написаннаго, очевидно, послѣ смерти матери Данилевскаго, слѣдовательно въ *1839*, а не въ 1838 году. Любопытно еще, что послѣ приведенныхъ выше словъ: «Посохъ мой странническій уже не существуетъ», — Гоголь прибавляетъ: «Ты помнишь, что моя палка унеслась *волнами Женевскаго озера*. Я теперь сижу дома; никакихъ мучительныхъ желаній, влекущихъ вдаль, нѣтъ, развѣ проѣздиться въ Семереньку, т.-е. въ Неаполь, и въ Тòлстое, т.-е. въ Фраскати, или въ Альбани»[5]). Слѣдовательно, именно *по пріѣздѣ изъ Швейцаріи* Гоголь надолго основался безвыѣздно въ Римѣ. Выяснить вопросъ точнѣе и очевиднѣе не позволяетъ недостатокъ вполнѣ установленныхъ данныхъ. Дѣло осложняется еще причудливостью маршрутовъ Данилевскаго, которому Гоголь говорилъ: «У тебя ужъ, видно, такой бѣсъ сидитъ внутри, который ворочаетъ тобою наперекоръ»[6]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 316.
[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 298.
[3]) Тамъ же, стр. 307.
[4]) Тамъ же, стр. 299.
[5]) Тамъ же, стр. 307.
[6]) Тамъ же, стр. 310.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗІИ.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1893, V) выступилъ уже послѣ моего отвѣта г. Витбергу анонимный критикъ, не остановившійся ради защиты г. Витберга передъ пріемами, не имѣющими ничего общаго съ литературной честностью. Такъ по поводу сдѣланнаго мною въ первомъ томѣ библіографическаго обзора литературы о Гоголѣ онъ позволилъ себѣ отмѣтить на страницѣ 15 моей книги (въ перечнѣ статей) *несуществующій* пропускъ «весьма замѣчательной и цѣнной статьи г. Трахимовскаго о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь»,— тогда какъ напротивъ статья г. Трахимовскаго указана мною *именно на 15 страницѣ*, см. *тринадцатую строку снизу,* а затѣмъ *неоднократно и настоятельно рекомендуется вниманію читателей* (см. стр. 58, 201—204 и 253 перваго тома, причемъ на стр. 58 *прямо сказано:* «Мы *особенно рекомендовали бы* для болѣе обстоятельнаго знакомства съ личностью М. И. Гоголь *статью М. А. Трахимовскаго*». Далѣе критикъ настаиваетъ на возмутительной клеветѣ, будто я желаю подорвать авторитетъ изслѣдованій о Гоголѣ г. Кулиша, хотя *какъ разъ наоборотъ* я вездѣ отношусь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, и *уже раньше,* въ опроверженіе клеветы г. Витберга, заявилъ *категорически,* что «я отнюдь не желалъ набросить тѣнь на прекрасный и вполнѣ добросовѣстный трудъ г. Кулиша» (т. II, стр. 160, 2 примѣч.)[1]). Далѣе г. критикъ, неудачно стремится, по слѣдамъ г. Витберга, подорвать довѣріе къ сообщеніямъ покойнаго друга Гоголя Данилевскаго. Мы отмѣтили нѣкогда, что г. Витбергу, «не пришло въ голову», что Э. А. Шанъ-Гирей, которою плѣнился Данилевскій въ 1831 г., могла одинаково блистать и въ 1831 г., будучи 16 лѣтъ, и въ 1841 г. въ 26 лѣтнемъ возрастѣ. Его защитникъ выражаетъ теперь сожалѣніе, что я «посѣтилъ этого стараго и близкаго пріятеля Гоголя, когда Данилевскій уже ослѣпъ и пришелъ въ совершенную дряхлость»[2]). Но это снова дерзкая ложь, крайне безцеремонная со стороны человѣка, очевидно и въ глаза не видавшаго Данилевскаго, такъ какъ послѣдній былъ вполнѣ бодрымъ старикомъ и безусловно сохранилъ память (вѣдь живы же нако-

---

[1]) Мое мнѣніе о прекрасномъ трудѣ г. Кулиша по разработкѣ біографіи Гоголя и изданію его сочиненій см. въ сборникѣ «Памяти Н. С. Тихонравова» (стр. 95—97 и проч.).

[2]) Но вѣдь я же объяснялъ (см. т. I, стр. 93), что сначала, основываясь на невѣрномъ свѣдѣніи въ «Лицеѣ кн. Безбородко», я ошибочно долго считалъ Данилевскаго умершимъ, а затѣмъ, только-что узналъ, что онъ живъ, при первой возможности поѣхалъ къ нему. Что же еще я долженъ былъ сдѣлать?!

нецъ люди, знавшіе его въ послѣдніе годы!), и притомъ критику опять «не пришло въ голову», что теперь *негдѣ* искать молодыхъ сверстниковъ Гоголя, и что, безъ сомнѣнія, отъ меня не зависѣло принадлежать къ болѣе раннему поколѣнію. Послѣ этого неудивительно, что г. критикъ, выхвативъ изъ моего перечня статей и сочиненій о Гоголѣ *единственный* и вполнѣ ничтожный пропускъ точной цитаты (рѣчь идетъ о летучихъ возраженіяхъ г. Быкова г-жѣ Бѣлозерской въ «Новомъ Времени»), и пропускъ обозначенія года изданія книги Аристова о Гоголѣ, хотя это никого, конечно, затруднить не можетъ, позволяетъ себѣ утверждать, будто перечень составленъ неудовлетворительно. Но я могу скорѣе опасаться противоположнаго упрека въ изобиліи библіографическихъ указаній въ трудѣ, отнюдь не имѣющемъ спеціальнаго библіографическаго характера. Наконецъ г. критикъ упрекаетъ меня, будто я «боюсь *уронить себя* (!) чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ человѣку, *уронившему себя* (sic) ретроградным образомъ мыслей», и осуждаетъ мое недовольство тѣмъ, что Гоголь не гнушался протекціей вполнѣ ничтожныхъ передъ нимъ вельможъ. На это отвѣчу, что я не запрещаю критику «Русскаго Вѣстника» держаться его молчалинскихъ взглядовъ, но лично для себя считаю за честь оставаться на сторонѣ убѣжденій Чацкаго. Во всякомъ случаѣ признаю за собой право заранѣе отказаться отъ продолженія подобной полемики и открыто заявить требованіе, чтобы однажды опровергнутыя мною возраженія по крайней мѣрѣ не повторялись голословно, безъ новыхъ доводовъ, а также, чтобы болѣе не пускались въ ходъ искаженія, передержки или придирки къ типографскимъ опечаткамъ. Требованіе это заявляю открыто, среди бѣлаго дня и при множествѣ живыхъ свидѣтелей.

ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

По напечатаніи въ „Живой Старинѣ“ (1893) переписки И. И. Срезневскаго, необходимо исправить слѣдующія слова въ нашей книгѣ: „Могло быть также, что въ Харьковъ Гоголь заѣзжалъ именно ради Срезневскаго, но этотъ вопросъ, легко разрѣшимый при жизни Данилевскаго, теперь остается открытымъ[1])“. Изъ писемъ И. И. Срезневскаго, нынѣ напечатанныхъ, ясно, что послѣдній познакомился съ Гоголемъ въ 1839 г. въ Москвѣ, и слѣдовательно въ Харьковъ Гоголь къ нему въ 1835 г. не заѣзжалъ.

Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ хранится, въ числѣ автографовъ, записка Гоголя къ одному пріятелю, относящаяся, несомнѣнно, къ маю 1840 года: „Очень жалѣю, что опять не засталъ васъ дома. Я думалъ, что вы заглянете навѣстить больного и по старинѣ провесть денекъ вмѣстѣ въ Погодинскомъ саду, куда я, несмотря на хворость, потащился въ надеждѣ обнять всѣхъ, привыкшихъ проводить вмѣстѣ со мной этотъ день. *Но васъ* и многихъ другихъ не было“.

Отношенія Гоголя къ Патріотическому Институту по оставленіи службы въ немъ и воспоминанія о немъ бывшихъ ученицъ могутъ отчасти выясниться на основаніи слѣдующихъ писемъ:

П. Минстеръ — Н. В. Гоголю. Полтава, 28 сентября (безъ обозначенія года).

„Много, много вамъ благодарна, уважаемый и добрѣйшій Николай Васильевичъ, что вспомнили день моихъ именинъ.

---

1) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. II, стр. 184.

Письмо ваше я получила въ самую шумную минуту бала; оно переходило изъ рукъ въ руки между добрыми нашими *патріотками*, съ восторгомъ читавшими ваши теплыя слова о радостныхъ дняхъ встрѣчи съ былыми друзьями дѣтства. Всѣ мои совоспитанницы, съѣхавшіяся ко мнѣ въ тотъ день, неотступно просили изъявить вамъ общее чувство благодарности и любви за письмо ваше, одушевившее насъ новымъ духомъ дружбы и товарищества. Искренно жалѣю, что милыя сестрицы ваши, Анюта и Лиза, которыхъ я люблю ото всего сердца, не могли пріѣхать раздѣлить съ нами истинно прекрасныхъ минутъ свиданія съ тѣми изъ подругъ, съ которыми мы были разлучены болѣе семи лѣтъ. Ваша правда: нѣтъ торжественнѣе торжества, какъ это согрѣвающее сердце свиданіе, надолго оставляющее въ душѣ свѣтлое чувство любви къ ближнему. Мнѣ случалось быть посторонneю зрительницею подобныхъ мгновеній, и тогда даже слезы невольно выступали на глазахъ моихъ, и я радовалась за нихъ и боюсь сознаться, не завидовала ли имъ.

Если среди вашихъ занятій выберете время набросать ко мнѣ хоть строчку, то я сочту это за особенный знакъ вниманія къ душевно вамъ преданной патріоткѣ П. Минстеръ".

По смерти Гоголя одна изъ патріотокъ А. Неклюдова (урожденная Беклешова) писала его сестрамъ: „Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Много пережили съ той поры; много перемѣнъ было съ нами; судьба дарила насъ — кого счастьемъ и радостью, кого — горемъ и слезами. И вотъ, очередь дошла и до васъ, бѣдныя мои сестры по сердцу, и васъ постигло тяжкое горе. Но съ вами заплакала и вся Русь святая надъ свѣжей могилой такъ рано похищеннаго геніальнаго писателя нашего; не одну слезу пролили всѣ наши патріотки 6 и 7 выпуска по своемъ добромъ, снисходительномъ учителѣ. Не знаю, писали ли вамъ кто изъ нашихъ, а мнѣ писали нѣкоторыя и всѣ заплатили дань скорби и сердечнаго сожалѣнія нашему незабвенному Николаю Васильевичу".

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ напечатать.*
28	6 сверху	болѣе живой	также живой
37	примѣч., 5 сверху	6938	0938
39	14 сверху	Гоголя доходили	до Гоголя доходили
48	4 снизу	часть	честь
51	12 снизу	признанія	призванія
52	1 примѣч., 7 сверху	А. А. Орловымъ-Булгаринымъ.	А. А. Орловымъ и Булгаринымъ.
62	4 примѣч.	Сѣвѣрный	Сѣверный
65	4 снизу	Гольцовской	Гоголевской
68	1 сверху	въ его прошлой жизни	къ его прошлой жизни
70	7 снизу	Вообще	Также
87	14 снизу	впослѣдстіи	впослѣдствіи
95	9 сверху	литературныя	не литературныя
105	10 снизу	другой	друзьями
112	14 сверху	предложеніе	предположеніе
151	4 снизу (1 примѣч.)	въ «Памяти Н. С. Тихонравова».	«Памяти Н. С. Тихонравова»
163	15 снизу	которые	которое
165	6 сверху	рукахъ	рѣчахъ
198	1 снизу	а 21 іюля	и 21 іюля
201	8 сверху	послѣ словъ: «въ Женеву»	пропущено: «кромѣ Бадена»
254	3 снизу	алтиллерійскихъ	артиллерійскихъ
265	4 сверху	крѣповый	креповый
272	9 сверху	своимъ	своихъ
282	2 снизу	Погодину	Погодинымъ
315	15 снизу	Васильевныхъ	Васильевнахъ
316	18 снизу	напечатанныя отрывки	ненапечатанные отрывки
327	8 сверху	Декабря 4-го 1840 г.	1838 г.
357	3 сверху	всякій разъ, что когда	всякій разъ, когда
393	18 сверху	создаетъ	создастъ
429	9 снизу	почи	почти
468	3 снизу	Хлестоковъ	Хлестаковъ
523	11 сверху	комедін	комедіи
529	5 сверху	непреличіе	неприличіе

Кромѣ того, на стран. 124 вкрался недосмотръ, что Гоголь жилъ «въ Ниццѣ и Римѣ не разъ съ Ивановымъ, Смирновыми и Віельгорскими»; слова: «въ Ниццѣ» къ Иванову не должны быть относимы.

На стр. 128 пропущено примѣчаніе къ строкѣ 17 сверху: жена графа Кушелева Безбородко, Александра Николаевна, была родная сестра В. Н. Репниной.

На стр. 398, 14 строка снизу, пропущено слово: части.

Во-второмъ томѣ нѣсколько разъ вмѣсто проф. Васильевъ *слѣдуетъ читать:* пр. Григорьевъ.

Въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголѣ» должны быть исправлены и дополнены слѣдующія данныя, провѣренныя нами по копіямъ писемъ Гоголя, найденныхъ въ бумагахъ покойнаго Н. С. Тихонравова:

Т. V, стр. 98 NN — Свѣтличный.
» » 125 В. Б-въ — Владиміръ Бурнашевъ.
» » 147 Б. — Багрѣевъ (не *Базилевскій*), но въ томъ же письмѣ З. — означаетъ дѣйствительно Зеленецкую.
» » 149 Л. — дѣйствительно Лукашевичъ.
» » 180 NN и Д. — дѣйствительно: кн. Кочубей и Диканька.
» » 182 Л.-Д. — дѣйствительно Лапо-Данилевскій.
» » 303 К. — дѣйствительно Кричевскій.
» » 363—364 — всѣ фамиліи были опредѣлены вѣрно, исключая К.— здѣсь не Каневскій, а Кузьминъ.
» » 444 Э. — Энгельгардтъ.

На стр. 1 Иванъ Алексѣевичъ — прокуроръ Горбовскій, Иванъ Дмитріевичъ — Тишевскій.

Во II томѣ слѣдуетъ дополнить пропущенныя цитаты:

На стр. 115 ко 2 примѣч. слѣдуетъ прибавить Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 561.

На стр. 377 вмѣсто 1837 г. (строка 15 сверху) слѣдуетъ читать: «1838, окончательно же переработана въ 1842 г.», а во 2 примѣч. на той же страницѣ, 2 стр. снизу — слѣдуетъ добавить цитату: Записки актера А. А. Алексѣева, стр. 49.

Стр. 384, 10 строка сверху — послѣ словъ: «Соч. и письма Гоголя» т. V, стр. 493 — слѣдуетъ прибавить: Ср. также въ письмѣ къ М. С. Щепкину (т. V, стр. 216). Затѣмъ къ строкѣ 14 должна быть выноска: «Русск. Арх.», 1871, 4—5, 0933 и Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 790.

О Гоголѣ, какъ авторѣ «Ревизора» см. «Репертуаръ и Пантеонъ», 1847, 17, 11—13, 14 и 16; 1852, 6; Московскій Вѣстникъ.

ЗАМѢТКА О СНОШЕНІЯХЪ ГОГОЛЯ СЪ ЗМАРТВЫХВСТАНЦАМИ.

Книга наша была уже отпечатана, когда мы получили возможность просмотрѣть только-что полученный Московскимъ Публичнымъ и Румянцовскимъ музеемъ экземпляръ сочиненія Смоликовскаго: „Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego". Изъ этого сочиненія видно, что Гоголь въ 1838 г. встрѣчался съ змартвыхвстанцами у кн. Зинаиды Волконской, сильно желавшей способствовать этому сближенію. Гоголь, увлекавшійся тогда „Паномъ Тадеушемъ", а также „Небожественной Комедіей" Красинскаго, выказывалъ большое сочувствіе полякамъ и, какъ казалось змартвыхвстанцу Койсевичу, — также и католицизму. Койсевичъ писалъ о Гоголѣ въ Pamiętniku: „Poznaliśmy Gogola, Małorusina, zdolnego pisarza wielkorosyjskiego, który zrazu się do katolicyzmu (?) i Polski mocno skłaniał, odbył nawet szczęsliwie podróż do Paryża, dla poznania Mickiewicza i Bohdana Zaleskiego; potem zyskany przez rząd, wszedł do Towarzystwa propagandy schizmatyckiej, założonego w Petersburgu". Койсевичъ, несомнѣнно, ошибается, полагая, будто Гоголь ѣздилъ въ Парижъ собственно для свиданія съ Мицкевичемъ и Богданомъ Залѣсскимъ; но что Парижъ могъ привлекать его *и этимъ знакомствомъ,* — болѣе, нежели вѣроятно, особенно принимая въ соображеніе разсказъ Данилевскаго объ отношеніяхъ Гоголя къ обоимъ названнымъ польскимъ поэтамъ¹). О наклонности же Гоголя къ католицизму слухи ходили *именно около этого времени,* и все-таки, по словамъ Данилевскаго и кн. Репниной, ничего серьезнаго здѣсь не было, вслѣдствіе чего кн. Волконская разочаровалась въ своемъ знакомомъ. Приписывать же причину этой перемѣны дарованному Гоголю Николаемъ Павловичемъ подарку нельзя, такъ какъ подарокъ былъ раньше знакомства Гоголя съ змартвыхвстанцами. Слова Гоголя: „że Moskwa jest rózgą, którą ojciec karze dziecko, a potem łamie", безъ сомнѣнія, болѣе, нежели сомнительны (см. Смолиroutine Смоликовскаго, т. II, стр. 89—101, 103, 114, 115, 127 и проч.).

¹) См. выше стр. 166, 214 и проч.

